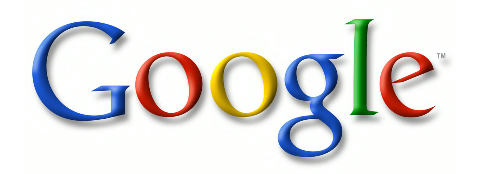

Google

Адресъ редакціи и конторы: уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

МАЙ. 1898.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

Russkoe ...

МАЙ. 1898.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

May, 1898

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Мая 1898 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

(*См. на оборотъ*).

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

шесть томовъ сочиненій

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, съ портретомъ автора.

Цѣна 2 р. за томъ.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4). О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 1) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

СВѢТЛЫЙ ЛУЧЪ.

(Повѣсть).

XXV.

Обѣ двери, которыя вели въ кабинетъ изъ передней и гостиной, были плотно притворены. Въ кабинетѣ глухо раздавались его энергичные шаги, по шагамъ этимъ было слышно, что въ груди его кипѣла буря.

Нина Александровна долго сидѣла въ креслѣ, опершись на спинку его и не перемѣняя позы. Такъ прошло, должно быть, болѣе часу, хотя она не слышала, какъ били часы.

Затѣмъ полная рѣшимости, она встала, тихо на ципочкахъ вышла изъ гостиной и прошла въ свою спальню. Тамъ стоялъ маленькій письменный столикъ, на немъ лежали изящные листы почтовой бумаги. Она присѣла, взяла перо и начала писать:

«Многоуважаемый Григорій Игнатьевичъ! Если то, что я вамъ пишу, покажется вамъ дикимъ и невѣроятнымъ, все равно. Это такъ нужно. Я когда нибудь потомъ объясню вамъ. Только повѣрьте мнѣ, что это дѣйствительно нужно, необходимо, неизбѣжно. Я прошу васъ о томъ, противъ чего всегда возмущалась, и уже въ этомъ вы можете найти подтвержденіе, что это нужно. Антонъ Михайловичъ далеко еще не такъ здоровъ, какъ мы думаемъ. Я знаю лучше, чѣмъ вы и кто бы то ни было, его характеръ и признаки здоровья. Я вамъ говорю это. Прошу васъ, пріѣзжайте къ намъ и—не удивляйтесь этому—возмите съ собой Тетюшина. Пріѣзжайте вдвоемъ или еще съ кѣмъ нибудь, кто любитъ шумныя удовольствія. Пріѣзжайте и непремѣнно уговорите его поѣхать съ вами куда нибудь, гдѣ шумно и весело, въ одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ любилъ прежде проводить съ вами время. Не удивляйтесь и не спрашивайте, почему я иду противъ себя. Не спрашивайте меня объ этомъ и тогда, когда пріѣдете къ намъ. Не спрашивайте и его ни о чемъ и не говорите ему, что это идетъ отъ меня. Вы недавно выразили мнѣ сочувствіе, и вотъ

почему я обращаюсь къ вамъ. Я теперь несчастнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, и мнѣ нужнѣе, чѣмъ тогда, сочувствіе. Я скажу только, что дѣлаю это изъ боязни и основательной боязни потерять его навсегда. Прошу васъ, исполните это и говорите съ нимъ такъ, какъ будто сами нечаянно пріѣхали. Нина Барвинская».

Она наскоро перечитала письмо, вложила въ конвертъ, надписала адресъ Сторѣцкаго и сама отнесла въ кухню, приказавъ горничной сейчасъ же отослать его съ посыльнымъ.

Потомъ опять зашла въ гостиную, чтобы убѣдиться, что шаги въ кабинетѣ опять раздаются попрежнему. Странно, что это ее успокоило! Но вѣдь это значило, что онъ пока ничего не предпринялъ.

Потомъ она перешла въ столовую. Но и здѣсь была недолго. Безпокойное состояніе духа не позволяло ей долго оставаться на одномъ мѣстѣ. Она переходила изъ комнаты въ комнату, часто возвращаясь въ переднюю, чтобы разслышать его шаги. А мысли, какъ клочья облаковъ послѣ грозы, обрывками летали въ ея головѣ.

«Пусть я сама его толкаю. Но это необходимо! пусть! То, что кажется дикимъ, даже преступнымъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, иногда бываетъ необходимо при другихъ. Безсмысленно и жестоко отрѣзать ногу здоровому человѣку, поранившему себѣ палецъ, но это—благодѣяніе и спасеніе, когда началась гангрена или зараженіе. Пусть я отъ этого буду страдать всю жизнь, пусть буду презирать себя! Пусть онъ, узнавъ объ этомъ, будетъ презирать меня, но онъ будетъ жить, и я, блѣдная тѣнь его, буду ходить за нимъ»...

А время шло. Уже день близился къ концу. На улицѣ воздухъ потускнѣлъ, начинались сумерки. Бѣгали люди съ лѣстницами и зажигали фонари.

Она опять прислушалась къ шагамъ въ кабинетѣ, они сдѣлались медленнѣе и мягче. Она осталась на мѣстѣ и слушала.

Вотъ онъ остановился, по ея разсчетамъ, у окна. Она тревожилась. Въ простѣнкѣ между двумя окнами виситъ на стѣнѣ шкапикъ, гдѣ у него спрятаны разные флакончики, но чтобы открыть его, надо взять въ ящикѣ стола ключи,—ключи будутъ звенѣть, ихъ нѣсколько вмѣстѣ.

Слухъ ея страшно напряженъ; никакого движенія, ни звука. Опять шаги,—онъ обошелъ столъ. Сердце у нея замерло отъ боли. Онъ нажалъ ручку двери въ гостиную, пріотворилъ дверь.

— Нина, ты здѣсь?

Голосъ его звучалъ просто и ясно, въ немъ слышалось какое то успокоеніе. Она пошла въ гостиную.

— Я здѣсь, Антонъ!

— Вели зажечь огни! Такъ скучно въ полумракѣ!

— Сейчасъ зажгутъ!

Она быстро вернулась въ столовую, захватила спички и пошла въ кабинетъ.

— Ты сама зажжешь?

Онъ уже стоялъ около лампы и, снявъ колпакъ и стекло, держалъ ихъ въ рукахъ. Она зажгла спичку и лампу. Онъ водрузилъ стекло и колпакъ на мѣсто, потомъ положилъ ей руку на голову и погладилъ ее, какъ ребенка.

— Прости меня, моя бѣдная малютка...

У нея что то дрогнуло внутри, слезы подступали къ горлу. Она прижалась къ нему и замерла отъ прилива надежды.

Онъ говорилъ:—Хотя ты и не права, моя малютка, но ты такъ много любишь, а это больше, чѣмъ правота... Попробуемъ еще бороться... Ну, довольно, перестанемъ заниматься психологіей и будемъ обѣдать, что-ли... Мы, кажется, еще не обѣдали сегодня. Мы съ тобой живемъ какъ то внѣ времени и пространства. Да, я убѣдился, что я не только сумасшедшій, но и порядочный психопатъ. Словечко опошленное, но оно отлично опредѣляетъ нѣкоторыя неопредѣлимыя вещи! Сумасшедшаго можно вылѣчить, психопата никогда.

— Я сейчасъ велю давать обѣдъ.

Она ушла. Въ столовой давно уже былъ накрытъ столъ. Она поспѣшно велѣла освѣтить всѣ комнаты, чтобъ въ нихъ было весело, потомъ пошла къ нему, взяла его подъ руку и повела въ столовую. Онъ, точно нарочно стараясь объ этомъ, говорилъ о кушаньяхъ, которыя подавали, хвалилъ щи, дѣлалъ замѣчанія насчетъ соуса, потомъ заговорилъ о кухаркѣ, о горничной и вообще о предметахъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ психологіи. Было около половины восьмого.

Раздался звонокъ. Нина Александровна вся вздрогнула и поблѣднѣла.

— Что съ тобой?

— Я сегодня такъ нервна. Я никого не ждала и звонокъ испугалъ меня. Это, должно быть, письмо...

— Можетъ быть.

Звонокъ повторился. Горничная бѣжала отпирать. Еще нѣсколько секундъ, и послышались голоса.

Нина Александровна нервно кусала губы и старалась прятать свои глаза, но въ то же время изрѣдка посматривала на него, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе производитъ на него приходъ гостей.

Онъ иронически усмѣхнулся и сказалъ низкимъ басомъ, очевидно въ разсчетѣ, чтобъ не было слышно въ передней:

— Это мнѣ напоминаетъ древнія сценическія представленія, когда въ антрактѣ, послѣ ужасныхъ трагедій, для успокоенія нервовъ зрителей выпускали шутовъ.

— Какъ? неужели еще обѣдаютъ?—спросилъ Тетюшинъ у горничной.—Значитъ мы попали на ликеры!

Сторѣцкій вошелъ въ столовую и чрезвычайно внимательно посмотрѣлъ на Нину Александровну, потомъ перевелъ взглядъ на Барвинскаго и сказалъ, слегка комически декламируя:

— Что ты спишь, мужичекъ, вѣдь весна на дворѣ!.. Мы по тебѣ соскучились. Въ особенности Тетюшинъ, который считаетъ вечеръ въ Крестовскомъ недосиженнымъ и тамошнее вино недопитымъ.

Вошелъ и Тетюшинъ. Барвинскій пожалъ ему руку и сказалъ:

— Ликеровъ я могу предложить тебѣ, если хочешь!

— Нѣтъ, я пошутилъ, — сказалъ Тетюшинъ.—Терпѣть не могу спиртного запаха въ добродѣтельно семейной обстановкѣ!

— Какъ это просто и прямо начинается, — подумала Нина Александровна и внутренно содрогнулась.

«Нужно ли это»,—прибавила она,—вспомнивъ, какъ его настроеніе передъ обѣдомъ перемѣнилось, и затѣмъ, какъ бы умывая руки отъ всего, что можетъ изъ этого произойти, такъ какъ остановить свое предпріятіе она не видѣла возможности, она поднялась и вышла. Легко представить себѣ ея состояніе въ эти полчаса, которые она провела у себя въ спальнѣ, когда, держа передъ собой книгу, читала слова и ничего не понимала. Она страшилась выйти въ переднюю и услышать ихъ разговоръ и даже плотнѣе притворила дверь, чтобы какое нибудь шальное слово, громко сказанное, случайно не ворвалось въ ея комнату.

Сторѣцкій, получивъ ея письмо, недоумѣвалъ только въ первую минуту, но затѣмъ, по своей манерѣ объяснять все просто, онъ и это скоро объяснилъ. На Барвинскаго напала тоска. Это понятно. Пребываніе въ больницѣ и затѣмъ почти безвыѣздное сидѣніе дома, все съ женщинами, да еще съ такими добродѣтельными, какъ Нина Александровна и Надежда Ивановна... Онъ ходитъ мрачный и, должно быть, выпаливаетъ фразы, которыя бросаютъ въ холодъ Нину Александровну, давно уже натерпѣвшуюся всякихъ страховъ. Можетъ быть, онъ даже намекаетъ, что недурно-бы прокатиться куда нибудь за городъ въ веселомъ обществѣ. Вотъ она и рѣшилась вызвать ихъ. Конечно, она и не подозрѣваетъ, чѣмъ собственно кончаются такія экскурсіи. Она разсчитываетъ только на то, что онъ разсѣется и получитъ нѣсколько новыхъ и сильныхъ впечатлѣній.

А ему самому это приходилось какъ нельзя болѣе по душѣ.

Онъ умѣлъ веселиться только въ своемъ кружкѣ, а за болѣзнью Барвинскаго этотъ кружокъ довольно долго не составлялся. Тетюшину онъ не сказалъ ни слова о письмѣ Нины Александровны, просто боясь, что тотъ не выдержитъ и проболтается Барвинскому.

— Значитъ, у тебя недобродѣтельныя намѣренія? — спросилъ Барвинскій, откликаясь на слова Тетюшина.

— Я такихъ и вовсе не признаю, мой другъ! Видишь ли, мы на семейномъ совѣтѣ съ Григоріемъ Игнатьевичемъ рѣшили, что тебѣ вредно такъ долго мариноваться въ семейномъ уксусѣ съ легкой примѣсью прованскаго масла добродѣтели...

— Онъ иногда бываетъ краснорѣчивъ! — замѣтилъ Барвинскій.

— И замыслили, — продолжалъ Тетюшинъ,—ну, однимъ словомъ—помнишь ты то дивное винцо, которое почтенный метръ-дотель Крестовскаго сада держитъ только для избранныхъ господъ? Такъ вотъ третьяго дня я удостовѣрился, что оно, полежавши въ погребѣ, стало еще выдержаннѣй и бойчѣе.

— Въ самомъ дѣлѣ, отчего не прокатиться?—вставилъ со своей стороны Сторѣцкій.

— Нѣтъ, господа, я не поѣду... Вѣдь вы знаете, что это мнѣ вредно...—возразилъ Барвинскій.

— Ну, мы скромно, совсѣмъ скромно! Никакихъ эксцесовъ.

— Это ты-то?—спросилъ Барвинскій, взглянувъ на Тетюшина.

— Во всякомъ случаѣ я позабочусь о томъ, чтобъ это не приняло вредныхъ размѣровъ!—сказалъ Сторѣцкій.

Барвинскій всталъ и началъ ходить по комнатѣ вдоль стола. Уже изъ этого было видно, что предложеніе далеко не оставило его равнодушнымъ.

— Я не боюсь эксцесовъ, а просто это противно!—говорилъ онъ, а въ глазахъ его уже появился тотъ блескъ, который всегда появлялся, когда его тянуло къ такого рода излишествамъ.

— Голубчикъ, но все можетъ сдѣлаться противнымъ, ежели не въ мѣру...

— Дадимъ себѣ слово къ двѣнадцати часамъ быть дома!—сказалъ Сторѣцкій.

Вдругъ Барвинскій остановился передъ ними, и по лицу его видно было, что онъ вспылилъ.

— Я не понимаю, что вамъ за охота сманивать меня... Вы точно задались цѣлью испытывать мой характеръ и вамъ доставляетъ наслажденіе заставить меня съ презрѣніемъ топтать себя ногами... Вы какіе то провокаторы...

— Антонъ Михайловичъ! да полно, что ты говоришь?— остановилъ его Сторѣцкій.—Ну, не поѣдемъ. Если не хочется, то и не нужно. Но зачѣмъ придавать этому такую недружескую окраску? Мы сядемъ и будемъ болтать.

— Болтать буду охотно!—сказалъ Барвинскій и сѣлъ, но въ глазахъ его стоялъ и разгарался прежній блескъ.

И они заговорили о назначеніи Черницына, который былъ и у него съ визитомъ, и о самомъ Черницынѣ. Разговорились, начали шутить, острить. Антонъ Михайловичъ прошелся на счетъ мѣстныхъ дамъ, которыя всѣ нарочно сойдутъ съ ума, чтобы лѣчиться у красиваго психіатра.

А Тетюшинъ пріунылъ и какъ то упалъ духомъ. Онъ настроился на веселую попойку въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ и даже принялъ домашнія мѣры, сказавъ женѣ, что Сторѣцкій везетъ его въ Кронштадтъ на консиліумъ. Онъ никогда не останавливался передъ объясненіями, и консиліумы играли въ его семейныхъ отношеніяхъ большую роль. И вдругъ все это не состоялось. Онъ злился на Сторѣцкаго за то, что тотъ обманулъ его надежды, а на Барвинскаго за то, что тотъ разбилъ ихъ.

А Антонъ Михайловичъ съ какой то предвзятой преувеличенной ядовитостью осмѣивалъ недостатки Черницына, посвящая ему столько ума, сколько этотъ въ сущности ничтожный человѣкъ не стоилъ; да и онъ самъ въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ не отдалъ бы ему и десятой доли этого вниманія.

Проницательный Сторѣцкій видѣлъ это и, зная Барвинскаго, думалъ:

«А вѣдь онъ поѣдетъ сегодня! Голову отдаю въ закладъ, что поѣдетъ! Или выкинетъ что нибудь непостижимое! Не такіе у него глаза, чтобы этотъ блескъ ихъ прошелъ даромъ! Слишкомъ рано взяли мы его отъ Ризкина! поторопились объявить здоровымъ».

И, точно въ отвѣтъ на эти мысли, вдругъ Барвинскій оборвалъ свою рѣчь о Черницынѣ и обратился къ Тетюшину тономъ насмѣшки, какъ бы относившейся къ собесѣднику:

— Боже, какой у него подавленный видъ! Я думаю, онъ сегодня съ удовольствіемъ сломалъ бы мнѣ ногу за разбитыя надежды!

— Не одну, а двѣ готовъ сломать!—съ кислой улыбкой отвѣтилъ Тетюшинъ.

— Такъ чтожъ я пожалуй готовъ поѣхать! Терпѣть не могу разбивать надежды!

— Голубчикъ!—воскликнулъ Тетюшинъ и уже ринулся цѣловать его, но Барвинскій остановилъ его жестомъ руки.

— Ну, не нѣжничай по поводу дурного дѣла!—И при этомъ ротъ его злобно искривился. Ему стоило большихъ усилій не

разразиться злобной бурей. Онъ негодовалъ и на Тетюшина, и на себя. Но его тянуло поѣхать съ ними. Онъ припоминалъ слова, сказанныя Ниной Александровной, и теперь готовъ былъ ухватиться обѣими руками за ея софизмы. Онъ самъ не смогъ бы опредѣлить свое душевное состояніе, но только чувствовалъ, что въ немъ клокочетъ какой то бѣшенный порывъ, и было у него предчувствіе, что изъ этого должно получиться что то дѣйствительно страшное.

Сторѣцкій и Тетюшинъ поднялись, Сторѣцкій чувствовалъ нерѣшительность. Видъ Барвинскаго не готовилъ ничего хорошаго; онъ боялся, какъ-бы поѣздка не напомнила ту, передъ его болѣзнью, какъ бы эта неровность и порывистость не были предвѣстниками слишкомъ быстраго наступленія рецидива.

— Ну, такъ ѣдемъ!—съ волненіемъ сказалъ Барвинскій.— Тогда ужъ поскорѣе! Нина!—кричалъ онъ, выйдя въ переднюю, Нина!

Нина Александровна услышала и выскочила въ переднюю.

— Мы проѣдемся!

Она хотѣла что то спросить, но у нея слова замерли въ горлѣ; руки ея дрожали и она боялась поднять ихъ.

— На долго? — наконецъ, дрожащимъ голосомъ произнесла она.

— Дали другъ другу обѣтъ быть дома въ двѣнадцать часовъ!—сказалъ Тетюшинъ.

— Я не давалъ такого обѣта!—сказалъ Барвинскій и почти сурово посмотрѣлъ на него.

При этомъ онъ уже подошелъ къ вѣшалкѣ, снялъ шубу и началъ надѣвать ее. Сторѣцкій уже одѣлся, а Тетюшинъ надѣвалъ калоши.

— Эка, какъ долго надѣвается шуба... Мнѣ хочется поскорѣе выбраться на воздухъ!—съ видимо-сильнымъ волненіемъ говорилъ Барвинскій.

Въ это время раздался звонокъ. Сторѣцкій, который стоялъ безъ дѣла, пошелъ къ двери и отперъ ее.

— А, вотъ кто! милый компаніонъ!—воскликнулъ онъ.

Вошла Надежда Ивановна. Она оглядѣла всю картину, дольше, чѣмъ на другихъ, остановила взглядъ на Нинѣ Александровнѣ, стоявшей въ дверяхъ съ блѣднымъ лицомъ и неподвижными глазами, потомъ перевела взоръ на Барвинскаго и увидѣла, что онъ одѣвается, тогда какъ другіе одѣты и ждутъ его; она сразу поняла, куда онъ ѣдетъ, но всетаки спросила:

— Куда это вы, господа?

— Кутить ѣдемъ!—отвѣтилъ Барвинскій съ едва замѣтной кривой усмѣшкой.—Не хотите ли съ нами?

— Нѣтъ...—промолвила она, глядя на него въ упоръ.—Вы не поѣдете, Антонъ Михайловичъ!

— Почему же?—спросилъ онъ, поднявъ брови.

— Вы не поѣдете, вы не должны ѣхать! Вы не имѣете права ѣхать!

Рука его, которая должна была влѣзть въ рукавъ шубы, вдругъ остановилась. Онъ какъ то весь успокоился, и даже блескъ въ его глазахъ потускнѣлъ.

— Это правда! Я не имѣю права ѣхать!—сказалъ онъ, и шуба упала съ его плечъ.

— Ты серьезно?—спросилъ ничего во всемъ этомъ не понимавшій Тетюшинъ.

— Я не поѣду!—повторилъ Барвинскій и, не глядя на нихъ и не поднявъ шубы, направился въ кабинетъ. Тетюшинъ развелъ руками.

— Такъ поѣдемте вдвоемъ, Григорій Игнатьевичъ!—сказалъ онъ.

— Поѣдемъ, только домой...

Сторѣцкій пожалъ руки Нинѣ Александровнѣ и Мальвинской. Тетюшинъ холодно сдѣлалъ тоже, и они вышли.

Нина Александровна перешла въ столовую, Надежда Ивановна пришла къ ней.

— Что это значитъ?—спросила она.

— Я не знаю... Я не знаю...—промолвила Нина Александровна и отвернулась. Все ея тѣло конвульсивно вздрагивало.

— Можетъ быть, я не должна была этого говорить?

— Какъ велика ваша власть надъ нимъ!—задыхающимся голосомъ промолвила Нина Александровна.

Надежда Ивановна широко раскрыла глаза—въ ея тонѣ она услышала что-то новое.

«Неужели онъ ей сказалъ? Это невозможно! это немыслимо»! подумала она.

— Я вижу, что я что-то испортила. Но я ничего не знала... Я уйду, Нина Александровна!

Нина Александровна промолчала. Надежда Ивановна вышла изъ столовой, съ минуту въ нерѣшительности постояла въ передней. Изъ кабинета не слышно было ни одного звука. Нина Александровна тоже не двигалась съ мѣста.

Тогда она вышла на лѣстницу и ушла внизъ. Никогда еще изъ этого дома она не выходила съ такой тяжестью на душѣ. Для нея уже ясно чувствовалось что-то глубоко трагическое и неумолимое. Но поведеніе Нины Александровны было для нея самой тяжкимъ укоромъ: не могла она безъ важныхъ причинъ отвернуться и такъ говорить съ нею. Это молчаніе, это нежеланіе отвѣчать, остановить ее, когда она уходила, говорили ей многое. Но что значитъ эта сцена, когда онъ, одѣтый, уже готовъ былъ ѣхать съ Сторѣцкимъ и Тетюшинымъ? Вѣдь никакихъ сомнѣній не оставалось въ характерѣ этой поѣздки,

жена стояла тутъ и не протестовала, а ея простыя слова произвели въ немъ такую рѣшительную перемѣну. Развѣ онъ забылъ о своемъ обѣщаніи больше никогда не оскорблять жену? Развѣ она не должна была ему напомнить это?

Съ глубокимъ недоумѣніемъ въ душѣ она шла домой; ноги ея ступали неохотно и что-то останавливало ее и тянуло обратно, какое то неясное предчувствіе чего то грознаго. Она дошла уже до своего дома и вдругъ остановилась.

Словно невидимая сильная рука схватила ее за плечи и повернула обратно. Какое то глубокое внутреннее сознаніе подгоняло ее, и она, повернувъ обратно, зашагала опять по направленію къ Кирочной. Ей все казалось, что она непремѣнно должна быть тамъ, должна поспѣшить къ чему-то, и ею даже овладѣла боязнь опоздать, и сердце страшно билось.

XXVI.

Нина Александровна осталась въ столовой, и на нее послѣ цѣлаго ряда испытаній и перемѣнъ нашло какое то безразличіе. Она какъ будто пришла къ сознанію, что ея слабыя силы не въ состояніи устранить ту роковую неизбѣжность, которая должна совершиться и непремѣнно совершится.

Въ головѣ ея роилась мысль, что надо зайти къ нему въ кабинетъ, что теперь нельзя оставлять его одного, но ноги не двигались и какъ бы въ отвѣтъ на эту мысль все въ ней говорило:

«Все равно, все равно, это совершится».

Она не могла опредѣлить, сколько времени простояла она въ столовой, но она была способна простоять такъ всю ночь. Въ ней ослабѣла, погасла воля для борьбы. Всякія дѣйствія казались ей безполезными и ненужными. Вдругъ она вздрогнула и повернула голову къ двери. Ей послышалось:

— Нина! Иди сюда!

Это былъ его голосъ, и въ немъ слышалось что то непонятное, какой то новый оттѣнокъ, какого она въ немъ никогда еще въ жизни не замѣчала. Она не знала, какой поворотъ въ настроеніи могъ означать этотъ оттѣнокъ.

Она пошла туда. Онъ выглянулъ изъ кабинета, чтобы позвать ее и опять ушелъ туда; она вошла и смутными глазами осмотрѣла всю комнату и его самого.

Онъ былъ безъ пиджака, въ рубахѣ, рукавъ которой на лѣвой рукѣ былъ подогнутъ выше локтя. Она старалась понять, но точно огромная масса мыслей столпилась у ея головы и каждая мѣшала другой войти туда. Какой то туманъ стоялъ не передъ глазами ея, а передъ сознаніемъ и застилалъ передъ нею такую ясную правду.

Онъ стоялъ неподалеку отъ нея и вытягивалъ руки кверху, какъ бы потягиваясь послѣ сна, а затѣмъ промолвилъ недостаточно ясно, какъ будто что то сдавливало ему горло:—Нина, прощай!

Тогда только исчезъ туманъ, застилавшій передъ нею истину, и мысль о томъ, что совершилось, разомъ ворвалась въ ея голову. Она вскрикнула и побѣжала къ столу; тутъ было все, что могло сдѣлать истину неопровержимой. Раскрытая склянка съ бѣлыми кристаллами, стаканъ съ водой, блюдце, на днѣ котораго оставался растворъ, шприцъ съ легкимъ кровянымъ налетомъ на кончикѣ иглы,—она пошатнулась, но, цѣпко ухватившись за уголъ стола, устояла.

— Антонъ! Ты... Ты сдѣлалъ... Постой!..

Она ринулась къ двери съ какой то неясной мыслью позвать кого нибудь, можетъ быть, доктора.

— Нѣтъ, Нина, не надо, не надо, голубка, не поможетъ!.. Я всыпалъ за четверыхъ!—сказалъ онъ съ усиліемъ, какъ будто что то мѣшало ему говорить:—иди... попрощаемся...

Она остановилась, и на лицѣ ея напечатлѣлось глубокое безъисходное отчаяніе. Она подошла къ нему въ тотъ моментъ, когда онъ, почуявъ потерю силъ, опускался на диванъ. Руки его были влажны. Онъ не промолвилъ ни слова.

Онъ только приложилъ свой горячій лобъ къ ея рукѣ.

— Прощай, прощай!—еще довольно громко, но невнятно говорилъ онъ, судорожно сжимая ея руку...—Прощай!

— Я тоже умру!—промолвила Нина Александровна.

— Умри, голубка... Если не можешь...

— Зачѣмъ ты?..

— Не могу!..

Онъ говорилъ теперь сдавленнымъ голосомъ, почти шопотомъ, который тоже давался ему съ усиліемъ.

— Сдѣлай все хорошее... Все доброе, чего не дѣлали мы всю жизнь. Вотъ я теперь человѣкъ. Видишь, тѣло уже поражено, а духъ еще живъ... Голова свѣжа... Духъ дольше живетъ, чѣмъ тѣло... Хоть двѣ минуты бываешь человѣкомъ... Прости!

Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и склонился къ ней. Она молча, блуждающей рукой гладила его волосы и руки, и лицо, слезы лились изъ ея глазъ. Она чувствовала, что его уже нѣтъ съ нею. Онъ уже не говорилъ, не дышалъ, но она все еще держала его холодѣющую руку, а другой рукой нѣжно гладила его голову. Его смерть не погасила ея горячую любовь, только пламя ея не могло уже зажечь жизни въ его холодномъ тѣлѣ.

Послышался легкій шумъ въ передней, кто то вошелъ. То вернулась Надежда Ивановна. Тишина въ домѣ поразила ее.

Она бросила на полъ шубу. Предчувствіе въ груди ея было такъ опредѣленно и ясно, что она шла почти навѣрняка.

Полуотворенная дверь указала ей путь въ кабинетъ. Она вошла, взглянула на нихъ обоихъ, и какое то сверхъестественное чувство подсказало ей всю правду.

Привычка врача подтолкнула ее дальше, она подбѣжала къ нему, взяла его руку, приложила ухо къ груди. Сердце уже не билось.

— Онъ умеръ!—прошептала она и теперь только взглянула на Нину Александровну.

Рука ея покрывала его волосы. Какое то безконечное спокойствіе свѣтилось въ ея глазахъ. Ни отчаянія, ни горя, ни скорби не было у нея на лицѣ.

Успокоеніе, безоблачность, ясный миръ души смѣнили ихъ.

Надежда Ивановна приложила его холодную руку къ своимъ губамъ и поцѣловала эту руку. И вдругъ послѣ мучительной тревоги, тяжелаго предчувствія чего то грознаго и страшнаго, тоже стало легче.

Нина Александровна осторожно сняла руку съ его головы и, поддерживая его за плечо, закрыла ему глаза, которые смотрѣли такъ спокойно и неподвижно. Потомъ онѣ вдвоемъ положили его голову на подушку, подняли ноги на диванъ и долго, долго стояли у изголовья, глядя на него, и не проронивъ ни одного слова.

Непонятные узы соединяли ихъ до этого. А теперь связала ихъ еще эта смерть, при которой имъ обѣимъ пришлось присутствовать.

Первая заговорила Нина Александровна. И видъ ея, и голосъ, и выраженіе лица были такіе, какъ у человѣка, который, наконецъ, послѣ долгой упорной борьбы кончилъ всѣ свои дѣла и можетъ отдохнуть. Голосъ былъ нѣсколько усталый, но ни малѣйшей растерянности, ни подавленности, ни отчаянія.

Она сказала, отойдя отъ дивана:—Теперь что то надо сдѣлать... Я не знаю.

И въ тонѣ ея голоса не слышалось никакого интереса къ тому, что еще надо было сдѣлать. Все, что ее интересовало, все, что привязывало ее къ жизни, кончилось. Остальное только пустыя формальности и, конечно, ихъ сдѣлаетъ кто нибудь другой.

Надежда Ивановна поняла это и сказала:—Я все соображу... И тутъ же она рѣшила освободить эту бѣдную женщину отъ всякихъ хлопотъ.

Нина Александровна пошла въ гостиную, подошла къ камину, взглянула на часы, потомъ вернулась въ кабинетъ.

— Такъ вы все сдѣлаете? все?—спросила она.

— Да, да, вы не безпокойтесь.

— Хорошо... Теперь десять съ половиной... Я успѣю...

— Куда?

— Я сяду на поѣздъ и поѣду...

— Вы?

— Васъ удивляетъ... Что мнѣ здѣсь дѣлать?..

— Хоронить его...

— *Его* я уже схоронила... Если вы не можете, я останусь.

— Нѣтъ, я все сдѣлаю... Поѣзжайте.

— Я поѣду сейчасъ... Слушайте, тамъ въ спальнѣ, въ шкафикѣ, есть деньги на все, что нужно. Вотъ ключъ.

Она уже стояла въ дверяхъ.—А я сейчасъ поѣду.

Она вышла. Надежда Ивановна за ней. Она не подумала больше ни о чемъ, относящемся къ дому, къ похоронамъ, къ его смерти, прямо подошла къ вѣшалкѣ и стала надѣвать шубу. Все это дѣлалось такъ просто, какъ будто она уходила на полчаса прогуляться, или по дѣлу.

Надежда Ивановна притворила дверь въ кабинетъ и смотрѣла на нее. Онѣ обѣ молчали. Нина Александровна была одѣта. Казалось бы, она должна была еще вспомнить о немъ и въ послѣдній разъ подойти къ нему и проститься. Но она этого не сдѣлала, какъ будто тамъ, въ кабинетѣ, не лежало его холодное тѣло. Она молча кивнула Надеждѣ Ивановнѣ и пошла къ выходной двери.

— Вы... Вы пріѣдете?—спросила Надежда Ивановна, сбитая съ толку ея страннымъ образомъ дѣйствій.

— Да, потомъ... Тутъ еще есть дѣла, надо все устроить...

Она вышла, и дверь за нею захлопнулась. Надежда Ивановна постояла такъ нѣсколько минутъ въ какомъ то забытьи отъ всего происшедшаго на ея глазахъ. Обдумывать и обсуждать событія было некогда, надо было дѣйствовать.

Она прошла въ спальню, написала короткую записку Сторѣцкому, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ приглашая его пріѣхать сію минуту, бросивъ всякія дѣла, хотя бы самыя важныя, и велѣла взять прислугѣ экипажъ и ѣхать къ нему, какъ можно быстрѣе.

Затѣмъ она осталась въ спальнѣ. Сердце у нея колотилось страшно, и она сидѣла неподвижно, вздрагивая при малѣйшемъ шорохѣ въ квартирѣ и не замѣчая, какъ прошло время, и она не могла бы сказать, много ли его прошло. Она только съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ стуку двери на лѣстницѣ и все ждала, чтобъ пріѣхалъ Сторѣцкій.

Наконецъ, звонокъ заставилъ ее вскочить. Она выбѣжала въ переднюю, а прислугѣ, вышедшей изъ кухни, сказала, что сама отопретъ.

Щелкнула задвижка. Сторѣцкій стоялъ передъ нею.—Ну, что еще?—спрашивалъ онъ.

Вмѣстѣ съ нимъ вошла и горничная, ѣздившая за нимъ.

— Ему худо?—спросилъ онъ.

— Очень худо!—отвѣтила Надежда Ивановна и, чтобы какъ нибудь услать горничную,—сказала ей:—Подите разогрѣйте самоваръ!

Горничная ушла. Сторѣцкій снялъ пальто.—Гдѣ онъ?

— Идите сюда!—Она повела его въ столовую.—Онъ умеръ! промолвила она.

Сторѣцкій, пораженный неожиданнымъ сообщеніемъ, подался отъ нея назадъ.—Что?

— Онъ умеръ!—повторила Надежда Ивановна.

— Почему? Съ чего?

— Онъ отравился...

— Чѣмъ?

— Я не знаю. Я боюсь войти туда.

— А она гдѣ?

— Ахъ, потомъ все разскажу! Войдемте. Я тогда, когда вы уѣхали, ушла, но меня что то тянуло. Я вернулась уже отъ самаго своего дома. Пришла и застала его уже мертвымъ. Пойдемте же.

Они вошли въ кабинетъ. Сторѣцкій взглянулъ на мгновеніе на лежавшаго на диванѣ Барвинскаго и покачалъ головой. Потомъ осмотрѣлъ стоявшую на столѣ баночку съ кристаллами и шприцъ, понюхалъ оставшійся растворъ въ блюдцѣ и сказалъ:

— Повидимому, онъ вкатилъ себѣ львиную порцію! Можетъ быть, по ошибкѣ?

— Нѣтъ, онъ давно говорилъ о смерти.

— Какая глупая исторія! Послушайте, это надо сдѣлать какъ нибудь иначе... Надо избѣжать этой несносной возни...

— Какой возни?

— Точно вы не знаете! Вѣдь протоколъ, вскрытіе...

— Неужели?

— Ну, какъ же! Ахъ, да, позвольте. Спрячьте это!

Она спрятала въ шкапикъ баночку, блюдце и шприцъ.

— А это... это вамъ...

— Что?

— Письмо, должно быть...

Она порывистымъ движеніемъ схватила конвертъ, на которомъ было написано ея имя, и спрятала его въ карманъ.

— Да гдѣ же она?—спрашивалъ Сторѣцкій, имѣя въ виду Нину Александровну,—безъ чувствъ, должно быть?

— Нѣтъ, она уѣхала.

— Куда?

— Просто уѣхала. Она странно сказала:—его я уже похоронила.

— Однако, напрасно вы ее пустили. Я думаю, не въ безпорядкѣ ли у нея голова!

— О, нѣтъ!

— Странная увѣренность, когда она уѣзжаетъ, оставивъ умершаго мужа.

— Нѣтъ, не странная. Я ее понимаю вполнѣ.

— Такъ вѣрно и у васъ въ головѣ тоже не особенно важный порядокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ее понимаю. Еслибъ вы знали, какъ она изстрадалась. Она любила его совсѣмъ особенной любовью. Она любила его душу. И въ этотъ моментъ, когда души не стало, въ самомъ дѣлѣ для нея было все кончено. Присутствовать при томъ, какъ въ теченіе нѣсколькихъ дней всѣ стараются подтвердить и доказать то, что для нея больнѣе всего, что души его уже нѣтъ съ нею, что она потеряла его навсегда, это страшное истязаніе и совсѣмъ ненужное. Хоронить должны посторонніе люди, а не тѣ, кому покойникъ дорогъ...

— Пойдемте сюда!—сказалъ Сторѣцкій, которому вдругъ показалось неловкимъ вести разговоры тамъ, гдѣ лежитъ покойникъ. Они перешли въ гостиную.

— Ну, бросимте эту странную философію; я до философіи не охотникъ, особенно при такихъ обстоятельствахъ! Вотъ что! Я все думаю о томъ, какъ бы намъ избавиться отъ излишней канители. Вы хорошо сдѣлали, сказавъ при прислугѣ, что ему худо. Теперь, давайте, я напишу рецептъ, какой нибудь, все равно, что нибудь имѣющее отношеніе къ сердцу. Да, это будетъ хорошо. Принесите мнѣ чернилъ.

Надежда Ивановна быстро сходила въ спальню и принесла оттуда чернильницу и бумагу. Сторѣцкій написалъ рецептъ, обозначивъ на немъ, чтобы отпустили немедленно.

— Пойдите въ кухню и пошлите въ аптеку, да кстати вскользь подтвердите, что ему худо, намекните на сердце. Экое глупое ощущеніе! Вѣдь умеръ онъ, дѣйствительно умеръ, не мы же его убили! мы только хотимъ избавиться отъ лишнихъ и обидныхъ хлопотъ, а чувствуешь себя такъ, будто тайкомъ убиваешь человѣка! Идите.

Надежда Ивановна сдѣлала все такъ, какъ онъ сказалъ. Прислуга уже и такъ была настроена тревожно и говорила, что барину худо. Теперь къ ея свѣдѣніямъ прибавилось новое, что у него сердце болитъ.

Сторѣцкій ходилъ по гостиной и обсуждалъ образъ дѣйствій, какъ настоящій заговорщикъ. Другую прислугу послали вслѣдъ за первой въ аптеку за льдомъ, потомъ полетѣлъ туда

новый рецептъ; мало по малу были исчерпаны всѣ средства, предупреждающія параличъ сердца.

Онъ часто заходилъ въ кабинетъ въ то время, когда Надежда Ивановна оставалась въ гостиной; звонилъ прислугу, требовалъ воду, ледъ, и все это Надежда Ивановна отбирала у прислуги въ гостиной. Она повиновалась Сторѣцкому безпрекословно.

Наконецъ, около двухъ часовъ ночи, прислугѣ объявили, что баринъ умеръ. Кухарка, которая была нисколько не привязана ни къ дому, ни къ Антону Михайловичу, тѣмъ не менѣе начала плакать. Такъ подѣйствовало на нее слово «смерть».

— А барыня... Барыня уѣхали...

— Да, это случилось внезапно...—сказала Надежда Ивановна:—никакъ нельзя было предвидѣть. Ей надо послать телеграмму въ Москву.

Надежда Ивановна составила телеграмму, выдумала адресъ и послала прислугу на Николаевскій вокзалъ. Все было устроено такъ, что у окружающихъ получалось впечатлѣніе постепенной естественной смерти.

Въ два часа Сторѣцкій отправилъ въ типографію газеты, гдѣ у него былъ знакомый управляющій, объявленіе о томъ, что «Врачъ Антонъ Михайловичъ Барвинскій скончался отъ паралича сердца», и назначилъ на утро панихиду, а на завтра похороны.

На другой день вся больница была поражена никѣмъ нежданнымъ извѣстіемъ о смерти Барвинскаго. Сторѣцкій на минуту заѣхалъ туда, и Семенъ Ивановичъ посмотрѣлъ на него подозрительно. Но онъ повелъ его въ отдѣльную комнату.

— Что за параличъ такой? Откуда? — спросилъ Семенъ Ивановичъ.

Сторѣцкій разсказалъ ему, какъ было дѣло.

Въ этотъ и на слѣдующій день въ больницѣ обходъ совершалъ Семенъ Ивановичъ одинъ, и то очень торопливо. Оставивъ дежурнаго врача, всѣ остальные присутствовали на панихидѣ и потомъ на выносѣ тѣла, съ которымъ, повидимому, торопились.

Многіе обратили вниманіе на то, что не видно Нины Александровны.—Она страшно потрясена!—отвѣчали на это Сторѣцкій и Надежда Ивановна,—она совсѣмъ лишена силъ.

Часа въ четыре Надежда Ивановна вернулась изъ Александро-Невской лавры, гдѣ похоронили Барвинскаго. Она утромъ забѣгала къ себѣ домой, чтобы узнать, все ли въ порядкѣ. Она поручила Гришу Генріетѣ, и та, кажется, справлялась съ мальчикомъ лучше, чѣмъ она сама.

Теперь она тоже проѣхала прямо домой и, узнавъ, что ничего важнаго не случилось, что Гриша отобѣдалъ, поѣхала

на Кирочную, куда назначила придти со счетами всѣмъ, кто участвовалъ въ похоронахъ. Ключъ отъ шкапа въ комнатѣ Нины Александровны былъ у нея въ карманѣ. Она нашла тамъ денегъ гораздо больше, чѣмъ было надо, и расплатилась.

Затѣмъ ей оставалось еще войти въ положеніе прислуги. Она разрѣшила имъ жить въ квартирѣ до пріѣзда Нины Александровны.

— По всей вѣроятности, телеграмма не нашла ее!—объяснила она.

Этимъ были кончены всѣ хлопоты. Сторѣцкій въ тотъ день вечеромъ заѣзжалъ къ ней и повторилъ ей, что въ Петербургѣ только три человѣка знаютъ истинную причину смерти Антона Михайловича—они и Семенъ Ивановичъ, которому онъ считалъ своимъ долгомъ сказать.

— А четвертая Нина Александровна! — сказала Надежда Ивановна.

— Ну, я думаю, что она по дорогѣ застряла гдѣ нибудь въ заведеніи для душевно больныхъ.

— Нѣтъ, она теперь совсѣмъ здорова. Неужели вы этого не понимаете?

— Да, я понимаю только то, что если она, проживъ въ этомъ сумбурѣ нѣсколько лѣтъ, всетаки осталась съ непомраченнымъ сознаніемъ, то у нея, должно быть, очень крѣпкая голова.

— Вы даже и теперь не измѣняете вашему шутливому тону!

— Никогда не измѣню ему. Я и умру шутя. Въ жизни ничего нѣтъ серьезнаго, мой другъ. А кстати, скажите по совѣсти, съ нашимъ дорогимъ покойникомъ у васъ всетаки небольшой романъ вышелъ, а? Такъ, знаете, начинающійся, въ туманѣ, а?..

— Я вамъ на этотъ вопросъ не отвѣчу, Григорій Игнатьевичъ!

— А, значитъ, было что то серьезное!

— И на это ничего не скажу.

— Не скажете? Ну, какъ хотите! До свиданья! А этотъ волченокъ и есть тотъ знаменитый мальчикъ, котораго вы отстояли отъ нирваны?—прибавилъ онъ, взглянувъ на Гришу, который все время довольно злобно смотрѣлъ на него исподлобья. Онъ вообще на всѣхъ новыхъ людей смотрѣлъ такимъ образомъ.—Смотрите, какъ бы онъ васъ не скушалъ! у него такіе глаза! До свиданья!

XXVII.

Только, когда кончились всѣ надоѣдливые пустяки и Надежда Ивановна осталась одна сама съ собой и стала неторопливо подводить итоги всему происшедшему, она начала чувствовать значеніе событія и ее даже удивило то обстоятельство, что она могла столько времени посвящать мелочамъ похоронъ, чуждымъ ей заботамъ, вести дѣла съ людьми, давать имъ сочиненныя объясненія и проч., и проч.; что у нея на все это хватало терпѣнія и заботливости. Она вела себя такъ, какъ будто ее наняли завѣдывать совершенно постороннимъ дѣломъ. Казалось, лучшаго приказчика или распорядителя Нина Александровна не могла найти.

Теперь, когда это отошло далеко отъ нея, она вдругъ почувствовала, что стоитъ надъ пропастью, которую ей никакими усиліями не пересилить. Только теперь она поняла, какая страшная потеря для нея смерть Барвинскаго.

И странное дѣло! при мысли объ этой потерѣ она ощущала не то, что обыкновенно ощущаютъ, когда теряютъ дорогое близкое существо. Онъ и не былъ ей ни дорогимъ, ни близкимъ.

Не отчаяніе, не горе, не скорбь испытывала она, а пустоту, какую то недостаточность основаній для жизни.

Прошло уже нѣсколько дней съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала Строева, а у нея еще не было никакой надежды на то, что Гриша когда-нибудь освоится съ ней. Но этого мало, что мальчикъ смотрѣлъ на нее, какъ на врага. Въ день похоронъ Барвинскаго, когда она почти цѣлый день не была дома, произошло обстоятельство, которое ее страшно огорчило. Генріета разсказала ей о томъ, какъ она, зазѣвавшись въ кухнѣ, услышала шумъ отпираемой двери и, выйдя, нашла около двери Гришу, кажется, очень смутившагося и незнавшаго куда ему дѣваться. Это ей показалось подозрительнымъ. Она осмотрѣла мальчика и замѣтила, что онъ что то зажалъ въ рукѣ. Она велѣла ему показать; онъ сдѣлалъ это не сразу, но потомъ оказалось, что это были старые, уже неидущіе часы Надежды Ивановны съ одной золоченой крышкой. Генріета допрашивала его, но онъ молчалъ и смотрѣлъ туго.

Было очевидно, что тутъ было воровство. Нельзя было понять, какія у мальчика таились намѣренія и что онъ хотѣлъ пріобрѣсти за эту вещь: у него было все.

Надежда Ивановна ничего не сказала ему, ея настроеніе не подходило къ такого рода объясненіямъ, но она сдѣлала грустное открытіе. Впрочемъ, такъ и должно было случиться.

Вѣдь росъ онъ при самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Пьяная мать, пьяный любовникъ, нищета... Можетъ быть, мальчика развращали умышленно и систематически, можетъ быть, его заставляли и посылали воровать и мало ли еще что... При той обстановкѣ, при которой онъ росъ, стыдливость не играетъ большой роли. Грубые люди, задавленные бѣдностью, по всей вѣроятности совершали всѣ свои безобразія при дѣтяхъ, и неизвѣстно, чего она еще должна была ждать.

Эти мысли приводили ее въ содроганіе. Не слишкомъ ли большую задачу взяла она на себя и сможетъ ли привести ее въ исполненіе?

Только вечеромъ, когда уже Гриша легъ спать и въ кухнѣ все стихло, она вспомнила, что въ карманѣ у нея лежитъ письмо, взятое на столѣ у Барвинскаго. Она поспѣшно вынула его и стала читать. Онъ писалъ крупнымъ торопливымъ почеркомъ, не дописывая и сливая слова:

«Хорошо, что вы пришли и напомнили мнѣ о моемъ человѣческомъ достоинствѣ. Вы выбрали настоящій моментъ. Приди вы позже на пять минутъ, я уже покатился бы подъ гору, а тамъ, должно быть, подоспѣло бы окончательное здоровье, и все пошло бы по старому, по гнусному... Вы пришли и сказали: «Memento mori»... Вы говорили другія слова, но для меня звучали эти и я вспомнилъ о ней, о старой пріятельницѣ, которая давнымъ давно зоветъ меня въ свои мрачные чертоги. Тороплюсь, страшно тороплюсь. Оставляю вамъ двѣ вещи: мою жену, Нину, и мой матеріалъ. Жена доставитъ вамъ немного хлопотъ. Поддержите ее только, пока кончится эта канитель съ моимъ бреннымъ тѣломъ, а потомъ она пойдетъ по моимъ слѣдамъ. Я знаю это также хорошо, какъ то, что я сейчасъ умру. Предположить, что она останется жить, это все равно, что утверждать, что я могъ бы отрѣзать руку и умереть, а рука моя продолжала бы жить. Шприцъ уже напоенъ доброкачественнымъ растворомъ, который шутить не любитъ и не измѣнитъ мнѣ. Да, про второе: мой матеріалъ. Какъ это ни странно, а онъ мнѣ дорогъ, не смотря на то, что передо мной лежитъ шприцъ господина Праватца. Всетаки я думалъ о немъ шесть лѣтъ и, кромѣ того, въ немъ записано лучшее, что я пережилъ. Ну, довольно, я добросовѣстно пробовалъ написать свою книгу, но «мысли потеряны», увы, навсегда. Еще одинъ рецидивъ и, пожалуй, изчезнетъ о нихъ воспоминаніе. Вы понимаете, что это значитъ: мысли потеряны? О, это ужаснѣе потери самыхъ огромныхъ сокровищъ. А за все остальное простите. Я сейчасъ умру. Даю вамъ въ этомъ честное слово. Поддержите Нину. Б.». И это было все.

Прошло три дня, въ продолженіе которыхъ Надежда Ивановна почти никуда не выходила. Она переживала странное

состояніе, какъ человѣкъ ограбленный въ своемъ домѣ до нитки и потому не имѣющій возможности выйти на улицу. Ей все казалось, «что ей не съ чѣмъ выйти къ людямъ». Когда она представляла себѣ, что присутствуетъ на обходѣ въ больницѣ или на дежурствѣ, то ей казалось, что она не знаетъ, что тамъ дѣлать; еслибъ ей пришлось остаться наединѣ съ Сторѣцкимъ, Тетюшинымъ, Кульковой, Семеномъ Ивановичемъ, она не знала бы, о чемъ говорить съ ними. Все это ушло отъ нея какъ то слишкомъ далеко. Все сколько нибудь общее между нею и остальнымъ міромъ исчезло.

И она написала въ больницу о своей болѣзни и сидѣла дома. Тамъ сказали: «свихнулась наша Надежда Ивановна»!

На четвертый день послѣ похоронъ Барвинскаго Надежда Ивановна получила коротенькую записку отъ Нины Александровны: «Я пріѣхала, и вы мнѣ нужны».

И это было ново. Прежняя Нина Александровна не написала бы такъ; она прибавила бы тысячу осторожныхъ извиненій и оговорокъ по поводу того, что не заѣхала сама и проч. А теперь она пишетъ такъ лаконически и просто, какъ человѣкъ, признающій только самую суть дѣла.

Надежда Ивановна поѣхала къ ней. Ее поразила какая то особенная энергія и дѣловитость этой женщины.

Когда Надежда Ивановна передавала ей ключъ отъ шкапика и стала объяснять, сколько все стоило и какъ было, она прервала ее:

— О, полно... Вѣдь это все равно.

Она не спросила ее ни о чемъ, относящемся до похоронъ, даже не поинтересовалась узнать, гдѣ онъ похороненъ.

— У меня куча дѣлъ! Если вы мнѣ поможете, я была бы вамъ очень благодарна.

— Что надо сдѣлать?—спросила Надежда Ивановна.

— О, много, очень много. Вотъ видите, я съѣздила къ себѣ въ имѣніе. Тамъ управляющій—человѣкъ, знающій мои дѣла лучше, чѣмъ я. Онъ сдѣлалъ мнѣ подробный разсчетъ, какое у меня состояніе. Видите, у меня, кромѣ этого имѣнія, есть еще и другое, а въ Москвѣ два небольшихъ дома. Если все это привести въ порядокъ и ликвидировать, то получится около четырехсотъ тысячъ; это мало сравнительно съ имуществомъ, но часть его заложена. Я поручила ему все продать какъ можно скорѣе, и онъ сдѣлаетъ это въ двѣ недѣли. Онъ сказалъ, что покупатели раньше находились, и они ему извѣстны. Онъ уже поѣхалъ въ Москву. Мы будемъ считать четыреста тысячъ. Если не дойдетъ до этой суммы, то пополнимъ изъ наличныхъ. Въ банкѣ еще есть нѣсколько тысячъ—пятнадцать или двадцать, навѣрно не знаю. Потомъ лошади, экипажи и другое имущество. Это нашъ капиталъ.

А теперь расходы. У насъ въ Кіевѣ и въ Вильно были устроены такіе же домики, какъ здѣсь, для бѣдныхъ, которыхъ онъ забиралъ къ себѣ всякій разъ передъ болѣзнью. Они, правда, обезпечены, но недостаточно. Я хотѣла бы улучшить ихъ положеніе и на это дать извѣстную сумму; затѣмъ я знаю, что онъ дѣлалъ долги, о которыхъ не хотѣлъ мнѣ говорить, отчасти на кутежи, а отчасти и на добрыя дѣла. Въ послѣдній разъ наканунѣ болѣзни онъ тоже сдѣлалъ долги. Ихъ надо розыскать и уплатить. Наконецъ, когда будетъ выяснена остающаяся сумма, тогда я желала бы на эти деньги устроить... Я не знаю, какъ это назвать... Такое учрежденіе, гдѣ помѣщались бы самые бѣдные люди, не тѣ, что ходятъ по улицамъ и просятъ хлѣба, а тѣ, что сидятъ въ грязныхъ углахъ и лишены даже возможности просить. Вотъ въ чемъ мнѣ нужна ваша помощь. И еще въ другомъ: вотъ матеріалъ, который онъ собиралъ для своей книги. Это было его желаніе, чтобъ вы ее кончили. Я вамъ его передамъ и ассигную деньги на изданіе книги. Вотъ и скажите, что вы изъ всего этого можете взять на себя?

— Все, чего вы не можете...

— Ахъ, я... Я хотѣла бы только поскорѣе кончить все, потому что я тороплюсь, я страшно тороплюсь...

«Тороплюсь, страшно тороплюсь»!—припомнилось Надеждѣ Ивановнѣ изъ письма Барвинскаго.

— Куда?—спросила она.—Вы перемѣняете мѣсто?

— Какъ? Ну, да, конечно, перемѣняю мѣсто... Нѣтъ, лучше сказать—я уступаю мѣсто...

— Что это значитъ?

— Я умру также, какъ и онъ. Неужели вы думаете, что я могу теперь жить?

Она сказала это просто, безъ подчеркиваній, безъ всякаго выраженія, безъ того мрачнаго оттѣнка, съ какимъ всегда говорятъ о смерти, и Надеждѣ Ивановнѣ послѣ этого показалось, что въ самомъ дѣлѣ странно даже думать, что она можетъ теперь жить. Она уже больше не пыталась возражать.

— Я возьму на себя все, отчего вы отказываетесь!—твердо сказала она.

— Да?—почти обрадовавшись, воскликнула Нина Александровна.—Вы, значитъ, меня понимаете; вы понимаете, какое для меня теперь было бы бремя жизнь. Я, значитъ, только дождусь, когда дѣла будутъ приведены въ полный порядокъ, когда я могла бы передать ихъ вамъ совсѣмъ. Какъ хорошо, что вы у меня есть. Не будь васъ, какъ долго я должна была бы тащить на себѣ это бремя... Какъ хорошо, что вы съ нимъ сблизились.

При этихъ словахъ Надежда Ивановна невольно вздрог-

нула. Можетъ быть, виною этому была ея подозрительность, но ей показалось, что Нина Александровна сказала это съ намѣреніемъ. И вдругъ ею овладѣло странное желаніе какъ бы очиститься передъ этой женщиной, которая, собираясь добровольно отказаться отъ жизни и всѣхъ ея благъ, призвала ее на помощь и оказала ей столько довѣрія.

— Нина Александровна! я все это исполню, я охотно возьму на себя всѣ эти дѣла, но только тогда, когда отдамъ вамъ долгъ...

— Долгъ?

— Да, огромный долгъ, который тяготитъ меня. При жизни его я была связана обѣщаніемъ, онъ взялъ съ меня слово и самъ далъ его. Но я говорю вамъ прямо, что я не искала этого... Это былъ одинъ изъ этихъ страшныхъ вихрей, которые иногда овладѣвали имъ...

— Вы говорите о томъ, что было...

— Когда вы уѣзжали въ деревню...

— А, да, я поняла... Оставимте это. Меня это не интересуетъ... Не трогаетъ и не касается. Да, онъ намекалъ мнѣ. Въ ту минуту мною еще владѣли слабости женщины. Помните, я отвернулась отъ васъ... Но теперь... Какимъ образомъ это теперь можетъ занимать меня? Теперь, когда все кончено? Давайте говорить о нашемъ учрежденіи. Еслибы я могла жить, я отдала бы ему всѣ силы. Но я жить не могу. Чтобъ служить ему, надо отдать всю душу, надо слиться съ нимъ, надо отказаться отъ благъ жизни, отъ личнаго счастья и всю свою личность, все свое личное счастье положить въ немъ, потому что надо соприкасаться съ самой грязной грязью и вникать въ души людей, озлобленныхъ и испорченныхъ неумолимой нищетой. Я хочу, чтобъ это не было пріютомъ, какіе возвышаются своими красивыми фасадами, стоятъ и ждутъ, что въ нихъ приведутъ случайно попавшихся бѣдняковъ... Надо ходить по грязнымъ трущобамъ и вытаскивать оттуда самые жалкіе отбросы общества и дѣлать ихъ людьми. Такъ дѣлалъ онъ. Я хочу часть оставшейся суммы употребить на постройку такого дома или покупку его, если найдется готовый, а остальное на то, чтобы люди, поставленные въ немъ на ноги, могли получать возможность начать вновь трудовую и самостоятельную жизнь. Не думайте, что это я выдумала. Это была его мечта въ лучшія минуты его жизни. Я за всю свою жизнь не встрѣчала ни одного человѣка, способнаго дѣйствительно отказаться отъ личнаго блага и отдаться такому дѣлу. Были люди, говорившіе такія слова, но этого недостаточно. Вы не говорили такихъ словъ, но вамъ я вѣрю. И если вы мнѣ скажете, что готовы взять все это на себя, я вамъ отдамъ все.

— Я говорю вамъ это отъ всей души!

— И я вамъ вѣрю, я вѣрю вамъ, какъ себѣ, какъ ему... Только умоляю васъ, отпустите меня поскорѣй... Еслибъ вы знали, какъ мнѣ тяжело жить, какъ мнѣ пусто...

Когда Надежда Ивановна собралась уходить, то и Нина Александровна вышла съ нею. Она объяснила:

— Вѣдь я не живу здѣсь. Я прихожу сюда на нѣсколько часовъ, чтобъ разбирать его бумаги и приводить ихъ въ порядокъ. Здѣсь такъ тяжело теперь... Безъ него...

XXVIII.

Теперь проходили дни въ работѣ.

Весна все больше и больше проступала сквозь суровыя очертанія петербургскаго неба, сани давно уже исчезли. Дни стали длинными, солнце свѣтило ярко. Въ загородныхъ мѣстахъ начали дѣятельную работу деревья, медленно оброставшія зелеными листьями, работали и владѣльцы дачъ, приготовляя ихъ къ пріѣзду столичныхъ жильцовъ.

Надежда Ивановна не ѣздила въ больницу. Она еще не сдѣлала формальнаго отказа отъ службы, но это предстояло въ будущемъ. И тамъ почти знали, что она больше не явится.

Сторѣцкій однажды заѣхалъ къ ней и началъ было въ своемъ обычномъ шутливомъ тонѣ говорить о ея болѣзни.

— Какая же это болѣзнь, голубушка? Мнѣ, какъ врачу, могли бы разсказать ея признаки!

— Вы ихъ не поймете, все равно...

— Будто? Нѣтъ такой вещи на свѣтѣ, которую я не понялъ бы. Но, по крайней мѣрѣ, позвольте думать, что это болѣзнь не тѣла, а духа. Тѣло у васъ на видъ такое, что дай Богъ всякому, только щечки похудѣли да поблѣднѣли. Да вотъ въ глазахъ еще появилось такое выраженіе, словно вы мѣсяца два сидѣли у насъ въ отдѣленіи буйныхъ, а теперь перешли къ выздоравливающимъ. Вижу, что покойный Антонъ Михайловичъ не все свое безуміе по духовному завѣщанію отписалъ Нинѣ Александровнѣ, а часть его досталась и вамъ. Эхъ, эхъ! Прежде вы хоть улыбались мнѣ, а теперь такъ смотрите, словно приняли схиму...

Такъ и ушелъ Сторѣцкій, не добившись отъ Надежды Ивановны откровенности... А у нея кипѣла работа. Ея письменный столъ, перенесенный въ спальню, весь былъ заваленъ матеріалами, доставшимися ей отъ Барвинскаго.

Антонъ Михайловичъ успѣлъ написать все введеніе и, кромѣ того, еще для себя составилъ нѣчто вродѣ конспекта. Были и еще отрывочныя замѣчанія, которыя дополняли ея

свѣдѣнія относительно плана книги. Остальное она дополняла, припоминая свои разговоры съ нимъ.

Когда она тщательно разобрала весь матеріалъ, книга для нея сдѣлалась совершенно ясной, и она принялась за работу. Можетъ быть, никогда еще въ жизни она не испытывала такого наслажденія. Каждая страница, написанная ею на основаніи его работы, была для нея какъ бы живой бесѣдой, общеніемъ съ нимъ. Вчитавшись въ главы, написанныя имъ, она удивительно усвоила его слогъ и манеру обращаться съ доказательствами, и самый опытный глазъ не отличилъ бы ея страницъ отъ написанныхъ имъ. Она ставила это себѣ въ заслугу и гордилась этимъ, такъ какъ его способъ изложенія и манера обращаться съ доказательствами были давно уже признаны блестящими по своей ясности и простотѣ.

Она торопилась съ работой. Изрѣдка она видѣлась съ Ниной Александровной, которая между другими дѣлами всякій разъ непремѣнно освѣдомлялась о книгѣ. Это былъ одинъ изъ немногихъ предметовъ, которые ее интересовали.

Она сообщала Надеждѣ Ивановнѣ и о ходѣ своихъ дѣлъ. Часто пріѣзжалъ въ Петербургъ ея управляющій, высокій старикъ съ сѣдой бородой, съ очень крупными и серьезными чертами лица, чрезвычайно молчаливый. Онъ, повидимому, не считалъ себя въ правѣ вникать въ сущность дѣлъ своей довѣрительницы, а старался точно выполнять ихъ. Онъ зналъ, что въ будущемъ вѣдать дѣлами будетъ Надежда Ивановна, и потому, заявившись Нинѣ Александровнѣ, сейчасъ же торопился къ ней и говорилъ съ нею гораздо подробнѣе.

Больше мѣсяца ушло на то, чтобы покончить съ продажей имѣній и домовъ. Затѣмъ онъ съ довѣренностью отъ Нины Александровны ѣздилъ въ Кіевъ и Вильно и тамъ устроилъ обезпеченіе основанныхъ ею своеобразныхъ пріютовъ. Окончивъ всѣ эти мелкія дѣла, онъ вмѣстѣ съ Ниной Александровной занялся пріисканіемъ подходящаго дома для будущаго учрежденія.

Когда весна уже приходила къ концу и майскіе дни иногда были жарки, какъ лѣтомъ, она однажды съ радостью, почти съ какимъ то торжественнымъ чувствомъ, дописала послѣднее слово и поставила послѣднюю точку, а на другой день послѣ этого Семенъ Ивановичъ былъ очень удивленъ, когда въ часы, проводимые имъ дома, незадолго передъ его обѣдомъ, ему подали карточку Надежды Ивановны Мальвинской. Онъ приказалъ тотчасъ просить ее и она явилась съ тремя толстыми тетрадями въ рукѣ. Онъ встрѣтилъ ее привѣтливо.

— Матушка моя, такъ долго не видѣлъ васъ, что думалъ, что вы забыли уже дорогу къ нашей больницѣ. Искренно радъ! Ужасно радъ! Слышалъ, что вы нездоровы.

— Сперва нездорова, или, лучше сказать, нерасположена къ работѣ, а потомъ была занята однимъ дѣломъ, съ которымъ и къ вамъ пришла.

— Вижу, вижу толстыя тетради! и не могу догадаться, что въ нихъ. Ну, садитесь же.

Надежда Ивановна сѣла и тотчасъ же приступила къ объясненію.

— Вотъ въ чемъ дѣло, Семенъ Ивановичъ,—сказала она.— Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что покойный Барвинскій готовилъ диссертацію?

— Какъ же. Очень даже извѣстно. Онъ подробно говорилъ о ней и не разъ... И я очень интересовался этой книгой. У него былъ богатый матеріалъ, и я на дняхъ еще спрашивалъ Григорія Игнатьевича, куда все это дѣвалось.

— Все это было у меня. При жизни его мы съ нимъ говорили объ этой книгѣ, онъ читалъ мнѣ выдержки изъ нея. Но онъ вполнѣ закончилъ только половину, а остальное написалъ лишь вчернѣ, выразивъ волю, чтобы я привела его черновую работу въ порядокъ, обработала ее и издала. Такимъ образомъ рукопись и матеріалъ перешли ко мнѣ, я все это время и работала надъ ней...

— А, такъ вотъ чѣмъ объясняется столь долгое ваше непоявленіе въ больницѣ!

— Отчасти это, да еще и то, Семенъ Ивановичъ, что я, по всей вѣроятности, совсѣмъ оставлю эту дѣятельность.

— Какъ такъ? Что же вы собираетесь дѣлать? Можетъ быть, выходите замужъ? Иногда женщины-врачи, выходя замужъ, сходятъ со сцены, какъ артистки.

— Нѣтъ, я замужъ не выхожу,—буду работать... Стоять во главѣ одного учрежденія... Но я не могу сказать вамъ точно, потому что оно не устроено еще.

— А, ну хорошо! Если не можете, такъ я буду скроменъ! Ну, что же дальше на счетъ рукописи?

— Я ее кончила, то есть черновую привела въ бѣловой видъ. Но такъ какъ мнѣ приходилось имѣть дѣло съ нѣкоторыми недописками, а также я могла иногда невѣрно понять его, то я не могу рѣшиться выпустить книгу въ свѣтъ, не получивъ отъ лица компетентнаго подтвержденія, что она составлена вполнѣ научно и что въ ней нѣтъ ошибокъ.

— И вы избрали меня? Благодарю васъ за честь! давайте рукопись, я за нее сейчасъ же засяду и всѣ свободные часы отдамъ ей! Вы знаете, какого я высокаго мнѣнія былъ о его умѣ и талантѣ! Это былъ мой любимецъ! Я думаю, что дней черезъ пять-шесть я вамъ возвращу работу.

— Я зайду къ вамъ.

— Да, да. И мы опять поговоримъ, если что встрѣтится.

Надежда Ивановна ушла, а Семенъ Ивановичъ сообщилъ врачамъ больницы о томъ, что она уже больше не вернется. Начались всевозможныя догадки, но никто не могъ ничего сказать вѣрнаго.

А въ это время произошелъ важный шагъ въ главномъ дѣлѣ, которое заботило обѣихъ женщинъ. Нина Александровна прислала записку, въ которой сообщала, что они съ управляющимъ пріискали домъ чрезвычайно подходящій и почти окончательно остановились на немъ. Послѣдній рѣшающій голосъ они предоставляли ей. Ее звали смотрѣть домъ.

Всѣ заявленія письменныя и личныя отъ Нины Александровны Надежда Ивановна принимала съ страннымъ смѣшаннымъ чувствомъ. Неужели не можетъ произойти какой нибудь внезапной благодѣтельной перемѣны, которая разомъ повернетъ ее къ жизни? Не совершается ли въ ней уже теперь внутренняя работа, которая дастъ ей просвѣтленіе?

Однажды Надежда Ивановна попробовала заговорить съ нею объ этомъ.

— Я ничего такъ не хотѣла бы,—сказала она,—какъ работать вмѣстѣ съ вами... Я иногда лелѣю мечту, что вы раздѣлите со мной трудъ.

Нина Александровна посмотрѣла на нее вопросительно.

— Но вы сказали, что все берете на себя! я на это надѣялась,—отвѣтила она съ легкимъ испугомъ.

— О, да, конечно, но я думала...

— Нѣтъ, я ни на какое дѣло не гожусь, а тѣмъ болѣе на живое дѣло... Мое все кончено... Немногое и было, но что же дѣлать, если я такой малосодержательный человѣкъ! Нѣтъ, я ничего не могу.

— Не спѣшите такъ говорить, Нина Александровна, пусть начнется живое дѣло. Можетъ быть, оно захватитъ васъ.

— Ничто меня не захватитъ! Я уже захвачена...

«Смертью»! — прибавила про себя Надежда Ивановна.

Ея глаза смотрѣли такъ, точно главная, самая важная часть ея духовнаго существа уже перешла въ иной міръ, а въ этомъ маленькомъ тѣлѣ осталось столько духа, чтобы окончить начатое дѣло.

На другой день по полученіи записки, Надежда Ивановна поѣхала осматривать домъ. Онъ стоялъ верстахъ въ пяти отъ города. Тамъ она нашла Нину Александровну и ея стараго управляющаго.

Домъ стоялъ на открытомъ мѣстѣ. При немъ былъ изрядный кусокъ земли, на которомъ прежде былъ садъ. Теперь видны были только остатки его, но это-то и было нужно. Она мечтала сама устроить все, какъ надо. Ея будущимъ

кліентамъ нужна живая работа. Въ домѣ было три этажа, нѣсколько пристроекъ, службы, все это очень подходило.

Надежда Ивановна, съ своей точки зрѣнія, совершенно одобрила постройку и управляющему было дано полномочіе приступить къ ремонту. Время было для работы хорошее, стояли солнечные теплые дни. Наступило лѣто.

Межъ тѣмъ явилась новая забота съ Гришей. Мальчикъ давно уже что-то таилъ въ душѣ. Какія то намѣренія созрѣвали въ его головѣ. Въ сущности, въ домѣ положеніе было таково, что не могли смягчиться отношенія его къ Надеждѣ Ивановнѣ.

Онъ видѣлъ передъ собой человѣка, который съ утра садился за письменный столъ и вставалъ только для того, чтобы пообѣдать или принять гостя, пришедшаго по дѣлу. Онъ сидѣлъ и скучалъ нестерпимо и вспоминалъ то время, когда была Строева. О, тогда онъ ни минуты не оставался безъ пріятныхъ занятій.

За это время онъ даже порастерялъ тѣ небольшія свѣдѣнія въ грамотности, которыя получилъ отъ Строевой. Раза два Генріета ѣздила съ нимъ къ роднымъ, но тамошній простой режимъ ему не понравился. Больше всего на свѣтѣ боялся онъ, что Надежда Ивановна отдастъ его къ своимъ. Онъ даже высказалъ это Генріетѣ, съ которой былъ откровеннѣе и она сдѣлала это орудіемъ воздѣйствія на него. Если онъ обнаруживалъ упорство или капризы, она тихонько, какъ бы въ видѣ тайны, сообщала ему, что Надежда Ивановна отдастъ его роднымъ, если онъ будетъ вести себя плохо.

Надежда Ивановна не знала этого; но однажды, подъ вліяніемъ его угрюмаго волчьяго взгляда, вздохнула и сказала, обращаясь къ Генріетѣ:

— Ужъ не знаю... Не будетъ ли ему лучше, если онъ станетъ жить у своей матери... Очевидно, ему здѣсь очень плохо, если онъ смотритъ на меня, какъ на врага.

Надежда Ивановна не воображала, какое впечатлѣніе произведутъ на мальчика эти слова. Прошло послѣ этого дня три. Гриша ушелъ и долго не возвращался. Начали безпокоиться. Генріета пошла поискать его въ окрестныхъ мѣстахъ, зашла даже въ Лѣтній садъ, куда часто водила его. Но мальчика тамъ не было.

А межъ тѣмъ наступилъ вечеръ. Пришлось обратиться къ полиціи, и всю ночь Надежда Ивановна провела въ тревогѣ. Къ утру однако полиція мальчика не нашла. Надежда Ивановна пережила еще одни отчаянныя сутки. Тутъ были и укоры и угрызенія совѣсти по поводу того, что она взяла мальчика изъ той среды, гдѣ онъ росъ, и не съумѣла сдѣлать ему самаго простого, элементарнаго добра и что теперь онъ можетъ попасть въ худшее положеніе и даже погибнуть.

Только на третій день раннимъ утромъ, когда Генріета подымалась, чтобъ идти на рынокъ, съ лѣстницы на черномъ ходѣ пслышалась какая то осторожная возня. Генріета, отворила дверь. Тамъ стоялъ Гриша, оборванный, грязный, съ замѣтно исхудалымъ лицомъ.

— Гриша! Ахъ, ты негодный мальчикъ! еслибы ты зналъ, сколько горя ты доставилъ Надеждѣ Ивановнѣ! Зачѣмъ ты ушелъ? Развѣ тебѣ было худо?

— Я боялся, что отдадутъ домой! я тамъ не хочу жить.

— Кто же тебя хотѣлъ отдать домой? Да ты, должно быть, голоденъ, негодный!.. На, вотъ, поѣшь вчерашнее мясо!

Гриша жадно набросился на пищу. Было семь часовъ утра. Надежда Ивановна только что послѣ страшно утомительной ночи вздремнула. Она услышала говоръ въ кухнѣ, накинула капотъ и вышла.

— Что это? Гриша?

Она взглянула на него и, должно быть, отъ нервнаго утомленія, не выдержала и слезы полились у нея градомъ. Можетъ быть, эти неожиданныя слезы что нибудь доказали Гришѣ, или просто тронули его, онъ всталъ, вытерся, подошелъ близко къ Надеждѣ Ивановнѣ и какъ то странно приложилъ лицо къ ея капоту.

— Я... Я больше не буду!—сказалъ онъ и тоже началъ плакать.

Своихъ похожденій онъ точно не могъ разсказать. Онъ брелъ, куда попало. Голодалъ, вчера даже просилъ милостыню—онъ дѣлалъ это, когда жилъ съ матерью—но ему ничего не дали, потому что онъ былъ хорошо одѣтъ; потомъ впутался въ какую то уличную дѣтскую драку, въ которой ему разорвали платье и разбили носъ.

Его переодѣли и Надежда Ивановна рѣшила не упрекать его. Съ этого дня Гриша сдѣлался мягче, и уже не было у него прежняго волчьяго взгляда. Онъ иногда самъ вызывался помочь въ чемъ-нибудь Надеждѣ Ивановнѣ и Генріетѣ. Не протестовалъ, когда Надежда Ивановна подходила къ нему и клала ему руку на плечо.

Она говорила ему:—я еще виновата передъ тобой, Гриша, я тебѣ мало посвящаю времени, но у меня много важныхъ дѣлъ! погоди, я ихъ окончу и потомъ займусь тобой.

Ее всетаки радовало, что Гриша смягчился. А Генріета объясняла это по своему; она говорила:—повидалъ онъ свѣтъ и увидѣлъ, что вездѣ хуже, чѣмъ здѣсь, вотъ и сталъ шолковый.

Какъ бы то ни было, но Надеждѣ Ивановнѣ стало легче жить съ нимъ.

Прошли условные пять дней. Надежда Ивановна поѣхала къ Семену Ивановичу. Онъ уже ждалъ ее.

— Хорошая, дѣльная, работа, отличная работа. У него своеобразные взгляды, но онъ ихъ хорошо доказываетъ. Съ нимъ можно не соглашаться по существу, но нельзя отказать ему въ блестящей аргументаціи. Объ этой книгѣ заговорятъ, ее бы надо одновременно издать и по нѣмецки, тогда и тамъ бы объ ней заговорили. А вы отлично возстановили его черновую рукопись! Нельзя отличить, гдѣ собственно начинается ваша работа! Одинъ и тотъ же стиль. Его блестящій стиль! Печатайте съ Богомъ! А когда будетъ готово, мнѣ экземплярчикъ пришлите да и для больничной библіотеки тоже.

Надежда Ивановна пообѣщала. Больше всего ее обрадовалъ отзывъ о стилѣ. Это было то, чего она добивалась и о чемъ мечтала. Значитъ, она достигла цѣли.

Теперь она сдала рукопись въ печать и погрузилась въ корректуру и это она дѣлала съ удивительной тщательностью. Ей хотѣлось, чтобы книга была издана образцово, тѣмъ болѣе что средства для этого были неограничены. Она сама выбирала бумагу, форматъ, обертку. Она очень торопила типографію и вотъ черезъ двѣ недѣли книга уже была готова.

Съ какимъ торжествомъ взяла она въ руки экземпляръ и прочитала на оберткѣ ниже заглавія: «Посмертное сочиненіе врача Антона Михайловича Барвинскаго».

Она послала книгу и Нинѣ Александровнѣ. Та пріѣхала къ ней и видно было, что это обстоятельство ее нѣсколько оживило.

— Я прочитала ее отъ перваго слова до послѣдняго! Ничего я въ этой наукѣ не понимаю, но я хорошо знаю его манеру писать. Вы удивительно схватили ее. Да, изъ того, какъ вы совершили это первое дѣло, я вижу, что и другое, большее, оставляю въ хорошихъ рукахъ.

А недавно купленное зданіе было неузнаваемо. Надежда Ивановна, кончивъ хлопоты съ книжкой, поѣхала туда. Работа кипѣла. Домъ былъ заново выкрашенъ, настилалась новая крыша, была выстроена стѣна, обновлены флигеля, построены новые, также и нѣкоторыя службы увеличены и теперь шла внутренняя отдѣлка. Все дѣлалось такъ, какъ она хотѣла и мечтала.

Затѣмъ она ѣздила съ управляющимъ выбирать мебель и принадлежности хозяйства. Все требовало вниманія; каждый день приближалъ ее къ важному событію, которое должно было утвердить ея жизнь на новомъ основаніи. Она ждала этого дня нетерпѣливо. Она чувствовала себя такъ, какъ бы была рождена спеціально къ этому дѣлу, и вся настроилась къ нему. Все, что ни дѣлалось въ мірѣ, мало вызывало ея вниманіе и казалось ей «не тѣмъ, что слѣдуетъ». У нея постепенно выработался подробный планъ дѣйствій. Можетъ быть,

начало этимъ мыслямъ было положено тогда, когда она вмѣстѣ съ Антономъ Михайловичемъ посѣщала трущобы огромнаго дома со множествомъ оконъ. Это посѣщеніе стояло во главѣ всего, во главѣ всей ея жизни, которая и тогда уже начала входить въ новое русло.

«Для самыхъ несчастныхъ»! вотъ тѣ слова, которыми характеризовала она новое направленіе своей жизни.

Къ срединѣ лѣта отдѣлка дома была совершенно окончена. Надежда Ивановна вмѣстѣ съ Ниной Александровной осматривали просторное свѣтлое помѣщеніе и находили, что все построено образцово. Затѣмъ они провели нѣсколько часовъ у нотаріуса. Учрежденіе было обезпечено достаточной суммой на вѣчныя времена и единственной полной распорядительницей его была сдѣлана Надежда Ивановна Мальвинская. Нина Александровна крѣпко пожала ей руку, и во взглядѣ ея свѣтилась глубокая благодарность.

— Теперь мнѣ стало легко!—сказала она.

— Мы еще увидимся... Вы пріѣдете посмотрѣть наше учрежденіе, когда оно будетъ на полномъ ходу?—спросила Надежда Ивановна, не рѣшавшаяся прямо задать ей вопросъ о томъ, что она теперь намѣрена дѣлать.

— Да... Должно быть... Я теперь уѣду... Можетъ быть, разсѣюсь...

Это было сказано какъ то поверхностно, какъ заученныя слова. Онѣ разстались.

А на другой день старый управляющій прилетѣлъ къ Надеждѣ Ивановнѣ встревоженный. Онъ только что былъ въ гостиницѣ, гдѣ остановилась Нина Александровна, и тамъ узналъ страшныя вещи. Надежда Ивановна поѣхала туда; тамъ уже толпился народъ и вошла въ свои права полиція.

Нина Александровна сидѣла въ креслѣ, одѣтая въ свое обычное темное платье, а на столѣ стояла склянка съ бѣлыми кристаллами и лежалъ шприцъ. Надежда Ивановна узнала ихъ. Это были тѣ самые, которые она, по совѣту Сторѣцкаго, убрала въ стѣнной шкапикъ въ ту ночь, когда умеръ Антонъ Михайловичъ. Было уже слишкомъ поздно, чтобы думать о какихъ-нибудь мѣрахъ спасенія. Нина Александровна была мертва.

На столѣ лежалъ листокъ бумаги съ лаконической запиской: «Я сама добровольно лишила себя жизни. Нина Барвинская». И больше никакихъ писемъ нигдѣ не нашлось.

XXIX.

Прошло больше года. Жизнь шла своимъ чередомъ. Во врачебномъ мірѣ всѣ сталкивались и встрѣчались то на консиліумахъ, то на засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, то на

торжественныхъ обѣдахъ и ужинахъ, то на скачкахъ, то въ семейныхъ домахъ, гдѣ они играли въ винтъ, въ ландскнехтъ, то на дружескихъ пикникахъ и попойкахъ, а Надежда Ивановна Мальвинская нигдѣ не бывала.

Изрѣдка только кому-нибудь случалось видѣть ее, когда она въ своеобразномъ экипажѣ, какихъ въ городѣ не встрѣчается, пріѣзжала туда по дѣламъ. Она узнавала знакомыхъ и съ привѣтливой улыбкой отвѣчала на поклоны, но она всегда торопилась, и ей некогда было вступать въ разговоры.

И тогда тотъ, кому удавалось встрѣтить ее, непремѣнно сообщалъ объ этомъ въ больницѣ или въ обществѣ.

— Нѣтъ никакой возможности признать въ ней прежнюю Мальвинскую!—говорили они.—Помните эти веселые, слегка недоумѣвающіе глаза? Помните эти розовыя щеки, эту бѣлую изящную шейку, эту неудержимую смѣшливость и звонкій искренній смѣхъ? Теперь въ лицѣ у нея что то строгое, какъ у монахини, давшей обѣтъ отрѣшиться отъ всего земного, а взглядъ... Этотъ странный взглядъ, какъ бы скользящій поверхъ предмета, на который она смотритъ... въ немъ есть что то безумное.

— У нея всегда была наклонность къ безумію! Вспомните ея странную исторію съ Барвинскимъ! Она и свихнулась именно въ тотъ періодъ, когда онъ въ послѣдній разъ сошелъ съ ума.

Таковы были мнѣнія тѣхъ круговъ, гдѣ въ прежнее время можно было встрѣтить Мальвинскую. И вотъ, когда прошло уже больше года съ тѣхъ поръ, какъ въ большомъ загородномъ домѣ началась дѣятельность, однажды къ больницѣ, гдѣ прежде работала Мальвинская, подъѣхала на извозчикѣ дама съ довольно большимъ саквояжемъ въ рукахъ. Она прошла черезъ дворъ, оставивъ дорожный саквояжъ въ пролеткѣ, и спросила швейцара, гдѣ живетъ докторъ Сторѣцкій. Ей указали. Она отыскала квартиру и позвонила. Ее впустили; она вошла въ гостиную, и къ ней вышелъ Григорій Игнатьевичъ.

— Батюшки, Ольга Сергѣевна! сколько лѣтъ! сколько зимъ! Ахъ, Боже мой! какъ вы измѣнились! Вы были больны?

Строева не отвѣчала на эти вопросы; она сѣла по приглашенію хозяина и сказала:

— Объясните, ради Бога, куда дѣвалась моя Надежда Ивановна? Годъ тому назадъ она писала мнѣ о смерти Барвинскаго, потомъ еще разъ о смерти его жены и о какихъ то своихъ планахъ. Съ тѣхъ поръ она мнѣ ничего не писала. Гдѣ же она?

Сторѣцкій разсказалъ ей все, что зналъ про Надежду Ивановну.

— Вы ее видѣли?—спросила Строева.

— Случайно, но не часто.

— Что же вы нашли?

— Ничего пріятнаго. Вы сами увидите это въ ея глазахъ.

— И вы объясняете теперешній родъ ея жизни?..

— Нѣкоторымъ видомъ безумія! Намъ съ серебрящимися висками и съ просвѣтами на макушкѣ подстать провести черту подъ своей жизнью и, пожалуй, отдать остатокъ дней своихъ какому нибудь доброму дѣлу, да и то, голубушка, мы не сдаемся и тянетъ насъ до самыхъ сѣдыхъ волосъ къ радостямъ жизни. А скомкать такимъ образомъ свою молодость, да еще такую блестящую, такую богатую дарами природы, хотя бы для высокаго дѣла, безуміе, безуміе! Жаль мнѣ бѣдную Надежду Ивановну. Поѣзжайте туда, сами увидите!

Строева взяла адресъ и поѣхала. Она увидѣла обширный дворъ и примыкавшій къ нему едва только устроенный молодой садъ, радостно и шумно оживленные десятками людей, которые возились во дворѣ и въ саду съ лопатами, граблями и ведрами, раскапывали и выравнивали гряды, окапывали деревья и поливали цвѣты и овощи. Тутъ были старые и молодые мужчины и женщины и дѣти.

Строева вошла во дворъ и спросила Надежду Ивановну Мальвинскую. Ей указали по направленію къ саду. Она оставила свой сакъ на ступенькѣ крыльца, которое вело въ домъ, и пошла по указанію.

Среди пестрой толпы незнакомыхъ лицъ, погруженныхъ въ работу, ей показалось, что она видитъ и узнаетъ стройную женщину въ темномъ платьѣ съ легкимъ платкомъ на плечахъ. Сердце у нея забилось сильно. Она пошла къ ней.

Молодая женщина съ блѣднымъ лицомъ обернулась къ ней и глядѣла съ выраженіемъ не то изумленія, не то радости. Рядомъ съ нею стоялъ, охвативъ ея талію рукою, смуглолицый мальчикъ въ темносѣрой блузѣ съ ременнымъ поясомъ.

— Ольга!—воскликнула Надежда Ивановна.—Ты нашла меня!

Онѣ обнялись.

— Почему ты не писала мнѣ?—спросила Строева.

— Я видѣла по твоимъ письмамъ, что ты не поймешь... Но ты измѣнилась, бѣдная моя! Ты перенесла какое то горе!

— Да и оно казалось мнѣ огромнымъ, страшнымъ, но когда я узнала, среди какого горя ты проводишь жизнь, оно показалось мнѣ шуткой.

— Мой другъ, здѣсь нѣтъ горя. Мы приводимъ сюда людей, окутанныхъ горемъ, но здѣсь мы снимаемъ съ нихъ эти ядовитые покровы, излѣчиваемъ раны и съ нами они уже

становятся счастливыми! А твое горе, Ольга? Оно было личное горе?

— Да... Но и вообще... Я разочаровалась въ здоровыхъ людяхъ... О, какъ они бездушны, эти счастливые, награжденные всѣми дарами природы!.. Я пришла къ тебѣ! Тебя всѣ называютъ безумной. Такъ заразп же меня своимъ безуміемъ! Я хочу остаться съ тобой...

— А это... Неужели это Гриша?—спросила Строева, приблизилась къ мальчику и поцѣловала его.

— Да! мой славный мальчикъ, онъ призналъ меня, наконецъ. Онъ теперь учится. Онъ во всемъ помогаетъ мнѣ. Онъ лучше, чѣмъ я, понимаетъ душу этихъ людей. Онъ самъ былъ когда то тамъ, въ этой ямѣ. И я знаю, кому оставлю со временемъ все это дѣло, когда у меня не будетъ уже силъ.

И. Потапенко.

Конецъ Шелаевской тюрьмы.

(Изъ міра отверженныхъ).

III.

Жизнь опять входитъ въ нормальную колею.

Давно уже не было въ Шелаѣ такого мягкаго режима, какой воцарился послѣ удаленія Ломова. Вечернія повѣрки стали производиться большею частью въ присутствіи однихъ надзирателей; камеры съ утра до вечера стояли незапертыми; карцеры пустовали; самъ Шестиглазый совсѣмъ пересталъ показываться въ тюрьму—повидимому, она опротивѣла ему послѣ столь неудачной попытки установить идеально-образцовый порядокъ. Пресловутыя печатныя правила висѣли теперь на стѣнахъ камеръ въ полномъ пренебреженіи и забвеніи; сначала на нихъ появились откуда-то грязныя, жирныя пятна, затѣмъ самая бумага начала лопаться и прорываться, и въ концѣ концовъ отъ большихъ, красивыхъ листовъ остались лишь жалкіе, невзрачные клочки бумаги.

Впрочемъ, нужно и то сказать, что всѣ эти благіе результаты новаго вѣянія чувствовались, главнымъ образомъ, мной и двумя моими товарищами; арестантская же масса сравнительно мало ихъ замѣчала, по-прежнему жалуясь на тяжесть шелайской жизни и мечтая о другихъ рудникахъ. Главное, что всегда отличало Шелай отъ этихъ послѣднихъ, питая въ кобылкѣ непримиримую злобу, было запрещеніе частныхъ улучшеній пищи: запрещеніе это и до сихъ поръ оставалось во всей своей силѣ. Самые богатые арестанты принуждены были довольствоваться тѣмъ, что давалось въ общемъ котлѣ, отдѣльно же могли покупать лишь чай, табакъ и сахаръ, да и то въ установленныхъ разъ навсегда максимальныхъ размѣрахъ и черезъ посредство старшаго надзирателя (эконома). Заработанныя въ тюрьмѣ или полученныя изъ дому деньги никогда не выдавались арестантамъ на руки, и все это вмѣстѣ дѣлало невозможнымъ ни существованіе въ тюрьмѣ майдановъ, ни процвѣтаніе картежной игры. Русскіе арестанты по своей натурѣ вообще большіе индивидуалисты, и даже тѣ изъ нихъ, для кого право свободнаго пользованія деньгами было бы, казалось, ни къ чему, бѣдняки и вся-

каго рода неудачники, плохіе ремесленники и еще болѣе плохіе игроки, даже и они не иначе, какъ съ величайшимъ раздраженіемъ, отзывались всегда о шестиглазовскомъ «прижимѣ».

— Да откуда жъ бы у васъ и въ другой тюрьмѣ деньги взялись?—спрашивалъ я съ товарищами иныхъ изъ такихъ неудачниковъ,—въ карты вы всегда, говорятъ, проигрываете, заработать ничѣмъ не можете...

— Эхъ, господа, господа,—слышалось обыкновенно въ отвѣтъ:— мнѣ вѣдь шесть лѣтъ еще въ тюрьмѣ-то сидѣть. Такъ неужто жъ за эстолько-то годовъ ни разу у меня копѣйки бы лишней не завелось?

— Ну, и куда бы вы эту копѣйку дѣли?

— Куда? Эхма, куда!.. Купилъ бы я, къ примѣру сказать, фунта два-три мяса и *самъ бы*, въ собственномъ котлѣ, наварилъ себѣ щей! Зналъ бы, по крайности, что собственное свое ѣмъ.

Такъ разсуждала кобылка. Но намъ троимъ, конечно, жилось и дышалось значительно легче прежняго. Штейнгартъ снова имѣлъ обширную практику внѣ тюремныхъ стѣнъ и нерѣдко приносилъ оттуда даже газетныя новости, производившія каждый разъ въ нашемъ маленькомъ кружкѣ огромную сенсацію... Одного только не удалось намъ добиться, не смотря на всю мягкость наступившаго періода—это возвращенія отобранныхъ нѣкогда книжекъ. Шестиглазый, когда мы обращались къ нему по этому поводу съ прямыми вопросами, не отвѣчалъ, правда, категорическимъ отказомъ: напротивъ, не давая намъ синицы въ руки, онъ сулилъ даже цѣлаго журавля въ небѣ.

— Я давно уже послалъ формальный запросъ относительно чтенія арестантами свѣтскихъ книгъ, и отвѣта нужно ждать со дня на день. Я думаю, что отвѣтъ будетъ благопріятный... Скажу даже больше: васъ ожидаетъ пріятный сюрпризъ! Въ тюрьмѣ будетъ, по всей вѣроятности, устроена оффиціальная библіотека (конечно, на средства арестантовъ), и одинъ изъ васъ будетъ подъ моимъ наблюденіемъ завѣдывать ею.

— Но въ ожиданіи такого «сюрприза»,—приставали мы,—вы могли бы временно собственной властью разрѣшить пользованіе тѣми книгами, какія уже имѣются. Прежде вы могли же это сдѣлать?

— Могъ потому, что тогда я не дѣлалъ еще формальнаго запроса. Теперь я обязанъ слѣдовать буквѣ закона.

Такъ говорилъ намъ бравый капитанъ; и въ это же самое время на вопросы другихъ арестантовъ, тоже просившихъ иногда «книжечекъ», отвѣчалъ совсѣмъ въ другомъ духѣ:

— Я, вотъ, покажу вамъ книжечки! Вздоръ, вздоръ! Единственной духовной пищей арестанта должны быть евангеліе и библія. Таково мое убѣжденіе.

Словомъ, Лучезаровъ не измѣнялъ себѣ и продолжалъ и въ

это мирное время оставаться все тѣмъ же великолѣпнымъ Лучезаровымъ. О книгахъ, поэтому, много мечтать не приходилось.

За то одно время тюрьма, почти вся поголовно, увлеклась опять обученіемъ грамотѣ. Наиболѣе популярнымъ преподавателемъ изъ насъ троихъ сдѣлался въ эту пору Штейнгартъ, въ которомъ, дѣйствительно, открылся и большой учительскій талантъ, и еще большій тактъ въ обращеніи съ учениками. Онъ какъ-то удивительно умѣлъ избѣгать всѣхъ тѣхъ сциллъ и харибдъ, о которыя столько разъ разбивались мои усилія, — въ родѣ самолюбія или зависти однихъ учениковъ къ другимъ. Одного его слова оказывалось, бывало, вполнѣ достаточно, чтобы прекратить возникавшія распри, и заявленіе одного арестанта другому (въ какомъ нибудь «ученомъ» спорѣ), что такъ, молъ, сказалъ Дмитрій Петровичъ,—перевѣшивало нерѣдко всякій иной доводъ или клятву. Въ отношеніяхъ Штейнгарта съ арестантами не было никогда и тѣни какого-либо желанія подладиться къ ихъ нравамъ или понятіямъ; въ общемъ онъ отличался скорѣе молчаливостью и несравненно охотнѣе отвѣчалъ на вопросы, нежели самъ задавалъ ихъ; мягкій и терпимый къ людскимъ недостаткамъ, онъ никогда не бралъ на себя роли моралиста и проповѣдника; однако всѣмъ было отлично извѣстно, что существуетъ граница, за которой терпимость эта кончается, и Дмитрій Петровичъ можетъ вспылить и наговорить кучу самыхъ рѣзкихъ вещей. И для меня было всего удивительнѣе то, что никто никогда не обижался на рѣзкія выходки Штейнгарта, и что, напротивъ, онѣ только увеличивали, казалось, уваженіе къ нему кобылки. Тотъ самый Струйскій, котораго онъ такъ грубо оборвалъ однажды за цинизмъ, положительно благоговѣлъ передъ Штейнгартомъ и во время шестидневной его голодовки со слезами на глазахъ умолялъ меня предпринять что нибудь для его спасенія... Меня крайне занималъ также вопросъ: было ли для арестантовъ тайной еврейское происхожденіе Штейнгарта и вліяло ли оно сколько нибудь на ихъ отношенія къ нему? Мнѣ кажется, тюрьма отлично знала о томъ, что онъ еврей—знала это и отъ надзирателей, и отъ самого Штейнгарта; и тѣмъ не менѣе даже во время извѣстныхъ столкновеній нашихъ съ кобылкой изъ всей арестантской массы одинъ только сумасшедшій Жебреекъ, разносившій медицину и докторовъ, припутывалъ временами къ своимъ филиппикамъ и какую-то чепуху о жидахъ, но отклика себѣ онъ не находилъ. Вообще мнѣ кажется, что въ понятіи простолюдина слово еврей или жидъ рѣшительно не вяжется съ представленіемъ о человѣкѣ образованномъ, лучше его самого говорящемъ по-русски. Поэтому-то свѣдѣнія о еврействѣ Штейнгарта проходили какъ-то совсѣмъ мимо ушей и пониманія кобылки, и мнѣ самому не разъ, помню, задавались вопросы:

— А что, Иванъ Николаевичъ, родитель господина Штенгора, надо полагать, тоже изъ помѣщиковъ былъ?

Другіе называли его сыномъ генерала, сенатора и пр.

Замѣчательно, что въ числѣ учениковъ Штейнгарта былъ одно время еврей, съ которымъ намъ придется еще познакомиться, человѣкъ, пользовавшійся въ тюрьмѣ очень дурной славой; кобылка нерѣдко бранила его «жидомъ». Штейнгарту, какъ и мнѣ съ Башуровымъ, случалось брать подъ свою защиту этого несчастнаго юношу, и тогда арестанты говорили ему:

— Стоитъ ли вамъ, Дмитрій Петровичъ, заступаться за такую сволочь? Одно вѣдь слово—жидъ.

— Я самъ еврей,—возражалъ Штейнгартъ,—но развѣ это какой-нибудь грѣхъ?

Тогда арестанты конфузливо чесали у себя въ затылкахъ и не знали, что сказать.

— Эхъ, Митрій Петровичъ, нашли съ кѣмъ сравнить! Сволочь тюремную взять или васъ?

Мнѣ думается, вообще, было бы неблагодарнымъ дѣломъ отыскивать даже и въ подонкахъ нашего простонародья какія-либо антисемитическія тенденціи въ томъ смыслѣ, какой они имѣютъ у разныхъ нашихъ доморощенныхъ Дрюмончиковъ и Рошфориковъ. Антисемитизмъ и юдофобство этихъ послѣднихъ—явленія чисто культурныя, создаваемыя извѣстнаго рода воспитаніемъ и книжной пропагандой. Русская каторга абсолютно чужда всякой религіозной, а тѣмъ болѣе расовой нетерпимости. Вотъ народъ, про который дѣйствительно можно сказать, что для него не существуетъ ни эллина, ни іудея, и который знаетъ лишь двѣ породы людей—угнетателей и угнетенныхъ... Правда, вы на каждомъ шагу можете услыхать изъ его устъ такія ругательства, какъ «цыганская образина», «чухна проклятая», «польская или хохлацкая морда» и т. п., но все это лишь результатъ обычнаго пристрастія русскаго человѣка ко всякаго рода крѣпкимъ словамъ, никакого серьезнаго смысла за ними не кроется. До чего еще мало (къ счастію) развиты въ нашемъ простонародьи квасныя патріотическія чувства, показываетъ и тотъ, напримѣръ, курьезный фактъ, что во многихъ глухихъ мѣстностяхъ Россіи совсѣмъ неизвѣстно или извѣстно очень смутно самое слово «русскій», и нерѣдко какой-нибудь двадцатилѣтній парень на вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ онъ говоритъ, наивно отвѣтитъ вамъ: «на красномъ»... Очень многіе изъ арестантовъ, я помню, говаривали:

— Въ верхней шахтѣ сегодня насъ пятеро *русскихъ* работало.

Оказывалось, въ числѣ этихъ «русскихъ» былъ одинъ полякъ, одинъ цыганъ, одинъ мордвинъ, одинъ хохолъ и только одинъ великороссъ, но за то не было ни меня, ни Башурова, ни Штейнгарта, и именно это-то и хотѣлъ выразить арестантъ своимъ замѣчаніемъ. Очевидно, въ понятіяхъ этихъ людей слово «русскій» обозначало, главнымъ образомъ, принадлежность къ простому, необразованному люду—и ничего больше.

Возвращаюсь однако къ своимъ воспоминаніямъ о мягкомъ періодѣ, наступившемъ послѣ удаленія подпоручика Ломова. Чаще всего рисуется мнѣ нерабочій праздничный день. Всѣ камеры растворены настежъ, дежурный надзиратель пропадаетъ неизвѣстно гдѣ. Никто не спитъ, такъ какъ время близится къ обѣденному часу. Заглянешь въ одну камеру—тамъ совсѣмъ пусто, и только два-три человѣка гдѣ нибудь въ углу, полулежа на нарахъ, пьютъ собственный чай и тихо о чемъ нибудь разговариваютъ. Это какіе нибудь солидные, флегматичнаго темперамента пріятели, мало интересующіеся шумной общественной жизнью и предпочитающіе ей интимную бесѣду о стародавнихъ временахъ и о разныхъ случаяхъ изъ своей жизни на волѣ. Заходишь въ другую, въ третью камеру—и тамъ все пусто, словно все вымерло. Но за то изъ слѣдующаго номера доносится до васъ оживленный говоръ и шумъ. Тамъ цѣлая толпа народу—трудно протискаться. Что же это за зрѣлище, привлекшее сюда почти всю тюрьму?

Двѣ камеры, моя и Штейнгарта, устроили сегодня состязаніе между собой, «екзаментъ»: чьи ученики сдѣлали больше успѣховъ въ наукахъ? Состязаются, конечно, только они одни, однако живѣйшее участіе принимаютъ въ дѣлѣ и ихъ неграмотные сожители. Одно и тоже стихотвореніе («Ласточки» Майкова) я диктую ученикамъ Штейнгарта, онъ—моимъ. Большой камерный столъ выдвинутъ на середину комнаты, и съ него убрано все, что могло бы мѣшать экзамену, чашки, ложки, бачки, хлѣбъ. Лица пишущихъ серьезны и степенны; одни изъ нихъ видимо волнуются, другіе имѣютъ мрачный видъ, но всѣ хранятъ строгое молчаніе и только таинственно шепчутъ губами, повторяя про себя слова диктовки. Неграмотные зрители, напротивъ, шумно суетятся вокругъ стола, кричатъ, толкаются, жестикулируютъ и даже перерugиваются съ противниками; желая всячески ободрить свою сторону, они только мѣшаютъ ей своими криками и неумѣстными наставленіями.

— Наша камера, смотри, не оплошай, не осрамись!—кричитъ одинъ:—не то такія банки отрублю...

— Ты, Егорка, знатче выводи гуквы-то, а то опять споръ выйдетъ: ты говоришь *о*, а Митрей Петровичъ говоритъ — *а*... такъ чтобъ безъ сумленія было!

— Нѣтъ, это что!—заявляетъ третій:—своимъ банки не штука поставить. А вотъ ежели ваши ученики слабже нашихъ окажутся, такъ мы и изъ камеры своей васъ не выпустимъ: всѣмъ вамъ, собачьи дѣти, ложки отпустятъ! и ученикамъ и неученикамъ! Не ходи на екзаментъ, не бахвалься!

Дружный хохотъ встрѣчаетъ это предложеніе.

— Ну, да вѣдь и у васъ брюхо-то тоже есть. Еще неизвѣстно, кому ложки получать придется...

— Не согласенъ я, ребята, на банки,—вдругъ отрывается отъ

своей диктовки мой неизмѣнный ученикъ Луньковъ:— хоть бы Сохатаго взять... Онъ, большой дуракъ, худо напишетъ, а я за него отвѣчай? Я за себя только, старики, отвѣчаю, ни за кого больше...

— Ахъ ты трепачъ—мараказина!—огрызается на него Сохатый:—еще вопросъ, кто больше ошибокъ надѣлаетъ?

Штейнгартъ сурово прекращаетъ споръ.

— Пишите, господа, я сорокъ разъ повторять не стану:

Взгляну-ль по привычкѣ подъ крышу —
Пустое гнѣздо подъ окномъ.

Я вижу, между тѣмъ, что дѣло Сохатаго плохо: онъ озирается по сторонамъ, какъ травленный волкъ, и пялитъ глаза на тетрадки сосѣдей; больше всего смущаетъ его, повидимому, окончаніе слова «взгляну-ль», котораго онъ никакъ не можетъ взять въ толкъ. Въ это самое время ученики Штейнгарта, которымъ диктую я, успѣли уже дойти до стиха: «какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ».

— А ты чего же, Ногайцевъ, не пишешь? — спрашиваетъ кто то третьяго изъ старыхъ моихъ учениковъ.

Ногайцевъ лежитъ въ углу камеры, прикрывшись сверху шубой, и не принимаетъ въ экзаменѣ никакого участія.

— Брюхо болитъ, отвѣчаетъ онъ слабымъ, больнымъ голосомъ.

— Скажи лучше: гайка заслабила, банокъ испужался?

— Нѣ, въ самъ-дѣлѣ, болитъ...

Но вотъ диктовка, наконецъ, окончена. Учителя предлагаютъ ученикамъ еще разъ пересмотрѣть написанное.

— Чего тутъ смотрѣть, готово! хвастливо восклицаетъ Луньковъ и подаетъ мнѣ свою тетрадку, но многіе другіе, и въ томъ числѣ Сохатый, долго еще сидятъ за столомъ, углубившись въ свое писанье и храня угрюмое молчаніе. Сохатый совсѣмъ притихъ и то и дѣло бросаетъ на меня недоумѣвающіе взгляды, словно ища себѣ помощи и защиты. Это не ускользаетъ, конечно, отъ вниманія публики, и она дѣлаетъ по его адресу рядъ ядовитыхъ замѣчаній. Наконецъ, и Петинъ сердито свертываетъ тетрадку и, показавъ кому-то кулакъ, подаетъ свою работу. Мы съ Штейнгартомъ приступаемъ къ просмотру диктантовъ, и тутъ въ камерѣ начинается невообразимое волненіе и происходитъ страшная давка; ученики и зрители взлѣзаютъ буквально на спины и на плечи одинъ другому, каждому хочется хоть глазкомъ посмотрѣть, что будутъ дѣлать учителя... Даже и мы сами заражаемся общимъ волненіемъ... я съ удивленіемъ замѣчаю огромные успѣхи, сдѣланные учениками Штейнгарта. Нѣкоторые изъ нихъ въ самое короткое время научились отличать предлоги, стоящіе передъ именами существительными, отъ такихъ же предлоговъ, стоящихъ передъ глаголами, и первые всегда пишутъ раздѣльно, а вторые слитно

(для моихъ учениковъ различіе это всегда составляло главный пунктъ преткновенія). Одинъ изъ пятерыхъ учениковъ Штейнгарта, явившихся на экзаменъ, умудрился не сдѣлать ни одной грубой ошибки даже въ запятыхъ (у насъ заранѣе самымъ точнымъ образомъ условлено, какія именно ошибки считать грубыми и подчеркивать). Этотъ ученикъ былъ, впрочемъ, грамотнымъ еще на волѣ, и я предлагалъ поэтому не допускать его на экзаменъ, но мои ученики, изъ самолюбія, не захотѣли его «отводить», хвастливо заявивъ, что въ «дихтовкѣ ни передъ кѣмъ не сробѣютъ». Теперь они должны были пожать плоды этого хвастовства. Изъ остальныхъ учениковъ враждебной стороны у троихъ оказалось отъ десяти до двадцати грубыхъ ошибокъ у каждаго; пятый сдѣлалъ всего лишь семь ошибокъ.

— Несправедливость!—закричалъ вдругъ Сохатый, все время внимательно слѣдившій за тѣмъ, какъ мы подчеркивали ошибки, и грозно засверкалъ своими телячьими глазами—явное попустительство!

— Гдѣ? что такое?

— А вотъ, что тутъ у Милосердова написано? Нуль то пропущенъ? Подчеркнуть надо!—потворствуетъ Иванъ Николаевичъ Штейнгору!

— Какой нуль, гдѣ вы тутъ нуль нашли?

Сохатый молча тычетъ пальцемъ въ слова «взгляну ль».

Мы съ Штейнгартомъ весело смѣемся, и вслѣдъ за нами всѣ ученики, а затѣмъ и всѣ зрители (неграмотные даже болѣе грамотныхъ) разражаются громовымъ хохотомъ. Сохатый сначала ошеломленъ, потомъ переконфуженъ: онъ дѣлаетъ движеніе схватить со стола свою тетрадку, въ которой у него очевидно, красуется «взгля О», но публика не даетъ ему этого сдѣлать.

— Нѣтъ, шалишь, братъ! чужія ошибки считать лѣзешь — и за свои умѣй расплачиваться.

Сохатому пытаются скрутить руки, онъ рычитъ и отмахивается кулаками, поднимается невообразимый гвалтъ, драка, и мнѣ съ Дмитріемъ съ трудомъ удается возстановить прежнюю тишину. Дѣло моихъ учениковъ оказывается безнадежно проиграннымъ, и все благодаря тому же Сохатому: онъ одинъ умудрился надѣлать въ своемъ диктантѣ 52 грубыхъ ошибки (хотя въ другое время и въ другомъ настроеніи онъ могъ бы написать вдвое и даже втрое лучше).

— Банки, банки отсѣкать!—раздается дикій вопль, и въ начинающейся вслѣдъ затѣмъ сумятицѣ трудно даже разобрать, кто кому хочетъ ставить банки. Я съ Штейнгартомъ и Башуровымъ успѣлъ уже очутиться у дверей камеры — насъ моментально оттерли отъ стола, и никакіе наши уговоры и упреки уже не имѣютъ ровно никакого значенія, никто насъ не слушаетъ и даже не можетъ слышать. Намъ остается съ грустью смотрѣть на происходящее побоище.

— Сохатому отрубайте!—кричать одни голоса.

— Всѣмъ! Всей камерѣ!—вопять неистово другіе.

По срединѣ камеры на полу уже лежитъ, барахтаясь и кусаясь, маленькій Луньковъ, красный, потный и разъяренный, а на немъ сидятъ верхомъ нѣсколько человѣкъ. Но вдругъ на эту кучу налетаетъ ватага другихъ борцовъ: это человѣкъ десять арестантовъ, обхвативъ со всѣхъ сторонъ гиганта-Петина, пытаются свалить его съ ногъ. Запнувшись о лежащаго на полу Лунькова и сидящихъ на немъ палачей, вся эта ватага моментально летитъ внизъ: одни тутъ же растягиваются во весь ростъ, другіе кувыркомъ летятъ въ сторону. Освободившійся во время этого паденія Сохатый быстрѣе всѣхъ вскакиваетъ на ноги и, стрѣлой пробѣжавъ мимо насъ, кидается вонъ изъ камеры...

— Лови его! Держи его!—слышится бѣшеный ревъ двадцати голосовъ, и вдогонку бѣжитъ нѣсколько человѣкъ.

А въ камерѣ свалка, между тѣмъ, продолжается. Въ числѣ отвѣшивающихъ Лунькову «ложки», къ удивленію своему, я замѣчаю и его сокамерника и товарища по ученью Ногайцева, у котораго передъ тѣмъ «болѣло брюхо»...

Штейнгартъ сердится.

— Никогда больше не стану устраивать этихъ экзаменовъ. Безобразіемъ только всегда кончается... А сегодня еще слово мнѣ дали, что все прилично будетъ!

Но вотъ раздается звонокъ на обѣдъ, и староста показывается изъ кухни съ баландой въ рукахъ. Все сразу затихаетъ.

Послѣ обѣда тюрьма поголовно спитъ мертвецкимъ сномъ часа полтора или даже два. Рѣдко кто изъ арестантовъ прошмыгнетъ по корридору, направляясь въ кухню или больницу. За то къ вечеру все опять оживаетъ. Вездѣ пьютъ чай, ведутъ оживленныя бесѣды, поютъ хоромъ пѣсни. Надзиратель лишь изрѣдка появится и попроситъ «потише драть глотку».

Однако, что за необыкновенный шумъ происходитъ въ четвертомъ номерѣ? Туда вся тюрьма бѣжитъ, какъ на интересное зрѣлище, а выходящая оттуда кобылка заливается веселымъ смѣхомъ. Изъ камеры доносятся звуки балалайки и какой-то странный мотивъ неизвѣстной мнѣ пѣсни. Откуда могла взяться въ тюрьмѣ скрипка или балалайка?

— Что тамъ такое?—спрашиваю я перваго попавшаго навстрѣчу арестанта.

— Это Чащинъ, чтобъ его язвило, волынку съ Михайломъ Иванычемъ третъ!

Михайло Иванычъ—мой пріятель Ногайцевъ, и я съ любопытствомъ захожу въ камеру. Чащинъ—арестантъ, по общему признанію, не изъ дешевыхъ, да и на мой взглядъ это человѣкъ недюжиннаго ума и силы. Онъ рецидивистъ, осужденный навѣчно, родомъ сибирякъ, изъ той же знаменитой всякаго рода фартовцами

мѣстности Енисейской губерніи, откуда были и Семеновъ, и Гончаровъ съ Ракитинымъ, и многое множество другихъ шелайскихъ обитателей. Роста онъ выше средняго, худощавый, жилистый, весь точно изъ стали вылитый, слыветъ первымъ силачемъ въ тюрьмѣ; на изрытомъ оспой и лишенномъ всякой растительности лицѣ лежитъ всегда печать солидности, но въ сѣрыхъ, умныхъ глазахъ свѣтится веселая иронія; за словомъ Чащинъ никогда не лѣзетъ въ карманъ, и остроты его отличаются большой ядовитостью. Въ общемъ же характеръ его не совсѣмъ для меня ясенъ.

Балалаечные звуки, оказалось, исходили изъ простой роговой гребенки и изъ собственныхъ искусныхъ губъ Чащина. Степенный и важный, безъ тѣни усмѣшки на губахъ, онъ комично грузно приплясываетъ передъ Михайломъ Ивановичемъ и не перестаетъ наигрывать свой странный,—то веселый, то вдругъ раздирательно-плаксивый мотивъ.

— Балаганъ ты, мой ба-а-а-лаганъ!.. вырываются по временамъ изъ его груди хриплые, нѣсколько гнусливые звуки, и ихъ сопровождаетъ взрывъ веселаго хохота публики.

Толстякъ Ногайцевъ, въ шапкѣ и въ шубѣ, сидитъ на краешкѣ наръ, молчаливо пыхтя, широко раздувая ноздри и видимо съ каждой минутой все больше и больше свирѣпѣя. Но онъ еще сдерживается и хочетъ казаться въ высшей степени равнодушнымъ, для чего и самъ иногда смѣется натянутымъ, неестественнымъ смѣхомъ.

— Вотъ дуракъ-то! вотъ дубина-то!—подаетъ онъ пренебрежительныя реплики, и, слыша ихъ, кобылка пуще того веселѣетъ.

— Ббала-га-анъ ты...—выдѣлываетъ опять на губахъ Чащинъ, уморительно топчась на одномъ мѣстѣ и все поглядывая на свою жертву; и Ногайцевъ все больше надувается, краснѣетъ, пыхтитъ и, наконецъ, выпаливаетъ:

— Остается только въ кухню пойти да полѣно хорошее взять!..

Гомерическій хохотъ заглушаетъ эти негодующія слова. Чащинъ, конечно, не унимается.

— Въ чемъ тутъ у васъ дѣло, господа?—подхожу я къ своему пріятелю, желая его поддержать.

— Да вотъ посмотри, Миколаичъ, на дурака,—съ живостью обращается онъ ко мнѣ:—посмотри, какіе туесы у насъ въ Сибири на плечахъ растутъ!—И онъ указываетъ мнѣ на Чащина.

— А это вотъ въ чемъ дѣло, Иванъ Николаичъ,—даетъ мнѣ объясненіе самъ Чащинъ:—я пою ему, видите ли, пѣсенку родную... Какъ челдонъ нашъ, сибирячокъ любезный, кверху брюхомъ въ балаганѣ своемъ лежитъ, когда пельменей напрется, и поетъ, знай: «Бба-ла-га-а...»

— Тьфу, скотина!—не выдержавъ, посылаетъ ему плевокъ прямо въ лицо вскипѣвшій Ногайцевъ. Новый громъ неистоваго смѣха встрѣчаетъ эту его выходку. Но дальновидный Чащинъ во время

успѣлъ замѣтить намѣреніе Михайлы Ивановича: извернувшись, какъ ужъ, онъ получилъ по своему адресу лишь нѣсколько незначительныхъ брызгъ слюны, весь же плевокъ пришелся, какъ разъ, въ самый ротъ стоявшему позади него одноглазому татарину Зулкарнаеву. Послѣдній заплевался, заругался на своемъ гортанномъ нарѣчіи, а отскочившій прочь Чащинъ уже опять пиликаетъ на гребенкѣ и тянетъ безконечно-монотонную пѣсню лежащаго кверху брюхомъ, объѣвшагося челдона. Самъ челдонъ, онъ безподобно передавалъ и комически преувеличивалъ манеры и интонацію сибиряка.

Михайло Иванычъ, давъ исходъ накопившемуся въ немъ гнѣву, уже опять сидитъ на нарахъ съ дѣланной невозмутимостью и ждетъ новаго представленія. Я собираюсь уйти, видя здѣсь себя лишнимъ. Но дверь внезапно отворяется, и на порогѣ показывается Штейнгартъ. Онъ уже слыхалъ, конечно, обо всемъ, что здѣсь происходитъ, но дѣлаетъ видъ, что ничего не знаетъ, и кричитъ, не заходя въ камеру:

— Ногайцевъ, не хотите ли прогуляться со мной? Вѣдь ужъ скоро повѣрка.

Ногайцевъ чрезвычайно обрадованъ этимъ неожиданнымъ избавленіемъ. Весь просіявшій, онъ тотчасъ же встаетъ съ наръ и идетъ, переваливаясь, къ дверямъ, не обращая вниманія на смѣхъ и тюканье кобылки. Только на порогѣ онъ на минуту останавливается и, оглянувшись на Чащина, съ добродушной укоризной говоритъ:

— Ну, что взялъ, дурачокъ? Что взялъ?

Кобылка въ послѣдній разъ разражается громоподобнымъ хохотомъ, а Чащинъ беретъ на своей самодѣльной балалайкѣ прощальный аккордъ:

— Бба-ла...

Штейнгартъ молча увлекаетъ Ногайцева, и тотъ, плотнѣе закутываясь въ шубу и комично перекидывая съ боку на бокъ свое неуклюжее тѣло, поспѣшно выходитъ вслѣдъ за нимъ на тюремный дворъ. Зрѣлище окончено, кобылка весело расходится по своимъ мѣстамъ. До вечерней повѣрки остается уже какой-нибудь часъ, и вотъ полтюрьмы высыпаетъ на дворъ подышать свѣжимъ воздухомъ и поразмять застоявшіяся ноги. Большинство арестантовъ разгуливаютъ въ это время попарно, у каждаго именно для этихъ прогулокъ разъ навсегда заведенъ неизмѣнный товарищъ. Въ остальномъ, повидимому, и нѣтъ между людьми особенной дружбы,—живутъ въ разныхъ камерахъ, работаютъ различную работу,—а какъ только выйдутъ подъ вечеръ гулять, глядишь—и очутились вмѣстѣ. И ходятъ, ходятъ, не уставая, кругомъ тюрьмы или больницы, въ глубокомъ молчаніи или обмѣниваясь незначительными фразами. Такъ Чирокъ гуляетъ обыкновенно со Стёпкой Челдончикомъ, Сохатый съ общимъ старостой Годуновымъ (съ которымъ въ другое

время постоянно ссорится и грызется), Луньковъ съ Мишкой Звѣздочетомъ и т. д., и т. д. Ногайцевъ за послѣднее время, къ общему удивленію, сильно сдружился съ Дмитріемъ Петровичемъ и не отстаетъ отъ него ни на шагъ... Да и самому Штейнгарту, видимо, по сердцу пришлось общество почтеннаго Михайла Иваныча, такъ какъ онъ рѣдко подходитъ во время прогулокъ ко мнѣ или Башурову, и послѣдняго обстоятельство это не мало огорчаетъ. Валерьянъ нерѣдко даже бесѣдуетъ со мной на эту тему.

— Какой странный сталъ Дмитрій въ послѣднее время! Онъ, точно, дичится насъ съ вами, а эта дружба его съ Ногайцевымъ положительно на какую-то загадку походитъ...

Я стараюсь одолѣть собственное недовольство и защищаю Штейнгарта:

— Онъ просто усталъ. Теперь у насъ мирныя времена, и каждый вправѣ жить такъ, какъ хочетъ, своей внутренней жизнью. А наступитъ опять какой-нибудь острый моментъ, и онъ снова станетъ, я увѣренъ, прекраснымъ товарищемъ!

— Такъ-то оно такъ,—возражаетъ Башуровъ,—но почему же насъ вотъ съ вами и теперь другъ къ дружкѣ тянетъ, а не къ какому-нибудь, положимъ, Карпушкѣ Липатову?

Впрочемъ, и Валерьянъ въ сущности отлично понимаетъ, что всѣ «странности», которыя замѣчаются въ послѣднее время въ Штейнгартѣ, его молчаливость, нелюдимость съ товарищами и мрачный, подавленный видъ—имѣютъ, по всей вѣроятности, одну главную причину: вотъ уже около полугода, какъ онъ не имѣетъ никакихъ извѣстій о дорогомъ существѣ... Насъ тоже тревожитъ временами это долгое, кажущееся непонятнымъ отсутствіе писемъ, и втайнѣ мы сами строимъ всевозможныя мрачныя догадки, хотя и не высказываемъ ихъ другъ другу. Человѣкъ, лишенный свободы, лишенный всего дорогого ему на свѣтѣ, одиноко страдающій вдали отъ родины, отъ близкихъ ему людей, такъ мало склоненъ бываетъ объяснять ихъ молчаніе какими-либо нормальными, естественными причинами: ему всегда грезятся болѣзни, смерть, забвеніе... Тамъ, за стѣнами угрюмой тюрьмы, жизнь плетется себѣ обычной блѣдной колеей: разливаются рѣки, надолго задерживающія почту; точно на зло, письма пропадаютъ безъ всякихъ видимыхъ причинъ, или, еще проще, пишутся позже обыкновеннаго, но бѣдный узникъ ничего этого не знаетъ и ходитъ мрачный, какъ ночь, со смертью въ душѣ...

Какъ велика была радость Штейнгарта, когда и его страхи оказались, наконецъ, напрасными, и онъ сразу получилъ цѣлый рядъ славныхъ, полныхъ надежды, жизнерадостныхъ писемъ! Вся его отчужденность мигомъ опять исчезла, и однажды, когда я вдвоемъ работалъ съ нимъ въ верхней шахтѣ, а прочіе арестанты ушли наверхъ пить чай, онъ усѣлся возлѣ меня и, какъ въ первую памятную ночь нашего знакомства, оживленно, долго и съ

трогательной откровенностью разсказывалъ мнѣ о своихъ недавнихъ чувствахъ.

— Неужели вы не понимали, почему я сторонился отъ васъ съ Валерьяномъ? Въ вашихъ глазахъ я ловилъ постоянные вопросы: что съ тобой? Не можемъ-ли мы чѣмъ-нибудь помочь тебѣ? И это было такъ тяжело, такъ невыносимо-тяжело! Когда отъ самого себя готовъ убѣжать и скрыться, то общество подобныхъ себѣ еще меньше можетъ удовлетворить. Ну, а вотъ какой-нибудь Ногайцевъ... ахъ, это совсѣмъ другое дѣло! Повѣрите-ли, Иванъ Николаевичъ, я только теперь научился цѣнить, какъ слѣдуетъ, эту простую, эту чуждую всякихъ хитрыхъ затѣй душу! Если бъ вы знали, сколько нѣжной чуткости открылъ я въ душѣ этого полузвѣря, убійцы трехъ человѣкъ! Разъ вечеромъ,—какъ сейчасъ помню, передъ повѣркой,—сижу я на завалинѣ подъ кухоннымъ окномъ, въ сторонѣ отъ публики, смотрю—онъ прямо ко мнѣ ковыляетъ, ухмыляется: «Чего затуманился, дружокъ? Аль всѣ пути-дороженьки запали?» И я не съумѣю вамъ передать, какъ онъ это просто, такъ задушевно-просто сказалъ... У меня отъ этихъ словъ по сердцу такъ и прошла теплая волна, и въ глазахъ все сразу просвѣтлѣло! Неужто-жъ, подумалъ я, и въ самомъ дѣлѣ всѣ пути-дороженьки для меня запали? Развѣ человѣкъ, стоющій этого имени исчерпывается однимъ какимъ-нибудь интересомъ или чувствомъ? И если-бы даже погибли всѣ мои личныя привязанности и радости, то развѣ не продолжала-бы мнѣ свѣтить звѣзда, которой я посвятилъ свою жизнь и свободу? Къ ней то во всякомъ ужъ случаѣ не запали пути-дороженьки!...

— Такъ вотъ видите,—закончилъ Штейнгартъ, радостно улыбаясь,—какія сложныя мысли и чувства разбудилъ во мнѣ самый простой и безхитростный вопросъ нашего забавнаго, нашего толстаго увальня, Михайла Иваныча... И съ этого дня началась наша нѣжная дружба!

IV.

«Атаманъ Буря» и начало его карьеры.

Въ одной изъ новыхъ партій, прибывшихъ въ Шелай, находился молоденькій еврейчикъ, по фамиліи Шустеръ. По его собственнымъ словамъ, ему было 23 года, но на видъ онъ былъ значительно моложе. Маленькаго роста, свѣженькій, всегда чистенькій, румяный, съ большими черными глазами, необыкновенно живыми и блестящими, онъ отличался изысканно-вѣжливыми манерами и, раскланиваясь со мной при встрѣчахъ, всегда граціозно расшаркивался; рѣчь его, слегка картавая, тоже изобличала человѣка, получившаго нѣкоторое образованіе, и, дѣйствительно, при разспросахъ оказалось, что юноша учился когда-то въ IV классѣ

гимназіи и, кромѣ того, самъ кое-что читалъ; онъ былъ вообще очень неглупъ, развитъ, писалъ почти вполнѣ грамотно, и невольно какъ-то думалось, что съ арестантской массой ничто не связываетъ этого человѣка, кромѣ сѣрой арестантской куртки и какого-нибудь случайнаго несчастія, толкнувшаго его въ среду преступныхъ и развращенныхъ людей. Специфически-еврейскихъ чертъ въ наружности Шустера почти не было, и первое время меня крайне удивляло, что арестанты тѣмъ не менѣе почти всѣ называли его «жидомъ» и называли съ явнымъ недоброжелательствомъ, почти съ презрѣніемъ. Бывали въ нашей тюрьмѣ и другіе евреи, несравненно болѣе типичные, и случалось, что ихъ тоже ругали жидами, но въ ругани этой, какъ я уже говорилъ выше, не слышалось никакой ненависти; между тѣмъ Шустеръ составлялъ въ этомъ отношеніи какое-то странное исключеніе. Кобылка, несомнѣнно, его не любила, и долгое время я объяснялъ это тѣмъ, что онъ, что называется, отъ своихъ отсталъ и къ чужимъ не присталъ. Дѣйствительно, даже сѣрые арестантскіе штаны и бушлатъ съ двумя черными тузами на спинѣ сидѣли на его гибкой фигурѣ какъ-то приличнѣе—я чуть не сказалъ изящнѣе, нежели на остальныхъ каторжныхъ; онъ былъ со всѣми ласковъ и какъ-то вкрадчиво-вѣжливъ, и когда проходилъ, бывало, по коридору или по камерѣ быстрой, граціозной походкой, румяненькій, гладко причесанный, бросая кругомъ блестящіе, робко-ласкающіе взгляды, то каждый разъ напоминалъ мнѣ собою котенка, желающаго приласкаться ко всякому встрѣчному... Но Шустера не ласкали, а, напротивъ, обрывали на каждомъ шагу сердитымъ возгласомъ:

— Ахъ ты, жидина пархатая!

Ему съ большимъ удовольствіемъ загибали салазки, дѣлали вселенскія смази, отрубали банки. Шустеръ въ этихъ случаяхъ никогда не защищался, онъ даже не бранился, не кричалъ, а только продолжалъ своимъ вкрадчивымъ голосомъ уговаривать или умолять палачей не трогать, не мучить его... Онъ явно старался въ то же время поддѣлаться къ тюремнымъ силачамъ и воротиламъ, билъ передъ ними, какъ говорится у арестантовъ, хвостомъ, шутилъ, заигрывалъ, и иногда ему удавалось достичь своей цѣли: какой-нибудь Чащинъ или Быковъ расхаживалъ съ нимъ по двору, фамильярно обнявшись и дружелюбно бесѣдуя. Но проходило нѣсколько минутъ, и тотъ же Чащинъ давалъ своему новому пріятелю здоровенный пинокъ и кричалъ свирѣпо:

— Убирайся ты отъ меня, шкура тюремная!..

Мнѣ становилось порой искренно жалко этого загнаннаго, нелюбимаго всѣми еврейчика. Но арестанты, когда я приставалъ къ нимъ съ разспросами о причинахъ такого всеобщаго презрѣнія, отдѣлывались обыкновенно шутками или общими фразами.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день въ камерѣ нашей узнали, что въ первомъ номерѣ, гдѣ до тѣхъ поръ жилъ Шустеръ, кто-то

сильно побилъ его, и что онъ переводится къ намъ. Извѣстіе это встрѣчено было единодушнымъ ропотомъ:

— Слышали, къ намъ жида переводятъ?

— Это Катьку-то?

— Ну! чтобъ черти ее задавили... Не могъ Алешка крышку ей сдѣлать, гадинѣ этакой!

— Я, братцы, ни за что съ ей рядомъ не лягу; пущай Шестиглазый въ карецъ лучше сажаетъ—не лягу!

— И я тоже. Пущай на полу ложится!

Тутъ только глаза мои открылись: сожители мои говорили на этотъ разъ слишкомъ недвусмысленно, не оставляя мѣста уже никакимъ сомнѣніямъ... И хоть сомнѣніе продолжало во мнѣ шевелиться (мало ли какіе поклепы взводили арестанты другъ на друга!), но, признаюсь, и я ощутилъ невольное чувство брезгливости къ этому юношѣ, съ которымъ до сихъ поръ находился въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ.

Дверь отворилась—и въ камеру вошелъ съ своими вещами Шустеръ, робкій, смущенный, встрѣченный гробовымъ молчаніемъ словно будто не замѣтившихъ его арестантовъ. Но слѣдомъ за нимъ вбѣжалъ Петинъ-Сохатый, отсутствовавшій во время предыдущаго разговора, и весело закричалъ:

— Сюда, Шустрый, ложись рядомъ со мной, въ товарищахъ будемъ!

Слова эти вызвали общее хихиканье, но Сохатый не обратилъ на него вниманія: это былъ человѣкъ каприза и настроенія; сегодня онъ, точно намѣренно, шелъ противъ общественнаго мнѣнія, а завтра былъ его послушнымъ рабомъ. Всѣ это отлично знали, и никто не удивился поэтому его рѣшенію принять къ себѣ Шустера. Послѣдній, конечно, съ радостью отнесся къ приглашенію Сохатаго и, положивъ тотчасъ же свою подстилку рядомъ съ его, въ углу камеры, весь день явно ухаживалъ за своимъ сильнымъ покровителемъ, бѣгалъ въ кухню заваривать ему чай, заглядывалъ ему по-собачьи въ глаза, предупреждалъ малѣйшее его желаніе... Остальные арестанты дѣлали видъ, будто не замѣчаютъ присутствія въ камерѣ новаго сожителя. Что касается меня, я рѣшилъ держаться нейтралитета и наблюдать; однако, какъ я сказалъ уже, во мнѣ шевелилось гадливое чувство, перенесшееся съ Шустера и на Сохатаго, такъ подозрительно съ нимъ подружившагося: противъ собственнаго желанія, я сталъ держаться съ ними обоими сухо и преувеличенно-холодно... Но прошло нѣсколько дней, и мои подозрѣнія совершенно разсѣялись. Отношенія Шустера съ Сохатымъ носили, повидимому, вполнѣ невинный характеръ, да и самъ Шустеръ продолжалъ производить впечатлѣніе запуганнаго малаго съ очень симпатичнымъ, деликатнымъ нравомъ и интеллигентной душевной складкой; онъ съ такимъ вниманіемъ, съ такой жадностью прислушивался ко всякому разговору, въ которомъ я прини-

малъ участіе и изъ котораго надѣялся извлечь что-либо интересное или поучительное. И мнѣ думалось: если даже и лежало на прошломъ этого мальчика то позорное пятно, въ которомъ обвиняла его кобылка, то оно объяснялось, быть можетъ, дурной, развращающей атмосферой, господствующей въ большинствѣ каторжныхъ тюремъ; здѣсь же, при лучшихъ условіяхъ жизни, подъ вліяніемъ моимъ и моихъ товарищей, эта молодая, способная душа можетъ еще проснуться, возродиться, ужаснуться своего прежняго паденія... Переходъ въ нашъ номеръ, казалось, былъ во всѣхъ отношеніяхъ благодѣтеленъ для Шустера. Онъ велъ себя такъ тихо и кротко, такъ готовъ былъ услужить каждому, что скоро и вся камера примирилась съ его присутствіемъ, и я сталъ замѣчать, что тѣ самые арестанты, которые недавно еще соглашались лучше пойти въ карцеръ, чѣмъ лежать рядомъ съ поганымъ «жидиной», теперь охотно пили вмѣстѣ съ нимъ чай и разгуливали по двору. А однажды вечеромъ Шустеръ явился даже героемъ, привлекшимъ къ себѣ общее вниманіе и сочувствіе. Всѣ уже ложились спать, какъ вдругъ изъ угла, гдѣ помѣщался Сохатый съ своимъ новымъ пріятелемъ, послышались такія рѣчи:

— «Я—атаманъ Буря! Кто хочетъ помѣряться со мной отвагой и силами? Громъ и молнія! Кто дерзнетъ отнять у меня любимую дѣвушку? Я разыщу ее на днѣ моря, я достану ее изъ адской пропасти, вырву изъ когтей тысячи демоновъ! Эй, мой вѣрный есаулъ, явись сюда на зовъ своего атамана!

— «Я здѣсь, доблестный атаманъ. Что твоей милости угодно?

— «Гдѣ мои молодцы?

— «Недалеко, въ оврагѣ за рощей...

— «Чтобы ровно къ двѣнадцати часамъ, въ полночь, всѣ были готовы. Намъ предстоитъ кровавый пиръ-свадьба... Разгуляемъ мечи наши, потѣшимъ молодецкую удаль!

— «Слушаю, храбрый атаманъ. Всѣ мы за тебя съ радостью головы свои сложимъ. Но и врагу нашему несладко придется! Какъ коршуны, налетимъ мы, не одну буйную голову посѣчемъ, не одну красную дѣвицу въ полонъ возьмемъ!»

И т. д., и т. д.

Арестанты, какъ одинъ человѣкъ, повскакали съ наръ и кинулись къ сценѣ. Это Шустеръ давалъ Сохатому даровое представленіе. Онъ началъ тихимъ, еле слышнымъ голосомъ, но, замѣтивъ произведенное впечатлѣніе, разошелся и загремѣлъ такъ, будто и въ самомъ дѣлѣ вообразилъ себя атаманомъ Бурей... Я тоже съ любопытствомъ прислушивался. Содержаніе пьесы было вполнѣ нелѣпое, отъ начала и до конца все въ томъ же ложно-романтическомъ стилѣ, но кобылку оно приводило въ неистовый восторгъ. Оказалось, что въ Алгачахъ, гдѣ Шустеръ жилъ раньше около года, былъ одинъ арестантъ, знавшій наизусть всего «Царя Максиміліана» и другія подобныя же пьесы неизвѣстныхъ авторовъ, до

сихъ поръ имѣющія большую популярность въ нашемъ тюремномъ и солдатскомъ мірѣ. Отъ него-то и перенялъ способный Шустеръ нѣсколько сценъ, особенно поразившихъ его воображеніе. Много вечеровъ подъ-рядъ заставляли его арестанты повторять представленіе, а днемъ водили съ этой же цѣлью по другимъ камерамъ, и онъ исполнялъ свои роли съ величайшимъ удовольствіемъ и готовностью, расходясь все больше и больше и выкрикивая монологи атамана Бури такимъ раздирательно-зычнымъ голосомъ, что надзиратели подходили къ дверной форточкѣ унимать его. Шустеръ сразу сдѣлался однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ тюрьмѣ; встрѣчаясь съ нимъ, всѣ улыбались и говорили:

— А, атаманъ Буря! Какъ живешь-можешь? Гдѣ теперь твои молодцы-удальцы?

— Громъ и молнія!—отвѣчалъ обыкновенно новоявленный атаманъ:—заперли меня лихіе вороги въ клѣтку желѣзную, обрѣзали соколу могучія крылья... Но дождусь я своего краснаго дня, вырвусь на вольную волюшку—и, грозна будетъ моя месть тѣмъ, кто предалъ и погубилъ меня!

И вокругъ него тотчасъ же собиралась куча любопытныхъ. Исчезла прежняя запуганность и робость Шустера: онъ сдѣлался говорливымъ, живымъ, общительнымъ, и не разъ я видѣлъ, какъ онъ самъ уже сидѣлъ на комъ-нибудь верхомъ и ставилъ банки... Кобылка совсѣмъ, казалось, забыла о тѣхъ слухахъ, которые дѣятельно распускала раньше на его счетъ.

Со мной онъ держался попрежнему почтительно, почти благоговѣйно, и какъ только я начиналъ заниматься съ своими учениками, онъ присаживался потихоньку къ столу и внимательно прислушивался, задавая мнѣ время отъ времени разные вопросы. Кончилось это тѣмъ, что я и его пригласилъ заниматься (раньше онъ нѣсколько дней учился у Штейнгарта). Оказалось, разумѣется, что онъ многое позабылъ, что зналъ когда-то въ гимназіи; однако стоило ему рѣшить нѣсколько ариѳметическихъ задачъ, написать нѣсколько диктантовъ, и все позабытое быстро возстановилось въ его памяти: въ письмѣ онъ началъ ставить правильно не только букву ѣ, но даже и знаки препинанія. Шустеръ выказывалъ большую наклонность вступать въ бесѣды и на другія темы, непосредственно не относившіяся къ ученью, и меня поражала каждый разъ глубокая искренность, звучавшая въ его разсужденіяхъ о необходимости жить честнымъ трудомъ, о томъ, какое страшное несчастіе попасть въ молодые годы въ каторгу и пр. Однажды я заговорилъ объ его прошломъ, спросилъ, что привело его въ тюрьму.

— Эхъ, Иванъ Николаевичъ, долго разсказывать! — вздохнулъ Шустеръ:—съ тринадцати лѣтъ вѣдь началось это со мной... Мнѣ самому ужасно хотѣлось бы все разсказать вамъ такъ, какъ вотъ попу на духу разсказываютъ.

— Почему же вамъ хотѣлось бы?

— Въ душѣ ужъ очень много накипѣло, Иванъ Николаевичъ, всякихъ обидъ, униженій... Чего вѣдь только не пришлось мнѣ пережить за эти десять лѣтъ! Не скрою отъ васъ, что я и самъ очень много пакостей на своемъ вѣку надѣлалъ... Не назову я себя хорошимъ человѣкомъ, зачѣмъ лицемѣрить! Но только я вполнѣ надѣюсь, что я не вовсе еще погибшій человѣкъ, и попади я въ хорошую компанію, я бы могъ еще бросить свои дурныя привычки. Ну, вотъ мнѣ и хотѣлось бы все разсказать вамъ... Быть можетъ, вы мнѣ и добрый бы совѣтъ подали.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Хоть сейчасъ начинайте, я съ удовольствіемъ стану васъ слушать.

— Нѣтъ, Иванъ Николаевичъ, я вамъ предложу вотъ что. Многое мнѣ, пожалуй, стыдно будетъ вамъ на словахъ обсказывать, и я, быть можетъ, стану привирать... А мнѣ пришло въ голову на письмѣ описать вамъ свою жизнь.

— Это будетъ еще лучше,—съ живостью ухватился я за любопытное предложеніе,—сумѣете ли вы только?

— Думаю, что сумѣю. Вотъ бумаги только много понадобится...

За бумагой однако дѣло не стало — я согласился доставлять ее въ какомъ угодно количествѣ, и работа закипѣла. Мнѣ оставалось лишь удивляться, съ какой быстротой Шустеръ исписывалъ тетрадку за тетрадкой и передавалъ мнѣ. Я еле успѣвалъ добывать бумагу и карандаши. Содержаніе этой сохранившейся у меня автобіографіи кажется мнѣ крайне интереснымъ, и я хочу цѣликомъ привести ее здѣсь, по возможности въ подлинныхъ выраженіяхъ. Позволяю себѣ дѣлать только сокращенія и чисто формальныя поправки, которыхъ, къ тому же, и не такъ много. Что всего удивительнѣе, масса иностранныхъ словъ, встрѣчающихся въ произведеніи Шустера, употребляются всегда правильно и вполнѣ кстати.

«Отецъ мой былъ стараго покроя фанатикъ и, не смотря на то, что много лѣтъ жилъ въ Петербургѣ среди цивилизованныхъ евреевъ всетаки не разставался съ своими талмудическими суевѣріями, которыя считалъ закономъ. Древне-еврейскій языкъ, пятикнижіе, талмудъ и гемору онъ зналъ въ совершенствѣ и, занимаясь обученіемъ еврейскихъ дѣтей всей этой премудрости, жилъ не только безбѣдно но даже съ нѣкоторымъ комфортомъ. За то остальныя всѣ науки онъ считалъ вздоромъ, противнымъ талмуду, а по-русски не умѣлъ даже подписать своего имени. Немало труда стоило моей матери, которая была женщиной теперешняго поколѣнія, убѣдить отца отдать меня въ Александровскую гимназію. Но судьба съ дѣтства меня преслѣдовала, и, вотъ, какъ только исполнился мнѣ 13-й годъ,—годъ, въ который каждый еврей вступаетъ въ совершеннолѣтіе (?),—отецъ взялъ меня изъ IV класса подъ тѣмъ предлогомъ, что въ гимназіи меня заставляютъ писать по субботамъ, что противно талмуду; онъ боялся, что, благодаря этому, я совсѣмъ развращусь и перестану исполнять религіозные обряды. Горько мнѣ было бросать ученье и

среду образованных людей, но дѣлать было нечего; я вышелъ изъ гимназіи съ самыми пустыми знаніями. Отецъ опредѣлилъ меня въ свой собственный чулочный магазинъ. Нужно вамъ сказать, что самъ онъ ничего не понималъ въ этомъ дѣлѣ, но устроилъ чулочную мастерскую главнымъ образомъ для того, чтобы имѣть право жить въ Петербургѣ, и много пришлось ему потратить денегъ сперва на то, чтобы купить дипломъ мастера въ одномъ виленскомъ еврейскомъ обществѣ, а затѣмъ, не имѣя на самомъ дѣлѣ никакихъ знаній, сдать въ петербургской ремесленной управѣ провѣрочный экзаменъ. Послѣ этого онъ купилъ десять машинъ, по 400 и 500 рублей каждую, и нанялъ мастерицъ для работы. Какъ видите, у отца моего водились деньги...

«И вотъ я поступилъ въ эту мастерскую полнымъ хозяиномъ. Это было въ 84 году. Но я не чувствовалъ никакой склонности къ торговлѣ и, досадуя на отца за вредъ, который онъ мнѣ причинилъ, относился къ дѣлу крайне небрежно: началъ заводить знакомства съ гуляками и помаленьку таскать деньги изъ магазина... Отецъ вскорѣ все это замѣтилъ и сталъ жестоко наказывать меня, бить, мучить, не давать ѣсть по два, по три дня. Конечно, всѣ эти мѣры только еще больше озлобляли меня; случалось, что изъ страха я пропадалъ на нѣсколько дней изъ дому, меня отыскивали, и слѣдовала новая, еще болѣе суровая расправа... Побившись со мной такимъ образомъ мѣсяца три-четыре, отецъ въ одинъ прекрасный день отдалъ меня въ ученье къ знакомому ювелиру съ условіемъ, если онъ выучитъ меня въ два года ювелирному искусству, заплатить ему двѣсти рублей. Новая работа пришлась мнѣ по душѣ, и я началъ остепеняться. Мнѣ было у моего хозяина очень хорошо, такъ какъ никакихъ грязныхъ домашнихъ работъ, какъ это бываетъ обыкновенно съ мальчиками-учениками, онъ не заставлялъ меня дѣлать. Съ перваго же дня меня стали учить паять, шлифовать, полировать, дѣлать цѣпочки и пр., и я занимался прилежно. Самъ хозяинъ плохо умѣлъ работать, онъ любилъ за то погулять, пощеголять и мастерской своей почти не касался; за то у него былъ подмастерье, который очень хорошо зналъ свое дѣло, но за которымъ водился одинъ грѣхъ—любовь къ водкѣ и картамъ. Впрочемъ, Богдановъ былъ честный малый, и хозяинъ любилъ его.

«Обѣдать и ночевать я ходилъ каждый день домой, такъ какъ отецъ не желалъ, чтобы я ѣлъ у хозяина трефное. Такъ прошло два мѣсяца. Случилось разъ, что выпившій Богдановъ ковалъ на браслетъ пять золотниковъ золота и такъ неловко ударилъ молоткомъ, что золото выскочило у него изъ рукъ и попало подъ половикъ. Дѣло было вечеромъ, хозяина не было дома. Мы съ Богдановымъ принялись искать, но ничего не нашли, и онъ приказалъ мнѣ идти домой, говоря, что завтра отыщется. Я отправился домой, а Богдановъ въ кабакъ. Дома я разсказалъ объ этой исторіи отцу, и отецъ тотчасъ же заключилъ изъ моего разсказа, что зо-

лото укралъ я, хотя и ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ. По утру, напившись чаю, я отправился, какъ всегда, въ мастерскую. Богдановъ еще не вернулся съ ночной гулянки, и хозяинъ сталъ разспрашивать меня, какъ это такъ случилось вчера, что пропало золото. Вдругъ входитъ мой отецъ. Поздоровавшись съ хозяиномъ, онъ отозвалъ его тотчасъ-же въ сторону и спросилъ, нашлось-ли золото. Хозяинъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Тогда отецъ разсказалъ ему обо всѣхъ моихъ прежнихъ грѣхахъ и заявилъ, что золото укралъ непремѣнно я, и что меня слѣдуетъ наказать. Какъ не повѣрить родному отцу? Ювелиръ предложилъ мнѣ немедленно сознаться и вернуть покражу, обѣщаясь простить меня и не прогнать. Но въ чемъ было мнѣ сознаваться? Я плакалъ, клялся, божился—ничто не помогло: меня тутъ же разложили и дали 50 розогъ, послѣ чего хозяинъ сказалъ, чтобъ я не приходилъ больше, пока не отдамъ золота. Однако, приведя меня домой, отецъ принялся снова бить меня самымъ жестокимъ образомъ. Боже мой! какихъ только мученій я тутъ не перенесъ, и если бы мать не позвала сосѣдей и меня не отняли бы, я бы умеръ, навѣрно, у него подъ руками; меня и такъ чуть тепленькаго унесли...

«На четвертый послѣ того день приходитъ къ намъ мой хозяинъ, извиняется и разсказываетъ отцу, что утромъ мыли полъ въ мастерской и подъ половикомъ нашли закатившееся въ щель золото. Но отецъ отвѣчалъ, что это еще не доказательство моей невинности: я могъ взять золото и спрятать туда, а поэтому нечего жалѣть, что меня наказали; это послужитъ мнѣ хорошимъ урокомъ на будущее время... Хозяинъ тѣмъ не менѣе велѣлъ мнѣ одѣться и ѣхать съ нимъ въ его мастерскую. Тамъ онъ обласкалъ меня, и все пошло по старому. — Какъ разъ наканунѣ Рождества, одинъ господинъ приноситъ серебряный портмонэ и проситъ его вызолотить. Работы у насъ было очень много, и хозяинъ, положивъ портмонэ на верстакъ, сказалъ, что послѣ праздниковъ исполнитъ заказъ. Прошли и праздники. Въ самый день новаго года я былъ дома и никуда не выходилъ. Утромъ слѣдующаго дня хозяинъ велѣлъ мнѣ отшлифовать и вычистить портмонэ. Я посмотрѣлъ на верстакъ — его тамъ не было; заглянулъ въ ящикъ — и тамъ не было; пересмотрѣлъ всѣ коробочки, спросилъ у Богданова и, наконецъ, у самого хозяина. Послѣдній самъ перерылъ всю мастерскую и тоже ничего не нашелъ. Тогда онъ подозвалъ меня и спросилъ, не я ли взялъ. Если я взялъ и теперь возвращу назадъ, то онъ проститъ меня, и ни отецъ мой, никто другой никогда ничего не узнаютъ... Я, конечно, отпирался и божился. Тогда хозяинъ приказалъ Богданову никуда не выпускать меня изъ квартиры. Вечеромъ пришелъ къ нему въ гости смотритель арестнаго дома (должно быть, его нарочно позвали). Долго они сидѣли вдвоемъ въ кабинетѣ хозяина и о чемъ-то бесѣдовали, потомъ позвали меня. Хозяинъ объявилъ мнѣ, что, если я не сознаюсь, то смотритель немед-

ленно арестуетъ меня и увезетъ въ тюрьму. А смотритель прибавилъ: «Закую тебя въ ручные и ножные кандалы и заморю голодомъ. Лучше, братецъ, сознайся и скажи, гдѣ спряталъ портмонэ». Мнѣ стало страшно... Я тогда не зналъ еще, что меня не имѣли права арестовать, когда никакихъ уликъ не было, и я повѣрилъ угрозамъ. Чтобы какъ-нибудь избѣжать тюрьмы и отсрочить наказаніе, я объявилъ со слезами на глазахъ, что дѣйствительно укралъ портмонэ и спряталъ на дворѣ въ снѣгу. Смотритель тогда засмѣялся и со словами: «Вотъ такъ-то будетъ лучше!»—простился и уѣхалъ домой. А хозяинъ зажегъ фонарь и повелъ меня въ указанное мной мѣсто. Долго мы тамъ рылись безъ всякихъ результатовъ, но я продолжалъ увѣрять хозяина, что не ошибся и спряталъ именно въ этомъ мѣстѣ. Наконецъ, онъ отложилъ поиски до утра и велѣлъ мнѣ ночевать эту ночь у него. Мнѣ это не совсѣмъ понравилось, но дѣлать, конечно, было нечего. Оказалось, что моя шапка и пальто были уже спрятаны, и за мной тщательно слѣдили. Утромъ, едва только разсвѣло, хозяинъ послалъ служанку за моимъ отцомъ, и тутъ только я понялъ, что надѣлалъ вчера своимъ глупымъ сознаніемъ. Улучивъ удобную минуту, я выскочилъ, въ чемъ былъ, на улицу и побѣжалъ, куда глаза глядятъ, по Екатерингофскому проспекту. Добѣжавъ до Садовой, я остановился. Утро было холодное, трещалъ январьскій морозъ, а я былъ безъ шапки и въ одной рабочей блузѣ. У меня слезы проступали изъ глазъ отъ стужи, обиды и горя; въ карманѣ не было ни копѣйки денегъ, не было и друзей... Но домой я рѣшилъ не возвращаться. Завернувъ въ Малковъ переулокъ, я очутился возлѣ еврейской синагоги. На мое счастье служба уже отошла, и тамъ былъ только одинъ слѣпой старикъ. Пройдя незамѣченнымъ, я забрался подъ «бименъ»; такъ называется стоящее по срединѣ синагоги возвышеніе вродѣ каѳедры, подъ которымъ устраивается маленькая кладовая для храненія разныхъ рваныхъ книгъ и листовъ («шеймесъ»). По еврейскимъ законамъ нельзя ихъ бросать зря, но ихъ тщательно собираютъ и въ извѣстное время года отвозятъ на кладбище и тамъ зарываютъ въ землю. Вотъ туда-то я и залѣзъ и заперъ за собой дверцу.

«Отецъ, узнавъ обо всемъ отъ хозяина, выбѣжалъ изъ мастерской, взялъ извозчика и поѣхалъ меня искать по городу. Кто-то дорогой сказалъ ему, что видѣлъ, какъ я повернулъ въ Малковъ переулокъ. Отецъ отправился тотчасъ же въ синагогу, рѣшивъ, что больше мнѣ некуда дѣться; но синагога оказалась уже запертой. Тогда отецъ разсказалъ обо всемъ сторожу и упросилъ его отворить синагогу. Боже мой! сердце у меня замерло, когда я услыхалъ шаги и голосъ отца и понялъ, что онъ роется по ящикамъ и смотритъ подъ скамьями... Я уже думалъ, что вотъ-вотъ онъ найдетъ меня, и все глубже зарывался въ рваные листы и книги. Но гроза на время прошла, и я слышалъ, какъ отецъ велѣлъ

сторожу дать ему знать, какъ только я явлюсь. Сторожъ заперъ на замокъ дверь, и я опять вздохнулъ свободнѣе. Но скоро я почувствовалъ страшный голодъ, утолить который было, разумѣется, нечѣмъ, и съ досады я проспалъ нѣсколько часовъ. Помню, что это было въ пятницу. Меня разбудилъ сильный шумъ, поднявшійся въ синагогѣ: это евреи сошлись на вечернюю молитву («мааривъ»). Она окончилась, впрочемъ, скоро, и сторожъ позвалъ дворника, чтобы тотъ погасилъ свѣчи (сами евреи не могутъ на субботу гасить огонь), и оставилъ горящей только одну большую свѣчу, поставленную въ поминъ усопшаго,—ея нельзя было тушить («іоръ цейтъ»). Убравши все, какъ слѣдуетъ, сторожъ вышелъ и опять заперъ дверь на замокъ. Впрочемъ, я хорошо зналъ, что замокъ этотъ виситъ только для славы и отъ одного толчка можетъ разлетѣться въ прахъ. Нѣкоторое время я чутко прислушивался—все было тихо кругомъ, и я рѣшился, наконецъ, вылѣзти изъ-подъ бимена и осмотрѣться. За стѣнкой раздавался стукъ тарелокъ и говоръ людей: это жившій здѣсь же сторожъ ужиналъ со своимъ семействомъ. Голодъ мучительно давалъ мнѣ о себѣ знать; надо было, во что бы то ни стало, выбраться изъ синагоги и куда-нибудь уѣхать. Но у меня не было ни теплой одежды, ни денегъ. Я увидалъ тогда на стѣнѣ три жестяныя кружки, въ которыя кладется денежный сборъ, и рѣшилъ прежде всего поживиться этими деньгами. Хорошо зная еврейское повѣрье, что съ пятницы на субботу мертвые приходятъ въ синагогу молиться, и будучи увѣренъ, что ни одинъ фанатикъ не рѣшится въ это время войти въ нее, я не сталъ дожидаться, пока у сторожа уснутъ: быстро сломалъ кружки и забралъ къ себѣ въ карманы все серебро и мѣдь, какія тамъ находились (потомъ оказалось—около двѣнадцати рублей); взялъ скамейку и со всего размаху ударилъ ею въ дверь. Плохо державшійся пробой вылетѣлъ, дверь растворилась настежь, и я выбѣжалъ въ корридоръ... Но тутъ случилось совсѣмъ не то, чего я ожидалъ. У сторожа былъ въ это время какой то молодой еврей, и когда послышался въ синагогѣ шумъ, на смерть перепугавшій сторожа и его семью, этотъ молодой человѣкъ не струсилъ, а взялъ, не смотря на шабашъ, свѣчку, выбѣжалъ въ корридоръ и схватилъ мнимаго мертвеца за шиворотъ. О какомъ-либо сопротивленіи съ моей стороны не могло быть и рѣчи,—я былъ безоруженъ,—и я повиновался. Молодой человѣкъ повелъ меня къ сторожу, но понадобилось, по крайней мѣрѣ, полчаса времени для того, чтобы сторожъ пришелъ въ себя и повѣрилъ, что это былъ я, а не злой духъ, принявшій мой образъ... Опамятовавшись, онъ одѣлся и пошелъ дать знать о происшедшемъ моему хозяину, хорошо зная, что ему за это перепадетъ на чай. Между тѣмъ арестовавшій меня молодой еврей зорко караулилъ меня и хотѣлъ даже дать мнѣ ѣсть; но сторожиха запротестовала, сказавъ, что я уголовный преступникъ и что меня грѣшно кормить.

«Явился, наконецъ, и мой хозяинъ. Вскричавъ извозчика, онъ повезъ меня къ себѣ и дорогой все уговаривалъ сказать, куда я дѣлъ портмонэ (въ снѣгу его нигдѣ не оказалось), причемъ обѣщалъ не только защитить отъ гнѣва отца, но даже и наградить меня. Но я отказался отъ прежняго своего показанія, говоря, что солгалъ тогда изъ страха передъ смотрителемъ тюрьмы, а что, на самомъ дѣлѣ, я ничего не кралъ и ничего не знаю. Пріѣхавши въ мастерскую, хозяинъ сейчасъ же послалъ за моимъ отцомъ. Явился отецъ и, узнавъ, что я опять отъ всего отперся, потребовалъ, чтобы хозяинъ отпустилъ меня домой, гдѣ онъ скорѣе добьется отъ меня правды. Я хорошо понималъ, какими средствами станетъ онъ добиваться правды, и началъ умолять хозяина не отпускать меня. «Я не вправѣ тебя задерживать, отвѣчалъ хозяинъ, такъ какъ не имѣю противъ тебя никакихъ уликъ. Вотъ если бы ты сознался, тогда другое дѣло, тогда я оставилъ бы тебя.» И я опять рѣшился лучше наклеветать на себя, чѣмъ попасть отцу въ руки. Напротивъ нашей мастерской жилъ переплетчикъ-нѣмецъ, и у него находился въ ученьи мальчикъ. Вспомнивъ про него, я сказалъ хозяину, что точно укралъ портмонэ и передалъ на храненіе этому мальчику. Хозяинъ обрадовался моему показанію, похвалилъ меня и даже спросилъ, ѣлъ ли я сегодня. А я умиралъ отъ голоду. Онъ далъ мнѣ выпить рюмку водки и съѣсть кусокъ буттерброда, а затѣмъ заперевъ меня въ чуланѣ, вмѣстѣ съ моимъ отцомъ отправился къ переплетчику- нѣмцу: былъ уже двѣнадцатый часъ ночи. Переплетчикъ, выслушавъ разсказъ, предложилъ гостямъ произвести обыскъ въ вещахъ своего мальчика и когда въ нихъ ничего не нашлось, разбудилъ мальчика, которой давно уже спалъ, и началъ допрашивать. Мальчикъ клялся и божился, что ничего отъ меня не бралъ, что даже и не видѣлъ меня наканунѣ новаго года. Такъ, ничего не добившись, хозяинъ съ отцомъ вернулись назадъ въ мастерскую. Отецъ снова сталъ требовать меня къ себѣ домой, но хозяинъ, въ виду моего сознанія, пригласилъ полицейскаго надзирателя. На вопросъ полицейскаго, дѣйствительно ли я укралъ портмонэ, я далъ утвердительный отвѣтъ, и послѣ этого отцу моему ничего не оставалось, какъ отправиться домой одному, меня же отвезли въ полицію. Въ полиціи прежде всего сняли съ меня пальто и шапку и произвели обыскъ, при чемъ отобрали и украденныя мной въ синагогѣ деньги. Ихъ записали въ книгу; затѣмъ отворили какую-то дверь, толкнули меня туда и дверь опять заперли на замокъ. Въ новомъ моемъ помѣщеніи меня сразу поразилъ страшно спертый воздухъ и скверный запахъ, исходившій отъ раскрытыхъ парашъ. Лампа безъ стекла неимовѣрно чадила и еле освѣщала огромную камеру. Груда человѣческихъ тѣлъ лежала безпорядочно на нарахъ и валялась на голомъ полу, въ грязи, въ рваныхъ рубахахъ и въ сапожныхъ опоркахъ на босую ногу. Со мной чуть не сдѣлалось дурно, и я началъ громко стучать въ дверь и требовать холодной воды. Тогда

одинъ изъ арестованныхъ, проснувшись, вскочилъ на ноги и закричалъ на меня: «Ты что тутъ за храпъ явился? Люди спятъ, третій часъ ночи, а ты шумѣть вздумалъ? Смѣй только пикнуть, такъ мы тутъ по-свойски съ тобой раздѣлаемся». Понятно, что я не сталъ больше стучать, а, отойдя въ уголъ, простоялъ до утра на одномъ мѣстѣ, такъ какъ сѣсть или лечь было рѣшительно негдѣ. По-утру долго пришлось мнѣ пробыть въ канцеляріи частнаго пристава, пока дошла очередь до меня. И здѣсь я впервые увидалъ, какъ приставъ производилъ собственноручную кулачную расправу съ сидѣвшими за пьянство. Когда онъ подошелъ, наконецъ, ко мнѣ, я объявилъ ему, что не кралъ портмонэ, а взвелъ на себя это преступленіе единственно для того, чтобы не попасть въ руки къ отцу и не быть имъ наказаннымъ. Услыхавъ это, приставъ страшно разсердился, затопалъ на меня ногами, сталъ кричать и браниться непечатными словами и ударилъ меня по уху такъ сильно, что изъ носу у меня фонтаномъ брызнула кровь. Онъ уже хотѣлъ отправить меня назадъ въ часть, но тутъ явился мой отецъ; не знаю, о чемъ говорилъ онъ съ приставомъ, такъ какъ я находился въ передней, только нѣсколько минутъ спустя приставъ крикнулъ меня, и когда я вошелъ, сказалъ: «Отпускаю тебя на поруки къ отцу, но въ будущую субботу ты долженъ явиться сюда, и тогда я составлю протоколъ». У меня сердце такъ и упало, когда я взглянулъ на спокойно стоявшаго тутъ же отца: я зналъ, что онъ сдѣлаетъ со мной что-нибудъ ужасное... Приведя меня домой, отецъ прежде всего связалъ мнѣ руки и привязалъ меня къ стѣнѣ, говоря что потолкуетъ со мной послѣ обѣда, и такъ какъ дѣло происходило въ субботу, то умылъ себѣ руки, выпилъ водки и сѣлъ обѣдать «цолендъ» (пищу, сваренную наканунѣ, такъ какъ въ субботу евреи не могутъ варить и стряпать). Онъ ѣлъ при этомъ такъ спокойно, какъ будто ничего и не случилось. Мать, все время глядѣвшая на меня со слезами на глазахъ, вздумала было и мнѣ дать поѣсть, но отецъ схватилъ со стола ножъ и погрозилъ тутъ же покончить съ ней и со мной, если она станетъ мѣшаться не въ свое дѣло. Пообѣдавъ хорошенько, онъ всталъ и подошелъ ко мнѣ. «Ну, теперь я съ тобой поговорю. Скажи ка мнѣ, голубчикъ, куда ты дѣвалъ портмонэ?» Я сталъ божиться, что не бралъ его, но онъ не захотѣлъ и слушать меня. «Ты разсказывай эти сказки приставу и своему хозяину, меня же ты не надуешь. Я тебѣ не повѣрю. Ты лучше скажи мнѣ, куда ты его спряталъ?» Съ этими словами онъ повалилъ меня на полъ и началъ бить подборами сапогъ по чему попало, по ребрамъ, по груди и головѣ. Тутъ я сообразилъ, что надо какъ-нибудь искусно солгать ему, чтобы выгадать время и убѣжать. Я началъ просить его, чтобы онъ пересталъ бить, увѣряя, что тогда я скажу всю правду. Отецъ остановился, и я съ окровавленнымъ лицомъ поднялся съ полу. «Дѣйствительно, я укралъ портмонэ,—сказалъ я,—и продалъ его одному крещеному еврею.»

Отецъ сейчасъ же одѣлся и велѣлъ мнѣ вести себя къ этому еврею. Я умылся (потому что весь былъ въ крови) и, собравъ послѣднія силы, пошелъ, самъ не зная, что изъ всего этого можетъ выдти. Я ужъ и тѣмъ былъ счастливъ, что хоть на одинъ часъ отсрочивалась страшная пытка.

«Въ Александровскомъ рынкѣ торговалъ старыми вещами одинъ крещеный еврей; былъ также слухъ, что онъ принималъ и краденое. Вотъ на него-то я и показалъ, хотя и въ лицо-то даже плохо зналъ его. Мы вошли прямо къ нему въ лавку. Увидѣвъ насъ, лавочникъ видимо испугался, такъ какъ хорошо зналъ, что еврей-фанатикъ, какимъ былъ мой отецъ, не придетъ покупать въ субботу. «Ну, говори этому мошеннику прямо въ глаза!»—обратился ко мнѣ отецъ. Мнѣ было невыносимо-совѣстно обвинять совершенно незнакомаго мнѣ человѣка, но отступать ужъ было поздно. Собравъ все нахальство, къ какому только я былъ способенъ въ то время, и не сморгнувъ глазомъ, я сказалъ: «Отдайте портмонэ, которое я вамъ продалъ за три рубля. Мой отецъ возвратитъ вамъ ваши деньги назадъ, потому что я укралъ эту вещь у своего хозяина, но теперь я сознался, и вещь надо возвратить». Лавочникъ съ неподдѣльнымъ изумленіемъ вытаращилъ глаза: «Помилуйте, вы ошиблись... Я въ первый разъ васъ вижу!» Но я сказалъ на это: «Развѣ вы забыли прекрасное серебряное портмонэ, которое я принесъ вамъ подъ новый годъ? Я знаю, вамъ жаль съ нимъ разстаться, потому что оно стоитъ въ десять разъ дороже». И видя, что онъ молчитъ, продолжая удивляться, прибавилъ: «Будетъ вамъ притворяться, лучше отдайте и получите свои деньги. А не то мы заявимъ сейчасъ въ полицію, и васъ арестуютъ». Я говорилъ такъ искренно и такъ настойчиво, что отецъ вполнѣ увѣрился въ правдивости моего показанія и съ своей стороны обратился къ торговцу сначала съ ласковыми убѣжденіями, а потомъ и съ угрозами. Но, понятно, изъ всего этого ничего не вышло. Очнувшись отъ минутнаго столбняка, вызваннаго крайнимъ изумленіемъ, торговецъ началъ кричать на насъ и выгналъ вонъ, грозясь въ свою очередь насъ арестовать. Были уже сумерки, и отецъ, опасаясь прозѣвать службу, повелъ и меня съ собой въ синагогу. Дорогой онъ опять началъ сомнѣваться и говорилъ мнѣ: «Невозможно ни въ чемъ тебѣ вѣрить! Ты вѣдь въ десятый ужъ разъ сознаешься, а потомъ отпираешься, и каждый разъ выходитъ что-нибудь новое. И какъ это не можешь ты жить безъ приключеній? Чего тебѣ не хватаетъ, злой мальчикъ? Отъ кого выучился ты воровать? Въ нашемъ роду не было воровъ. Я старался тебя воспитать, какъ слѣдуетъ, выучилъ пятикнижію, талмуду, геморѣ, я не жалѣлъ на тебя денегъ, а ты вотъ чѣмъ мнѣ отплачиваешь! Это все оттого происходитъ, что ты водишься больше съ русскими, а священнаго нашего закона не исполняешь». Онъ такъ разжалобилъ меня своими рѣчами, что я чуть было не упалъ ему въ ноги и не признался во всемъ; но

удержался, сообразивъ, что это ни къ чему бы не повело, такъ какъ признаться мнѣ было не въ чемъ. Такъ мы дошли до синагоги. Тутъ насъ окружила толпа ребятишекъ, и отецъ сдалъ меня имъ, приказавъ хорошенько караулить. Они облѣпили меня, какъ пчелы, и стали жестоко насмѣхаться, такъ что я готовъ былъ провалиться сквозь землю отъ стыда и безсильной злости: я былъ одинъ, а ихъ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Между тѣмъ на отца моего, какъ только онъ зашелъ въ синагогу, тоже набросилась цѣлая орава евреевъ: они тормошили его и наперерывъ разсказывали, какъ я ночью разломалъ кружку и укралъ священныя деньги. Такого удара отецъ мой не ожидалъ! Онъ тотчасъ же призвалъ меня и спросилъ при всѣхъ, вѣрно ли это новое обвиненіе. У меня дрожали ноги отъ страха, и языкъ прилипалъ къ гортани, но не могъ же я отрицать явнаго факта, и я сознался... Отецъ пришелъ тогда въ такое бѣшенство, что схватилъ скамью и тутъ же хотѣлъ покончить со мной, но ему не дали этого сдѣлать. Спросивъ у «габая», сколько было въ кружкахъ денегъ, и узнавъ, что около пятнадцати рублей, онъ сказалъ, что заплатитъ за меня четвертной билетъ. Послѣ этого началась служба. По окончаніи ея отецъ повелъ меня домой, всю дорогу крѣпко держа за руку...

«Дома онъ раздѣлъ меня до нага и, стоя, веревкой привязалъ за руки и за ноги къ столбу, такъ чтобы я не могъ шевелиться. Затѣмъ взялъ трость и началъ ею меня бить, приговаривая: «Теперь я ужъ ни въ чемъ тебѣ не повѣрю, и потому не думай, что какъ только ты сознаешься, я тебя отпущу. Нѣтъ, мнѣ теперь все равно, укралъ ты портмонэ или нѣтъ, довольно и того, что ты меня опозорилъ въ синагогѣ передъ всѣмъ обществомъ. Значитъ, можешь теперь молчать. Я буду тебя бить эту ночь до тѣхъ поръ, пока ты не кончишься у меня подъ руками. Я ужъ буду, по крайней мѣрѣ, знать, что самъ убилъ тебя, и ты не будешь больше ни воровать, ни позорить меня». Онъ поставилъ около меня графинъ водки и съ какимъ-то страннымъ наслажденіемъ въ лицѣ продолжалъ мучить меня. Не вытерпѣвъ, я началъ кричать; тогда онъ преспокойно взялъ платокъ и завязалъ мнѣ ротъ такъ крѣпко, что мнѣ не только кричать, но и дышать стало трудно, и принялся за прежнюю работу, глотая по временамъ водку изъ чайнаго стакана. И, конечно, онъ сдержалъ бы свое слово—убилъ бы меня, если бы не пришла въ это время изъ гостей ничего не подозрѣвавшая мать и не увидала происходившаго: отецъ, сильно уже охмѣлѣвшій, сидѣлъ къ ней спиною, въ одной рубашкѣ и въ брюкахъ и хладнокровно, методически работалъ тростью, а я, привязанный къ столбу и съ заткнутымъ ртомъ, висѣлъ безъ малѣйшаго движенія, не издавая даже стона... Всплеснувъ въ ужасѣ руками, она кинулась на дворъ, вскричала дворниковъ и нѣсколькихъ сосѣдей и при ихъ помощи съ великимъ трудомъ успѣла вырвать меня изъ рукъ обезумѣвшаго отца и развязать. Меня унесли безъ чувствъ въ другую

комнату и положили на диванъ. Мать послала за докторомъ, и ему долго пришлось возиться со мною, чтобы вернуть къ жизни. Предложили мнѣ пищу, но хотя я уже цѣлые сутки почти ничего не имѣлъ во рту, но мнѣ было теперь не до ѣды. Боли я, правда, никакой не чувствовалъ, но все тѣло мое было исполосовано и изрублено въ куски; окровавленное мясо висѣло клочьями...

«Позвольте мнѣ здѣсь остановиться до завтра. Я не могу писать объ этомъ безъ содроганія, не произнося проклятія родному отцу! Ночью со мной сдѣлался бредъ. Докторъ, осмотрѣвъ меня во второй разъ, объявилъ, что со мной начинается горячка... Двѣ недѣли пролежалъ я безъ памяти, и когда пришелъ потомъ въ сознаніе, то чувствовалъ такую страшную слабость, что еще цѣлыхъ полтора мѣсяца пролежалъ въ постели. Отецъ сталъ обращаться со мной гораздо ласковѣе, и когда я настолько оправился, что могъ разговаривать, объявилъ мнѣ, что портмонэ нашелся... Я полюбопытствовалъ узнать, какимъ образомъ, и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Портмонэ былъ имянной, съ вырѣзанной на крышкѣ фамиліей владѣльца, и вотъ какъ-то случилось, что въ то время, какъ я лежалъ въ бреду, къ одному часовыхъ дѣлъ мастеру, хорошему пріятелю моего бывшаго хозяина, заходитъ какой-то господинъ купить серебряную цѣпочку и, расплачиваясь за нее, вынимаетъ изъ кармана портмонэ: часовщикъ сразу увидалъ на немъ ту фамилію, которую называлъ ему мой хозяинъ. Не подавъ покупателю вида, что онъ что-либо заподозрилъ, часовщикъ завелъ съ нимъ длинный разговоръ, а самъ тѣмъ временемъ послалъ кого-то въ участокъ, а также и къ моему хозяину. Явилась полиція, начали разспрашивать неизвѣстнаго господина, у кого и какъ пріобрѣлъ онъ портмонэ: онъ немного смѣшался, но всетаки объяснилъ, что гдѣ-то купилъ. Тѣмъ временемъ подоспѣлъ и мой бывшій хозяинъ. Онъ сразу призналъ не только портмонэ, но и самого господина, который наканунѣ новаго года, то есть въ день пропажи, заходилъ къ нему въ мастерскую и торговалъ запонки, но не купилъ ихъ. Слово за словомъ, мелочь за мелочью—и человѣкъ этотъ былъ уличенъ. Въ участкѣ въ немъ сразу узнали извѣстнаго жулика, который ходилъ по магазинамъ и торговалъ разныя вещи, причемъ никогда ничего не покупалъ, а лишь пользовался случаемъ кое-что стянуть. Вскорѣ онъ самъ сознался и въ кражѣ портмонэ, сыгравшаго такую печальную роль въ моей жизни. «Да, въ этомъ случаѣ ты невинно пострадалъ,—заключилъ отецъ свой разсказъ,—это правда. Но ты укралъ деньги въ синагогѣ, но ты, можетъ быть, хотѣлъ украсть у хозяина золото... Да и раньше за тобой водились эти грѣхи... Словомъ, ты не вообрази себя непорочнымъ, какъ голубь. Слава твоя уже гремитъ, всѣ знакомые указываютъ на тебя пальцами. Ты долженъ объ этомъ хорошенько подумать. Жилъ ты у меня смирно и честно, и никто тебя не зналъ, а теперь всѣ тебя называютъ воромъ и даже полиція тебя уже знаетъ. Но я тебѣ вотъ

что скажу. Если бы я былъ на твоемъ мѣстѣ и такъ сильно захотѣлъ славы, такъ ужъ я не сталъ бы воровать разныхъ игрушекъ, а укралъ бы что-нибудь такое, за что стоило бы, по крайней мѣрѣ, отвѣчать». Такія поученія читалъ мнѣ родной отецъ, и, признаюсь, они глубоко залегли мнѣ на душу...

«Оправившись отъ своей болѣзни, я пересталъ уже ходить къ своему хозяину-ювелиру: послѣ двухъ несчастій, случившихся въ самое короткое время, ему ужъ стыдно было принять меня въ третій разъ, и я остался дома. Отецъ взялъ съ меня честное слово, что я больше не стану воровать, и опредѣлилъ въ свой магазинъ стоять за конторкой, получать и отправлять товаръ, словомъ—сдѣлалъ меня полнымъ хозяиномъ. Но я долженъ вамъ сознаться, что слова своего я сдержать не могъ, хотя и долго крѣпился. У меня завелись знакомства съ приказчиками и разной купеческой молодежью, я сталъ чувствовать нужду въ расходныхъ деньгахъ, мнѣ хотѣлось побывать и въ театрѣ, и въ зоологическомъ саду, и угостить товарищей, а отецъ былъ страшно скупъ, и въ награду за свою честность я не видалъ отъ него ни одной копѣйки. И вотъ я началъ воровать, но такъ умно, что сводилъ всегда концы съ концами и ни разу не былъ замѣченъ. Такъ прошелъ цѣлый годъ.

«У насъ была обширная торговля, и много было разносчиковъ, бравшихъ у насъ товаръ за извѣстный процентъ. Съ однимъ изъ такихъ разносчиковъ, старорусскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Брусницынымъ, молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати двухъ, я особенно сдружился. Это былъ довольно недалекій и въ трезвомъ видѣ замѣчательно смирный парень, совершенно еще неиспорченный, такъ что дружба съ нимъ, казалось бы, не сулила мнѣ ничего дурного. Но на дѣлѣ вышло не такъ. У Ивана Брусницына былъ старшій братъ, жившій во второй ротѣ Измайловскаго полка въ старшихъ дворникахъ у дѣйствительнаго статскаго совѣтника Красинскаго, родомъ поляка. Красинскій этотъ былъ страшный богачъ, имѣлъ собственный домъ, но, неимовѣрно скупой, онъ жилъ въ третьемъ этажѣ, въ двухъ комнатахъ, а все остальное сдавалъ квартирантамъ. Старикъ былъ холостъ, но у него жила красивая молодая дѣвушка, одновременно игравшая роль и горничной, и кухарки, и экономки и даже, говорили,—хозяйки. Младшій Брусницынъ часто ходилъ въ гости къ своему брату въ Измайловскій полкъ и тамъ познакомился съ Лизаветой (такъ звали эту дѣвушку).

«Однажды въ первыхъ числахъ мая,—я только что заперъ вечеромъ магазинъ,—приходитъ ко мнѣ Брусницынъ, грустный и задумчивый, и говоритъ: «знаешь что, пойдемъ въ портерную, я тебѣ кое-что разскажу». У насъ другъ съ другомъ вообще не было никакихъ секретовъ. Придя въ портерную, мы потребовали четыре бутылки пива, налили себѣ по стакану, и Иванъ началъ свой разсказъ: «Ты, поди, вѣдь знаешь, Мишка, какъ врѣзалась въ меня эта Лизавета... Ну, я частенько хожу къ ней, когда генерала не

бываетъ дома. И вотъ сегодня она мнѣ разсказала, что на дняхъ они ѣдутъ въ Старую Руссу на минеральныя воды. А генералъ, между прочимъ, беретъ съ собой двадцать пять тысячъ рублей денегъ... Потомъ онъ уѣдетъ на три дня въ Москву, а ее одну оставитъ эти деньги караулить... Ну, и что же она удумала, Лизавета, какъ ты полагаешь, братъ? Она предлагаетъ мнѣ тоже поѣхать въ Старую Руссу и, когда генералъ будетъ въ отлучкѣ, въ Москвѣ, придти къ ней и забрать эти деньги, а ужъ за послѣдствія она сама берется отвѣчать. Такъ чисто, молъ, все обдѣлано будетъ, что и подозрѣнія даже на меня не упадетъ. Проситъ все это хорошенько обдумать и завтра отвѣтъ дать. Я сдуру-то сказалъ ей, что подумаю, а теперь вотъ меня всего въ жаръ и въ ознобъ кидаетъ: вѣдь въ случаѣ неудачи тутъ Богъ знаетъ чѣмъ пахнетъ!» Когда онъ сказалъ эти слова, меня самого въ жаръ и въ ознобъ кинуло, только не отъ трусости, конечно. Я подумалъ: двадцать пять тысячъ! Вѣдь это такой капиталъ, изъ-за котораго многимъ рискнуть можно... Отцовская притча попала, видно, на благодарную почву... Распивъ съ пріятелемъ четыре бутылки пива, я пригласилъ его въ ресторанъ ужинать и тамъ принялся доказывать ему всю выгоду предпріятія, приводя на видъ, что съ такими деньгами онъ можетъ изъ простого разносчика сдѣлаться купцомъ первой гильдіи, и что такой счастливый случай выпадаетъ на долю одного человѣка изъ милліона; я просилъ взять его меня въ товарищи и обѣщалъ все устроить такъ, какъ слѣдуетъ. Послѣ долгихъ уговариваній онъ согласился. Мы условились, что онъ завтра же объявитъ своему брату, будто уѣзжаетъ на побывку домой, а 15-го мая будетъ уже готовъ и станетъ дожидаться меня на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги. Самъ я рѣшилъ обмануть отца слѣдующимъ образомъ. Въ Старой Руссѣ у него было нѣсколько должниковъ, давно уже не платившихъ ему по векселямъ; много разъ онъ собирался туда поѣхать, но собраться никакъ не могъ. По-утру слѣдующаго дня я завелъ съ нимъ разговоръ объ этихъ неисправныхъ должникахъ и говорилъ съ намѣренныхъ раздраженіемъ; я напередъ зналъ, что онъ опять скажетъ о своемъ недосугѣ, болѣзни и пр. И вотъ, едва только онъ сказалъ это, какъ я предложилъ себя къ его услугамъ: если онъ дозволитъ, я съѣзжу въ Старую Руссу и припугну должниковъ, да кстати посмотрю, не выгодно ли тамъ будетъ поторговать во время предстоящей ярмарки. Отецъ охотно согласился на мое предложеніе, назначилъ мнѣ на дорогу тридцать рублей и отпустилъ на двѣ недѣли. Въ назначенный день я попрощался съ родителями, нанялъ извозчика и отправился на вокзалъ».

V.

Паденіе идетъ быстрыми шагами.

«Брусницынъ уже поджидалъ меня.

«Дорогой я не заговаривалъ съ нимъ о дѣлѣ, такъ какъ видѣлъ, что онъ не въ духѣ, хмурится, нервничаетъ, и чтобъ развеселить его, разсказывалъ ему разныя забавныя исторіи и анекдоты. На каждой почти станціи мы пили чай, и я на свой счетъ угощалъ его винами и закусками. Въ седьмомъ часу утра мы пріѣхали въ Старую Руссу. Брусницынъ спросилъ меня, въ какой изъ двухъ гостиницъ мы остановимся—въ «Лондонѣ» или «Петербургѣ». Мое воображеніе все время дѣятельно работало; во мнѣ проснулись необыкновенная дѣловитость и проницательность; я заранѣе рѣшилъ все предусмотрѣть и со всѣхъ сторонъ себя обезопасить; никогда въ жизни не видавъ Старой Руссы, я уже зналъ ее изъ однихъ разговоровъ съ товарищемъ, какъ свои пять пальцевъ, и потому, не думая долго, объявилъ, что намъ слѣдуетъ остановиться въ «Петербургѣ»: я разсчиталъ, что эта гостиница, стоящая на набережной противъ собора, находится на менѣе людномъ и шумномъ мѣстѣ... Въ «Петербургѣ» я нанялъ двѣ комнаты съ отдѣльнымъ ходомъ, за два рубля въ сутки, и сказалъ Ивану, чтобы онъ всѣмъ своимъ роднымъ говорилъ, что пріѣхалъ сюда съ хозяйскимъ сыномъ по торговымъ дѣламъ. Послѣ этого мы разошлись. Денегъ я въ этотъ день ни отъ кого изъ отцовскихъ должниковъ не получилъ—всѣ отговаривались плохой торговлей и сулились заплатить въ скоромъ времени. Весь слѣдующій день мы бродили съ Брусницынымъ безъ всякаго дѣла по городу, осматривая торговую площадь и базаръ. На базарѣ насъ встрѣтилъ квартальный надзиратель и сразу узналъ по моему лицу, что я пріѣзжій. Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, кто я такой, откуда и есть ли у меня билетъ. Билетъ мой оказался въ порядкѣ, и, просмотрѣвъ его, онъ велѣлъ только прислать его въ часть для прописки. Въ этотъ день я получилъ отъ должниковъ-евреевъ 340 рублей и немедленно отправилъ ихъ отцу, не оставивъ себѣ ни копѣйки, не смотря на то, что собственныя мои деньги уже подходили къ концу: мнѣ хотѣлось, чтобы отецъ вполнѣ успокоился на мой счетъ и далъ мнѣ свободу жить здѣсь, сколько понадобится. Я разсуждалъ такъ: я возьму часть отцовскихъ денегъ, потрачу ихъ, а вдругъ наша затѣя не выгоритъ, и мнѣ нечѣмъ будетъ пополнить сдѣланную растрату? Тогда я долженъ буду изъ-за какихъ нибудь пустяковъ навсегда лишиться довѣрія отца, которое мнѣ такъ необходимо. И вотъ я сталъ придумывать срѣдство раздобыть денегъ изъ другого источника.

«Вечеромъ я пошелъ въ паркъ и былъ тамъ въ театрѣ, но

все время меня неотступно грызла одна и та же мысль. При выходѣ изъ парка я зашелъ въ магазинъ Попова купить папиросъ, и здѣсь-то пришла мнѣ въ голову безумная на видъ, но вмѣстѣ и блестящая идея—обокрасть этотъ богатый магазинъ. Но какъ осуществить подобный планъ? Городъ былъ мнѣ мало знакомъ; товарищей для такого дѣла у меня не было, потому что Брусницынъ, конечно, ни за какіе милліоны на него бы не пошелъ, и даже говорить съ нимъ объ этой затѣѣ было немыслимо; въ довершеніе всего самъ я ни разу еще въ жизни не пыталъ своихъ силъ на такихъ крупныхъ и дерзкихъ кражахъ. Но что-то упрямо говорило во мнѣ: «Всетаки я сдѣлаю, сдѣлаю это!»—и я всю ночь не могъ заснуть, перебирая въ головѣ сотни всевозможныхъ плановъ, критикуя ихъ и отбрасывая одинъ за другимъ. И къ утру я уже зналъ, что долженъ дѣлать.

«Я успѣлъ за эти два дня подмѣтить, что большая часть старорусскихъ мѣщанъ, по окончаніи работъ, поздно вечеромъ возятъ для себя воду на телѣжкахъ, въ особыхъ маленькихъ боченкахъ въ пять-шесть ведеръ, и я рѣшилъ себѣ пріобрѣсти такой же боченокъ и телѣжку. Поутру Иванъ позвалъ, было, меня погулять съ своими друзьями, но я отговорился головной болью, и онъ одинъ ушелъ на весь день, а я отправился на базаръ, сторговалъ тамъ за 2 р. 65 к. телѣжку съ боченкомъ и велѣлъ лавочнику доставить ихъ ко мнѣ на квартиру. Покупка была доставлена въ срокъ; тогда я снялъ съ одной стороны боченка обручи, выбилъ дно и опять надѣлъ обручи по старому. Зачѣмъ это было мнѣ нужно? А вотъ зачѣмъ. Я разсуждалъ, что если мнѣ удастся забраться въ магазинъ, то невозможно будетъ по главнымъ улицамъ города тащить узелъ съ товарами въ ночное время—меня, навѣрное, арестуютъ. Въ боченкахъ же можно будетъ наложить, что угодно, и затѣмъ проѣхать взадъ и впередъ раза три, не возбудивъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Вечеромъ этого дня я опять былъ въ театрѣ и, при возвращеніи оттуда, снова зашелъ въ магазинъ Попова, купилъ папиросъ, орѣховъ, конфектъ, пару апельсинъ. Мнѣ не столько нужна была эта покупка, сколько хотѣлось обстоятельнѣе все высмотрѣть, и я нарочно мѣшкалъ, покупая разныя мелочи. Выйдя затѣмъ изъ магазина, я долго прогуливался по противоположной сторонѣ тротуара, желая посмотрѣть, какъ будутъ запирать магазинъ. Дѣйствительно, приказчики вскорѣ замкнули его и ушли домой; тогда я приблизился и увидалъ два простыхъ висячихъ замка, которые при случаѣ негрудно было бы и сломать, но рискнуть на сломъ замка въ такомъ пунктѣ было бы непростительной ошибкой: почти напротивъ, у входа въ паркъ, всегда стоитъ сторожъ, и малѣйшій неосторожный шумъ погубилъ бы меня. Поэтому я вынулъ изъ кармана заранѣе приготовленный кусокъ воска и снялъ слѣпокъ съ замочной скважины. Былъ уже первый часъ ночи, и я, крайне довольный своими наблюденіями, пошелъ

домой. Дома я засталъ сильно подвыпившаго Брусницына. Я объявилъ ему, что получилъ отъ отца телеграмму, обязывающую меня завтра же уѣхать на два дня въ Новгородъ, и что поэтому я совѣтую ему вмѣсто того, чтобы платить даромъ деньги за номеръ, провести эти два дня у родныхъ. Онъ согласился, что это резонъ, и тотчасъ же захрапѣлъ. Какъ только я отправилъ его утромъ къ роднымъ, сказавъ, что и самъ черезъ часъ уѣду, на душѣ у меня стало легче, бояться и стѣсняться теперь мнѣ было нечего. Я поѣхалъ тотчасъ же въ желѣзный рядъ подбирать по снятой модели замки. Но и тутъ я былъ въ высшей степени хитеръ и остороженъ; я дѣлалъ видъ, что просто ищу замковъ попрочнѣе, и воскового снимка приказчику, разумѣется, не показалъ. Подходящіе замки были скоро найдены, и я, не торгуясь, расплатился. Всю остальную часть дня я не показывалъ никуда носа, сидя въ своемъ номерѣ и обдумывая всѣ мелочи будущаго преступленія, причемъ подкрѣплялъ свой духъ пивомъ и коньякомъ. Однако подъ вечеръ во мнѣ заговорило что-то вродѣ угрызеній совѣсти; я спрашивалъ себя: хорошее ли дѣло я затѣваю? Имѣю ли я право взять тѣ деньги, которыя, быть можетъ, нажиты потомъ и кровью нѣсколькихъ поколѣній? Было ли бы мнѣ пріятно, если бы меня самого кто-нибудь обокралъ? У меня голова закружилась отъ этихъ не во время и не кстати явившихся мыслей, и я, чтобъ избавиться отъ нихъ, одѣлся на скорую руку, вышелъ, заперъ свою квартиру и пошелъ наверхъ гостиницы послушать органъ. Тамъ я потребовалъ себѣ полбутылки коньяку и закуску. Однако и послѣ того я не могъ еще успокоиться и выпилъ для храбрости стаканчикъ очищенной, а затѣмъ отправился въ театръ. Въ театрѣ, какъ сейчасъ помню, давалось «Бѣдность не порокъ»,—пьеса эта сильно мнѣ понравилась, такъ что я просидѣлъ до конца представленія и окончательно развеселился. Изъ театра я вернулся домой. Ровно въ часъ ночи я взялъ свою тележку, положилъ на нее боченокъ, взялъ съ собой стеариновую свѣчку, спички и ключи отъ купленныхъ утромъ замковъ и отправился на Ильинскую улицу. Уже въ близкомъ разстояніи отъ магазина мнѣ повстрѣчался ночной сторожъ съ колотушкой; я пропустилъ его мимо, завернулъ за уголъ, и поставивъ тележку, подошелъ къ магазину. Тишина кругомъ была мертвая, только далеко гдѣ-то слышался стукъ колесъ. Вынувъ ключи, я отперъ замки и потихоньку пріотворилъ дверь; за ней была внутренняя стеклянная дверь, и если бы она оказалась тоже замкнутой, то мнѣ пришлось бы или выдавливать стекло, т. е. поднимать шумъ, или совсѣмъ отказаться отъ своей затѣи. Но на мое счастье или несчастье, она не была замкнута. Осмотрѣвшись еще разъ кругомъ, я пошелъ за тележкой, подвезъ ее къ магазину, растворилъ настежь двери, въѣхалъ въ нихъ и затѣмъ плотно затворилъ за собою. Сердце мое страшно билось—я чувствовалъ, что половина дѣла сдѣлана, что я теперь полный хо-

зяинъ магазина. Успокоившись, я зажегъ свѣчку, и первой моей заботой было направиться къ конторкѣ, гдѣ хранится выручка. Я нашелъ въ ящикѣ 50 рублей бумажками, 19 серебромъ и 9 мѣдью, всего 78 рублей. Сосчитавъ и забравъ эти деньги, я былъ нѣсколько разочарованъ... Затѣмъ я началъ осматривать товары: тамъ былъ сахаръ въ цѣлыхъ головахъ и пиленый въ мѣшкахъ, конфекты, пряники, шоколадъ, крупчатка, но больше всего было чаю собственной фирмы Попова! И я рѣшилъ брать одинъ только чай, такъ какъ это самый дорогой товаръ. Я наклалъ полную бочку пятирублеваго и трехрублеваго чаю—фунтами, полуфунтами, четвертями и восьмушками. Накрывъ затѣмъ боченокъ мѣшкомъ и обвязавъ шнуркомъ, я погасилъ свѣчу, прислушался,—пріотворивъ слегка дверь, посмотрѣлъ не идетъ ли кто по улицѣ, и увѣрившись, что все тихо и пустынно, спокойно растворилъ двери, вывезъ вонъ изъ магазина свою телѣжку, заперъ опять двери на замки и поѣхалъ съ добычей домой. Дома я все это выгрузилъ и отправился за новой порціей: короче сказать, я продѣлалъ эту операцію три раза. Въ послѣдній разъ я захватилъ, кромѣ чаю, триста сигаръ (по 10 р. сотня) и пятифунтовую банку конфектъ монпансье. Во время этихъ трехъ поѣздокъ встрѣчались мнѣ по дорогѣ извозчики, ночные сторожа, запоздалые гуляки, полицейскіе,—и никто, рѣшительно никто не подумалъ остановить меня. Дѣло въ томъ, что за ночь можно встрѣтить нѣсколько десятковъ человѣкъ, ѣдущихъ съ такими боченками по воду: инымъ за-свѣтло бываетъ некогда, а инымъ стыдно везти на себѣ воду,—и вотъ для этого они выбираютъ такое время, когда всѣ спятъ, и если попадется все-таки нечаянно знакомый, то, свернувъ въ сторону, стараются сдѣлать такую кислую рожу, что у того пропадаетъ всякое желаніе признать знакомаго или пріятеля.

«Окончивъ свою ѣзду, я сложилъ весь чай въ уголъ комнаты, накрылъ простыней и легъ спать, такъ какъ становилось уже свѣтло. Въ семь часовъ утра я отправился на базаръ и купилъ тамъ три деревянныхъ ящика и нѣсколько рогожъ. Тамъ же я узналъ о сдѣланной ночью покражѣ—весь городъ взбунтовался, какъ расшевеленный муравейникъ... Поповъ всю полицію поднялъ на ноги; заарестовали множество подозрительнаго народа. Порѣшили, въ концѣ концовъ, на томъ, что некому было совершить эту дерзкую кражу кромѣ старшаго приказчика, потому что замки были цѣлы, а ключи хранились у него... Словомъ, я находился внѣ всякаго подозрѣнія. Сжегши всѣ чайныя обертки, я ссыпалъ въ ящики весь свой чай (книзу худшій, а кверху лучшій сортъ) забилъ ящики гвоздями, обшилъ рогожами и отвезъ на вокзалъ, гдѣ и сдалъ въ товарный поѣздъ, а самъ тоже взялъ билетъ до Новгорода. Въ Новгородѣ я продалъ чай одному еврею по 80 р. за пудъ и, получивъ съ него 800 р., на другой день вечеромъ отправился назадъ въ Старую Руссу. На вокзалѣ меня встрѣтилъ Брусницынъ,

очень сердитый на то, что я вмѣсто двухъ дней проѣздилъ три: по его словамъ, генералъ съ Лизаветой пріѣхали еще наканунѣ, и если бы онъ, Иванъ, сегодня, наконецъ, не встрѣтилъ меня, то плюнулъ бы на все и уѣхалъ въ Петербургъ. Пріѣхавъ въ гостиницу, я постарался задобрить Ивана и угостилъ его бутылкой мадеры. Тогда онъ объяснилъ мнѣ, что утромъ у него назначено съ Лизаветой свиданіе на базарѣ. Дѣйствительно, напившись на другой день по-утру кофе, мы отправились на базаръ и повстрѣчали тамъ Лизавету. Она остановилась и, вступивъ съ Бруснициынымъ въ разговоръ, спросила, кто я такой. Онъ отвѣчалъ: «это мой хорошій товарищъ. Я нарочно пригласилъ его изъ Петербурга, такъ что передъ нимъ можешь не стѣсняться. Скажи же намъ, долго ли намъ придется тутъ жить». Она засмѣялась: «Вишь, ты нетерпѣливый! Ну, да утѣшься. Скряга мой завтра утромъ уѣзжаетъ въ Москву, и вечеромъ милости просимъ на чашку чаю». На этомъ мы и разстались, и я пошелъ съ Иваномъ погулять. Въ деньгахъ я больше не нуждался и скажу вамъ коротко, что въ эти два дня прогулялъ съ нимъ 440 рублей. Брусницынъ все приставалъ ко мнѣ съ вопросомъ, откуда у меня завелось столько денегъ, но я отдѣлывался шутками и говорилъ: «Пей, знай, ѣшь и гуляй, пока есть время! Кто знаетъ, можетъ быть, это мы на послѣдахъ гуляемъ». Я и не подозрѣвалъ того, что эта шутка моя была пророческой...

«Въ назначенный срокъ, въ двѣнадцатомъ часу ночи, мы явились въ гости къ генералу Красинскому. Онъ, дѣйствительно, съ вечернимъ поѣздомъ этого же дня уѣхалъ въ Москву, и Лизавета съ нетерпѣніемъ поджидала насъ. Она немедленно поставила на столъ бутылку шампанскаго и закуску; впрочемъ, Брусницынъ еще и до этого былъ пьянъ и ѣле держался на ногахъ, я же, зная, какое дѣло намъ предстоитъ, былъ только немного навеселѣ. Усадивъ насъ, Лизавета начала: «мнѣ кажется, я составила хорошій планъ. Деньги лежатъ въ кабинетѣ, въ письменномъ столѣ. Мы взломаемъ дверь, и когда генералъ вернется, я скажу ему, что въ его отсутствіе ворвались неизвѣстные люди и, приставивъ къ моей груди ножъ, грозились меня зарѣзать, при малѣйшей попыткѣ закричать. Я упала, молъ, въ обморокъ и, что дальше было, не знаю, а когда пришла въ себя, то нашла квартиру въ безпорядкѣ, всѣ замки сломанными и даже наружную дверь растворенной. Если вамъ, господа, нравится мой планъ, то скорѣе принимайтесь за дѣло». Что касается меня, то признаюсь, мнѣ не по душѣ пришелся этотъ планъ: что-то, какъ-будто, фальшивое звучало въ ея словахъ, и глаза виновато, какъ мнѣ показалось, бѣгали по сторонамъ. И у меня въ эту минуту мелькнулъ въ головѣ свой ужасный планъ: убить эту дѣвушку и тогда взять деньги, чтобы не было лишняго свидѣтеля. Но, взглянувъ на Ивана, я долженъ былъ сразу выкинуть изъ головы всѣ подобныя думки: онъ такъ и таялъ пе-

редъ своей Лизаветой и кричалъ пьянымъ голосомъ: «Согласенъ!.. Отлично!..» Вслѣдъ затѣмъ онъ схватилъ лежавшій въ кухнѣ топоръ и живой рукой сломалъ замокъ. Я пошелъ во внутреннія комнаты, обыскалъ кабинетъ, спальню, перерылъ всѣ вещи—нигдѣ не было ни одной копѣйки. Тѣмъ временемъ Лизавета успѣла окончательно напоить Брусницына, и когда я вернулся въ кухню, онъ уже спалъ мертвецкимъ сномъ. Услыхавъ отъ меня, что никакихъ денегъ нѣтъ, Лизавета притворилась страшно изумленной и испуганной и пошла вмѣстѣ со мной въ кабинетъ на новые поиски. Съ мѣста на мѣсто перекидывала она всѣ вещи, рылась въ ящикахъ стола и въ бумагахъ (въ то время, какъ я стоялъ у дверей и наблюдалъ за каждымъ ея движеніемъ) и, наконецъ, съ грустью обратившись ко мнѣ, сказала: «Ну, и маху же я дала! Значитъ, онъ увезъ деньги съ собой... Да и какъ это я, дура, могла подумать, что такой скряга оставитъ здѣсь экую прорву денегъ!..» Тогда я поспѣшилъ къ Ивану и, разбудивъ его, сказалъ ему на ухо, что мы погибли, что Лизавета подвела насъ, и что намъ остается для своего спасенія одно только—убить ее... Но Иванъ чуть не убилъ меня самого за эти слова, такъ что мнѣ пришлось обратить ихъ въ шутку. И вотъ, чтобъ не уйти изъ квартиры съ голыми руками и чтобы хоть не страдать даромъ, я захватилъ съ собой серебряный столовый сервизъ, золотые часы и еще кой-какія мелочи и на всякій случай взялъ съ Лизаветы клятву, что она нашихъ именъ не выдастъ (хотя и очень мало надѣялся въ душѣ на эту клятву). Вернувшись въ гостиницу, Иванъ упалъ на полъ и заснулъ, какъ убитый, а я взялъ извозчика и съѣздилъ къ одному фартовому еврею, которому продалъ всѣ захваченныя мной вещи. И хорошо сдѣлалъ, потому что на другой же день, около полудня,—не успѣли еще мы съ Брусницынымъ продрать, какъ слѣдуетъ, глаза, — къ намъ заявилась въ полномъ составѣ полиція. По всему городу ходилъ уже слухъ о произведенномъ у генерала Красинскаго грабежѣ, и въ дверяхъ, кромѣ полиціи, толпилось множество посторонняго народа: среди любопытныхъ я замѣтилъ и обокраденнаго мной купца Попова... «Билетъ у васъ въ порядкѣ?»—обратился ко мнѣ приставъ. Я вынулъ изъ кармана и подалъ ему свой билетъ. Просмотрѣвъ его, онъ сказалъ мнѣ и Брусницыну: «Именемъ закона я пришелъ арестовать васъ!» и велѣлъ квартальному надзирателю произвести у насъ обыскъ. Ничего подозрительнаго не нашлось. Но вдругъ Поповъ заявилъ приставу, что признаетъ своею банку изъ-подъ монпасье, которая стоитъ у меня столѣ, что это, молъ, та самая банка, которая была на дняхъ украдена изъ его магазина. Открыли банку, но въ ней оказалось уже не монпасье, а кофе. «По какимъ примѣтамъ вы ее признаете?»—спросилъ приставъ. Поповъ отвѣчалъ, что, насколько ему извѣстно, во всемъ городѣ нѣтъ другого магазина, кромѣ его, съ конфетами этой фабрики, а также—что и эта банка пятифунтовая, какъ и пропавшая. На это я воз-

разилъ, смѣясь: «можетъ быть, вы и правы, что у васъ была такая же банка, но эту я привезъ изъ Петербурга, а Петербургъ не Старая Русса, и тамъ въ каждой мелочной лавочкѣ можно достать все, что угодно. Такъ что ваше показаніе—не есть фактъ». Такимъ образомъ Поповъ остался съ носомъ. Тѣмъ не менѣе насъ отвезли въ часть, въ сопровожденіи четырехъ надзирателей. Дверь изъ другой комнаты неожиданно отворилась, и въ нее вошла наша пріятельница Лизавета. Я сразу догадался, въ чемъ дѣло, и принялъ такой видъ, будто не видалъ ее никогда въ жизни. «Эти ли господа были у васъ ночью въ гостяхъ?»—обратился къ ней приставъ. «Да, эти самые»,—отвѣчала она твердо, съ нахальствомъ оглядывая насъ. Мы съ Брусницынымъ, съ своей стороны, отперлись, затѣмъ и насъ отправили въ каталашку.

«Въ тотъ же день я послалъ отцу телеграмму о своемъ арестѣ, прося его скорѣе пріѣхать. Мнѣ нельзя было не сдѣлать этого ужъ и по тому одному, что при обыскѣ у меня отобрали тысячу двѣсти рублей, изъ которыхъ девять сотъ были моихъ собственныхъ (отцовскихъ), и если бы меня обвинили, то эти деньги могли бы пропасть и даже послужить мнѣ уликой. Да и кромѣ того, рано или поздно отецъ все равно узналъ бы. На слѣдующій же день съ утреннимъ поѣздомъ пріѣхалъ въ Старую Руссу генералъ Красинскій, вызванный по телеграфу Лизаветой. Какъ только онъ зашелъ въ свой кабинетъ и увидалъ сломаннымъ письменный столъ, такъ и ахнулъ: у него пропали двадцать пять тысячъ рублей!.. Онъ немедленно заявилъ объ этомъ исправнику, далъ нужныя показанія и уѣхалъ опять въ Москву. Послѣ этого ко мнѣ съ Иваномъ предъявлено было новое, еще болѣе тяжкое обвиненіе: похищеніе со взломомъ и насиліемъ не только серебряной посуды (въ чемъ обвиняли наканунѣ со словъ Лизаветы), но еще и двацати пяти тысячъ рублей. Теперь для меня не подлежало уже сомнѣнію, что деньги эти, дѣйствительно, существовали, но что онѣ взяты были самой Лизаветой, мы же были приглашены ею лишь для отвода глазъ. Словомъ, мы были одурачены, какъ послѣдніе школьники! Послѣ прочтенія обвинительнаго акта насъ стали формально допрашивать, причемъ и я, и Брусницынъ показали согласно, что мы знать ничего не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ.

«Къ вечеру пріѣхалъ и мой отецъ. Онъ былъ немедленно допущенъ ко мнѣ, и я увѣрилъ его, что рѣшительно не понимаю, за что меня арестовали, и что отобранные у меня 1200 рублей—его собственныя кровныя деньги. На другой день меня перевели въ тюрьму, и дѣло пошло своимъ чередомъ. Я очутился въ первый разъ въ жизни въ арестантской рубахѣ, халатѣ и изорванныхъ котахъ; записали всѣ мои примѣты и посадили въ подсудимое отдѣленіе. Не стану подробно описывать вамъ начало своей арестантской карьеры, отмѣчу изъ нея лишь главныя черты и важнѣйшіе случаи. Арестанты встрѣтили меня съ перваго шага насмѣшливо

и даже враждебно; тюремные иваны пристали ко мнѣ съ требованіями «за парашу», грозясь даже побить меня, если я не заплачу имъ десяти или, по крайней мѣрѣ, пяти рублей. Но вскорѣ произошла въ ихъ отношеніяхъ ко мнѣ какая то странная, поразившая меня перемѣна. Арестанты отошли отъ меня, начали собираться кучками и о чемъ-то шептаться между собою; потомъ нѣкоторые изъ ивановъ опять подошли ко мнѣ съ заискивающими рѣчами и предложеніями разныхъ услугъ. Мои вещи положили на нары, мнѣ дали тюфякъ, набитый соломой, и такую же подушку. Оказалось, причиной этой внезапной перемѣны былъ надзиратель, сообщившій имъ, что я укралъ 25 тыс., и что этихъ денегъ у меня при обыскѣ не нашли. «Славно, должно быть, припряталъ,—похвалилъ меня надзиратель, — за такой кушъ и посидѣть не жалко». У однихъ арестантовъ пробудилось вслѣдствіе этого уваженіе ко мнѣ, другіе надѣялись урвать отъ меня малую толику, обыгравъ въ карты или пустивъ въ ходъ другой какой-нибудь способъ. Тутъ же по поводу меня и моего преступленія въ камерѣ произошло нѣсколько ссоръ, и я впервые познакомился съ нѣкоторыми образчиками воровского нарѣчія. «Куда ты лѣзешь, что ты объ себѣ понимаешь?—кричалъ одинъ арестантъ на другого:—вѣдь я тебя хорошо знаю. Вѣдь ты ни больше, ни меньше, какъ простой шармошникъ, ты только и умѣешь что таскать кисеты съ табакомъ у пьяныхъ мужиковъ! Ты больше ничего на своемъ вѣку не укралъ! А меня кажный знаетъ. Я на скоки ходилъ *), я на доброе утро хаживалъ **), я и на ципы, случалось, хаживалъ» ***).

«Откуда-то нашлись такіе даже субъекты, которые стали увѣрять, будто хорошо знаютъ и меня самого, и моего отца, и моихъ братьевъ, которыхъ, кстати сказать, у меня никогда не было. Явился вскорѣ самоваръ съ чаемъ и французскими булками и бутылка спирта. Отъ водки я однако наотрѣзъ отказался, подозрѣвая тутъ какую-нибудь ловушку. Вдругъ возлѣ меня очутился разостланный коврикъ, и нѣсколько человѣкъ усѣлись играть въ карты. То же самое началось и въ другомъ, и въ третьемъ мѣстѣ, здѣсь въ штоссъ, тамъ въ стуколку, въ марьяжъ, преферансъ, кончину. Предложили и мнѣ поставить карточку, и какъ я ни упирался, говоря, что и играть совсѣмъ не умѣю и не люблю, и денегъ у меня при себѣ нѣтъ,—ничто не помогало. Одни подскочили ко мнѣ съ предложеніями дать взаймы сколько угодно, другіе увѣряли, что въ игрѣ нѣтъ ничего не только мошенническаго, но даже и

*) «Скокомъ» называется на воровскомъ нарѣчіи кража, сдѣланная въ какомъ-нибудь домѣ среди бѣлаго дня и въ самое короткое время.

**) Кражи «на доброе утро» совершаются лѣтомъ, на разсвѣтѣ, во время крѣпкаго утренняго сна хозяевъ. Если послѣдніе всетаки проснутся отъ шороха, воръ бросается на утекъ, не вступая съ ними въ борьбу.

***) «На цыпы ходятъ» въ осеннія и зимнія темныя ночи; тутъ нерѣдко пускается въ ходъ оружіе. *Примѣч. авт.*

труднаго, что стоитъ моей картѣ упасть налѣво—и я выигрываю, и что нуженъ, слѣдовательно, одинъ только фартъ. Кончилось тѣмъ, что я взялъ-таки взаймы десять рублей, и у меня отобрали ихъ въ какія-нибудь десять минутъ, прямо сказать, навѣрняка. Я не былъ еще въ то время страстнымъ игрокомъ и потому продолжать игру не согласился, а напившись чаю, крѣпко заснулъ. Вдругъ посреди ночи страшная боль въ ногахъ заставила меня пробудиться, и я, съ громкимъ крикомъ, вскочилъ съ мѣста. Кругомъ была мертвая тишина, арестанты, укутавшись съ головами въ халаты и шубы, лежали на нарахъ. Опомнившись, я сталъ разсматривать пальцы ногъ и увидалъ, что кожа на нихъ сожжена: это мнѣ, какъ новичку, поставили мушку... Дѣлается это такъ. Берутъ кусокъ бумаги, обмакиваютъ въ керосинъ, сонному обвертываютъ ею пальцы и поджигаютъ. Когда я съ испуга вскочилъ на ноги, бумажка отлетѣла... Утромъ я узналъ, чья это была продѣлка, и рѣшилъ отплатить насмѣшнику. Едва онъ заснулъ въ ближайшую ночь, какъ я взялъ носовой платокъ, разорвалъ на полоски, намочилъ въ керосинѣ и, привязавъ полоски нитками къ пальцамъ спящаго, зажегъ. Когда пламя вспыхнуло, онъ съ дикимъ ревомъ вскочилъ и началъ срывать съ ногъ мнимую бумагу, но оказалось не такъ-то легко сдѣлать это. По утру бѣднягу отправили въ больницу, и онъ пролежалъ тамъ три мѣсяца, а я сразу отучилъ арестантовъ отъ шутокъ надъ собою. Правда, днемъ собралась было сходка, чтобы судить меня, но я подмазалъ глотку нѣкоторымъ иванамъ и меня оправдали. Такъ совершилось мое тюремное крещеніе...

«Подъ судомъ я сидѣлъ цѣлый годъ, и только въ маѣ 87 года меня приговорили, наконецъ, на годъ и четыре мѣсяца къ рабочему дому, но послѣдній былъ замѣненъ одиночнымъ заключеніемъ; товарищъ же мой Брусницынъ, какъ совершеннолѣтній, былъ осужденъ на четыре года въ арестантскія роты и отосланъ въ Архангельскъ. Срокъ свой я отбылъ въ новой старорусской тюрьмѣ, тогда только что построенной по образцу дома предв. закл. въ Петербургѣ (конечно, въ миніатюрѣ). Арестантамъ полагалась обычная скидка, но одиночное заключеніе строго не выполнялось. Тѣмъ не менѣе о старой тюрьмѣ приходилось отъ души пожалѣть, такъ какъ здѣсь не позволяли ѣсть своей пищи, не позволяли имѣть даже чай и сахаръ, а о табакѣ ужъ и говорить нечего: за одно имя его грозила недѣля темнаго карцера... Словомъ, порядки были очень строгіе, и тѣ самые арестанты, мои сожители по старой тюрьмѣ, которымъ, казалось, и самъ чортъ былъ не братъ, вели себя здѣсь тише воды, ниже травы, ломали шапку передъ каждымъ надзирателемъ, а смотрителю положительно готовы были лизать руки. Но, какъ это бываетъ со многими молодыми людьми, которыхъ не укатали еще крутыя горки, я началъ свою арестантскую карьеру не тихимъ и робкимъ поведеніемъ, а, напротивъ,

дерзостью своей удивлялъ не только товарищей, но и само начальство. Съ смотрителемъ я столько разъ ругался, что онъ уставалъ сажать меня въ карцеръ. Но я задумалъ еще и другое. Однажды по тюрьмѣ пронесся слухъ, что къ намъ пріѣдетъ одинъ изъ великихъ князей. Смѣшно даже разсказывать, какая поднялась тогда суматоха, какъ струсилъ смотритель и всѣ надзиратели. Меня изъ карцера перевели тотчасъ-же въ общую камеру, куда посадили еще пятерыхъ малолѣтнихъ крестьянъ, арестованныхъ за порубку лѣса—кто на двѣ недѣли, кто на мѣсяцъ. Въ одиннадцать часовъ утра къ тюрьмѣ подкатило пять троекъ, и изъ нихъ вышли великій князь и вся военная и гражданская власть города. Нашъ номеръ былъ первый отъ входа, и къ намъ зашли прежде всего. Войдя, великій князь вѣжливо поздоровался, но, кромѣ меня, никто не зналъ даже, какъ слѣдуетъ его назвать, и потому отвѣчалъ ему одинъ я. Просмотрѣвъ у всѣхъ билеты, онъ обратился къ намъ съ вопросомъ, нѣтъ ли у насъ какихъ жалобъ. Тутъ я и выступилъ впередъ. Я показалъ хлѣбъ, которымъ насъ кормили и который былъ на половину съ пескомъ; показалъ нашъ общій бакъ, въ которомъ подавался и обѣдъ и держалась день и ночь вода для питья, такъ что ее нельзя было пить отъ постояннаго запаха гнилой капусты; я жаловался, что арестантамъ не даютъ кипятку и, въ заключеніе, сказалъ: «Не обращайте, ваше высочество, вниманія на то, что въ кухнѣ вамъ подадутъ сегодня для пробы вкусный обѣдъ. Это дѣлается только на одинъ день, а завтра опять насъ будутъ кормить гнилой капустой и тухлымъ мясомъ». Съ любопытствомъ выслушавъ мой разсказъ, великій князь обратился къ смотрителю съ вопросомъ, правда ли все это, но тотъ съ перепугу только и могъ сказать: «Ваше превосходительство!» и, смѣшавшись окончательно, замолчалъ. За него отвѣтилъ что-то губернскій прокуроръ, а великій князь, въ гнѣвѣ, вышелъ вонъ.

«Все тотчасъ же перемѣнилось. Смотритель поступилъ новый, кормить арестантовъ стали лучше, даже съ воли начали все пропускать... Но я, не удовольствовавшись этимъ, удалилъ еще и старшаго надзирателя, Василія Александровича. Собственно, это былъ добрый человѣкъ, но пьяница и въ пьяномъ видѣ продѣлывалъ большія жестокости: для забавы онъ билъ арестантовъ ключомъ и любилъ ставить, кромѣ того, головныя банки, т. е. забиралъ въ одинъ кулакъ волосы съ макушки и, крѣпко натянувъ, ударялъ другой рукой по кулаку... Эта жестокая пытка была любимымъ его развлеченіемъ и ради него онъ не дозволялъ арестантамъ стричься. Однажды, играя съ арестантами, я слегка зашибъ себѣ до крови голову и вотъ, пользуясь этимъ случаемъ, какъ только зашелъ въ мою камеру Василій Александровичъ и сказалъ: «Давай-ка, Мишка, волосы!»—я стрѣлой кинулся вонъ и побѣжалъ прямо къ доктору, которому и заявилъ, что старшій надзиратель ключомъ пробилъ мнѣ голову... Докторъ пришелъ въ такое негодованіе, что,

перевязавъ мнѣ ранку, послалъ сейчасъ же за смотрителемъ и въ присутствіи его составилъ протоколъ. Говорили даже, что старшаго отдадутъ подъ судъ; но подъ судъ его не отдали, такъ какъ онъ былъ дворянинъ, а только выключили въ тотъ же день со службы.

«Такъ незамѣтно окончился срокъ моего исправленія (а вѣрнѣе было бы сказать, развращенія), и въ апрѣлѣ 88 года я вышелъ изъ тюрьмы. За мной пріѣхала мать и привезла съ собой новую одежду, такъ какъ за два года я порядочно выросъ, и прежняя уже не годилась. Мы въ тотъ же день поѣхали въ Петербургъ. Отца застали еще въ постели; при входѣ моемъ онъ поднялся и ласково поздоровался—въ этотъ разъ онъ вполнѣ вѣрилъ въ мою невиновность. Онъ тотчасъ же предложилъ мнѣ завѣдывать по прежнему своей торговлей, и я съ жаромъ ухватился за это предложеніе. Я долженъ вамъ сказать, что, не смотря на всю свою развращенность, сидя въ тюрьмѣ, я много размышлялъ о своемъ прошломъ и будущемъ и пришелъ къ тому убѣжденію, что лучше всего на свѣтѣ честный трудъ и кусокъ хлѣба, заработанный съ чистой совѣстью. И я думаю, что если бы люди были развитѣе и добрѣе, если бы они нѣсколько иначе глядѣли на вещи и по-человѣчески относились къ тѣмъ, кто однажды сдѣлалъ ошибку, то мое рѣшеніе пойти по хорошему пути было бы не пустой мечтой. Но люди были не таковы, и при первой же серьезной попыткѣ моей сблизиться съ ними, я получилъ ужасный нравственный толчокъ, какого никогда не ожидалъ: никто не только не подалъ мнѣ руки помощи и добраго совѣта, чтобы удалить отъ прошлаго и его грязныхъ дѣлъ, а напротивъ, каждый, казалось, спѣшилъ глубже толкнуть меня въ пропасть преступленія и разврата, такъ чтобы я не могъ уже остановиться и опомниться... Простите мнѣ за эту философію, но слишкомъ ужъ много пришлось мнѣ тогда выстрадать, чтобы я могъ теперь спокойно вспоминать и разсказывать.

«Съ первыхъ же дней, какъ я сталъ за прилавокъ, я замѣтилъ, что отношеніе ко мнѣ родныхъ и знакомыхъ совсѣмъ уже не то, что было прежде. Каждое ихъ слово, каждая улыбка говорили мнѣ о презрѣніи, о желаніи уязвить меня, оскорбить, и это желаніе чудилось мнѣ даже тамъ, гдѣ его, быть можетъ, и не было вовсе. И при всякомъ посѣщеніи магазина какимъ-нибудь знакомымъ меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ; отъ одного взгляда этихъ людей я приходилъ въ ярость и готовъ былъ на все... Это состояніе начало наконецъ, повторяться со мной такъ часто, что, во избѣжаніе какого-нибудь безумнаго поступка, я рѣшилъ объясниться съ отцомъ и умолять его отставить меня, хоть на время, отъ торговли. Его сильно удивило мое рѣшеніе; не давъ мнѣ договорить, онъ сказалъ, что слѣдовало гораздо раньше, еще два года тому назадъ, обо всемъ этомъ подумать, и что если мнѣ не стыдно было въ тюрьму попадать, такъ не должно быть стыдно и въ глаза людямъ глядѣть. Словомъ, я увидалъ со стороны отца полное непониманіе моей душевной смуты;

тѣмъ не менѣе я наотрѣзъ отказался продолжать ходить въ лавку. Отецъ вспылилъ и хотѣлъ было поднять на меня руку, но онъ увидалъ въ глазахъ моихъ что-то такое, что заставило его остановиться: передъ нимъ стоялъ уже не прежній забитый и запуганный мальчикъ, а юноша, въ которомъ пробудились совѣсть и сознаніе собственнаго достоинства...

«Онъ махнулъ на меня рукой, и съ этихъ поръ я сталъ безвыходно сидѣть дома, скучать, злиться на всѣхъ и отчаяваться. Все старое я презиралъ, а новаго у меня ничего еще не было въ головѣ. А между тѣмъ я былъ молодъ, во мнѣ играла кровь... Я жаждалъ общества, дѣятельности, дружбы, задушевныхъ бесѣдъ... Во время этого хаоса мыслей мнѣ нуженъ былъ человѣкъ съ понятіемъ, который вывелъ бы меня изъ заблужденія, указалъ бы мнѣ дорогу, куда я долженъ былъ идти. Но такого человѣка не нашлось. И по неволѣ приходилось мнѣ, незамѣтно для самого себя, мириться съ своимъ прошлымъ, оправдывать передъ своей совѣстью свои дурные поступки. Мириться съ прошлымъ! съ этимъ позорнымъ прошлымъ, которое стоило мнѣ столькихъ слезъ, мукъ, отчаянія! И теперь, когда во мнѣ пробудилась совѣсть, мнѣ снова пришлось страдать и плакать, и всѣ эти слезы, всѣ эти страданія должны были пропасть безплодно, безъ всякой пользы, такъ какъ судьбой было рѣшено, чтобъ я погибъ окончательно и уже безъ возврата...

«Тѣмъ временемъ отцу моему понадобилось подыскать новую, болѣе удобную квартиру, и послѣ многихъ поисковъ и трудовъ ему удалось найти подходящую во второй ротѣ Измайловскаго полка. Лѣтомъ мы переѣхали туда, и тутъ я былъ страшно пораженъ, узнавши, что домъ нашъ принадлежитъ генералу Красинскому. Но не успѣлъ я еще опомниться отъ перваго удивленія, какъ, выйдя на дворъ и взглянувъ изъ любопытства наверхъ, увидалъ въ окнѣ третьяго этажа... Лизавету Семеновну, ту самую женщину, которая меня нѣкогда погубила! Едва вѣря собственнымъ глазамъ, я съ часъ времени, точно въ столбнякѣ, простоялъ на одномъ мѣстѣ, хотя въ окнѣ давно уже никого не было. Я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и въ эту минуту готовъ былъ на какое угодно преступленіе! Мнѣ было душно, я весь горѣлъ; какъ пьяный вышелъ я на улицу и машинально, безъ всякой цѣли, отправился, куда глаза глядѣли. Мысли у меня путались. Все, что я выстрадалъ изъ-за этой женщины, все мое недавнее прошлое, какъ живое, встало передо мной... Мнѣ хотѣлось ей мстить, страшно мстить, и я придумывалъ, какъ бы лучше сдѣлать это. Одно время мнѣ пришло даже въ голову вскочить среди бѣлаго дня въ квартиру генерала и жесточайшимъ образомъ изрѣзать Лизавету на мелкіе куски! Но я отогналъ эту мысль: не Лизавету, конечно, было мнѣ жалко, а не хотѣлось себя самого подвергать опасности. За то, говоря по

чистой совѣсти, я съ удовольствіемъ исполнилъ бы свой планъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, вдали отъ людскихъ взоровъ.

«Возвращаясь поздно вечеромъ домой, я былъ увѣренъ, что тамъ ждутъ меня непріятности, что Лизавета узнала меня, доложила обо всемъ своему генералу, и тотъ немедленно отказалъ моему отцу отъ квартиры. Однако опасенія мои не оправдались: какъ въ этотъ, такъ и въ слѣдующіе дни все было у насъ спокойно, и отецъ ничего не подозрѣвалъ»...

. . . .

На этихъ словахъ рукопись Шустера, къ сожалѣнію, оборвана. Случилось это такимъ образомъ.

Во время треволненій ломовскаго періода, длившихся около двухъ мѣсяцевъ, мнѣ было, конечно, не до учениковъ съ ихъ автобіографіями, они сами хорошо понимали это, и ученье и писательство временно пріостановились. А когда личныя мои тревоги окончились, и я готовъ былъ вернуться къ обычному образу жизни и къ обычнымъ занятіямъ, снова началъ интересоваться обществомъ своихъ невольныхъ сожителей, ихъ горемъ и радостями, то, къ удивленію своему, увидалъ, что въ отношеніяхъ арестантовъ къ Шустеру опять успѣла произойти рѣзкая перемѣна къ худшему. Снова всѣ сторонились отъ него, отказывались съ нимъ ѣсть изъ одной чашки, ругали его «поганымъ жидомъ» и вообще выказывали величайшее презрѣніе. Самъ Мишка Шустеръ имѣлъ опять запуганный и какой-то растерянный видъ; онъ смирно лежалъ на нарахъ, въ своемъ углу, углубившись въ писанье или другую какую работу и, казалось, не замѣчалъ того, какъ къ нему относится камера. Но невнимательность эта, очевидно, была дѣланной; подходя къ столу за своей порціей пищи, онъ каждый разъ виновато опускалъ голову и пугливо бѣгалъ глазами по сторонамъ. Ясно было, что его въ чемъ-то поймали, уличили... Я недоумѣвалъ. Но вотъ однажды, въ отсутствіи Шустера, въ камеру вбѣжалъ Сохатый, сконфуженный и вмѣстѣ разъяренный.

— Убирайте отъ меня эту стервину проклятую!—закричалъ онъ, швыряя долой съ наръ подстилку своего недавняго пріятеля.

— Что такъ? Аль разонравилась Катенька?—иронически спросилъ кто-то изъ кобылки.

— Да кто жъ ее зналъ, сволочь, что она... такая? Вы чего-жъ молчали, коли слышали?

— Полно! будто ты не зналъ?

Сохатый закрестился обѣими руками:

— Вотъ тебѣ крестъ и Пресвятая Богородица, не зналъ! Да отъ нея, отъ падлы, еще заразу получить можно: каждый день, говорятъ, въ больницу ходитъ, отъ сифилиса лѣкарства беретъ.

— Вотъ такъ штука! Вся тюрьма отлично знала, одинъ Сохатый у насъ невиннымъ младенцемъ былъ! Повѣрите-ль вы этому, братцы?

Сохатаго подняли на смѣхъ. Окончательно переконфузившись, онъ заплевался, разразился громкими проклятіями и сталъ топтать ногами тюфякъ Шустера, продолжавшій валяться на полу.

Вечеромъ на повѣрку явился давно не бывавшій въ тюрьмѣ бравый капитанъ. Неожиданно для всѣхъ Шустеръ обратился къ нему съ жалобой.

— Господинъ начальникъ, мнѣ не дозволяютъ на нарахъ спать.

— Кто не дозволяетъ?

— Арестанты.

— Почему?

— Не могу знать, господинъ начальникъ.

Лучезаровъ помолчалъ и пожевалъ губами.

— До меня донеслись дурные слухи о тебѣ,—внезапно возвысилъ онъ голосъ, — да, очень дурные, братецъ! Я не хотѣлъ вѣрить этимъ разсказамъ, но приходится вѣрить. Такъ знай-же: я не допущу, чтобы въ моей тюрьмѣ такія мерзости совершались! Я уже принялъ относительно тебя мѣры.

И съ этой таинственной угрозой онъ вышелъ вонъ. Точно сдерживаемая долго лавина, прорвалось тогда настроеніе камеры: все зашумѣло, заговорило, всѣ разомъ набросились на несчастнаго Шустера. Плевки и слова «сволочь», «язычникъ», «отродье жидовское», «погань нечистая» полетѣли на него со всѣхъ сторонъ. Загнанный, оплеванный, онъ стоялъ, прижавшись спиной въ уголъ и молчалъ, но въ чертахъ его поблѣднѣвшаго лица меня поразила рѣзкая перемѣна: слѣды недавней еще робости и смущенности сразу исчезли и смѣнились какимъ-то безстыднымъ нахальствомъ; во взглядѣ большихъ, черныхъ, какъ двѣ сливы, блестящихъ глазъ свѣтилась жгучая ненависть, сквозило убивающее презрѣніе...

— Господа, оставьте его!—поспѣшилъ я обратиться къ расходившейся публикѣ; — Шустеръ, положите свою постель возлѣ моей.

Молча, онъ поспѣшилъ воспользоваться моимъ приглашеніемъ, и хотя арестанты долго еще продолжали на него кричать, но онъ не обращалъ уже на нихъ никакого вниманія,—по крайней мѣрѣ сдѣлалъ вскорѣ видъ, что заснулъ.

На другой же день мнѣ пришлось разговориться объ немъ съ общимъ старостой Годуновымъ, жившимъ теперь въ моей камерѣ. Я высказалъ предположеніе, что Шустеръ, быть можетъ, и не виноватъ вовсе въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ. Хитрый хохолъ только разсмѣялся на это.

— Вы, пожалуй, и Сохатому повѣрили, что онъ ничего не зналъ? Полноте, Иванъ Николаевичъ! Мы наперечетъ знаемъ тѣхъ даже, кто этой сволочью пользуется. Вы возьмите хоть то: откуда же у него табакъ хорошій берется, чай, сахаръ? Или вонъ на прошлой недѣлѣ портной Тихтенко перешилъ ему казенную куртку на пин-

жакъ. Съ меня за такую-же работу онъ 1 р. 50 коп. спросилъ... Тоже вѣдь этакія деньги достать надо.

— Но почему же вы не преслѣдуете тѣхъ-то господъ? Вѣдь они, по моему, несравненно виновнѣе даже...

Годуновъ пожалъ плечами.

— У нашей кобылки на этотъ счетъ свои понятія имѣются. Она держится правила: вышелъ случай—бери, не вышелъ—бѣги! Да и какъ же преслѣдовать, если добрая половина тюрьмы въ этомъ виновна? Ну, а за такими сволочами, какъ Катька, арестанты то ухаживаютъ, то бьютъ по мордасамъ. Впрочемъ, и то сказать, Иванъ Николаевичъ: въ другой тюрьмѣ мы пожалуй и вниманья бы не дали руки марать объ такую стервину, ну, а здѣсь—другое дѣло, здѣсь ее терпѣть не приходится.

— Почему именно здѣсь? Не все ли равно?

— Большая разница.

Однако разницы этой Годуновъ такъ и не опредѣлилъ вполнѣ для меня ясно: другая тюрьма... другіе люди... все на виду... больше конфузу... Выходило, какъ-будто, такъ, что присутствіе людей, подобныхъ мнѣ и моимъ товарищамъ, оказывало немалое вліяніе на настроеніе тюрьмы. Къ сожалѣнію, вліяніе это—«конфузъ», какъ выражался Годуновъ—было какое-то одностороннее: Шустера презирали, готовы были гнать, бить, и въ то же время подъ сурдинку «добрая половина тюрьмы» не считала зазорнымъ участвовать въ его позорѣ.

Однако записки Шустера, составленныя въ такой литературной формѣ и дышавшія мѣстами такой искренней грустью, ставили меня временами втупикъ и не позволяли окончательно повѣрить тому, что про него разсказывали. Я все еще словно на что то надѣялся, пока не пришлось убѣдиться окончательно... Что влекло, думалъ я, этого несчастнаго къ такимъ гадостямъ? Если въ другой тюрьмѣ онъ еще могъ бы, пожалуй, найти нѣкоторое оправданіе въ развращающихъ примѣрахъ, въ систематическомъ голоданіи или возможности широко пользоваться заработанными деньгами, то въ Шелайской тюрьмѣ...

Въ сердцѣ моемъ, словно, что оборвалось послѣ этого открытія, и вся прежняя симпатія къ несчастному юношѣ сразу пропала. Я не только не сталъ настаивать на томъ, чтобъ онъ продолжалъ свои записки, но почувствовалъ непобѣдимое отвращеніе и къ тѣмъ тетрадкамъ, какія уже были имъ составлены. Мнѣ было противно касаться этихъ грязныхъ, засаленныхъ листковъ, и я не разъ собирался предать ихъ сожженію... Но потомъ я какъ-то позабылъ о нихъ, и только этому обстоятельству они обязаны были своимъ спасеніемъ. Нѣсколько лѣтъ спустя я совершенно случайно натолкнулся, разбирая свой старый хламъ, на эти записанныя полустершимся карандашомъ тетрадки и, перечитавъ, отъ души пожалѣлъ, что онѣ обрывались на самомъ, что называется, интересномъ пунктѣ.

Если бы авторъ и дальше писалъ съ той же несомнѣнной правдивостью и откровенностью, то психологія этого жалкаго, безвозвратно погибшаго человѣка могла бы, думается мнѣ, представить въ своемъ родѣ значительный интересъ...

Мнѣ больше ничего неизвѣстно объ его судьбѣ. Вскорѣ послѣ описанныхъ мною событій онъ переведенъ былъ въ другой рудникъ, вѣроятно, по настоянію самого Шестиглазаго. Арестанты громко радовались этому переводу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. Мельшинъ.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Не въ шумный часъ работы суетливой
Родимый край мнѣ грезится порой,
Не въ блескѣ дня надъ опаленной нивой—
Онъ снится мнѣ подъ утреннею мглой.

Густой туманъ клубится надъ полями,
Какъ призракъ, боръ синѣетъ вдалекѣ;
Едва блеститъ за влажными кустами
Отсвѣтъ зари въ извилистой рѣкѣ.

Вотъ сонный пахарь ѣдетъ въ отдаленьи —
Поникъ Гнѣдко, чуть дребезжитъ соха...
Вотъ каркнулъ грачъ... И мертвое селенье
Рогъ огласилъ докучный пастуха.

Промчался вдаль работы зовъ бодрящій,
Но солнца ликъ еще въ туманной мглѣ.
И столько грусти кроткой и щемящей
Вездѣ, во всемъ—на небѣ и землѣ!..

П. Я.

Неурожаи хлѣба въ Россіи и продовольствіе населенія въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія.

Неурожаи хлѣба въ Россіи и послѣдствія ихъ—продовольственныя затрудненія, доходившія иногда до голода—явленія далеко не исключительныя. Начиная съ XV вѣка, они повторяются по нѣсколько разъ въ столѣтіе, а въ теченіе послѣдняго вѣка неурожаями отмѣчено каждое десятилѣтіе, при чемъ неурожаи обыкновенно не ограничиваются однимъ годомъ, а повторяются два и три года подъ рядъ.

Въ XV и XVI столѣтіяхъ насчитывается по 8 голодныхъ лѣтъ. Въ прошломъ XVIII было 10 крупныхъ неурожаевъ, охватывавшихъ значительный районъ, больше половины Россіи: 3 неурожая въ царствованіе Петра Великаго, по 2 въ царствованіе Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны и 3 въ царствованіе Екатерины Великой *). Исторіи неурожаевъ у насъ до сихъ поръ еще нѣтъ. Нельзя указать изслѣдованій, дающихъ сколько нибудь полныя и систематическія свѣдѣнія о распространеніи неурожаевъ, о степени народной нужды, ими вызванной, и о тѣхъ мѣрахъ, какія принимались правительствомъ, обществомъ и частными лицами для помощи нуждающемуся населенію. Поэтому нѣтъ возможности сдѣлать какіе либо общіе выводы о причинахъ неурожаевъ и средствахъ къ ихъ предотвращенію.

Изъ имѣющихся въ настоящее время въ литературѣ работъ по исторіи неурожаевъ и народнаго продовольствія слѣдуетъ отмѣтить изданный въ 1892 году хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ «Историческій Обзоръ правительственныхъ мѣропріятій по народному продовольствію въ Россіи», въ 2-хъ частяхъ.

---

*) Свѣдѣнія о неурожаяхъ въ прошломъ столѣтіи собраны г. Безобразовымъ по архивнымъ даннымъ и напечатаны въ «Наблюдателѣ» 1893 г., №№ 7, 8 и 9. Послѣдній неурожайный годъ, по Безобразову, 1787. Мы можемъ прибавить къ этимъ неурожаямъ еще одинъ, бывшій въ 1794 году въ Новороссійскомъ краѣ. Свѣдѣнія о немъ имѣются въ архивѣ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Это изданіе представляетъ первый опытъ историческаго обзора правительственныхъ мѣропріятій о народномъ продовольствіи до 80-хъ годовъ текущаго столѣтія. Историческій обзоръ не захватываетъ однако многихъ правительственныхъ мѣропріятій, какъ частныхъ, предпринимавшихся отдѣльными вѣдомствами, такъ и общихъ, прошедшихъ черезъ комитетъ министровъ и высочайше утвержденныхъ; нельзя также найти въ немъ свѣдѣній о томъ, какъ примѣнялись тѣ или другія мѣры на практикѣ; нѣтъ описаній самыхъ неурожаевъ и мѣръ борьбы съ ними по отдѣльнымъ губерніямъ *).

Матеріалы, имѣющіеся въ какомъ нибудь одномъ учрежденіи, какъ въ данномъ случаѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и не могутъ, впрочемъ, вполнѣ освѣтить всѣ стороны названнаго явленія, такъ какъ вопросомъ о продовольствіи той или другой неурожайной мѣстности занято было обыкновенно нѣсколько учрежденій: съ продовольственными вопросами имѣли дѣло и министерство внутреннихъ дѣлъ, на которомъ лежали заботы о крестьянахъ помѣщичьихъ, и министерство финансовъ, и департаментъ удѣловъ, и военное министерство. Наконецъ, всѣ общія мѣропріятія по продовольствію населенія поступали на обсужденіе комитета министровъ, который являлся такимъ образомъ объединяющимъ органомъ для всѣхъ учрежденій.

Матеріалы для исторіи неурожаевъ разсѣяны по архивамъ всѣхъ этихъ учрежденій. Для того, чтобы изобразить полную картину голодныхъ бѣдствій въ нашемъ прошломъ, нужно бы сопоставить указанія всѣхъ этихъ архивныхъ источниковъ, далеко еще не разработанныхъ.

Изъ того, что извѣстно въ литературѣ по исторіи продовольствія, можно составить слѣдующее представленіе о мѣрахъ продовольствія населенія во время неурожаевъ до начала настоящаго столѣтія.

До XVIII столѣтія правительство проявляло свои заботы о

*) Изъ прежнихъ работъ по этому вопросу имѣютъ значеніе слѣдующія: 1) Изданіе того же хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, 1859 г. «Матеріалы по вопросу объ обезпеченіи продовольствія» въ 3-хъ частяхъ. Это изданіе доведено только до 1860-хъ годовъ и при томъ очень неполное; 2) «Обозрѣніе мѣръ, принятыхъ по Высочайше утвержденнымъ положеніямъ комитета министровъ вслѣдствіе неурожаевъ 1833, 1839 и 1840 годовъ»; 3) «Неурожаи прошлаго вѣка», Безобразовъ. «Наблюдатель» 1893 г. № 7—9. Изъ работъ, не имѣвшихъ спеціально въ виду продовольственнаго вопроса, но заключающихъ матеріалы по данному вопросу, можно указать: 1) Исторію министерства внутреннихъ дѣлъ Варадинова и 2) Журналы комитета министровъ. Кромѣ того, отмѣтимъ, что вопросъ о неурожаяхъ на Руси съ древнихъ временъ и до XVIII ст. предлагался въ послѣдніе годы для изслѣдованій на медали въ Спб. университетѣ и, судя по отчету (1894 г.), на эту тему представлено нѣсколько удачныхъ работъ. Желательно бы видѣть въ печати результаты этихъ работъ.

продовольствіи населенія только въ видѣ исключительныхъ мѣръ (какъ, напримѣръ, раздача хлѣба въ Москвѣ при Борисѣ Годуновѣ). При Петрѣ Великомъ появляются впервые общія правительственныя мѣропріятія, имѣвшія въ виду обезпеченіе народнаго продовольствія—это извѣстный указъ 1723 года объ экспропріаціи казною излишняго хлѣба. Далѣе, въ теченіе прошлаго вѣка примѣнялись еще слѣдующіе способы продовольствія и борьбы съ неурожаями: отпуски незначительныхъ денежныхъ суммъ (отъ 5 до 10 тысячъ рублей на губернію) на покупку хлѣба въ зернѣ и мукѣ для раздачи въ ссуду нуждающимся жителямъ той или другой губерніи; податныя льготы, т. е. сложенія или отсрочки недоимокъ; регулированіе хлѣбной торговли—внѣшней и внутренней: подвозъ хлѣба изъ болѣе урожайныхъ губерній и изъ за границы или запрещеніе вывоза изъ неурожайныхъ губерній въ другія губерніи и за границу; запрещеніе винокуренія въ неурожайныхъ губерніяхъ; уничтоженіе вредныхъ для посѣвовъ насѣкомыхъ (саранчи); общественныя работы, разведеніе суррогатовъ хлѣба, собраніе свѣдѣній объ урожаяхъ и цѣнахъ на хлѣбъ и, наконецъ, устройство запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ указами:—1761 г. въ помѣщичьихъ селеніяхъ, 1762 года—въ городахъ, 1765 и 1766 гг.—въ экономическихъ селеніяхъ и дворцовыхъ волостяхъ; указомъ 7-го августа 1797 года и общимъ подтвердительнымъ указомъ 29 ноября 1799 года—въ казенныхъ селеніяхъ *).

Въ настоящемъ столѣтіи, какъ сказано, неурожаи сдѣлались болѣе частыми, а вслѣдствіе расширенія территоріи государства и увеличенія въ нѣсколько разъ населенія, приняли болѣе широкое распространеніе и стали отражаться на гораздо большей массѣ населенія. Съ каждымъ разомъ населенію все труднѣе стало обходиться собственными средствами для устраненія недостатка въ хлѣбѣ, а прежнія средства помощи населенію оказывались неудовлетворительными, такъ что крестьяне все чаще не въ состояніи были ни прокормить себя до новыхъ неурожаевъ, ни уплачивать казенные налоги и подати.

Поэтому въ текущемъ столѣтіи правительство стало серьезнѣе относиться къ продовольственному вопросу и занялось выработкой общихъ мѣръ для борьбы съ послѣдствіями неурожаевъ и для предупрежденія недостатка въ продовольствіи. Непосредственныя заботы правительства обращены были преимущественно на казенныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій, продовольствіе же крѣпостныхъ крестьянъ возлагалось на помѣщиковъ, хотя, въ случаѣ крайней нужды, правительство также оказывало ссуду и послѣднимъ; оно наблюдало за состояніемъ запасныхъ магазиновъ въ помѣщичь-

*) Безобразовъ «Неурожаи прошлаго вѣка»; «Матеріалы по вопросу объ обезпеченіи народнаго продовольствія» и «Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій по народному продовольствію» часть 1-я.

ихъ имѣніяхъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщики не желали или не могли прокармливать своихъ крестьянъ, продовольствіе этихъ крестьянъ правительство принимало на себя, отбирая имѣнія неисправныхъ владѣльцевъ въ казенную опеку (по указу сената 21 февр. 1811 года).

Нужно замѣтить, однако, что на практикѣ къ этой мѣрѣ правительство прибѣгало весьма рѣдко; обыкновенно подъ какимъ нибудь предлогомъ помѣщикамъ дѣлалось послабленіе.

Первое и начало второго десятилѣтія нынѣшняго вѣка были неблагопріятны для какихъ либо новыхъ мѣропріятій по продовольствію населенія, такъ какъ внѣшнія событія и особенно отечественная война отвлекали и вниманіе, и всѣ средства государства, да и народная масса должна была направить всѣ свои силы, нравственныя и матеріальныя, на борьбу съ внѣшними врагами, такъ что если и были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неурожаи и нужда, то средствъ облегчить ихъ не было. Дѣятельность правительства за этотъ періодъ выражалась поэтому, главнымъ образомъ, въ наблюденіи за приведеніемъ въ исполненіе указа 29 ноября 1799 года о заведеніи повсемѣстно запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и закончилась изданіемъ упомянутаго указа 21 февраля 1811 года о порядкѣ выдачи ссудъ изъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и объ обязанности помѣщиковъ прокармливать своихъ крестьянъ въ случаѣ неурожая *).

Послѣ отечественной войны 1812 года перечисленные способы продовольствія оказались, однако, недостаточными для тѣхъ губерній, которыя подверглись разоренію при нашествіи непріятеля, какъ, напримѣръ, Московской, Смоленской, Калужской и другихъ. Для продовольствія разоренныхъ жителей этихъ губерній государству пришлось отпустить значительныя суммы денегъ ($8\frac{1}{2}$ милл. руб. ассигн.), учредить для завѣдыванія раздачей денегъ особый комитетъ и составить особыя «Правила» раздачи.

Въ другихъ губерніяхъ, менѣе пострадавшихъ,—продовольствіе должно было производиться изъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, но послѣдніе оказались въ весьма плохомъ состояніи. Въ 1816 году волынское дворянство первое рѣшилось сказать правительству правду, заявивъ, что, вслѣдствіе неурожаевъ и тяжести отечественной войны, крестьяне не въ состояніи были вносить въ магазины установленное количество хлѣба и что поэтому въ однихъ магазинахъ хлѣба очень мало, а въ другихъ его и вовсе нѣтъ, и что, если помѣщики и давали раньше, по настояніямъ земскихъ судовъ, письменныя заявленія объ исправномъ состояніи магазиновъ, то

*) Кромѣ заботы о запасныхъ магазинахъ, правительство прибѣгало въ это время и къ другимъ мѣрамъ обезпеченія народнаго продовольствія: 1) урегулированію хлѣбной торговли, 2) воспрещенію или ограниченію винокуренія и 3) закупкѣ хлѣба казною для продажи и раздачи въ ссуду или пособіе нуждающемуся населенію.

дѣлали это «отчасти по должному начальству повиновенію, отчасти же по опасенію, чтобы въ противномъ случаѣ не былъ наложенъ на нихъ штрафъ».

Комитетъ министровъ, выслушавъ сообщеніе объ этомъ отъ министра полиціи, «нашелъ справедливую причину полагать, что въ подобномъ состояніи находятся и въ прочихъ мѣстахъ сельскіе запасные магазины». Придя къ такому заключенію, комитету ничего не оставалось дѣлать, какъ объявить, что правительство «предаетъ забвенію» недостатокъ хлѣба, обнаружившійся до 1 января 1817 года, но что оно желаетъ узнать отъ дворянства «истинное состояніе» хлѣбныхъ магазиновъ, а также и то, «какъ оные лучше наполнять и содержать впредь».

Для упорядоченія продовольственнаго дѣла министръ полиціи представилъ въ комитетъ министровъ записку о необходимости учредить при губернскихъ правленіяхъ особые комитеты о народномъ продовольствіи.

Комитетъ министровъ, разсмотрѣвши эту записку въ засѣданіи 21 августа 1817 года, положилъ: образовать въ губерніяхъ комитеты о продовольствіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнить хлѣбные сборы и установить вмѣсто нихъ денежные по 25 коп. съ души. Императоръ Александръ I, въ виду важности вопроса, поручилъ комитету вновь пересмотрѣть дѣло, заявивъ съ своей стороны, что «весьма легко можетъ случиться, что деньги на покупку хлѣба есть, а хлѣба вовсе не будетъ».

Нѣсколько позднѣе императоръ высказался за хлѣбные магазины еще болѣе рѣшительно; именно въ засѣданіи комитета министровъ 7 іюля 1821 года графомъ Аракчеевымъ объявлено было высочайшее повелѣніе о возстановленіи сельскихъ магазиновъ. «Государь Императоръ, говорилось въ этомъ высочайшемъ повелѣніи, будучи предувѣренъ въ пользѣ существованія сельскихъ запасныхъ магазиновъ, изволилъ отлагать по сей причинѣ подписаніе представленнаго отъ комитета министровъ проекта указа объ уничтоженіи магазиновъ. Между тѣмъ, открывшійся въ Черниговской губерніи и по другимъ мѣстамъ недостатокъ въ продовольствіи удостовѣрилъ совершенно въ необходимости существованія сихъ магазиновъ». Далѣе комитету министровъ повелѣвалось немедленно сдѣлать распоряженіе о возстановленіи сельскихъ магазиновъ на прежнихъ, или лучше составленныхъ основаніяхъ, а потомъ уже заняться соображеніями относительно устраненія тѣхъ неудобствъ и затрудненій, которыя прежде встрѣчались при наполненіи и содержаніи магазиновъ. Комитетъ министровъ въ окончательномъ положеніи своемъ, 12 іюля 1821 года, все же стоялъ за полумѣру; онъ признавалъ нужнымъ открыть магазины только въ 19 губерніяхъ, а въ остальныхъ 34-хъ губерніяхъ нужды въ магазинахъ не видѣлъ. Государь, однако, также остался при своемъ мнѣніи и, утвердивъ первую часть рѣшенія комитета, относительно второй части его

предоставилъ мѣстному начальству каждой губерніи избрать тотъ или другой способъ обезпеченія народнаго продовольствія.

Новыя правила о сельскихъ запасныхъ магазинахъ должны были, по желанію государя, войти въ дѣйствіе въ теченіе слѣдующаго 1822 года; правила дѣйствительно были представлены и высочайше утверждены 14 апрѣля 1822 года, а дополненія къ нимъ утверждены 30 апрѣля того же года.

Между тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, начиная съ 1819 года, въ теченіе трехъ лѣтъ (1819—1821 гг.) были неурожаи и населеніе нѣсколькихъ губерній испытывало болѣе или менѣе значительную нужду въ продовольствіи и обсѣмененіи полей. Приходилось поэтому примѣнять, до выработки общихъ правилъ, въ разныхъ губерніяхъ и разные способы продовольствія, смотря по положенію губерніи, по степени неурожая и нужды населенія и по другимъ обстоятельствамъ. Но и появленіе новыхъ правилъ не принесло существенной пользы, такъ какъ хлѣбные магазины, составлявшіе главную цѣль этихъ правилъ, стояли пустыми и могли наполниться только черезъ 32 года. Одна только часть этихъ правилъ могла примѣниться тогда же, — это сосредоточеніе продовольственнаго дѣла въ однихъ рукахъ,—во вновь учрежденныхъ губернскихъ коммиссіяхъ продовольствія; но такъ какъ послѣднія появились лишь послѣ самыхъ неурожайныхъ лѣтъ, то и результаты ихъ дѣятельности могли сказаться позднѣе, во время неурожаевъ конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ.

Первые значительные неурожаи, какъ сказано раньше, падаютъ на 1819, 1820 и 1821 года, мѣстами повторяются они въ 1823 и 1824 годахъ; затѣмъ слѣдуетъ небольшой перерывъ, послѣ котораго неурожаи возобновляются, сперва въ небольшихъ размѣрахъ и спорадически, въ 1829, 1830, 1831 и 1832 годахъ; наконецъ, въ 1833 году захватываютъ обширный районъ (до 30 губерній) и принимаютъ крайне тяжелый характеръ, благодаря нѣсколькимъ предшествовавшимъ неурожаямъ. Неурожаи 20-хъ годовъ коснулись не только многихъ нечерноземныхъ губерній, гдѣ недородъ хлѣба, болѣе или менѣе значительный, былъ явленіемъ обыкновеннымъ, но и нѣсколькихъ черноземныхъ губерній, какъ среднихъ, такъ и южныхъ—степныхъ.

Изъ губерніи первой группы неурожай постигъ губерніи: Новгородскую, Псковскую, Смоленскую, Калужскую и бѣлорусскія губерніи:—Витебскую и Могилевскую; отчасти захвачена была неурожаемъ и Курляндская губернія; изъ второй группы—губерніи: Черниговскую, Екатеринославскую и Таврическую.

Въ настоящемъ очеркѣ мы остановимся на неурожаяхъ 20-хъ годовъ, какъ менѣе всего извѣстныхъ и изслѣдованныхъ, и постараемся выяснить, насколько велики были размѣры неурожаевъ и нужды населенія и какъ справлялось правительство и мѣстная администрація съ продовольственнымъ вопросомъ.

Свѣдѣнія наши — основнымъ источникомъ которыхъ являются данныя министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ — касаются, главнымъ образомъ, бывшихъ казенныхъ крестьянъ разныхъ наименованій, только изрѣдка они захватываютъ и другія группы населенія.

1.

Первая губернія, которая потребовала экстренныхъ мѣръ помощи, была губернія Черниговская.

Губернія эта и въ обыкновенное время не отличалась хлѣбнымъ изобиліемъ: въ сѣверной, нечерноземной и мало плодородной ея части собраннаго хлѣба по большей части не хватало на пропитаніе населенія. Промысловые заработки крестьянъ тоже были скудные. Не лучше было положеніе населенія и въ черноземныхъ уѣздахъ. Черниговская губернія уже тогда страдала перенаселеніемъ и малоземеліемъ; съ давнихъ поръ мы встрѣчаемся съ извѣстіями о переселеніи черниговскихъ крестьянъ и казаковъ то на Кавказъ, то въ Бессарабію, то въ Азовское казачье войско. Каждый значительный недородъ хлѣба неизбѣжно вызывалъ продовольственныя затрудненія для населенія губерніи. Неурожай, повторяющійся нѣсколько лѣтъ подрядъ, дѣлалъ положеніе черниговскаго крестьянства критическимъ.

Въ 1820 году неурожай охватилъ съ особою силою 7 уѣздовъ губерніи *). Послѣдствія его сказались прежде всего въ поднятіи мѣстныхъ цѣнъ на хлѣбъ; затѣмъ слѣдовало ожидать, что во второй половинѣ года крестьянамъ нечѣмъ будетъ питаться.

Извѣстія о черниговскомъ неурожаѣ дошли до Петербурга. Отъ министра внутреннихъ дѣлъ посланъ былъ запросъ малороссійскому военному губернатору князю Рѣпнину. Кн. Рѣпнинъ въ октябрѣ представилъ свое мнѣніе о размѣрахъ продовольственной нужды и о средствахъ для ея удовлетворенія. Изъ представленія этого видно, однако, что данныя, которыми располагала мѣстная администрація, далеко не отличались полнотою и точностью. Кн. Рѣпнинъ предполагалъ, что около *пятой* части населенія губерніи испытываетъ уже продовольственную нужду или должно будетъ встрѣтиться съ нею въ ближайшемъ времени; на продовольствіе этого количества нуждающихся требовалось, по его разсчету, около 5 милл. рубл. На первый разъ, впрочемъ, кн. Рѣпнинъ считалъ достаточнымъ отпустить $2^1/_2$ милл. рубл.

Комитетъ министровъ, на обсужденіе котораго перешло донесеніе малороссійскаго военнаго губернатора, нашелъ достаточнымъ отпустить изъ государственнаго казначейства 2 милл. рубл. на

*) Черниговскій, Суражскій, Мглинскій, Стародубскій, Новозыбковскій, Городнинскій и Сосницкій.

покупку хлѣба для раздачи на прокормленіе и на засѣвъ полей нуждающимся казеннымъ крестьянамъ, казакамъ и мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, имѣвшимъ менѣе 30 душъ крестьянъ. Деньги эти предполагалось передать въ распоряженіе командированнаго въ Черниговскую губернію сенатора Гермеса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ принято было и нѣсколько другихъ мѣръ для облегченія положенія нуждающагося населенія Черниговской губ. Такъ, рѣшено было выслать войска изъ 8 наиболѣе пострадавшихъ уѣздовъ; обратить на продовольствіе, въ видѣ пособій, хлѣбъ, хранящійся въ запасныхъ магазинахъ: сложить съ крестьянъ 8 упомянутыхъ уѣздовъ недоимокъ на 98 т. р. и разсрочить на три года недоимокъ на 213 т. р., взносъ податей за первую половину 1821 года отсрочить до 1 ноября; выдавать отправляющимся на заработки крестьянамъ годовые паспорты съ тѣмъ, чтобы деньги за нихъ взыскивать по возвращеніи съ заработковъ. Для ссуды помѣщикамъ предполагалось обратить капиталъ черниговскаго комитета общественнаго призрѣнія (511 т. р.). Для уменьшенія потребленія хлѣба въ губерніи комитетъ министровъ полагалъ воспретить винокуреніе на всѣхъ заводахъ, кромѣ обязанныхъ.

Всѣ эти предположенія были утверждены и получили осуществленіе.

Сенаторъ Гермесъ, снабженный указанной выше суммою въ 2 м. р., отправился въ Черниговскую губернію «для распоряженій по продовольствію населенія». Полномочіями своими онъ воспользовался, однако, далеко не въ полной мѣрѣ. Изъ ассигнованныхъ 2.000,000 р. употреблено было на покупку хлѣба только 1.314,000 р. и купленные на эти деньги 585,160 пуд. не были полностію розданы населенію: 30,000 пуд. остались въ экономіи.

Такъ окончился—повидимому благополучно—первый годъ продовольственной операціи, вызванной неурожаемъ въ Черниговской губерніи.

Но слѣдующій, 1821 годъ опять оказался не благопріятнымъ. Хотя урожай этого года былъ нѣсколько лучше урожая 1820 г., но такъ какъ всѣ прежніе запасы были истощены, а новаго хлѣба могло хватить въ большей части уѣздовъ только до зимы, то положеніе населенія становилось опять критическимъ. Всего сильнѣе должна была оказаться продовольственная нужда въ уѣздахъ Мглинскомъ, Суражскомъ и Новозыбковскомъ. Въ этихъ уѣздахъ малороссійскій военный губернаторъ находилъ необходимымъ устроить казенные хлѣбные магазины, обративъ на это хлѣбъ и деньги, оставшіеся отъ заготовокъ сенатора Гермеса. Это предположеніе было высочайше утверждено 26 іюля 1821 года, при чемъ для наблюденія за магазинами и за продажею изъ нихъ хлѣба по умѣреннымъ цѣнамъ лицамъ всѣхъ сословій, въ Черниговѣ учреждался особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ военнаго губернатора, при участіи въ качествѣ членовъ губернатора, вице-губернатора, губернскаго маршала и др. лицъ.

Когда жатва 1821 года была убрана, оказалось, что неурожаемъ охвачено не 3 уѣзда, какъ предполагалъ кн. Рѣпнинъ, а цѣлыхъ 10; особенно пострадала отъ раннихъ морозовъ греча, другіе хлѣба мѣстами не возвратили сѣмянъ. Своего хлѣба у крестьянъ могло хватить въ лучшемъ случаѣ до января. Населенію, не доѣдавшему и въ оба предшествовавшіе года, предстояло въ наступающемъ 1822 питаться хлѣбомъ съ примѣсью листьевъ, коры, мха, конопляной макухи и половы.

Въ виду этого кн. Рѣпнинъ, считая недостаточными оказанныя уже мѣры помощи, ходатайствовалъ еще о другихъ облегченіяхъ для пострадавшаго населенія. Именно онъ предлагалъ: *отсрочить* въ пострадавшихъ уѣздахъ *уплату податей* за 1821 годъ на три года, *снабдить* нуждающихся *крестьянъ продовольствіемъ* на 4 мѣсяца, устроивъ для того магазины въ уѣздахъ Мглинскомъ, Суражскомъ и Новозыбковскомъ; *дозволить выдачу паспортовъ*, какъ и въ 1820 году, съ уплатою денегъ по возвращеніи съ заработковъ и, наконецъ, *открыть*, съ наступленіемъ весны, какія либо *общественныя работы*, напримѣръ, отдѣлить въ теченіе 2-хъ или 3-хъ лѣтъ часть суммы, употребляемой на поправку дорогъ между столицами, и обратить эти деньги на устройство каменныхъ мостовъ и постоянныхъ гатей по большимъ трактамъ Черниговской губерніи, или же предпринять осушеніе болотъ въ губерніи. Количество хлѣба, необходимаго для продовольствія крестьянъ въ 1821 году, кн. Рѣпнинъ опредѣлилъ въ 300 тыс. пудовъ, не указывая однако ни въ одномъ своемъ представленіи ни количества нуждавшихся крестьянъ, ни селеній, въ которыхъ находились нуждавшіеся въ хлѣбѣ крестьяне. На покупку этого количества хлѣба онъ считалъ необходимымъ ассигновать, сверхъ отпущенныхъ денегъ, еще *262.438 р. 60½ к.*, считая пудъ хлѣба по той же цѣнѣ, по какой покупалъ его сенаторъ Гермесъ, т. е. по 2 руб. 24½ коп. Военный губернаторъ предполагалъ выдавать каждому взрослому мужчинѣ по 30 фунтовъ, женщинѣ по 25 фунтовъ и дѣтямъ по 15 фун. въ мѣсяцъ. Возвратъ ссуды онъ предлагалъ дѣлать не деньгами, а хлѣбомъ съ надбавкою 10-ти фунтовъ на пудъ; собранный такимъ образомъ хлѣбъ правительство могло частью продать, частью употребить на продовольствіе войскъ, а остатокъ или барышъ употребить на устройство въ пострадавшихъ уѣздахъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ для крестьянъ.

Рядомъ съ этимъ въ Петербургъ шли съ мѣста заключенія иного характера. Такъ черниговскій вице-губернаторъ, съ своей стороны, находилъ, что крестьяне вдались въ пьянство и развратъ и облѣнились въ надеждѣ на казенную ссуду; поэтому онъ считалъ необходимымъ учредить надъ ними дѣятельное хозяйственное управленіе, а затѣмъ предлагалъ выслать изъ казенныхъ селеній разсѣянныхъ тамъ евреевъ, «какъ людей праздныхъ, пронырли-

выхъ, которые поѣдаютъ всѣ плоды трудовъ крестьянскихъ и развращаютъ нравственность ихъ различными искушеніями».

Такимъ образомъ, на второй годъ продовольственной операціи въ Черниговской губерніи мы уже встрѣчаемся съ разногласіями мѣстныхъ властей относительно размѣровъ и характера нужды и средствъ помощи, — разногласіями, которыя, какъ увидимъ далѣе, составляли характеристическую черту продовольственной исторіи описываемаго періода. Мѣстами они принимали крайне острую форму (чего мы не видимъ еще въ данномъ случаѣ). Высшее правительство оказывалось по большей части не въ состояніи рѣшать вопросъ, которая изъ спорящихъ мѣстныхъ властей права; но ближайшимъ результатомъ этихъ споровъ являлось скептическое отношеніе къ мѣстнымъ исчисленіямъ нужды и сокращеніе размѣровъ просимой помощи.

Такъ было и на этотъ разъ.

Министръ финансовъ гр. Гурьевъ нашелъ требованія, заявленныя малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ, чрезмѣрными. Правительство должно имѣть въ виду, что въ 1821 году не одна Черниговская губернія пострадала отъ неурожая, а и многія другія; съ другой стороны разсчеты кн. Рѣпнина, представленные въ прошломъ году, уже оказались ошибочными: онъ считалъ необходимымъ ассигновать на продовольствіе нуждающагося населенія Черниговской губерніи 5 милл. рублей, между тѣмъ, какъ сенаторъ Гермесъ израсходовалъ всего 1.313.438 руб., да и изъ этого расхода осталось въ запасѣ 30 тыс. пудовъ хлѣба на сумму 67 тыс. руб. Точно также преувеличены они и въ данномъ случаѣ. Министръ финансовъ считалъ предполагаемый военнымъ губернаторомъ возвратъ ссуды хлѣбомъ непрактичнымъ, такъ какъ въ Черниговской губерніи никогда не бывало такого обильнаго урожая, чтобы могъ остаться излишекъ для уплаты ссуды, да еще и съ процентами на нее.

Не соглашаясь съ кн. Рѣпнинымъ, ни относительно размѣровъ ссуды, ни способа уплаты ея, министръ финансовъ представилъ собственное мнѣніе такого содержанія: 1) Для обезпеченія продовольствія казен. крестьянъ въ 5 уѣздахъ Черниговской губерніи возложить на учрежденный въ Черниговѣ комитетъ попеченіе объ учрежденіи хлѣбныхъ магазиновъ на отпущенные уже въ его распоряженіе 500 тысячъ рублей; изъ этихъ магазиновъ продавать хлѣбъ по умѣреннымъ цѣнамъ только нуждающимся казеннымъ крестьянамъ и въ такомъ количествѣ, чтобы доставало только на пропитаніе, но не было бы возможности употреблять этотъ хлѣбъ на винокуреніе; 2) для обезпеченія продовольствія крестьянъ помѣщичьихъ подтвердить силу указа 21 февр. 1811 года *);

*) Объ отобраніи въ правительственную опеку имѣній тѣхъ владѣльцевъ, которые не желали или не могли обезпечить продовольствіе своихъ крестьянъ.

3) выдавать казеннымъ крестьянамъ паспорты съ уплатою крестьянами денегъ по возвращеніи съ заработковъ; 4) отсрочки платежа податей за 1821 годъ на три года, какъ предлагалъ кн. Рѣпнинъ, не дѣлать; 5) относительно евреевъ держаться строго положенія 1804 года и указа 14 марта 1811 года, т. е. не дозволять имъ жить въ казенныхъ селеніяхъ за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда евреи содержатъ казенную винную продажу, но и то ограничить право жительства однимъ семействомъ на каждый питейный домъ, а по окончаніи срока аренды, впредь не отдавать имъ въ аренду питейныхъ домовъ. Всѣхъ же остальныхъ евреевъ, подъ какимъ бы видомъ они ни жили, выслать въ тѣ города и мѣстечки, гдѣ они записаны по ревизіи, и 6) поставить въ обязанность мѣстному начальству имѣть бдительный надзоръ за поселянами и побуждать ихъ къ трудолюбію, отклоняя гибельную надежду на пособіе отъ казны *).

Мнѣніе министра финансовъ было принято въ комитетѣ министровъ и высочайше утверждено 1-го ноября 1821 года, причемъ военному губернатору предписано было на будущее время о всѣхъ предположеніяхъ своихъ, касающихся продовольствія крестьянъ, предварительно сообщать на обсужденіе въ черниговскій комитетъ, для этой собственно цѣли и учрежденный; высшему же правительству сообщать о тѣхъ только мѣрахъ, относительно которыхъ состоятся рѣшенія названнаго комитета. Черниговскому комитету было указано устроить по 2 или по 3 хлѣбныхъ магазина въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи; покупку хлѣба комитетъ долженъ былъ произвести въ самыхъ плодородныхъ губерніяхъ, потомъ слѣдовало вычислить среднюю цѣну хлѣба и по этой средней казенной цѣнѣ продавать хлѣбъ на наличныя деньги только казеннымъ крестьянамъ и казакамъ, причитывая при этомъ проценты по 6 коп. на рубль.

Вопросъ о евреяхъ, поднятый, какъ мы видѣли, черниговскимъ вице-губернаторомъ и поддержанный министромъ финансовъ, получилъ довольно неожиданный оборотъ: министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей, соглашаясь вполнѣ съ заключеніемъ министра финансовъ по этому вопросу, предложилъ распространить проектированныя распоряженія о евреяхъ и на нѣсколько другихъ губерній, именно: на Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую, Астраханскую и Казанскую.

Пока предписаніе съ изложеніемъ мнѣнія комитета министровъ относительно продовольствія крестьянъ дошло до малороссійскаго военнаго губернатора, черниговскій комитетъ успѣлъ уже закупить хлѣба на 577.798 рублей, превысивъ слѣдовательно ассигнованную комитетомъ министровъ сумму болѣе, чѣмъ на 77 тыс. руб. Кромѣ того, нужно было этотъ хлѣбъ доставить на

*) Выписка изъ журнала комитета мин. 1 ноября 1821 г.

мѣста. Князь Рѣпнинъ въ виду этого просилъ министра внутрен. дѣлъ ходатайствовать о выдачѣ дополнительной ссуды, именно 186.561 руб., оставшихся отъ продовольственныхъ операцій сенатора Гермеса, и, кромѣ того, испросить разрѣшеніе на ассигнованіе вновь 262.438 руб., т. е. почти такой же суммы, какая уже была ассигнована комитетомъ министровъ раньше.

Комитетъ министровъ, принявъ во вниманіе, что закупка хлѣба сдѣлана была до полученія указа, разрѣшилъ ассигновать только недостающую для уплаты за купленный хлѣбъ сумму 77,798 руб. Для поддержанія своихъ требованій князь Рѣпнинъ пріѣхалъ лично въ Петербургъ и былъ приглашенъ для объясненій въ одно изъ засѣданій комитета министровъ 31 января 1822 г.

Послѣ этихъ объясненій князь Рѣпнинъ вошелъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ съ новыми предложеніями, направленными въ защиту его прежнихъ предложеній, не принятыхъ комитетомъ министровъ, а чтобы найти большую поддержку своимъ планамъ въ комитетѣ, онъ предлагалъ распространить ссуду и на помѣщиковъ. По его мнѣнію слѣдовало: 1) разрѣшить продажу хлѣба по умѣреннымъ цѣнамъ изъ запасныхъ магазиновъ не однимъ только казеннымъ крестьянамъ, но и помѣщикамъ и всѣмъ вообще сословіямъ, какъ это было и раньше въ 1820 году; особенно нуждались въ этомъ средніе и бѣдные помѣщики, которые въ надеждѣ, что прежній порядокъ продажи имъ хлѣба продолжится въ 1821 и 1822 году, не сдѣлали нужныхъ запасовъ для прокормленія своихъ крестьянъ; 2) не настаивать на строгомъ исполненіи помѣщиками указа 21-го февраля 1811 года о продовольствіи своихъ крестьянъ, такъ какъ примѣненіе этого указа, по мнѣнію кн. Рѣпнина, было не только не нужно, но даже невыгодно для казны и опасно для государства... Ему казалось, что правительство, подтверждая указъ 1811 г., угрожаетъ само себѣ мѣрою, которую не въ силахъ исполнить: отнимая у помѣщиковъ крестьянъ, имъ принадлежащихъ, оно обязывается прокармливать ихъ, не имѣя для этого ни запасовъ, ни денежныхъ суммъ; сами же крестьяне такихъ несостоятельныхъ помѣщиковъ, обыкновенно не имѣя никакого хозяйственнаго инвентаря, а часто и пахотной земли, не въ состояніи обезпечить своего продовольствія. «Нигдѣ въ государствѣ нашемъ— пишетъ онъ далѣе,—нѣтъ такихъ слабыхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, какъ въ Малороссіи, такъ какъ тамъ полное крѣпостное право введено только въ 1783 года, но до 1796 года все еще слабо дѣйствовало. Всѣ сорокалѣтніе крестьяне вспоминаютъ еще, что и они пользовались одинаковыми правами съ казенными крестьянами и казаками, живущими черезполосно съ ними». Главнѣйшимъ изъ этихъ правъ былъ свободный переходъ отъ одного помѣщика къ другому, основанный на казенномъ законѣ дѣйствовавшаго въ Малороссіи Литов-

скаго Статута; этимъ правомъ особенно пользовались крестьяне въ неурожайные годы, если помѣщики не заботились объ ихъ продовольствіи. Военный губернаторъ предполагалъ поэтому, что, когда станутъ отбирать крестьянъ въ казну отъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, то и среди остальныхъ помѣщичьихъ крестьянъ явятся порывы къ самовольному измѣненію существующаго порядка. Въ подтвержденіе этого князь Рѣпнинъ указывалъ, что въ 1821 году многіе крестьяне, узнавъ о подтвержденіи помѣщикамъ прежняго указа кормить ихъ во время неурожаевъ, толпами приходили въ Черниговъ къ военному губернатору жаловаться на своихъ помѣщиковъ; впрочемъ—прибавляетъ князь Рѣпнинъ—къ прекращенію подобныхъ жалобъ приняты были строгія мѣры.

Наконецъ князь Рѣпнинъ настаивалъ на необходимости отсрочить платежъ податей за 1821 годъ на три года, указывая на то, что въ Черниговской губерніи платежи довольно большіе: казенные крестьяне платятъ въ казну за каждую ревизскую душу 11 рублей, а казакъ еще 2 рубля за право продажи вина; кромѣ того, 1 руб. на земскія повинности и 1 руб. при отдачѣ рекрутъ. Если прибавить къ этому, что ревизскихъ душъ уменьшилось отъ усиленныхъ рекрутскихъ наборовъ въ прежніе годы, отъ повальной горячки въ 1813 году и отъ кровавыхъ поносовъ и дурной пищи въ 1820 г. и 1821, то выходило, что каждый взрослый работникъ платилъ за три ревизскихъ души около 40—50 р. въ годъ.

Комитетъ министровъ, выслушавъ представленіе военнаго губернатора, только отчасти согласился съ его предложеніями. На отсрочку податей онъ не согласился въ виду того, что такая отсрочка дастъ поводъ и другимъ губерніямъ требовать такого же снисхожденія. Сборъ податей комитетъ министровъ возложилъ однако на казенную палату и мѣстное волостное и сельское начальство, устранивъ отъ всякого вмѣшательства въ это дѣло земскую полицію (вѣроятно, въ виду примѣра, какой подало подобное вмѣшательство въ Екатеринославской губ.). Впрочемъ, казенная палата должна была представлять отчеты о сборѣ податей военному губернатору, какъ хозяину губерніи. Предложеніе военнаго губернатора о дозволеніи продавать хлѣбъ изъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ помѣщикамъ было принято, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что продавать хлѣбъ можно было только мелкимъ помѣщикамъ, имѣвшимъ не болѣе 30 душъ, и не болѣе 1 пуда на душу въ мѣсяцъ.

Для казенныхъ крестьянъ сдѣлана была еще одна уступка, о которой просилъ военный губернаторъ, именно—въ распоряженіе казенной палаты передавалось 65 тыс. пудовъ хлѣба для раздачи въ ссуду (а не за наличныя деньги, какъ было положено ранѣе) совершенно неимущимъ крестьянамъ, а по возвращеніи ссуды деньгами разрѣшено еще разъ закупить на нее хлѣбъ для раздачи тѣмъ же крестьянамъ.

Что касается опасеній военнаго губернатора относительно стро-

таго исполненія указа 1811 года, то комитетъ министровъ, не раздѣляя этого опасенія, постановилъ однако не дѣлать новаго подтвержденія объ исполненіи указа, какъ потому, что оно сдѣлано уже военнымъ губернаторомъ въ 1820 году, такъ и потому, что вообще узаконенія издаются для исполненія, а не для того, чтобы по нимъ дѣлались подтвержденія... *).

Мѣры, принятыя комитетомъ министровъ для продовольствія нуждающихся жителей Черниговской губерніи, принесли значительную пользу населенію уже въ самомъ началѣ. Изъ журналовъ черниговскаго комитета видно, что какъ только началась перевозка закупленнаго комитетомъ хлѣба въ магазины Мглинскаго, Суражскаго и Новозыбковскаго уѣздовъ, цѣны на хлѣбъ въ тѣхъ уѣздахъ тотчасъ стали падать и скоро понизились до того, что уже нельзя было продавать по этимъ цѣнамъ казеннаго хлѣба, такъ какъ онъ обошелся казнѣ гораздо дороже рыночной цѣны... Такое быстрое пониженіе цѣнъ объяснялось слѣдующими обстоятельствами: барышники, сдѣлавшіе большіе запасы хлѣба и разсчитывавшіе, по примѣру прошедшаго 1821 года, весною поднять цѣну до 4 руб. за пудъ, поспѣшили теперь поскорѣе сбыть свои запасы по умѣреннымъ цѣнамъ, чтобы не понести потомъ убытковъ; не мало также способствовала пониженію цѣнъ высылка изъ селъ въ города значительнаго числа евреевъ, изъ которыхъ многіе торговали хлѣбомъ и даже держали въ своихъ рукахъ хлѣбную монополію, а теперь должны были немедленно бросить всѣ операціи и поскорѣе сбыть хлѣбъ, хотя бы по самымъ низкимъ цѣнамъ; кромѣ того, на пониженіе цѣнъ повліяла и случайная причина, именно—цѣлые транспорты хлѣба, направлявшіеся изъ Орловской и Курской губ. въ Смоленскую, Могилевскую и Минскую, вслѣдствіе распутицы и бездорожья остановились въ Черниговской губ. и стали распродаваться здѣсь изъ опасенія, чтобы хлѣбъ не подвергся порчѣ; наконецъ, ранняя весна и хорошіе всходы хлѣбовъ въ 1822 году подавали надежды на болѣе обильный урожай и также повліяли на пониженіе цѣнъ.

Но, если быстрое и рѣзкое паденіе цѣнъ на хлѣбъ оказалось выгоднымъ для пострадавшаго населенія, то казна должна была нести отъ него убытокъ, такъ какъ комитетъ не могъ продавать хлѣбъ жителямъ по своей цѣнѣ; пришлось раздавать часть хлѣба безденежно, чтобы избѣжать порчи его отъ сырости, а часть ржи обмѣнять на гречу, вслѣдствіе чего послѣдняя обошлась по необычайно высокой цѣнѣ, т. е. по 2 р. 20 коп. за пудъ, или вдвое дороже обыкновенной ея стоимости.

Изъ отчета комитета видно, что имъ куплено было 257,002 п 20 фун. хлѣба, за него уплачено 567,014 р. 80 коп., слѣдовательно изъ ассигнованной суммы осталось неизрасходованныхъ 9293 р. 95 к.

---

*) Выписка изъ Журн. ком. мин. 31 янв. и 14 февр. 1822 г.

хлѣба нерозданнаго осталось: 122,002 п. 20 фун. ржи и 24,000 пуд. гречихи.

Министръ финансовъ въ письмѣ къ министру вн. дѣлъ считалъ виновниками въ такой неудачной операціи съ хлѣбомъ черниговскій комитетъ и военнаго губернатора князя Рѣпнина. Послѣ этой неудачной операціи, комитетъ закрылся 30 іюля 1822 года, а окончаніе дѣла по продовольствію перешло въ вѣдѣніе казенной палаты.

Трудно рѣшить теперь, насколько въ самомъ дѣлѣ можетъ быть поставлено въ вину комитету то, что онъ не предусмотрѣлъ паденія цѣнъ и закупился хлѣбомъ. Гораздо безспорнѣе вина его, также какъ и остальныхъ мѣстныхъ учрежденій, въ другомъ отношеніи. Дѣло закупки и раздачи велось такъ, что сколько нибудь точныхъ счетовъ по операціи оказалось невозможнымъ свести.

Министръ финансовъ, не получая отъ казенной палаты необходимыхъ свѣдѣній по операціи, просилъ князя Рѣпнина сообщить казенной палатѣ много разъ требуемыя ею отъ комитета свѣдѣнія о томъ, по какой цѣнѣ и сколько закуплено хлѣба сенаторомъ Гермесомъ и кому этотъ хлѣбъ розданъ, равно какъ и о томъ, кому былъ розданъ хлѣбъ, оставшійся послѣ отъѣзда сенатора Гермеса и переданный въ вѣдѣніе казенной палаты. Военный губернаторъ писалъ, что казенной палатѣ переданы всѣ дѣла и документы о заготовкѣ и раздачѣ хлѣба и что она, слѣдовательно, и должна доставить всѣ свѣдѣнія; а казенная палата, какъ бы не понимая требованія министра финансовъ, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ писала о томъ, что въ скоромъ времени должно уже начаться взысканіе хлѣбной недоимки, что казакамъ и крестьянамъ приходится платить за пудъ хлѣба отъ 2 р. 12 к. до 2 р. 26 коп., не считая при томъ процентовъ (по 6% въ годъ). Только послѣ того, какъ министръ финансовъ пригрозилъ палатѣ строгою отвѣтственностью за недоставленіе свѣдѣній, она сообщила, наконецъ, что никакихъ свѣдѣній у нея нѣтъ—ни объ операціи сенатора Гермеса, ни о дѣятельности комитета, и что она обратилась за свѣдѣніями объ этомъ въ губернское правленіе, къ повѣтовымъ маршаламъ и волостнымъ правленіямъ; относительно же хлѣба, переданнаго ей изъ комитета, казенная палата писала, что этотъ хлѣбъ переданъ былъ въ ея распоряженіе съ тѣмъ, чтобъ она «самоскорѣйшею раздачею его казеннымъ поселянамъ отвратила претерпѣваемую ими нужду и совершенный недостатокъ въ продовольствіи до новой жатвы»; палата тотчасъ и исполнила это распоряженіе; предписанія же министра финансовъ о пріостановкѣ раздачи хлѣба въ то время она еще не получала.

Губернское правленіе вело себя совершенно также, какъ комитетъ и казенная палата: послѣ трехъ отношеній палаты, правленіе наконецъ извѣстило ее, что никакихъ свѣдѣній относительно раздачи хлѣба у него не имѣется.

Этой перепиской дѣло о продовольствіи и закончилось, — свѣдѣній о томъ, кому и сколько роздано было хлѣба, министръ финансовъ такъ и не получилъ. Почему министерство финансовъ прекратило свои настоянія о доставленіи свѣдѣній,—можно видѣть отчасти изъ нижеслѣдующей выписки изъ частнаго письма черниговскаго вице-губернатора Политковскаго на имя директора канцеляріи министра финансовъ Дружинина. Вице-губернаторъ пишетъ, что казенная палата охотно бы дала требуемыя министромъ финансовъ свѣдѣнія, но, не смотря на угрозы съ его стороны, она «со смиреніемъ, но категорически и, кажется, основательно доноситъ, что не въ ея силахъ было поспѣшить составленіемъ требуемыхъ свѣдѣній, ибо и сама таковыхъ въ полности и надлежащей ясности по сіе время не имѣетъ.

«Въ добавокъ къ изъясненію палаты и я осмѣливаюсь представить Вашему Превосходительству, что самое прещеніе Ваше намъ безгрѣшнымъ и по сенатской, и по комитетской операціямъ должно заставить насъ скорѣе взяться за festina lente, дабы поспѣшивъ, не сдѣлать большаго и непростительнаго грѣха, какъ въ распредѣленіи мѣры ежегоднаго взысканія за розданный хлѣбъ, такъ и въ распоряженіи, съ кого именно учинить таковое, т. е. по волостямъ и селеніямъ порознь.

«Господину сенатору и комитету легко было сказать, сколько куплено хлѣба и издержано на то денегъ, тѣмъ болѣе, что хлѣбъ не ими раздавался потребителямъ, а предводителями и другими чиновниками, которые принимали хлѣбъ массой по приказаніямъ сенаторскимъ и комитетскимъ—отъ поставщиковъ; отъ сихъ то господъ (т. е. вѣроятно предводителей) мы не имѣемъ до сихъ поръ ясныхъ и полныхъ отчетовъ.

«Поэтому казенной палатѣ предстояло провѣрить на мѣстѣ и составить вѣдомости подворныя и посемейныя, кому и сколько дано было въ ссуду хлѣба; для этой провѣрки требовалось много времени».

Была ли окончена эта провѣрка и къ чему она привела—свѣдѣній не имѣется. Впослѣдствіи казенная палата присылала только вѣдомости съ указаніемъ, на комъ и сколько оставалось хлѣбной недоимки, но и въ этихъ вѣдомостяхъ указывалась только общая сумма недоимки на казенныхъ крестьянахъ, казакахъ, мѣщанахъ, отставныхъ военныхъ служителяхъ и мелкопомѣстныхъ владѣльцахъ.

Въ сентябрѣ 1822 года, т. е. при самомъ началѣ взысканія недоимокъ, на казенныхъ крестьянахъ числилось 608,021 р. 26 к.; на казакахъ 674,647 р. 34 к.; на мѣщанахъ 3,654 р. 78 к.; на отставныхъ военныхъ служителяхъ 2,364 р. 19 к.; на мелкопомѣстныхъ владѣльцахъ 19,616 р. 89 к.; а всего 1,308.304 р. 47 к. Эти деньги должны были быть уплачены въ теченіе 5 лѣтъ, съ 1822 по 1826-й г.

Насколько аккуратно поступали взносы хлѣбной недоимки, видно изъ іюльской вѣдомости 1826 года, т. е. послѣдняго года, назначеннаго для окончанія платежа. По этой вѣдомости оставалось еще въ долгу на казенныхъ крестьянахъ 569.678 р.; на казакахъ 608,010 р.; на мѣщанахъ 3,548 р.; на отставныхъ военныхъ служителяхъ — 2354 р. *) и на мелкопомѣстныхъ владѣльцахъ 13,484 р.; а всего 1,197.074 р. Такимъ образомъ за 5 лѣтъ поступило хлѣбныхъ недоимокъ вмѣсто всей суммы всего 111,230 р. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о поступленіи недоимокъ не имѣется, и едва ли онѣ поступали.

II.

Яркую картину пререканій между мѣстными административными властями, доведенныхъ до крайности, представляетъ собою исторія продовольственнаго дѣла въ Екатеринославской губерніи. Мѣстный губернаторъ въ донесеніяхъ своихъ высшему правительству изображалъ положеніе населенія губерніи отчаяннымъ. Съ другой стороны, вице-губернаторъ (являвшійся въ то время органомъ министерства финансовъ въ губерніи) открыто обвинялъ губернатора въ томъ, что онъ сочинилъ голодъ изъ корыстныхъ видовъ, дабы получить въ свое распоряженіе крупную сумму продовольственной ссуды. Оба пререкавшіеся администратора имѣли въ своемъ распоряженіи армію подчиненныхъ агентовъ. Благодаря этому, дѣло такъ запутывалось и затемнялось, что разобраться въ томъ, гдѣ же между двумя крайними утвержденіями лежитъ истина, было очень мудрено.

Продовольственныя затрудненія въ Екатеринославской губерніи возникли въ 1821 году. Засушливое лѣто этого года неблагопріятно отозвалось на произрастаніи хлѣбовъ. Къ этому присоединились еще и поврежденія отъ расплодившихся въ большомъ количествѣ овражковъ и хомяковъ, которые поѣдали молодой хлѣбъ еще травою, а затѣмъ уничтожали стебли и колосья уже поспѣвшаго хлѣба.

Екатеринославскій гражданскій губернаторъ *Шеміотъ* еще въ началѣ лѣта 1821 года сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею и херсонскому, таврическому и екатеринославскому военному губернатору графу Ланжерону, что не предвидится надежды даже и на посредственный урожай, что въ казенныхъ селеніяхъ многіе изъ крестьянъ испытываютъ уже нужду въ прокормленіи своихъ семействъ и, хотя сдѣлано распоряженіе

*) По 5-й переписи казенныхъ крестьянъ въ Черниг. губ. числилось 62.478 д. мужск. п., а въ 1837 году 90.103 д. мужск. п. Земли на душу въ нѣкоторыхъ волостяхъ Мглинскаго, Городницкаго и Суражскаго у.у. приходилось менѣе 2-хъ десятинъ. (Дѣло V-го отд. С. Е. В. К. № 286).

о вспомоществованіи имъ изъ запасныхъ магазиновъ, но, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ хлѣба имѣется мало, а въ другихъ и совсѣмъ нѣтъ, то для нѣкоторыхъ уѣздовъ онъ признаетъ такой способъ продовольствія недостаточнымъ безъ особаго пособія отъ казны.

Военный губернаторъ графъ Ланжеронъ, на основаніи донесенія гражданскаго губернатора съ своей стороны писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что «жители Екатеринославской губерніи безъ пособія отъ казны должны будутъ подвергнуться величайшимъ нуждамъ въ продовольствіи и даже всей жестокости голода».

Въ виду такихъ тревожныхъ извѣстій министръ внутреннихъ дѣлъ немедленно испросилъ высочайшее разрѣшеніе на то, чтобы обратить на продовольствіе жителей Екатеринославской губерніи запасы муки (12.557 четвертей) и крупы (1250 четвертей), заготовленные военнымъ провіантскимъ вѣдомствомъ въ г. Ростовѣ, и на то, чтобы вывести войска изъ пострадавшей отъ неурожая губерніи. Выдавать хлѣбъ предполагалось только тѣмъ крестьянамъ, которые, кромѣ хлѣбопашества, не имѣли другихъ средствъ къ прокормленію; тѣмъ же, которые занимались какими либо промыслами, слѣдовало внушить, что они должны сами изыскивать себѣ пропитаніе. Раздача муки и крупы казеннымъ крестьянамъ поручена была казенной палатѣ на слѣдующихъ основаніяхъ: палата предварительно должна была собрать свѣдѣнія, какія именно казенныя селенія нуждались въ хлѣбѣ и какія могли продовольствоваться своимъ хлѣбомъ до новаго урожая; если у кого не могло хватить хлѣба до новаго урожая, то сколько именно мѣсяцевъ онъ въ состояніи продовольствоваться своимъ хлѣбомъ.

Выдача назначеннаго каждому хлѣба должна производиться не разомъ, а по частямъ, и возвращаться не хлѣбомъ, а деньгами по казенной цѣнѣ, именно 11 руб. 20 коп. за четверть муки и 12 руб. 10 коп. за четверть крупы. Для крестьянъ Екатеринославской губерніи такой способъ возвращенія ссуды деньгами былъ выгоденъ во время неурожая, когда рыночныя цѣны были очень высоки. Въ сентябрѣ 1821 года цѣна ржаной муки доходила до 16 руб. четверть (8 пудовъ), зимою поднялась до 22 руб., а весною 1822 года понизилась до 20 руб. четверть. Въ 1822 г., урожайномъ, цѣна на хлѣбъ быстро понизилась, и зимою этого года четверть ржи стоила 4 руб. Но, въ случаѣ хорошаго урожая въ слѣдующемъ году, крестьянамъ выгоднѣе было возвратить ссуду натурою, такъ какъ они избѣгли бы операціи обращенія хлѣба въ деньги и приплаты за расходы казны по доставкѣ хлѣба. Получивъ это первое пособіе отъ казны, губернаторъ Шеміотъ съ большою поспѣшностью приступилъ къ собранію при посредствѣ земской полиціи свѣдѣній о числѣ нуждающихся казенныхъ крестьянъ и количествѣ хлѣба для ихъ продовольствія. При видимой

наклонности мѣстной администраціи скорѣе преувеличить, чѣмъ уменьшить размѣры нужды и при огульности всѣхъ разсчетовъ, результаты ихъ получились очень внушительные. Оказывалось, что «всѣ уѣзды Екатеринославской губерніи въ одинаковой степени нуждались въ продовольствіи хлѣбомъ отъ казны»; а такъ какъ въ хлѣбныхъ магазинахъ запасовъ оказалось всего 42 тысячи четвертей, то, по вычисленіямъ земской полиціи, нужно было заготовить еще 561.130 четвертей, 1 четверикъ и 3 гарнца ржи; если считать, что въ то время четверть ржи стоила 20 руб., то выходило, что нужно было ассигновать болѣе 10 милліоновъ рублей.

Губернаторъ Шеміотъ однако и самъ нашелъ эту сумму «превосходящей ожиданія» и полагалъ, что достаточно заготовить на каждый уѣздъ по 15 т. четвертей озимого хлѣба и по 5 тысячъ четвертей ярового, а всего 160 тыс. четвертей, — въ надеждѣ, что первую половину года крестьяне будутъ довольствоваться частью своимъ хлѣбомъ, частью заработками.

Такимъ образомъ, сумма, исчисленная полиціею, сокращалась болѣе чѣмъ въ три раза, но всетаки оставалась очень крупною.

На какое количество душъ она была разсчитана и какія именно селенія и крестьяне нуждались въ ней—этого ни изъ представленій агентовъ земской полиціи, ни изъ губернаторскихъ предположеній нельзя было видѣть. Губернская администрація, повидимому, соблазнилась примѣромъ Черниговской губерніи, которой оказано было милліонное пособіе и раздача этого пособія предоставлена была мѣстной администраціи; что это было такъ, видно изъ того, что губернаторъ Шеміотъ въ своихъ донесеніяхъ высшему начальству не разъ ссылался на примѣръ Черниговской губерніи, разсчитывая такимъ образомъ, что и въ отношеніи Екатеринославской губерніи правительство будетъ держаться того же способа вспомоществованія. Но на этотъ разъ дѣло получило совсѣмъ иной оборотъ, главнымъ образомъ, благодаря несогласіямъ въ средѣ губернской администраціи.

Комитетъ министровъ журналомъ, высочайше утвержденнымъ 7 іюля 1821 года, въ видѣ временной мѣры (за неимѣніемъ общихъ мѣропріятій по продовольствію крестьянъ), положилъ предоставить *продовольствіе казенныхъ крестьянъ* въ каждой губерніи, гдѣ былъ неурожай, особымъ коммиссіямъ, предсѣдательствовать въ которыхъ долженъ былъ вице-губернаторъ, а членами были совѣтники казенной палаты. Продовольственныя коммиссіи подчинялись непосредственно министру финансовъ; вице-губернаторъ назначался и смѣнялся по его представленію; отчеты коммиссій представлялись ему же. А губернаторъ, какъ и раньше, доставлялъ свѣдѣнія и отчеты о состояніи продовольствія министру внутреннихъ дѣлъ. При такомъ раздѣленіи губернской администраціи, одна и другая ея сторона могли не сходиться между собою въ возрѣ-

ніяхъ по продовольственному вопросу и, пользуясь правомъ непосредственныхъ сношеній съ центральною властью, могли сообщать ей разнорѣчивыя свѣдѣнія. Такъ именно и случилось съ администраціей Екатеринославской губерніи.

Назначенный лѣтомъ 1821 года въ екатеринославскіе вице-губернаторы Платонъ Языковъ сталъ въ рѣшительное противорѣчіе съ губернаторомъ Шеміотомъ. Въ первыхъ же своихъ донесеніяхъ министру финансовъ графу Гурьеву онъ писалъ, что исчисленное губернаторомъ количество хлѣба слишкомъ велико, такъ какъ *всѣ почти* казенные крестьяне могли довольствоваться своимъ хлѣбомъ до новаго урожая. Чтобы доказать это, онъ частью черезъ тѣхъ же земскихъ исправниковъ, которые доставляли свѣдѣнія и губернатору, а главнымъ образомъ при посредствѣ волостныхъ головъ, посылаемыхъ имъ чиновниковъ и самъ лично при объѣздѣ губерніи сталъ собирать свѣдѣнія о количествѣ имѣвшагося у крестьянъ хлѣба и о размѣрахъ неурожая.

Основываясь на полученныхъ такимъ путемъ свѣдѣніяхъ, вице губернаторъ въ концѣ 1821 и началѣ 1822 года доносилъ графу Гурьеву, что почти всѣ казенные крестьяне, а именно 189.822 души заявили на сходкахъ и составили мірскіе приговоры, что они въ состояніи прокормиться своимъ хлѣбомъ до новаго урожая, а нѣкоторые изъ нихъ даже до осени; если же у кого либо не хватило бы хлѣба, то они надѣялись позаимствовать его изъ запасныхъ магазиновъ. Въ запасныхъ магазинахъ славяносербскомъ, павлоградскомъ и бахмутскомъ, по свѣдѣніямъ вице-губернатора, было, напримѣръ, въ запасѣ 20.754 четверти, а на продовольствіе нуждавшихся крестьянъ этихъ уѣздовъ нужно было 14.818 четвертей, такъ что послѣ удовлетворенія всѣхъ нуждавшихся изъ мѣстныхъ крестьянъ оставалось еще 5.936 четвертей. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ губернаторомъ, въ 1820 году было засѣяно крестьянами 397.560 четвертей хлѣба, а уродилось 1.366.374 четверти; исключая отсюда посѣвъ, оставалось на продовольствіе крестьянъ и пр. 948.813 четвертей, а такъ какъ крестьянъ обоего пола числилось 278.763 души (въ томъ числѣ удѣльныхъ и состоявшихъ при екатеринославской суконной фабрикѣ 2.894 души), то приходилось на каждую душу 3 четверти 3 четверика, то есть количество, болѣе чѣмъ достаточное для годового продовольствія. Кромѣ того, въ запасныхъ магазинахъ числилось до 431 тыс. четвертей. Свѣдѣній объ урожаѣ 1821 г. губернаторъ не сообщилъ ни въ министерство внутреннихъ дѣлъ, ни сенатору Брозину, ни вице-губернатору, ссылаясь на то, что эти свѣдѣнія не были доставлены ему земской полиціей; но, судя по тому, что зимою 1822 года цѣна ржи спустилась до 4 рублей за четверть, можно думать, что урожай 1821 года былъ хорошій.

Подобныя донесенія Языковъ послалъ также и военному губернатору графу Ланжерону. Послѣдній, получивъ совершенно раз-

личныя донесенія отъ губернатора и вице-губернатора, не зналъ, кому изъ нихъ вѣрить. Провѣрить донесенія лично онъ не могъ, такъ какъ страдалъ подагрою и не въ состояніи былъ ѣхать изъ Одессы въ Екатеринославъ; чиновниковъ, которымъ можно было бы поручить провѣрку донесеній, по его собственнымъ словамъ, онъ не имѣлъ и потому обращался къ министру внутр. дѣлъ съ просьбою послать въ Екатеринославскую губернію довѣреннаго чиновника изъ министерства. Самъ графъ Ланжеронъ больше склоненъ былъ вѣрить Шеміоту, а не Языкову, только потому, что лучше сдѣлать во время запасы, чѣмъ, не сдѣлавъ ихъ, оставить крестьянъ, въ случаѣ нужды, безъ хлѣба.

Между тѣмъ екатеринославская губернская администрація, послѣ первыхъ же разногласій во взглядахъ на казенную ссуду, раздѣлилась на двѣ враждебныхъ партіи: на сторонѣ губернатора были чиновники его канцеляріи и казенной палаты, а также вся земская полиція; а на сторонѣ вице-губернатора было два-три губернскихъ чиновника, но онъ опирался на показанія волостныхъ головъ и на приговоры крестьянскихъ мірскихъ сходовъ. Открылась упорная борьба между двумя партіями. Губернаторъ имѣлъ возможность дѣлать и дѣлалъ большія затрудненія и непріятности вице-губернатору на мѣстѣ, но за то вице-губернаторъ, посылая еженедѣльныя, а иногда и ежедневныя, подробнѣйшія донесенія о положеніи дѣлъ министру финансовъ, имѣлъ въ послѣднемъ сильную поддержку въ комитетѣ министровъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ эпизодахъ этой любопытной борьбы, отразившейся въ значительной мѣрѣ на общемъ ходѣ продовольственнаго дѣла въ ближайшіе годы и на отношеніяхъ центральной власти къ ходатайствамъ и запросамъ, шедшимъ отъ губернской администраціи.

Въ письмѣ графу Гурьеву отъ начала января 1822 года вице-губернаторъ жалуется, что, благодаря вліянію губернатора и земской полиціи, у крестьянъ «поселена надежда не только на казенную ссуду, но и на отсрочку податей», а распространеніе въ обществѣ слуховъ о правительственной ссудѣ повліяло на повышеніе цѣнъ на хлѣбъ; помѣщики, у которыхъ имѣлись запасы хлѣба, стали придерживать ихъ, въ надеждѣ продать въ свое время подороже. Вліяніе полиціи на казенныхъ крестьянъ въ указанномъ направленіи подтверждается слѣдующимъ предписаніемъ новомосковскаго земскаго исправника перещепинскому волостному правленію: «По настоящей нуждѣ въ продовольствіи людей отъ неурожая хлѣба», пишетъ исправникъ, «*я приказываю* волостному правленію распорядиться тотчасъ черезъ урядниковъ о дѣланіи *ежечасно* повѣрки въ селеніяхъ своихъ и ежели по точному удостовѣренію окажется у кого изъ поселянъ теперь или во времени, что кормиться будетъ нечѣмъ, то о таковыхъ донести мнѣ *для предохраненія людей отъ голода и безвременной смерти*. Между тѣмъ с-

благосостояніи оныхъ доставлять мнѣ каждые семь дней рапорты отъ всякаго селенія подъ опасеніемъ за малѣйшее упущеніе взысканія съ виновныхъ по всей строгости закона» (27 декабря 1821 г). Другой земскій исправникъ Палама, проѣзжая по волостямъ Ростовскаго уѣзда, назначалъ ссуды по своему усмотрѣнію; такъ крестьяне Кагальницкой волости постановленіями общественныхъ приговоровъ первоначально совсѣмъ отказались отъ казенной ссуды; а крестьяне Койсугской волости просили только 1812 четвертей заимообразно. Исправникъ же Палама во время проѣзда назначилъ по своему усмотрѣнію на 4 селенія Кагальницкой волости въ ссуду 1535 четвертей; а на Койсугскую волость вмѣсто 1812 четвертей—2473 четверти. Впослѣдствіи на запросъ командированнаго въ губернію сенатора о причинѣ такого противорѣчія, кагальницкій и койсугскій волостные головы въ подробныхъ письменныхъ отзывахъ подтвердили справедливость общественныхъ приговоровъ,—первый, что крестьяне не нуждались вовсе въ казенной ссудѣ, а второй, что ссуда нужна была въ томъ размѣрѣ, какой установленъ приговоромъ (л. 316—327). Губернаторъ, кромѣ того, предпринимаетъ при помощи той же земской полиціи цѣлый рядъ попытокъ, съ одной стороны, побудить казенныхъ крестьянъ просить ссуду, а съ другой—убѣдить правительство въ существованіи голода и въ необходимости казенной ссуды.

Какъ только стало обнаруживаться, что на казенную ссуду надежды мало, губернаторъ далъ предписаніе земской полиціи принять строжайшія мѣры ко взысканію съ казенныхъ крестьянъ недоимокъ, запущенныхъ съ 1818 года. Тѣхъ крестьянъ, которые не могли взнести недоимки, забирали и отправляли въ губернскій городъ на работы, оставляя такимъ образомъ семейства безъ работниковъ. Такая мѣра противорѣчила высочайшему манифесту 19 мая 1811 года, по которому крестьянъ, неплатившихъ податей и недоимокъ *единственно по нерадѣнію и распутству*, волостные головы, выборные и старшины (а вовсе не земская полиція), могли по мірскому приговору употреблять *въ своемъ же селеніи* на работу или отдавать въ рабочій домъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ вице-губернаторомъ, взято было на работы 29 душъ мужского пола; на нихъ числилось недоимки за 3 года 680 рублей, т. е. почти по 23½ рубля на душу.

При такихъ стараніяхъ полиціи, за 5 мѣсяцевъ, съ августа по декабрь 1821 года было собрано съ казенныхъ крестьянъ 557.445 рубл. недоимки, такъ что осталось ея къ 1822 году 880.525 рублей. Весною 1822 года полиція возобновила сборъ недоимокъ и тѣмъ, дѣйствительно, поставила крестьянъ въ затруднительное положеніе. Между тѣмъ высшему начальству губернаторъ доносилъ, что онъ не въ состояніи взыскивать съ казенныхъ крестьянъ податей вслѣдствіе крайней ихъ бѣдности, вызванной неурожаемъ: «многіе крестьяне, пишетъ губернаторъ, не имѣютъ не только ни-

какого имущества, но даже дневного пропитанія и цѣлыя семейства кормятся подаяніемъ, такъ что самая жизнь ихъ находится въ опасности отъ голода». (Выписка изъ журнала комитета министровъ 21 февр. и 11 марта 1822 г. Дѣло № 503, л. 1—7). Одновременно съ усиленнымъ сборомъ недоимокъ, весною 1822 г., когда крестьяне едва могли продовольствовать себя собственнымъ хлѣбомъ, губернаторъ заставилъ ихъ отбывать дорожную повинность. Онъ разослалъ (6 марта 1822 г.) циркулярныя предписанія земской полиціи такого содержанія: «для окончательнаго усовершенствованія дорожнаго устройства какъ можно поспѣшнѣе привести въ исполненіе слѣдующія работы: рвы вездѣ прокопать, дороги распланировать и рытвины, подѣлавшіяся на нихъ отъ стоковъ воды, засыпать; мосты выкрасить, а по концамъ ихъ получше исправить гати; пирамидальные столбики, предположенные вмѣсто аллей,—выкрасить и разставить по своимъ мѣстамъ; сдѣлать надлежащія надписи на верстахъ и пограничныхъ столбахъ».

Читая этотъ приказъ, можно подумать, что крестьяне Екатеринославской губерніи такъ благоденствовали, что могли излишекъ свободнаго времени употреблять на устройство дорогъ, окапывать ихъ рвами, уставлять пирамидальными выкрашенными столбиками и т. п.

Даже и такую мѣру, какъ *общественные посѣвы*, которые ввелъ губернаторъ у казенныхъ крестьянъ съ цѣлію лучшаго обезпеченія продовольствія ихъ, вице-губернаторъ объяснялъ корыстными разсчетами со стороны губернатора, и для такого объясненія было извѣстное основаніе, такъ какъ общественные посѣвы предписано было производить не изъ хлѣбныхъ магазиновъ, какъ это практиковалось въ другихъ мѣстахъ, а непремѣнно изъ собственныхъ крестьянскихъ запасовъ, которые такимъ образомъ еще болѣе должны были истощиться и крестьяне должны были нуждаться въ казенной ссудѣ. Количество общественныхъ посѣвовъ извѣстно только по одной Городищенской волости, гдѣ въ шести селеніяхъ высѣяна была довольно значительная по неурожайному году цифра хлѣба, именно 150 четвертей.

Отвлекаясь почти безпрерывно на общественныя работы, отправляемыя и личнымъ трудомъ и взносомъ хлѣба, крестьяне одновременно несли еще тяжелую повинность—*постойную* (квартирную): имъ пришлось въ теченіе 1820 и 1821 года почти даромъ продовольствовать значительное количество переселенцевъ, рекрутъ и регулярныя войска. Въ іюнѣ 1820 года для усмиренія крестьянъ, взбунтовавшихся въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Екатеринославской губерніи, присланъ былъ Маріупольскій гусарскій полкъ и расквартированъ въ 4-хъ казенныхъ селеніяхъ Луганской волости: въ теченіе 10 дней, которые простоялъ тамъ полкъ, крестьяне кормили безплатно всѣхъ людей, да, кромѣ того, для лошадей было забрано 203 воза сѣна и 160 четвертей ячменя; за эти припасы

слѣдовало уплатить 2184 руб., крестьяне однако не получили ничего.

Въ 1821 году партіонные офицеры, сопровождавшіе рекрутъ и ихъ женъ и дѣтей въ особый кавказскій корпусъ, забирали у казенныхъ крестьянъ разныхъ селеній Бахмутскаго, Славяносербскаго и Ростовскаго уѣздовъ подводы, за которыя слѣдовало уплатить 5,581 р. считая по 8 коп. за версту. По справкамъ же, наведеннымъ вице-губернаторомъ на мѣстахъ, оказалось, что означенныя деньги получены крестьянами далеко не всѣ; напримѣръ крестьяне Калиновской волости за 90 подводъ, сдѣлавшихъ 25 верстъ, получили всего только 15 рублей вмѣсто 180 р., т. е. по 1 коп. съ версты вмѣсто 8; многіе не получили и того.

Крестьянамъ приходилось нести и добровольныя жертвы; такъ въ селеніяхъ Койсюгѣ, Батайскѣ и Новобатайскѣ почти четыре мѣсяца проживало до 3-хъ тысячъ душъ переселенцевъ, питаясь милостыней, которую получали главнымъ образомъ отъ своихъ сострадательныхъ хозяевъ.

Послѣдніе же сами начинали нуждаться въ хлѣбѣ и обращались за ссудой въ запасные магазины, а земская полиція пользовалась ихъ затрудненіемъ и выставляла ихъ нуждающимися въ казенной ссудѣ, не указывая настоящихъ причинъ этихъ затрудненій и не пытаясь ихъ устранить.

Недовольная вѣроятно медленностью крестьянъ въ испрашиваніи казенной ссуды, земская полиція обратилась къ болѣе сильнымъ средствамъ воздѣйствія на высшее правительство. Упомянутый уже раньше новомосковскій исправникъ Миргородскій писалъ губернатору, что въ селахъ: Подгородномъ, Каменкѣ, Чаплинѣ и Петриковкѣ, по личному его удостовѣренію и по свидѣтельству приходскихъ священниковъ, многія семейства крестьянъ отъ бывшаго неурожая хлѣба дошли до того, что по нѣскольку дней оставались безъ пищи или же кормились отрубями и мякиной. Изнуренные такой суровой и недостаточной пищей, крестьяне цѣлыми семействами подвергались разнымъ болѣзнямъ, оставаясь безъ всякаго ухода; у многихъ взрослыхъ и дѣтей распухали лицо и все тѣло. Это донесеніе исправника губернаторъ сообщилъ графу Ланжерону и министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, а между тѣмъ казенной палатѣ предписалъ отправить одного изъ своихъ совѣтниковъ съ чиновникомъ изъ медицинскаго персонала для болѣе точнаго изслѣдованія дѣла. Предполагалось послать лицъ, преданныхъ губернатору; но вице-губернаторъ, у котораго просили согласія на посылку этихъ лицъ, противъ общаго ожиданія, вызвался лично отправиться въ названныя селенія и провѣрить донесенія исправника. Губернаторъ, узнавъ о рѣшеніи вице-губернатора, немедленно вызвалъ новомосковскаго исправника и сдѣлалъ ему должное наставленіе. Въ какомъ духѣ было это наставленіе, неизвѣстно, но исправникъ вездѣ пріѣзжалъ въ селенія

раньше вице-губернатора, и послѣдній, по его словамъ, замѣчалъ, что во многихъ селеніяхъ его встрѣчали враждебно, особенно пьяные, которыхъ можно было замѣтить на каждой изъ сходокъ. Въ одномъ селеніи произошло даже открытое столкновеніе между исправникомъ и чиновникомъ вице-губернатора, ѣздившимъ впереди послѣдняго для собиранія предварительныхъ свѣдѣній о состояніи продовольствія крестьянъ. Столкновеніе произошло на мірскомъ сходѣ; крестьяне при этомъ приняли сторону исправника, подняли шумъ и кричали, что имъ нужна ссуда не только изъ сельскихъ магазиновъ, но и отъ казны. Прибывшій вице-губернаторъ могъ успокоить крестьянъ только послѣ того, какъ удалилъ земскаго исправника изъ селенія и устранилъ его такимъ образомъ отъ всякаго участія въ продовольствіи крестьянъ. Приступивъ затѣмъ къ провѣркѣ донесенія земскаго исправника, вице-губернаторъ нашолъ, что положеніе дѣлъ совсѣмъ не таково, какъ доносилъ исправникъ: изъ 16,350 душъ крестьянъ обоего пола въ четырехъ названныхъ селеніяхъ больныхъ было всего 139 человѣкъ; всѣ они были больны простудною горячкою, исключая двоихъ, которые страдали удушьемъ; это было засвидѣтельствовано и врачомъ. Умершихъ съ сентября мѣсяца 1821 года по 6 февраля 1822 года въ тѣхъ же селеніяхъ было 247 человѣкъ т. е. около 3,6% или около 36 человѣкъ на тысячу въ годъ. Это число почти равняется обычной смертности населенія Россіи. Письменные отзывы церковныхъ причтовъ упомянутыхъ селеній удостовѣряли, что смерть всѣхъ этихъ лицъ послѣдовала отъ обыкновенныхъ причинъ, а именно: отъ старости, горячекъ, лихорадокъ и простуды. Правда, что найденъ былъ въ 4-хъ селеніяхъ одинъ опухшій ребенокъ четырехъ лѣтъ, но крестьяне письменно засвидѣтельствовали, что ребенокъ находился въ такомъ состояніи съ самаго рожденія (?); въ томъ же отзывѣ крестьяне удостовѣряли, что никто изъ нихъ не умиралъ еще отъ голода; а петриковское волостное правленіе доносило, что крестьяне той волости просили казенной ссуды вслѣдствіе принужденія исправника.

На основаніи собранныхъ свѣдѣній вице-губернаторъ заключилъ, что донесенія земской полиціи о голодѣ были только выдумкой, къ которой она прибѣгла затѣмъ, чтобы получить казенную ссуду въ свое распоряженіе; сами же крестьяне открыто заявляли, что если бы назначена была ссуда, то едва ли она достигла бы ихъ рукъ, и потому они не хотятъ принимать на себя тяжелыхъ обязательствъ по уплатѣ ссуды.

Всѣ эти пререканія мѣстныхъ властей представлены были на разсмотрѣніе комитета министровъ, который *изъ осторожности* постановилъ журналами 27 января и 7 февраля 1822 года *не приступать къ заготовкѣ хлѣба и возложить на вице-губернатора всѣ послѣдствія, если окажется дѣйствительно надобность въ пособіи крестьянамъ*; а чтобы провѣрить на мѣстѣ противорѣчивыя доне-

сенія губернатора и вице-губернатора и открыть настоящую истину, послать въ Екатеринославскую губернію сенатора изъ московскихъ департаментовъ, генералъ лейтен. Брозина, который долженъ былъ рѣшить «чьи донесенія были ложны—губернатора или вице-губернатора и затѣмъ виновныхъ предать законному суду».

Сенатору Брозину комитетъ положилъ выдать изъ государственнаго казначейства 200 тысячъ рублей на случай, если онъ найдетъ необходимымъ оказать пособіе нуждающимся крестьянамъ.

Въ половинѣ марта 1822 года сенаторъ прибылъ въ Екатеринославъ. При свиданіи съ вице-губернаторомъ, онъ выразилъ свое удовольствіе и облегченіе по поводу того, что онъ нашелъ при проѣздѣ по губерніи. Во время пути, говорилъ сенаторъ, его такъ мучило безпокойство и желаніе поскорѣе узнать истину на счетъ прославленнаго голода, что онъ не могъ спать 9 ночей сряду и даже лишился аппетита; но уже первая встрѣча (!) и разговоръ съ волостнымъ головою Новомосковскаго уѣзда убѣдили его, что голода въ губерніи не было.

Между тѣмъ въ первые же дни по пріѣздѣ сенатора число нищихъ въ городѣ замѣтно увеличилось (въ этомъ опять подозрѣвали происки земской полиціи), а изъ села Петриковки Новомосковскаго уѣзда явилось 11 человѣкъ крестьянъ съ заявленіемъ къ сенатору, что они нуждаются въ пропитаніи. Сенаторъ отправилъ ихъ къ вице-губернатору съ порученіемъ разслѣдовать, что побудило крестьянъ, минуя сельское начальство, обратиться къ нему съ просьбой и заслуживаетъ ли просьба ихъ удовлетворенія. Послѣ перваго поверхностнаго, по словамъ сенатора, ознакомленія съ положеніемъ дѣла въ Екатеринославской губерніи, онъ убѣдился однако, что донесенія губернатора основывались на свѣдѣніяхъ, собранныхъ имъ лично годъ назадъ, т. е. въ іюнѣ и іюлѣ 1821 года, когда дѣйствительно была засуха и хлѣба сильно пострадали; свѣдѣнія же о состояніи хлѣбовъ и о продовольствіи крестьянъ въ 1823 году онъ основывалъ на донесеніяхъ земской полиціи. Между тѣмъ вице-губернаторъ имѣлъ свѣдѣнія о современномъ положеніи крестьянъ. Сенаторъ во время проѣзда какъ самъ лично, такъ и изъ разговоровъ съ городничими, волостными головами и крестьянами, убѣдился, что, хотя неурожай дѣйствительно былъ въ губерніи, но смертныхъ случаевъ среди крестьянъ и падежа скота отъ голода не было совсѣмъ; что цѣны на хлѣбъ понизились на 2 рубля съ пуда, а на сѣно понизились втрое; зимою продавалась скирда сѣна за 600 рублей, а весною уже за 200 рублей. Поэтому сенаторъ не видѣлъ нужды расходовать открытый ему кредитъ въ 200 тысячъ рублей, а для продовольствія нуждающихся находилъ достаточнымъ запасъ въ 42 тысячи пудовъ, хранившійся въ запасныхъ магазинахъ.

Такимъ образомъ фонды вице-губернатора видимо росли, а партія губернатора въ данномъ дѣлѣ была проиграна. Послѣднею

попыткою оживить вопросъ о голодѣ, была исторія съ «похлебкою для голодающихъ» доктора луганскаго завода Вигульскаго. По заявленію Вигульскаго, онъ изобрѣлъ «необыкновенно питательную, вкусную и очень дешевую похлебку для голодающихъ»; описаніе своей похлебки онъ послалъ (по совѣту Шеміота) военному губернатору графу Ланжерону, а послѣдній прислалъ копію съ этого описанія губернатору Шеміоту съ предписаніемъ «провѣрить всѣ описанныя свойства похлебки, при посредствѣ искуснѣйшихъ и опытнѣйшихъ чиновниковъ, въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ былъ самый большой недостатокъ хлѣба, а затѣмъ, если похлебка окажется такою, какъ она описана изобрѣтателемъ, то распорядиться о введеніи ея по уѣздамъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ предстоитъ большая нужда въ хлѣбѣ». Способъ приготовленія похлебки состоялъ въ слѣдующемъ. Для приготовленія порціи на 40 человѣкъ нужно было налить въ котелъ 4 ведра воды, поставить его на огонь и когда вода въ котлѣ закипитъ, положить туда свободно завязанный мѣшочекъ съ полгарнцемъ фасоли, гороху или чечевицы, затѣмъ положить ½ фунта соли, горсти двѣ или три зелени, напримѣръ, луку, чесноку (?), щавелю, свеклы, снитки, крапивы и т. п.; все это варить часа два; потомъ, вынувъ мѣшочекъ, растереть фасоль или горохъ какъ можно мягче и положить снова въ котелъ; наконецъ, въ видѣ приправы, взять полгарнца какой нибудь просѣянной муки (можно даже картофельной муки, но въ двойномъ количествѣ), развести въ квартѣ уксусу съ прибавленіемъ небольшого количества холодной воды и влить, постоянно мѣшая, въ котелъ; дать прокипѣть около часа и похлебка готова. Полагая цѣну фасоли, гороху и чечевицы 20 рублей четверть, муки также 20 рублей четверть, соли пудъ 1 р. 60 коп., уксусу ведро 3 рубля, выйдетъ, что похлебка на 40 человѣкъ будетъ стоить 64½ копѣйки; а если взять 1 четверть гороху, 1 четверть муки, 3 пуда 8 фун. соли, 12 ведеръ 8 квартъ уксусу, то можно прокормить за 78 руб. 60 копѣекъ въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ и 8 дней — 40 человѣкъ; въ мѣсяцъ же содержаніе 40 человѣкъ обойдется всего 19 руб. 52 коп., или 50 коп. на одного человѣка въ мѣсяцъ. Похлебка эта, по увѣренію Вигульскаго, особенно хороша тѣмъ, что не располагаетъ къ болѣзнямъ, такъ какъ уксусъ сопротивляется гніенію и порчѣ соковъ.

Описанію приготовленія похлебки Вигульскаго предшествовало предисловіе, въ которомъ Вигульскій говорилъ о неурожаѣ на хлѣбъ, о паденіи цѣнъ на скотъ и о голодѣ, причемъ послѣднему придавалъ такіе же размѣры, какъ и губернаторъ; «оскуденіе, пишетъ Вигульскій, дошло до того, что почти никто не можетъ трудами своими заработать насущнаго хлѣба, а по слухамъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ даже пухнутъ отъ голода». Вигульскій утверждалъ дальше, въ противность общему мнѣнію, что и въ будущемъ году предвидѣлся плохой урожай, и потому онъ, «какъ сынъ отечества, истинно

ревнующій о благѣ общемъ», желаетъ спасти многія тысячи народа отъ угрожающей имъ опасности.

Губернаторъ, получивши предписаніе военнаго губернатора, увидѣлъ въ немъ средство еще разъ сдѣлать попытку побудить крестьянъ просить казенную ссуду. Чтобы достигнуть своей цѣли, губернаторъ, не производя никакихъ предварительныхъ опытовъ съ похлебкою, какъ это требовалось предписаніемъ, сразу разослалъ всѣмъ земскимъ исправникамъ и преводителямъ дворянства распоряженіе, чтобы «всякій изъ нихъ, о благѣ человѣчества долгомъ совѣсти попеченіе имѣть обязанный, а тѣмъ паче благородно мыслящій, обратилъ должное вниманіе на предлагаемый способъ прокормленія и не скрылъ его отъ терпящихъ крайность», а затѣмъ просилъ доставить ему самые подробные отчеты о примѣненіи указаннаго средства на опытѣ.

О результатахъ примѣненія похлебки Вигульскаго никакихъ отчетовъ не представили ни губернаторъ, ни земскіе исправники и предводители дворянства.

Губернаторъ Шеміотъ дѣлалъ попытки также склонить на свою сторону сенатора Брозина и начальника военнаго округа графа Витта, совмѣстно съ которымъ сенаторъ долженъ былъ подписать свой отчетъ о ревизіи. Чтобы представить явныя доказательства голода въ губерніи, по порученію Шеміота посланъ былъ по почтѣ изъ его канцеляріи въ Елисаветградъ, гдѣ находился графъ Витта, образецъ хлѣба совершенно негоднаго къ употребленію; хлѣбъ этотъ одно близкое къ губернатору лицо должно было представить графу Витту—какъ образецъ хлѣба, который ѣдятъ крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Екатеринославской губерніи, но въ какихъ именно мѣстностяхъ, не указывалось. Хлѣбъ прибылъ однако въ Елисаветградъ послѣ отъѣзда графа Витта. Письмо объ этой неудачѣ съ хлѣбомъ, посланное изъ Елисаветграда на имя начальника канцеляріи губернатора, попало какимъ то путемъ къ вице-губернатору, а послѣдній представилъ копіи съ него сенатору Брозину и гр. Витту.

Пробовалъ Шеміотъ обвинять передъ военнымъ губернаторомъ графомъ Ланжерономъ вице-губернатора въ превышеніи власти и вмѣшательствѣ въ кругъ власти губернскаго правленія. Поводъ къ этому подалъ извѣстный уже фактъ удаленія Языковымъ изъ крестьянскаго схода новомосковскаго исправника и предписаніе Языкова исправникамъ—дѣйствовать по вопросу о продовольствіи согласно съ видами правительства, то есть удерживать крестьянъ отъ ссуды.

Графъ Ланжеронъ, державшій теперь явно сторону губернатора, послалъ жалобу на вице-губернатора министру внутреннихъ дѣлъ и министру финансовъ, а кромѣ того, письменно сдѣлалъ строгое замѣчаніе вице-губернатору съ требованіемъ немедленно дать объясненіе, «почему онъ отступилъ отъ правилъ, каждой власти предписанныхъ»?

Отвѣтъ на жалобу военнаго губернатора получился неблагопріятный. Министръ финансовъ, въ отношеніи къ графу Ланжерону, находилъ, что дѣйствія вице-губернатора были законными и *по существу*. Сенаторъ Брозинъ какъ въ первыхъ своихъ донесеніяхъ, такъ и въ своемъ отчетѣ о ревизіи, рѣшительно склонялся на сторону вице-губернатора и не только подтвердилъ почти всѣ его донесенія, но прибавилъ еще нѣсколько фактовъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ земской полиціи. Относительно числа нуждающихся крестьянъ и степени нужды ихъ въ казенной ссудѣ онъ соглашался съ вице-губернаторомъ; по его отчету заявили нужду въ казенной ссудѣ къ началу 1822 года всего 32 тысячи крестьянъ обоего пола. При этомъ онъ указывалъ и на такія мѣстности, гдѣ посѣвы въ 1821 году сдѣланы были недостаточные; такъ въ Луганской волости на 9839 душъ обоего пола засѣяно было всего 812 четвертей озимого хлѣба и до 3000 четвертей ярового; между тѣмъ у нихъ было значительное количество скота—2833 пары воловъ, 4271 корова, 2117 лошадей и 9812 овецъ.

Когда представленъ былъ отчетъ сенатора Брозина въ комитетъ министровъ, то послѣдній, разсмотрѣвъ его и руководясь уже извѣстными ему ранѣе изъ представленій министра финансовъ и внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніями, постановилъ: гражданскаго губернатора Шеміота удалить отъ должности и предать суду правит. сената; а вице-губернатора Языкова предоставить министру финансовъ перевести въ другую губернію. Для успокоенія же Екатеринославской губерніи отъ безпорядковъ, возникшихъ тамъ вслѣдствіе несогласій губернатора и вице-губернатора, раздѣленія чиновниковъ на партіи и проч., положено было какъ губернатора, такъ и вице-губернатора уволить одновременно въ отпускъ, а управленіе губерніей поручить херсонскому губернатору. (Выписка изъ журнала комитета министровъ 14 ноября 1822 года).

Такъ закончилась исторія голода въ Екатеринославской губерніи. Дѣйствительное положеніе края такъ и осталось при этомъ невыясненнымъ.

III.

Кромѣ Черниговской и Екатеринославской губерній, на югѣ Россіи отъ неурожаевъ пострадала въ 20-хъ годахъ еще губернія Таврическая.

Въ Таврической губерніи неурожаи хлѣба начались съ 1818 года, въ 1821 году они коснулись Крымскаго полуострова и главнымъ образомъ Ѳеодосійскаго уѣзда, особенно двухъ его волостей Кодыкелечинской и Акковской. Причиной неурожая, какъ и въ другихъ южныхъ губерніяхъ, были засухи, а также саранча и градобитіе.

Военный губернаторъ гр. Ланжеронъ еще съ весны 1821 года извѣщалъ министра внутреннихъ дѣлъ о возможности неурожая

въ Крыму, а въ октябрѣ доносилъ, что неурожай въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ оказался на столько значительнымъ, что крестьяне вынуждены были покупать сѣмена на озимые посѣвы и продавать скотъ за неимѣніемъ корма *).

По вычисленіямъ земской полиціи, черезъ которую гр. Ланжеронъ, какъ и относительно Екатеринославской губ., получалъ свѣдѣнія, казенныхъ крестьянъ, нуждавшихся въ пособіи отъ казны, было 17,319 душъ. Для продовольствія ихъ въ теченіе зимы и весны считалось необходимымъ заготовить 15 т. четвертей муки; считая по 20 руб. за четверть, это составляло сумму до 300 т. рублей.

Не ожидая разрѣшенія отъ министра внутреннихъ дѣлъ на ассигнованіе испрашиваемой суммы, гр. Ланжеронъ приказалъ и. д. таврическаго губернатора вице-губернатору Курутѣ закупить исчисленное количество муки, позаимствовавъ на это 45 т. рублей изъ суммы, ассигнованной на построеніе въ Симферополѣ соборной церкви.

Кромѣ того, для предупрежденія падежа скота въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ, военный губернаторъ распорядился отогнать гулевой скотъ на Арабатскую стрѣлку, которая уступлена была (по высоч. утвержденному 5 іюля 1811 г. мнѣнію госуд. совѣта) солевозцамъ и солеломцамъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей считалъ донесенія гр. Ланжерона вполнѣ достовѣрными и заслуживающими уваженія и въ такомъ смыслѣ сообщилъ объ нихъ министру финансовъ гр. Гурьеву. Но графъ Гурьевъ отнесся очень недовѣрчиво къ сообщеніямъ послѣдняго и свои сомнѣнія выразилъ въ запискѣ, представленной имъ въ комитетъ министровъ. Въ этой запискѣ гр. Гурьевъ указывалъ прежде всего на то, что изъ донесеній гр. Ланжерона не видно было, на чемъ основывалъ онъ свои вычисленія, какъ количества жителей, нуждающихся въ продовольствіи, такъ и потребнаго для нихъ хлѣба; если эти вычисленія основывались на такихъ же донесеніяхъ мѣстныхъ властей, какъ и въ Екатеринославской губерніи, то, по мнѣнію гр. Гурьева, было полное основаніе имъ недовѣрять. Неправильнымъ и подозрительнымъ также казалось графу Гурьеву и то, что сами жители Крыма не обращались съ просьбой о ссудѣ, или съ жалобой на недостатокъ хлѣба, ни къ военному губернатору, ни къ мѣст-

*) Цѣны на хлѣбъ съ 1 іюня 1821 г. по май 1822 года были слѣдующія: 1) въ Симферопольскомъ уѣздѣ *для муки* высшая цѣна была 24 р. 40 к., низшая—13 р. 40 к. за четверть 8 пудовую; цѣна *ржи*—высшая 24 р. 10 к., низшая 12 р. за 9 пудовую четверть; 2) въ Евпаторійскомъ уѣздѣ цѣна *ржи* 8 четвериковой мѣры высшая—24 р., низшая 9 р. 50 к.; 3) въ Ѳеодосійскомъ у. цѣна *ржи*—9 п. вѣса высшая—29 р., низшая 15 р.; 4) въ Перекопскомъ уѣздѣ цѣна *ржи* — 8 пуд. вѣса высшая—22 р., низшая—16 р. 50 к.; 5) въ Днѣпровскомъ у. цѣна *ржи* 8 п. вѣса высшая—19 р., низшая—12 р.; 6) въ Мелитопольскомъ у. цѣна *ржи*—8 п. вѣса высшая 22 р. 50 к., низшая 11 р. 25 коп.

нымъ властямъ; такимъ образомъ военный губернаторъ самъ предупреждалъ просьбы жителей и даже посылалъ чиновниковъ опрашивать крестьянъ, не будутъ ли они нуждаться въ продовольствіи, а такія изысканія, по мнѣнію министра, безъ сомнѣнія, всегда могутъ обнаружить многихъ, которые, даже не нуждаясь въ ссудѣ, пожелаютъ получить ее, разъ она предлагается съ такою готовностью, а мѣстныя власти, безъ сомнѣнія, охотно побуждаютъ жителей просить ссуды, въ надеждѣ, что купленный для продовольствія хлѣбъ поступитъ въ ихъ распоряженіе.

Указывалось въ запискѣ и на то, что большую часть населенія Крыма составляли татары, а они почти не употребляли въ пищу ржаной муки, предпочитая ей просяную крупу; проса же, при самыхъ худыхъ урожаяхъ, родилось всегда столько, что количество его превосходило потребность. Кромѣ того, большинство нуждавшихся крестьянъ принадлежало помѣщикамъ, а послѣдніе обязаны были сами продовольствовать крестьянъ.

Однимъ словомъ, заканчивалъ графъ Гурьевъ записку, военный губернаторъ не былъ лично знакомъ съ потребностями жителей Крыма, какъ онъ не былъ знакомъ и съ состояніемъ населенія Екатеринославской губерніи.

Комитетъ министровъ согласился съ представленіемъ графа Гурьева *); но государь императоръ повелѣлъ оставить въ силѣ сдѣланныя уже военнымъ губернаторомъ распоряженія; «если же были сомнѣнія въ дѣйствительности, то министръ финансовъ могъ командировать въ Крымъ благонадежнаго чиновника для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ, снабдивъ однако такого чиновника необходимою суммою на случай, если окажется потребность въ продовольствіи **).

Вслѣдствіе такого высочайшаго повелѣнія министръ финансовъ приказалъ отпустить 165 т. руб. въ распоряженіе таврической казенной экспедиціи, которой при этомъ вмѣнено было въ обязанность распредѣлить хлѣбъ на основаніи вычисленій военнаго губернатора между нуждающимися и доставить министру финансовъ самыя точныя свѣдѣнія о раздачѣ хлѣба. Графъ Гурьевъ обращался и къ графу Ланжерону съ письмомъ, въ которомъ просилъ его лично наблюдать за правильностью раздачи хлѣба, такъ какъ «суммы, отпускаемыя для этой цѣли правительствомъ, не всегда доходятъ до тѣхъ, кому предполагается оказать пособіе, будучи весьма часто отвращаемы отъ предназначеннаго употребленія своекорыстіемъ чиновниковъ, которымъ эти суммы ввѣряются, между тѣмъ съ крестьянъ впослѣдствіи стараются взыскать всю отпущенную изъ казны сумму».

Вмѣстѣ съ этимъ министръ финансовъ послалъ замѣчаніе тав-

---

*) Журн. ком. мин. 17 декабря 1821 г.

**) Журн. ком. мин. 10 января 1822 г.

рическому вице-губернатору и казенной экспедиціи за то, что ни тотъ, ни другая въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ничего не сообщали относительно недостатка въ продовольствіи казенныхъ крестьянъ въ Крыму, между тѣмъ какъ заботы о продовольствіи казенныхъ крестьянъ всецѣло лежали на нихъ *). Онъ требовалъ поэтому немедленно доставить свѣдѣнія: какія казенныя селенія и какое число душъ обоего пола нуждаются въ продовольствіи и сколько приблизительно требуется хлѣба для продовольствія ихъ до новаго урожая.

Комитетъ министровъ, между тѣмъ, исполняя высочайшее повелѣніе, воспользовался посылкой сенатора Брозина въ Екатеринославскую губернію для разслѣдованія подобнаго же дѣла и поручилъ ему, по окончаніи ревизіи въ названной губерніи, отправиться въ Таврическую губернію для удостовѣренія, была ли дѣйствительно надобность въ тѣхъ пособіяхъ, которыя испрашивались мѣстнымъ начальствомъ и которыя лично министру финансовъ казались излишними, такъ какъ въ распоряженіи жителей Крыма были разнообразные промыслы — мореплаваніе, соляной и рыбный и др. **).

Въ началѣ іюня 1822 года сенаторъ Брозинъ прибылъ въ Симферополь. Во время проѣзда по Мелитопольскому, Днѣпровскому, перекопскому, Евпаторійскому и Симферопольскому уѣздамъ сенаторъ и самъ лично, и изъ разспросовъ земскихъ исправниковъ, волостныхъ головъ и нѣкоторыхъ крестьянъ, а также изъ объясненій съ губернской администраціей, убѣдился въ томъ, что, вслѣдствіе бывшихъ три года подрядъ неурожаевъ хлѣба, цѣны на хлѣбъ дѣйствительно поднялись и крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей дѣйствительно нуждались въ продовольствіи, но особаго пособія отъ казны большею частью не требовали, довольствуясь ранѣе заготовленнымъ хлѣбомъ, или же занимаясь разными работами и промыслами; а такъ какъ многіе изъ крестьянъ получили уже ссуду вслѣдствіе распоряженій военнаго губернатора, то во время пріѣзда сенатора уже никто не просилъ и не нуждался въ ссудѣ, тѣмъ больше, что черезъ нѣсколько дней наступала жатва, обѣщавшая хорошій урожай. Здоровье крестьянъ нигдѣ не подвергалось опасности отъ недостатка въ хлѣбѣ; скотъ также не страдалъ отъ недостатка въ кормѣ, такъ какъ зима была теплая и скотъ могъ пользоваться подножнымъ кормомъ.

Такимъ образомъ сенаторъ Брозинъ очень скоро пришелъ къ заключенію, что жители Крыма не нуждались болѣе въ продовольствіи. Оставалось исполнить вторую часть даннаго ему порученія, т. е. разрѣшить вопросъ, была ли дѣйствительно надобность въ тѣхъ пособіяхъ, которыя уже были сдѣланы.

*) По указу 1821 года.

**) Журналы ком. мин. 28 янв., 7 и 21 февр. 1822 года.

Для рѣшенія этого вопроса, сенаторъ затребовалъ отъ вице-губернатора и земскихъ исправниковъ письменные отзывы о состояніи продовольствія у крестьянъ и отправилъ, кромѣ того, особаго чиновника для собиранія свѣдѣній на мѣстахъ.

На основаніи собраннаго такимъ образомъ матеріала и на основаніи личныхъ разспросовъ сенаторъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Наиболѣе пострадали отъ неурожаевъ четыре уѣзда Крымскаго полуострова—Симферопольскій, Евпаторійскій, Перекопскій и Ѳеодосійскій; въ нихъ числилось казенныхъ крестьянъ христіанскаго вѣроисповѣданія 1.991 д. обоего пола и магометанъ 153.160 д. обоего пола, а всего 155.151 д. обоего пола.

Обыкновенный урожай хлѣба въ названныхъ мѣстностяхъ былъ самъ 4 и 6, а хорошій—самъ 15; а урожай проса былъ еще больше. Въ послѣдніе же три года урожай былъ ниже средняго и оттого татары нѣкоторыхъ волостей сильно обѣднѣли, продавали свой скотъ за безцѣнокъ и просили милостыню, такъ что мѣры, принятыя правительствомъ для обезпеченія ихъ продовольствія, были необходимы, хотя ни люди, ни скотъ никакого вреда отъ недостатка хлѣба и корма не испытали.

Кромѣ того, крестьяне могли отчасти заполнить недостатокъ хлѣба разными статьями, промыслами: въ горной части Крыма они занимались садоводствомъ, винодѣліемъ, пчеловодствомъ; торговали лѣсомъ и угольями; въ степной части продавали кизякъ (навозъ для топлива); на берегу моря занимались выволочкой соли; татары приготовляли также разныя деревянныя и гончарныя издѣлія. Можно было бы найти заработки и на сторонѣ, но татары, по замѣчанію сенатора, были лѣнивы и не хотѣли уходить изъ своихъ селеній искать работы на сторонѣ.

Такимъ образомъ, произведенное со стороны Брозина разслѣдованіе подтверждало отчасти донесенія мѣстной администраціи относительно существованія неурожая въ Крыму; но выводы о размѣрахъ неурожая и казенной ссуды получались совершенно иные.

Мѣстное начальство считало необходимымъ заготовить для продовольствія жителей до 15 тыс. четвертей хлѣба на сумму до 300 тыс. рублей; ассигновано было на первый разъ только 165 т. руб.; въ дѣйствительности же и эта сумма оказалась неиспользованною: заготовлено было хлѣба (7023 четв. по 19 р. 93 к.) всего на 139,967 р., т. е. вдвое меньше, чѣмъ предполагалось, а роздано было только 6102 четверти. Затѣмъ осталось нерозданнымъ 255 четв., да истреблено пожаромъ въ г. Перекопѣ 666 четвертей.

Пожаръ въ Перекопѣ указывалъ, съ одной стороны, на небрежное отношеніе властей къ сбереженію казенныхъ запасовъ хлѣба, такъ какъ оказалось, что хлѣбъ хранился въ самомъ городѣ, въ обывательскомъ домѣ, безъ всякой охраны, между тѣмъ какъ за

городомъ, вдали отъ строеній, стоялъ свободный провіантскій магазинъ; съ другой стороны, неожиданность пожара и неизвѣстность причины возбуждали подозрѣніе относительно умышленности его.

Во всякомъ случаѣ—члены продовольственной коммиссіи г. Перекопа были преданы суду и должны были уплатить деньги за сгорѣвшій по ихъ небрежности хлѣбъ.

Хотя отчетъ сенатора далеко не оправдывалъ мѣстнаго губернскаго начальства, но на этотъ разъ оно было освобождено отъ отвѣтственности только въ виду того, что недостатокъ въ продовольствіи отчасти оправдался. Военный же губернаторъ гр. Ланжеронъ, какъ уже дважды обманувшійся въ своихъ донесеніяхъ относительно голода, лѣтомъ 1822 года долженъ былъ покинуть свой постъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. Шафрановъ.

ЛѢТНІЙ СЕЗОНЪ.

Картинки обыденной жизни.

Глава I.

Первый весенній дождь выпалъ въ половинѣ марта, а день Благовѣщенія былъ первымъ весеннимъ днемъ въ старой барской усадьбѣ Льва Львовича Карина. Солнце вдругъ залило землю тепломъ и свѣтомъ; все живое обрадовалось и вышло къ нему навстрѣчу. Даже больной и капризный хозяинъ старой усадьбы, разбитый параличомъ помѣщикъ Каринъ приказалъ выкатить свое кресло на обширную террасу съ бѣлыми колоннами и сидѣлъ, прищуривъ глаза, отдаваясь ощущенію весенняго тепла, пробудившаго даже въ его полуразрушенномъ тѣлѣ какія то новыя силы.

Было десять часовъ утра. Левъ Львовичъ позвонилъ и прислушивался къ торопливымъ шагамъ дочери, спѣшившей на его призывъ.

— Зина,—сказалъ онъ, какъ только дочь показалась на террасѣ,—мнѣ хорошо сегодня... Кажется, что стоитъ мнѣ только захотѣть, и я встану и пойду...

Молодая дѣвушка опустилась на колѣни возлѣ отца и, цѣлуя его руку, сказала:

— Ахъ, если бы случилось это, папа! Я тоже часто думаю, что это можетъ случиться...

Старикъ погладилъ свѣтлые волосы дочери и спросилъ:

— А почему ты такая блѣдная сегодня?

Она и обрадовалась, и испугалась. Онъ такъ рѣдко спрашивалъ про нее, что ее встревожилъ этотъ неожиданный вопросъ.

— Я такъ здорова, папа,—быстро сказала она,—что если бы я отдала тебѣ половину здоровья, мнѣ и тогда осталось бы довольно.

Онъ взялъ ея блѣдныя руки, привлекъ ее къ себѣ, поцѣловалъ глаза и лобъ дѣвушки; потомъ хотѣлъ поцѣловать руки. Зина осторожно освободилась отъ него, но стояла на колѣняхъ, лаская его руки.

— Зачѣмъ мнѣ здоровье? — почти сердито сказалъ старикъ.—Тебѣ оно нужнѣе, чѣмъ мнѣ...

Онъ отнялъ у нея руки и закрылъ глаза. Зина тотчасъ же поняла, что хорошая минута прошла. Эти минуты бывали такъ непродолжительны и такъ странны, что всегда пугали Зину. Ей хотѣлось уйти, но она боялась пошевелиться и покорно осталась ждать того, что было неизбѣжно.

— Ты опять не спала ночью?—сказалъ больной.

Въ голосѣ его не только не было участія, но ясно слышалось сдержанное раздраженіе.

— О нѣтъ, я отлично спала, папочка... Я рано проснулась отъ солнца. Посмотри, сколько солнца сегодня! Посмотри, тамъ внизу, какая темная зелень. Можетъ быть тамъ уже есть фіалки... Впрочемъ, нѣтъ, еще рано... Хочешь, я пойду поищу цвѣтовъ?..

Старикъ открылъ глаза, но не взглянулъ туда, куда указывала дочь. Вмѣсто того онъ посмотрѣлъ на нее такими злобными глазами, что сердце Зины замерло отъ боли. Ей стоило страшныхъ усилій сохранить улыбку на лицѣ и то привѣтливо-ласковое выраженіе, съ какимъ она только что обращалась къ отцу. Но отъ него не укрылось это внутренне усиліе Зины.

— Тебѣ хочется поскорѣй уйти отъ меня?—сказалъ онъ.— Я знаю, что ты любишь фіалки.—Онъ засмѣялся.—Ступай!

Старикъ съежился, словно бы хотѣлъ отстраниться отъ ея прикосновенія. Онъ оттолкнулъ бы ее, если бы не боялся, что она уйдетъ раньше, чѣмъ ему хотѣлось.

— Папочка, вѣдь ты также любишь цвѣты?..

— Молчи, іезуитка! Зачѣмъ ты дѣлаешь сладкое лицо, когда у тебя въ груди злость? Актриса! Ты ненавидишь меня въ эту минуту, проклинаешь... Тебѣ растоптать меня хочется, какъ злую гадину: Я вѣдь знаю, что сдѣлалъ тебѣ больно; знаю, что ты понимаешь намекъ... Ты должна кричать на меня, рвать на себѣ волосы, убить меня, а ты смотришь, какъ голубица кроткая, ты прощаешь извергу отцу.

Онъ задыхался отъ гнѣва и отъ слабости, которая усиливалась по мѣрѣ того, какъ имъ овладѣвалъ гнѣвъ. Зина все стояла передъ нимъ на колѣняхъ, держась рукой за край кресла, блѣдная, какъ алебастръ, неподвижная, какъ изваяніе.

— Великодушіе!.. Змѣиное великодушіе... — продолжалъ отецъ.—Я прощаю, я снисхожу... Еще бы!.. Стоитъ ли обижаться на мертвеца... считаться съ нимъ... Пусть говоритъ, что хочетъ, я ему все прощу... Прекрасная политика... Задушить человѣка ангельской кротостью... Іезуитка!..

Зина молчала. Во всемъ мірѣ не было такого слова, которое она могла бы сказать ему и не дать повода къ новому раздраженію. Но и молчаніе оскорбляло старика.

— Молчишь,—говорилъ онъ и ослабѣвшій голосъ превра-

тился въ жалкій шопотъ полусловъ.—Стыдно стало, что угадалъ твои мысли... Языкъ у тебя отняло... Отвѣчай, почему ты молчишь?.. Говори!.. говори, я тебѣ приказываю!.. Не молчи, проклятая.

Каринъ дрожалъ весь, какъ въ лихорадкѣ. Но Зина молчала. Если бы она могла отдать ему свою жизнь, исцѣлить его своей смертью, она умерла бы безъ колебанія. Но она не могла произнести ни звука.

— Уйди...—прошипѣлъ старикъ, нагнувшись къ ней.

Ей показалось, что онъ ее ударитъ: она ждала удара, какъ спасенія, но онъ только оттолкнулъ ея руку.

— Уйди!—повторилъ онъ и откинулся на спинку кресла.

Зина ушла и, лишь только она переступила порогъ комнаты, съ ней сдѣлался истерическій припадокъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался отецъ къ громкому плачу дочери, который доносился на террасу до тѣхъ поръ, пока Зина не спряталась въ свою комнату въ мезонинѣ. Когда плачъ затихъ, лицо старика приняло вдругъ спокойное выраженіе. Онъ примостился въ креслѣ поудобнѣе и отдался пріятнымъ ощущеніямъ, возбуждаемымъ весеннимъ тепломъ.

Въ полдень передъ завтракомъ Каринъ по старой привычкѣ, сохранившейся отъ того времени, когда онъ еще самъ занимался хозяйствомъ, принималъ на балконѣ своего старосту и ключника Петра Силыча Линяева. Этотъ худой высокій старикъ въ назначенное время явился къ барину и стоялъ безъ шапки передъ балкономъ.

— Ну что, Силычъ, Овечій оврагъ?—спросилъ Каринъ.

Овечій оврагъ это было одно изъ окраинныхъ и довольно неудобныхъ полей въ имѣніи Льва Львовича.

— Сдалъ, ваше превосходительство.

— Незлобинскимъ?

— Нѣтъ, не взяли дураки. Здѣшніе взяли.

— Скоты безсмысленные... гдѣ жъ они будутъ сѣять?

— На незлобинской... Барыня имъ отсрочила недоимку.

— Предлагалъ ты имъ Овечій оврагъ купить?

— Не купятъ, ваше превосходительство.

— Почему?

— Надѣются на свою барыню.

— А она на кого надѣется, ты ихъ спрашивалъ?

Линяевъ улыбнулся, чтобы показать, что онъ понялъ намекъ барина.

— Пріѣдетъ она къ святой, не слыхалъ?

— Пріѣдетъ.

— Какъ ты знаешь?—спросилъ Каринъ тревожно-подозрительнымъ тономъ и внимательно поглядѣлъ на ключника.

— Отъ мужиковъ, ваше превосходительство. Незлобинскіе

мужики сказывали, — отвѣтилъ Линяевъ, спокойно выдержавъ взглядъ барина.

— Ты вѣдь самъ мужикъ незлобинскій... Смотри!

— Я у вашего превосходительства служу,—тѣмъ же спокойнымъ тономъ отвѣтилъ Петръ Силычъ.

Отвѣтъ понравился барину.

— Служи, мой милый, служи мнѣ вѣрно и честно. Меня больного грѣшно обманывать... Меня калѣку обмануть не трудно... Самъ видишь, какой я несчастный. Куда поставятъ, тамъ и сиди. Отвези меня, Силычъ, въ столовую, да вели барышню просить къ завтраку...

Но барышня уже была на своемъ мѣстѣ. Она стояла возлѣ стола и приготовляла кофе на спиртовой лампѣ въ маленькомъ кофейникѣ спеціально для Льва Львовича. Каринъ былъ очень доволенъ спокойнымъ выраженіемъ лица дочери и аппетитно поглядывалъ на ея приготовленія. Онъ всегда отличался хорошимъ аппетитомъ, а сегодня, послѣ прогулки на воздухѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ думалъ о завтракѣ. Онъ какъ бы совсѣмъ забылъ все, что случилось какой нибудь часъ тому назадъ; не только раскаяніе, но даже легкое воспоминаніе о страданіяхъ, причиняемыхъ имъ дочери, не безпокоило его. О невѣроятныхъ усиліяхъ, какихъ стоило ей это кажущееся спокойствіе, ему никогда и въ голову не приходило.

— Зиночка,—сказалъ онъ, и все лицо его сіяло и улыбалось,—я сегодня съѣмъ три яичка и три кусочка балычку... И лучку зеленаго... Вѣдь лучокъ-то есть... Вижу, вижу лучокъ... Вонъ зеленѣетъ... Давай, давай... Дочурка моя миленькая... Хозяюшка моя... Ну, ну давай, давай, давай сюда скорѣй...

Онъ весь отдался ѣдѣ, исправно работая челюстями. Не смотря на тяжелое впечатлѣніе отъ его жадности, Зина отдыхала въ эти мгновенія. Она знала, что теперь онъ не станетъ мучить ее, и была благодарна ему даже за эту краткую передышку. Вѣдь послѣ завтрака могло начаться новое мучительство.

Послѣ каждаго пріема пищи, Каринъ засыпалъ, сидя въ своемъ креслѣ, но прежде Зина должна была читать ему «Московскія Вѣдомости», постояннымъ подписчикомъ которыхъ онъ былъ чуть ли не 25 лѣтъ. Когда въ газетѣ попадалось что нибудь забирающее, онъ приказывалъ дочери остановиться и начиналъ бесѣдовать съ нею, причемъ требовалъ, чтобы Зина или опровергла сужденія «Московскихъ Вѣдомостей», или же съ ними согласилась. Эта пытка также обыкновенно кончалась истерикой. Къ счастію, сегодня ничто не заинтересовало старика: ни передовая статья о мощахъ преподобнаго Ѳеодосія, ни польская интрига, ни коварная политика англичанъ. Онъ заснулъ черезъ нѣсколько минутъ.

Глава II.

Зина осторожно вышла изъ столовой въ садъ. Тамъ были у нея любимыя мѣста, гдѣ она скрывалась въ свободные часы, когда хотѣла быть одна.

Въ старомъ, запущенномъ, но красивомъ саду все пробуждалось, начиная новую жизнь; въ теплыхъ лучахъ солнца, обильно падавшихъ на землю, скрывалась эта вѣчная тайна жизни. Зина отличалась особенной впечатлительностью къ природѣ, а сегодня ей хотѣлось забыть, что она живое человѣческое существо, и не чувствовать, не думать, не помнить... Подобно зеленой травкѣ на бордюрѣ дорожки или голубому цвѣтку, тянувшемуся къ солнцу, ей хотѣлось сегодня жить только этими ласковыми, теплыми, свѣтлыми лучами и умереть, когда ихъ не будетъ. Солнце слѣпило глаза. Зина тихо шла, съ низко опущенными вѣками, по широкой аллеѣ громадныхъ липъ, на которыхъ только что распустились мелкіе блѣдно-желтые и зеленые листочки. Аллея прорѣзывала весь садъ, упираясь въ березовую рощу, въ срединѣ которой темнѣла группа высокихъ сосенъ. Небольшой ручей отдѣлялъ садъ отъ рощи. Въ одномъ мѣстѣ, перекинувшись черезъ ручей, почти горизонтально росла молодая береза; здѣсь обыкновенно устраивался деревянный мостикъ, а стволъ и вѣтви березы служили перилами. Зина свернула туда и увидѣла, что тамъ были люди: кучеръ Василій и Петръ Силычъ возились съ досками, устраивая мостикъ. Первымъ движеніемъ Зины было желаніе вернуться незамѣченной; ей непріятно было встрѣчаться съ людьми, а въ особенности съ Линяевымъ, вдумчивые, проницательные глаза котораго возбуждали въ ней странное, опасливое чувство. Ей всегда казалось, что онъ умѣетъ читать въ ея душѣ, и не вѣритъ наружному спокойствію, съ какимъ она обыкновенно говоритъ съ нимъ. Но вернуться было уже поздно: ее замѣтили и ждали. Зина подошла, молча поклонилась на привѣтствіе и хотѣла перейти по доскѣ на другую сторону. Но Петръ Силычъ загородилъ дорогу и сказалъ.

— Нельзя! Упадете Зинаида Львовна... Сохрани Богъ, прямо въ воду упадете...

Онъ засуетился, послалъ Василія на другую сторону ручья, и они вдвоемъ держали доски руками. Зина быстро перебѣжала по неукрѣпленнымъ мосткамъ.

— Благодарю васъ,—сказала она, привѣтливо кивнувъ головой, и пошла къ соснамъ.

— Обратно пожалуйте...—Будетъ готово! — крикнулъ ей вслѣдъ Петръ Силычъ.

— Что же ты не сказалъ барышнѣ,—произнесъ Василій,

когда Зина ушла настолько далеко, что не могла слышать его словъ.

— Какъ разъ бы сказалъ! Что же ты не сказалъ?—повторилъ онъ, бродя въ водѣ.

— Надо бы сказать, вѣрно, что надо,—согласился Линяевъ.

И оба они затѣмъ молча занялись своей работой.

Василій и Петръ были незлобинскіе крестьяне, и передъ приходомъ Зины у нихъ шла рѣчь о томъ, что интересовало ихъ одинаково со всѣми остальными незлобинцами—о незлобинской землѣ и ея владѣлицѣ Авдотьѣ Павловнѣ Магориной. Уже не первую весну, въ ожиданіи пріѣзда помѣщицы, заводили незлобинскіе крестьяне рѣчь о покупкѣ ея земли, которую они съ давнихъ поръ обработывали. Какъ до воли, такъ и послѣ нея, владѣльцы сами не занимались хозяйствомъ, а незлобинцы, отказавшись отъ полнаго надѣла, получили дарственную десятину и затѣмъ арендовали барскую землю безпрерывно десятки лѣтъ. Третье поколѣніе подростало на этой землѣ, и никто не думалъ, что съ ней придется когда нибудь разстаться. Какъ вдругъ нѣсколько дней тому назадъ сельскій писарь и однодеревенецъ Сидоръ Ивановичъ Шаровъ привезъ изъ города невѣроятное извѣстіе, будто Незлобинское имѣніе покупаетъ купецъ Ефановъ, богатый лѣсопромышленникъ и банковскій воротило.

— Неужели барыня Авдотья Павловна продаетъ насъ Ефанову?

Эта тревожная мысль глубоко взволновала всѣхъ незлобинцевъ; ею были озабочены и Петръ Силычъ съ Василіемъ.

Покончивъ съ незамысловатымъ мостикомъ, Линяевъ усалалъ кучера, а самъ рѣшилъ дождаться возвращенія Зинаиды Львовны. У него здѣсь и дѣло нашлось: онъ вынулъ садовый ножъ изъ кармана и занялся подчисткой прошлогоднихъ прививокъ грушъ и яблонь, только что раскутанныхъ изъ подъ рогожъ и соломы.

Зина недолго пробыла въ соснахъ, и Петръ Силычъ скоро дождался ее. Она очень удивилась, услышавъ о замыслахъ Ефанова.

— Правда ли это?—спросила она.—Я на дняхъ получила письмо отъ Авдотьи Павловны; она ничего не пишетъ о продажѣ земли. Отъ кого вы узнали?

— Люди говорятъ... Отъ людей слыхали,—уклончиво отвѣтилъ Линяевъ.

— Не можетъ быть... Она мнѣ говорила, что не думаетъ продавать Незлобинки, а если и продастъ, то только вамъ, своимъ крестьянамъ.

— Кабы ихъ воля!—сказалъ со вздохомъ ключникъ.

Они были въ липовой аллеѣ и Зина сѣла на скамью между двумя деревьями. Петръ Силычъ стоялъ безъ шапки, чуть-чуть

прислонившись къ стволу липы, и ждалъ, чтобы его спрашивали.

— Да вѣдь это ея имѣніе,—сказала Зина.

— Должны онѣ много... Кажись, будто и Ефанову должны.

Зина вспомнила приписку въ послѣднемъ письмѣ Авдотьи Павловны, пропущенную раньше безъ вниманія. Тамъ, впрочемъ, было только четыре слова: «Познакомилась съ Ефановымъ—ужасный нахалъ»!..

— Я думаю, вы напрасно безпокоитесь,—сказала Зина.— Впрочемъ, я напишу ей и узнаю.

— Объ томъ я и прошу васъ, барышня,—отвѣтилъ, кланяясь, Петръ Силычъ и возвратился къ своимъ окулировкамъ.

Зина не придала никакого значенія опасеніямъ незлобинцевъ, не думала о нихъ. У нея была своя забота, вѣчная забота объ отношеніяхъ съ отцомъ. Что говорить, что дѣлать, какъ обращаться съ нимъ, чтобы предотвратить возможность такихъ сценъ, какая была сегодня утромъ, какія бываютъ почти каждый день? Зина была убѣждена, что и отецъ страдаетъ, больной несчастный человѣкъ, отъ этихъ вспышекъ гнѣва, подозрительности, упрековъ, которые безпрестанно вырываются у него. Что дѣлать? Какъ жить? Каждый день она придумывала какой нибудь отвѣтъ на эти вопросы и каждый день убѣждалась въ непригодности своей выдумки. И сегодня, сидя подъ темными соснами, Зина рѣшила, что ей не слѣдуетъ принимать въ серьезъ слова отца, что нужно обращать ихъ въ шутку и отвѣчать на нихъ лаской и шуткой. Съ такимъ рѣшеніемъ, нѣсколько успокоившимъ Зину, она шла домой, когда ее встрѣтилъ Петръ Силычъ. Послѣ разговора съ нимъ она невольно задумалась объ Авдотьѣ Павловнѣ, своей гимназической подругѣ. Какой контрастъ былъ между ними! Магорина всю жизнь прожила на волѣ и теперь живетъ и дѣлаетъ все, что хочетъ. У нея семья, она не знаетъ устали въ погонѣ за впечатлѣніями и умѣетъ находить ихъ даже въ такомъ невзрачномъ городишкѣ, какъ Нагорскъ.

— Что бы она дѣлала на моемъ мѣстѣ?—подумала Зина.

Она позавидовала подругѣ, печально улыбнулась и возвратилась къ своимъ тяжелымъ обязанностямъ.

Глава III.

У Льва Львовича Карина было много досуга. Прикованный къ одному мѣсту, онъ часто сочинялъ какіе нибудь проекты, которыми увлекался нѣсколько дней, иногда даже нѣсколько часовъ, а потомъ совершенно забывалъ о нихъ. Сегодня, проснувшись послѣ завтрака, онъ вздумалъ заняться состав-

леніемъ смѣтъ для постройки мукомольной мельницы и углубился въ старую книгу по строительному искусству.

Возвратившись изъ сада, Зина тотчасъ же заглянула къ отцу, но онъ такъ былъ погруженъ въ вычисленія, что даже не посмотрѣлъ на нее. Тогда она отправилась къ себѣ въ мезонинъ и написала нѣсколько строкъ Авдотьѣ Павловнѣ. Но черезъ нѣсколько минутъ раздался звонокъ изъ комнаты Льва Львовича, и дѣвушка стремительно бросилась къ отцу, зная, что каждый мигъ промедленія можетъ вызвать сцену. Неожиданность призыва встревожила Зину и, по привычкѣ, прежде чѣмъ войти къ отцу, она остановилась въ столовой провѣрить себя, не было ли съ ея стороны какого нибудь неосторожнаго слова или поступка. Но она никогда почти не могла угадать, что ее ожидаетъ въ разговорѣ съ отцомъ.

Левъ Львовичъ встрѣтилъ ее очень дружелюбно.

— Пойди сюда, дочка!—сказалъ онъ.—Сдѣлай мнѣ вотъ эти вычисленія. Не могу я сообразить метры да сантиметры... Ты мнѣ это все въ вершки преврати, въ вершки и въ аршины. Сможешь, моя дѣвочка? А?

— Конечно, смогу!

— Ученая!—сказалъ онъ и, пока она занималась вычисленіями, смотрѣлъ на нее, ласково улыбаясь.

Зина, чувствуя на себѣ благосклонный взглядъ, быстро дѣлала свою работу. Нужно было по примѣрному шаблону вычислить, сколько для данной постройки понадобится бревенъ и кирпича, и перевести всѣ мѣры на русскія.

— Готово!—сказала дѣвушка, подавая отцу тетрадь.

Онъ взялъ руку дочери вмѣстѣ съ тетрадью, погладилъ ее потомъ поцѣловалъ, не глядя на вычисленія.

— Папа, мнѣ такъ неловко, когда ты цѣлуешь мнѣ руки...—сказала Зина, осторожно освобождая руку.

Тетрадь она оставила на колѣняхъ отца. Каринъ нахмурился и взялъ тетрадь.

— Что за вздоръ! — воскликнулъ онъ. — Очевиднѣйшій вздоръ... Все вранье отъ начала до конца... Удивительно!.. Чему васъ учатъ? Пустого вычисленія не можетъ сдѣлать!..

— Но тамъ все вѣрно.

— Все вздоръ!

— Я провѣрила...

— Ты провѣрила? Скажите, пожалуйста, она провѣрила, а я смѣю сомнѣваться...

— Позволь, я все сдѣлаю вмѣстѣ съ тобой. Дай мнѣ тетрадь...

— Я не математикъ... У меня нѣтъ диплома съ высшихъ курсовъ, и я не берусь за дѣло, въ которомъ ничего не смыслю.

Женскій вопросъ!.. Просвѣщеніе!.. а сами рѣшительно ни къ чему не годитесь, никакой отъ васъ пользы...

— Не мы въ томъ виноваты...

— А—а! Такъ ты сознаешься?—воскликнулъ старикъ, и глаза его блеснули злобной радостью.

— Въ чемъ сознаюсь?

Онъ долго смѣялся, не отвѣчая, потомъ сказалъ:

— Въ томъ, что вы не годитесь никуда. Хорошо, что созналась... Это хорошо. Это дѣлаетъ тебѣ честь... Сдѣлай мнѣ другой разсчетъ. Этотъ вздоръ мнѣ не нуженъ.

Онъ вырвалъ страницу съ вычисленіями Зины и, скомкавъ бумагу, бросилъ на полъ.

— Скажи мнѣ, сколько лѣтъ существуютъ ваши курсы?—спросилъ онъ серьезнымъ тономъ.

Зина молчала.

— Отвѣчай! Я спрашиваю!—крикнулъ онъ.

— Не помню...—прошептала Зина.

— Странно!.. Положимъ, двадцать лѣтъ... Пиши: 20 лѣтъ... Зина стояла неподвижно, конвульсивно сжимая въ рукахъ карандашъ.

— Тебѣ трудно исполнить мою просьбу?—спросилъ старикъ, мѣняя сердитый тонъ на притворно жалобный.

— Это ваша просьба?—чуть слышно прошептала дѣвушка. Отъ поднимавшихся въ груди рыданій у нея захватило голосъ.

— Да, моя просьба, мой капризъ... Капризъ несчастнаго больного страдальца, прикованнаго къ мѣсту, какъ каторжникъ прикованъ къ своей тачкѣ... Неужели такъ трудно отвѣтить два слова: сколько дѣвицъ окончило курсъ вмѣстѣ съ тобой?

— Кажется 32...

— Такъ запишемъ въ умѣ 32. Отлично, очень хорошо... Твое ученіе въ Петербургѣ стоило мнѣ двѣ тысячи рублей. Всѣ остальныя дѣвицы стоили своимъ родителямъ не меньше; слѣдовательно, вашъ выпускъ стоитъ 64 тысячи рублей. Такъ?

Зина молчала.

— Двадцать выпусковъ дѣвицъ, слѣдовательно, стоили 1.280,000 рублей, не считая процентовъ, не считая расходовъ казны... Мильонъ двѣсти восемьдесятъ тысячъ рублей. Представляешь ли ты себѣ, госпожа математикъ, сколько это денегъ? Понимаешь ли ты, что за 1.280,000 рублей можно купить 20 тысячъ десятинъ земли? Скажи теперь, скажи по совѣсти, по чистой совѣсти, принесли ли всѣ 640 дѣвицъ хоть на 64 копѣйки пользы?

Онъ помолчалъ, какъ бы ожидая отвѣта. Зина ненавидѣла въ эту минуту сидѣвшаго передъ ней человѣка. Она стояла передъ нимъ словно застывшая, свѣсивъ безпомощно руки, съ

опущенными глазами, которые боялась поднять, чтобы не выдать того, что происходило въ ея душѣ. А Каринъ смотрѣлъ на дочь, любуясь ея смущеніемъ. Ему казалось, что это только смущеніе!

— Молчишь, потому что и сказать тебѣ нечего,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, есть что!—вдругъ воскликнула Зина, и голосъ ея хрипѣлъ отъ гнѣва.

Она взглянула на отца, и взгляды ихъ встрѣтились на мгновеніе.

— А ты, злобный старикъ, что сдѣлалъ ты кому нибудь полезное за всю твою жизнь?

Вотъ что имѣла сказать Зина, но не сказала. Холодный, острый блескъ ея глазъ поразилъ старика. Онъ почувствовалъ, что не сломитъ на этотъ разъ упорство дочери, и лицо его исказилось отъ бѣшенства, губы дрожали, маленькіе черные глаза растерянно бѣгали по всей фигурѣ дѣвушки.

— Что же ты молчишь?—закричалъ онъ,—говори! Говори, что ты таишь въ злобномъ сердцѣ? Змѣя... Я скажу за тебя, я знаю, я вижу... Аа! Не стерпѣла... Не выдержала роли... Надоѣло ждать, когда околѣетъ несчастный отецъ. Чего смотришь? Добей его! За него некому заступиться... Это безпомощный одинокій, жалкій старикъ. Зачѣмъ ему жить...

Каринъ искренно увлекся жалостливостью къ самому себѣ. Онъ плакалъ, слезы текли по его лицу, голосъ дрожалъ отъ сдержанныхъ рыданій.

— Кому нужна эта жалкая жизнь, которую ты разбила?—продолжалъ онъ.—Кто любилъ меня когда нибудь? Кто пожалѣлъ меня?.. Ты опозорила отца... добей его! Призови любовника и покончите...

Онъ захлебывался отъ рыданій.

— О, пощади, отецъ, пощади!—закричала Зина, бросаясь къ его ногамъ.

Въ другое время онъ удовлетворился бы этимъ, но ему не понравилось что то въ тонѣ ея мольбы, и онъ грубо оттолкнулъ дѣвушку.

— Уйди, я не вѣрю тебѣ, подлая!

Она вскочила, какъ безумная, выбѣжала изъ комнаты, и снова весь домъ наполнился ея рыданіями. Старикъ подозрительно прислушивался къ ея плачу; ему все казалось, что онъ недостаточно уязвилъ ее, что она не раскаялась и что то затаила въ душѣ противъ него.

Глава IV.

Каринъ не ошибся. Какъ только Зина заперлась въ своей комнатѣ, слезы ея прошли; на лицѣ появилось прежнее

выраженіе тупого отчаянія. Она машинально ходила по комнатѣ и невольно вздрогнула, увидѣвъ себя въ зеркалѣ.

— Неужели у меня было такое же лицо?—съ ужасомъ прошептала она и остановилась передъ зеркаломъ, не узнавая самое себя.

— Ну что-жъ, все равно... все равно... пусть...

Она не можетъ больше терпѣть. Цѣлый годъ изо дня въ день повторяется это истязаніе. Нужно кончить... Нужно сказать ему наконецъ... Да, она скажетъ... Да, она отвѣтитъ на его жалобы: «Ты никому не нуженъ, ненавистный старикъ! Никто не любилъ тебя, какъ и ты никого не любилъ... Никто не пожалѣетъ тебя»... Пожалѣть его? Пожалѣть того, въ комъ нѣтъ искры жалости къ другимъ... О, это возмутительно! Что далъ онъ людямъ, кромѣ злобы и притѣсненій? Убить его—это доброе дѣло, это справедливость, это отмщеніе за тысячи обидъ и мучительствъ. Убить и пойти на каторгу... освободить человѣчество отъ изверга... Убійца—герой... Беатриче Ченчи и Шарлота Корде были героини...

Зина стояла по срединѣ комнаты противъ большого зеркала, въ которомъ во весь ростъ отражалась ея высокая фигура. Но дѣвушка не узнавала себя въ этомъ чужомъ лицѣ, что смотрѣло на нее безумными глазами изъ рамы зеркала. Было мгновеніе, когда ей казалось, что это не она беззвучно шепчетъ угрозы, что это кто то другой убѣждаетъ ее въ необходимости отмстить отцу за всю его прошлую злую жизнь. И вдругъ она вспомнила, что въ самомъ дѣлѣ все это были чужія мысли, что она слышала ихъ раньше, совсѣмъ по другому поводу отъ человѣка, съ именемъ котораго соединялось много воспоминаній. Зина словно проснулась отъ оцѣпенѣнія, закрыла лицо руками и прошептала:

— Я схожу съума...

Она подошла къ кровати; хотѣла лечь, но, словно что придавило ее къ землѣ, она опустилась на полъ, возлѣ кровати и, положивъ руки на постель, спрятала въ нихъ голову. Бремя жизни казалось ей такимъ непосильнымъ въ эту минуту, что, если бы смерть пришла сюда внезапно,—Зина съ радостью бросилась бы къ ней навстрѣчу.

На большихъ часахъ, висѣвшихъ въ столовой, бой которыхъ разносился по всему дому, пробило шесть. Нужно было идти внизъ къ обѣду. Медленно, съ тяжелымъ усиліемъ поднялась Зина, точно всѣ жилы ея были налиты свинцомъ, и спустилась въ столовую, куда уже выкатился въ своемъ креслѣ Каринъ. Онъ встрѣтилъ дочь съ невиннымъ видомъ, привѣтливой улыбкой. Онъ уже простилъ дерзость дочери, готовъ былъ приласкать ее, сказать ей что нибудь пріятное. Но хорошее настроеніе покинуло его, какъ

только онъ увидѣлъ больное лицо Зины съ выраженіемъ безсмысленной покорности. Но и это онъ простилъ ей, чтобы не портить себѣ аппетита. Обѣдъ прошелъ въ полномъ молчаніи.

Какимъ безконечнымъ казался Зинѣ этотъ день! Вечеромъ она должна была еще читать отцу романъ Золя, выслушивать игривыя замѣчанія и отвѣчать на вопросы о томъ, какъ бы она поступила, будучи въ положеніи кого нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ романа. Только когда Каринъ начиналъ дремать, Зина могла уходить къ себѣ и быть свободной до утра. Но утро и слѣдующій день, подобно множеству предшествовавшихъ дней, не обѣщали ей ничего утѣшительнаго.

Послѣ обѣда Левъ Львовичъ пожелалъ перебраться на балконъ и побесѣдовать съ Петромъ Силычемъ. Онъ допрашивалъ послѣдняго о разныхъ угодьяхъ въ имѣніи Магориной: не распаханъ ли Утиный лугъ, совсѣмъ ли пропала малина, въ какомъ положеніи находятся родники въ Бѣломъ оврагѣ, сохранились ли еще фруктовыя деревья въ грунтовомъ сараѣ и проч. Во время этой бесѣды, въ которой Петру Силычу нелегко было отвѣчать на всѣ вопросы барина, звякнулъ вдали колокольчикъ, показалась тройка и тарантасъ.

— Предводитель,—сказалъ Петръ Силычъ.

— Ты узналъ?—спросилъ Каринъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше пр-ство... Я казака видѣлъ. У нихъ всегда впереди казакъ скачетъ...

Нагорскій уѣздный предводитель Григорій Семеновичъ Рокотовъ дѣйствительно завелъ обыкновеніе при путешествіяхъ по своему уѣзду посылать впереди верхового. Совмѣщая въ одномъ лицѣ предводителя и предсѣдателя земской управы, онъ былъ вдвойнѣ первымъ лицомъ въ уѣздѣ и полагалъ, что его званіе и положеніе требуютъ, чтобы впереди его тройки скакалъ мужикъ. Линяевъ не ошибся; тройка остановились у воротъ усадьбы, и Петръ Силычъ побѣжалъ встрѣчать предводителя.

Зина очень обрадовалась пріѣзжему, потому что онъ освобождалъ ее отъ вечерняго чтенія. Ей пришлось только позаботиться объ ужинѣ, да выслушать нѣсколько глупыхъ фразъ Рокотова, который, въ качествѣ молодого человѣка—онъ былъ вдовецъ лѣтъ 45—считалъ своей обязанностью быть галантнымъ кавалеромъ и говорить дамамъ комплименты.

Извинившись головной болью, Зина отказалась отъ ужина, такъ что пріятели,—а Григорій Семеновичъ и Каринъ считались пріятелями,—ужинали одни.

Гость любилъ покушать, а хозяинъ не скупился на угощеніе; хорошее вино всегда было въ запасѣ, и время за ужиномъ проходило не скучно. Левъ Львовичъ зналъ, что Рокотовъ пріѣхалъ просить денегъ, рѣшилъ про себя не отказать

пріятелю и былъ въ прекрасномъ настроеніи, удивляясь только, почему Григорій Семеновичъ долго не говоритъ объ этомъ.

А Рокотовъ несъ околесную; распространялся на общія темы; говорилъ о трудныхъ временахъ для земледѣльцевъ, о силѣ денегъ, объ убыточности сельскаго хозяйства, о богатствахъ купцовъ и желѣзнодорожниковъ и т. п.

— Вы знаете Кудрина,—говорилъ онъ.—Несчастный человѣкъ... пропалъ!.. Обвиняется въ растратѣ...

— Что онъ могъ растратить? Кто ему далъ?—спросилъ хозяинъ.

— А въ томъ то и дѣло, что никто не далъ, да онъ самъ взялъ.

— Дѣльный онъ малый, энергичный, настойчивый.

— А вотъ подите же... Пропалъ человѣкъ. Изъ за глупости, изъ за пустяка...

Рокотовъ вздохнулъ. Ему хотѣлось поговорить на ту тему, что вообще много хорошихъ людей пропадаютъ иногда изъ за какой нибудь мелочи, а затѣмъ перейти и къ своему дѣлу, но Каринъ заинтересовался подробностями Кудринской исторіи.

— Разскажите, какъ это было. Я ничего не знаю.—Онъ откатился отъ стола, подъѣхалъ ближе къ гостю и самъ налилъ ему стаканъ малаги.

— Что вы, что вы!—воскликнулъ Григорій Семеновичъ.— Какъ безпокоитесь!

Онъ вскочилъ, чтобы отвезти кресло хозяина на прежнее мѣсто; но Каринъ пожелалъ остаться рядомъ съ нимъ. Онъ наклонилъ голову на бокъ и приготовился слушать. Странный контрастъ представляли эти два склонившіяся другъ къ другу лица. Рокотовъ былъ мужчина свѣжій, румяный, хорошо упитанный, съ аккуратно подстриженной въ видѣ короткаго клинушка бородой, съ большой лысиной и коротко подстриженными свѣтлыми волосами. Въ его голубыхъ глазахъ всегда свѣтилось выраженіе мягкой уступчивости и готовность воспринять настроеніе своего собесѣдника. Напротивъ, маленькіе черные глаза Льва Львовича никогда не мѣняли своего выраженія въ зависимости отъ другого лица. Длинные мало посѣдѣвшіе волосы, длинная почти черная борода и желтое лицо съ глубокими морщинами рѣзко отличалось отъ заботливо выхоленной физіономіи Рокотова.

— Вотъ изъ за этой самой малаги вышло,—началъ послѣдній, хлебнувъ изъ стакана и указавъ на бутылку.—Вѣдь это наша, клубная...

— Да, да... Ну?

— Мы вѣдь ее выписывали по подписному листу, кто сколько хотѣлъ,—продолжалъ Рокотовъ.—Дѣло было послѣ ужина; конечно, выпито было... Всѣ подходили и записывали

на листѣ, кому сколько, на какую сумму, то есть... Подходитъ къ листу эта каналья, Ефановъ... А они передъ этимъ съ Кудринымъ въ штоссъ рѣзались...

— Ага!.. Проигрался?

— Нѣтъ, погодите... Совсѣмъ другое. Кудринъ вслѣдъ за нимъ шелъ и вмѣстѣ они подошли къ конторкѣ, на которой подписной листъ лежалъ... Тутъ мерзавецъ Ефашка взялъ да и выкинулъ штуку: подъитожилъ все, что было на листѣ, да и написалъ отъ себя столько, сколько вышло всего... Это наглость... Просто нахальство. Кудринъ человѣкъ самолюбивый, вспыльчивый, увлекающійся. Его взорвало отъ этой продѣлки Ефанова... Онъ взялъ перо, подвелъ итогъ всему, вмѣстѣ съ тѣмъ, что подписалъ Ефановъ... вышло 1220 рублей. Онъ и вкатилъ эту сумму въ подписной листъ отъ себя... Вѣдь это же нелѣпость, всѣ и посмотрѣли на это, какъ на шутку. Чортъ знаетъ, что такое... Помилуйте, вѣдь это двѣ бочки? Куда ему столько, зачѣмъ? Просто нелѣпость...

— Я взялъ у него двѣ сотни бутылокъ... Хорошее вино.

— Позвольте, слушайте дальше... Всѣ такъ и взглянули, какъ на шутку: записалъ и зачеркнулъ, что за бѣда... Можно вѣдь отказаться, измѣнить, вообще, что такое? Пустяки, вздоръ, никто не заставитъ... Что же, вы думаете, сдѣлалъ этотъ каналья Ефашка? Позвалъ буфетчика, вынулъ бумажникъ, преспокойно отсчиталъ 610 рублей и отдалъ. Въ листѣ отмѣтилъ «уплачено». Приэтомъ, обращаясь къ буфетчику, сказалъ: «Получите, говоритъ, Иванъ Алексѣевичъ, вѣрнѣй будетъ... Записать—запишешь, а потомъ, того гляди, одумаешься, жалко станетъ. Потому—записано одно, а уплочено—другое». Кудринъ не выдержалъ. Вы знаете, какой характеръ у человѣка... Просто отвратительный характеръ. Такъ онъ вообще отличнѣйшій малый, хорошій товарищъ, гостепріимство самое широкое, но самолюбіе, гоноръ... Не стерпѣлъ. «Да, говоритъ вѣрно вы сказали, г. Ефановъ. Получите, Иванъ Алексѣевичъ»... Вынулъ изъ кармана, отсчиталъ 1220 рублей...

— Такъ, такъ, такъ!—воскликнулъ Каринъ и засмѣялся, схвативъ за руку гостя.—Деньги то были у него не свои!

— Вотъ въ томъ то и дѣло: деньги были крестьянскія... Онъ взялъ ихъ утромъ отъ старосты, чтобы внести, и росписку выдалъ...

— А-а... Ну, ну!—торопилъ Каринъ.

— Плохо... Кто знаетъ, удастся ли вывернуться. Неизвѣстно, какъ губернаторъ повернетъ дѣло...

Каринъ опять засмѣялся, и какъ то жутко стало Рокотову отъ этого смѣха.

— Ну, а деньги то, деньги, какъ же?—допрашивалъ Каринъ.—Денегъ онъ досталъ?

Григорій Семеновичъ окончательно смутился отъ злораднаго тона, звучавшаго въ словахъ хозяина, и отвѣтилъ совсѣмъ упавшимъ голосомъ:

— Деньги собрали... Часть онъ за вино выручилъ... Только поздно.

— Я бы далъ ему!—сказалъ Каринъ, рѣзко мѣняя тонъ на серьезный, даже сочувственный.

Сердце радостно забилось у Рокотова отъ этой перемѣны, и онъ рѣшился...

— Голубчикъ, Левъ Львовичъ,—произнесъ онъ жалкимъ, смиренымъ тономъ.—Вы меня изъ бѣды выручите... Мнѣ на самое короткое время...

Григорій Семеновичъ вдругъ замолчалъ, испугавшись своей рѣшимости, онъ былъ почти увѣренъ въ отказѣ. Каринъ поглядѣлъ на него, улыбнулся и потрепалъ его по плечу.

— Вамъ, Григорій Семеновичъ, не могу отказать,—сказалъ онъ ласково.—Вамъ не могу...

Рокотовъ совсѣмъ растерялся отъ пріятной неожиданности и сначала не нашелся даже, что сказать. Потомъ схватилъ обѣими руками руку Карина и долго пожималъ ее и гладилъ съ такой нѣжностью, словно бы держалъ руку дамы сердца.

— Ахъ, голубчикъ, голубчикъ,—говорилъ онъ,—какъ вы меня обяжете... Трудно, такъ нынче трудно достать денегъ, въ особенности, когда нужно экстренно... И вы понимаете, въ моемъ положеніи нельзя ко всякому обратиться... Вы единственный... сколько я ни думалъ, положительно вы единственный... Больше мнѣ рѣшительно не къ кому идти... Спасибо, ахъ, какое вамъ большое спасибо, голубчикъ, Левъ Львовичъ!

— Сколько вамъ нужно?—спросилъ Каринъ, нѣсколько встревоженный этимъ взрывомъ благодарности.

— Двѣ тысячи, голубчикъ...—со вздохомъ отвѣтилъ Рокотовъ.

— На долго?

— На самое короткое время. Къ Петру и Павлу я получу аренду за мельницу, шерсть продамъ, огородники заплатятъ къ тому времени...

— Стало быть на шесть мѣсяцевъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ на шесть... Впрочемъ, пожалуй... все равно... Вы вѣдь не откажете и раньше принять... Хе, хе!.. милѣйшій Левъ Львовичъ... Векселя у меня съ собой, бланки то есть...

— Можно и безъ векселей, простую росписку...

— Нѣтъ, нѣтъ... Вексель всегда лучше. Благодарю васъ, голубчикъ, еще разъ благодарю...

Онъ взглянулъ на часы.

— Однако, какъ мы засидѣлись... Извините, утомилъ я васъ разговорами.

Онъ опять нѣжно пожалъ руку хозяину и ушелъ въ отведенную для него комнату.

Глава V.

Давно Григорій Семеновичъ не былъ въ такомъ пріятномъ настроеніи, какъ въ этотъ вечеръ, располагаясь ночевать въ домѣ Карина. Комната у него была уютная, кровать удобная, шторы спущены, мягкія туфли поставлены, постель бѣлизны ослѣпительной. Совсѣмъ какъ дома. Случалось и раньше Рокотову ночевать въ этой комнатѣ, но никогда не бывало въ ней такъ уютно, какъ сегодня, и никогда онъ не разсматривалъ ее съ такимъ благосклоннымъ вниманіемъ.

Раскинувшись на старинной широкой кровати, Григорій Семеновичъ размышлялъ о томъ, какой, въ сущности, любезный человѣкъ Каринъ. Чего только не говорятъ про него! И ростовщикъ онъ, и эксплоататоръ, и разорилъ онъ многихъ, и тиранитъ дочь... Навѣрное, все вздоръ, сплетни. Онъ просто дѣльный, серьезный, умный человѣкъ. Относительно тиранства дочери несомнѣнная сплетня. Какъ можетъ тиранить кого нибудь больной, разбитый параличемъ старикъ. Да и кто сталъ бы тиранить такую граціозную, хорошенькую барышню...

Григорій Семеновичъ закрылъ глаза, чтобы лучше представить себѣ, какова Зина. Да, красивая дѣвушка, стройная, высокая, подъ ростъ ему... Какіе пышные волосы. Типичная блондинка!.. Немного блѣдная, но блѣдность происходитъ отъ скуки. Какъ не поблѣднѣть отъ этакой жизни, вѣчно одна съ больнымъ старикомъ... Бѣдная дѣвушка!..

Рокотовъ вдругъ проникся жалостью къ бѣдной дѣвушкѣ, отрѣзанной отъ жизни, молодой и красивой, которая вянетъ въ деревнѣ. Почему-бы ему не взять ее? Почему онъ раньше не думалъ объ этомъ? Говорятъ она умна, это опасно... Говорятъ еще, что прошлое у нея нѣсколько подмочено... что былъ какой то романъ... вообще съ этой стороны репутація неопредѣленная. Въ положеніи Григорія Семеновича это особенно неудобно: какъ хотите, жена предводителя это не то, что другая... Впрочемъ, чортъ съ нимъ и съ предводительствомъ, можно и предводительство бросить... Зинаида Львовна единственная наслѣдница, и за ней говорятъ полмильона... Полмильона!.. Узнать бы какъ нибудь въ чемъ дѣло, что у нея было... Можетъ быть все вздоръ. Она такая неприступная, строгая... Поставитъ домъ, какъ слѣдуетъ, тогда всѣ придутъ... Наконецъ, можно уѣхать въ Петербургъ, заграницу... Кто тамъ разберетъ... А главное, пожить бы еще можно было...

Радужныя перспективы съ полумильономъ долго занимали Григорія Семеновича, и онъ заснулъ среди сладкихъ мечтаній.

Левъ Львовичъ былъ также доволенъ сегодняшнимъ вечеромъ. Ему бывало пріятно, когда онъ узнавалъ, что кто нибудь изъ знакомыхъ нуждается въ деньгахъ. Ему было пріятно вдвойнѣ, что у него попросилъ денегъ предводитель дворянства и предсѣдатель управы, который, по разсчетамъ Карина, долженъ былъ давно сдѣлать это. Когда лакей Ипполитъ и горничная Маша укладывали въ постель его полуживое тѣло, неугомонный духъ старика былъ увлеченъ сложными комбинаціями, цѣль которыхъ никогда не была извѣстна Карину. Изъ разсказа о Кудринѣ онъ вынесъ только одно впечатлѣніе: увѣренность, что Кудринъ разорится и что остатки его родового владѣнія можно будетъ захватить и присоединить къ своимъ. Конкурренція со стороны Ефанова также волновала Льва Львовича, и онъ боялся, какъ бы и очень цѣнное имѣніе Рокотова не захватилъ Ефановъ. Мысль о Рокотовѣ, какъ о женихѣ для Зины промелькнула въ его головѣ, но не серьезно; онъ просто видѣлъ въ этомъ новый сюжетъ для своихъ жестокихъ разговоровъ съ дочерью.

Когда слуги удалились, Каринъ снялъ висѣвшій на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ маленькій ключикъ, открылъ ящикъ ночного столика, вынулъ оттуда револьверъ и положилъ его возлѣ себя. Онъ продѣлывалъ это каждый вечеръ и не могъ бы заснуть, не осязая рукой револьвера.

Зина весь вечеръ пролежала у себя въ темной комнатѣ, не раздѣваясь, въ тревожномъ ожиданіи, какъ бы отецъ не позвалъ ее къ себѣ. Только когда все стихло въ домѣ, Зина поднялась и зажгла свѣчи на письменномъ столѣ. Теперь она была свободна. Никто не войдетъ сюда, никому она не обязана давать отчетъ въ своемъ поведеніи, никто не будетъ копаться въ ея измученной душѣ. Теперь началась ея собственная внутренняя жизнь, безъ которой Зина не могла бы существовать. Минувшій день, подобно всѣмъ предшествовавшимъ днямъ, казался ей какой то дикой фантасмагоріей, отъ которой она наконецъ освободилась на нѣсколько часовъ. Всѣ событія сегодняшняго дня промелькнули передъ ней, какъ воспоминанія о тяжеломъ кошмарѣ, подробности котораго забыты. Все это только что было, а между тѣмъ все это теперь безконечно далеко отъ нея, и она свободна.

Зина сѣла къ столу и хотѣла писать. Она вынула изъ ящика небольшую тетрадь въ синемъ переплетѣ, раскрыла ее, прочла тамъ нѣсколько строкъ, потомъ взглянула на стоявшую передъ ней фотографію и задумалась, положивъ обѣ руки на столъ. На нее глядѣло знакомое лицо съ высокимъ лбомъ, большими бровями, съ выраженіемъ—вызывающимъ, самоувѣ-

ренньмъ и презрительнымъ, что особенно подчеркивалось приподнятой, откинутой назадъ головой. Такъ долженъ бы смотрѣть человѣкъ, окруженный врагами, которыхъ онъ презираетъ и не боится. Внизу карточки былъ вполнѣ соотвѣтствующій этому выраженію девизъ: «Все во мнѣ» и подпись: «Владиміръ Гельгардъ».

Воспоминанія прихлынули къ Зинѣ. Она отодвинула тетрадь, задула свѣчи, открыла окно, выходившее въ садъ, и сѣла на подоконникъ. Изъ сада пахнуло на нее свѣжимъ воздухомъ весенней ночи.

Еще и двухъ лѣтъ не прошло, какъ она также сидѣла у себя на окнѣ и Владиміръ стоялъ рядомъ съ нею. Только ночь была теплѣе, въ саду цвѣла сирень, и все было залито волшебнымъ свѣтомъ луны. Владиміръ стоялъ такъ близко... Они вмѣстѣ любовались яснымъ небомъ, вмѣстѣ слушали, какъ поютъ соловьи, вмѣстѣ дышали ароматомъ сирени и фіалокъ. Зина тогда съ ногами взобралась на подоконникъ и сидѣла, прислонившись головой къ рамѣ открытаго окна. Онъ стоялъ напротивъ, у ея ногъ, чуть-чуть опираясь на подоконникъ. Его откинутая назадъ голова, блѣдное лицо и блестящіе глаза навсегда сохранились въ ея памяти, хотя, какъ ей казалось, она никогда не видѣла ихъ больше такими, какъ въ тотъ вечеръ... У нея на колѣняхъ лежала куча цвѣтовъ сирени и фіалокъ; они вмѣстѣ нарвали ихъ въ саду...

Зина вспомнила объ этомъ и машинально взглянула на колѣни; теперь тамъ не было цвѣтовъ, а въ полупрозрачномъ сумракѣ сада торчали голыя вѣтки.

О чемъ они говорили тогда?

— Вы вѣрите, что на землѣ есть счастье?—спросила она.

— Оно во мнѣ—отвѣтилъ Владиміръ.—Внѣ меня нѣтъ ничего...Все въ мірѣ и самый міръ существуетъ лишь насколько я признаю его существованіе...

Онъ взялъ горсть сирени съ ея колѣнъ и продолжалъ:

— Запахъ цвѣтовъ, синее небо, соловей, лунный свѣтъ, тихій шелестъ листьевъ, вся земля и люди, вся вселенная являются для меня такими, какими я хочу ихъ видѣть... Безъ меня они ничто... Я одухотворяю этотъ мертвый міръ; я наполняю его счастьемъ и жизнью; я его творецъ и властелинъ... Когда нибудь всѣ люди поймутъ эту истину, поймутъ, что они единственная творческая сила на землѣ... Тогда всѣ будутъ свободны... не будетъ ни рабовъ, ни господъ...

— А до тѣхъ поръ?—спросила она.

— Нужно быть господиномъ!

— Всѣ хотятъ этого...

— Неправда!—воскликнулъ онъ.—Есть прирожденные ра-

бы... Огромное большинство людей несутъ добровольно иго рабства и боятся свободы.

— И я?—прошептала Зина.

— И вы... Зина, — сказалъ онъ вдругъ, первый разъ назвавъ ее по имени, — вы родились свободной, какъ и я... Зачѣмъ вы носите цѣпи?... Дайте мнѣ руку и пойдемъ вмѣстѣ въ океанъ жизни, въ которомъ мы хозяева...

Она машинально протянула ему руку, но онъ не взялъ руки, а всю ее привлекъ къ себѣ. Она не сопротивлялась; она была какъ въ чаду. Ей казалось, что въ немъ есть сила, которой невозможно противостоять...

Какъ скоро потомъ она убѣдилась, что это только была красивая внѣшность, подъ которой скрывалась пустота! Мыльный пузырь... Властелинъ міра оказался ничтожнѣйшимъ рабомъ ничтожнѣйшихъ мелочей. Вся эта стройная съ виду цѣльность міросозерцанія разрушилась мгновенно отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью. На другой же день онъ испугался того, что сдѣлалъ, узнавъ, что Зина сказала отцу, что уходитъ изъ его дома навсегда. Какимъ слабымъ, какимъ ничтожнымъ онъ оказался... Она увидѣла и поняла это не сразу. Но и тогда уже она почувствовала, какъ что то порвалось въ ея душѣ, что то разбилось и пропало, дорогое, священное... Пропала радужная мечта, исчезла любовь, поклоненіе... осталась жалость къ слабому, безпомощному человѣку, искусно исполнявшему роль героя на театральныхъ подмосткахъ жизни.

Ночной сторожъ, обходившій усадьбу, застучалъ своей колотушкой совсѣмъ близко подъ окномъ Зины. Дѣвушка вздрогнула, спустилась съ окна и смотрѣла въ темное пространство сада. Другой сторожъ, находившійся возлѣ хлѣбныхъ амбаровъ, откликнулся такимъ же стукомъ; третій, проводившій ночь у воротъ усадьбы, огороженной каменнымъ заборомъ по фасаду и высокимъ частоколомъ съ остальныхъ сторонъ, протяжно свистнулъ, чтобы показать, что и онъ бодрствуетъ. Эта перекличка ночныхъ сторожей и черная тьма сада съ черными тѣнями голыхъ деревъ, показались Зинѣ символами жизни. Всѣ отгораживаются, всѣ охраняютъ свое другъ отъ друга, и надъ всѣми царитъ безпросвѣтная тьма.

Она вздохнула, закрыла окно, зажгла свѣчи и углубилась въ свою тетрадь.

Она писала до разсвѣта и легла въ постель, когда на горизонтѣ показалась розовая полоска зари.

Глава VI.

Авдотья Павловна Магорина пріѣхала въ Незлобино на страстной недѣлѣ. Она и нѣсколькихъ часовъ не пробыла въ

своей усадьбѣ; только переодѣлась тамъ и тотчасъ отправилась къ Кариным.

Было около 10 часовъ утра, когда она быстро взбѣжала по лѣстницѣ мезонина, быстро вошла въ комнату Зины, крѣпко обняла ее и сейчасъ же расплакалась.

— Нѣтъ, нѣтъ,—говорила она, задыхаясь отъ быстраго бѣга,—не говори со мной, не спрашивай меня... Дай мнѣ поплакать... сколько хочется... Я нигдѣ не могу плакать такъ хорошо, какъ у тебя...

Зина усадила гостью на диванъ и гладила ея великолѣпные темные волосы, растрепавшіеся съ дороги.

— Что же случилось, Дуся? Скажи мнѣ, моя дѣвочка.

— Ахъ, если бы ты знала, какъ я несчастна... Я самый несчастный человѣкъ въ мірѣ... Постой, дай мнѣ наплакаться... И не ласкай меня... Нѣтъ, погоди...

Дуся спрятала лицо въ подушку и пролежала тихонько нѣсколько секундъ. Зина позвонила и сказала, чтобы имъ подали чаю.

— Мнѣ такъ много нужно разсказать тебѣ!—воскликнула вдругъ Дуся, приподнимаясь.

Ни въ голосѣ, ни на лицѣ ея уже не было ни слѣда слезъ.

— Какъ у тебя здѣсь хорошо,—продолжала она, оглядывая комнату,—и какъ у меня въ Незлобинѣ гадко!.. Счастливая... Все у тебя есть... Я пріѣхала сегодня въ телѣгѣ раннимъ утромъ... Когда для меня отбивали дверь, она слетѣла съ петель, а изъ дома на меня пахнуло такимъ запахомъ плѣсени и сырости, что я отшатнулась... Я даже боялась войти туда... Мнѣ вдругъ представилось, что весь домъ обрушится и задавитъ меня. Вѣдь ему сто лѣтъ!.. Я не знаю, что мнѣ дѣлать... Мнѣ нужно все лѣто прожить въ деревнѣ; я пригласила гостей, а тамъ совсѣмъ нельзя жить...

Въ голосѣ ея опять послышались слезы, но она еще не успѣла заплакать, какъ глаза ея снова смѣялись и все лицо освѣтилось улыбкой. Эти быстрые переходы отъ грусти къ веселью такъ мило отражались на ея подвижномъ, смугломъ лицѣ, что Зина невольно залюбовалась своей хорошенькой подругой.

— Ты такая хорошенькая,—сказала она,—что я не понимаю, почему твой Таха не любитъ тебя.

Дуся притащила подругу къ себѣ на диванъ, крѣпко обняла ее, потомъ сказала, садясь рядомъ съ ней:

— Не говори о немъ... Онъ мнѣ противенъ. Развѣ онъ понимаетъ, что значитъ любить кого нибудь!.. Онъ любитъ только себя. Чортъ съ нимъ... Онъ такая дрянь, о которой не стоитъ говорить... У меня есть новый знакомый... Съ нимъ,

кажется, можно будетъ подружиться, потому что онъ очень умный.

— И влюбленъ?

— Не знаю... Впрочемъ, кажется, да...

— А Таха ревнуетъ?

— Ради Бога, не называй его такъ... Я ненавижу это имя.

— Ты сама всегда такъ его называла.

— Неправда. Я его называю теперь всегда Евстафій Петровичъ, а Плѣнниковъ—это мой новый знакомый, извѣстный адвокатъ... ты вѣроятно слыхала о немъ... Впрочемъ, ты ничего никогда не знаешь... Плѣнниковъ называетъ его Птаха... По малорусски это значитъ птица. У него это выходитъ очень смѣшно... Онъ какъ то фыркаетъ губами... А Таха дѣйствительно похожъ на птицу. Въ особенности, когда сердится: онъ вытягиваетъ шею, поднимаетъ голову и стоитъ, какъ сторожевой гусь во время тревоги. Плѣнниковъ интересный... Я познакомилась съ нимъ на каткѣ нынѣшней зимой... Его зовутъ Викторъ... Правда, красивое имя?.. Викторъ Андреевичъ... Онъ съ перваго же вечера, когда мы катались на конькахъ, сталъ за мной ухаживать. Когда у меня расшатался конекъ, онъ всталъ передо мной на колѣни и, прежде чѣмъ поправить конекъ, началъ разсматривать мою ногу... Ты знаешь, что у меня очень маленькая нога... Ну, онъ и говоритъ, что никогда не видѣлъ такого крошечнаго ботинка... Я не могла сердиться, потому что онъ сдѣлалъ такое искренно изумленное лицо, точно онъ въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ нѣчто диковинное. Морда у него пребезобразная, но глаза страшно умные. И вообще онъ интересный; знаетъ весь городъ; про каждаго что нибудь разскажетъ, что нибудь смѣшное... Съ нимъ пріятно быть въ театрѣ, въ клубѣ. Я непремѣнно покажу его тебѣ. Онъ снимаетъ у меня дачу на лѣто въ Незлобинѣ... У него двѣ дѣвочки въ институтѣ и сестра... Съ женой онъ разошелся. Я хотѣла бы устроить ихъ у себя и я обѣщала ему. Теперь не знаю какъ быть?.. Тамъ нельзя жить... Не знаю, что дѣлать. Не съ кѣмъ посовѣтоваться; некому слова сказать... Господи, какая я несчастная... Ты и представить себѣ этого не можешь. У тебя отецъ опытный, умный человѣкъ... Онъ все знаетъ, а мой Птаха совершенный чурбанъ и, кромѣ своихъ бухгалтерскихъ книгъ, ничего не смыслитъ... Я такъ одинока, мнѣ иногда бываетъ такъ трудно... и даже пожаловаться некому... Да, улыбайся, тебѣ хорошо... У тебя все готовое... Посмотри, какая у тебя здѣсь комната... Ты здѣсь читаешь, пишешь, думаешь, а у меня нѣтъ своего угла... У меня до сихъ поръ нѣтъ своей комнаты. Я Богъ знаетъ какъ живу. Такъ хочется иногда быть богатой, независимой, не нуждаться вѣчно...

Иногда въ голову приходятъ самыя дикія мысли, а иногда бываетъ страшно тяжело... Ты не смотри, что я всегда веселая, смѣюсь, болтаю вздоръ... Это всѣмъ нравится, а о томъ, что у меня въ душѣ дѣлается, никто не подумаетъ... А мнѣ такъ бываетъ жутко, такъ все становится противно, что куда нибудь убѣжать хочется, въ монастырь...

— Но вѣдь у тебя это скоро проходитъ,—сказала Зина.

— А если бы не проходило, то я... удавилась бы!—воскликнула Магорина.

Злая нотка прозвучала въ ея голосѣ и по лицу скользнула тѣнь не то гнѣва, не то обиды. Зина встала, а Дуся легла на диванъ и закрыла глаза.

— Ты не вѣришь, что у меня это бываетъ серьезно?—сказала она упавшимъ голосомъ.

— А что, если въ самомъ дѣлѣ она страдаетъ?—подумала Зина. И она опять сѣла на диванъ, взяла руку подруги и, ласково пожимая ее, сказала:

— Мнѣ всегда казалось, что твои печали мимолетны, что онѣ нужны тебѣ для контраста, что онѣ тебѣ къ лицу... И всегда я любовалась твоей печалью и твоимъ весельемъ. Но я никогда еще не слышала отъ тебя такой жалобы, какъ сегодня. Я вижу, тебѣ въ самомъ дѣлѣ больно... Я вѣрю, Дуся, дѣвочка моя... Но если бы ты знала, какъ мнѣ не хочется вѣрить... Если бы ты знала, какъ мнѣ хотѣлось бы видѣть хоть одного веселаго, счастливаго человѣка!.. Неужели же совсѣмъ нѣтъ такихъ? Но тогда зачѣмъ же они всѣ живутъ и неужели нельзя жить иначе?..

Съ первыхъ же словъ Зины, съ первымъ же прикосновеніемъ ея руки, Дуся открыла глаза и удивилась, взглянувъ на подругу. Она словно только что увидѣла ее. Дусю поразила блѣдность Зины, необыкновенная тонкость линій ея лица и этотъ задумчивый взглядъ, которымъ она смотрѣла куда то въ пространство, ничего не видя. Дуся вдругъ совершенно забыла о себѣ, притихла, съежилась и, боясь пошевелиться, смотрѣла на Зину широко раскрытыми, немного испуганными глазами. Воспоминанія забытаго дѣтства вдругъ поднялись въ ея душѣ. Дуся осторожно встала, сѣла рядомъ съ Зиной и привлекла ея голову къ своей груди.

— Зиночка, отчего ты такая блѣдная? Тебѣ трудно живется, скажи?... Или ты больна? Не принимай такъ серьезно того, что я сказала. Ты все такая же, какой была въ дѣтствѣ... Помнишь, у насъ въ Незлобинѣ въ лѣсу на пчельникѣ жилъ такой сектантъ, лысый маленькій старикъ съ огромной бородой... И ты ходила къ нему, и все хотѣла сдѣлаться сектанткой и спорила съ нашимъ батюшкой о вѣрѣ... Помнишь, какъ ты ушла въ лѣсъ, и какъ тебя укусилъ шершень, и какъ

у тебя распухло все лицо... Ты и теперь все ходишь въ лѣсъ?..

— Да, я люблю лѣсъ,—сказала Зина,—и часто ухожу туда, только не нахожу теперь тамъ отвѣта на свои вопросы. И я думаю теперь не только о себѣ, но и обо всѣхъ людяхъ...

— Оставь это, Зина! Мы ничего не можемъ... Нужно понять, что мы ничего не можемъ, и жить какъ всѣ, какъ живется... вотъ и все. Сегодня плакать, завтра смѣяться... Ты просто больна. Тебѣ нужно непремѣнно лѣчиться... Посмотри, ты совсѣмъ больная... Посмотри, какія у тебя руки... а лицо блѣдное, блѣдное, какъ мраморъ, и совсѣмъ прозрачное. Я непремѣнно попрошу Котова заѣхать къ тебѣ... Онъ очень симпатичный и навѣрное поможетъ тебѣ.

— Я совсѣмъ здорова, увѣряю тебя,—сказала Зина, освобождаясь отъ ласкъ подруги.

Въ голосѣ ея уже не было тѣхъ внутреннихъ нотъ, которыя такъ растрогали Дусю. Она встала, подошла къ зеркалу, поправила прическу и сказала:

— А ты все еще кокетничаешь съ Котовымъ?

— Нѣтъ! Онъ сказалъ, что ему это надоѣло и даже перестало нравиться. Мы давно уже не встрѣчались...

Часы внизу въ столовой пробили полдень.

— Пойдемъ завтракать,—сказала Зина.

Но когда онѣ сошли внизъ, въ столовой еще ничего не было приготовлено. Горничная Маша встрѣтила ихъ, улыбаясь, и сказала, что Левъ Львовичъ велѣлъ ей перевести стрѣлку, чтобы поскорѣй увидѣть Авдотью Павловну. Каринъ въ это время сидѣлъ на балконѣ, и подруги вышли къ нему туда.

— Вы зачѣмъ обманываете?—сказала Дуся.

— А вы зачѣмъ забываете больныхъ и немощныхъ? Больного старика и знать не хотите. Наслушались видно тамъ разсказовъ моей дочери о томъ, какой я злобный, отвратительный старикъ, какой я тиранъ и проч. Только вѣдь все это неправда. Погодите же, дайте взглянуть на васъ... Красавица, съ каждымъ днемъ хорошѣете...

Онъ задержалъ въ своихъ рукахъ руку Дуси; крѣпко, нѣсколько разъ поцѣловалъ ее и, не выпуская руки, смотрѣлъ на Магорину блестящими глазами.

— Къ сожалѣнію, Зина ничего этого мнѣ не говорила,— отвѣтила, улыбаясь, молодая женщина.—Мы и совсѣмъ не говорили о васъ.

— Стоитъ ли обо мнѣ говорить... Удивительно я интересенъ двумъ молоденькимъ, цвѣтущимъ здоровьемъ и силой женщинамъ,—уныло произнесъ Каринъ.

Онъ выпустилъ, наконецъ, руку Авдотьи Павловны, откинулся на спинку кресла и съ обиженнымъ видомъ смотрѣлъ въ садъ.

— Не очень то у васъ цвѣтетъ Зина. Взгляните на нее. Она у васъ совсѣмъ зачахла. Эхъ, если-бы я была ваша дочь!...

— Я всегда была такая,—поспѣшно протестовала Зина.— Не понимаю, откуда ты взяла, что я нездорова.

Каринъ взглянулъ на Магорину съ рабьей улыбкой, потомъ метнулъ свирѣпый взглядъ на Зину и сказалъ, обращаясь къ Авдотьѣ Павловнѣ:

— Я бы вамъ покорялся во всемъ...

Онъ опять бросилъ злобный взглядъ на дочь, и Зина ушла въ комнату.

— Дуся,—продолжалъ Каринъ,—мнѣ очень хочется имѣть кого нибудь, кого бы я боялся, кто могъ бы прикрикнуть на меня... Но никто не можетъ покорить меня...

— Я васъ покорю!—смѣясь, сказала Дуся.

— Вы можете... Подойдите ко мнѣ, Дуся. Вы стали такая красавица, а я близорукъ. Мнѣ хочется лучше разсмотрѣть васъ...

Дуся подошла. Каринъ схватилъ ея руки и, крѣпко сжимая ихъ, смотрѣлъ на нее жадными глазами.

— Еще такъ недавно вы были маленькой дѣвочкой, которую я бралъ на колѣни,—сказалъ онъ.

— Не жмите мнѣ такъ больно рукъ...

— А, значитъ я еще силенъ!—воскликнулъ Каринъ, выпуская руки.—Какъ же вы будете меня покорять?

— А такъ, что сейчасъ уйду отъ васъ,—нахмурившись, сказала Дуся.

— Нѣтъ, Дуся, нѣтъ, не дѣлайте этого!.. Не уходите отъ меня...Я такъ давно васъ не видѣлъ, такъ соскучился по васъ.. Вспомните, когда вы были маленькая... Развѣ не былъ я всегда добръ къ вамъ? Развѣ я не баловалъ васъ, мою миленькую дѣвочку...

— Вы и тогда цѣловали меня гораздо больше, чѣмъ бы мнѣ хотѣлось. Однако мнѣ нужно съ вами посовѣтоваться.

Она сѣла поодаль, но Каринъ подкатился въ своемъ креслѣ на колесахъ близко къ ея стулу. Онъ сдѣлалъ серьезное лицо и приготовился слушать.

— Вы хорошо знаете нашъ домъ въ Незлобинѣ... Можно ли въ немъ жить, какъ вы думаете?

— Онъ совсѣмъ не годится... Его нужно сломать.

— Боже мой, что же мнѣ дѣлать! Научите меня, Левъ Львовичъ... Я сдала его на лѣто...

— Кому вы сдали?

Дуся назвала Плѣнникова.

— Этого если и задавить, такъ не бѣда,—замѣтилъ Каринъ.

— Не шутите, я васъ серьезно спрашиваю... Мнѣ такъ непріятно...

— Какая вы прелесть, когда у васъ грустное лицо!— воскликнулъ Каринъ и опять потянулся къ рукамъ Дуси.

— Господи! Почему мнѣ никто не вѣритъ, что я могу имѣть свои заботы и непріятности?—воскликнула Авдотья Павловна.

Она вскочила и быстрыми шагами сошла съ балкона въ садъ. Каринъ провожалъ ее глазами, любуясь стройной таліей молодой женщины, ея рѣшительной, протестующей походкой и развѣвавшимися отъ движенія локончиками волосъ. Онъ тянулся за ней, совсѣмъ высунувшись изъ кресла, и прислушивался къ шелесту ея шелковыхъ юбокъ, когда она скрылась въ аллеѣ.

Глава VII.

Неожиданный пріѣздъ Авдотьи Павловны взволновалъ населеніе маленькой Незлобинки. Это была бѣдная, старая крѣпостная деревушка, десятка въ три дворовъ. Примѣняясь къ излому ручья безъ названія, вливавшагося въ господскій прудъ, дворы были расположены угломъ въ одинъ рядъ. Одна сторона угла называлась «барская», потому что была расположена противъ барской усадьбы, а другую называли «лѣсной», потому что она выходила къ лѣсу. Лѣсная сторона, впрочемъ, имѣла еще и другое названіе—воровская, сохранившееся отъ тѣхъ временъ, когда господскій лѣсъ не былъ вырубленъ и незлобинцы пользовались имъ довольно свободно. Въ вершинѣ угла стояла маленькая хибарка, выстроенная наскоро изъ дерева и глины, гдѣ помѣщалась винная лавка Владиміра Моисеевича Финка, пріобрѣвшаго право жительства въ Нагорской губерніи при посредствѣ св. крещенія. Неподалеку отъ лавки, на лѣсной сторонѣ стоялъ на четырехъ столбахъ ветхій соломенный навѣсъ, подъ которымъ находился скелетъ телѣги, съ небольшимъ боченкомъ воды, давно когда то выкрашеннымъ красной краской. Это былъ пожарный сарай Незлобинки и ея пожарный обозъ. Все вмѣстѣ въ просторѣчіи называлось мѣстными обывателями «бочка».

Въ высшихъ сферахъ уѣздной администраціи о незлобинцахъ создалась дурная слава. Когда въ какомъ нибудь уѣздномъ учрежденіи, по случаю податей, продовольствія или засыпки магазиновъ, заходила рѣчь о Незлобинкѣ, исправникъ безнадежно махалъ рукой, земскій начальникъ сочувственно ему улыбался, и только податной инспекторъ смотрѣлъ вопросительно, какъ бы ожидая объясненій; но предсѣдатель считалъ вопросъ вполнѣ выяснившимся и переходилъ къ слѣдующимъ дѣламъ. Этимъ ироническимъ отношеніемъ къ не-

злобинцамъ были заражены и низшія инстанціи, такъ что и въ волостномъ правленіи о незлобинцахъ не говорили безъ маханія рукъ и улыбокъ. Даже сотникъ, жившій въ сосѣднемъ селеніи Пучинѣ, и тотъ становился иронически высокомѣрнымъ, когда передъ нимъ предстоялъ незлобинецъ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что и сами незлобинцы относились къ себѣ не безъ ироніи и когда, напримѣръ, какое нибудь начальство спрашивало мимоѣздомъ о состояніи полей, то старики конфузливо переглядывались и въ одинъ голосъ отвѣчали: «Какія у насъ поля, ваша милость!..»

Благодаря ничтожности своихъ земельныхъ владѣній, крестьяне Незлобина были избавлены отъ множества податныхъ непріятностей, и какъ сами незлобинцы, такъ и «органы взиманія» просто забывали о причитающихся съ Незлобина казенныхъ сборахъ.

Въ день пріѣзда Авдотьи Павловны незлобинцы заканчивали яровой посѣвъ. Вечеромъ они собрались къ «бочкѣ» потолковать по случаю пріѣзда барыни. Бочка была ихъ обычнымъ мѣстомъ частныхъ совѣщаній въ отличіе отъ оффиціальныхъ сходовъ, собиравшихся, по требованію начальства, на барской сторонѣ, возлѣ дома старосты, Якова Ивановича Сушкова.

Десятка два стариковъ окружили бочку, такъ что ее и не видно было за ними. Одни сидѣли по краямъ телѣги, другіе на колесахъ, третьи стояли, облокотившись на столбы навѣса. Висѣвшій на одномъ изъ нихъ грязный фонарь съ коптившей керосиновой лампочкой слабо освѣщалъ людей и предметы. Разговоръ шелъ лѣниво и совсѣмъ не касался того, что составляло главную заботу собравшихся. Но вотъ пришелъ староста Яковъ Ивановичъ и сразу поставилъ вопросъ прямо. На «бочкѣ» онъ, впрочемъ, держалъ свой знакъ въ карманѣ и ничѣмъ не отличался отъ прочихъ незлобинцевъ.

— Надумались покупать землю?—спросилъ Яковъ Ивановичъ, усаживаясь на передокъ телѣги.—Барыня пріѣхала, надобно кончать.

Всѣ безпокойно задвигались, перемѣнили позы, но молчали. Яковъ Ивановичъ—молодой, энергичный крестьянинъ давно и безповоротно рѣшилъ, что земля Магориной должна быть куплена всѣмъ обществомъ, и никакъ не могъ понять, почему другіе такъ долго колеблются да раздумываютъ въ такомъ ясномъ дѣлѣ.

— Сказываютъ, будто она продала ужъ все Ефанову,— сказалъ неувѣренно Ефимъ шорникъ, скрывавшійся въ темномъ углу навѣса. Очевидно, это было сказано только для того, чтобы завести разговоръ.

— Не можетъ она продать безъ нашего согласія,—авторитетно замѣтилъ Никола плотникъ, низенькій, широкопле-

чій крестьянинъ, у котораго крѣпко засѣло убѣжденіе, что барыня только въ такомъ случаѣ можетъ продать Незлобино, если они всѣмъ обществомъ заявятъ, что они отъ этой покупки отказываются.

— Не можетъ,—повторилъ онъ,—окончательно не имѣетъ права.

Какъ бывало уже не разъ въ подобныхъ случаяхъ, Николѣ возразилъ писарь Сидоръ Ивановичъ Шаровъ.

— Никакихъ такихъ правъ нѣтъ,—заявилъ онъ.—Кому захочетъ, тому продастъ.

— А ты вотъ что скажи: сколько лѣтъ мы этой землей владаемъ?—настаивалъ на своемъ Никола.

— Сколько бы ни владѣли, все одно: ея земля, а не наша.

— Стало по твоему такъ: мы съ непамятныхъ временъ ее пашемъ, а ее безъ нашего спроса и вѣдома другому продать можно.

Нѣсколько человѣкъ, видимо сочувствовавшихъ Николѣ, подошли къ нему ближе.

— Можетъ... Я вѣрно знаю, — отвѣтилъ Сидоръ Ивановичъ.—Кому хочетъ, тому и продастъ... И спрашивать не станетъ...

— Чужому человѣку?—спросилъ Никола.—Откуда ни есть придетъ чужой человѣкъ и купитъ? Такъ ты говоришь?

Толково грамотный, часто бывавшій въ городѣ сельскій писарь Сидоръ Ивановичъ хотя и былъ убѣжденъ въ неоспоримости правъ помѣщицы, но тревожныя сомнѣнія не чужды были его душѣ, также какъ и всѣмъ прочимъ незлобинцамъ. Онъ не разъ уже обращался съ вопросами объ этомъ волновавшемъ всѣхъ предметѣ къ разнымъ лицамъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ городѣ: въ казначействѣ, въ земской управѣ, у нотаріуса... Всюду посмѣивались надъ его вопросами и говорили ему тѣ же слова, которыя онъ потомъ повторялъ у себя въ деревнѣ. Староста Яковъ Ивановичъ никогда не говорилъ при всѣхъ объ этомъ предметѣ, но въ душѣ также склонялся въ пользу ограниченія правъ Магориной.

Когда общій говоръ прекратился, староста сказалъ:

— Я объ томъ говорю, что намъ землю надобно купить крѣпостнымъ порядкомъ. Объ этомъ намъ говорить нужно...

— Стало быть объ этомъ!—отвѣтили нѣсколько голосовъ.

— Не стоитъ намъ ее покупать! Лучше объ казенной землѣ ходатайствовать... На казенную землю перейти...

Такое рѣшительное мнѣніе высказалъ тоненькимъ голоскомъ круглолицый, безбородый Быстровъ, сидѣлецъ въ винной лавкѣ Финка. Онъ всегда былъ противъ покупки земли, потому что разсчитывалъ самъ взять ее въ аренду и потомъ отъ себя сдавать крестьянамъ.

— Кто у тебя тогда вино пить станетъ?—замѣтилъ Никола плотникъ, ненавидѣвшій Быстрова всѣми силами своей пылкой души.

— Ты останешься,—сказалъ кто то.

Всѣ засмѣялись; но Быстровъ поспѣшилъ заявить, что онъ также переселится вмѣстѣ со всѣми.

— Что намъ связываться съ ней, съ землей... Плохая земля...—продолжалъ онъ.—Кабы земля хорошая, да кабы деньги были!.. Кабы денежки лежали въ сундукѣ...

— У тебя хватитъ,—замѣтилъ кто то.

— Я не про себя говорю. Я обо всемъ обществѣ радѣю...

— Радѣтель!..—проворчалъ Никола.

— Кабы денежки въ карманѣ лежали,—продолжалъ между тѣмъ Быстровъ,—вынуть, да отдать не трудно. А ежели ихъ нѣтъ,—гдѣ взять? Вы про цѣну то спрашивали? Какая ей цѣна? Слыхали, чай, сколько Каринъ за лукьяновскую землю платилъ? На каждую десятину 65 рублей ляжетъ... Примѣрно я говорю... Ежели ты, примѣрно, десять десятинъ на дворъ возьмешь, съ тебя 650 рубликовъ... 650 рублей!.. Похвалитесь, старички, у кого изъ васъ въ сундукѣ 650 рублей припасено, чтобы за землю отдать?..

Никто не отвѣтилъ Быстрову.

— Такъ то, не больно хвалитесь!—воскликнулъ онъ и, сознавая себѣ побѣдителемъ, подвинулся ближе къ фонарю и всталъ, облокотившись на бочку.

— Зря говоришь, Федоръ Васильевичъ!—замѣтилъ староста, обращаясь къ Быстрову.—Что объ деньгахъ говорить...

Сочувственные голоса тотчасъ же поддержали старосту.

— Какія деньги!..

— Муки купить не на что!

— Хватилъ, 650 рублей!..

— Деньги банкъ дастъ,—продолжалъ староста.—Намъ не объ деньгахъ говорить... Денегъ не много потребуется. Главное дѣло намъ согласиться нужно между собой, всѣмъ обществомъ... Приговоръ составить, полномочныхъ выбрать и дѣло кончать... Зачѣмъ зря говорить—650 рублей!.. народъ смущать... У кого этакія деньги могутъ быть?

— Я примѣрно говорю, примѣрно,—оправдывался Быстровъ.

— Не пищи! Дай человѣку слово сказать!—сердито перебилъ его Никола.

Но Яковъ Ивановичъ больше ничего не сказалъ, потому что въ это время къ навѣсу подошелъ Петръ Силычъ Линяевъ. Онъ снялъ шапку и поздоровался; всѣ окружили его и каждый спѣшилъ пожать ему руку. Когда обмѣнъ привѣтствіями и рукопожатія кончились, Линяевъ всталъ возлѣ фонаря; всѣ придвинулись къ нему и приготовились слушать. Только Бы-

стровъ, поздоровавшись съ пришедшимъ, возвратился на прежнее мѣсто къ бочкѣ.

Линяевъ рѣзко отличался отъ своихъ однодеревенцевъ, хотя былъ кореннымъ обывателемъ Незлобина. На немъ было городское платье—пиджакъ, жилетъ и штаны на выпускъ, фуражка съ блестящимъ козырькомъ и наброшенное на плечи черное пальто. Своей одеждой онъ до такой степени не подходилъ къ незлобинцамъ, въ грязныхъ рубахахъ, рваныхъ штанахъ, въ истоптанныхъ лаптяхъ съ запыленными онучами, а то и безъ всякой обуви, что каждый, кто взглянулъ бы со стороны на эту группу, ни за что не подумалъ бы, что стоявшій подъ фонаремъ человѣкъ въ пиджачной парѣ и окружающіе его оборванцы говорятъ другъ другу ты и принадлежатъ къ одному классу общества. Но всѣ собравшіеся въ пожарномъ сараѣ давно привыкли къ этому контрасту и даже гордились своимъ однообщественникомъ, который, когда приходило время, появлялся въ своей маленькой деревенской избѣ, снималъ городскія одежды и, отличаясь отъ другихъ только сапогами вмѣсто лаптей, ходилъ за сохой въ своемъ полѣ также какъ и всѣ незлобинцы. Левъ Львовичъ отпускалъ его нѣсколько разъ въ годъ къ семьѣ во время экстренныхъ сельско-хозяйственныхъ занятій.

— Что, Петръ Силычъ, видалъ ты барыню?—спросилъ староста.

— Видалъ,—отвѣтилъ Линяевъ и покачалъ головой.

— Что, какъ?

— А вотъ что: деньги нужны. Срокъ подходитъ ей въ банкъ платить, а денегъ нѣтъ.

Петръ Силычъ развелъ руками. Онъ зналъ, что отъ него ждали совсѣмъ не такого слова, но онъ не любилъ затягивать дѣло.

— Въ двѣ недѣли сроку нужно двѣсти рублей собрать... Необходимо непремѣнно... Потому что безъ уплаты въ срокъ весь участокъ съ аукціона продадутъ...

— Такъ!—сказалъ Никола.

Среди общаго молчанія послышалось нѣсколько глубокихъ вздоховъ. Слово аукціонъ было страшное слово, не возбуждавшее никакихъ сомнѣній. Всѣ признавали, что, если дѣло дойдетъ до аукціона, то Незлобино можетъ купить каждый, кто дастъ больше, что незлобинцамъ въ этомъ состязаніи не устоять и что «непамятныя времена» ничего не помогутъ.

Когда только что передъ этимъ требовали сумму въ 650 рублей на дворъ, то это была столь явная несообразность, что надъ нею можно было шутить и смѣяться; теперь же предъявлялось маленькое, но неотложное требованіе, всего какихъ нибудь 7—8 рублей съ двора, съ указаніемъ опредѣленнаго

срока. Тутъ было надъ чѣмъ призадуматься. Каждому пришлось мысленно заглянуть въ свое хозяйство и сообразить, что тамъ еще есть, что можно было бы превратить въ деньги. Трудно было прокормиться до новаго урожая, который, къ счастью, обѣщалъ быть хорошимъ; но съ этой заботой кой какъ справились; ресурсы, необходимые для покупки муки, были болѣе или менѣе выяснены: одинъ рѣшилъ продать овецъ, другой—«заложить» сына, третій самъ надѣялся достать денегъ подъ лѣтнюю работу, четвертый замыслилъ продать корову, пятый рѣшилъ отказаться отъ части земли и передать ее другому, шестой надѣялся призанять денегъ у знакомаго человѣка въ городѣ и т. д. И вдругъ всѣ разсчеты нужно было начинать съизнова. Сколько колебаній, размышленій, тревоги и тяжкихъ вздоховъ предшествовали принятому раньше рѣшенію. И безъ того каждый ожидаемый рубль долженъ былъ обойтись вдвое дороже своей стоимости. Свѣжія раны снова раскрылись; прибавилась новая забота. Это была своя кровная забота, отъ которой некуда было уйти. Ее нужно было носить съ собой, постепенно привыкая къ ея тяжести, въ избѣ, за телѣгой въ дорогѣ, за плугомъ въ полѣ, за бороной, бросая въ землю, голодомъ сбереженныя для посѣва, зерна.

Человѣкъ молчитъ, а забота грызетъ его неотступно. Молча онъ возвращается съ поля, молча въѣзжаетъ во дворъ, молча выпрягаетъ лошадь, молча садится за столъ... Но когда замычитъ возвращающаяся съ пастьбы корова, судьба которой молча рѣшается въ его душѣ, тогда его словно кто ножемъ рѣзнетъ по сердцу. А онъ молчитъ, все молчитъ, одинъ съ своей неизбывной заботой...

Неохота быть на міру въ такія трудныя минуты...

Петръ Силычъ заговорилъ на другую тему. Онъ разсказалъ, что Каринъ по просьбѣ барыни, прислалъ его сюда, чтобы заняться ремонтомъ господскаго дома, такъ какъ лѣтомъ пріѣдутъ какіе то господа, да и сама Авдотья Павловна намѣрена провести лѣто въ деревнѣ. Все это выслушали равнодушно и собрались расходиться, да все какъ то нерѣшительно топтались на мѣстѣ.

— А касательно покупки земли говорилъ?—спросилъ староста Яковъ Ивановичъ, который, будучи болѣе зажиточнымъ человѣкомъ, неособенно огорчился требованіемъ Магориной.

Этотъ вопросъ теперь не возбудилъ почти никакого любопытства. Незлобинцы стали медленно расходиться и уже на пути услышали отвѣтъ Линяева.

— Объ этомъ что говорить; она согласна продать, только бы намъ между собой согласиться.

— Хе, хе!—засмѣялся тоненькимъ голоскомъ Быстровъ, отходя отъ бочки.—Покупатели!

Никто не отвѣтилъ ему; никто даже не оглянулся. Пожарный сарай опустѣлъ. Тогда, дремавшій подъ телѣгой на соломѣ, ночной сторожъ Панфиловъ проснулся отъ внезапно наступившей тишины. Это былъ николаевскій инвалидъ съ деревянной ногой, весь заросшій лохматыми сѣдыми волосами. Онъ выбрался изъ подъ телѣги, вышелъ изъ подъ навѣса и поглядѣлъ на темно синее небо, усыпанное яркими звѣздами. Гдѣ то запѣли пѣтухи. Панфиловъ вернулся къ бочкѣ, сильно постучалъ по ней своей толстой палкой и опять завалился на солому. Старая лохматая собака, спавшая въ его ногахъ, также проснулась и выходила съ нимъ изъ подъ навѣса; понюхала воздухъ, лѣниво буркнула что то про себя и вернулась на свое мѣсто раньше хозяина.

Глава VIII.

Сельскій писарь Сидоръ Ивановичъ Шаровъ, запасный унтеръ-офицеръ и крестьянинъ деревни Незлобиной, жилъ на самомъ краю лѣсной стороны въ маленькомъ, совсѣмъ новенькомъ домѣ, срубленномъ изъ чистаго лѣса и привезенномъ съ верховьевъ Волги или Камы на плотахъ. Быстровъ также жилъ на лѣсной сторонѣ и Шаровъ шелъ рядомъ съ нимъ, молча слушая ироническія замѣчанія относительно намѣреній крестьянъ купить землю.

— Народишко безсодержательный... пустыя болтушки... На ногахъ лаптишки истрепались—привязать не за что... Покупатели!.. Поглядишь на нихъ, чѣмъ живы невѣдомо... Изъ отрубей пироги пекутъ.... Покупатели!.. Сохрани Богъ, съ этакимъ народомъ землей связываться... въ петлю лѣзть...

Не объ этомъ думалъ Шаровъ; онъ пропускалъ мимо ушей слова Федора Васильевича и молчалъ, занятый своими мыслями. Только когда они подходили къ воротамъ Быстрова, Сидоръ Ивановичъ спросилъ:

— Про какую казенную землю ты давеча говорилъ?

Быстровъ не ожидалъ этого вопроса; онъ остановился, развелъ руками и сердито сказалъ:

— Мало ли ихъ земель казенныхъ!.. Хлопотать надо... Безъ хлопотъ земля не выростетъ. Самъ ты, чай, знаешь лучше меня... Въ Сибири земля есть, за Кубанью, на Амурѣ, всюду казенныхъ земель много... Главное дѣло исхлопотать надо... Ходатайствовать...

Видно было, что онъ самъ плохо знаетъ то, о чемъ говоритъ, и что онъ никогда не думалъ надъ вопросомъ, который ему задалъ Шаровъ.

— Время мы нынче зря провели—сказалъ онъ, помолчавъ немного.—Пѣтухи, вонъ, поютъ, спать пора...

Быстровъ вошелъ въ свой дворъ.

Сидоръ Ивановичъ гораздо серьезнѣе относился къ вопросу о казенной землѣ. Онъ вычиталъ недавно въ губернскихъ вѣдомостяхъ, что не на Амурѣ, а гдѣ то совсѣмъ близко возлѣ Незлобина, въ Досѣкинской волости есть какая то казенная земля участокъ № 16 и что онъ сдается крестьянамъ.

Войдя въ свою избу, онъ зажегъ лампу и сталъ искать привезенный изъ города еще зимой номеръ губернскихъ вѣдомостей.

Вся внутренность домика Шарова состояла изъ маленькихъ сѣней съ кладовой и одной комнаты съ большой русской печью. Сбоку возлѣ печи были прилажены широкія нары, завѣшенные розовой ситцевой занавѣской: это была спальня. Въ остальной части комнаты съ двумя окнами на улицу стоялъ большой столъ, въ углу, подъ образомъ; возлѣ окна былъ другой маленькій столикъ; а въ промежуткѣ между двумя окнами висѣла бѣлая липовая полка съ бумагами и книгами; въ углу стоялъ крошечный темно коричневый шкапъ съ посудой; рядомъ съ нимъ кованный сундукъ съ большими розовыми букетами; возлѣ стола скамья и два табурета, вотъ и вся обстановка маленькой, но чисто убраной комнаты. Прошлой осенью только былъ поставленъ здѣсь этотъ бѣлый домикъ, рѣзко выдѣлявшійся среди почернѣвшихъ избъ Незлобина. Шаровъ купилъ его на деньги, полученныя въ приданое за молодой женой, Настей, дѣвушкой изъ сосѣдняго Пучина. Настя была сирота; она четыре года прослужила въ горничныхъ у Карина и скопила все свое жалованье за это время. Въ минувшій мясоѣдъ она вышла замужъ за Шарова, которому еще до свадьбы отдала всѣ свои сбереженія на устройство дома, переселилась на свое хозяйство, чтобы начать новую самостоятельную жизнь.

Сидоръ Ивановичъ отыскалъ, наконецъ, между бумагами измятый номеръ газеты и сѣлъ къ столу, чтобы еще разъ внимательно перечитать, что тамъ было написано про казенную землю. Настя давно уже тихонько слѣдила за нимъ, выглядывая изъ за занавѣски. Она не спала, когда вернулся мужъ, потому что и ее волновалъ вопросъ о покупкѣ земли у Магориной. Ей хотѣлось спросить Сидора, что рѣшили старики, но озабоченный видъ мужа, а также возможность наблюдать за нимъ незамѣтно остановили ее. Между тѣмъ Сидоръ разложилъ передъ собой газету, нашелъ интересующее его мѣсто и сталъ читать. Онъ внимательно вчитывался въ каждое слово, водя по строчкамъ пальцемъ и для большей вразумительности качалъ головой вверхъ и внизъ.

Настѣ надоѣло видно лежать въ неловкой позѣ и она осторожно поправилась, не спуская глазъ съ мужа. Но въ ком-

натѣ было такъ тихо, что Сидоръ Ивановичъ услышалъ легкій шорохъ за занавѣской и оглянулся. Настя не успѣла спрятаться, да можетъ быть и не спѣшила, и онъ увидѣлъ ея молоденькое, красивое личико. Окруженное рамкой русыхъ волосъ, въ изобиліи выбившихся изъ подъ съѣхавшей на затылокъ голубой повязки, оно смотрѣло на Сидора большими темно карими, лукаво смѣющимися глазами. Нѣсколько мгновеній, молча улыбаясь, они смотрѣли другъ на друга.

— Ты что подглядываешь за мной? чего не спишь?— спросилъ Сидоръ, невольно любуясь женой.

— Что мнѣ одной спать?.. У меня мужъ есть!—отвѣтила скороговоркой Настя и скрылась за занавѣской.

Сидоръ подошелъ къ женѣ, откинулъ занавѣску и сѣлъ на постель. Настя выглянула изъ подъ одѣяла, близко придвинулась къ мужу, положила голову къ нему на колѣни и сказала:

— Разсказывай, какъ землю-то купили.

Глава IX.

Незлобинскій господскій домъ былъ очень запущенъ; не настолько однако, чтобы въ немъ нельзя было жить. Въ первыхъ числахъ мая работы по его ремонту были закончены. Въ воскресенье утромъ Петръ Силычъ доложилъ объ этомъ Карину, а послѣдній самъ пожелалъ поѣхать въ Незлобино, чтобы посмотрѣть домъ.

Онъ ѣздилъ въ большомъ рессорномъ тарантасѣ, въ которомъ вмѣсто сидѣнья устанавливали особое кресло съ подушками. Левъ Львовичъ взялъ съ собой своего ключника, для котораго впереди была поставлена маленькая скамеечка.

Отъ Каринскаго хутора до Незлобина было по проселочной дорогѣ верстъ восемь; въ одномъ мѣстѣ приходилось ѣхать по межѣ между своей землей и Магоринской. Сравненіе крестьянскихъ хлѣбовъ, посѣянныхъ на его землѣ, съ хлѣбами незлобинцевъ, привело Карина въ хорошее настроеніе.

— Смотри, Петръ, какова наша земля, а какова ихняя!— сказалъ онъ, забывая, что Петръ Силычъ также незлобинскій крестьянинъ.—У нихъ песочекъ да бугорочки... На песочкахъ то рожь тоненькая, тоненькая... У нихъ она даже и въ нынѣшнемъ году не очень то красна.

— Ничего ржи... Ржи нынче вездѣ хороши,—сказалъ Линяевъ.

— А какъ ты полагаешь, сколько стоитъ ея земля? Вы вѣдь ее купить собирались... Я такъ думаю, что за нее и сорока рублей много... А? Какъ ты думаешь?

— Слухъ есть будьто Ефановъ ее купить хочетъ,—сказалъ Петръ Силычъ.

Каринъ даже повернулся въ креслѣ отъ изумленія и негодованія.

— А ему здѣсь что нужно?.. Экая каналья. Онъ половину уѣзда скоро захватитъ... Чего же ваши мужики смотрятъ?.. Вотъ имъ бы ее купить слѣдовало. Кромѣ нихъ она никому не подходитъ... Вѣрно говорю... Ты бы внушилъ имъ покупать... А? Чего медлятъ?

Онъ подозрительно поглядѣлъ на Линяева.

— Силъ нѣтъ... Маломощный народъ...

— Гм... Всетаки говорили объ этомъ?

— Человѣка два изъ богатыхъ закидывали, а прочіе и вниманія не обращаютъ...

Кучеръ Василій, чутко прислушивавшійся къ этому разговору, повернулся, чтобы поглядѣть на Линяева, но увидѣлъ только донышко его шапки и сердито ударилъ лошадей вожжами.

— Ефановъ также не купитъ,—сказалъ Каринъ.—Ему здѣсь земля не нужна.

— Слухъ есть, будто бы здѣсь линія желѣзная пройдетъ?..—замѣтилъ Петръ Силычъ.

— Ты отъ кого слышалъ?

— Плотникъ изъ города говорилъ.

— Плотникъ? Откуда плотникъ можетъ знать объ этомъ. Вздоръ, никакой тутъ линіи не будетъ.

Линяеву послышалось, что въ голосѣ Карина звучитъ раздраженіе. Левъ Львовичъ дѣйствительно былъ недоволенъ тѣмъ, что мужики все знаютъ, что обо всемъ у нихъ разговоры идутъ, гдѣ бы что ни случилось.

— Кто это у васъ вздорные слухи распускаетъ? Ворона на хвостѣ приноситъ, что ли?—сказалъ онъ, уже не скрывая своего неудовольствія. Каринъ зналъ, что здѣсь проектируется рельсовый путь, но не могъ допустить, чтобы и мужики знали объ этомъ.

— Дѣйствительно, ваше пр-ство,—спѣшилъ успокоить его Линяевъ, — многое люди прямо отъ себя болтаютъ... Зря, ваше пр-ство...

— Удивительное дѣло!.. Надо же выдумать такую глупость... Линія Богъ знаетъ гдѣ пройдетъ, за пятьдесятъ верстъ отсюда... Дурачье!

— Всетаки, стало быть, линія будетъ? — не утерпѣлъ Линяевъ.

Левъ Львовичъ строго взглянулъ на него и ничего не отвѣтилъ.

Въ это время они подъѣзжали къ Незлобину. Чтобы

загладить свою оплошность, Петръ Силычъ поспѣшилъ отвлечь вниманіе барина въ другую сторону.

— Изволите видѣть, ваше пре-ство,—сказалъ онъ,—новенькій домокъ? Это Настасья съ мужемъ поставили... На бѣлянѣ купили.

Когда тарантасъ поровнялся съ домомъ Шаровыхъ, Левъ Львовичъ велѣлъ кучеру остановиться и послалъ Линяева вызвать къ нему Настю. Онъ хотѣлъ распечь ее за то, что она не пришла къ нему передъ свадьбой за благословеніемъ, а главное—хотѣлъ взглянуть на ея хорошенькое личико. Онъ приготовился сказать ей цѣлую рѣчь на тему о неблагодарности. Но, когда молодая женщина вышла и, поклонившись барину, остановилась въ двухъ шагахъ отъ тарантаса, нарядная и цвѣтущая, онъ только смотрѣлъ на нее молча, пораженный ея красотой. Ему показалось, что она теперь стала гораздо красивѣе, чѣмъ была раньше.

Настя, поздоровавшись, стояла, сложивъ руки на груди, съ серьезнымъ лицомъ, но съ насмѣшливо улыбающимися глазами.

— Ты отчего къ намъ не приходишь?—спросилъ Левъ Львовичъ.

— Зачѣмъ мнѣ приходить?

Каринъ не зналъ, что отвѣтить на этотъ прямой вопросъ, и потому разсердился.

— Зачѣмъ? Дура... Десять лѣтъ жила въ домѣ и спрашиваешь зачѣмъ.

— Я четыре года жила,—поправила Настя.

— Барышню провѣдать... меня пожалѣть...—сказалъ, смягчаясь, Каринъ.

Настя улыбнулась.

— Поди сюда... Подойди ко мнѣ... Поправь мнѣ подушку... Ты знаешь, какъ нужно...

Настя встала на подножку тарантаса и стала оправлять дѣйствительно сбившіяся на сторону подушки.

— Ты все знаешь, плутовка... все теперь знаешь... А?.. Такъ, такъ... Подальше, подальше... Еще пониже... вотъ такъ, такъ, такъ...

Когда Настя кончила, онъ схватилъ ее за талію и хотѣлъ поцѣловать. Но молодая женщина вырвалась изъ его рукъ и опять встала поодаль въ прежней позѣ, и опять смѣялась только глазами.

— Э—эхъ ты, дурочка,—сказалъ Каринъ.—Ты бы лучше опять къ намъ поступила...

— Я у мужа живу,—отвѣтила Настя.

— Съ мужемъ!.. Я тебя съ мужемъ возьму... Ты пришли его ко мнѣ... Онъ умнѣе тебя, а?

Настя молчала.

Петръ Силычъ, ходившій взглянуть, исправна ли плотина, по которой нужно проѣхать къ барскому дому, вернулся, и Каринъ приказалъ Василію ѣхать дальше.

— Барышнѣ Зинаидѣ Львовнѣ отъ меня поклонъ передайте,—сказала, кланяясь, Настя.

— А ты сама приди, дурочка... Слышь, непремѣнно приходи!..

Онъ прищурилъ глаза и засмѣялся; потомъ погрозилъ ей пальцемъ.

Когда подъѣхали къ усадьбѣ Магориной, Каринъ мелькомъ взглянулъ на домъ, которымъ очень мало интересовался, и приказалъ ѣхать дальше. Онъ рѣшилъ осмотрѣть все имѣніе Авдотьи Павловны: и ветхія зданія службы, и выгонъ, и мельницу, и лѣсъ. Левъ Львовичъ такъ привыкъ къ мысли, что Незлобино достанется ему, что осматривалъ все съ такимъ видомъ, какъ бы онъ былъ уже здѣсь хозяиномъ. Раньше онъ хотѣлъ ждать, что Незлобинка сама придетъ къ нему, но сегодня онъ рѣшилъ взять ее немедленно. У него быстро составился планъ будущаго хозяйства въ Незлобинкѣ. Настя будетъ здѣсь хозяйкой; ея мужъ приказчикомъ, завѣдующимъ всѣми дѣлами незлобинскаго имѣнія, а онъ, Каринъ, станетъ пріѣзжать сюда, чтобы скрываться отъ ненавистнаго шпіонства дочери. Ему казалось въ это время, что вся жизнь его отравлена ея вѣчнымъ присутствіемъ, ея кислымъ лицомъ, ея добродѣтелью и вѣчно недоумѣвающими взорами.

Между тѣмъ тарантасъ остановился возлѣ большого оврага, съ выступами камня на склонахъ. По этимъ камнямъ Левъ Львовичъ опредѣлялъ, что здѣсь должна быть какая нибудь руда. Онъ также хотѣлъ удостовѣриться—и послалъ для этого Петра Силыча въ оврагъ,—есть ли тамъ родникъ. Когда Линяевъ вернулся изъ оврага съ утвердительнымъ отвѣтомъ, Каринъ сказалъ.

— Я куплю Незлобино.

Это неожиданное заявленіе такъ поразило Петра Силыча и Василія, что они невольно переглянулись. Потомъ Линяевъ, чтобы скрыть свое смущеніе, нагнулся и сталъ очищать приставшіе къ его платью сухіе листья и колючки. Василій не могъ усидѣть на козлахъ отъ волненія. Онъ бросилъ возжи, спустился съ козелъ и пошелъ къ лошадямъ, самъ не зная зачѣмъ. Но Каринъ, увлеченный своими планами, не замѣтилъ ихъ смущенія.

— Какъ ты мнѣ посовѣтуешь?—спросилъ онъ, когда Линяевъ опять всталъ передъ нимъ и спокойно смотрѣлъ на барина.

Стоявшій впереди лошадей Василій съ замираніемъ сердца ждалъ отвѣта Петра Силыча.

— Дѣйствительно, слѣдуетъ купить,—твердо сказалъ Линяевъ.

— Ухъ!—крикнулъ Василій и ударилъ кулакомъ по концу дышла такъ, что весь тарантасъ дрогнулъ. Но никто не обратилъ вниманія на этотъ неожиданный возгласъ и Василій возвратился на свое мѣсто.

— А какъ же ты говорилъ, что земля плохая, а?—спросилъ Каринъ.

— Земля точно плохая, ваше пр-ство... Земля мужицкая,—сказалъ Линяевъ.

— Земля тутъ, ваше пр-ство,—сказалъ вдругъ, оглядываясь съ козелъ, Василій,—непригодная, одинъ песокъ... какая тутъ земля... По хорошему году сорока пудовъ ржи не набьешь... вотъ какая земля...

— Дѣйствительно, плохая земля...—подтвердилъ еще разъ Линяевъ.

— Такъ зачѣмъ же ты мнѣ купить совѣтуешь?

— Какая цѣна, ваше пр-ство? Цѣна дѣло опредѣляетъ. Примѣрно сказать...

Линяевъ длинно и скучно распространился на тему о взаимной зависимости между качествомъ земли и ея цѣнностью и утомилъ Карина своими разсужденіями и примѣрами. Левъ Львовичъ перебилъ его и приказалъ ѣхать домой.

Дорогой молчали. Каждый былъ погруженъ въ свои думы. Каринъ мечталъ о Настѣ, представляя ее себѣ во всевозможныхъ соблазнительныхъ видахъ; Линяевъ раздумывалъ о томъ, какъ приспособиться къ новому положенію вещей, и старался припомнить, что говорилъ Быстровъ о казенной землѣ; а Василій никакъ не могъ справиться съ своимъ волненіемъ, которое отражалось на лошадяхъ. Старымъ, привыкшимъ къ нему лошадямъ трудно было угадать, чего онъ отъ нихъ хочетъ: онъ и говорилъ имъ не то, что слѣдуетъ, и дергалъ безъ толку возжами, и безпрестанно грозилъ кнутомъ. Вопросъ о незлобинской землѣ представлялся ему уже окончательно рѣшеннымъ. Имъ овладѣлъ какой то суевѣрный ужасъ. Ему казалось, что этотъ больной, всесильный и жестокій человѣкъ закабалитъ Незлобино на вѣки вѣчные...

Глава X.

Въ Николинъ день 9 мая Петръ Силычъ поѣхалъ въ городъ, чтобы сообщить Магориной, что ремонтъ дома оконченъ. Вмѣстѣ съ нимъ отправился и Сидоръ Ивановичъ, который везъ барынѣ общественныя деньги, собранныя съ великимъ трудомъ незлобинцами.

Вѣсть о томъ, что Каринъ осматривалъ имѣніе и покупаетъ Незлобино, проникла въ каждую избу и поселила въ сердцахъ крестьянъ такую панику, что, собравшись въ пожарномъ сараѣ, они единогласно постановили купить землю у Авдотьи Павловны, а пока что—выпросить у нея такую бумагу, въ которой было бы сказано, что земля не будетъ продана никому другому. Замѣчательно, что когда покупателемъ являлся Каринъ, никому и въ голову не пришло надѣяться на какія то свои права. Въ тревожномъ воображеніи незлобинцевъ Каринъ рисовался какимъ то злымъ колдуномъ, который можетъ сдѣлать все, что захочетъ, и для котораго не существуетъ никакихъ законовъ и правъ.

Когда Линяевъ и Шаровъ пріѣхали въ городъ, писарь, озабоченный казеннымъ участкомъ № 16, передалъ деньги Петру Силычу, а самъ ушелъ отыскивать знакомаго человѣка, служившаго разсыльнымъ въ земской управѣ. Линяевъ одинъ отправился къ Магориной. Онъ два раза заходилъ къ ней, но она спала, и онъ рѣшилъ тогда справиться раньше съ разными порученіями Льва Львовича.

Авдотья Павловна проснулась поздно и была очень дурно настроена. Вчера она была до 2 часовъ ночи въ клубѣ и проиграла на зло мужу свои послѣднія деньги. Дома произошла жестокая ссора, закончившаяся истерикой; утро началось сильнѣйшей головной болью, а затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ непріятностей. Въ то же время на сегодня была назначена майская прогулка на пароходѣ, въ которой принималъ участіе весь высшій свѣтъ Нагорска.

Авдотья Павловна была одна. Мужъ раннимъ утромъ отправился на охоту; дѣти, мальчикъ и дѣвочка, ушли съ няней къ бабушкѣ. Осталась только кухарка Ольга. Она явилась съ недовольнымъ видомъ, какъ только проснулась барыня, и подала ей письмо, съ печатнымъ штемпелемъ мануфактурно-галантерейной торговли А. К. Ефанова. Дуся тотчасъ же вспомнила нелѣпую вчерашнюю исторію въ клубѣ, чуть не кончившуюся крупнымъ скандаломъ.

— Никогда не давай мнѣ писемъ, когда у меня болитъ голова!—сердито крикнула Дуся.

Сидя на кровати въ одной сорочкѣ, она терла високъ мигреневымъ карандашемъ. Ольга стояла насупившись. Ей было обѣщано, что ее съ утра отпустятъ на весь день, а между тѣмъ было уже 12 часовъ, а ей все еще приходилось сидѣть дома.

— Онъ ждетъ отвѣта, барыня,—сказала Ольга, слегка пожавъ плечами.

— Онъ все принесъ?

— Ничего онъ не принесъ...

— Какъ ничего?—воскликнула Дуся, быстро вскакивая съ постели.

Она поспѣшно накинула бѣлую блузу и бросилась бѣжать въ кухню, гдѣ ждалъ посланный изъ магазина. Но вдругъ она остановилась по срединѣ комнаты. Дрожавшія руки, въ которыхъ былъ злополучный счетъ, безпомощно упали; она залилась слезами, вернулась въ спальню, сѣла возлѣ туалетнаго стола и, положивъ руки на столъ, спрятала въ нихъ лицо и продолжала плакать. Однако она замѣтила мимоходомъ, что недовольное лицо Ольги смягчилось.

— Оля, голубушка моя,—начала Дуся,—неужели тебѣ меня не жаль?

Она перестала плакать, безсильно уронила руки на колѣни и смотрѣла въ зеркало на свое блѣдное лицо, распущенные темные волосы и открытую мраморной бѣлизны шею. Все это вмѣстѣ было красиво и оригинально. «Вотъ если бы такой кто нибудь меня увидѣлъ»... промелькнуло въ ея головѣ, въ то время, какъ она продолжала изливаться въ жалобахъ Ольгѣ.

— Сама подумай, что мнѣ дѣлать? Въ три часа назначена прогулка, отходитъ пароходъ... Въ три часа, а теперь 12... Оля, миленькая...

Дуся встала, подошла къ кухаркѣ и положила обѣ руки ей на плечи.

— Голубушка, Оля, сбѣгай сейчасъ на Знаменскую улицу въ домъ Францова... Это близко... Тамъ живетъ Черепановъ... Знаешь его?.. Конечно, знаешь... Толстый такой... Помнишь, онъ пріѣзжалъ на пасху... Александръ Васильевичъ?..

Ольга давно уже сочувственно улыбалась барынѣ; она кивнула головой и отвѣтила утвердительно.

— Ну вотъ отлично... Я сейчасъ напишу ему записку.

Она выбѣжала въ другую комнату и написала на визитной карточкѣ: «Милый Александръ Васильевичъ, мнѣ ужасно необходимо, непремѣнно, непремѣнно сейчасъ 125 рублей, на два-три дня не больше».

— Вотъ!.. Сходи, Олечка, душечка, скорѣй, скорѣй, скорѣй!..

Когда Ольга ушла, Дуся нѣсколько секундъ сидѣла неподвижно на стулѣ, ни о чемъ не думая. Потомъ она стала разсматривать присланный изъ магазина счетъ. На синей почтовой бумагѣ внизу была отчетливо выписана фамилія: А. Ефановъ.

— Нахалъ!—воскликнула Авдотья Павловна.

Она поняла теперь, что Ефановъ въ магазинѣ и что онъ хочетъ, чтобы она сама пріѣхала туда его просить. Она знала, что онъ рѣдко заходитъ въ магазинъ и, какъ ей помнилось, онъ никогда не подписывалъ самъ счетовъ. Дуся была увѣрена, что если она придетъ въ магазинъ, то Ефановъ разсыплется

въ извиненіяхъ, скажетъ, что все случилось по ошибкѣ обругаетъ какого нибудь приказчика, подсунувшаго ему счетъ для подписи и т. д. Но она ни за что не поѣдетъ, ни за что не унизится до такой степени!.. Какъ онъ смѣлъ, грубое животное!.. Нѣтъ, лучше поѣхать въ одномъ платьѣ безъ этого прекраснаго плаща, который только что полученъ изъ Парижа, чѣмъ испытать такое униженіе... Но можно ли ѣхать на пароходѣ въ одномъ платьѣ?.. Солнца не видно, будетъ свѣжо, въ особенности къ вечеру... Развѣ взять пледъ...

Но при воспоминаніи о пледѣ, Дуся только махнула рукой. Это былъ еще студенческой пледъ Тахи; только въ такомъ отчаянномъ положеніи могло придти въ голову взять на прогулку этотъ пледъ. Тамъ всѣ будутъ разряжены... Это первая весенняя выставка костюмовъ...

Дуся живо представила себѣ, что она держитъ на рукѣ потертый, выцвѣтшій, измятый пледъ, въ то время, когда къ ней подходитъ Ефановъ и съ насмѣшливой улыбкой говоритъ ей какую нибудь гостинnодворскую любезность и даже можетъ быть предлагаетъ свои услуги подержать этотъ пледъ. Дуся у себя въ комнатѣ покраснѣла отъ одной мысли, что это могло бы случиться. Лучше ужъ не ѣхать, сказаться больной, когда за ней заѣдетъ Плѣнниковъ.

— Какая скука, какая тоска, какой ужасъ не имѣть какихъ нибудь несчастныхъ двухъ сотъ рублей, терпѣть такое униженіе и быть въ зависимости отъ наглаго, грубаго невѣжды кулака!

Но если бы даже и можно были обойтись безъ плаща (хотя это совершенно невозможно!), то вѣдь тамъ еще зонтикъ, вѣеръ, перчатки. Все это она выбрала сама и могла взять вчера... О, ей лично не смѣли бы отказать!.. Какую глупость она сдѣлала... только потому, что Таха былъ дома, а она не любила привозить при немъ свои покупки...

Въ то время какъ, занятая этими размышленіями, Дуся сидѣла за письменнымъ столомъ въ одной блузѣ и въ туфляхъ на босу ногу, ожидавшій въ кухнѣ мальчикъ изъ магазина потерялъ терпѣніе и, открывъ дверь въ столовую, тихонько кашлянулъ.

— Кто тамъ?—испуганно спросила Дуся, выбѣгая въ столовую.

— Мнѣ отвѣтъ нужно, барыня,—сквозь слезы прошепталъ мальчикъ.

— Подожди, чего плачешь?

— Я не плачу... Меня прибьютъ, что сижу долго... Я въ десять часовъ пришелъ, а Максимъ Егоровичъ сказалъ: «мигомъ назадъ!..» Онъ прибьетъ...

Мальчикъ плакалъ. Худенькій, блѣдный съ большими голу-

быми глазами, онъ очень понравился Дусѣ. Она погладила его по головѣ и сказала:

— Не плачь, глупый... Я напишу, что тебя задержала...

Она написала на счетѣ возлѣ подписи Ефанова: «Здѣсь значатся вещи, которыхъ я еще не получала. Прошу прислать ихъ и тогда получить деньги. Мальчика я задержала; его прислали такъ рано, что я спала».

Мальчикъ ушелъ. Мысль, что ей удастся обмануть Ефанова, нѣсколько утѣшила Авдотью Павловну. Эта мысль пришла неожиданно и Дуся вѣрила, что ей удастся посредствомъ такой увертки получить вещи.

Она взглянула на часы; еще не было часа.

Дуся легла на диванъ въ гостиной и задумалась, припоминая подробности того, что случилось вчера въ голубой комнатѣ клуба. Она выпила нѣсколько чашекъ шампанскаго... Это фантазія Плѣнникова—подавать дамамъ шампанское въ чайныхъ чашкахъ... и была очень возбуждена, когда этотъ нахалъ Ефановъ присталъ, чтобы она чокнулась съ нимъ и выпила за его здоровье.

— «Съ какой стати!»—сердито сказала она.—А хоша бы съ такой, чтобы сдѣлать мнѣ пріятное удовольствіе.—И какъ самоувѣренно и нагло онъ смотрѣлъ на нее... Съ какой цинической назойливостью уставился на нее своими маленькими заплывшими жиромъ глазами! Дуся оттолкнула его руку, вино вылилось, бокалъ полетѣлъ на полъ... Но Ефанова это нисколько не смутило. Онъ подошелъ еще ближе и сказалъ: «Хорошее винцо пролили и хорошій жилетъ испортили... за это позвольте дерзкую ручку поцѣловать...» Она дала бы ему пощечину, если бы въ это время не подошелъ Плѣнниковъ и не увелъ нахала. Иначе вышелъ бы большой скандалъ... Какой презрѣнный Таха... Ничтожный!.. Онъ сидѣлъ рядомъ и молчалъ, какъ послѣдній идіотъ... Право, онъ даже, кажется, подобострастно улыбался Ефанову... Потомъ, когда она стала громко ругать это грубое животное, онъ ушелъ изъ клуба и оставилъ ее одну...

Стукъ подъѣхавшихъ дрожекъ, а затѣмъ звонокъ прервали размышленія Дуси. Она испуганно вскочила и увидѣла въ окно стоявшаго возлѣ подъѣзда Плѣнникова. Онъ не могъ замѣтить ее, потому что стоялъ, повернувшись лицомъ въ другую сторону. Дуся нѣсколько секундъ разсматривала его высокую, плотную фигуру, широкія плечи и толстый, сильный затылокъ.

— Вотъ настоящій мужчина!—шепнула она и прошла въ переднюю.—Я отворю,—сказала она,—но вы не входите, пока я не убѣгу.

— Слушаю-съ! отвѣтилъ Плѣнниковъ. Дуся спряталась въ

спальню, а онъ вошелъ въ гостиную. Они разговаривали, не видя другъ друга.

— Напрасно вы явились,—сказала Дуся—я не поѣду сегодня...

— Это невозможно!

— Мнѣ нездоровится... Я совсѣмъ разбита... Я рѣшительно не могу ѣхать.

— И вы не выйдете ко мнѣ?

— А вы надѣетесь меня уговорить?

— Я просто хочу васъ видѣть прежде всего, а затѣмъ я дѣйствительно надѣюсь, что вы мнѣ не откажете... У меня есть одинъ особенный аргументъ...

— Какой?

— Сегодня мой праздникъ... Вы забыли, что меня зовутъ Николай.

— Всетаки я не могу ѣхать.

— Авдотья Павловна, да выйдите же ко мнѣ. Неужели я васъ даже не увижу сегодня?

— Сейчасъ!..

Черезъ минуту она вошла въ гостиную и, здороваясь съ гостемъ, сказала:

— Вы видите, что я не могу ѣхать. Смотрите какъ поздно, а я еще не одѣта.

Онъ удержалъ ея руку и смотрѣлъ на нее восхищенными глазами.

— Господи, какъ вы милы въ этомъ костюмѣ! Не наглядѣлся бы на васъ... Подойдите къ зеркалу и посмотрите на себя.

Онъ взялъ ее за руку и подвелъ къ большому зеркалу.

— Посмотрите, какая прелесть этотъ простенькій нарядъ.

На ней была короткая сѣрая юбка, кожаный поясъ и розовый лифъ.

— И растрепанные волосы,—прибавила Дуся.

Взглянувъ на Плѣнникова въ зеркало, она не могла удержаться отъ улыбки, видя его огромное, неуклюжее лицо рядомъ съ своимъ хорошенькимъ личикомъ.

Она сѣла на диванъ, стоявшій подъ зеркаломъ, откинулась на подушку и закрыла глаза. Плѣнниковъ сѣлъ рядомъ.

— Вы все еще не можете забыть вчерашней непріятности?—спросилъ онъ.

— Да, пожалуй... потому что сегодняшняя является продолженіемъ вчерашней.

— Птаха?

Дуся пренебрежительно вздернула плечами.

— Скажите!..—вкрадчиво произнесъ онъ, понизивъ голосъ.

— Нельзя сказать... Вы сейчасъ вмѣшаетесь... Я васъ за вчерашнее еще не поблагодарила.

Она, не открывая глазъ, протянула ему руку. Онъ пожалъ ее, потомъ нагнулся и поцѣловалъ, нѣжно, чуть прикасаясь губами.

— Я люблю, когда мнѣ цѣлуютъ руки...—сказала Дуся, не мѣняя позы.

— Кто?

— Такіе умные, интересные люди, какъ вы.

— И такіе безобразные?

— Это не обязательно.

Дуся усмѣхнулась и открыла глаза.

— Вы вовсе не безобразны,—сказала она.—Въ мужчинѣ красота ничего не стоитъ, да и всѣ красивые мужчины глупы. Вы самый умный изъ всѣхъ нагорскихъ мужчинъ.

— А если такъ, то почему вы мнѣ не скажете, что случилось съ вами?

Онъ все еще держалъ ея руку и, тихонько пожавъ ее, прибавилъ:

— Скажите, скажите, голубушка...

Дуся отняла руку и сказала:

— Хорошо. Но дайте слово, что вы ему ничего не скажете.

— Кому?

— Тому... Ефанову.

— Обѣщаю и клянусь!—отвѣтилъ Плѣнниковъ, поднявъ правую руку кверху.

Тогда Дуся разсказала ему все, что случилось утромъ.

— Каналья! воскликнулъ Плѣнниковъ, вскакивая съ дивана.—Вотъ негодяй!

Онъ заходилъ по комнатѣ большими шагами.

— Мерзавецъ... Я ему этого такъ не оставлю!

— Вы дали слово!

— Я его на колѣняхъ передъ вами заставлю прощенія просить.

Дуся любовалась гнѣвомъ Плѣнникова; его глаза блестѣли, ноздри раздувались, а на лбу появились поперечныя складки.

— Если бы вы знали,—воскликнула Дуся,—какъ бы мнѣ хотѣлось швырнуть ему въ физіономію деньги и сказать, что моя нога не будетъ больше въ его магазинѣ.

Плѣнниковъ, повидимому, не ожидалъ этой вспышки; онъ удивленно взглянулъ на Дусю и тотчасъ же остылъ.

— Вотъ это вы напрасно!—сказалъ онъ и взялся за шляпу. Безъ лавки Ефанова вамъ обойтись нельзя, и вы только себя накажете. До свиданія!

— Прощайте желаю вамъ весело провести время.

— Вы поѣдете со мной!—сказалъ онъ рѣшительно.—Теперь половина третьяго. Я буду здѣсь черезъ двадцать минутъ и привезу ваши покупки.

Онъ быстро вышелъ изъ комнаты, и Дуся видѣла въ окно, какъ помчалъ его извозчикъ на сѣромъ рысакѣ.

— Онъ не успѣетъ, но нужно быть готовой,—рѣшила Дуся и стала одѣваться.

У нея было темно-зеленое шелковое платье, въ которомъ она смѣло могла показаться въ какомъ угодно обществѣ.

Авдотья Павловна только что причесалась, какъ раздался стукъ въ двери съ чернаго хода. Она подумала, что это Ольга съ отвѣтомъ отъ Черепанова, и выбѣжала въ кухню въ одной юбкѣ съ голыми руками. Но то былъ Петръ Силычъ. Дуся вскрикнула и убѣжала въ спальню.

— Идите сюда, идите въ комнату!—сказала она Линяеву.— Мнѣ очень некогда и нужно одѣваться.

Петръ Силычъ вошелъ въ столовую, покрестился на образъ и всталъ у двери въ спальню.

— Привезли деньги?

— Привезъ, барыня.

— Слава Богу!.. Отчего вы такъ поздно?.. Если бы двумя часами раньше, я была бы вамъ страшно благодарна.

— Я приходилъ, барыня... Вы почивали.

— Какая досада! Эта дура Ольга никогда не скажетъ...

— Левъ Львовичъ кланяются вамъ... Велѣли доложить, что квартира готова... Пожалуйте къ намъ въ Незлобино.

— А-а! Очень рада... Голубчикъ, я забыла какъ васъ зовутъ...

— Петромъ, сударыня.

— Ахъ да, Петръ Силычъ... Мнѣ ужасно некогда... Я очень тороплюсь... Мнѣ нужно на пароходъ, который уходитъ въ 3 часа, и я боюсь опоздать... Вы положите деньги на столъ... или дайте сюда... вотъ моя рука.

Авдотья Павловна протянула изъ за драпировки руку, но черезъ нѣсколько секундъ уже топнула ногой нетерпѣливо...

— Какъ вы долго!—воскликнула она, и рука исчезла.— Я говорю вамъ, что мнѣ некогда, а вы копаетесь...

— Я положу на столъ, барыня... Но позвольте вамъ доложить, что Левъ Львовичъ приказали вамъ счетъ передать относительно ремонта...

— Какой счетъ?.. Ахъ, да, да... Сколько же стоитъ ремонтъ?

— Не дешево, сударыня... Много было дѣла: крылечко новое, въ кухнѣ печь перекладывали, плиту новую поставили... Покраска, побѣлка...

— Да сколько же, сколько? Господи, какъ вы любите тянуть...

— Сто пятнадцать рублей, сударыня.

— Боже, какъ дорого!

— Много дѣла, сударыня... Сами изволите увидѣть...

— Все равно.. отдайте Карину, сколько онъ заплатилъ, а остальныя оставьте на столѣ.

— Относительно денегъ Левъ Львовичъ ничего не приказывали...

— Все равно, возьмите... Я не хочу одолжаться у Карина.

Петръ Силычъ вполнѣ одобрялъ такое рѣшеніе, потому что ему также не хотѣлось, чтобы Авдотья Павловна была въ какой нибудь зависимости отъ Карина; но онъ всетаки напомнилъ о банковскомъ срокѣ.

— Не безпокойтесь, я достану... А можетъ быть отсрочатъ...

— Не безпокоиться намъ нельзя, Авдотья Павловна, потому что безъ вашей земли намъ обойтись невозможно.

— Почему же вы не покупаете ее у меня? Купили бы и успокоились. Впрочемъ, я, кромѣ васъ, никому не продамъ.

— Позвольте вамъ еще сказать, что Левъ Львовичъ пріѣзжалъ, все помѣстье ваше осматривалъ и сказалъ, что купитъ Незлобино...

— Пусть покупаетъ...

Петръ Силычъ не ждалъ такого отвѣта.

— Онъ вамъ настоящей цѣны не дастъ!—поспѣшно заявилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Онъ за дешевую цѣну купить хочетъ... Позвольте вамъ еще сказать, что народъ у насъ сильно обезпокоился послѣ его пріѣзда...

— И прекрасно, что обезпокоился... Теперь скорѣе купите... Больше мнѣ съ вами некогда разговаривать... Пріѣду въ деревню, тогда поговоримъ, а теперь уходите.

Но Петръ Силычъ не уходилъ. Онъ стоялъ по срединѣ комнаты, держа въ одной рукѣ деньги, а въ другой большой лоскутъ бумаги, въ которой онѣ были завернуты.

— Ахъ, да!—спохватилась Дуся.—Вамъ нужно росписку. Хорошо... Я сейчасъ выйду.

Но Линяевъ ждалъ не только росписки, которую можно было взять и потомъ. Когда Дуся вышла уже совсѣмъ одѣтая, она позвала Петра Силыча въ гостиную и сѣла писать росписку.

— Напишите, сударыня, Авдотья Павловна, что я объ нашемъ дѣлѣ говорилъ вамъ и что вы изволили сказать...

Онъ затруднялся найти слова.

— Не понимаю, что вы говорите,—сказала Дуся, оглянувшись съ перомъ въ рукѣ на Петра Силыча.

Петръ Силычъ даже покраснѣлъ отъ усилій найти подходящія слова для выраженія своей мысли.

— Позвольте сказать,—началъ онъ,—что порученіе мнѣ дано отъ общества... объ землѣ... относительно покупки...

— Ну, дальше!

— О томъ и напишите...

— Господи, да о чемъ?

— Что я говорилъ вамъ... Чтобы они не сомнѣвались... Ваши слова напишите, которыя вы давеча сказали: кромѣ васъ никому не продамъ...

Послѣдняя фраза крѣпко засѣла въ его памяти.

— Хорошо... Я напишу такъ,—сказала Дуся,—слушайте: «Петръ Силычъ говорилъ со мной о покупкѣ земли и я ему сказала, что, кромѣ васъ, никому не продамъ Незлобино, если вы согласитесь его купить у меня. Только рѣшайте скорѣе»...

— Именно такъ... Покорнѣйше васъ благодарю!

Петръ Силычъ сіялъ отъ восторга. Онъ выпрямился, даже выставилъ впередъ лѣвую ногу и, довольный своимъ краснорѣчіемъ, засунулъ въ карманъ бумагу съ деньгами Льва Львовича и поглаживалъ свою маленькую остроконечную бороду.

— Покорнѣйше благодарю васъ, сударыня... Прощенья просимъ... Извините, что безпокоимъ васъ...

— Спасибо и вамъ, что привезли деньги. Прощайте...

Вдругъ Дуся сообразила, что Ольги все еще нѣтъ и что, когда пріѣдетъ Плѣнниковъ, то некому будетъ оставить ключъ отъ квартиры. Она попросила Линяева подождать въ кухнѣ до прихода Ольги.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Е. Ганейзеръ.

ЗАВОЛОКЛО.

Въ черномъ мракѣ мглистаго тумана
Затерялся солнца робкій лучъ,
Словно рать изъ вражескаго стана,
Тянутся съ востока гряды тучъ...
И ростутъ онѣ... и небо голубое
Кое-гдѣ лишь ясно и свѣтло...
И оно темнѣло, уходя безъ боя,
И кругомъ его заволокло...
Но недолго небомъ мгла владѣла—
Пологъ тучъ самъ мстителя родилъ,
И изъ нихъ за небо вѣтеръ смѣлый,
Осерчавъ, возсталъ—и побѣдилъ!

Лишь въ душѣ по прежнему царила
Та же мгла... Глубоко залегло
Бремя черныхъ думъ... Душа молила
Вѣтра, бури... мгла ее давила...
Но ее кругомъ заволокло!..

Сергѣй Клейнманъ.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ.

Романъ Эдуарда Эстонье.

Переводъ съ французскаго А. Анненской.

Окончаніе.

VII.

. . . .

VIII.

Отъ той жизни, какую велъ Леонардъ послѣ этого, у него осталось лишь смутное воспоминаніе. Въ памяти его сохранилось всего нѣсколько отдѣльныхъ сценъ.

Во-первыхъ, одно утро. Онъ вышелъ отъ Мальвиля и безцѣльно бродилъ по улицамъ. Въ душѣ его бушевала буря противъ Бога, который будто бы обманулъ его. Напрасно убѣждалъ онъ себя, что Бога нѣтъ; сердцемъ онъ относился къ Нему, какъ къ живому существу. Ему хотѣлось оскорблять Его, всѣми своими поступками доказать свое непочтеніе къ Нему. У него явилось какое то животное желаніе мстить, богохульствовать, дѣлать дурное, разрушать все, чему онъ когда то поклонялся.

Обстоятельства сложились такъ, — Леонардъ нашелъ это вполнѣ логичнымъ, — что ему самъ собой представился случай нарушить то цѣломудріе, которое онъ до тѣхъ поръ берегъ, какъ сокровище: онъ встрѣтилъ Марсель.

Чѣмъ болѣе пошлой обѣщала быть связь, тѣмъ лучше казалось это ему. Леонардъ пошелъ за этой женщиной.

Потомъ все смѣшалось, все исчезло въ увлеченіи страсти, неиспытаннаго доселѣ наслажденія. Онъ забылся.

Радость опьяняла его. Ему представлялось, что онъ вполнѣ вернулъ себѣ и физическое, и нравственное здоровье. Этотъ романъ, въ сущности очень жалкій, опустилъ волшебную завѣсу между нимъ и всѣмъ остальнымъ міромъ. Онъ какъ бы

возродился въ новомъ существѣ, свободномъ отъ всѣхъ прежнихъ вліяній, ничего не сохранившемъ отъ стараго, кромѣ наивности чувствъ, усиливавшей иллюзію.

Съ перваго же вечера рѣшено было, что онъ будетъ жить у Марсели. Онъ велѣлъ привезти съ своей квартиры необходимыя вещи, затѣмъ заперъ дверь на замокъ и, когда Марсель бросилась къ нему на шею съ вопросомъ:—На всегда? не правда ли, навсегда?—онъ отвѣчалъ, обращаясь къ тому другому «я», которое когда то существовало и которое,—казалось ему,—онъ убилъ:

— Да, все кончено, никто не вмѣшается!

Стоялъ апрѣль. Запахъ цвѣтовъ дѣйствовалъ возбудительно. Ему захотѣлось упиться воздухомъ подальше отъ Парижа, насладиться видомъ зелени, поваляться на свѣжей травѣ. Они стали каждый день ѣздить за городъ.

Марсель, которая очень любила загородные рестораны, составляла планы прогулокъ. Нѣкоторыя изъ этихъ прогулокъ были очаровательны. Такъ Леонардъ долго вспоминалъ съ чувствомъ сожалѣнія одинъ обѣдъ въ Жуанвиллѣ. Они сидѣли за столомъ въ бесѣдкѣ. У ногъ ихъ Марна, отражая небо, сверкала золотистыми блестками. На другомъ берегу рѣки, въ рощахъ, украшенныхъ цвѣтными фонарями, слышалось пѣніе романсовъ. Пока онъ и его милая наслаждались прелестью теплаго вечера, къ нимъ подошелъ бродячій пѣвецъ. Онъ пропѣлъ весь свой репертуаръ разбитымъ голосомъ старой шарманки: это были пѣсенки 1830 года, съ разными двусмысленными словечками, пѣсенки и сантиментальныя, и весьма нескромныя. Пока онъ самъ, безъ всякой просьбы повторялъ особенно пикантные куплеты, Леонардъ вызывалъ въ своемъ воображеніи героевъ Бальзака въ костюмахъ того времени. Въ этотъ вечеръ они съ Марселью вернулись лѣсомъ, и въ ушахъ ихъ отдавались разные припѣвы. Они сами стали громко пѣть, дурачились и хохотали.

Въ другой разъ они ѣхали по Сенѣ на маленькомъ пароходикѣ и оба молча глядѣли на Парижъ, на эту каменную рѣку, которая, казалось, текла по берегамъ. Передъ глазами Леонарда городъ ожилъ. Надъ нимъ растилалось блѣдное небо. Волны играли на рѣкѣ и въ перегонку бѣжали къ сводамъ мостовъ; цѣлый рядъ этихъ мостовъ, точно какіе то странные пѣшеходы, шагали черезъ рѣку. Нѣкоторые шли прямо, сразу, какъ люди, которые спѣшатъ. Другіе проходили неловко, согнувъ спину. Третьи, наконецъ, съ зубцами на верхушкахъ, гордо разсѣкали потокъ. Самые камни, казалось, жили.

Безконечная радость овладѣла Леонардомъ. Никогда не чувствовалъ онъ себя настолько близкимъ къ другимъ людямъ. Ему хотѣлось кричать отъ избытка счастья, онъ какъ

будто возвращался на родину послѣ долгаго отсутствія. Такимъ образомъ душа его открывалась ежечасно новымъ впечатлѣніямъ. Онъ не возставалъ больше противъ природы и она являлась ему во всей своей красѣ. Иногда онъ говорилъ:

— Неужели это правда? неужели я, въ самомъ дѣлѣ, люблю?

Онъ повторялъ:—Я люблю, я люблю!—и удивлялся, что это выходило такъ естественно.

Это былъ разцвѣтъ, который, повидимому, никакая зима не могла уничтожить; однако онъ продолжался не болѣе недѣли: было ли это, дѣйствительно, возрожденіе или только иллюзія, все равно!—онъ чувствовалъ себя счастливымъ.

Одинъ разъ, утромъ Леонардъ всталъ и замѣтилъ перемѣну въ своемъ сердцѣ.

Счастье его кончилось!

Марсель тотчасъ угадала, что ихъ связи грозила опасность.

— Ты нездоровъ?—спросила она.

— Совершенно здоровъ, отстань,—отвѣчалъ онъ.

Онъ оглянулся. О, какая противная квартира, квартира содержанки, грязная репсовая мебель, вся обстановка, отзывающаяся трактиромъ! Его любовница ходила взадъ и впередъ по комнатѣ увѣренной походкой хозяйки. У нея были трепанные волосы и помятое лице. Одна мелочь особенно разсердила Леонарда. Она отложила въ сторону кокетство первыхъ дней и таскала старые башмаки. При каждомъ шагѣ слышно было, какъ шлепали оторвавшіеся каблуки.

— Пожалуйста, не шуми такъ!—сказалъ Леонардъ.

— Вотъ, какой сердитый!—отвѣчала Марсель.

Она подошла и обняла его, но онъ рѣзкимъ движеніемъ освободился отъ нея.

— Ну, полно, одѣвайся поскорѣе!

Онъ ждалъ, стоя у окна. Необъяснимый стыдъ мучилъ его. Что сдѣлалось съ его совѣстью, какіе блудящіе огни завели его въ эту трущобу, почему, въ концѣ концовъ, дошелъ онъ до такого пошлаго паденія? Онъ постарался освободиться отъ мыслей, которыя преслѣдовали его, и обернулся къ Марсели. Она въ свою очередь ждала его, ея губы были сердито сжаты.

— Пойдемъ!—вскричалъ онъ.—Мы позавтракаемъ гдѣ нибудь не дома.

Они ушли подъ руку. Ничто въ ихъ отношеніяхъ, повидимому, не измѣнилось, а между тѣмъ они были на вѣкъ разлучены.

Странная жизнь началась у нихъ послѣ этого. Явились ссоры безъ всякой причины. Марсель капризничала. Разныя двусмысленныя выраженія проскальзывали въ ихъ разговорахъ.

Мечта смѣнилась постояннымъ приниженіемъ мысли. Самое наслажденіе, которое сковывало ихъ, не находило болѣе оправданія въ страсти. Леонардъ очутился въ реальномъ мірѣ, среди полнѣйшей грязи.

Во время одного перемирія, послѣдовавшаго за очень бурной сценой, Марсель сказала:

— Я на тебя не сержусь. Я чувствую, что въ нѣкоторыя минуты изъ твоихъ глазъ глядитъ тотъ, другой.

Другой, — она угадала вѣрно,—это былъ человѣкъ, отмѣченный когда то неизгладимымъ отпечаткомъ, тотъ, котораго Леонардъ выгналъ изъ себя и который снова возвратился. Это онъ нашептывалъ имъ ѣдкія слова, онъ леденилъ ихъ объятія, онъ внушалъ имъ непріязненныя мысли. И чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе терзалъ онъ его душу. Въ то же время мученіе его обострилось еще и по другой причинѣ: онъ увидѣлъ, что не любитъ.

Трагическое положеніе! сознавать это, понимать, что сердце умерло, что оно не только не любитъ, но и не можетъ любить! Напрасно чувственныя увлеченія ослѣпляли его, такъ же какъ другихъ. Тѣло не поддалось формовкѣ первоначальнаго воспитанія, но душа не устояла противъ него. Слишкомъ часто увѣряли ее, что любовь нѣчто отвратительное. Выкроенная для монашескаго званія, она была обречена на вѣчное вдовство.

Временами Леонардъ возмущался.

— Я съ ума сошелъ! — думалъ онъ;—можно ли судить о любви вообще по любви этой женщины?

И онъ старался вызвать образъ Маделены Жукъ, старался воображать тихія семейныя радости, святость очага, прелестныхъ дѣтей... Напрасныя усилія! въ немъ не зарождалось даже сожалѣнія.

Въ другіе дни онъ уходилъ съ тѣмъ, чтобы не возвращаться, шелъ, куда попало, и по дорогѣ заглядывалъ въ лица встрѣчнымъ женщинамъ. Не найдетъ ли онъ женщину, которая способна будетъ открыть ему, что такое эта безумная, желаемая имъ любовь? Случалось еще, что онъ останавливался передъ своей прежней квартирой, закрытыя окна которой, казалось, ждали его.

— Стоитъ только войти,—говорилъ онъ самъ себѣ,—я ихъ открою... прежняя жизнь вернется сама собою!—И вдругъ какая то необъяснимая сила увлекала его. Образъ Марсели проносился въ его умѣ. Ни у какой другой женщины не было ея глазъ, ея походки, этого чуднаго изгиба шеи, при видѣ котораго охватывала дрожь; и Леонардъ возвращался, презирая самого себя, рабъ своего сладострастія, съ возбужденнымъ желаніемъ, но съ мертвою душою.

Еще если бы, потерявъ вѣру, онъ пріобрѣлъ спокойствіе. Но нѣтъ, онъ чувствовалъ раскаяніе.

Раскаяніе! съ какой стати? Что могъ ему сдѣлать Богъ, разъ онъ больше не вѣритъ въ Него? Все равно! Онъ чувствовалъ, что порокъ давитъ его, что его грызетъ безпредметная тоска. Удовлетвореніе плоти оставляло на немъ пятно позора. Послѣ него онъ ощущалъ то инстинктивное желаніе просить прощенія, то, напротивъ, безумную потребность презирать божественное возмездіе, которое постоянно представлялось ему, хотя онъ и отрицалъ его. Тогда онъ старался еще усилить свое грѣхопаденіе. Онъ мечталъ о кощунствѣ, о святотатствѣ; такимъ образомъ онъ снова становился въ разрѣзъ съ общею жизнью, становился ненормальнымъ. Все прошлое воскресало въ немъ, исчезла только идея Бога.

Вокругъ нихъ было полное уединеніе, какъ они того желали сначала. У Марсели не было друзей. Одна только Фели, любовница Серве, посѣщала ее въ качествѣ сосѣдки. Она приходила и болтала разные пустяки, которые та слушала съ большимъ вниманіемъ. Эти посѣщенія раздражали Леонарда. Они болѣе всего прочаго подтверждали тотъ фактъ, что общество устранило его изъ своей среды. Онъ, кромѣ того, смутно догадывался, что эти двѣ женщины обмѣниваются жалобами и разбираютъ его интимную жизнь.

Одинъ только разъ свѣтъ, повидимому, захотѣлъ напомнить ему о себѣ. Читая какую то газету, онъ встрѣтилъ имя Жука.

Жуку посчастливилось: статьи въ Globe прославили его имя. Онъ осмѣлился отнестись съ безпристрастною критикою къ одному романисту, репутація котораго казалась прочно установленной. Парижъ одобрилъ его, результатомъ явилась слава.

Леонардъ перечелъ статью пріятеля. Смутная зависть сжимала ему горло. Отчего однимъ достается столько счастія, а другимъ не дается никакой радости? Потомъ у него явилось сознаніе, что такая извѣстность окончательно разлучала ихъ. Любимый пріятель, къ которому онъ не хотѣлъ, не смѣлъ, можетъ быть, вернуться, удалялся отъ него безповоротно. Банкротство было полное, и онъ рыдалъ о своемъ одиночествѣ.

Повидимому, никакое чудо не способно было расшевелить эту мертвую душу, эту мертвую волю, когда случилось одно пустяшное, совершенно ничтожное обстоятельство.

Леонардъ встрѣтилъ Серве.

— Угадай, что со мной случилось!—вскричалъ Серве.

Леонардъ пожалъ плечами.

— Опять какая нибудь исторія съ женщинами?

— Совсѣмъ нѣтъ: меня женятъ!

— А кто же отыскалъ для тебя эту рѣдкую птицу?

— Отецъ Пропіакъ.

Серве разсказалъ все сначала. Родители его, находя, что онъ ведетъ слишкомъ разсѣянную жизнь, обратились къ отцу Пропіаку, который придумалъ это средство, чтобы разлучить его съ Фели. У молодой дѣвушки было порядочное приданое, надежда на наслѣдство и религіозныя чувства. Этимъ послѣднимъ Серве дорожилъ больше всего, такъ какъ самъ былъ благомыслящимъ.

Леонардъ слушалъ, молча.

— А Фели?—спросилъ онъ наконецъ.

— Въ этомъ то и бѣда; какъ ей сказать?

— Неужели ты не рѣшаешься? какъ это глупо!—отвѣчалъ Леонардъ подъ вліяніемъ безсознательной зависти.

Послѣ этого разговора его привычки измѣнились. Втихомолку и съ такимъ интересомъ, какъ будто отъ этого зависѣло его собственное избавленіе, онъ наблюдалъ за драмой, которая должна была разыграться между Серве и его любовницей.

Онъ противъ своего обыкновенія сталъ присутствовать при визитахъ Фели и всякій разъ спрашивалъ у нея:

— Нѣтъ-ли чего новенькаго?

— Ничего.

— Ну, тѣмъ хуже,—думалъ онъ,—значитъ завтра.

Мучимый нетерпѣніемъ, онъ уходилъ изъ дома и возвращался поздно ночью.

Ему надоѣло ничего не дѣлать. Онъ вздумалъ написать книгу о благотворительности, и тогда его прогулки пріобрѣли опредѣленную цѣль. Онъ сталъ посѣщать богадѣльни, ночлежные дома, домики предмѣстья, въ окнахъ которыхъ висѣли лохмотья. Ему было пріятно сравнивать свое несчастіе съ другими несчастіями, одинаково безнадежными.

По правдѣ сказать, Леонардъ находился въ такомъ періодѣ, когда малѣйшее событіе опредѣляетъ поворотъ въ жизни. Какъ онъ и ожидалъ, это событіе случилось въ тотъ самый день, когда порвалась связь Серве, случилось неожиданно, какъ и все въ жизни. Леонардъ никогда не забывалъ этого дня, онъ помнилъ малѣйшія подробности его.

Это было въ четвергъ. Онъ шелъ по улицѣ Раше, разъискивая одинъ домъ, населенный рабочими. Дома бѣдняковъ имѣютъ свою собственную физіономію: Леонардъ удивился, когда въ пассажѣ Дани увидѣлъ одинъ изъ такихъ домовъ, составлявшій пятно на чистомъ фонѣ этого богатаго квартала. Онъ полюбопытствовалъ узнать, кто тутъ живетъ, и вошелъ

Управительница помѣщалась въ первомъ этажѣ. Это была женщина маленькая, кругленькая, проворная, съ жизнерадостнымъ выраженіемъ лица.

— Есть у васъ бѣдняки?—спросилъ онъ.

— Ахъ, да, сударь! И какіе славные люди!

Словоохотливая управительница давала самыя точныя свѣдѣнія, точно проводникъ, показывающій какой нибудь историческій замокъ.

— Въ первомъ этажѣ живутъ итальянцы: мужъ слѣпой, жена шьетъ на Бонъ-Марше. У нихъ нѣтъ хлѣба, но какъ она усердно работаетъ! Слышите шумъ ея машинки? Одна благотворительница купила ей швейную машинку, но она всетаки не можетъ свести концы съ концами. Во-второмъ...

Пошли разсказы о жильцахъ всѣхъ этажей по порядку, однообразные разсказы объ обычныхъ явленіяхъ въ этомъ мірѣ: вдовецъ рабочій съ кучею дѣтей сидитъ безъ работы, добродѣтельная молодая дѣвушка посвящаетъ всю свою жизнь старымъ родителямъ...

Леонардъ, замѣтивъ дверь, нечаянно оставшуюся полуоткрытой, прервалъ ее:

— Вы торгуете?

— Ахъ, сударь...

— Что же вы скрываете, я не полицейскій и не акцизный чиновникъ, — продолжалъ Леонардъ, забавляясь ея смущеніемъ.

Она, повидимому, успокоилась, приперла предательницу дверь и созналась, наконецъ:

— Я не торгую, ахъ, нѣтъ! Только иногда, когда меня попросятъ, я продаю немножко вина и ликера.

— Вашимъ жильцамъ?

— Какъ можно! Гдѣ имъ покупать себѣ что-нибудь лишнее, и безъ того имъ приходится такъ дорого платить за квартиру!

— Въ самомъ дѣлѣ? Развѣ квартиры здѣсь очень дороги?

— Такое мѣсто, вы понимаете... Здѣсь есть свои выгоды: барыни въ здѣшнемъ округѣ очень добры, отъ общественной благотворительности тоже можно кое что получить, здѣсь въ кварталѣ есть свои спеціальныя благотворительныя учрежденія...

Она опять смѣшалась, не зная, какъ объяснить дѣло. Кто то позвалъ ее съ лѣстницы.

— Г-жа Первенъ!

— Я на минутку... вы позволите?

Она обернулась съ озабоченнымъ видомъ, сбѣгала за бутылкой и вошла. На лѣстницѣ послышался разговоръ очень веселый и громкій. До Леонарда долетали обрывки фразъ. Рѣчь шла о какой то вновь пріѣзжей и о маленькомъ праздникѣ, который устраивался на верху въ одномъ изъ этажей.

— Какая же это пріѣзжая?—спросилъ Леонардъ у г-жи Первенъ, когда она вернулась.

Она пожала плечами съ снисходительнымъ видомъ.

— Какъ глупо говорить такъ громко!

Одна новая, незнакомая еще благотворительница пріѣзжала сейчасъ. Въ честь ея бѣдняки задумали устроить маленькую пирушку.

— Что дѣлать! надо и бѣднымъ людямъ иногда повеселиться...

Леонардъ слушалъ и находилъ очень интереснымъ эту форму эксплоатаціи посредствомъ ловко организованной притворной нищеты; вдругъ дверь съ шумомъ открылась.

— Вы дома, г-жа Первенъ?—раздался голосъ, заставившій его вздрогнуть.

Отецъ Пропіакъ вошелъ въ комнату.

Леонардъ всталъ какъ то невольно. Отецъ окинулъ его быстрымъ взглядомъ, спокойно поклонился ему и затѣмъ обратился къ управительницѣ:

— Завтра,—сказалъ онъ,—ученики придутъ въ половинѣ пятаго. Вы потрудитесь указать имъ семьи, особенно заслуживающія участія, и позаботитесь, чтобы все было приготовлено, какъ слѣдуетъ.

Онъ еще разъ поклонился и вышелъ, не ожидая отвѣта. Нельзя было сказать, узналъ ли онъ Леонарда.

— Зачѣмъ онъ сюда приходитъ?—спросилъ этотъ послѣдній сдавленнымъ голосомъ. Г-жа Первенъ весело разсмѣялась.

— Представьте себѣ, онъ ходитъ ради учениковъ Мадридской улицы! Они тоже здѣсь бываютъ. Каждую пятницу я должна ходить по всѣмъ этажамъ и предупреждать всѣхъ жильцовъ, чтобы эти господа не увидѣли ничего неприличнаго.

— Оказывается, что ваши жильцы хорошо обдѣлываютъ свои дѣлишки,—проговорилъ Леонардъ и вышелъ, шатаясь.

Что съ нимъ? Неужели ему довольно было увидѣть этого священника, чтобы разсудокъ его помутился? Почему простая встрѣча, совершенно случайная и мимолетная, вызывала въ немъ такое волненіе?

Онъ побѣжденъ, это, пожалуй, правда. Но изъ нихъ двухъ, кто лучше?

Леонардъ не вѣрилъ въ Бога. Но развѣ Пропіакъ вѣритъ больше, онъ, который, проповѣдуя религію Христа, религію мира, истины и правды, воспользовался своимъ духовнымъ саномъ, чтобы отмстить за личную обиду?

Леонардъ былъ честолюбивъ. Но его честолюбивые планы были изъ тѣхъ, въ которыхъ не стыдно признаться. А какія желанія руководили Пропіакомъ?

Леонардъ страстно жаждалъ истины. Онъ съ рыданіемъ шелъ по той тяжелой дорогѣ, которая ведетъ къ отрицанію. У Пропіака все было ложь, даже его благотворительность.

Конечно, окутанный своей сутаной какъ броней, онъ былъ цѣломудренъ. Цѣломудренъ! это слово казалось теперь Леонарду ужаснымъ. Какая таинственная сила можетъ заставить Бога,—если Онъ существуетъ,—требовать уклоненія отъ высшаго закона природы?

Неожиданный свѣтъ осѣнилъ Леонарда. Не достаточно-ли, напротивъ, исполнить, дѣйствительно, этотъ святой законъ, чтобы счастіе вернулось? Лихорадочное волненіе, подобное тому, какое онъ испыталъ въ первые часы послѣ встрѣчи съ Марсель, овладѣло имъ. Сердце его пробудилось, забилось надеждой. Неужели любовь, этотъ призракъ, за которымъ онъ напрасно гонялся, придетъ, наконецъ? Ахъ, теперь онъ уже не затворитъ передъ нимъ дверей, напротивъ, онъ настежь откроетъ ихъ.

Онъ вернулся домой, упоенный мечтами о той жизни, которая должна начаться для него. Крики бранчливыхъ голосовъ заставили его остановиться на порогѣ. Увидя его, Марсель, первая закричала:

— Молодецъ твой пріятель, Серве!

Фели, блѣдная отъ злости, со сжатыми кулаками, повторила: —Да, молодецъ, нечего сказать!

Давно ожидаемый часъ развязки наступилъ. Леонардъ не чувствовалъ ни малѣйшаго удовольствія. Звуки этихъ голосовъ прогнали его мечты, и это раздражало его:

— Оставьте меня въ покоѣ,—сердито отвѣчалъ онъ.—Что мнѣ за дѣло до вашихъ исторій!

Но Фели вскочила.

— Онъ меня бросилъ, бросилъ, какъ подлецъ, послѣ пяти лѣтъ!

Она горячилась, развивала цѣлый планъ мести: она все разскажетъ семьѣ невѣсты, она пошлетъ имъ его письма къ ней, она, наконецъ, сдѣлаетъ скандалъ въ церкви.

Марсель поддерживала ее такъ же запальчиво. Леонардъ пожалъ плечами:

— Ну, и какая же ей отъ этого будетъ польза?

— Та, что она отомститъ!.. Попробуй-ка сдѣлать также, какъ Серве!

— Не поддразнивай меня!

— Это что значитъ?

Они, все возвышая голосъ, обмѣнивались гнѣвными фразами, какъ вдругъ раздался звонокъ.

— Кто это можетъ быть?—тревожно спросила Фели.

— Ахъ, не все ли равно!—отвѣчала Марсель внѣ себя отъ гнѣва.

Дверь открылась. Вошла Маделена Жукъ.

Леонардъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ.

— Вы! вы... здѣсь!—пробормоталъ онъ.

Его охватилъ страшный стыдъ. Ему хотѣлось выгнать ее, чтобы избавить отъ унизительнаго соприкосновенія съ этими женщинами; но она, повидимому, не замѣчала ихъ.

Вся какъ бы застывшая, она проговорила спокойно, не своимъ голосомъ:

— Я пришла за вами... братъ умираетъ и хочетъ васъ видѣть.

Леонардъ громко вскрикнулъ; затѣмъ быстро, не сказавъ ни слова объясненія Марсели, которая въ нѣмомъ изумленіи смотрѣла на нихъ, онъ отворилъ дверь для Мадлены.

— Пойдемъ скорѣй!—проговорилъ онъ.

Они вмѣстѣ вышли на улицу.

IX.

Первыя минуты они молчали.

Карета быстро катилась, а передъ ихъ глазами стоялъ образъ умирающаго. Они такъ живо чувствовали его присутствіе, что не могли говорить. Страшное безпокойство останавливало на губахъ Леонарда тѣ слова, которыя ему хотѣлось сказать. Маделена казалась окаменѣлой.

— Извините меня,—проговорилъ, наконецъ, Леонардъ,— что вамъ пришлось разыскивать меня тамъ.

Она прервала его:

— Онъ васъ звалъ!

По тону ея голоса Леонардъ понялъ, что она совершенно равнодушно относится къ нему, но что она готова бы пойти на край свѣта, чтобы исполнить приказаніе того, кто послалъ ее.

— Вамъ дали этотъ адресъ, вѣроятно, у меня на квартирѣ?

Она сдѣлала едва замѣтный утвердительный знакъ. Всѣ эти фразы говорились ради приличія, на самомъ дѣлѣ ихъ мысли были заняты исключительно Жукомъ.

— Что у него такое?—спросилъ, наконецъ, Леонардъ.

— Менингитъ,—отвѣчала Маделена.

— Это опасно?

— Безнадежно.

— Это невозможно! — вскричалъ Леонардъ, волнуясь, — онъ долженъ жить!

Маделена пожала плечами. Одна только восковая блѣдность лица выдавала ту геройскую борьбу съ горемъ, какую она вела.

— Войдите на лѣстницу,—проговорила она слабымъ голосомъ, когда карета остановилась.

— Есть около него кто нибудь?

— Я пригласила сидѣлку. —Все для него! а послѣ будь, что будетъ! — прибавила она съ отчаяніемъ.

Они стали подниматься по лѣстницѣ, невольно задерживая шаги. Леонардъ шатался; ему казалось, что онъ идетъ къ чему то незнакомому и страшному.

— Идите тихонько,—сказала Маделена,—шумъ увеличиваетъ его страданіе.

Она думала о томъ, что во время ея отсутствія могло произойти ухудшеніе, и боялась войти; лѣстница казалась ей и безконечно длинной, и въ то же время слишкомъ короткой. Вдругъ она пошатнулась. Въ воздухѣ пронесся рѣзкій крикъ.

— Умоляю васъ, идите! Я не могу! — проговорила она слабымъ голосомъ.

Она прислонилась къ стѣнѣ. Леонардъ вбѣжалъ наверхъ.

Первую минуту онъ ничего не могъ разглядѣть въ комнатѣ. Послѣ яркаго солнечнаго свѣта ему казалось, что тамъ совершенно темно. Онъ понималъ одно, что крики продолжаются, онъ слушалъ ихъ, замирая отъ ужаса. Это продолжалось двѣ минуты—цѣлый вѣкъ! двѣ минуты нечленораздѣльныхъ криковъ, криковъ нечеловѣческихъ, воплей живого существа, которое давятъ, которое рѣжутъ ножами; затѣмъ послѣдовало страшное затишье, затишье, во время котораго тревога еще усиливается, подобно тому, какъ удлинняются тѣни при закатѣ солнца.

— Припадокъ прошелъ,—произнесъ спокойный голосъ сидѣлки.—Помогите мнѣ немножко, мосье.

Тогда онъ подошелъ. Онъ машинально исполнялъ требованія сидѣлки, онъ приносилъ дрожащею рукою, что ей было нужно, и мало по малу глаза его привыкли къ темнотѣ: передъ нимъ вырисовалась голова, судорожно закинутая назадъ, черты лица, застывшія въ своемъ страдальческомъ выраженіи, расширенные, блуждающіе глаза, лобъ, обложенный тряпками, точно у раненаго, пузырь со льдомъ.

Леонардъ былъ потрясенъ до глубины души: онъ нагнулся и. такимъ голосомъ, какъ будто ихъ уже раздѣляло безконечное пространство, проговорилъ:

— Это я, я, Кланъ! Ты хотѣлъ меня видѣть!

Жукъ отвернулся.

— Отчего онъ не пришелъ?—прошепталъ онъ слабымъ голосомъ.

— Что онъ говоритъ?—спросила Маделена, входя.

— Ахъ,—отвѣчалъ Леонардъ,—онъ бредитъ!

Они оба сѣли около его кровати съ полною безнадежностью. Бредъ, какъ непроницаемая завѣса, отдѣлялъ ихъ отъ любимаго существа.

Да, онъ былъ любимъ: вмѣстѣ съ его жизнію уйдетъ и жизнь Маделены. Онъ былъ предметомъ ея постоянной заботливости, ея гордостью, ея славой. Она его ободряла, она восхищалась имъ, она обожала его. Все ея сердце, всѣ ея мысли принадлежали ему! И для Леонарда также этотъ Жукъ, преображенный близостью смерти, былъ любимымъ существомъ: нити ихъ жизней сплетались изъ однородныхъ трудовъ и желаній. Какая дружба соединяла ихъ! Серьезная, глубокая, безъ шумныхъ и блестящихъ фразъ, но всегда готовая на всякую жертву для друга.

— Вы видите, какъ онъ страдаетъ!—проговорила Маделена.

Она ломала руки, сознавая свое безсиліе.

— Неужели ничто не можетъ спасти его!

— Развѣ уже нѣтъ никакой надежды?—прошепталъ Леонардъ.

Безумное желаніе найти въ чемъ нибудь успокоеніе охватило его. Какой-то тайный голосъ заставлялъ его вѣрить въ возможность исцѣленія. Ему казалось, что жизнь подобна магнетической силѣ: посредствомъ воли ее навѣрно можно удержать.

— Это былъ припадокъ,—продолжалъ онъ, теперь онъ прошелъ. Доктора ничего не понимаютъ. Я вамъ говорю: онъ долженъ жить! Если мы этого твердо пожелаемъ, ничто не отниметъ его у насъ. Рѣшите, что онъ долженъ жить, и онъ не умретъ.

Новый крикъ прервалъ его. Припадокъ, который онъ считалъ кончившимся, снова начинался.

— Ой, голова! голова!

Притиснувъ руки ко лбу, Жукъ вдругъ вскочилъ и сѣлъ. Онъ то произносилъ какія-то безсвязныя слова, то скрежеталъ зубами. Послѣ недолгой борьбы, онъ снова упалъ на подушку и опять водворилась зловѣщая тишина, среди которой раздавался тихій стонъ, и этому стону, казалось, конца не будетъ.

Сидѣлка, привыкшая къ подобнымъ сценамъ, снова спокойно сѣла. Леонардъ и Маделена ждали.

На что надѣялись они? Они слѣдили за ходомъ времени. Въ своемъ таинственномъ движеніи впередъ, почему бы ему не обвѣять легкой прохладой эту пылающую голову? Они испытывали острое ощущеніе ожиданія: имъ казалось, что каждая наступающая секунда таитъ въ себѣ нѣчто неизвѣстное. Эта секунда ничего не дала имъ, но слѣдующая? И все существо ихъ болѣзненно стремилось къ будущему. Они знали, что это будущее близко, что оно стоитъ передъ ними, не отчаявались, и не ждали чего то непредвидѣннаго.

Прошелъ цѣлый часъ

Въ комнатѣ было темно; занавѣсы были спущены, чтобы свѣтъ не проникалъ въ нее. Сквозь нихъ глухо доносился шумъ улицы. Въ углу мерцала одинокая свѣча.

Сидѣлка подошла къ Леонарду.

— Вамъ бы слѣдовало увести барышню въ другую комнату, пока больной спокоенъ.

Леонардъ обернулся къ Маделенѣ. Она сидѣла, вся съежившись. Мужество окончательно оставило ее. Глаза ея были упорно устремлены на одинъ уголъ комнаты. Все лицо ея носило выраженіе такого мучительнаго страданія, что у Леонарда явился страхъ за нее.

— Подите, отдохните, это необходимо.

— Нѣтъ,—упрямо отвѣчала она.

— Это необходимо! вы должны сдѣлать это, чтобы сберечь свои силы для него.

Она упрямилась и не двигалась съ мѣста.

— Я этого требую!—сказалъ онъ повелительно и повелъ ее въ кабинетъ.

Ничто въ этой комнатѣ не измѣнилось. Книги были навалены въ такомъ же безпорядкѣ, какъ и до болѣзни. Статуетка Донателла по прежнему улыбалась на каминѣ. Здѣсь все напоминало Жука, все было полно имъ.

— Не упрекайте себя,—прошепталъ Леонардъ,—оставаясь здѣсь, вы не уходите отъ него.

Онъ заговорилъ съ ней ласково, почти какъ съ сестрой.

— Вы сидѣли надъ нимъ цѣлыя ночи. Усните сегодня. Вы позвали меня, такъ позвольте же мнѣ замѣнить васъ. Если что нибудь случится,—я говорю, конечно, объ улучшеніи, котораго мы ожидаемъ и которое произойдетъ, я увѣренъ,— если это улучшеніе явится, я тотчасъ же прибѣгу за вами.

Она протянула ему руку, ничего не отвѣчая. Онъ задержалъ ее въ своей. Ему вспомнился вдругъ подобный же вечеръ, послѣднее ихъ свиданіе наединѣ. Они стояли почти на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, въ той же самой комнатѣ. Исчезли только цвѣты, украшавшіе вазы.

Сколько событій прошло съ тѣхъ поръ, событій—разлучившихъ ихъ, уничтожившихъ ихъ хрупкое счастіе!

Сердце Леонарда замерло. Подумать только, что они могли быть такъ счастливы и что онъ виноватъ, если это счастье никогда не вернется.

— Я должна признаться вамъ...—начала Маделена дрожащимъ голосомъ.

— Не говорите ничего,—прервалъ Леонардъ,—я долженъ просить у васъ прощенія.

Она горько усмѣхнулась.

— Ахъ! стоитъ ли говорить объ этомъ!

Леонардъ подумалъ, что она вспомнила его прежній, совершенно необъяснимый отказъ; можетъ быть, она и подумала о немъ на секунду, но уже упрекала себя за это, охваченная горемъ настоящаго.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я должна разсказать вамъ, это будетъ лучше. Братъ умираетъ изъ за того, что случилось тамъ, въ Неверѣ; отецъ слишкомъ расширилъ свою торговлю: онъ принужденъ былъ ликвидировать дѣло весьма печальнымъ образомъ. Онъ уѣхалъ, не предупредивъ насъ. Я даже не знаю, куда ему писать... Это ужасно! Все сразу погибло...

Рыданія прервали ее. До сихъ поръ она мужественно переносила безчестіе семьи; теперь силы оставили ее. Что касается Жука, онъ не вынесъ этого безчестія и умиралъ.

Леонардъ съ трудомъ удержался отъ крика. Такъ вотъ какую катастрофу онъ предчувствовалъ!

— Бѣдный! какъ мнѣ его жаль!

Изъ деликатности онъ говорилъ объ одномъ только Жукѣ. Маделены эти трагическія обстоятельства не должны были касаться; онъ искалъ въ умѣ другихъ словъ и сердился, что они не приходили. Всѣ выраженія были слишкомъ ясны, слишкомъ опредѣленны и могли показаться обидными.

Маделена снова заговорила:

— Я не могла не сказать вамъ этого; ложь была бы безцѣльна и безчестна. Вы—у банкротовъ.

— Вы воплощенная честность и мужество,—отвѣчалъ Леонардъ.—Будьте, спокойны, люди не такъ злы, чтобы наказывать дѣтей за проступки родителей.

Они оба замолчали. День догоралъ. Уходившее на покой солнце окрашивало багровымъ цвѣтомъ облака. Свѣтило, исчезавшее въ пространствѣ, казалось, уносило съ собой ихъ молодость, ихъ гордыя мечты, даже то, что можетъ сохранить каждый бѣднякъ среди своей нищеты—честь. Пусть ночь зальетъ Парижъ своими темными волнами: ея мракъ не можетъ сравниться съ тѣмъ мракомъ, который окутываетъ ихъ души.

Леонардъ поцѣловалъ руку Маделены съ необыкновенною почтительностью.

— Умоляю васъ,—сказалъ онъ нѣжно, — не тревожьтесь, старайтесь бодриться.

Послѣ этого онъ на цыпочкахъ ушелъ отъ нея, отослалъ сидѣлку спать и усѣлся на всю ночь около постели Жука.

Долго сидѣлъ онъ, не шевелясь. Онъ смотрѣлъ на Жука съ невыразимымъ состраданіемъ. Какая иронія! Этотъ честный человѣкъ раздѣляетъ обвиненіе въ позорномъ банкротствѣ! Онъ всю жизнь былъ правдивымъ, искреннимъ, это ни къ чему не привело, несчастный случай сдѣлалъ его виновнымъ. Благодѣтельное безпамятство, закрывавшее отъ него весь міръ, спа-

сало его на время отъ ужасной дѣйствительности. Но завтра? Но въ тотъ день, когда сознаніе вернется къ нему? Что онъ почувствуетъ?

— Можетъ быть, я былъ неправъ, что такъ страстно желалъ ему жить?—подумалъ Леонардъ. И онъ съ удивленіемъ представлялъ себѣ, какъ несчастна была вся эта жизнь, которой онъ такъ завидовалъ. Онъ припомнилъ всю ее, съ самаго начала.

Въ Неверѣ—суровое дѣтство, однообразныя недѣли упорнаго труда, сознательнаго стремленія къ цѣли. Первое его несчастіе было отвращеніе къ магазину и къ торговлѣ отца, какъ будто онъ предчувствовалъ, что въ этой торговлѣ погибнетъ ихъ честь.

Затѣмъ въ Парижѣ—жизнь студента, умирающаго съ голоду, отчаянная борьба для завоеванія независимости. Леонардъ вспоминалъ, какъ онъ одинъ разъ пришелъ къ своему другу, жившему въ это время въ улицѣ Аренъ. Не смотря на свою гордость, тотъ согласился принять обѣдъ, который онъ ему дружески предложилъ; вечеромъ, подъ вліяніемъ удовлетвореннаго аппетита, онъ смягчился и признался, что не обѣдалъ наканунѣ, такъ какъ не получилъ ожидаемой платы за уроки. И не смотря на это, онъ никогда не отчаявался. Никогда не предавался онъ пессимизму, который способенъ подавить волю. Онъ всегда вѣрилъ въ справедливость міра, въ его равновѣсіе. Леонарду вспомнились слова Жука: «Я пятнадцать лѣтъ терпѣлъ нужду, теперь буду пятнадцать лѣтъ благоденствовать».

Онъ и самъ выражалъ ту же мысль только другими словами: «Жизнь заплатитъ»! Она не заплатила ни тому, ни другому.

Что она имъ дала? Она усилила ихъ желанія, не удовлетворивъ ихъ, она расширила ихъ мечты и не создала дѣйствительности, которая могла бы ихъ осуществить. Одному она показала славу и сказала:—Протяни руки, я пригну вѣтку. Плодъ будетъ сейчасъ у тебя въ рукахъ.—Другому:—Подойди, убей свое прошлое, откажись отъ идеала, къ которому стремилось твое сердце. Любовь заполнитъ пустоту его! Затѣмъ она съ улыбкой дала одному недѣлю славы, другому недѣлю призрачной любви, дала менѣе чѣмъ милостыню, дала лишь столько, чтобы каждый изъ нихъ лучше созналъ свою нищету. Дрожь охватила Леонарда.

Самъ онъ шелъ ненормальнымъ путемъ и натолкнулся на банкротство, это было понятно; но Жукъ, этотъ трудолюбивый пахарь, безъ отдыха пахавшій свою ниву, развѣ онъ не имѣлъ права на жатву?

Вмѣсто всякой расплаты, случай убивалъ его. Конечная справедливость приводила къ несправедливости, къ смерти!

Леонардъ почувствовалъ пустоту въ головѣ. Какой то суевѣрный страхъ сковывалъ его мысль.

Часы, отбивая секунды, отмѣчали медленный ходъ времени. Таинственная темнота дѣлала одиночество особенно жуткимъ. Чтобы стряхнуть тревогу, которая начинала овладѣвать имъ, Леонардъ всталъ. Онъ перемѣнилъ ледъ на головѣ Жука, нарочно долго возился съ разными мелочами, потомъ снова сѣлъ.

Ахъ, какъ отъ него далека была Марсель!

Пяти часовъ оказалось достаточно, чтобы предать забвенію это прошлое, которое чуть не стало для него новою жизнію! Самое отвращеніе къ этой жизни исчезло. Любовь, обманутыя желанія, оскорбленная гордость, сожалѣнія и упреки совѣсти, передъ лицомъ смерти все это вдругъ удивительно умалилось, все это казалось ничтожнымъ сравнительно съ ея громадностью. Между тѣмъ ея присутствіе чувствовалось все сильнѣе и сильнѣе. Темнота способствовала этому ощущенію. Невольно чудилось, что она здѣсь, въ этой комнатѣ, что она задѣваетъ мимоходомъ мебель, что она приближается.

Кровь въ жилахъ Леонарда застыла. Ему захотѣлось позвать на помощь. Стоны Жука, прерывавшіе тишину, почти доставляли ему удовольствіе. При каждомъ изъ нихъ онъ говорилъ себѣ: — Это всетаки жизнь; пусть бы такъ продержалось до утра!—И вся его жалость къ больному исчезла. Онъ думалъ объ одномъ: неужели ему придется остаться наединѣ съ мертвымъ тѣломъ. Вдругъ онъ вздрогнулъ: ему ясно показалось, что онъ слышитъ чьи то тихіе шаги. Быть можетъ, страшная похитительница уже вошла. Была ли это галлюцинація или дѣйствительность, но Жукъ измѣнился. Блѣдность лица его увеличилась. Небритая борода придавала еще болѣе матовый оттѣнокъ его желтоватымъ щекамъ.

На бѣльѣ постели, высокой, точно парадный катафалкъ, и смутно освѣщаемой свѣчами черные волосы представлялись зловѣщимъ пятномъ.

Это была ужасная минута. Мужчиной Леонардъ снова испытывалъ то же ощущеніе, которое наполняло ужасомъ его дѣтство. Онъ хотѣлъ бѣжать, голосъ Жука удержалъ его.

Больной вскочилъ:

— Я не хочу. Оставьте меня, я не хочу!—кричалъ онъ. Онъ, также какъ Леонардъ, боролся съ призракомъ. Можетъ быть, то невидимое, приближеніе чего живой человѣкъ только ощущалъ, открылось глазамъ его!

Леонардъ бросился къ нему.

— Что съ тобой? успокойся... ничего нѣтъ...

Жукъ снова закричалъ:

— Нѣтъ, не это, не это!

Нельзя было угадать, относятся ли его крики къ той боли, которая терзала его мозгъ, или къ приближавшемуся призраку Леонардъ обнялъ его.

— Не бойся! Я тутъ, я съ тобой!

Жукъ взглянулъ на него помутившимися глазами, и тѣло его судорожно изогнулось:

— Ой голова! голова!—пронесся раздирательный крикъ.

Въ этомъ страданіи было что то ужасающее.

Со смертью еще можно, пожалуй, примириться, но эта боль, это терзаніе тѣла въ теченіе нѣсколькихъ дней, зачѣмъ это, какой въ этомъ смыслъ?

— Ой, голова! голова!

Припадокъ продолжался, все усиливаясь. Бѣлая пѣна показалась на губахъ Жука, всѣ члены его судорожно подергивало. Леонардъ старался удержать его, онъ на минуту пришелъ въ сознаніе и закричалъ:

— Что ты дѣлаешь? Мнѣ больно, убирайся прочь!—Онъ началъ бранить его, затѣмъ расхохотался, затѣмъ нѣсколько секундъ смотрѣлъ на потолокъ, какъ будто слѣдилъ за чѣмъ то двигающимся на немъ, и вдругъ запѣлъ громкимъ голосомъ:

— Beatus vir, qui timet Dominum!

Болѣзнь перенесла его къ временамъ дѣтства, когда всѣ слова запечатлѣваются въ мозгу, точно на мягкомъ воскѣ: онъ видѣлъ себя клирошаниномъ, одѣтымъ въ красненькую сутану и поющимъ вечерню.

Леонардъ содрогнулся.

— Ахъ, замолчи, умоляю тебя!

Голосъ Жука раздавался все громче:

— Exortum est in tenebris lumen rectis!

— Перестань!—повторилъ Леонардъ.—Я не позволю тебѣ пѣть этого! Ты самъ не понимаешь, что говоришь! Кто вошелъ въ тебя и говоритъ твоимъ голосомъ!

Не слушая его, Жукъ продолжалъ:

— In memoria aeterna erit justus: ab auditione mala non timebit...

Леонардъ, блѣдный, какъ смерть, въ ужасѣ отступилъ. Эти слова пробуждали въ немъ давно забытыя угрозы.

Страшное сомнѣніе овладѣло имъ: что, если Богъ, котораго онъ отрицаетъ, говоритъ словами этого бреда? Что, если дойдя до того предѣла, гдѣ духъ проникаетъ въ иной міръ, Жукъ свидѣтельствуетъ истину? Увлеченный безумнымъ порывомъ, онъ бросился къ больному:

— Морисъ! Морисъ! неужели это правда? Скажи мнѣ, что ты видишь?

Глаза Жука оживились. Голосъ Леонарда достигъ до его

слуха, но какъ будто издалека, какъ будто какіе то удары изъ за толстой стѣны. Онъ поднялъ руки, затѣмъ, не переставая бредить, прокричалъ громкимъ голосомъ:

— Dedit pauperibus: justitia ejus manet in saeculum!

— Господи! если Ты существуешь, неужели Ты не поможешь ему?—вскричалъ Леонардъ.

Этотъ отчаянный вопль гулко разнесся по пустой комнатѣ. Жукъ замахалъ руками, слова замерли въ его горлѣ, онъ упалъ на подушки, и снова водворилась тишина.

Холодный потъ покрылъ лобъ Леонарда. Онъ поправилъ простыни Жука, положилъ ему ледъ на голову и, только кончивъ все это, замѣтилъ, что тишина, царившая въ комнатѣ, еще увеличилась. Неустанный стонъ, тянувшійся передъ тѣмъ цѣлыми часами, прекратился. Лицо Жука стало спокойно, губы закрылись, онъ спалъ.

Леонардъ не шевелился. Онъ не смѣлъ вѣрить чуду. Вокругъ него густыя тѣни ночи какъ будто порѣдѣли. Слышалось дыханье Жука, очень легкое и частое, но спокойное. Это былъ несомнѣнно сонъ, сонъ такой тихій, что становилось страшно.

Радость, столь же сильная, какъ и прежній страхъ, охватила Леонарда. Неужели довольно было снова повѣрить, чтобы молитва была услышана? Онъ считалъ минуты: пять, десять, и каждая изъ нихъ казалась ему непомѣрно длинной. Онъ не выдержалъ и побѣжалъ разбудить Маделену.

— Выздоровѣлъ! онъ выздоровѣлъ! онъ спитъ!

Еще не очнувшись отъ сна, Маделена повторила нерѣшительнымъ голосомъ:

— Выздоровѣлъ! выздоровѣлъ!

— Увѣряю васъ, что онъ спитъ. Послѣ страшнаго припадка, ему стало лучше. Теперь онъ спитъ. Умирающій не можетъ такъ спать!

— Выздоровѣлъ! Вы говорите, что онъ выздоровѣлъ?—повторила Маделена.

И она разразилась громкими рыданіями. Она была сильна въ горѣ, но передъ такимъ счастьемъ въ ней сказалась женщина.

— Я хочу его видѣть; поскорѣй...

Леонардъ сжалъ руки Маделены.

— Идите, его сонъ успокоитъ васъ.

Онъ повелъ ее. Они снова сѣли у постели больного, теперь уже счастливые.

Съ своего мѣста они замѣчали правильныя, лишь изрѣдка прерываемыя, движенія поднимающейся и опускающейся груди Жука. Какъ онъ крѣпко спалъ! Они наслаждались этимъ покоемъ, они не замѣчали времени, они думали только о его

благодѣтельномъ вліяніи, объ этомъ снѣ, который становился все глубже и глубже. Ахъ, это было именно то чудо, какого они ждали! Они почти боялись спугнуть его. Такое счастье не можетъ не быть хрупкимъ. Они не смѣли ни говорить, ни двигаться. Отдаленный шумъ улицы раздражалъ ихъ. Мало по малу они привыкли къ этому покою и не такъ внимательно слѣдили за Жукомъ. Они смотрѣли въ глаза другъ другу и этого было довольно. Тишина, столь страшная до тѣхъ поръ, благопріятствовала ихъ мыслямъ. Въ воздухѣ проносилось безконечное успокоеніе. Инстинктивно чувствовалось, что совершается нѣчто великое, и что они никогда не забудутъ этихъ минутъ.

— Онъ уже давно спитъ, — прошепталъ, наконецъ, Леонардъ. Не надобно ли перемѣнить ледъ?

Маделена, относившаяся съ суевѣрной надеждой къ этому сну, отвѣчала:

— Нѣтъ еще.

Леонардъ настаивалъ.

— Перемѣните вы, у васъ такія нѣжныя ручки, что онъ не услышитъ.

Она встала съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, подошла и нагнулась къ головѣ своего любимца... Вдругъ Леонардъ услышалъ раздирающій крикъ; Маделена откинулась и упала на полъ въ обморокѣ.

Чудо не свершилось. Жукъ былъ мертвъ!

. . . .

Похороны происходили черезъ день, въ чудное утро, когда природа хочетъ, повидимому, воскресить весну. Веселый свѣтъ солнца разсыпался золотистою пылью въ воздухѣ.

Изъ Люксембурга, надъ которымъ высились покраснѣвшія верхушки деревьевъ, поднимались тысячи пріятныхъ звуковъ. Длинныя тѣни и сухіе листья покрывали землю восточнымъ ковромъ.

Нѣсколько человѣкъ, большею частью недавнихъ друзей, шли за гробомъ. По желанію Маделены, въ Сенъ Сюльписъ была отслужена обѣдня.

Ее служили въ боковомъ придѣлѣ. Священникъ торопливо произносилъ слова молитвъ, а въ это время въ двери церкви вносили другіе гроба съ тѣлами бѣдняковъ, для которыхъ не полагалось полнаго богослуженія. Аббатъ въ рясѣ наблюдалъ за этою процессіей мертвецовъ и кропилъ святою водою подмостки, непокрытые сукномъ.

По окончаніи службы, Маделена и Леонардъ остались одни. Они не плакали. Имъ пришлось проѣхать весь Парижъ, чтобы добраться до кладбища Пасси. Они пріѣхали туда уже въ одиннадцать часовъ.

Кладбище имѣло видъ сада; ограды изъ розовыхъ гераній казались цвѣтниками; подстриженныя лавровыя деревья скрывали могилы; кипарисы и тисы сплетали свои вѣтви съ вязами.

Минута, когда гробъ опустили въ землю, была ужасна. Потомъ стало легче. Вещественные знаки смерти исчезали вмѣстѣ съ гробомъ. Теперь Жукъ являлся имъ въ томъ идеальномъ и лучезарномъ свѣтѣ, какимъ мы обыкновенно окружаемъ нашихъ покойниковъ.

Маделена и Леонардъ ходили по аллеѣ кладбища. Имъ не хотѣлось уѣзжать: таинственная связь притягивала ихъ къ землѣ, въ которой покоился любимый человѣкъ.

Аллея была такъ густа, что въ нее не проникали лучи солнца. Со всѣхъ сторонъ виднѣлась зелень и зелень, мѣстами рѣшетка, увитая дикимъ виноградомъ, скрывала Парижъ отъ глазъ гуляющихъ.

Они прислушивались къ доносившимся до нихъ звукамъ. Рабочіе смѣялись, устанавливая мраморный памятникъ на могилѣ. Прошла женщина съ букетомъ въ рукахъ, подъ вуалью, точно шла на свиданіе.

Маделена проговорила въ полголоса:

— Ахъ, этотъ проклятый Парижъ, онъ все отнялъ у меня!

Напрасно скрывала его листва растеній: шумъ его врывался за стѣны кладбища; можно было ясно различить шаги прохожихъ, гулъ экипажей, рѣзкіе звуки трамваевъ; и все это сливалось въ одинъ своеобразный, грозный аккордъ.

Да, Парижъ все отнялъ у Маделены. Въ своемъ отчаяніи, она представляла себѣ, какъ хорошо устроилась бы ихъ жизнь, если бы Жукъ оставался въ магазинѣ отца и не допустилъ его до страшнаго банкротства; и ея ненависть къ городу возрастала: онъ сдѣлалъ это счастье невозможнымъ.

Леонардъ опустилъ голову. У него, какъ и у Маделены, Парижъ все отнялъ. Благодаря Парижу, сердце его умерло, умъ былъ пустъ, воля ослабѣла. У него не было Бога, не было любви, не было цѣли!

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Въ этомъ шумѣ можно затеряться! Этотъ шумъ подавляетъ васъ своимъ равнодушіемъ!

И они снова стали прислушиваться. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, они почти защищены отъ прикосновенія города. У нихъ явилось желаніе навсегда остаться на кладбищѣ. Какъ пріятно было бы сѣсть на одну изъ могилъ, около аллеи, и навсегда остаться тамъ.

— Какъ вы думаете устроиться?—спросилъ, наконецъ, Леонардъ.

Маделена грустно улыбнулась.

— Я поѣду къ отцу.

— Вы, значитъ, знаете, гдѣ онъ?

— Я узнала вчера.

— А послѣ?

— Послѣ? Не все ли равно?

— Сдѣлайте мнѣ милость, обѣщайте, что вы вспомните обо мнѣ. Весь остатокъ нѣжности въ моемъ сердцѣ, весь остатокъ моего состоянія принадлежатъ вамъ. Вы имѣете полное право располагать ими.

Маделена пристально взглянула на него и отвѣчала:

— Благодарю васъ, мнѣ ничего не нужно.

Ея романъ кончился. Книга ея сердца закрывалась. Ничья рука не въ состояніи была снова открыть ее.—Затѣмъ она прибавила почти холодно:

— Простите, что я отняла у васъ такъ много времени. Если бы онъ не звалъ васъ...

Леонардъ перебилъ ее:

— О, вы жестоки!

Онъ готовъ былъ разразиться цѣлымъ потокомъ горькихъ словъ. Какъ можетъ она извиняться, говорить о его времени? Неужели она не понимаетъ, что онъ также рѣшился скрыть свое нравственное банкротство въ какомъ нибудь глухомъ углу?

Для Леонарда, какъ и для Маделены, борьба кончилась. Онъ бѣжитъ съ поля битвы. Со вчерашняго дня у него явилось страстное желаніе покинуть этотъ проклятый городъ, который ничего не далъ ему, кромѣ горя. Онъ тоже перечиталъ свой романъ. Всѣ тѣ люди, благодаря которымъ онъ страдалъ, Марсель, Пропіакъ, Мальвиль, всѣ тѣ пособники, которые способствовали его пораженію, Серве, Берньеръ, Шеденъ, всѣ прошли передъ его умственнымъ взоромъ, и онъ сознался передъ ними, что побѣжденъ. Ему оставалось одно: уѣхать. Онъ уѣдетъ, куда? онъ еще и самъ не знаетъ; онъ жадно желаетъ одного только покоя, онъ отказывается отъ всѣхъ честолюбивыхъ стремленій, онъ проситъ у жизни одного только мира и забвенія, но сомнѣвается, чтобы она хоть ихъ подарила ему.

Бродя по кладбищу, они случайно подошли къ высокому памятнику въ греческомъ стилѣ. Розы и золотистыя лиліи покрывали его великолѣпныя стѣны.

Дрожь охватила ихъ, когда они проходили мимо рѣшетчатой двери. Внутри стоялъ бюстъ молодой дѣвушки, а вокругъ него нѣсколько стульевъ, кушетка, кисти, палитры, увядшія пальмы. Живущимъ вздумалось надъ могилой покойницы воспроизвести ея любимую комнату. Но меблировка этой комнаты въ свою очередь уничтожалась подъ разрушительнымъ вліяніемъ медленнаго тлѣнія. Леонардъ указалъ на памятникъ.

— Вотъ моя жизнь: цвѣты и свѣтъ извнѣ, запущеніе и тлѣнъ внутри... Къ чему молодость и богатство, когда душа безплодна?

— Счастливы тѣ, кто умираетъ,—отвѣчала Маделена.

— Можетъ быть, смерть есть единственное благодѣяніе жизни!—прошепталъ Леонардъ.

Въ первый разъ онъ понялъ, что смерть, которой онъ такъ боялся, можетъ быть пріятной и желательной.

— Будемъ ждать ее съ надеждой,—сказала Маделена.

Они разстались, чтобы идти по неизвѣстнымъ путямъ къ новой цѣли—къ смерти.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Дневникъ Леонарда.

(Выдержки).

Неверъ. Сентябрь 189... Городъ, тѣнь Сенъ Сира, стержни флюгеровъ, скрипящихъ надъ чердаками, трава на улицахъ— ничто не измѣнилось. Небо дремлетъ. Облака походятъ на грязную паутину, которую забыли вымести. Луара не течетъ: она останавливается, чтобы не портить изображеній домовъ, которые отражаются въ ней... Надо всѣмъ этимъ тишина или звонъ колоколовъ, звонъ, который я ненавижу. Мнѣ кажется, что мои мысли тянутся, точно слова въ залѣ съ хорошимъ резонансомъ. Онѣ болѣзненно ударяются о мозгъ и отскакиваютъ отъ него, всѣ одинаково однообразныя, одинаково смутныя. Я стараюсь записать ихъ и не нахожу словъ. Пустота, отъ которой можно сойти съ ума!

Сентябрь. Я выхожу изъ дома только по вечерамъ: я не хочу, чтобы меня видѣли. Я упорно повторяю свои прежнія прогулки. Прежде всего я прохожу по Монастырской улицѣ. Деревья епископскаго дома выросли. Они теперь раскинули свои вѣтви надъ улицей. Я спускаюсь по лѣстницѣ съ улицы Фаянсовщиковъ и дохожу до Луары.

Призракъ моей юности ведетъ меня. Я слѣдую за нимъ, сердце мое сжимается. У меня является сознаніе, что я лишь тѣнь его, та плоская тѣнь, которая слѣдуетъ за пѣшеходомъ, которую всякій давитъ ногой, а она этого не чувствуетъ.

По временамъ стѣны напоминаютъ мнѣ тѣ мечты, которымъ я предавался нѣкогда, стоя передъ ними. Таинственное существо, идущее впереди меня, оборачивается: оно меня не жа-

лѣетъ; оно находитъ, что я смѣшонъ и трусливъ, и я сознаю, что оно право. Оно говоритъ, что, если бы у меня было больше проницательности и меньше наивности, моя жизнь могла бы быть полезной. Оно прибавляетъ:

— Не хочешь ли начать сначала, умудренный пріобрѣтеннымъ опытомъ?

И я отказываюсь...

Сегодня я нечаянно попалъ на улицу «Четырехъ сыновей Айтона»; я не рѣшался идти дальше; внезапный порывъ увлекъ меня. Мнѣ пришлось сдѣлать большое усиліе надъ собой, чтобы идти своей обычной походкой. Низкая калитка во дворъ Сенъ Луи де Гонзагъ была заперта. Коллегія спала...

Сентябрь. На Соборной площади.

— Какой счастливый случай! Нѣтъ, я не ошибаюсь, это Кланъ!

— Извините, милостивый государь, ваше лицо мнѣ, кажется, знакомо, но я не могу вспомнить вашу фамилію.

— Лани.

Онъ тотчасъ же разсказалъ мнѣ, что у его второго сына корь: его домъ въ карантинѣ, чтобы не распространять заразы. Онъ нотаріусъ въ Сансеррѣ, очень занятъ, пользуется общимъ уваженіемъ; онъ растолстѣлъ, огрубѣлъ, мысль его неповоротлива, рѣчь тягуча.

— Ну, а ты что подѣлываешь?

— Ничего, отвѣчаю я, и это слово терзаетъ меня. Мы прощаемся весьма любезно, но безъ обѣщанія снова увидѣться.

Октябрь. Нѣтъ, эта тишина, это удаленіе отъ міра, эти прогулки при лунномъ свѣтѣ съ разными сантиментальными воспоминаніями—все это самообманъ. Я ненавижу уединеніе. Я не могу быть неудачникомъ, у меня настоятельное стремленіе властвовать. Мое истинное страданіе происходитъ только отъ оскорбленнаго тщеславія: все остальное умерло, но никакая буря не могла убить этого тщеславія. Оно осталось, оно составляетъ мой главный порокъ. Я хочу, я требую, чтобы хоть на одинъ день дѣйствительность удовлетворила его.

Вчера сердце мое не было затронуто холоднымъ прощаньемъ, которымъ закончился мой холодный разговоръ съ Лани. Несомнѣнно въ этомъ окончаніи дружбы есть не мало ироніи. Мы сосредоточиваемъ на одномъ существѣ цѣлыя сокровища нѣжности; мы въ теченіе восьми лѣтъ какимъ-то непонятнымъ способомъ подставляемъ свой умъ вмѣсто его ума; время проходитъ, и мы замѣчаемъ, что это существо болѣе чуждо намъ, чѣмъ первый попавшійся слуга. А между тѣмъ это не оскорбляетъ насъ: дѣло въ томъ, что любовь не требуетъ возврата—она сама въ себѣ находитъ свою награду.

Душа моя возмущена только тѣмъ, что она могла такъ обмануться.

У меня была живая кукла, которую я въ дѣтствѣ надѣлялъ всевозможными достоинствами. Я говорилъ ей страстныя рѣчи. Около нея я удовлетворялъ юношескую потребность въ нѣжности, это первое стремленіе къ любви. Эта дѣтская игра была завлекательна, но, когда игра кончилась, я заперъ куклу въ шкафъ, и мы больше не видались. Все это вполнѣ логично и нисколько не удивительно.

И вотъ, случайно, моя игрушка вышла на свѣтъ Божій. Я вижу, что она безобразна. Или я не умѣлъ глядѣть на нее, или мнѣ нарочно подсунули такую дрянь: это или глупость, или обманъ. И вотъ на это, только на это я и злюсь, злюсь до того, что готовъ кричать!

Октябрь. За обѣдомъ г-жа Нонъ говорила о неверцахъ; мнѣ казалось, точно цѣлая толпа сидѣла за столомъ и смотрѣла какъ мы ѣдимъ.

Ронъ-Майеры тоже обанкротились. Все племя улетѣло, унося съ собой сбереженія сельскихъ священниковъ, служанокъ и разныхъ благочестивыхъ обществъ.

Г-жа Нонъ весьма снисходительна въ своихъ сужденіяхъ о нихъ:

— Самый честный банкиръ можетъ сдѣлаться жертвой катастрофы, а вотъ этотъ отвратительный Жукъ велъ себя, какъ подлецъ! Что подѣлываетъ его сынъ?

— Онъ умеръ.

— Это очень счастливо!

И она переходитъ къ другимъ темамъ разговора:

— Серве женился.

— Я знаю.

— Вотъ молодой человѣкъ, который служитъ утѣшеніемъ своей семьи!

Наконецъ: г-жа Берньеръ спрашивала о моемъ здоровьѣ. Мое пребываніе въ Неверѣ можно объяснить исключительно желаніемъ поправиться послѣ тяжкой болѣзни.

— Что мнѣ отвѣчать, когда меня станутъ спрашивать о твоихъ планахъ на будущее?

— Не отвѣчайте ничего, тогда перестанутъ спрашивать.

— Я ненавижу тайны.

— А я нескромные вопросы.

Обѣдъ заканчивается въ молчаніи.

Октябрь. Дѣйствовать! но какъ?

Я чувствую, что я съ своими желаніями точно заключенный въ тюрьмѣ. Я ухожу, я возвращаюсь, я клянусь, что сдѣлаю то и то, что пойду туда то. Но я не знаю, какимъ способомъ

пробить стѣну и вырваться на свободу, безъ которой все это невозможно.

Октябрь. Медленно выясняются причины.

Я видѣлъ, какъ при одномъ физическомъ опытѣ взбалтывали склянку, въ которую было влито нѣсколько различныхъ жидкостей. Смѣсь утратила всякій опредѣленный цвѣтъ, пѣнилась; потомъ разнородныя плотности оказали дѣйствіе и всѣ жидкости размѣстились по порядку, въ совершенно чистомъ видѣ. Уединеніе дѣйствуетъ точно также на душу: оно приводитъ въ порядокъ умственный хаосъ. Такимъ образомъ теперь я ясно вижу всѣ свойства своего организма.

Разъ этотъ анализъ будетъ установленъ, я не сомнѣваюсь, что явится и цѣль жизни. Все осуществимо; успѣхъ зависитъ отъ раціональнаго примѣненія силъ: нелѣпо требовать отъ геометра курсъ эстетики и отъ локомотива печенье хлѣба. Одинъ философъ слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ, что значитъ поступать хорошо: «никогда не отклонять предметъ отъ той цѣли, ради которой онъ созданъ».

Интеллектуальная сторона моей личности не измѣнилась послѣ Сенъ Луи де-Гонзагъ. Да и почему бы ей мѣняться? Дерево сохраняетъ ту форму, какую имѣло, когда было деревцомъ, и отказывается принимать другую.

Я буду точенъ. Разсмотримъ сначала главную двигательную силу: воображеніе.

Моему воображенію недостаетъ творчества; оно умѣетъ только описывать. Я самъ никогда не находилъ рѣшеній, я всегда только развивалъ тѣ, которыя были мнѣ подсказаны. Я безплоденъ и въ то же время плодовитъ. Я беру на соломенку мыльной воды и дую. Пузырь увеличивается, окрашивается. Я далъ отъ себя лишь немного воздуху, но я восхищаюсь, я кричу: «Вотъ мое произведеніе!» А пузырь лопается.

Насколько я себя помню, я всегда былъ до нѣкоторой степени умственнымъ калѣкой. Это искалѣченье производилось преднамѣренно, путемъ постоянныхъ усилій.

Въ Сенъ Луи де-Гонзагъ чтеніе было запрещено (я не говорю о смѣшныхъ романахъ, предназначавшихся для развлеченія). Я слышалъ, какъ одинъ отецъ іезуитъ серьезно обсуждалъ, можно-ли читать Мольера, не впадая въ смертный грѣхъ. Методъ катехизиса распространялся на литературу и на философію. Я могъ свободно обсуждать достоинства Ла-Брюера или Ренье, никогда не видавъ ихъ сочиненій, у меня даже не являлось серьезнаго желанія прочесть ихъ. По философіи мнѣ приходилось писать массу диссертацій. На каждую изъ нихъ полагалось два часа. Этого было даже слишкомъ много, такъ какъ все дѣло сводилось къ тому, чтобы правильнымъ слогомъ изложить конспектъ, продиктованный отцомъ Лабръ.

Тѣ словесныя упражненія, какими занимали умъ мой въ то время, имѣли, впрочемъ, вполнѣ опредѣленную форму. Основною чертою ея являлось чрезмѣрное пристрастіе къ плану. Планъ могъ не совпадать съ раціональной группировкой идей; но необходимо было выразить его въ синтетическихъ таблицахъ со скобками и тире.

Я выучился восхищаться планамъ даже у Лафонтена, да проститъ мнѣ тѣнь поэта! Въ исторіи мнѣ также открытъ былъ планъ, составленный до нѣкоторой степени на подобіе проповѣди іезуита. Построеніе его довольно однообразно: народы вольнодумные или враждебные папству претерпѣваютъ пораженія отъ народовъ болѣе разумныхъ; мирный договоръ закрѣпляетъ ихъ позоръ.

Приниженіе личности, склонность подчиняться общепринятымъ мнѣніямъ, стремленіе располагать ихъ по опредѣленному плану—вотъ характерныя черты моего воображенія.

Ни малѣйшаго художественнаго чувства: оно требуетъ извѣстныхъ движеній души и субъективнаго воспріятія. Почти никакой любознательности, такъ какъ я не испыталъ труда, необходимаго для пріобрѣтенія знанія. За то у меня есть два недостатка, которые можно назвать силой. Дѣйствительно, толпа любитъ, чтобы ей повторяли то, что она знаетъ,—новыя свѣдѣнія представляются ей всегда подозрительными. Она любитъ также классификацію, хотя-бы фантастическую. Эта классификація не прибавляетъ ни одного имени къ каталогу, но она измѣняетъ его форматъ.

Наконецъ, я умѣю играть данными мнѣ мыслями, какъ костями домино. Эти мысли всѣ однородны и не прибавляются въ числѣ, но ихъ можно переставлять по произволу, что дѣлаетъ комбинаціи ихъ безконечными и изощряетъ мой умъ. Расчленяя, я научился различать: я могу, что угодно, разложить и обезобразить.

Одного члена въ уравненіи не хватаетъ. Задача остается непонятной, надобно выяснить ее. Во мнѣ убили духъ критики.

Когда я говорю о своей умственной жизни, слово «игра» часто приходитъ мнѣ въ голову. Это самое вѣрное слово. Мой умъ занимали безвредными идеями, чтобы онъ не думалъ ни о чемъ другомъ. Убили въ немъ всякое желаніе новаго и хотѣли, чтобы онъ безъ колебанія принималъ все, что ему давали. Это вполнѣ логично.

Я поклонялся буквѣ, такъ какъ мнѣ показали насколько это удобно. Я презиралъ критическій смыслъ, такъ какъ мнѣ доказали его безполезность. Съ какой ироніей относились въ Сенъ Луи де-Гонзагъ къ занятіямъ точными науками!

По программѣ школы они причислялись «къ второстепен-

нымъ предметамъ». Отецъ Декюрвиль, преподавая геометрію, требовалъ заучиванія наизусть доказательствъ. И къ чему, въ сущности, критика, когда ее нельзя примѣнять? Конспекты отца Буажоля или отца Лабра устраняли необходимость въ ней. Моя лѣность помогала имъ.

Октябрь. Надобно быть спокойнымъ.

Мнѣ необходимо полное безпристрастіе, чтобы закончить анализъ, который я рѣшился сдѣлать. А между тѣмъ меня раздражаетъ, что я, разбирая свое настоящее положеніе, принужденъ постоянно обращаться къ прошедшему. Мое воспитаніе есть призма, поставленная при основаніи лучей, освѣщающихъ меня: она ихъ разлагаетъ и отклоняетъ въ сторону. Благодаря ей, дѣйствительность представлялась мнѣ всегда въ измѣненномъ видѣ. Я остаюсь скорбнымъ листомъ ученика Сенъ Луи де-Гонзагъ.

Чтобы сдѣлать изъ меня то покорное существо, какое было нужно *имъ*, *они* занимали мою волю такими же пустяками, какъ и мой умъ: я мистикъ.

Спрашиваю себя. Что такое мистикъ? Я не могу объяснить этого, потому то я и мистикъ. Это мельница, которая вертится по пустому. Это машина, которая можетъ служить для всего и не служитъ ни для чего.

Я хочу любить и не люблю ничего, чтобы имѣть возможность любить нѣчто другое. Я хочу дѣйствовать, и я не дѣйствую, чтобы имѣть возможность дѣйствовать въ другой, неизвѣстной жизни. Я преклонялся передъ божествомъ: это божество исчезло, потому что я захотѣлъ точно опредѣлить его сущность. Мой мистицизмъ есть исканіе невозможнаго. Я ни во что не вѣрю, я желаю всего: достаточно дать мнѣ то, о чемъ я мечтаю, и оно становится для меня не нужнымъ.

Цѣль, поставленная такимъ образомъ, ослабляетъ волю. Моя воля увлекается недостижимымъ и отступаетъ передъ фактами. У меня чрезмѣрное честолюбіе и страхъ передъ отвѣтственностью.

Они учили меня когда то, что малѣйшіе поступки имѣютъ серьезное значеніе, такъ какъ они должны быть подчинены закону; послѣ этого я привыкъ всюду видѣть грѣхъ. Я стою передъ всѣмъ возможнымъ, какъ передъ высокою стѣною; я воображаю, что за этой стѣной скрывается чудный пейзажъ; я всю свою энергію трачу на то, чтобы желать увидѣть его; но я въ тоже время думаю, что, перелѣзая черезъ стѣну, я могу поранить себя, что, можетъ быть, этотъ пейзажъ вовсе не отличается отъ окружающаго меня и... я остаюсь на мѣстѣ.

Октябрь. Два письма. Ихъ конверты, исписанные адресами, показываютъ, что они долго ходили, прежде чѣмъ нашли мое убѣжище.

Одно отъ Серве: онъ меня приглашаетъ на свадьбу.

Другое отъ Марсели: она проситъ свиданія и еще денегъ.

Обѣ развязки страстной любви лежатъ тутъ, рядомъ: комедія кончена, опустимъ занавѣсъ.

Октябрь. Меня мучитъ вотъ какая мысль: постоянно задумываясь надъ послѣдствіями, я придавалъ фактамъ слишкомъ большое значеніе, какого они въ сущности не имѣли. Моя глупость ростетъ по мѣрѣ того, какъ жизнь моя становится болѣе ничтожной.

Я сотрудничалъ въ маленькихъ журнальчикахъ латинскаго квартала и считалъ себя литераторомъ. Я писалъ, довольно плохо, въ мелкихъ газеткахъ и сердился, что журналистика не признаетъ меня. Я просмотрѣлъ нѣсколько книгъ по соціальнымъ наукамъ и вообразилъ себя ученымъ. Весьма обыкновенная интрига лишила меня мѣста лектора, и мнѣ представилось, что я теряю весь міръ. Наконецъ, я взялъ себѣ любовницу.

Мою жизнь можно разсказать въ десяти строкахъ. Ничего особеннаго со мной не случилось. У всякаго человѣка бываютъ любовницы, всякому приходится напрасно добиваться мѣста, но никто вслѣдствіе этого не обвиняетъ общество въ непомѣрной жестокости. Притомъ, не смѣшно ли думать, что я серьезно хотѣлъ управлять страной съ кафедры «Общественной классификаціи»?

А между тѣмъ моя жизнь есть трагедія. Я страдалъ и теперь страдаю. Всякое ничтожное обстоятельство наноситъ мнѣ глубокія раны. Разъ факты были просты, значитъ, я самъ не былъ простъ.

Событія не виноваты; всякія другія имѣли бы тѣ же послѣдствія. Въ этомъ вся разгадка: я существо не нормальное, я былъ извращенъ со спеціальною цѣлью, я не могу примѣниться къ жизненнымъ условіямъ...

Октябрь. Вотъ что ужасно: *они* по своему измѣнили мое сознаніе, они разрушили мою жизнь, и я не знаю, почему это? Какая у нихъ была цѣль? Сдѣлать изъ меня іезуита, подобнаго имъ? Хорошо! Но для чего же желали они этого? Кто набираетъ солдатъ, тотъ намѣревается вести войну съ кѣмъ нибудь или съ чѣмъ нибудь. Я раздумываю: имъ некого побѣждать. Они не могутъ имѣть цѣли, разъ у нихъ нѣтъ желаній. Деньги? они ими не пользуются. Могущество? они его имѣли и не пользовались имъ. Любовь? они цѣломудренны. Властолюбіе? они всю жизнь проводятъ въ подчиненіи.

Они не только не имѣютъ опредѣленной цѣли, но они вполнѣ безсильны. Ихъ боялись лишь въ то время, когда Вольтеръ игралъ роль отца церкви. Они обратили въ христіанство Индію и управляли Парагваемъ: Индія и Парагвай

освободились отъ нихъ. Они руководили тремя европейскими монархіями: исторія, подробно разсказывающая, какихъ усилій имъ стоило пріобрѣсти это вліяніе, молчитъ о томъ, каковы были его результаты. Они хотятъ господствовать надъ папствомъ и не соглашаются быть папами.

Анализируя состояніе своего сознанія, я думалъ, что пойму ихъ духовную жизнь: но сила, двигающая ими, остается неизвѣстной. Можетъ быть, она и не существуетъ.

Я зналъ музыкантовъ, которые имѣли мало вкуса къ музыкѣ, но любили исполнять самыя трудныя вещи. Они играли на скрипкѣ, но съ такимъ же удовольствіемъ стали бы строить карточные домики: все это было для нихъ простымъ времяпровожденіемъ. Іезуитъ, вѣроятно, играетъ душами тоже для времяпровожденія. Онъ дилетантъ. Онъ любитъ власть ради ея самой. Въ той борьбѣ, какую онъ ведетъ, личности для него ничто, и предметъ спора и результатъ тоже ничто; существуетъ одно только удовольствіе борьбы. Онъ наслаждается возможностью дѣйствовать.

Онъ подобенъ бѣлкѣ, запертой въ колесѣ. Она толкаетъ колесо. Оно быстро вертится, ось дрожитъ, кажется, вся клѣтка уносится съ головокружительной скоростью... Бѣлка осталась на томъ же мѣстѣ, она не ушла ни назадъ, ни впередъ, она ничего не производитъ, ни къ чему не стремится, она просто дѣйствуетъ.

Переходя къ умственной жизни, надобно сказать, что іезуитъ думаетъ только для того, чтобы изощрить свой умъ. Онъ не долженъ привязываться къ идеямъ, онъ долженъ разсматривать ихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Число этихъ идей преднамѣренно ограничено. Большое количество ихъ затуманило бы голову безъ всякой пользы. Такъ св. Игнатій совѣтуетъ не думать о нѣкоторыхъ предметахъ, о происхожденіи зла, о теоріи субстанціи и проч.; благомыслящіе умы, не имѣя возможности разрѣшить нѣкоторые вопросы, будутъ только напрасно мучиться ими. Новичку монаху предлагаютъ связки избранныхъ идей. Онъ долженъ всю жизнь согрѣваться ими.

Хорошій іезуитъ долженъ быть равнодушенъ; вслѣдствіе этого онъ обладаетъ безпристрастіемъ, необходимымъ для оцѣнки положеній. Онъ долженъ быть вѣрующимъ, т. е. слѣпо убѣжденнымъ въ своемъ правѣ; мистикомъ, т. е. смотрѣть съ презрѣніемъ на окружающую дѣйствительность; находчивымъ, чтобы бороться съ непредвидѣнными случайностями; послушнымъ, что устраняетъ отвѣтственность; лишеннымъ желаній, что даетъ возможность удовлетворять минутныя прихоти. Наконецъ, онъ не одинокъ: онъ составляетъ часть извѣстной общины, что даетъ ему сознаніе его силы.

Орудіе превосходно!

Мнѣ приходитъ въ голову, что я обладаю всѣми этими качествами и всѣми этими недостатками... Сумма ихъ сдѣлала изъ меня неудачника; если бы я вступилъ въ общину, ихъ было бы достаточно, чтобы сдѣлать меня страшнымъ...

Какая странная мысль!..

Октябрь. Страшная ночь. Мнѣ постоянно снилось мертвое тѣло Жука. Отъ вѣтра скрипѣли флюгера на крышѣ. Какъ вѣтеръ вертитъ флюгера, такъ и размышленія послѣднихъ дней вернули мое сердце на прежнее мѣсто и не дали ему успокоенія.

Октябрь. Я не могу примириться съ выводами Мальвилля. Природа нелѣпое божество.

Вчера я гулялъ по холмамъ. Склоны ихъ были покрыты веселою зеленью. Земля, казалось, блаженствовала. Она раздражала меня, какъ глупая физіономія. Ея инертность возмущала меня.

Я готовъ повиноваться силамъ, но съ тѣмъ, чтобы онѣ были сознательны. Я хочу, чтобы онѣ были подобны мнѣ. Мнѣ нужно отражаться въ нихъ, какъ въ водѣ озера. Я не могу сказать почему, но мнѣ нуженъ богъ, подобный мнѣ, двигающійся, дѣйствующій, говорящій.

Октябрь. Ахъ, кто не испыталъ мукъ религіознаго кризиса, не можетъ понять ихъ. Страданія обманутой любви далеко не такъ сильны! Христосъ былъ моимъ міромъ. Причащаясь, я испытывалъ блаженство, отъ котораго весь дрожалъ. Даже когда я грѣшилъ, я чувствовалъ, что люблю Христа, потому что своими грѣхами я причинялъ ему страданіе, а заставлять страдать любимое существо есть потребность любви.

Вдругъ онъ исчезъ!..

Послѣ того какъ мы любили человѣка, мы можемъ ненавидѣть его, это другое проявленіе любви. Но я не могу ненавидѣть Бога!

Мое мученіе обостряется. Я открываю, что мой умъ никогда не вѣрилъ въ Бога. Разсудкомъ я всегда былъ атеистомъ или пантеистомъ, что все равно. А между тѣмъ всѣ мои чувства призываютъ Бога; я не могу жить, если Его нѣтъ. Я постоянно придумываю разные софизмы, чтобы заглушить свой разсудокъ. Я не вѣрю, а меня воспитали такъ, что я хочу вѣрить...

Ноябрь. Я не хотѣлъ быть на свабьдѣ Серве... а поѣду.

Я тоже не хочу записывать одну мысль, которая постоянно возвращается ко мнѣ, она логична, она чудовищна, и только она одна привлекаетъ меня.

Все плыветъ по теченію. Мнѣ бы хотѣлось умереть.

Ноябрь. Бракосочетаніе совершилось торжественно и прилично.

Наслѣдница живетъ въ деревнѣ. Ея замокъ (для наслѣдницы всякій домъ—замокъ) расположенъ на зеленѣющей горѣ, господствующей надъ Отеномъ. Выѣхали рано утромъ; шелковыя платья шумѣли и блестѣли подъ зимнимъ солнцемъ; холодный вѣтеръ дулъ въ лицо. При въѣздѣ въ городъ римскія ворота приняли подъ свою сѣнь свадебный поѣздъ, но никто не нашелъ себя ничтожнымъ или смѣшнымъ. Пропіакъ не явился благословить дѣло рукъ своихъ.

Въ ризницѣ я поздравилъ Серве. У него былъ сіяющій видъ человѣка, который, наконецъ, заводится новымъ хозяйствомъ.

— Все очень хорошо сошло,—прибавилъ я.

— Ахъ, другъ мой, это очень добрая дѣвушка,—отвѣчалъ онъ, и я не могъ догадаться, къ кому относились эти слова, къ новобрачной или къ Фели.

Можетъ быть, онъ и самъ этого не зналъ.

Послѣ этого начались общія поздравленія молодыхъ.

Преподобный отецъ Берньеръ подошелъ одинъ изъ первыхъ. Онъ остался такимъ, какъ былъ, блѣднымъ, узкимъ въ плечахъ и въ мысляхъ. Всѣ относились къ нему съ почтеніемъ; его имя шопотомъ называли другъ другу. Онъ сѣлъ около стола и вѣжливо отвѣчалъ на поклоны незнакомыхъ людей. Я слышалъ, какъ одна дама рекомендовала ему свою дочь. Дѣло въ томъ, что лицо его, не обнаруживающее возраста, позволяетъ предполагать, что онъ достигъ тѣхъ лѣтъ, когда монахи занимаются сватаньемъ.

Послѣ него къ молодымъ подошелъ Шеденъ и сказалъ мадригалъ. Волосы его блестѣли, какъ хорошо вычищенный башмакъ. Онъ улыбался, показывая свои желтые зубы; по моему, онъ безвреденъ и невыносимъ.

Кто то спросилъ, глядя на него:

— Не знаете ли, кто этотъ господинъ, высокій и некрасивый?

Одна изъ горожанокъ отвѣтила:

— Это очень умный человѣкъ. Онъ профессоръ парижскаго университета.

Такъ невинныя уста распространяютъ легенды.

Делестанъ не былъ въ числѣ приглашенныхъ. Онъ пришелъ вмѣстѣ съ толпой. Онъ былъ одѣтъ въ платье изъ домотканнаго сукна, и Серве холодно обошелся съ нимъ.

— Ну, что,—спросилъ я его,—дядюшка, который былъ при Сенъ Прива, все еще живъ?

Но онъ не помнилъ, на что я намекалъ. Въ свою очередь онъ спросилъ меня:

— Не знакомъ ли ты съ директоромъ ботаническаго сада?

Я отвѣчалъ отрицательно, и онъ тяжело вздохнулъ. Этотъ храбрый воинъ все еще занимается продажею удобреній.

Публика не расходилась. Шелъ взаимный осмотръ туалетовъ. Показывали другъ другу Брюэ. Свѣдущіе люди шептали:

— Это одинъ изъ самыхъ богатыхъ банкировъ Парижа.

По этому случаю сказано было нѣсколько словъ противъ евреевъ. Не обращая вниманія на эти разговоры, Брюэ внимательно слушалъ Берньера.

Я нарочно спросилъ у одного изъ своихъ сосѣдей:

— Не тотъ ли это Брюэ, котораго отцы исключили изъ коллегіи?

— Напротивъ,—негодующимъ голосомъ отвѣчалъ онъ,— отцы покровительствуютъ ему!

Я былъ неизвѣстенъ, меня никто не замѣчалъ, и я на свободѣ могъ наблюдать за этими куклами, украшенными или громкимъ именемъ, или наряднымъ платьемъ, куклами, по ироніи судьбы, носящими названіе «правящаго класса». Я мечталъ о томъ, какъ должно быть пріятно дергать невидимыя нити, управляющія ими! Какое наслажденіе встрѣчать всюду повиновеніе и съ гордостью сознавать, что ты одинъ знаешь, съ какими цѣлями требуется это повиновеніе...

Я пишу эти строки только для того, чтобы запомнить свои мечты; мнѣ думалось: неужели достаточно согласиться на обманъ и надѣть извѣстное платье, чтобы все это изъ мечты превратилось въ дѣйствительность!

Ноябрь. Я не объясняю своего бреда: я его записываю.

Я завидую Берньеру. Онъ ничто и онъ все. Этотъ трупъ въ моихъ глазахъ оживляется страшною и таинственною жизнію. Онъ есть одна изъ формъ многообразной силы, которая ради собственнаго удовольствія устраиваетъ банки и семьи. Онъ является представителемъ соціальной власти.

Я точно также завидую г-жѣ Нонъ. Г-жа Нонъ живетъ внѣ настоящаго времени. Ея сердце никогда не имѣло желаній. Монастырская улица и Сенъ Сиръ — вотъ границы ея міра. Ея набожность непоколебима, какъ привычка. Она молится также, какъ ѣстъ, въ опредѣленные часы и для сохраненія собственнаго здоровья. Это какой то покинутый дворецъ, который уже ни къ чему не служитъ, но таинственное прошлое котораго является насмѣшкой надъ нашей дѣятельностью.

Ноябрь. Жить, возвышаться надъ посредственными людьми, собраніе которыхъ образуетъ толпу, быть руководителемъ людей, никому этого не говорить, знать это, пользоваться, наслаждаться этимъ!

Это не мечта. Поѣздъ остановился на полномъ ходу: ма-

машина свиститъ, чтобы ѣхать дальше, двигаетъ поршень, скользитъ и остается на мѣстѣ; приходитъ человѣкъ, бросаетъ песку подъ колеса; побѣжденная и въ тоже время возвратившая себѣ свою силу, машина немедленно двигается. И такъ, довольно было песчинки! Въ концѣ концовъ, дѣйствительно-ли это будетъ лицемѣріе?

Ноябрь. Снѣгъ падаетъ мелкими хлопьями. Изъ окна я смотрю на небо, которое, кажется, спускается и накрываетъ долину. Нигдѣ не слышно шума. Не видно почти ни одного дома. Мое одиночество продолжается и скрываетъ отъ меня весь міръ.

Чтобы нарушить молчаніе моей души, я роюсь въ библіотекѣ. Я пересмотрѣлъ свои наградныя книги. Нѣкоторыя изъ нихъ съ золотыми обрѣзами. Всѣ въ яркихъ переплетахъ, на которыхъ сіяетъ солнце Ордена. На красномъ листкѣ, вклееномъ внутри, обозначено по латыни, за что дана награда. И мнѣ вспоминаются веселые часы, цвѣтущій дворъ, наши мундиры, составлявшіе какъ бы золоченую рамку для присутствующихъ. Съ эстрады отецъ Сикстъ провозглашаетъ имена. Епископъ раздаетъ награды за хорошее поведеніе. Родители раздаютъ меньшія награды. Музыка аккомпанируетъ этой длинной церемоніи, точно въ циркѣ.

Можетъ быть это зима навѣваетъ на меня грусть. Я испытываю странное удовольствіе, предаваясь воспоминаніямъ.

Ноябрь. Очень трудно допустить въ противникѣ добросовѣстность. По большей части это является въ то время, когда душа становится спокойнѣе или устаетъ ненавидѣть.

Вчера вечеромъ, пока я раздумывалъ, сидя въ сумеркахъ у себя въ комнатѣ, я почувствовалъ, что новый свѣтъ озарилъ мое прошлое.

Съ какой стати я ненавижу Пропіака? Если онъ дѣйствительно *вѣритъ*, все, что онъ сдѣлалъ, оказывается, напротивъ, справедливымъ и даже героическимъ.

Я искалъ прежде и не могъ найти мотива ихъ дѣятельности. Я былъ слѣпъ. Они вѣруютъ, и этого довольно. Какъ вѣрующіе, они презираютъ настоящую жизнь, такъ какъ она ничто сравнительно съ будущей, они презираетъ общество, такъ какъ для народовъ нѣтъ рая.

Одно только имѣетъ значеніе: спасти отдѣльныя личности; если нужно, хоть насильно навязать мнѣ блаженство. Врачъ не обращаетъ вниманія на вкусъ лѣкарства. Онъ заботится о томъ только, чтобы вылѣчить.

И мнѣ кажется, что вѣра, понятая такимъ образомъ, есть источникъ ужасающей силы и странной слабости. Представимъ себѣ генерала, занятаго исключительно ловлею отсталыхъ или

отдѣльныхъ отрядовъ: онъ, можетъ быть, разоритъ страну, но онъ не покоритъ ее.

Ноябрь. Спенсеръ начинаетъ такимъ образомъ свои «Основныя положенія»: «Намъ случается слишкомъ часто забывать не только то, что есть частица добра въ дурномъ, но и то, что есть доля истины въ ложномъ».

Это великія слова.

Ноябрь. Нечего хитрить. Надо высказать то, что давитъ меня. Самое дѣйствіе не пугаетъ меня, такъ какъ я его желаю; остается страхъ передъ словомъ, глупый страхъ, который я хочу убить. Мой умъ, моя совѣсть извращены, моя воля ослаблена для того, чтобы этотъ умъ, эта совѣсть, эта воля стали именно такими, какіе нужны для іезуита. Я, слѣдовательно, представляю изъ себя машину, устроенную для произведенія работы въ данныхъ условіяхъ. Во имя добра, которое, говорятъ, состоитъ въ томъ, чтобы не отклонять ни какой предметъ отъ его цѣли, я не могу освободиться изъ подъ этихъ условій, не нарушивъ цѣли своего бытія.

Напрасно я возмущался: факты доказали, что я былъ неправъ. Нельзя безнаказанно возставать противъ закона. Чтобы найти открытую дорогу, будемъ разсуждать логично: я долженъ быть іезуитомъ или ничѣмъ.

Этотъ выводъ кажется возмутительнымъ?

Посторонній, безпристрастный человѣкъ одобрилъ бы его. Суровая дѣйствительность дѣлаетъ нѣкоторые выводы обязательными. Мы не имѣемъ возможности выбирать, и потому — ложь, будто отвѣтственность лежитъ на насъ.

Я лгалъ тогда, когда анализировалъ свое нравственное я. Можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ таковъ, какъ писалъ; но въ главныхъ чертахъ я—другое, и это другое можетъ выразиться однимъ словомъ: я монахъ.

Но, скажутъ мнѣ, я атеистъ!

А между тѣмъ я болѣзненно стремлюсь къ Богу. Я не вѣрю въ грѣхъ и терзаюсь упреками совѣсти; я не вѣрю въ религію, и всѣми моими силами отыскиваю ее.

Но такой священникъ будетъ уродливымъ явленіемъ!

А, можетъ быть, богоугодная цѣль моихъ поступковъ послужитъ къ оправданію ихъ?

Не все ли равно, изъ какого металла сдѣланъ сосудъ, только бы изъ него лилась освѣжающая вода?

Ноябрь. Страшная борьба. Недостаточно открыть логическій терминъ построенія, надобно имѣть возможность принять его. Непреодолимыя причины заставляютъ меня намѣтить новую цѣль своей жизни, сердце мое болѣзненно противится ей. Все во мнѣ темно. Я отворачиваюсь отъ свѣта, который самъ для себя зажегъ. Я отъ души желаю, чтобы его никогда не было.

Нелѣпо осуждать себя на бездѣйствіе, когда ищешь дѣятельности; нелѣпо запираться въ келью, чтобы удовлетворить своей гордости. Я думаю о страшномъ испытаніи послушничества: безъ любви ко Христу можетъ ли какое-нибудь существо перенести до конца это мученіе?

Это еще ничего. Но какъ всю жизнь играть комедію, служить Богу и богохульствовать, изъявлять ему преданность и отрицать. Я не хочу быть вѣчно актеромъ; не могу стоять у жертвенника, какъ на подмосткахъ, и лгать душамъ, которыя будутъ обращаться ко мнѣ. Я боюсь кощунства.

И разумъ возражаетъ мнѣ:

— Бояться кощунства—значитъ бояться Бога: душу составляетъ не столько идея, сколько чувство. Нечего говорить о подмосткахъ, о сценѣ, ты будешь проповѣдывать только *возможное*. Наконецъ, почему послушничество будетъ мученіемъ, разъ ты именно въ это время научишься примѣняться къ новымъ условіямъ?

Страшная борьба снова начинается. Только случай можетъ рѣшить ее въ ту или другую сторону.

Ноябрь. Я опять читаю «Упражненія» Игнатія Лойолы. Экземпляръ тотъ же самый, который у меня былъ во время «уединенія». Во второй разъ судьба моя зависитъ отъ этихъ листковъ.

Я неправильно читалъ въ тотъ разъ: это учебникъ для невѣрующихъ. Въ немъ не говорится о Богѣ. Святые, о которыхъ въ немъ упоминается, достигли святости независимо отъ ученія Христа, отъ его благодати. Лойола распоряжается экстазами точно военными маневрами. Чтобы упражнять волю, онъ не обращается къ Христу, который слишкомъ кротокъ для него. «Чтобы воздѣйствовать на духъ,—говоритъ онъ съ грубою откровенностью,—надо обращаться къ помощи чувствъ и матеріальныхъ предметовъ».

Ничто не возмущаетъ меня въ этой книгѣ. Я читаю ее съ удовольствіемъ, мнѣ особенно нравится то равнодушіе, которое она предписываетъ. Это равнодушіе есть вѣнецъ тѣхъ, кто не можетъ любить, и ихъ награда... Я понемногу примиряюсь...

Декабрь. Случай, который я призывалъ, явился, я отвергъ его.

Мы сидѣли въ столовой. Огонь шипѣлъ. Г-жа Нонъ молча работала. Я читалъ. Вдругъ служанка докладываетъ, что пришелъ Пропіакъ.

Г-жа Нонъ принимаетъ его церемонно и холодно.

— Отецъ, какой счастливый случай привелъ васъ къ намъ?

Онъ отвѣчаетъ:

— Я назначенъ преподавать здѣсь во время рождествен-

скаго поста и воспользовался своимъ пребыванiемъ въ этомъ городѣ, чтобы посѣтить старыхъ друзей.

Послѣ нѣсколькихъ ничего не значущихъ фразъ о Неверѣ и о здоровьѣ г-жи Нонъ, онъ обращается въ мою сторону:

— Вашъ милый племянникъ живетъ, значитъ, съ вами?

— Какъ видите, отецъ. Онъ ничѣмъ не занимается, и это меня огорчаетъ.

— Напрасно, сударыня: иногда очень полезно отдохнуть и собраться съ мыслями, это можетъ принести большую пользу.

Послѣ этого онъ всталъ:

— Я зайду еще какъ нибудь, если позволите.

И только съ этого часа я почувствовалъ, насколько ненавижу этого человѣка, котораго долженъ былъ-бы называть братомъ.

Декабрь. Что это? ненависть, зависть или чувство униженiя, оттого что я побѣжденъ?.. Моя жизнь остановилась. Съ тѣхъ поръ, что онъ здѣсь, я ожидаю его возвращенiя, я увѣренъ, что онъ придетъ еще разъ, ради меня. Я страшусь этой минуты и я боюсь... да, я боюсь, что она не настанетъ.

25 декабря. Агонiя...

Въ одиночествѣ есть что то ужасное. Все кругомъ бѣло, земля похожа на мертвеца, завернутаго въ саванъ! Надо отказаться отъ этой отвратительной игры, въ которой я теряю разсудокъ. Я хочу бѣжать, я хочу кричать, я страдаю! Я никогда не думалъ, что желанiе можетъ до такой степени мучить. Все, къ чему я подхожу, исчезаетъ; все, къ чему я прикасаюсь, умираетъ. Я бы хотѣлъ молиться и не знаю кому. Даже моя ненависть пропадаетъ. Иногда мнѣ представляется, что я готовъ распуститься въ воздухѣ; мое тѣло становится легкимъ, оно превращается въ дымъ, который поднимается; вдругъ, я просыпаюсь; ничто не измѣнилось и я противенъ самому себѣ.

Три недѣли я не записывалъ своихъ мыслей.

Къ чему этотъ напрасный трудъ? То, что я знаю, тяготитъ меня; чего я хочу, мнѣ неизвѣстно.

Онъ не приходилъ.

Праздникъ Рождества. Колокола звонятъ непрерывно и наполняютъ весь городъ веселыми звуками. Ахъ, если бы можно было исчезнуть въ ихъ трезвонѣ, перестать думать, жить...

Господи! Господи! если Ты существуешь, плодъ зрѣлъ: онъ достанется тому, кто его возьметъ!

28 декабря. Передаю со стенографическою точностью, по крайней мѣрѣ насколько мнѣ позволяетъ память, разговоръ, который, быть можетъ, ляжетъ въ основу моей духовной жизни.

Онъ вошелъ тихо. Я былъ одинъ, я всталъ и, не протягивая ему руки, ждалъ, чтобы онъ заговорилъ.

Онъ. Извините, что я васъ безпокою. Но вашей тетушки нѣтъ дома; я хотѣлъ, чтобы она узнала, какъ мнѣ жаль, что я не засталъ ее, и я надѣюсь вы ей это передадите.

Я. Ваше порученіе будетъ исполнено.

Онъ. Очень вамъ благодаренъ.

Молчаніе.

Онъ. Я очень радъ, что мы случайно встрѣтились. Мы разстались оба взаимно раздраженные. Я хотѣлъ извиниться передъ вами за одно слово, сказанное мною въ запальчивости и неприличное для монаха.

Я. Вы напрасно извиняетесь. Мы оба высказали свои мысли такъ, какъ находили это наиболѣе удобнымъ. Вамъ нечего брать назадъ, такъ какъ я не беру ничего.

Онъ. По горечи, съ какой вы говорите, я вижу, что вы продолжаете несправедливо сердиться на меня. Какъ тяжело, когда тѣ, кого мы любимъ, не хотятъ понимать насъ! Боюсь, не моему-ли вліянію приписали вы одно разочарованіе... временное, и къ которому я не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія.

Я. Не знаю, на какое разочарованіе вы намекаете.

Онъ. Я не рекомендовалъ Шедена. Я васъ слишкомъ хорошо знаю, вы лучше и умнѣе его.

Я посмотрѣлъ на него, ничего не отвѣчая, и увидѣлъ, что онъ лжетъ, но я не могъ доказать, которыя изъ его фразъ ложь.

Онъ. Мнѣ было бы очень пріятно доказать вамъ, такъ сказать матеріальнымъ образомъ, какое участіе я въ васъ принимаю. Я готовъ оказать вамъ поддержку, которая, впрочемъ, весьма незначительна, повѣрьте мнѣ, и если я въ силахъ сократить тотъ тяжелый періодъ, который вы переживаете...

Я. Это будетъ напрасный трудъ. Я не жалуюсь и не прошу ничего.

Онъ. (послѣ небольшого молчанія). Я привыкъ находить у васъ больше откровенности. Хотя признаніе тяжело, я его сдѣлаю вмѣсто васъ: вы не счастливы...

Я. Можете строить какія угодно предположенія, но вы не вправѣ предлагать мнѣ нескромные вопросы о томъ, вѣрны ли они.

Онъ. Вы ошибаетесь, дитя мое. Я вижу передъ собой больную душу; я пришелъ врачевать ее. Это обязанность каждаго священника и его право. Я не говорю о правѣ дружбы, о томъ единственномъ правѣ, на которое я хотѣлъ бы ссылаться здѣсь. Впрочемъ, къ чему скрывать? Я знаю вашу болѣзнь.

Я. Какъ вы можете знать, когда я самъ не знаю?

Онъ. Вы забываете, что никто не можетъ быть хорошимъ врачемъ для самаго себя. Вотъ видите, вы уже не отрицаете, что страдали. Наконецъ то, стали вы самимъ собою!

Я. Ваша проницательность весьма остроумна... впрочемъ, я ужъ этому не удивляюсь.

Онъ. Полноте, предоставьте другимъ говорить колкости. Надобно побѣждать мелкое злопамятство. Повторяю, я васъ высоко цѣню и потому хочу спасти васъ, противъ вашей воли, если понадобится. Вы спрашивали сейчасъ, въ чемъ ваша болѣзнь. Ее можно легко опредѣлить: свѣтъ обманулъ васъ. Вы были честолюбивы: онъ не далъ удовлетворенія этому честолюбію. Вы думали, что страсть вознаградитъ васъ...

Я. Удивляюсь, какія точныя справки вы получали...

Онъ. Э, какія тамъ справки? Развѣ вы думаете, свѣтъ такъ великъ, что никто не можетъ знать, что тамъ происходитъ? Эта страсть, на которую вы возлагали надежды, не оставила вамъ ничего, кромѣ отвращенія. У васъ есть состояніе, молодость, здоровье, зрѣлость мысли, которую я охотно признаю: со всѣмъ этимъ вы ничего не сдѣлали, вы ничего не можете сдѣлать — и вотъ причина того страданія, которое мучитъ васъ.

Я. Это правда, передъ вами не стоитъ притворяться. Но вашъ анализъ не полонъ: вы забыли сказать, что это безплодіе—ваше дѣло!

Онъ. Или дѣло Божіе!

Я. Вы легко смѣшиваете одно съ другимъ. Ради какой то цѣли, которую я не хочу обсуждать здѣсь, вы овладѣли моимъ дѣтскимъ мозгомъ и вычеканили его, какъ медаль. Съ тѣхъ поръ я жилъ несчастнымъ и бездѣятельнымъ. Кто виноватъ? Вы упрекали меня сейчасъ, что я говорю вамъ колкости. Но замѣтьте, что я говорю безъ малѣйшаго раздраженія. Я не сержусь на васъ. Я даже невольно удивляюсь той легкости, съ какою вы относитесь къ погибели души. Вы хотѣли, чтобы я сталъ похожъ на васъ. По какому праву? Развѣ я этого желалъ? Развѣ я зналъ тотъ свѣтъ, къ которому вы мнѣ внушали ненависть? Способенъ ли я былъ хоть понять, какой жертвы вы отъ меня требовали? Имѣйте смѣлость признать свое произведеніе; смотрите! благодаря вамъ я и не мужчина, и не монахъ. Я не вѣрю въ Бога, а міръ отвергъ меня!

Онъ. Я далъ вамъ высказаться, мое милое дитя, потому что каждая мысль должна быть свободно выражена. То, что вы говорили, скорѣе крикъ наболѣвшаго сердца, чѣмъ разсужденія. Не раздражайтесь: теперь я въ свою очередь буду говорить ясно, можетъ быть, даже грубо. Вы совершенно напрасно приписываете мнѣ ловкость, которою я вовсе не обладаю. Никто, кромѣ Провидѣнія, не можетъ управлять

нашими дѣйствіями. Оно избрало васъ своимъ орудіемъ, пора исполнить его волю, и вы напрасно пытаетесь уклоняться!

Я. Я васъ не понимаю: я, кажется, говорилъ вамъ, что у меня нѣтъ вѣры.

Онъ. Вашъ отвѣтъ доказываетъ, напротивъ, что вы меня отлично поняли. Предположимъ на минуту, что вы вѣрно угадали причину—послѣдствія являются именно такими, какъ вы сказали: вы и не мужчина, и не монахъ. А между тѣмъ, чтобы жить, надобно стать тѣмъ или другимъ. Вы сами признаетесь, что попробовали безуспѣшно быть однимъ изъ двухъ; будьте другимъ.

Я почувствовалъ, что блѣднѣю. Послѣ продолжительнаго молчанія я, наконецъ, отвѣтилъ съ притворной ироніей:

— Вы странно умѣете угадывать!

Онъ. Я знаю, какое вліяніе имѣетъ одиночество на умы, подобные вашему. Я просто только повторяю то, что оно подсказало вашей совѣсти.

Я. Кто вамъ сказалъ, что я имѣлъ въ виду только этотъ выходъ? Вѣдь есть же и другіе!

Онъ. Нѣтъ, ихъ нѣтъ. Замѣтьте, что я говорю исключительно ради вашей выгоды. Идите къ намъ. Съ нами, и только съ нами найдете вы полезное примѣненіе для тѣхъ способностей, которыми васъ одарилъ Господь. Я, кажется, уже говорилъ вамъ, что самоотреченіе само по себѣ нисколько не страшно. Это лишь ступень, которая позволяетъ подняться надъ міромъ, освобождаясь отъ его узъ. Съ нея лучше видно все, что происходитъ.

Я. (послѣ новаго молчанія). Слушая васъ, я спрашиваю себя, вы ли говорите все это? Я думалъ, что по уставу вы должны отвращать свое сердце отъ всякаго земнаго честолюбія, не только презирать его, но и забывать о немъ. А вы, напротивъ, настаиваете исключительно на личномъ трудѣ и личномъ успѣхѣ. Вы не говорите о Богѣ, которому служите, и предлагаете мнѣ служить ему ради карьеры.

Онъ. Я обращаюсь къ вашему уму и употребляю тѣ аргументы, какіе онъ можетъ понять. Вы не станете отрицать, что сами думали то же, что я вамъ сейчасъ сказалъ.

Я. Можетъ быть, мнѣ это приходило въ голову.

Онъ. Этого не достаточно, надобно дѣйствовать. Пришелъ часъ воли Божіей, смотрите, не пропустите его!

Я. Увѣряю васъ совершенно искренно, что я не вѣрю!

Онъ. Ничто не обманываетъ насъ такъ, какъ разумъ. Развѣ разумомъ можно доказать что нибудь? Вашъ языкъ отрицаетъ Бога, а ваше сердце исповѣдуетъ его.

Я. Богъ не можетъ признать своимъ служителемъ того, кто лжетъ.

Онъ. Вы не будете лгать. Вѣра вернется къ вамъ. Бога нельзя доказывать, его можно только признавать сердцемъ.

Я. Вѣра есть чувство, мы не можемъ по произволу вызывать въ себѣ чувства.

Онъ. Вѣра есть дѣйствіе. Въ законѣ не говорится, что мы должны ощущать ее, а что мы должны держаться ея.

Послѣ этого онъ такъ долго и пристально смотрѣлъ на меня, что я задрожалъ.

Онъ. Мы обмѣнялись важными словами, дитя мое! Сегодня, какъ восемь лѣтъ тому назадъ, я повторяю вамъ: вы избранникъ Христа! Не противтесь! вы рискуете спасеніемъ своей души.

Я. Я не думаю о спасеніи души, я хочу жить!

Онъ. Вы будете жить. Безконечное напитаетъ непомѣрный голодъ вашего сердца. Вы хотѣли любить: души подчинятся вамъ, и вы ихъ полюбите. Вы хотѣли дѣйствовать: апостольское служеніе будетъ вашимъ дѣломъ; апостольство, т. е. тайное воздѣйствіе самое глубокое и непреодолимое, какое только можетъ быть на землѣ. Вы мечтали о почетѣ и о власти: вы будете ихъ имѣть, какъ намѣстникъ самого Бога. Чего желали вы, что не будетъ дано вамъ? Не отвѣчайте мнѣ, я не хочу слышать ни слова... Я увѣренъ въ васъ, вы придете сегодня вечеромъ, можетъ быть, завтра, не ради меня,—я тутъ ни причемъ—но ради васъ самихъ, чтобы избавить васъ отъ страданія.

Онъ ушелъ, не попрощавшись. Дѣйствительно, все, что можно было сказать, сказано.

Та-же ночь.

Господи! послѣдній часъ насталъ.

Господи! Ты окутанъ глубокимъ мракомъ, среди котораго блуждаетъ наше невѣжество; мы не увѣрены въ томъ, существуютъ ли видимые предметы въ дѣйствительности или только въ нашемъ воображеніи; какъ же можетъ быть, чтобы Ты, невидимый, представлялся намъ совершенно ясно? А между тѣмъ, Господи! я взываю къ Тебѣ! Ради Тебя рѣшаюсь я на самоубійство. Я буду твоимъ служителемъ. Я буду соблюдать цѣломудріе аскета, воздержность праведника. Я буду молчаливъ, какъ святилище. Моя ложь будетъ витать надъ толпой, проливая на нее сладкій медъ твоихъ обѣщаній, бальзамъ твоего милосердія. Я буду твердъ и вѣренъ. Я буду хранить и твою тайну и мою. Люди полюбятъ молитву, слыша, какъ я молюсь, полюбятъ твое царство за тѣ благодѣянія, какія я буду раздавать отъ твоего имени. Господи! За всю эту службу какова будетъ моя награда?

Я вступаю въ твою церковь такъ же, какъ потерпѣвшій крушеніе мореходъ причаливаетъ къ неизвѣстной землѣ; берега

этой земли сухи, но мореходъ всетаки ступаетъ на нихъ; онъ благословляетъ ихъ, не зная даже, найдетъ ли на нихъ необходимую пищу, но онъ радъ, что достигъ твердой земли, которая не уходитъ изъ подъ его ногъ. Господи! Я вижу твердую землю, но какова будетъ моя пища?

Что Тебѣ за дѣло до моей лжи? Если Ты не существуешь, она пустыя слова и дымъ. Если Ты существуешь, Ты вѣдь допускаешь, что животныя, растенія, камни не признаютъ Тебя. Безмолвіе моего сердца погрузитъ меня въ нѣдра природы и Ты будешь безъ гнѣва глядѣть на меня.

Господи, я хочу всего! Мои требованія расширяются, какъ горизонтъ. Стараясь высказать ихъ, я распространяю ихъ предѣлы. Но одно, подобно таинственному свѣтилу, освѣщаетъ всѣ прочія. Господи! Дай мнѣ желать Тебя! Пусть я не вѣрю въ Тебя: довольно если я буду на Тебя надѣяться. Человѣкъ, лишающій себя жизни, всегда надѣется; пусть эта надежда манитъ его уничтоженіемъ или новою жизнью, она во всякомъ случаѣ облегчаетъ для него послѣднюю минуту. Я то же собираюсь убить себя во имя твое, я имѣю право на утѣшеніе!

Я попробовалъ отъ плода знанія, но я нашелъ его горькимъ и отбросилъ отъ себя. Господи! Дай мнѣ надежду, что за твоимъ столомъ пища болѣе сладка, и что, уходя съ пира, твои гости успокоются навсегда, на всю вѣчность...

Великое Сердце *).

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

(Продолженіе).

III.

Профессора новаго типа.

Группа профессоровъ новаго типа была ничтожна числомъ. Не безъ хронологическихъ натяжекъ и значительной снисходительности, въ нее можно включить всего на всего пять человѣкъ, которыхъ по степени вліянія, оказаннаго на студентовъ, слѣдуетъ расположить въ слѣдующемъ порядкѣ: Давыдовъ, Погодинъ, Шевыревъ, Павловъ, Надеждинъ.

Иванъ Ивановичъ Давыдовъ въ общемъ оставилъ по себѣ несимпатичную память въ исторіи русской литературы. Въ началѣ 40-хъ годовъ Грановскій, подвергаясь разнымъ заподазриваніямъ, объяснялъ ихъ наушничествомъ Давыдова. Въ статьяхъ своихъ того же періода Давыдовъ, и въ жизни считавшійся образцемъ низкопоклонства и угодничества, доводилъ теорію «оффиціальной народности» до крайнихъ предѣловъ ея вражды къ движенію мысли. Характеристикой еще болѣе поздняго періода дѣятельности, когда онъ переѣхалъ въ Петербургъ и сталъ директоромъ главнаго педагогическаго института является то, что весь ранній періодъ жизни и дѣятельности Добролюбова ушелъ на борьбу съ Давыдовымъ. Но въ началѣ своего профессорства—въ 20-хъ и самомъ началѣ 30-хъ гг., пока Давыдовъ не превратился еще въ шипящаго противъ всякой свѣжей мысли, злобно-завистливаго и низкопоклоннаго профессора-чиновника, онъ былъ человѣкъ съ извѣстными духовными запросами, съ желаніемъ внести что-то новое въ сознаніе своихъ слушателей и расширить ихъ кругозоръ. Въ схоластику прежняго преподаванія «словесности» онъ внесъ элементъ философскій и былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ у насъ пропагандистовъ шеллингіанства. Знанія его были весьма разнообразны:

---

*) „Русск. Богат.“ 1898 г. № 3 и 4.

онъ послѣдовательно занималъ съ большимъ блескомъ каѳедры философіи, латинской словесности, высшей алгебры и, наконецъ, русской словесности. Правда, и въ ранніе годы въ немъ чувствовался нестолько дѣйствительный интересъ къ научнымъ изслѣдованіямъ, сколько желаніе блеснуть и щегольнуть. Даже такой не слишкомъ то «горячій» слушатель его, какъ Гончаровъ, отмѣчаетъ, что «въ обществѣ его принимали за то, чѣмъ онъ хотѣлъ казаться, но мы, юноши, чутко прозирали въ немъ что-то искусственное, декоративное» *). Но, все же, отъ его лекцій уже не пахло гимназіей и слушатель вводился въ кругъ знаній и движенія общеевропейской мысли.

Основныя черты духовной физіономіи Погодина уже намѣчены раньше въ общемъ обзорѣ эпохи Бѣлинскаго. Теперь же, спеціально о немъ какъ о профессорѣ, прибавлю, что въ его отношеніи къ своимъ лекціямъ ярко сказалось новое теченіе университетскаго преподаванія. Если мы обратимся къ дневнику Погодина, выдержки изъ котораго въ такомъ изобиліи приведены въ трудѣ Н. П. Барсукова, то увидимъ, что онъ послѣ долгихъ лѣтъ профессорства, всетаки тщательнѣйшимъ образомъ готовился къ каждой лекціи, иногда просиживая цѣлыя ночи. Вотъ это-то тщательное подготовленіе, вмѣсто обычнаго считыванія съ старыхъ тетрадокъ, въ незапамятныя времена составленныхъ, и выдѣляло его изъ общаго уровня профессоровъ стараго типа. Студенты, чуткіе ко всякой добросовѣстности, цѣнили старанія Погодина. Бѣлинскій въ первый періодъ дѣятельности своей, когда еще у него были свѣжи университетскія впечатлѣнія, относился къ Погодину благосклонно и если кое-что и порицалъ въ его дѣятельности, напр. неодобрительно отнесся къ его учебнику русской исторіи **), то съ точки зрѣнія очень большихъ требованій. Цѣлыхъ 50 лѣтъ спустя одинъ изъ его слушателей, и притомъ слушатель совсѣмъ особаго рода—Я. И. Костенецкій, еще студентомъ сосланный за политическую исторію,—отозвался въ своихъ запискахъ о Погодинѣ съ чрезвычайною похвалою: «Его свѣтлыя и новыя идеи, тогда еще нигдѣ не появлявшіяся въ печати, возбуждали самое напряженное вниманіе къ каждому его слову и тишина на лекціяхъ его была невозмутимая». ***)

Еще бо́льшее впечатлѣніе производилъ въ началѣ своей профессорской дѣятельности Шевыревъ. Онъ только что вернулся тогда изъ Италіи и, насколько это было доступно сухо-педантскому темпераменту его, былъ полонъ воодушевленія европейскою культурою. Онъ не только не провозглашалъ еще, что западъ сгнилъ, а, напротивъ того, широкимъ примѣненіемъ сравнительнаго метода, любовно вводилъ слушателей въ исторію западно-европейскихъ ли-

*) *Гончаровъ*, соч. т. IX, стр. 30.
**) *Бѣлинскій*, Соч. т. I, стр. 442—45,
***) „Рус. Арх.“ 1887 г. № 2, стр. 231.

тературныхъ движеній. Живымъ отголоскомъ общаго впечатлѣнія первыхъ лѣтъ университетской дѣятельности Шевырева является то мѣсто «Литературныхъ мечтаній», гдѣ Бѣлинскій коснулся дѣятельности Шевырева, какъ поэта и переводчика. Бѣлинскій высказалъ при этомъ большую проницательность, первый отмѣтивъ, хотя и въ очень сдержанныхъ выраженіяхъ, преобладаніе въ Шевыревѣ «усилій ума» надъ «горячимъ вдохновеніемъ». Это было, между прочимъ, причиною того, что привыкшій тогда къ единодушнымъ похваламъ Шевыревъ, съ большими похвалами говорившій о появлявшейся по частямъ въ «Молвѣ» статьѣ Бѣлинскаго, вдругъ круто измѣнилъ свое мнѣніе о ней. Но въ общемъ, всетаки, Бѣлинскій говорилъ о Шевыревѣ, какъ объ одномъ «изъ молодыхъ замѣчательнѣйшихъ литераторовъ нашихъ, съ раннихъ лѣтъ своей жизни предавшемся наукѣ и искусству, съ раннихъ лѣтъ выступившемъ на благородное поприще дѣйствованія въ пользу общую», «обогащенномъ познаніями, коротко знакомомъ со всеобщею исторіею литературъ, что доказывается многими его критическими трудами, и, особенно, отлично исполняемою имъ должностью профессора при московскомъ университетѣ».

Крупная роль, которую сыгралъ въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще и умственнаго развитія кружка Бѣлинскаго въ частности профессоръ физики, минералогіи и сельскаго хозяйства М. Г. Павловъ можетъ служить яркою иллюстраціей къ тому, что я говорилъ въ общемъ очеркѣ эпохи по поводу мнимаго «извращенія» у насъ въ сороковыхъ годахъ гегельянства. Къ какимъ ложнымъ выводамъ придетъ изслѣдователь, если приступитъ къ исторіи данной научной дисциплины въ Россіи, не принявъ при этомъ въ соображеніе, что у насъ относятся къ наукѣ не просто какъ къ наукѣ, «объективно» и съ желаніемъ *спеціализироваться*, а ищутъ въ ней по преимуществу общихъ руководящихъ началъ. Вотъ напр., почтенный профессоръ физики Ѳ. Ѳ. Петрушевскій, по своей спеціальности не обязанный быть знакомымъ съ исторіей русской общественности, беретъ «Основанія физики» Павлова, вышедшія 60 лѣтъ тому назадъ, разсматриваетъ *) ихъ an und für sich и остается чрезвычайно недоволенъ: они «отличаются полнымъ отсутствіемъ приложенія математики къ анализу, а взамѣнъ того авторъ трактуетъ теоріи съ точки зрѣнія натуръ-философовъ». Почему такъ преступно въ эпоху, когда «натуръ-философія» еще ни мало не была сдана въ архивъ, примкнуть къ ней, я не совсѣмъ понимаю. Еще черезъ 60 лѣтъ, когда изслѣдователь будетъ давать отзывъ о курсахъ физики 80-хъ и 90-хъ годовъ онъ, вѣроятно, столь-же неодобрительно отнесется къ ея атомистическимъ основаніямъ и другимъ подобнымъ теоріямъ, современной «положительной» физики. Но не въ этомъ, впрочемъ,

*) «Энцикл. Словарь» *Брокгаузъ-Ефрона*, т. XXII, стр. 569.

дѣло. Конечно, Павловъ, имѣя возможность примкнуть къ точной школѣ физики Біо, чѣмъ его дальше упрекаетъ въ своей замѣткѣ Ѳ. Ѳ. Петрушевскій, научно былъ неправъ, увлекшись Океномъ и мистическою натуръ-философіею. И все же, какъ далекъ его суровый критикъ отъ истины, какъ невѣрно изобразилъ онъ роль Павлова въ исторіи русской научной мысли, когда говоритъ: «ни Велланскій *), ни Павловъ не способствовали развитію изученія физики въ нашемъ отечествѣ». Напротивъ того, оставляя въ сторонѣ *только туманнаго* Велланскаго, про Павлова нужно сказать, что онъ чрезвычайно много способствовалъ изученію физическихъ явленій, если и не прямо, то косвенно, пріохотивъ университетское юношество къ самому изученію естественныхъ наукъ. Можетъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ для физики онъ и мало сдѣлалъ, но для всего дѣла изученія природы въ Россіи сдѣлалъ чрезвычайно много. До Павлова естественныя науки въ общемъ представленіи русской публики и студенчества были безпорядочнымъ сборомъ отдѣльныхъ фактовъ, чѣмъ-то въ родѣ кунсткамеры разныхъ курьезовъ и раритетовъ. Павловъ первый внесъ въ сознаніе общества и молодежи представленіе о естествовѣдѣніи, какъ наукѣ обобщающей и философской. До него у насъ изъ-за деревьевъ лѣса не видѣли, за отдѣльными травками и козявками, за отдѣльными явленіями физическими терялось общее представленіе о великой книгѣ природы. Павловъ, проникшись философіей Шеллинга съ ея основнымъ, объединяющимъ принципомъ, первый изъ представителей университетскаго преподаванія прочно внѣдрилъ понятіе объ единствѣ физическихъ силъ, а это уже, конечно, понятіе не только «натуръ-философское». Въ той *первоначальной* стадіи, въ которой при Павловѣ находился у насъ интересъ къ естественнымъ наукамъ, еще рано было бросать сѣмена спеціальныхъ знаній, надо было расчищать самую ниву научнаго «дѣланія». Чтобы понять это піонерское значеніе Павлова, надо судить не абсолютно, а въ исторической перспективѣ, и если мы обратимся къ свидѣтельству современниковъ, то мы и увидимъ, что въ дѣйствительности натуръ-философія Павлова не только не затемняла умы слушателей, а напротивъ того, сообщала имъ замѣчательное *ясное* міросозерцаніе. Причина лежала въ талантливости Павлова и въ томъ, что онъ не просто вѣщалъ съ чужого голоса, а органически проникся самъ натуръ-философическими абстракціями, казавшимися ему, поэтому, чѣмъ-то вполнѣ конкретнымъ. «Павловъ, вспоминаетъ Герценъ, излагалъ ученіе Шеллинга и Окена съ такой пластическою ясностью, которую никогда не имѣлъ ни одинъ натуръ-философъ. Физикѣ было мудрено научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству невозможно **); но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ

*) Физикъ-шеллингіанецъ, профессоръ Мед.-Хир. Академіи.
**) Проф. Совѣтовъ гораздо благосклоннѣе смотритъ на роль Павло-

стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студента вопросомъ: «ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать? Это чрезвычайно важно; наша молодежь вступающая въ университетъ, совершенно лишена философскаго приготовленія, одни семинаристы имѣютъ понятіе объ философіи, за то совершенно превратное» *). И молодежь отлично поняла, что «это чрезвычайно важно». Студенты всѣхъ факультетовъ съ величайшимъ интересомъ слушали Павлова. «Значительная часть аудиторіи словеснаго отдѣленія спускалась однимъ этажемъ ниже, въ скромную залу физико-математическаго, и наполняла ее биткомъ» **). Юристъ Костенецкій «постоянно посѣщалъ лекцію физика Павлова не по обязанности, а добровольно». И что самое важное, эти лекціи не затуманивали его сознаніе, а, напротивъ того, открывали широкія и ясныя перспективы. «Павловъ имѣлъ удивительный даръ излагать лекцію ясно, въ высшей степени логично, безъ всякихъ краснорѣчивыхъ или напыщенныхъ фразъ, но просто и вразумительно до невѣроятности. Каждая его лекція запечатлѣвалась твердо въ памяти и ее очень легко можно было повторить всю наизусть, такъ послѣдовательно истекала одна мысль изъ другой. До поступленія въ университетъ, въ гимназіи, всѣ науки преподавались намъ чисто-механически: мы затверживали только факты, объ идеяхъ и помину не было, и когда я прослушалъ первую лекцію Павлова, то я былъ необыкновенно пораженъ, какъ будто какая-то завѣса спала съ ума, и въ головѣ моей засіялъ новый свѣтъ. Предо мною открылся новый міръ идей, новый взглядъ на науки... ***).

Дать этотъ-то общій взглядъ на науку и есть задача университетскаго преподаванія. Важенъ методъ, умѣніе научно мыслить.

Какъ отразились лекціи Павлова непосредственно на Бѣлинскомъ, прямыхъ указаній нѣтъ. Но за то извѣстно, что они произвели огромное впечатлѣніе на Станкевича, а это одно и тоже. Главнымъ образомъ, Бѣлинскій пріобрѣталъ знанія въ томъ, стоившемъ, по превосходному выраженію М. М. Попова, «цѣлой Сорбонны» университетѣ, который назывался «кружокъ Станкевича».

Но наиболѣе рѣшительное вліяніе изъ всѣхъ профессоровъ новаго типа оказывалъ Надеждинъ. Я сейчасъ ничего не скажу о Надеждинѣ вообще, потому что характеристикѣ его литературной дѣятельности будетъ посвящена одна изъ слѣдующихъ главъ. Надеждинъ въ исторіи духовной жизни Бѣлинскаго занимаетъ первенствующее мѣсто по той тѣснѣйшей связи, которую принято устанавливать

ва въ исторіи распространенія въ Россіи спеціально агрономическихъ знаній. См. „Энциклоп. Словарь“ Брокгаузъ-Ефрона т. XXII, стр. 569.

*) «Былое и Думы», ч. III.

**) *Анненковъ*, Воспоминанія, т. III, стр. 285.

***) «Рус. Архивъ» № 2, стр. 230.

между литературною дѣятельностью редактора «Телескопа» и его молодого сотрудника. Принято думать, что весь первый періодъ дѣятельности Бѣлинскаго долженъ быть названъ «Надеждинскимъ». Я съ этимъ согласиться не могу и постараюсь подтвердить свое мнѣніе фактами. Но уже потому, что таково общее мнѣніе, оно требуетъ разбора. Теперь же я собственно отмѣчу только значеніе Надеждина, какъ профессора.

Воспоминанія бывшихъ слушателей Надеждина о его лекціяхъ носятъ прямо восторженный характеръ. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что «часы, проведенные имъ на этихъ лекціяхъ, принадлежатъ къ лучшимъ часамъ его жизни и воспоминаніе о нихъ онъ лелѣетъ въ своей памяти, какъ золотой сонъ» *). Станкевичъ говорилъ Константину Аксакову, что Надеждинъ «много пробудилъ въ немъ своими лекціями и что если онъ (Станкевичъ) будетъ въ раю, то Надеждину за то обязанъ». Ужъ на что уравновѣшенный человѣкъ Гончаровъ, а посмотрите, въ какомъ тонѣ говоритъ онъ о лекціяхъ Надеждина: «Какъ профессоръ, онъ былъ намъ дорогъ своимъ вдохновеннымъ, горячимъ словомъ, которымъ вводилъ насъ въ таинственную даль древняго міра, передавая духъ, бытъ, исторію и искусство Греціи и Рима. Чего только не касался онъ въ своихъ импровизированныхъ лекціяхъ! Онъ читалъ на память, не привозя никакихъ записокъ съ собою. Память у него была изумительная. Онъ одинъ замѣнялъ десять профессоровъ. Излагая теорію изящныхъ искусствъ и археологію, онъ излагалъ и общую исторію Египта, Греціи и Рима. Говоря о памятникахъ архитектуры, о живописи, о скульптурѣ, наконецъ, о творческихъ произведеніяхъ слова, онъ касался и исторіи философіи. Изливая горячо, почти страстно передъ нами сокровища знанія, онъ училъ насъ и мастерскому владѣнію рѣчи. Записывая только однѣ его лекціи, можно было научиться чистому и изящному складу русскаго языка» **).

Есть отзывы и не столь восторженные. Такъ Константинъ Аксаковъ, ни мало не отрицая, впрочемъ, огромнаго впечатлѣнія, произведеннаго на студентовъ блестящими импровизаціями Надеждина, въ которыхъ университетское юношество чутко ловило «воздухъ мысли», вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряетъ, что «молодое поколѣніе, съ жадностью и благодарностью обратившееся къ Надеждину, скоро увидѣло, что ошиблось въ своемъ увлеченіи. Надеждинъ неудовлетворилъ серьезнымъ требованіямъ юношей; скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ (?) серьезныхъ занятій». Въ этомъ отзывѣ ужасно много и ретроспективности и прямой несправедливости. «Недостатокъ серьезныхъ занятій» студенты уже никакимъ образомъ не могли замѣтить. Не

*) «Истор. Вѣст.» 1889 г., № 8, стр. 318.
**) *Гончаровъ*. Сочиненія, т. IX, стр. 28.

только потому, что не имъ было объ этомъ судить, но и потому, что это совершенно невѣрное утвержденіе. Знаній у Надеждина было пропасть, о чемъ я еще скажу дальше. Что касается «сухости» и «безучастія къ предмету», то, конечно, оба эти качества составляютъ основу духовной природы Надеждина. Но при внѣшней живости Надеждина надо было уже обладать очень большою проницательностью, чтобы разглядѣть его индиферентизмъ. Даже такому чуткому ко всякой неискренности наблюдателю, какъ Бѣлинскій, это стало ясно очень поздно и тогда, когда ссылка и желаніе реабилитировать себя вынудили Надеждина обнаружить дѣйствительную сущность своего душевнаго склада.

Аксаковъ писалъ свои воспоминанія очень поздно, въ 1855 году, и просто не съумѣлъ отдѣлить своихъ позднѣйшихъ представленій. Всѣ остальныя свидѣтельства о Надеждинѣ профессорѣ, какъ тѣ прямыя, которыя приведены выше, такъ и разныя мимоходныя въ воспоминаніяхъ старыхъ московскихъ студентовъ, единодушно и единогласно говорятъ объ огромномъ и благодѣтельномъ вліяніи лекцій Надеждина, впервые давшаго своимъ слушателямъ стройную философски-обоснованную систему эстетическаго пониманія литературы и искусства.

Если брать студентовъ вообще, всѣхъ факультетовъ, то въ ряду профессоровъ новаго типа, по степени оказаннаго на студентовъ вліянія, Надеждина и Павлова надо поставить рядомъ. Но спеціально для словесниковъ, которые Павлова не могли слушать систематично и постоянно, первенствующее значеніе имѣлъ Надеждинъ. Съ германскою философіею, вліяніе которой дало основную окраску тридцатымъ годамъ, ознакомилъ словесниковъ больше всѣхъ Надеждинъ.

Человѣкъ въ молодости всегда благодаренъ за всякое добро, ему оказываемое, и на все готовъ смотрѣть оптимистически, если есть только малѣйшее основаніе. Вотъ почему тѣхъ немногихъ профессоровъ новаго типа, силуэты которыхъ я пытался набросать выше, было достаточно, чтобы въ представленіи студентовъ-сверстниковъ Бѣлинскаго дать общую благопріятную окраску всему университетскому преподаванію того времени. Прибавьте къ этому отмѣченныя въ предыдущей главѣ отрадныя, бодрящія и плодотворныя впечатлѣнія, которыя давало студенчество новаго типа, и вы поймете, почему общій тонъ всѣхъ безъ исключенія студенческихъ воспоминаній объ интересующемъ насъ періодѣ чрезвычайно повышенъ. Ярче всѣхъ отразилъ это восторженное отношеніе Герценъ. Двадцать лѣтъ спустя, изгнанникомъ вспоминая годы студенчества, онъ ихъ заканчиваетъ такимъ лирическимъ изліяніемъ:

«Alma Mater! Я такъ много обязанъ университету и такъ долго послѣ курса жилъ его жизнью, съ нимъ, что не могу вспом-

нить о немъ безъ любви и уваженія. Въ неблагодарности онъ меня не обвинитъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ университету легка благодарность, она нераздѣльна съ любовью, съ свѣтлымъ воспоминаніемъ молодого развитія... и я благословляю его изъ дальней чужбины».

Не слѣдуетъ думать, что въ этомъ любовномъ отношеніи играетъ главную роль обаяніе воспоминаній о той порѣ, когда человѣку дороги и новы «всѣ впечатлѣнья бытія». Нѣтъ, тутъ есть нѣчто спеціально московскому университету принадлежащее. Въ воспоминаніяхъ о петербургскомъ университетѣ тѣхъ же лѣтъ нѣтъ ничего подобнаго. Грановскій и Тургеневъ вышли изъ петербургскаго университета и никакой нѣжности къ своей alma mater не вынесли.

IV.

Юношеская драма Бѣлинскаго.

Бѣлинскому пришлось натерпѣться не мало страха, пока его зачислили студентомъ. Онъ не запасся метрическимъ свидѣтельствомъ, безъ котораго ректоръ Двигубскій не хотѣлъ принимать его прошенія, отецъ, не смотря на обѣщаніе, это свидѣтельство почему то не высылалъ и былъ моментъ, когда Бѣлинскому казалось, что «надежда потеряна». Онъ, однако, твердо рѣшилъ въ Чембаръ не возвращаться, гдѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, его молодое и потому особенно чувствительное самолюбіе было чѣмъ-то очень оскорблено. «Лучше соглашусь умереть съ холода и голода среди московскихъ улицъ, или просить милостыню подъ окнами, нежели ѣхать къ вамъ въ Чембаръ». Онъ не хотѣлъ «быть предметомъ посмѣянія и насмѣшекъ всего города».

Дѣло, однако, уладилось. Свидѣтельство получилось, экзаменъ Бѣлинскій выдержалъ хорошо, судя по тому, что его вскорѣ приняли на казенный «коштъ». Бѣлинскій былъ особенно доволенъ тѣмъ, что поступилъ безъ всякой протекціи. Онъ изъ дома, правда, запасся, двумя рекомендательными письмами: къ генералу Дурасову и къ Лажечникову (отъ М. М. Попова). Но Дурасовъ ничего не сдѣлалъ, а Лажечниковъ, хотя и просилъ двухъ профессоровъ, которые должны были экзаменовать Бѣлинскаго, но на самомъ дѣлѣ онъ экзаменовался у другихъ профессоровъ. Съ большою радостью извѣщалъ Бѣлинскій родителей о благопріятномъ оборотѣ своихъ дѣлъ и при этомъ не могъ удержаться отъ тщеславнаго чувства. «И такъ, я теперь студентъ и состою въ XIV классѣ, имѣю право носить шпагу и треугольную шляпу». Странная фраза въ устахъ Бѣлинскаго, мало вяжущаяся съ общимъ обликомъ его, но вѣдь совсѣмъ отъ среды не уйдешь. Цѣлыхъ шесть лѣтъ спустя, его ровесникъ— «небесный» Станкевичъ, уже кончившій университетъ, уже вполнѣ опредѣлившійся какъ душевный и интеллектуальный типъ, не могъ

удержаться отъ того, чтобы не сообщить съ большимъ удовольствіемъ своему другу Невѣрову, что по должности попечителя уѣзднаго училища у него будетъ очень красивый мундиръ. Впрочемъ, и то сказать, Бѣлинскій писалъ людямъ, передъ которыми онъ въ чемъ-то долженъ былъ реабилитировать себя и, конечно, доказательствами, подходящими къ ихъ пониманію: чиномъ, шпагой, треуголкой. Очевидно, что оставленіе гимназіи и почти годовое «праздношатаніе» поселили недовѣріе къ нему. Этимъ объясняется и другое мѣсто въ перепискѣ съ родителями, полное совершенно чуждой Бѣлинскому даже въ самые ранніе годы его хвастливости: «я думаю, въ вашемъ *пресловутомъ* (курсивы Бѣлинскаго) Чембарѣ очень удивляются, что я принятъ въ императорскій московскій университетъ *студентомъ*. Впрочемъ, я очень мало дорожу мнѣніемъ чембарцевъ. Ежели меня не умѣли оцѣнить въ *Чембарѣ*, то оцѣнили въ Москвѣ. Я думаю всѣмъ вѣстимо, что между Чембаромъ и Москвою есть небольшая разница, и что между чембарскими жителями и московскими профессорами есть *маленькое разстояньице*. О, Чембаръ, пресловутый Чембаръ!!! *).

Долженъ я вообще замѣтить, что переписка Бѣлинскаго съ родителями **) вся носитъ какой-то совсѣмъ особенный характеръ. Бѣлинскаго въ этой перепискѣ точно подмѣнили. Нѣтъ ни блеска слога, почти нѣтъ и слѣдовъ того удивительнаго огня, который дѣлаетъ переписку Бѣлинскаго лучшею частью его духовнаго наслѣдства. Все какіе-то мелкіе счеты, попреки и исключительно частные интересы. Но, конечно, весь этотъ тонъ надо отнести исключительно на счетъ лицъ, съ которыми велась переписка. Мы знаемъ письмо Бѣлинскаго къ Попову, отъ того-же времени имѣются письма его къ Ивановымъ: тамъ Бѣлинскій настоящій. Ивановымъ молодой студентъ сообщалъ о литературныхъ собраніяхъ своего кружка, а матери и отцу—какъ его надули при покупкѣ чемодана, какія кушанья даютъ казеннокоштнымъ студентамъ и т. п. Попробовалъ онъ разъ описать имъ игру Мочалова, прибавивъ въ концѣ: «если вамъ будетъ пріятно сіе слабое описаніе московскаго театра, то я буду вамъ писать о семъ подробнѣе». Оказалось, однако, что это родителямъ не только не было «пріятнымъ», а вызвало попреки. Отецъ, видимо, просто промолчалъ, а мать написала, что лучше-бы сынъ, вмѣсто театра, обошелъ «всѣ соборныя московскія церкви». Послѣ такого ласковаго отклика, Бѣлинскій уже ограничивался краткими реляціями чисто-фактическаго свойства, да препирательствами изъ за денегъ, которыя родители крайне скудно ему высылали. Повторяю, никакъ нельзя ставить этотъ мелкій тонъ въ вину Бѣлинскому-сыну. И кремень даетъ искру только тогда, когда его надлежащимъ образомъ высѣкаютъ.

---

*) «Рус. Ст.» т. XV, стр. 53.

**) Всѣ дальнѣйшія выдержки изъ переписки съ родителями взяты тоже изъ XV тома «Рус. Ст.».

Бѣлинскому первые мѣсяцы пришлось намучиться не мало. Небольшія деньги, привезенныя изъ дому, быстро таяли. Съ неопытнаго и ничего не понимавшаго въ практической жизни провинціала часто драли въ тридорога, да еще за гниль, которую чрезъ нѣсколько дней приходилось выбрасывать. А затѣмъ онъ и позволялъ себѣ «роскошь» не совсѣмъ по карману: покупалъ, напр., какую-нибудь едва-ли особенно ему нужную ариѳметику Войцѣховскаго за два рубля, т. е. за сумму, въ которую ему обходилась ѣда въ теченіе цѣлой недѣли. Эта страсть тратить деньги на «роскошь» подобнаго рода осталась у него на всю жизнь. У Панаева есть разсказъ, какъ слывшій у людей невидѣвшихъ его «циникомъ» Бѣлинскій разъ употребилъ почти весь полученный за большую статью гонораръ на то, чтобы накупить великолѣпнѣйшихъ цвѣтовъ, а затѣмъ цѣлый мѣсяцъ жилъ чуть что не впроголодь.

Чтобы покрыть дефициты, приходилось опять обращаться къ родителямъ, а это было куда какъ не весело. И деньги получались только послѣ повторенныхъ просьбъ съ такого рода аргументами: «я думаю, что вы, не смотря на мои ошибки, все еще мнѣ отецъ и не допустите сына своего умереть съ голоду» и сопровождались присылки несноснѣйшими попреками.

Около новаго 1830 года просьба Бѣлинскаго быть принятымъ на «казенный коштъ» была, наконецъ, уважена. На первыхъ порахъ Бѣлинскій былъ просто въ восторгѣ. Онъ, очевидно, такъ набѣдствовался, проѣдая, вкупѣ съ двумя товарищами, по рублю ассигнацій въ день и снимая конуру у какого-то портного, что его приводило въ восхищеніе даже то, что въ «отлично-хорошихъ номерахъ», гдѣ помѣщалось человѣкъ по 12 студентовъ, «у каждаго студента своя кровать, свой столъ и своя табуретка». У портного, надо думать, не у каждаго изъ жильцовъ была своя кровать и свой табуретъ. Завтракъ студентамъ давался великолѣпнѣйшій: булка и стаканъ молока. Воскресные обѣды совершенно лукуловскіе: «бываютъ пироги, жаркое, какое нибудь пирожное». Въ обыкновенные дни, значитъ, жаркого не было. Сервировка тоже удивительная: «для *всякаго* студента особенный приборъ» и даже особая салфетка. Особенно забавенъ паѳосъ Бѣлинскаго по поводу общаго вида студенческой столовой: «увидя столы, накрытые снѣговыми скатертями, на которыхъ поставлены миски, блюда, *графины съ квасомъ* (!), приборы въ величайшемъ порядкѣ, можно подумать, что это приготовленъ обѣдъ для гостей *какого-нибудь богача* по случаю праздника, бала или чего-нибудь подобнаго».

Восторги «казеннымъ коштомъ» длились не долго. Къ началу новаго учебнаго 1830—1831 года отношеніе Бѣлинскаго къ этому «кошту» круто измѣняется. Бѣлинскій только что вернулся изъ вакаціонной поѣздки въ Чембаръ, куда выбрался не безъ большихъ затрудненій: онъ писалъ родителямъ, что хотѣлъ-бы ихъ повидать, а нѣжные родители ему отписали, что если онъ дѣйствительно же-

лаетъ видѣться съ ними, то самъ и найдетъ средства. Вѣроятно, вслѣдствіе того, что ему удалось осуществить свое намѣреніе очень поздно—въ концѣ іюня, Бѣлинскій вернулся изъ отпуска тоже очень поздно—въ срединѣ сентября, когда лекціи уже начались и это сразу поставило его въ дурныя отношенія къ начальству. Университетскія власти всецѣло еще принадлежали къ людямъ стараго университетскаго типа, смотрѣвшихъ на студентовъ какъ на школьниковъ, обращавшихся съ ними на ты и весьма мало съ ними церемонившихся. Были возможны такіе эпизоды: Бѣлинскій, «передъ окончаніемъ холеры» осени 30-го года не ночевалъ ночи двѣ или три въ университетѣ, что возбранялось правилами. Приходитъ онъ затѣмъ къ новому инспектору Щепкину и «онъ начинаетъ меня ругать», пишетъ Бѣлинскій родителямъ; «говоритъ, что меня за это онъ отдастъ, какъ какую-нибудь *каналью*, въ солдаты и, наконецъ, съ презрѣніемъ началъ выгонять изъ своихъ комнатъ». Этотъ новый инспекторъ завелъ цѣлый рядъ стѣсненій и неудобствъ. Матеріальная обстановка казеннаго кошта, которымъ такъ восхищался на первыхъ порахъ Бѣлинскій, тоже чрезвычайно ухудшилась. «Пища въ столовой такъ мерзка, такъ гнусна, что невозможно ѣсть. Я удивляюсь, какимъ образомъ мы уцѣлѣли отъ холеры, питаясь пакостною падалью, стервятиной и супомъ съ червями». Все это вмѣстѣ породило въ Бѣлинскомъ все болѣе и болѣе крѣпнувшую рѣшимость «сорваться съ казеннаго кошта». Подъ первымъ-же впечатлѣніемъ заведенныхъ Щепкинымъ новыхъ порядковъ и въ особенности грубаго выговора за просрочку отпуска, онъ пишетъ родителямъ: «я теперь нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ, что лучше-бы согласился быть подъячимъ въ чембарскомъ земскомъ судѣ, нежели жить на этомъ каторжномъ, проклятомъ казенномъ коштѣ. Если бы я прежде зналъ, каковъ онъ, то лучше-бы согласился наняться кому-нибудь въ лакеи и чищеніемъ сапогъ и платья содержать себя, нежели жить на немъ».

Мысль его теперь вся сосредоточивается на томъ, чтобы уйти съ казеннаго кошта. Но какъ? Разсчитывать на родителей было еще горше и вотъ нашъ тонкій дѣлецъ останавливается на чрезвычайно практичномъ проектѣ. Онъ напишетъ драму, сюжетъ которой вертится у него въ головѣ, благодаря ей «разживется казною» и «употребитъ оную на то, чтобы сорваться съ казеннаго кошта, который такъ сладокъ, что при одномъ воспоминаніи объ ономъ текутъ изъ глазъ не водяныя, а кровавыя слезы».

Осуществленію «предпріятія» отчасти содѣйствовала холера. Казеннокоштныхъ студентовъ не выпускали изъ университета и для «разсѣянія отъ скуки я и еще человѣкъ съ пять затворниковъ, писалъ Бѣлинскій Ивановымъ, составили маленькое литературное общество. Еженедѣльно было у насъ собраніе, въ которомъ каждый изъ членовъ читалъ свое сочиненіе. Это общество, кончившееся

седьмымъ засѣданіемъ, принесло мнѣ ту пользу, что заставило меня окончить мою трагедію».

Драма Бѣлинскаго «Дмитрій Калининъ», или, какъ онъ ее весьма вѣрно назвалъ, «драматическая повѣсть» до сихъ поръ не только мало оцѣнена, но даже и извѣстна очень мало. А. Н. Пыпину она была извѣстна только по отрывку 4-го дѣйствія, напечатанному кн. Енгалычевымъ въ «Рус. Старинѣ» 1876 г., да по пересказу (устному?) секретаря «литературныхъ вечеровъ» Чистякова. Вѣроятно этимъ слѣдуетъ объяснить его мнѣніе, что «говорить серьезно о трагедіи, конечно, нѣтъ возможности; она ребячески ходульна и неестественна». Она кажется «любопытной» почтенному біографу только какъ «свидѣтельство настроенія 20-лѣтняго Бѣлинскаго, и какъ фактъ, имѣвшій большое вліяніе на его внѣшнюю судьбу». М. А. Протопопову трагедія тоже была извѣстна только по отрывку 4-го дѣйствія, что, впрочемъ, не помѣшало ему вполнѣ правильно заключить и по этому обломку, что «общественно-историческій смыслъ трагедіи очень серьезенъ». Въ 1891 трагедія была напечатана Тихонравовымъ цѣликомъ въ «Сборникѣ общ. любителей россійской словесности» по рукописи, «списанной не совсѣмъ исправными писцами для представленія въ московскій цензурный комитетъ». И Тихонравовъ усмотрѣлъ въ ней только «драгоцѣнный матеріалъ для исторіи развитія Бѣлинскаго». Въ печати и публикѣ какъ самый сборникъ, такъ и трагедія прошли почти незамѣтно. Вѣроятно этою малою извѣстностью «Дмитрія Калинина» надо объяснить то, что въ свое недавнее сокращенное изданіе сочиненій Бѣлинскаго Ф. Ѳ. Павленковъ изъ двухъ драматическихъ произведеній Бѣлинскаго включилъ одного только «Пятидесятилѣтняго дядюшку», неизмѣримо ниже стоящаго «Дмитрія Калинина». Самъ Бѣлинскій вначалѣ такъ дорожилъ драмой, что когда братъ попросилъ прислать ее на время въ Чембаръ для прочтенія, то онъ отвѣтилъ, что скорѣе готовъ «отрубить себѣ руку и послать ее въ подарокъ», чѣмъ разстаться съ своимъ дѣтищемъ. А черезъ нѣсколько лѣтъ онъ и рукопись подарилъ брату *), и самъ такъ аттестовалъ это дѣтище, разбирая въ 1836 г. книжечку «Ночь» какого-то С. Темнаго:

«Замѣтно, что «Ночь» есть произведеніе молодого человѣка съ душею, съ пыломъ, но еще не созрѣвшаго для мысли, еще не умѣвшаго отдавать самому себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, а уже сгорающаго желаніемъ написать и издать въ свѣтъ что-нибудь, непремѣнно написать и издать. Опасное желаніе, которое губитъ истинный талантъ, вымучивая изъ него насильственныя и недозрѣлыя созданія, которое плодитъ толпы дурныхъ писателей, служа имъ

*) По уцѣлѣвшимъ въ бумагахъ Константина Григорьевича остаткамъ собственноручнаго оригинала кн. Енгалычевъ и напечаталъ въ «Рус. Ст.» сохранившуюся часть 4-го дѣйствія.

порукою за то, что они имѣютъ талантъ! О, если-бы каждый молодой человѣкъ, не лишенный чувства и сгорающій желаніемъ печататься, издавалъ всѣ плоды своей фантазіи, сколько-бы дурныхъ книгъ бросилъ онъ въ свѣтъ и сколько-бы раскаянія приготовилъ себѣ въ будущемъ!... Мы говоримъ это отъ чистаго сердца, говоримъ даже по собственному опыту, потому что имѣемъ причины благодарить обстоятельства, которыя помѣшали намъ пріобрѣсть жалкую эфемерную извѣстность мнимыми произведеніями искусства и занять мѣсто въ забавномъ ряду литературныхъ рыцарей печальнаго образа» *).

Эта уничтожающая критика, направленная противъ самого себя, можетъ служить только лишнимъ доказательствомъ удивительной способности Бѣлинскаго всецѣло и беззавѣтно отдаваться всякому своему настроенію, ничего и никого при этомъ не щадя. Но значеніе того огромнаго запаса благородныхъ чувствъ, который почти безсознательно сразу забилъ кипучимъ ключемъ по такому ничтожному поводу, какъ «желаніе сорваться съ казеннаго кошта» и разсѣять скуку товарищей, тутъ очерчено крайне несправедливо. Столь же несправедливо, какъ и огульное помѣщеніе всѣхъ «рыцарей печальнаго образа» въ «забавный рядъ». Были бы только «рыцари», а тамъ «печальнаго» они образа или, напротивъ того, очень свѣтлаго покажетъ будущее. Одинъ уже, въ обликѣ Бѣлинскаго, сейчасъ на лицо и нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень «забавенъ».

Если кратко опредѣлять общій характеръ драмы Бѣлинскаго по основному ея мотиву, то приходится, конечно, сказать, что она представляетъ собою «протестъ противъ крѣпостного права». Именно за это московскій цензурный комитетъ, состоявшій тогда изъ профессоровъ университета, призналъ драму «произведеніемъ безнравственнымъ, позорящимъ университетъ». Свести, однако, драму именно къ *протесту* и слишкомъ прямолинейно и не въ томъ свѣтѣ выставляетъ психологическое настроеніе, подъ вліяніемъ котораго создалась драма. М. А. Протопоповъ совершенно правильно вспоминаетъ, что трагедія Бѣлинскаго «во всей русской литературѣ имѣла только одинъ прецедентъ, равный ей по силѣ и искренности чувствъ—это знаменитая книга Радищева, съ которой какъ разъ около этого времени (1833) раздражительно полемизировалъ величайшій русскій поэтъ»**).

---

*) *Бѣлинскій*, соч. т. II, стр. 251.

**) Этотъ отзывъ о статьѣ Пушкина не совсѣмъ точенъ. Статья не можетъ считаться полнымъ выраженіемъ мнѣнія великаго поэта объ авторѣ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». Достаточно для этого вспомнить одинъ изъ варіантовъ «Памятника»:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

«Раздражительность» статьи отчасти объясняется тѣмъ, что Пушкинъ хорошо зналъ цензуру своего времени, которая и въ этомъ видѣ

Но безъ оговорокъ, это сопоставленіе одностороннее. Протестъ Радищева вытекъ изъ цѣлаго строя вполнѣ опредѣленнаго міросозерцанія. Книга Радищева была яркимъ отраженіемъ идей 1789 года на русской почвѣ. Всего менѣе, конечно, желая умалить историческое значеніе подвига Радищева, я, все таки, просто для установленія фактовъ, долженъ отмѣтить, что это былъ подвигъ ума, а не сердца. Книга Радищева *убѣждаетъ,* но не увлекаетъ. Драма-же Бѣлинскаго есть крикъ сердца и именно великаго, потому-что въ тѣ времена надо было обладать совсѣмъ особымъ, если можно такъ выразиться, сердечнымъ зрѣніемъ, чтобы найти въ обстановкѣ и явленіяхъ, не поражавшихъ и не шокировавшихъ даже лучшихъ людей своего времени, столько матеріала для грознаго обличенія. Возьмемте всѣхъ остальныхъ дѣятелей сороковыхъ годовъ, не только прямыхъ ровесниковъ Бѣлинскаго, какъ Станкевичъ, напр., но и младшихъ его современниковъ, хотя-бы Тургенева, и мы увидимъ, до чего отношеніе юноши-Бѣлинскаго къ крѣпостному праву было явленіемъ вполнѣ индивидуальнымъ, вполнѣ исключительнымъ. Та борьба съ крѣпостнымъ правомъ, которымъ обезсмертило себя поколѣніе 40-хъ годовъ, началась почти 20-ю годами позже. Много-ли и видалъ-то Бѣлинскій крѣпостное право, только наѣздами въ родственныя помѣщичьи семьи и во всякомъ случаѣ меньше всѣхъ другихъ людей своего поколѣнія—баричей и, однако же, онъ одинъ только и выразилъ свое отвращеніе. А самое главное—выразилъ его не потому, что усвоилъ себѣ «передовое» міровоззрѣніе, не потому, что подъ вліяніемъ общаго идейнаго возбужденія далъ «анибаловскую клятву», не потому, что тогдашній государственный строй ему не нравился. Нѣтъ, Бѣлинскій въ 1829 году былъ безконечно «благонамѣренъ» и къ общему строю русскаго государственнаго уклада относился съ полнымъ одобреніемъ. Вотъ, напр., при какихъ условіяхъ читатель драмы воспринимаетъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ «протестующихъ» монологовъ героя драмы, столь же неистоваго, какъ былъ неистовъ авторъ драмы. Дмитрій Калининъ говоритъ о крѣпостныхъ «рабахъ»:

«Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право—однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру со своего раба, можетъ продать его какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями, и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!..

Въ этомъ «сильномъ» монологѣ, столь «сильномъ», что ему даже и приблизительной параллели не подберешь во всей нашей освободительной литературѣ, неистоваго, но въ то время, повто-

---

не пропустила статьи. Она появилась только 20 лѣтъ спустя, въ Анненковскомъ изданіи Пушкина.

ряю, ультра—«благонамѣреннаго» автора обезпокоили слова «кто далъ это гибельное право», и вотъ онъ быстро спѣшитъ дѣлать къ монологу Калинина примѣчаніе:

«Къ славѣ и чести нашего мудраго и попечительнаго правительства подобныя тиранства уже начинаютъ совершенно истребляться. Оно поставляетъ для себя священнѣйшею обязанностію пещись о счастіи каждаго человѣка, ввѣреннаго его отеческому попеченію, не различая ни лицъ, ни состояній. Доказательствомъ сего могутъ служить всѣ его поступки, и между прочимъ указъ о наказаніи купчихи Аносовой за тиранское обхожденіе съ своею дѣвкою и городничаго за допущеніе онаго, напечатанный въ 77-мъ номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» за 1830 годъ, 14 день сентября. Этотъ указъ долженъ быть напечатанъ въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ друзей человѣчества, въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ россіянъ, умѣющихъ цѣнить мудрыя распоряженія своего правительства, напоминающія слова нашего знаменитаго, незабвеннаго Фонъ-Визина: «Гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава — тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться права его; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастія и выгодъ въ томъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ есть беззаконно».

Было-бы величайшей ошибкой думать, что это примѣчаніе есть лукавство и можетъ быть приравнено къ тѣмъ, мало-кого вводившимъ въ заблужденіе, примѣчаніямъ, которыя въ 60-хъ годахъ дѣлали въ геологическихъ книжкахъ къ «щекотливымъ», съ извѣстной точки зрѣнія, космогоническимъ фактамъ. Бѣлинскій во всю свою жизнь не написалъ ни одного лукаваго слова, и славословилъ только тогда, когда весь былъ переполненъ славословія. Такъ было гораздо позже, въ эпоху сознательнаго прославленія «разумной дѣйствительности», такъ было тѣмъ болѣе теперь, когда Бѣлинскому даже ни на одну минуту не приходило въ голову, что онъ своими выходками противъ крѣпостного права совершаетъ нѣчто противозаконное. Въ 1847 году Бѣлинскій возвращался изъ Парижа и на бельгійской границѣ съ нимъ произошло забавное столкновеніе съ таможнею изъ-за какихъ-то дѣтскихъ игрушекъ. Сначала къ нему отнеслись строго, но потомъ дѣло уладилось, потому что, пишетъ Бѣлинскій Анненкову, таможенные чиновники «увидѣли, что я *глупъ до святости*». Безспорно такую же «глупость», и безспорно такую-же «святую», проявилъ Бѣлинскій и въ 1830 г., когда пришлось провести литературную контрабанду. Великолѣпенъ юный драматургъ, когда жалуется родителямъ на то, что цензура его не «оцѣнила» и «не поняла». У него-то, оказывается, «желанія и намѣренія были самыя благородныя», онъ, видите-ли, въ своей драмѣ «со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовію къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, въ картинѣ довольно живой и вѣрной представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ». По его глубокому убѣжденію драма не только «не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности», а напротивъ

того, «цѣль сочиненія есть самая нравственная» *). И вдругъ цензура «составляетъ журналъ» о драмѣ и признаетъ ее «безнравственной и позорящей университетъ». Бываютъ же такія недоразумѣнія!..

Въ сжатой формѣ желая объяснить причину гоненія, воздвигнутаго на его «сочиненіе», Бѣлинскій не достаточно точно свелъ всю драму къ «картинѣ тиранства присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ». На самомъ дѣлѣ «тиранство» играетъ въ самомъ *замыслѣ* драмы далеко не исключительную роль. Задуманъ «Дмитрій Калининъ» какъ драма судьбы, что совершенно ясно изъ общаго эпиграфа пьесы:

И всюду страсти *роковыя*,
И отъ *судебъ* защиты нѣтъ.

Главный герой драмы Калининъ постоянно говоритъ о «враждебной судьбѣ», о «мщеніи жестокаго рока». Одинъ изъ резюмирующихъ пьесы монологовъ его сводитъ всѣ разыгравшіеся въ драмѣ ужасы къ тому, что «безпощадная судьба играетъ слабыми смертными».

Что же касается трагическаго характера ужасныхъ событій, проходящихъ кровавою чередою **) предъ читателемъ и зрителемъ,

---

*) «Рус. Стар.» 1876 г. № 1, стр. 81.

**) Запрятанная въ такое малораспространенное изданіе, какъ «Сборникъ Общ. люб. рос. Словесности» драма Бѣлинскаго едва ли кому извѣстна изъ нашихъ читателей и потому будетъ нелишнимъ въ краткихъ словахъ разсказать ея содержаніе:

Богатый и добрый, хорошо обращающійся съ крѣпостными своими, помѣщикъ Лѣсинскій взялъ къ себѣ въ домъ сына одного изъ своихъ крестьянъ Дмитрія Калинина и далъ ему тщательное воспитаніе. Потомъ то оказывается, что Дмитрій его незаконный сынъ, но этого пока никто не знаетъ. Жена Лѣсинскаго жестокая и чванная тиранка. Достойны матери сынки, столь же жестокіе, лѣнивые и распутные. Дочь Лѣсинскихъ Софья, выросшая внѣ дома, а потомъ воспитанная благородною «русскою мамзелью» Рудиной, пошла въ отца, прониклась любовью ко всему высокому и на этой почвѣ, по возвращеніи домой, сближается съ Дмитріемъ. Они страстно влюбляются другъ въ друга и вступаютъ въ связь. Чтобы устроить свое общественное положеніе, Дмитрій уѣзжаетъ въ Москву и въ это время умираетъ старикъ Лѣсинскій. Изверги-сынки, и при жизни отца пользовавшіеся всякимъ случаемъ, чтобы мучить Дмитрія словомъ «рабъ», пишутъ ему такое письмо: «почтеннѣйшій, высокоименитый господинъ, пылкая голова, молодой мечтатель, маленькій философъ! Вашъ благодѣтель, не успѣвши излить на васъ остатки щедротъ своихъ, изволилъ отправиться на тотъ свѣтъ. Ваша отпускная уничтожена, сестра наша выходитъ замужъ за князя Кизяева и такъ какъ у насъ недостаетъ лакеевъ для служенія при свадебномъ столѣ, то и просимъ васъ всепокорнѣйше какъ можно скорѣе пожаловать къ намъ». Обезумѣвшій Дмитрій, не для того, конечно, чтобы исполнить просьбу Лѣсинскихъ, ѣдетъ къ нимъ. Его сопровождаетъ его другъ, благородный, хотя и прикидывающійся холоднымъ насмѣшникомъ, Сурскій, у котораго созрѣваетъ такой планъ: онъ познакомится съ Софьей, уговоритъ ее оставить домъ, а тамъ уже будетъ приготовленъ священникъ, который и обвѣнчаетъ ее съ Дмитріемъ. Все идетъ отлично, но портитъ дѣло Дмитрій. Онъ врывается въ домъ Лѣсин-

то причина ихъ въ необузданномъ темпераментѣ Калинина, охарактеризованнаго въ эпиграфѣ къ третьему дѣйствію словами Озерова:

Ахъ! не вини меня: вини мои ты чувства,
Которыхъ укрощать не знаю я искусства,
Вини сей огнь въ моей пылающей крови.
Чрезмѣренъ я во всемъ—и въ злобѣ и въ любви.

Собственно художественный узелъ драмы въ кровосмѣшеніи и въ томъ, что Калининъ явился на свѣтъ какъ плодъ незаконнаго сожительства. «Такъ скрытныя семейственныя преступленія наказываются», говоритъ Калининъ предъ самою смертью, уже совершивъ всѣ убійства. Въ скелетѣ драмы, слѣдовательно, нѣтъ ничего «протестующаго». Но, задумавъ драму въ одномъ направленіи, Бѣлинскій, охваченный воспоминаніями своего зоркаго сердца, быстро перешелъ на картины «тиранства». Задавшись замысломъ чистоголовнымъ, Бѣлинскій не могъ остаться при одной сухости этой книжной затѣи. Живая дѣйствительность врывается въ книжность замысла, Бѣлинскимъ овладѣваетъ желаніе разсказать про вещи, въ которыхъ кое-кто изъ чембарцевъ себя узнаетъ. «Вы увидите», пишетъ онъ отцу, «многія лица, довольно вамъ извѣстныя». Благодаря этому драматизированію лично видѣннаго и перечувствованнаго, пьеса получаетъ двойной интересъ—какъ біографическій матеріалъ, какъ матеріалъ для сужденія о сердечной зоркости Бѣлинскаго, и какъ картина помѣщичьяго быта 20-хъ годовъ, хотя и освѣщеннаго исключительно съ одной точки зрѣнія. Въ біографіи Калинина Бѣлинскій далъ свою собственную автобіографію. Нетрудно догадаться, съ кого списанъ портретъ Дмитрія, набросанный имъ въ разговорѣ съ пріятелемъ:

«Чтеніе рано сдѣлалось любимѣйшимъ моимъ занятіемъ. Оно образовало мой вкусъ и, питая начинавшія обнаруживаться во мнѣ страсти, дало мнѣ благородное направленіе. Напитанная духомъ поэзіи, душа моя окрилялась

скихъ, гдѣ происходитъ балъ; «съ дикою улыбкою и блуждающими взорами» произноситъ громовой монологъ, затѣмъ среди всеобщаго недоумѣнія бросается къ Софьѣ и заключаетъ ее въ объятія. Остолбенѣвшій сначала Лѣсинскій-сынъ приходитъ въ себя и велитъ слугамъ заковать Калинина въ кандалы, но оторопѣвшіе слуги боятся страшнаго вида Дмитрія и медлятъ. Лѣсинскій имъ кричитъ: «скоты! и вы боитесь подойти къ такому же рабу, какъ и вы сами». Слово «рабъ», какъ всегда, лишаетъ Дмитрія послѣдняго остатка самообладанія и онъ убиваетъ брата Софьи. Въ послѣднемъ дѣйствіи Дмитрій, убѣжавъ изъ тюрьмы, съ разорванною цѣпью на рукѣ, является въ деревню Лѣсинскихъ свидѣться съ Софьей. Софья все еще любитъ убійцу своего брата, но жизнь ей опостыла, она предлагаетъ Дмитрію вмѣстѣ умереть. Послѣ долгихъ колебаній, Дмитрій ее закалываетъ и собирается покончить съ собою. Но его ждетъ еще одинъ страшный нравственный ударъ. Ему передаютъ письмо, которое предъ смертью написалъ ему Лѣсинскій, и изъ него онъ узнаетъ, что отецъ Софьи—и его отецъ, что этотъ высоконравственный «благодѣтель» его такъ страшно злоупотребилъ своею властью для удовлетворенія похоти. Братоубійца и кровосмѣситель въ ужасѣ закалываетъ себя.

какимъ то невыразительнымъ восторгомъ. Въ ней пробудилась любовь ко всему высокому, благородному. Почти никѣмъ не любимый, я никому не повѣрялъ ни моихъ чувствъ, ни моихъ мыслей; да если бы захотѣть сдѣлать это, то могли ли бы эти толпы людей низкихъ, пресмыкающихся въ пыли презрѣнныхъ, мелочныхъ суетъ, понимать меня».

Съ того же оригинала списаны другія подробности:

«Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ чувствомъ я смотрѣлъ всегда на несчастнаго. Если при мнѣ разсказывали о несправдливостяхъ, гоненіяхъ, жестокостяхъ сильныхъ надъ слабыми, о злоупотребленіи властей—то адъ бунтовалъ въ груди моей».

Душа Калинина «страстна ко всему прекрасному», а главное, необуздана безъ мѣры. «Калининъ! Калининъ! голова пылкая и безумная!» говоритъ ему пріятель, «когда ты опомнишься, когда ты перестанешь метаться изъ крайности въ крайность и попадешь на счастливую середину»?—Вся драма и полна этого необузданнаго метанія. Каждый монологъ его сопровождается предварительной авторской ремаркой: «говоритъ съ постепенно возрастающимъ жаромъ», «въ бѣшенствѣ», «трепещетъ всѣмъ тѣломъ», «дико улыбаясь», «ужаснымъ голосомъ», «громовымъ голосомъ», «задыхаясь отъ ярости», «съ блуждающими взорами» и т. п. Есть параболическія зеркала, въ которыхъ каждый предметъ отражается очень ярко и рельефно, но въ уродливыхъ, неестественныхъ очертаніяхъ. Въ лицѣ Калинина «неистовость» натуры Бѣлинскаго отразилась въ параболическомъ зеркалѣ романтизма и потому порою она такъ уродлива и неестественна, но сходство то, всетаки, уловить нетрудно и въ этомъ исковерканномъ изображеніи. Основныя очертанія порывовъ Бѣлинскаго тѣ-же.

Картины «тиранства», однако, нарисованы безъ всякихъ романтическихъ прикрасъ и безъ всякихъ излишествъ дикаго слога монологовъ Калинина. Съ одной стороны Бѣлинскій устами слугъ тиранки Лѣсинской и обрисовкой ихъ характеровъ осуждаетъ самую идею «рабства». «Какъ будто у насъ не такая душа, какъ въ ихъ благородіяхъ», говоритъ горничная Лиза. «Чай у Бога то всѣ равны. Здѣсь имъ хорошо повелѣвать нами, а на томъ свѣтѣ небось не такую пѣсню затянутъ». Всѣ выведенные въ драмѣ крѣпостные честны, добры, кротки и жалостливы. Напротивъ того, дворяне, помимо «тиранства» — невѣжественны, корыстолюбивы и полны глупѣйшаго чванства. Между гостями, собравшимися на имянинахъ у Лѣсинской, происходитъ такой разговоръ:

Третья госпожа. И, помилуйте, дѣло ли это? На что похоже? Прилично ли дворянину учиться въ этихъ школахъ, которыя набиты разночинцами, и семинаристами, и мѣщанами, и отпущенниками, и всякимъ сбродомъ, и всякой сволочью?

Первая госпожа. То ли дѣло, какъ держать дѣтей при себѣ то? За глазами то и научатся Богъ знаетъ чему, пожалуй, и Бога то забудутъ.

Третья госпожа. Да и чему учатъ то въ этихъ университетахъ?—безбожію, разврату, да и только. Я знала одного эдакаго ученаго. Человѣкъ

не старше двадцати пяти лѣтъ, а представь себѣ, какой нравственности: смѣялся надъ постами, презиралъ дворянствомъ, чинами, поносилъ стряпчаго Андреева, который схватилъ крестикъ и за то, что прокуроръ объ немъ постарался, подарилъ ему три тысячи золотомъ. Вотъ каковы эти развратные ученые!

Ѳедоръ Максимычъ. Да къ чему это ученіе? Мы и наши отцы не учились, а всегда были съ кускомъ хлѣба. Славу Богу, не хуже ученыхъ то жили, даже иной ученый то поклонится нашему брату, чтобы посадилъ его за свой столъ.

Четвертая госпожа. Да не низость ли учиться дворянину въ какомъ нибудь университетишкѣ, гдѣ какой нибудь профессоръ, мѣщанскаго происхожденія, будетъ съ нимъ обходиться безъ должнаго уваженія? Да, опять, стоятъ ли эти пустыя науки того, чтобы дворянинъ ими занимался? Другое дѣло французскій языкъ: безъ него, какъ безъ рукъ».

Представителями тиранства являются Лѣсинская и ея сыновья. «Шкуру сдеру съ мерзавца; каждый день буду бить до полусмерти» — раздается окрикъ Андрея Лѣсинскаго, вслѣдъ за которымъ идетъ и исполненіе. Но хуже всѣхъ сама Лѣсинская. Всею душою ненавидитъ она «проклятое хамовое поколѣніе». Оправдываній для нея не существуетъ: «Когда барыня говоритъ тебѣ, что ты виновата, такъ какъ же ты смѣешь оправдываться». Идеаломъ для нея служитъ «братецъ Филиппъ Андреичъ. Онъ до полусмерти колотитъ вашего брата, да не смѣй рта разинуть, не смѣй слова пикнуть. Коли станетъ орать, али плакать, такъ вдвое велитъ пріударить. А то, вишь, какіе нѣженки: чуть мазнешь по рожѣ, такъ и разхнычутся, точно дворяне какіе». Какъ только умеръ ея мужъ, относившійся мягко и жалостливо къ крѣпостнымъ, она тотчасъ завела у себя порядки своего братца. «Насъ стали мучить, какъ скотовъ какихъ», разсказываетъ старый слуга Иванъ. «Коли учнутъ напрасно взыскивать, не моги рта разинуть, не моги пикнуть въ оправданіе—на конюшню, да и только; ужъ порютъ, порютъ, какъ собакъ какихъ. А если кто захвораетъ, да доложатъ барынѣ, такъ только и услышишь: вишь, какой благородный! вишь, какой дворянинъ! Еще хворать вздумалъ, полѣчите-ка его хорошенько арапельникомъ». Былъ у ея мужа бурмистромъ богатый мужикъ Антипъ, работящій, трезвый и умный. Вскорѣ послѣ смерти Лѣсинскаго проходитъ его вдова со своими сыновьями мимо двора Антипа.

«А у него передъ избой стояли два новыхъ сруба, съ полей пріѣхали его работники, да къ этому же времени стада подогнали. Вотъ барыня на досугѣ и смекнула, что у него и скота то, и лошадей то, и хлѣба больно много. «А чьи это у тебя Антипъ срубы»?—«Мои, сударыня»—«Да что ты больно богатъ, чѣмъ это больно разжился?»—«Да своими трудами, сударыня».—Хорошо же ты, братъ, обворовываешь господское добро то, да мужиковъ то обиралъ!» Взяла да и велѣла срубы то перевезти на барскій дворъ, хлѣбо-тъ переклaсть на господское гумно, лошадей и скотъ также перегнать къ себѣ, а ему оставила сущую малость. Взвылъ нашъ мужикъ, повалился ей въ ноги: «матушка Лисафета Андревна, не пусти по міру! «Вотъ ты у меня, старый чортъ, не такъ завоешь, пойдемъ ка въ клѣть то твою да посмотримъ, что у тебя въ коробьѣ-то есть». Вскрыла коробью, нашла сотняжекъ шесть деньжонокъ, да всѣ до одной копѣйки

прибрала къ себѣ. Иванъ-то, его сынъ, знаешь, парень молодой, не вытерпѣлъ, да и скажи: «Вѣдь это, сударыня, сущій разбой; вы насъ совсѣмъ изволили ограбить».—«А! такъ то ты поговариваешь съ господами то? хорошо, я тебѣ припомню это. А ты, Антипъ Власьевичъ, знать, происхожденія то дворянскаго, самъ и работать не хочешь, а нанимаешь работниковъ; вишь, какъ съ воровства разжился! живешь, какъ баринъ какой».

Настала некрутчина; очередь была на одномъ мужикѣ, у котораго было три сына, а барыня его обошла, да отдала Ивана, Антипова сына. То-то жалости то достойно было, какъ онъ разставался съ отцомъ, да съ молодой женой. Бѣдная въ постелю слегла, захирѣла, да умерла. Антипъ остался одинъ-одинехонекъ, сыну копѣечки не могъ дать. Съ горя спился съ кругу да и пошелъ по міру. А всетаки его гоняютъ на барщину; онъ отъ старости да отъ горя работать не можетъ, такъ безпрестанно его колотятъ не на животъ, а на смерть».

Въ положительныхъ лицахъ драмы этотъ дикій произволъ возбуждаетъ настоящій ужасъ. Выслушавъ разсказъ объ Антипѣ, Софья съ отчаяніемъ восклицаетъ:

«Боже мой! О, я несчастная! И это чудовище есть моя мать! она наряжаетъ меня, какъ куклу; я потеряла счетъ моимъ платьямъ, шалямъ, шляпкамъ; у меня лежатъ тысячи перстней, колецъ и другихъ драгоцѣнныхъ бездѣлицъ и все это пріобрѣтено цѣною несчастія моихъ ближнихъ. О, прочь эти пустые наряды! Я истреблю ихъ, иначе они будутъ жечь мое тѣло. Пойду, посмотрю не превратились ли они въ кровь».

Съ однимъ изъ наиболѣе сильныхъ монологовъ Дмитрія противъ помѣщичьяго тиранства мы уже знакомы.

Такимъ образомъ, авторъ съ трехъ сторонъ нападаетъ на твердыню крѣпостного права: съ точки зрѣнія его несправедливости по существу, съ точки зрѣнія злоупотребленій помѣщичьею властью и, наконецъ, съ точки зрѣнія отвращенія, которое должно производить помѣщичье тиранство на людей, сколько-нибудь нравственно-чуткихъ.

Страстность этой авторской аттаки, это безпощадное битье по нервамъ дѣлаетъ драму Бѣлинскаго съ чисто-эстетической точки зрѣнія, можетъ быть, очень «кричащимъ», но во всякомъ случаѣ высоко-замѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ. Пусть она и «незрѣла», и «ребячески-ходульна», но равнодушно пройти мимо нея, не вдуматься въ тѣ явленія, которыя она съ такимъ содроганіемъ отмѣчаетъ, не было бы никакой возможности. Въ этомъ смыслѣ, и можетъ быть даже въ тѣснѣйшей связи со своими литературными недостатками, драма Бѣлинскаго безусловно должна быть признана самымъ яркимъ произведеніемъ всей нашей освободительной литературы. Когда почти двадцать лѣтъ спустя молодая литература взялась за освободительныя задачи, она, не желая писать исключительно для свѣдѣнія цензуры, уклонилась отъ обличительныхъ задачъ и дѣйствовала косвенно, прославленіемъ хорошихъ сторонъ крестьянской жизни и народной психологіи. Одинъ неистовый Виссаріонъ хватилъ обухомъ само «тиранство», само помѣщичье сословіе. Какъ мы уже знаемъ

изъ отзыва о «Ночи», Бѣлинскій чрезъ нѣсколько лѣтъ призналъ свое дѣтище эфемернымъ. Но допустимъ на одинъ моментъ, что драма увидѣла-бы свѣтъ. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что дѣйствіе ея было бы потрясающее, при всѣхъ ея недостаткахъ чисто-литературныхъ. Мало ли есть произведеній, не обладающихъ литературными достоинствами и, всетаки, явившихся крупнымъ факторомъ умственнаго возбужденія эпохъ замѣчательнѣйшихъ. Велика ли связь между художественными достоинствами «Что дѣлать» съ вліяніемъ, которое оказалъ этотъ романъ, есть ли какая-нибудь соразмѣрность между скромнѣйшими размѣрами таланта Бичеръ-Стоу и сказочными размѣрами впечатлѣнія, произведеннаго «Хижиною дяди Тома»?

Къ тому-же, какъ произведеніе чисто-литературное, «Дмитрій Калининъ», конечно, вещь неважная, но, однакоже, не такъ уже безусловно. Кое-что въ немъ, ну хотя бы разсказъ объ Антипѣ, приведенный выше, по простотѣ языка и реализму обрисовки представляетъ и литературный интересъ.

Самое ужасное въ драмѣ это навѣянные Шиллеровскими «Разбойниками» и романтизмомъ монологи Калинина.

«Чувствуешь-ли ты, какъ горитъ моя голова? Она раскалена адскимъ пламенемъ! Чувствуешь-ли ты, какъ страждетъ это бѣдное сердце? Лютое отчаяніе вонзило въ него свои кровавые когти и раздираетъ его на милліоны частей! Видишь ли ты эти лоскутки? Какъ разорвалъ я эту бумагу, такъ разорву и написавшихъ ее!.. Я расщиплю на части ихъ тѣло! Я высосу по каплѣ кровь изъ жилъ ихъ! Я притащу ихъ на могилу моего благодѣтеля, скажу имъ «здѣсь погребенъ отецъ вашъ» и брошу въ глаза ихъ эти лоскутки (скрипитъ отъ ярости зубами). О, тщетны будутъ мольбы ихъ! Тщетно будутъ обнимать колѣна мои! О, какое сладостное зрѣлище! Какое веселое пиршество!.. Сурскій, видишь-ли, какъ черная кровь клубится изъ зіяющихъ ранъ ихъ? Видишь-ли, какъ ужасно смерть исказила посинѣлые уста ихъ?... Какъ страшно они обращаютъ на меня свои кровавые глаза?.. Видишь-ли ты эти судорожныя движенія, это бореніе смерти съ жизнью, эти глухіе, хриплые стоны? Они предшествуютъ смерти! но она еще медлитъ: она хочетъ усладить меня этимъ зрѣлищемъ. Видишь: кровавыми руками они разрываютъ землю и грызутъ ее зубами! Видишь-ли, какъ черная пыль смѣшалась съ багровою пѣною?» и т. д.

Монологъ выхваченъ совершенно на удачу изъ цѣлаго десятка страницъ, отведенныхъ завываніямъ Дмитрія, все такимъ-же дико-неистовымъ и кровавымъ. «Тысячи ядовитыхъ змѣй», «адскія проклятія», «адское самонаслажденіе», «жажда крови, убійства и разрушенія», «тысячи кинжаловъ, въ одну секунду вонзающихся въ сердце», «огненный тартаръ души, въ милліонъ разъ болѣе ужасный», «толпа фурій, потрясающихъ своими факелами» и т. д., и т. д.— весь этотъ словарь романтизма исчерпанъ Бѣлинскимъ съ тѣмъ отсутствіемъ мѣры, которымъ характеризуется каждое изъ его увлеченій. Не забудемте, однако, требованій исторической перспективы и не поставимъ всецѣло въ вину двадцати-лѣтнему юношѣ то, что было свойствомъ цѣлой эпохи.

Протестомъ противъ «тиранства» и анализомъ ходячихъ представленій не исчерпывается все оппозиціонное въ драмѣ Бѣлинскаго. Въ ней есть еще и другіе весьма замѣчательные элементы «протеста», которыхъ однихъ было-бы совершенно достаточно, чтобы придать драмѣ интересъ и опредѣленную окраску, если бы вниманіе читателя не было всецѣло поглощено основною борьбою драмы съ крѣпостнымъ правомъ. Драма ополчается противъ всякой сословности вообще, противъ ханжества, защищаетъ свободу чувства и «права разсудка» нарушать законы, если они стѣснительны.

Въ лицѣ Лѣсинской побивается самое основаніе сословныхъ преимуществъ. Софья напала на нихъ и

«Какую непобѣдимую силу имѣли доказательства въ ея устахъ! Она утверждала, что права происхожденія, предки суть ничто иное какъ предразсудки, постыдные для человѣчества, что единственно однѣ достоинства личныя должны давать права на почести и славу. Мать ея не могла выдержать этихъ быстрыхъ, огненныхъ взоровъ, не могла противиться этому сильному, убѣдительному краснорѣчію, этимъ доказательствамъ, источникомъ которыхъ была истина».

Въ лицѣ той-же Лѣсинской и нѣкоего Сидора Андреевича, отрекомендованнаго въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ какъ «лицемѣръ» живущій въ домѣ Лѣсинской», осмѣяно ханжество и внѣшнее благочестіе. Только-что «мазнувъ по рожѣ» горничную и велѣвъ отодрать на конюшнѣ старика-дѣда ея, Лѣсинская спѣшитъ къ обѣднѣ, во время которой думаетъ о томъ, «что нужно достать хорошую плетку для дѣвокъ, да надо отпороть кого-нибудь изъ лакеевъ». Обращающейся къ ней за помощью весьма достойной, но бѣдной женщинѣ она оказываетъ грошовое подаяніе пудомъ сѣна, а вслѣдъ за этимъ приходящимъ монахинямъ даетъ 50 р. А елейный «лицемѣръ» Сидоръ Андреевичъ, подбирающій пословицы и текстики для доказательства того, что «бить рабовъ ничуть не грѣшно, а должно», прямо темная личность, плутъ и негодяй.

Свободу чувства проповѣдуетъ Дмитрій:

«Нежели ты думаешь, что согласіе родителей, пустые обряды даютъ право двумъ существамъ питать другъ къ другу любовь и наслаждаться ею? Неужели ты слѣдуешь этимъ глупымъ, унизительнымъ для человѣчества предразсудкамъ? Одна только природа соединяетъ людей узами любви и позволяетъ имъ наслаждаться всѣми благами, какія только можетъ она доставлять имъ.

«Когда законы противны правамъ природы и человѣчества, правамъ самого разсудка, то человѣкъ можетъ и долженъ нарушать ихъ. Неужели я потому только не имѣю права любить дѣвушку, что отецъ ея носитъ на себѣ пустое званіе дворянина и что онъ богатъ, а я безъ имени и бѣденъ? Она меня любитъ: вотъ неотъемлемое право и мнѣ отвѣчать тѣмъ-же! Неужели людей соединяютъ ничтожные обряды, а не любовь.

По поводу протеста драмы Бѣлинскаго противъ крѣпостного права я уже сказалъ, что было-бы слишкомъ прямолинейно отнести ее просто къ разряду «протестующихъ» произведеній. Это значитъ

лишить ее букета, спеціально ей одной принадлежащаго. По отношенію-же къ сейчасъ указаннымъ другимъ «протестамъ», мы уже впадемъ въ прямую ошибку, принявъ ихъ безъ оговорокъ. Высмѣиваетъ ханжество Бѣлинскій не изъ скептицизма, а потому что ханжество «оскорбляетъ святость и чистоту религіи». Когда Дмитрій, прежде «въ благоговѣйномъ безмолвіи шептавшій священное имя Бога», теперь разражается такою угрозою небу: «уста моя загремятъ хулою на Бога, какъ на тирана, который утѣшается воплями своихъ жертвъ, который упивается ихъ слезами», то Бѣлинскій спѣшитъ сдѣлать примѣчаніе: «такъ говоритъ дерзкое безуміе, неистовое отчаяніе человѣка, не упитаннаго чистыми струями религіи и нравственности». Въ отвѣтъ на разсужденія Дмитрія о правѣ не соблюдать «пустой обрядности» и нарушать законы, «противные природѣ человѣка», другъ Дмитрія Сурскій доказываетъ ему, что онъ поступилъ дурно, сдѣлавъ Софью «супругой» на основаніи однихъ только «правъ природы». *Доводы Сурскаго убѣждаютъ Дмитрія:*

«Проклятый разочарователь! Торжествуй: ты правъ! ты правъ! Но для чего ты открываешь мнѣ глаза тогда, какъ я уже стремглавъ полетѣлъ въ бездонную пропасть, открытую мнѣ враждебною судьбою? Не для того-ли, чтобы освѣщать мнѣ всѣ ужасы, которые она скрываетъ въ себѣ?.. О Сурскій! О Сурскій! Съ высоты небесъ ты низвергнулъ меня въ адскія бездны, изъ царя сдѣлалъ нищимъ! О! Не смотри на меня такими глазами: они убиваютъ меня, какъ взгляды василиска! Въ этихъ выразительныхъ, ледяныхъ взорахъ я читаю укоръ, читаю мое преступленіе или, лучше сказать, мщеніе жестокаго рока!»

Такимъ образомъ и этотъ «протестъ» никоимъ образомъ нельзя подвести подъ общій типъ протестовъ, которые вытекаютъ изъ строго-опредѣленнаго міросозерцанія. При опредѣленномъ міросозерцаніи человѣкъ идетъ отъ общаго къ частному, запасшись извѣстнымъ критеріемъ, начинаетъ прилагать его ко всему окружающему. Бѣлинскій-же, напротивъ того, никакого опредѣленнаго міросозерцанія не имѣлъ, онъ былъ только одушевленъ однимъ неопредѣленнымъ стремленіемъ къ истинѣ и справедливости. Но за то это стремленіе дѣйствительно насквозь его проникало, онъ не могъ выносить ни малѣйшаго диссонанса и потому, теоретически въ 1830 г. весьма далекій отъ какой-бы то ни было «неблагонамѣренности», практически подвелъ подкопъ подъ весь общественный строй того времени.

Неоконченъ и едва-ли когда будетъ конченъ споръ о рангѣ и важности сознательнаго и безсознательнаго творчества. Что выше: когда человѣкъ сознательно идетъ къ цѣли или когда онъ творитъ

Wie der Vogel singt.

Не стоитъ по поводу «Дмитрія Калинина» подымать этотъ вопросъ уже потому, что въ чисто-литературномъ отношеніи драма немногаго стоитъ. Но при сужденіи собственно о нравственной природѣ писателей, едва-ли можно сомнѣваться, что творчество,

вышедшее изъ глубины непосредственнаго, ничѣмъ извнѣ неподогрѣтаго чувства, выше чувства сложнаго, подогрѣтаго вліяніямъ ума. Честь и слава тому, у кого сердце настолько чутко къ добру, что вооруженное общимъ анализирующимъ міровоззрѣніемъ, оно открываетъ несовершенства и недочеты окружающаго. Но еще больше славы тому, кто доходитъ до этого невооруженный ни анализомъ, ни скептицизмомъ. И вотъ если принять во вниманіе полную невозможность вывести «Дмитрія Калинина» изъ направленія протестующаго и то, что «художникомъ» Бѣлинскій былъ менѣе, чѣмъ посредственнымъ, слѣдовательно вообще-то не обладалъ особенною наблюдательностью, то мы должны будемъ отнестись къ драмѣ совсѣмъ особенно. Безъ всякихъ натяжекъ, нужно будетъ признать, что это первое, незрѣлое по исполненію произведеніе Бѣлинскаго, съ его на двадцать лѣтъ опередившимъ эпоху негодованіемъ противъ крѣпостного права и другими отступающими отъ шаблоновъ настроеніями, представляетъ собою истинный подвигъ сердца благороднѣйшаго или, чтобы уже держаться эпитета, принятаго въ настоящемъ этюдѣ, великаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Венгеровъ.

Памяти Некрасова.

Съ крутыхъ высотъ въ горахъ Кавказа,
Какъ свѣтлый лучъ иль грань алмаза,
Потокъ звенящій ниспадалъ;
Но, по игрѣ природы странной,
Онъ тамъ, среди горы туманной
Изъ глазъ внезапно пропадалъ.

И тщетно ищетъ взоръ пытливый,
Гдѣ снова струйкой прихотливой
Мелькнетъ ручей межъ грудъ и плитъ·
Могучихъ нѣдръ покой тревожа,
Въ груди горы себѣ онъ ложе
Во тьмѣ таинственной сверлитъ...

Пѣвца святое вдохновенье!
Твой кратокъ бѣгъ, — одно мгновенье
Лилася пѣснь,—и пѣсни нѣтъ...
А жизнь стоитъ громадой вѣчной
И въ этой шири безконечной
Затерянъ гдѣ то пѣсни слѣдъ.

Но, какъ потокъ въ горѣ могучей,
Невидимъ, бьетъ струей кипучей
И въ нѣдрахъ плещетъ и дрожитъ, —
Такъ отзвукъ пѣсни благородной
Глубоко тамъ, въ груди народной
Струей живительной бѣжитъ...

А. Вербовъ.

Поль-Луи Курье.

Поль-Луи Курье. Сочиненія. Часть первая. Спб. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1897.

Изъ упрековъ, раздающихся по адресу политической литературы прогрессивнаго направленія, чаще всего и у насъ, и на западѣ повторяются обвиненія въ такъ называемомъ доктринерствѣ—обвиненія, не лишенныя по своему содержанію серьезнаго значенія, такъ какъ касаются самой важной стороны всякихъ воззрѣній: ихъ происхожденія, ихъ психологической подкладки. Какъ и многія другія, эти обвиненія чаще повторяются, чѣмъ провѣряются. Не предрѣшая вопроса объ ихъ основательности, укажемъ пока на то, что они имѣютъ нѣкоторое историческое объясненіе: доктринерами, какъ извѣстно, назывались во Франціи въ эпоху реставраціи представители весьма умѣреннаго либерализма изъ школы Ройе-Коллара. Какова связь этого доктринерства съ современными воззрѣніями, къ которымъ прилагается это названіе, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что кличка доктринера была дана Ройе-Коллару органомъ либеральной оппозиціи, равно какъ изъ того, что самъ Ройе-Колларъ былъ всю жизнь убѣжденнымъ легитимистомъ; наконецъ, изъ того, что вождями доктринеровъ были Гизо и де-Брольи, ставшіе при Луи-Филиппѣ—безъ особеннаго перелома—во главѣ умѣренныхъ консерваторовъ. Какъ-бы то ни было,—когда, въ полемикѣ съ «либералами», «консерваторъ» прибѣгаетъ къ общей характеристикѣ ихъ взглядовъ, онъ спѣшитъ заявить, что все это «доктринерство».

Логика прогрессистовъ называется въ противномъ лагерѣ по преимуществу апріорной, ихъ разсужденія—ухищренія мудрящаго разума, оторваннаго отъ живой жизни; ихъ міровоззрѣніе—голая теорія, совершенно не считающаяся съ драгоцѣнными указаніями практики, ихъ выводы—въ полной зависимости отъ напередъ данныхъ, неподвижныхъ формулъ и принциповъ, совершенно чуждыхъ здоровому уму, не испорченному самовольнымъ мудрствованіемъ. Ихъ книжной, мертвенной логикѣ побѣдоносно противополагается логика здраваго смысла, имѣющаго волшебное свойство служить спасительнымъ началамъ политики консерватизма. Казалось-бы, что здравый смыслъ,—то есть совокупность сужденій здороваго, нор-

мальнаго ума,—никакимъ образомъ не можетъ быть поставленъ въ обязательную связь съ охраненіемъ существующаго порядка вещей во что бы то ни стало и съ боязнью реформы, какъ таковой. Но давно уже указано, что человѣку, не рѣшающемуся видѣть въ извѣстныхъ нормахъ истины достаточный критерій для провѣрки нормальности и правильности сужденія, дѣйствительно, ничего больше не остается, какъ искать этого критерія въ свободѣ ума отъ всякихъ путающихъ и обременяющихъ его знаній и соображеній, переходящихъ за предѣлы обыденной элементарности.

Поэтому понятіе здраваго смысла, какъ оно искони принималось въ извѣстномъ лагерѣ, имѣло всегда связь не столько съ истиной, сколько съ ходячими предразсудками, съ мнѣніемъ толпы. Софистъ, который въ отвѣтъ на философскую теорію, отрицавшую движеніе, сталъ *ходить*, несомнѣнно, видѣлъ свою опору въ здравомъ смыслѣ, но, конечно, аргументъ его былъ бы одобренъ лишь той поверхностной массой, сочувствіемъ которой не хвастаютъ мыслители. Въ этомъ сочувствіи — по трагическому недоразумѣнію— видятъ еще *теоретическое* оправданіе своего направленія политическіе дѣятели. Но не трудно понять, что и здѣсь хвалиться нечѣмъ не приходится. Народное направленіе въ политикѣ—не то, которое идетъ навстрѣчу косному «здравому» смыслу массъ, но то, которое, отрывая ихъ отъ многовѣковаго statu quo, продолжаетъ—по прежнему, но по другимъ причинамъ—опираться на ихъ сочувствіе. Да—можетъ сказать всякій—то, что вы называете здравымъ смысломъ, дѣйствительно, за васъ, но тѣмъ хуже для васъ: вѣдь, это тотъ самый здравый смыслъ, для котораго, очевидно, что солнце вертится вокругъ земли, что понедѣльникъ—тяжелый день, и что кровь изъ порѣза лучше всего остановить пыльной паутиной. Вы противополагаете себя идеологамъ, людямъ теоріи, но для этого вы называете «доктринерствомъ», теоріей все, чего не можете опровергнуть, и рѣшеніемъ здраваго смысла тѣ подозрительныя по своей элементарности и категорическому догматизму положенія, къ которымъ это названіе пристало развѣ на основаніи правила lucus a non lucendo.

Между тѣмъ для публициста нѣтъ ничего болѣе заманчиваго, какъ именно обращеніе къ настоящему здравому смыслу. Какъ бы ни былъ труденъ и запутанъ путь, ведущій къ истинѣ въ житейскихъ отношеніяхъ, она проста по своей сущности и доступна всякому уму. Не нужно большого знакомства съ политической литературой, чтобы видѣть, что оторванные отъ жизни идеологи есть вездѣ и что логика здраваго смысла никогда не была исключительнымъ достояніемъ одного какого-либо политическаго направленія. Это особенно ясно видно на литературѣ памфлетовъ. Памфлетистъ—популяризаторъ à outrance. Онъ не предполагаетъ въ читателѣ ни подготовки, ни знаній, ни знакомства съ предметомъ; онъ обращается не къ учености, а къ простымъ сложившимся взглядамъ;

его логика—простѣйшій силлогизмъ, его аппаратъ учености—общеизвѣстныя истины; онъ ничему не учитъ—онъ напоминаетъ о томъ, что всякій знаетъ, но подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, вліяній, увлеченій, ошибокъ забылъ въ данный моментъ. Онъ оставляетъ въ сторонѣ всѣ сложныя комбинаціи, всѣ многообразныя знанія, которыя привели его къ тому или иному убѣжденію, и излагаетъ его такъ, какъ будто оно само собою вытекаетъ изъ самыхъ простыхъ соображеній, изъ естественныхъ побужденій нормальнаго человѣка, какъ будто оно цѣликомъ покоится на одной логикѣ здраваго смысла.

Въ произведеніяхъ писателя, имя котораго стоитъ въ заглавіи нашей статьи, это исключительное обращеніе къ логикѣ здраваго смысла получило самое крайнее внѣшнее выраженіе: Курье пишетъ отъ имени простого мужика. Это не только искусственный пріемъ: самъ писатель не прошелъ иной школы, и его многообразныя знанія совершенно не касались общественныхъ вопросовъ; къ дѣятельности публициста онъ никогда не готовился, и, когда жизнь заставила его выйти изъ обычнаго безразличія и принять опредѣленную окраску, онъ нашелъ критерій для оцѣнки политическихъ явленій не въ теоріяхъ какой либо партіи, а въ указаніяхъ здраваго смысла. Въ этомъ отношеніи жизнь и произведенія Курье представляются чрезвычайно поучительными, и мы очень рады, что появленіе русскаго перевода важнѣйшихъ статей этого оригинальнаго публициста, почти совершенно неизвѣстнаго у насъ, даетъ намъ поводъ напомнить объ одномъ изъ тѣхъ немногихъ писателей, изъ подъ пера которыхъ не вышло ни одной строки, которую возможно было-бы приписать кому либо другому *).

Мы будемъ свидѣтелями единственнаго въ своемъ родѣ зрѣлища. Мы увидимъ, какъ живая жизнь даетъ толчокъ къ развитію естественныхъ интересовъ, скрытыхъ въ человѣкѣ исключительнымъ преобладаніемъ теоретическихъ элементовъ; мы увидимъ, къ какимъ выводамъ приходитъ неподдѣльная логика здраваго смысла, не искаженнаго ни догматами, ни страстями, ни доктринами; мы увидимъ, какой путь ведетъ человѣка, искренно «взыскующаго града», отъ мертваго затишья «башни изъ слоновой кости» къ тревогамъ и опасностямъ борьбы за правду.

I.

«Пьяченца.... мая 1804 года.

«Мы только что сдѣлали себѣ императора,—и я не препятствовалъ этому. Вотъ какъ было дѣло. Сегодня утромъ генералъ д'Антуаръ

*) Переводъ весьма удовлетворителенъ—безъ блеска классическаго стиля Курье, но и безъ значительныхъ погрѣшностей, онъ удачно передаетъ смыслъ и настроеніе подлинника.

собираетъ насъ и попросту, безъ всякихъ предисловій и подходовъ заявляетъ: «Такъ и такъ; императоръ или республика—что вамъ больше по вкусу?» Чего желаете: жаренаго или вареннаго, супу или каши? Кончилъ. Мы сидимъ, молчимъ, переглядываемся. «Господа, ваше мнѣніе!» Гробовое молчаніе: никто ни слова. Это тянулось съ четверть часа; д'Антуару и всѣмъ намъ стало неловко. Наконецъ, лейтенантъ Мэръ,—молодой человѣкъ, ты его, вѣрно, встрѣчалъ—встаетъ и говоритъ: «Если *онъ* хочетъ быть императоромъ, пусть будетъ; но если вамъ угодно знать мое мнѣніе, то мнѣ это совсѣмъ не нравится».—«Объяснитесь,—говоритъ полковникъ: вы хотите или не хотите?»—«Нѣтъ, не хочу»,—отвѣчаетъ Мэръ.—«Какъ угодно».—Новое молчаніе. Начинаемъ бросать другъ на друга косые взгляды, точно люди, которые встрѣтились первый разъ въ жизни. Мы молчали-бы до сихъ поръ, если-бы я, наконецъ, не заговорилъ. «Господа, говорю, мнѣ кажется, что это просто не наше дѣло. Народъ хочетъ императора; что намъ до этого?» Это соображеніе показалось всѣмъ настолько сильнымъ, яснымъ и ad rem, что—повѣришь-ли?—я увлекъ собраніе. Никогда ораторъ не одерживалъ болѣе рѣшительной побѣды. Всѣ встаютъ, подписываются и отправляются играть на билліардѣ. По пути Мэръ обращается ко мнѣ: «Скажите, капитанъ—вы краснорѣчивы, какъ Цицеронъ, но почему это вамъ такъ хочется, чтобы онъ сталъ императоромъ?»—«Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ и спокойно играть на билліардѣ. Не сидѣть же намъ цѣлый день. Да почему вы такъ не хотите этого?»—«Право, не знаю,—говоритъ онъ,—мнѣ казалось, что онъ созданъ для чего-то лучшаго». А, вѣдь, лейтенантъ не глупъ! Въ самомъ дѣлѣ, чего ради, скажи, пожалуйста, такому человѣку, какъ онъ, Бонапарте, солдатъ, главнокомандующій, первый полководецъ въ мірѣ, вдругъ захотѣлось называться императоромъ? Быть Бонапарте—и стать его величествомъ! Онъ опускается; а между тѣмъ ему кажется, что, сравнившись съ королями, онъ подымается. Титулъ кажется ему важнѣе имени. Бѣдняга! Его идеи ниже его высокаго удѣла. Я понялъ это, когда увидѣлъ, какъ онъ, выдавая свою сестренку за Боргезе, былъ убѣжденъ, что Боргезе оказываетъ ему великую честь».

Такъ писалъ Курье въ 1804 году изъ Пьяченцы, сообщая своему пріятелю, какъ онъ относится къ значительнѣйшему политическому событію переживаемой ими эпохи. Трудно повѣрить, что эти строки, проникнутыя не столько примиреніемъ съ военной деспотіей, сколько скептическимъ индифферентизмомъ ко всякому строю и образу правленія, также характерны для будущаго политическаго борца, какъ и его знаменитыя произведенія, не бьющія, правда, въ глаза узостью практическаго политика и человѣка партіи, но отъ перваго до послѣдняго слова запечатлѣнныя ненавистью къ тому, съ чѣмъ такъ легко мирится авторъ письма изъ Пьяченцы—къ гнету надъ мыслью и личностью. А между тѣмъ это несомнѣнно такъ. Съ внѣш-

ней стороны жизнь Курье можно дѣлить на сколько угодно періодовъ, но внутреннія, интимныя стороны его существа оставались неизмѣнными, и скептикъ, духовный аристократъ, индивидуалистъ, въ сущности, никогда не умиралъ въ этомъ «либералѣ», сидѣвшемъ столько разъ въ тюрьмѣ за свои ядовитые памфлеты.

А внѣшнимъ образомъ онъ, дѣйствительно, мѣнялся. Вотъ онъ—въ видѣ Поля-Луи, винодѣла изъ Шавоньеръ, мелкаго помѣщика, простого, разсудительнаго и сильнаго своимъ здравымъ смысломъ, безпощадно обличающимъ куртизановъ, чиновниковъ и капуциновъ. Онъ горой стоитъ за родную общину, гордится своимъ крестьянскимъ происхожденіемъ, любитъ народъ и склоненъ похвалиться его любовью. Онъ популярный и вліятельный публицистъ; и власти то заискиваютъ въ немъ, то сажаютъ его въ тюрьму. Это—Курье памфлетовъ. Но есть другой Курье—ученый, филологъ, эллинистъ, занятый въ походѣ переводомъ Ксенофонта; знатокъ древнихъ манускриптовъ, извлекающій изъ нихъ невѣдомые міру перлы, печатающій безъ имени свои ученыя изысканія, знаменитый въ кругу спеціалистовъ и глубоко убѣжденный, что писать теперь не о чемъ и не для кого—публики нѣтъ; общественная, политическая жизнь проходитъ мимо него, а за хорошую греческую надпись онъ отдастъ всѣ трактаты по политикѣ. «Въ борьбѣ между имперіей и республикой онъ на сторонѣ—Праксителя». И этотъ архивный червь—третья метаморфоза—скрывается въ артиллерійскомъ офицерѣ, ведущемъ бивачную жизнь, совершенно не знающемъ, что такое колебанія, раздумье, трусость. Это—замѣчаетъ Сентъ-Бевъ—жадный любитель всякаго знанія, поклонникъ красоты, грекъ, неаполитанецъ, итальянецъ и менѣе всего—галлъ. Онъ упивается своей свободой, всецѣло отдаваясь прихотямъ своего свободнаго призванія; онъ разборчивъ, причудливъ, мизантропъ, но очень счастливъ. Онъ наслаждается красотами природы, обожаетъ классическій міръ, презираетъ человѣчество, не вѣритъ въ великихъ людей и имѣетъ очень немного друзей.

Такимъ онъ былъ въ сорокъ три года, такимъ—чувствуетъ необходимость прибавить Сентъ-Бевъ—онъ, въ сущности, остался до конца своихъ дней.

И, однако, на этомъ неизмѣнномъ характерѣ съ удивительной наглядностью демонстрируется избитая мысль: событія создаютъ людей. Мѣняются не основныя черты характера: стушевываются одни и выступаютъ на первый планъ другіе его оттѣнки: получаютъ преобладающее значеніе тѣ его элементы, которые до сихъ поръ за неимѣніемъ приложенія оставались въ скрытомъ состояніи—и изъ ученаго математика, юриста, филолога, какими были Паскаль, Монтескье, Курье, дѣлается—памфлетистъ, въ глубинѣ своего существа, однако, по прежнему таящій гордый аристократизмъ духовной величины, не смѣшивающейся съ той партіей, дѣлу которой служитъ.

Для знакомства съ Курье перваго періода мы имѣемъ превосход-

ный матеріалъ въ сравнительно небольшой, но въ высшей степени содержательной коллекціи его писемъ, имъ самимъ расположенныхъ хронологически, подготовленныхъ къ печати и даже, быть можетъ, слегка ретушированныхъ. Они обнимаютъ болѣе четверти вѣка (1793—1824) и становятся менѣе интересными и содержательными, по мѣрѣ того какъ тѣ элементы дарованія автора,—наклонность къ анализу, сатирѣ, критикѣ,—которые давали себя знать въ нихъ, начинаютъ находить выраженіе въ новомъ родѣ его произведеній—въ его безсмертныхъ памфлетахъ.

II.

Передъ нами двадцатидвухлѣтній офицеръ, артиллеристъ въ маленькомъ пограничномъ городкѣ Тіонвиллѣ. Онъ не сходится съ окружающимъ его обществомъ; дамы на балахъ скучаютъ съ нимъ, потому что онъ не умѣетъ танцовать, а товарищи мѣшаютъ ему заниматься. Лучшее его удовольствіе—переписка съ любимой матерью и книги, древне-греческіе классики, которыми онъ увлекался еще въ ранней юности. Отецъ его, богатый буржуа, готовилъ его къ карьерѣ инженера, но пятнадцатилѣтній Поль-Луи, прилежно и успѣшно работая по математикѣ, неизмѣримо большее вниманіе удѣлялъ изученію греческаго языка и литературы. Это было еще въ Парижѣ, который семьѣ Курье пришлось покинуть вскорѣ послѣ его рожденія—въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія—по обстоятельству довольно обыкновенному въ это галантное время: Курье—отецъ едва не былъ убитъ слугами одного аристократа, обвинявшаго его въ обольщеніи жены и взявшаго у него взаймы значительную сумму денегъ, которую предпочиталъ не отдавать. Громкій скандалъ, вызванный этимъ происшествіемъ, заставилъ Курье удалиться въ прекрасную Турень и совершенно посвятить себя воспитанію сына. Здѣсь, среди чудной природы, въ бесѣдахъ съ отцомъ, человѣкомъ выдающагося ума и образованія, зарождались тѣ настроенія и взгляды, которые сдѣлали изъ Поля-Луи чудака для юныхъ сверстниковъ и замѣчательнаго писателя для потомства.

Изъ Парижа молодой Курье переѣхалъ 1791 году въ Шалонъ, гдѣ поступилъ въ артиллерійскую школу. И военная наука, которую онъ впослѣдствіи совершенно отрицалъ, и бурныя событія великой эпохи проходятъ мимо него; въ строю и въ казармѣ онъ пользуется всякой свободной минуткой, чтобы вытащить изъ кармана маленькаго Гомера и упиваться безсмертными красотами греческой рѣчи. Въ 1793 году, прося мать выслать ему въ Тіонвилль два тома его Демосѳена, онъ прибавляетъ: «Книги—мое наслажденіе и почти исключительное мое общество. Я скучаю лишь тогда, когда оторванъ отъ нихъ, и съ неизмѣнной радостью возвращаюсь къ нимъ». Онъ, конечно, не соглашается съ отцомъ, который считаетъ время, употребленное на изученіе древнихъ языковъ, поте-

ряннымъ напрасно. Изрѣдка въ немъ просыпается молодость: онъ пускается въ свѣтъ, въ галантныя авантюры, но не надолго. «Женская болтовня, юношескія проказы,—что вы въ сравненіи съ тишиной родительскаго дома! Я знаю имъ цѣну—я, который въ минуту тоски скучаю всегда лишь по улыбкѣ моихъ родителей, какъ сказалъ бы поэтъ». Нѣсколько позже, однако, Курье не былъ такъ безпощаденъ въ отрицаніи женскаго общества, гдѣ имѣлъ большой успѣхъ. Это было въ Тулузѣ, въ 1796 году. Мрачное міровоззрѣніе конвента смѣнилось болѣе свободнымъ и человѣчнымъ режимомъ директоріи. Суровыя добродѣтели, декретированныя конвентомъ, уступили мѣсто жизнерадостному увлеченію свободой. «Всѣ накинулись—разсказываетъ Арманъ Каррель—на празднества, танцы и всякія удовольствія. Мужчины и женщины, вступая въ сношенія между собой какъ друзья, какъ родственники, какъ люди одного и того же круга, а не какъ граждане и гражданки, почувствовали удовольствіе, которое не осталось безъ нѣкоторыхъ послѣдствій для внутренняго мира семействъ. Нашъ философъ учился танцовать весьма прилежно и сталъ посѣщать балы, спектакли, общественныя собранія». Здѣсь же онъ сошелся съ однимъ образованнымъ и любознательнымъ полякомъ, Хлевасскимъ, съ которымъ проводилъ цѣлые дни въ разговорахъ о вопросахъ литературы и искусства. Но личныя сношенія друзей, столь благотворно вліявшія на мало общительнаго Курье, къ сожалѣнію, должны были въ непродолжительномъ времени прекратиться, такъ какъ онъ получилъ назначеніе въ дѣйствующую армію въ Италію. Черезъ десять лѣтъ онъ съ грустью вспоминаетъ въ письмѣ къ Хлевасскому объ ихъ бесѣдахъ и прогулкахъ подъ тополями по берегу канала.

Итальянскія впечатлѣнія были первымъ толчкомъ, подъ вліяніемъ котораго смутное недовольство молодого мыслителя начало кристаллизоваться въ опредѣленное отрицательное отношеніе къ людямъ и общественному строю. Грустныя картины нищеты и самоуниженія сильно подѣйствовали на его гордую, впечатлительную натуру. Армія побѣдителей вмѣсто того, чтобы внести съ собой въ завоеванную страну духъ справедливости и братства, внушенный недавно пережитыми во Франціи великими событіями, распоряжалась въ Италіи, какъ полчище вандаловъ. Импровизированное правительство состояло изъ мелкихъ выскочекъ, алчныхъ, безчестныхъ, невѣжественныхъ и грубыхъ. Карьера Наполеона сбиваетъ ихъ съ толку, каждый корчитъ изъ себя маленькаго великаго человѣка, при первой возможности обзаводясь дворомъ куртизановъ, лакеевъ и продажныхъ женщинъ. «Съ нимъ нельзя говорить просто. У него пріемы, часы, прихожія, аудіенціи. Онъ задаетъ вопросы и не слушаетъ отвѣтовъ, гуляетъ, задумавшись,—и вдругъ вспоминаетъ, что вы еще здѣсь. Онъ старается принять важный видъ, но имѣетъ видъ глупый. А между тѣмъ онъ не глупъ—это вѣтерокъ фортуны вскружилъ ему голову, какъ другимъ». Поведеніе такого сатрапа

мало способствуетъ его популярности. «Если онъ молодъ, онъ гоняется за женщинами; если старъ, копитъ деньги. Часто онъ забираетъ и то, и другое: для этого и ведется война. Но молодъ онъ или старъ, ему не укрыться отъ горячки: и вотъ, въ теченіе трехъ дней онъ отправляется на тотъ свѣтъ, оставивъ здѣсь своихъ женщинъ и свои деньги. Одни радуются этому, другіе... Никто не огорченъ; вскорѣ всѣ его забываютъ, а его преемникъ идетъ по его стопамъ». Болѣе безобразнаго способа веденія войны, какой примѣняется здѣсь,—и не вообразить. Это какой-то невѣроятный безпорядокъ, груда противорѣчивыхъ распоряженій, упущеній, недоразумѣній. Не даромъ Курье впослѣдствіи совершенно отрицалъ и искусство войны и великихъ полководцевъ, которыхъ презрительно называлъ donneurs de batailles, утверждая, что «вся ихъ заслуга ограничивается тѣмъ, что они присоединили свое имя къ событіямъ, случившимся помимо нихъ». Одинъ эпизодъ покажетъ намъ, какъ относился молодой человѣкъ къ людямъ, которые волею судьбы были сдѣланы его начальниками. Сопровождая артиллерійскій отрядъ, Курье имѣлъ несчастье лишиться нѣсколькихъ пушекъ, отнятыхъ англичанами. Въ тоже время калабрійскіе разбойники ограбили его до такой степени, что ему пришлось носить чужія сорочки. Прибывъ къ мѣсту назначенія, онъ, конечно, не могъ избѣжать выговора со стороны начальства. Но тамъ, гдѣ другой покорно внималъ бы генеральскому внушенію, Курье пришелъ въ остервенѣніе и выяснилъ его превосходительству, кого онъ считаетъ истиннымъ виновникомъ неудачи. Въ письмѣ къ пріятелю онъ самъ разсказываетъ своимъ оригинальнымъ языкомъ объ этомъ діалогѣ. «Являюсь И знаешь, какъ онъ встрѣчаетъ меня? «А, говоритъ, это вы отдали англичанамъ наши пушки?» Я былъ такъ ошеломленъ этимъ вступленіемъ, что не зналъ, какъ отвѣтить; но затѣмъ взбѣсился, заговорилъ—и обработалъ его, какъ слѣдуетъ. Нѣтъ, не я отдалъ наши пушки, а я сохранилъ тѣ, что у васъ еще остались. Не я разболталъ всему міру о приказѣ, весь успѣхъ котораго зависѣлъ отъ сохраненія тайны, но это я выполнилъ его, не смотря на эту болтливость, не смотря на нелѣпыя распоряженія и глупыя предосторожности, не смотря на неповоротливость и пакости со стороны тѣхъ, которые должны были мнѣ помогать, не смотря на англичанъ, увѣдомленныхъ о моей экспедиціи, на инсургентовъ, на разбойниковъ всѣхъ сортовъ, не смотря на горы и бури, и въ довершеніе всего—безъ денегъ. Не я тянулъ два мѣсяца эту операцію, которая была бы кончена въ теченіе недѣли, еслибы не явились мѣшать мнѣ король съ генеральнымъ штабомъ. Мало того, съ ихъ отъѣздомъ меня тоже не оставили въ покоѣ: на мою шею посадили адъютанта слѣдить за мной и торопить меня—которому мѣшали сдѣлать что-нибудь въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, который, истративъ свой послѣдній сантимъ, не добился даже того, чтобы уплатили жалованье людямъ, которыхъ я употреблялъ на работы. Что было бы

со мной, еслибы я не отправилъ ко всѣмъ чертямъ моего тугора, не обманывалъ министра, чтобы добиться хоть половины того, что мнѣ было нужно, и не плевалъ на всѣ распоряженія, противорѣчившія порученію, возложенному на меня?» (Lettres p. 40).

Не мудрено, что при такомъ порядкѣ веденія войны она кажется ея вдумчивому участнику дикой рѣзней изъ за чуждыхъ культурному человѣку интересовъ. Къ тому же остервенѣвшіе туземцы ведутъ партизанскую войну, нападая на небольшіе отряды и расправляясь съ ними съ жестокостью угнетенныхъ рабовъ и ловкостью профессіональныхъ разбойниковъ. «Счастливъ, кто умираетъ на мѣстѣ—остальные въ теченіе нѣсколькихъ дней служатъ игрушкой своимъ палачамъ» (Lettres, p. 35). Самъ Курье съ своей обычной геройской беззаботностью бывалъ не разъ на волосокъ отъ смерти. Однажды изъ семи человѣкъ его маленькаго отряда было убито горцами трое; въ другой разъ, чтобы избѣжать такой же встрѣчи, онъ вскочилъ въ утлую лодочку, стоявшую у берега, и буря унесла его въ открытое море; разъ онъ подъѣхалъ въ шлюпкѣ такъ близко къ англійскому фрегату, что его замѣтили, а гребцы, испугавшись выстрѣловъ, осыпавшихъ лодочку, попрыгали въ море; онъ спасся чудомъ. Онъ не искалъ опасностей и презиралъ возможность отличиться, но онъ прошелъ четыреста лье по странѣ, кишащей инсургентами, банды которыхъ все увеличивались, благодаря нелѣпому образу дѣйствій французскихъ генераловъ. Узнавъ, что отрядъ, отправленный наудачу, безъ предварительныхъ развѣдокъ, избитъ итальянцами, генералъ приходитъ въ ярость и набрасывается на нихъ въ чемъ неповинныя сосѣднія деревни. Отрядъ, посланный на расправу, свирѣпствуетъ здѣсь въ продолженіе нѣсколькихъ дней; французы грабятъ, рѣжутъ, насилуютъ женщинъ. Обычная обстановка, въ которой молодому офицеру приходится жить, ярко обрисована въ одномъ письмѣ къ пріятелю: «Сидимъ въ разграбленномъ домѣ. У порога—два голыхъ трупа; на лѣстницѣ тоже что то вродѣ убитаго. Въ нашей комнатѣ—женщина, которая вопитъ, что ее изнасиловали. Сосѣдній домъ горитъ» и т. д. (Lettres, p. 30). Особенно его оскорбляетъ то, что высшіе классы въ побѣжденной странѣ играютъ обычную печальную роль куртизановъ, пресмыкаясь предъ счастливыми побѣдителями. «Итальянскіе аристократы дѣлаютъ ненужныя подлости, лишь бы жить въ мирѣ съ французами. Это люди или недовольные правительствами, которыя мы свергли, или вынужденные обстоятельствами притворяться, будто имъ нравится хаосъ, которымъ мы замѣнили эти правительства, или же просто враги своей родины, помогающіе намъ раздирать ее на куски и бросающіеся на клочья, которые мы имъ предоставляемъ». Бонапарте уже уѣхалъ, и господство французовъ, не сдерживаемыхъ его желѣзной рукой, напоминаетъ безъ всякаго преувеличенія нашествіе дикой орды. Не говоря о томъ, что всякій ничтожный чиновникъ—идя по стопамъ великаго

вандала, Наполеона—позволяетъ себѣ отнимать у побѣжденныхъ городовъ ихъ лучшее достояніе, произведенія искусства,—художественныя сокровища древности просто истребляются. Можно себѣ представить, какой бурный протестъ вызываетъ это безобразіе въ тонкомъ цѣнителѣ и поклонникѣ античнаго міра, какимъ къ этому времени является Курье. Этому протесту—справедливо замѣчаетъ Арманъ Каррель—недоставало только быть обнародованнымъ, чтобы взволновать всю просвѣщенную Европу и возбудить ее противъ французскихъ грабителей. Наиболѣе характерныя мѣста этого горячаго письма къ Хлевасскому цитируются во всѣхъ біографіяхъ его автора.

«Скажите всѣмъ, кто хочетъ видѣть Римъ,—пусть спѣшатъ: ибо каждый день солдатскій мечъ и иго французскихъ чиновниковъ губятъ его естественную прелесть и срываютъ съ него всѣ его украшенія. Вы, другъ мой, человѣкъ привыкшій къ благородному и простому языку древности, вы, быть можетъ, найдете эти выраженія черезъ чуръ яркими или даже высокопарными; но, право, они недостаточно мрачны, чтобы дать вамъ понятіе о томъ состояніи разложенія, нищеты и позора, въ которомъ погрязъ этотъ несчастный Римъ, который вы видѣли въ такомъ блескѣ и отъ котораго остались теперь одни развалины. Сюда, вы знаете, съѣзжались нѣкогда отовсюду. Сколько иностранцевъ, пріѣхавъ сюда провести одну зиму, оставались здѣсь на всю жизнь. А теперь здѣсь остаются лишь тѣ, кто ужъ не можетъ бѣжать, или кто съ кинжаломъ въ рукѣ ищетъ еще въ лохмотьяхъ народа, умирающаго съ голода, добычи, уцѣлѣвшей отъ стольких грабежей и вымогательствъ... Къ памятникамъ Рима относятся не лучше, чѣмъ къ его народу. Траянова колонна уцѣлѣла только потому, что до ея барельефовъ нельзя добраться саблей. За то изваянія на виллахъ Боргезе и Памфили изуродованы, какъ Деифобъ у Виргилія. Затѣмъ я оплакиваю еще прелестнаго Гермеса, малютку въ львиной шкурѣ и съ миніатюрной палицей на плечѣ. Я видѣлъ его еще совершенно цѣлымъ; это былъ Купидонъ, похищающій оружіе Геркулеса—великолѣпная и, если я не ошибаюсь, греческая работа. Отъ него не осталось ровно ничего, кромѣ пьедестала, на которомъ я написалъ карандашомъ: Lugete Veneres Cupidinesque, да нѣсколькихъ осколковъ, при видѣ которыхъ умерли бы съ горя Менгсъ и Винкельманъ, еслибы они имѣли несчастіе дожить до этого зрѣлища. Все, что было у картезіанцевъ, въ виллѣ Альбани, у Фарнезе, Онести, въ клементинскомъ музеѣ, въ Капитоліи, увезено, разграблено, разбито или продано... Солдаты, ворвавшіеся въ ватиканскую библіотеку, между прочими рѣдкостями уничтожили знаменитаго *Теренція* Бембо, рукопись по истинѣ драгоцѣнную: надо было сорвать съ нея золотыя украшенія. Венера виллы Боргезе ранена въ руку какими то отпрысками Діомеда, а у Гермафродита—immane nefas!—разбита нога».

III.

Это трогательное увлеченіе античнымъ искусствомъ—быть можетъ, наиболѣе оригинальная особенность этого своеобразнаго, всегда несвоевременнаго человѣка. Но пребываніе въ странѣ, гдѣ ему, по его словамъ, уже нечего было въ роли солдата «ни дѣлать, ни видѣть, ни ждать», становилось не въ моготу. Онъ сталъ проситься въ дѣйствующую армію въ Германію. «Тѣмъ, отъ кого это зависитъ,—пишетъ онъ пріятелю въ октябрѣ 1806 года, прося его похлопотать о переводѣ,—вѣрно все равно, убьетъ меня итальянскій пономарь или прусскій гусаръ, тѣмъ болѣе, что мной руководятъ здѣсь не денежные или карьерные интересы». Но онъ не получилъ ни перевода, ни отпуска, котораго просилъ для устройства своихъ дѣлъ во Франціи. Тогда онъ рѣшилъ бросить военную службу. Онъ вышелъ въ отставку и собирался по окончаніи своихъ дѣлъ во Франціи возвратиться навсегда въ Италію. Но въ Парижѣ намѣренія его измѣнились. Общественное одушевленіе и приготовленія къ походу 1809 года увлекли его. Онъ не потерялъ еще надежды видѣть настоящую большую войну и истинныхъ великихъ людей, и ему показалось, что болѣе удобнаго случая не будетъ. Не дождавшись назначенія въ дѣйствующую армію,—которое затянулось, такъ какъ Наполеонъ не долюбливалъ людей, разъ уже вышедшихъ въ отставку — онъ уѣхалъ изъ Парижа, украдкой отъ друзей. Но неудачи преслѣдовали его; иначе, въ сущности, и быть не могло. Вмѣсто казовой стороны войны онъ опять увидалъ нѣчто невыразимо отвратительное, но только въ неизмѣримо большихъ размѣрахъ; властная рука военнаго генія, подвиги котораго такъ жаждалъ видѣть его старый товарищъ, вносила въ сутолоку гигантской войны не желѣзный порядокъ, но лишь требованія новыхъ и новыхъ жертвъ. Еще не зачисленный окончательно въ списки, Курье не имѣлъ опредѣленныхъ обязанностей и метался безъ толку, не чувствуя себя даже частью этого огромнаго цѣлаго; генералъ, съ которымъ онъ уѣхалъ изъ Парижа, оказался не столько хорошимъ знакомымъ, сколько покровителемъ, а Курье не любилъ покровителей; оказавшись, по милости своего патрона, безъ лошади передъ самымъ Ваграмскимъ сраженіемъ, да еще заболѣвъ сильнѣйшей лихорадкой, онъ долженъ былъ все время боя просидѣть въ вынужденномъ бездѣйствіи на островѣ Лобау (на Дунаѣ), куда его перенесли солдаты. Все это, вмѣстѣ взятое, довело его до такого раздраженія, что онъ, отлежавшись въ Вѣнѣ, уѣхалъ съ театра войны, считая себя въ правѣ ни у кого не спрашивать позволенія на это. Лишь изъ Страсбурга онъ написалъ своему бывшему «начальнику», что проситъ не зачислять его никуда. Этимъ любопытнымъ эпизодомъ окончилась военная карьера Курье. Онъ вынесъ изъ нея отвращеніе къ тому времени и убѣжденіе, что той без-

толочью, которую называютъ войною, очевидно, не руководитъ никакая сознательная мысль.

Теперь ничто не мѣшало страстному поклоннику Италіи исполнить свою завѣтную мечту—поселиться здѣсь и посвятить себя тому, что онъ въ сердечной простотѣ считалъ дѣломъ своей жизни—чистой наукѣ. Осенью 1809 года мы застаемъ Курье въ Миланѣ. Кажется, болѣе всего на свѣтѣ онъ далекъ отъ тѣхъ интересовъ, которые съ такой силой захватили его всего черезъ пять лѣтъ. «Мнѣ совсѣмъ не хочется видѣть мое имя въ печати—пишетъ онъ пріятелю—я презираю фанфары журналистовъ такъ-же, какъ нашивки куртизановъ. Еслибы я былъ богатъ, я печаталъ бы греческіе тексты для васъ, да еще для нѣсколькихъ человѣкъ». Трудно повѣрить, что слова эти написаны тѣмъ самымъ человѣкомъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ гремѣлъ во всеуслышаніе: «священный долгъ всякаго, у кого есть мысли въ головѣ, повѣдать ихъ для общаго блага. Истина—общее достояніе. О томъ, что вы считаете полезнымъ, что необходимо знать всякому, объ этомъ, по совѣсти, вы не имѣете права умалчивать». Въ этихъ двухъ выдержкахъ—вся исторія духовной жизни Курье. Пока онъ стремится во Флоренцію, гдѣ въ Лаврентіанской библіотекѣ онъ давно облюбовалъ средневѣковой греческій манускриптъ, въ которомъ для пламеннаго филолога таилось истинное сокровище: полный текстъ романа Лонгуса «Дафнисъ и Хлоя», не исключая и пропущеннаго во всѣхъ изданіяхъ фрагмента, который къ тому-же неожиданно оказался весьма значительнымъ и интереснымъ. Но увлекшись перепиской греческаго текста, счастливый любитель древности сдѣлалъ непростительную оплошность: испачкалъ свѣже-исписаннымъ листкомъ страницу драгоцѣннаго манускрипта, такъ что словъ двадцать было совершенно покрыто чернилами. Такова исторія знаменитаго чернильнаго пятна, которое и до сихъ поръ показываютъ посѣтителямъ Лаврентіанской библіотеки. Поднялся невѣроятный шумъ. Библіотекарь не могъ простить неизвѣстному дилеттанту, что тотъ сдѣлалъ у него подъ носомъ находку въ давно извѣстной ему рукописи. Итальянское общественное мнѣніе, возбужденное проступкомъ француза, забило тревогу, и въ Парижъ донеслись слухи, что французскій офицеръ, бѣжавшій въ Австріи съ поля битвы, занимается въ Италіи тѣмъ, что портитъ драгоцѣнныя рукописи, чтобы его копія была единственнымъ въ мірѣ экземпляромъ. Молчать въ отвѣтъ на эту грязную клевету было немыслимо—и Курье выступилъ съ оправданіемъ, которое представляетъ собой образецъ литературнаго памфлета и первое его произведеніе въ томъ жанрѣ, которому суждено было прославить его имя. Трудно преставить себѣ что либо болѣе ѣдкое, блестящее и тонкое, чѣмъ это «Письмо г. Ренуару»—парижскому книгопродавцу, бывшему свидѣтелемъ счастливой находки Курье. Авторъ взывалъ къ защитѣ общественнаго мнѣнія Франціи, указывая на

то, что онъ жертва той законной ненависти, которую итальянцы питаютъ къ режиму, созданному французами. Кромѣ того, онъ объявилъ, что отъ него требовали, чтобы онъ посвятилъ изданіе своего Лонгуса сестрѣ Наполеона Элизѣ, великой герцогинѣ тосканской. Брошюра произвела сенсацію, которая обратилась въ бурю, когда оказалось, что писатель, волнующій общественное мнѣніе двухъ народовъ—тотъ самый офицеръ, который скрылся передъ Ваграмскимъ боемъ. Положеніе Курье было незавидно. «За мной гоняются два министра — пишетъ онъ знакомому въ сентябрѣ 1810 года—одинъ хочетъ меня разстрѣлять, какъ дезертира, другой желаетъ, чтобы меня повѣсили за то, что ворую греческія рукописи». Римскій префектъ по внушенію свыше воспретилъ продажу *Лонгуса* въ изданіи Курье—запрещеніе, которое было нѣсколько трудно выполнить, такъ какъ греческій текстъ былъ напечатанъ всего въ пятидесяти экземплярахъ для раздачи знатокамъ и вовсе не продавался. Префектъ собирался выслать его изъ Рима, а во Франціи ему грозили судебнымъ преслѣдованіемъ. Съ большимъ трудомъ удалось злосчастному эллинисту выпутаться изъ этой непріятной исторіи; при этомъ пришлось дать обѣщаніе не писать такъ язвительно противъ кого бы то ни было; Курье исполнялъ свято это обѣщаніе, пока держалось правительство, которому онъ его далъ. Ждать пришлось не долго.

Пребываніе въ Италіи стало опять тягостно Курье; онъ собирался въ Грецію «на богомолье», какъ онъ говорилъ. «Всякій христіанинъ горитъ желаніемъ видѣть святыя мѣста; всякій грекъ, *язычникъ, какъ я,* умираетъ счастливый, если на его долю выпало счастье привѣтствовать страну Минервы и искусствъ. Ѣду за реликвіями—за фонаремъ Діогена или зеркаломъ Аспазіи». Онъ съѣздилъ во Францію, чтобы устроить передъ путешествіемъ свои дѣла, но поѣздка въ Грецію не состоялась. Лѣтомъ 1813 года мы застаемъ его въ Парижѣ, а весною 1814 года онъ женился, переѣхалъ въ свою усадьбу въ Турени и искренно собирался изъ скитальца-офицера обратиться въ захолустнаго помѣщика, мирно собирающаго доходы съ своихъ фермеровъ, а досуги отдающаго своимъ любимымъ классикамъ. Но судьбѣ угодно было иное.

«Язычникъ, какъ я». Это случайно и шутливо брошенное слово имѣетъ глубокій смыслъ въ устахъ Курье. Да, язычникъ, эстетикъ, индивидуалистъ, аристократъ; меньше всего христіанинъ. Бороться за себя, за свое достоинство—сколько угодно; за другихъ—къ чему? Онъ живетъ въ себѣ и для себя; бурныя событія его эпохи трогаютъ его очень мало. Не то, чтобы онъ не замѣчалъ ихъ, онъ сознательно отворачивается отъ нихъ: «всѣ эти, такъ называемыя, великія событія, держащія міръ въ напряженномъ состояніи, очень мало заслуживаютъ вниманія человѣка здравомыслящаго». Лихорадочное вниманіе окружающихъ къ войнѣ 1823 года кажется ему смѣшнымъ, и онъ въ концѣ большого письма, посвященнаго вся-

кимъ пустякамъ, прибавляетъ: «Здѣсь всѣ поглощены газетами и слѣдятъ за движеніемъ армій по картѣ, не теряя ихъ изъ виду, точно отвѣчаютъ за ходъ событій. *Я, слава Богу, совершенно равнодушенъ ко всему этому*». Мы видѣли уже, какъ онъ отнесся въ свое время къ переходу республики въ имперію. Онъ недоволенъ послѣдней, но никогда не протестуетъ противъ всего строя—всегда противъ той или иной мелочи, противъ того или иного генерала, министра, самого Наполеона. Это типичная оппозиція индивидуалиста. За его политическимъ безразличіемъ, правда, кроется глубокая жажда справедливости; всякое столкновеніе съ общественной жизнью удручаетъ его вѣчно обновляющимся сознаніемъ отсутствія правды во всякомъ строѣ; но его огорченная, обиженная мысль уже не различаетъ, въ какой степени тотъ или иной политическій укладъ приближается къ недостижимому воплощенію правды въ общественныхъ отношеніяхъ. Онъ замыкается въ ограниченномъ міркѣ рафинированныхъ духовныхъ наслажденій и, примирившись внѣшнимъ образомъ съ существующимъ строемъ, таитъ въ глубинѣ души ненависть къ нему, столь же непримиримую, сколько безсильную. Истый анархистъ по сути своихъ насквозь отрицательныхъ политическихъ убѣжденій, онъ буржуа по привычкамъ. Его оппозиція вырождается въ тупое брюзжаніе, за которымъ нѣтъ ни тѣни положительнаго общественнаго идеала. Такова была судьба, напримѣръ, Флобера; таковъ и Курье перваго періода.

«Мы родимся лакеями,—пишетъ онъ товарищу въ 1806 году: люди—трусливая дрянь; нѣкоторые наглы, потому что всѣ остальные низки, вотъ и все. Всѣ ненавидятъ правду, равенство, справедливость. Всякій хочетъ быть даже не господиномъ—любимымъ рабомъ. Еслибы во всемъ мірѣ было всего три человѣка, они образовали бы общество. Одинъ сталъ бы ухаживать за другимъ, называя его monseigneur, третьяго они заставляли бы работать на себя. Въ этомъ, вѣдь, все дѣло». Разсужденіе въ высокой степени характерное для индивидуалиста. Во всякомъ общественномъ учрежденіи ему бросается въ глаза прежде всего его принудительная сторона. Основаніе всякаго строя — насиліе, сущность его—гнетъ надъ личностью. Тоже впослѣдствіи говорили въ своемъ дневникѣ Гонкуры: «Я долго не понималъ, откуда явился судъ. Недавно я гулялъ по набережной. Дѣти играли на улицѣ. Одинъ вскричалъ: устроимъ судъ. Я буду судья!»

Въ этомъ обществѣ подневольныхъ рабовъ и добровольныхъ лакеевъ, очевидно, писать не для кого: «публика ничѣмъ не интересуется. Главный интересъ нашего вѣка—придворная церемонія. Будемъ упиваться класиками: это не даетъ славы, но доставляетъ развлеченіе. Лишь бы полиція не мѣшала», шутливо прибавляетъ Курье.

«Полиція», дѣйствительно, помѣшала Курье углубиться въ классиковъ. Она доставила ему тему, интересовавшую не одни литера-

турные салоны, она дала ему громадную публику—всю родную страну, она вывела его изъ библіотеки и кабинета на трибуну народнаго оратора.

IV.

Какъ извѣстно, конституція 1814 года была октроирована правительствомъ Реставраціи. Людовикъ XVIII видѣлъ въ «конституціонной партіи» монаршій подарокъ народу; народъ смотрѣлъ на нее какъ на свое право. Хартія провозглашала равенство передъ закономъ, личную свободу, свободу печати и исповѣданія; она гарантировала неприкосновенность собственности, амнистію и уничтоженіе конскрипцій. Законодательныя функціи передавались двумъ палатамъ—наслѣдственной и выборной. Осуществленіе этого либеральнаго акта должно было необходимо натолкнуться на значительныя препятствія въ томъ, пропитанномъ непримиримыми противорѣчіями строѣ, который представляла собой реставрированная монархія Бурбоновъ. Люди, вѣрные традиціямъ конца прошлаго вѣка, видѣли въ возрожденіи до-революціоннаго строя возвратъ къ среднимъ вѣкамъ. Теоретики реакціи и дѣятели воскрешеннаго роялизма поддерживали ихъ въ этомъ убѣжденіи. Правительство, не чувствуя себя достаточно сильнымъ, боролось съ «несогласно мыслящими» незаконными средствами, не сдерживая обѣщаній, которыхъ отъ него не требовали, такъ какъ они подразумѣвались сами собой. Принципъ свободы мысли нашелъ себѣ выраженіе въ преслѣдованіи газетъ оппозиціи и исключеніи изъ института многихъ членовъ. Амнистія была ограничена оговорками, лишавшими ее значенія. Индивидуальная свобода не могла быть совмѣщена съ административнымъ произволомъ, а законность становилась пустымъ звукомъ въ странѣ, гдѣ выборы депутатовъ совершались подъ сильнѣйшимъ давленіемъ правительства. Но и этого было мало тѣмъ приверженцамъ монархіи во Франціи, которые по справедливости были названы болѣе роялистами, чѣмъ самъ король. Идея самодержавной власти казалась имъ подорванной тѣми уступками, которыя немыслимо было не сдѣлать народу, прошедшему школу энциклопедистовъ. Колесу исторіи надлежало обратиться вспять, реставрація свергнутой династіи должна была стать возрожденіемъ средневѣкового строя. Не трудно понять, въ какой степени это было возможно въ странѣ, гдѣ съ 1817 по 1824 годъ разошлось двѣнадцать изданій сочиненій Вольтера и тринадцать изданій Руссо—всего болѣе двухъ съ половиной милліоновъ экземпляровъ. Правительство не обнаруживало должной твердости и послѣдовательности, колеблясь между противоположными направленіями; либеральныя мѣры смѣнялись свирѣпостями бѣлаго террора, и въ ряды легальной оппозиціи переходили иногда даже такіе убѣжденные роялисты, какъ Шатобріанъ, который, по выраженію одного исто-

рика, какъ бы говорилъ Бурбонамъ: «Я буду опорой вашего трона, если вы не коснетесь моего».

Въ это смутное время Курье жилъ спокойно въ своей усадьбѣ. Онъ только что женился на дочери своего стариннаго друга, эллиниста Клавье, дѣятельно занимался хозяйствомъ, пришедшимъ въ упадокъ во время его продолжительнаго отсутствія, и попрежнему отдавалъ досугъ греческой литературѣ, тѣмъ болѣе, что обѣщалъ при женитьбѣ своему тестю стараться быть избраннымъ въ институтъ. Среди роялистовъ онъ пользовался наилучшей репутаціей; всѣ знали, что имперія ему всегда была глубоко несимпатична, а Наполеонъ былъ въ его разговорахъ и письмахъ объектомъ ироніи даже въ минуты всеобщаго преклоненія предъ великимъ полководцемъ. Укажемъ для примѣра письмо 1805 года, гдѣ онъ ядовито замѣчаетъ, что императоръ ласкаетъ эмигрантовъ, «вѣроятно потому, что онъ не можетъ дѣлать эмигрантовъ, какъ дѣлаетъ графовъ и принцевъ». Такихъ примѣровъ много.

«Въ этомъ мірѣ—пишетъ онъ женѣ по поводу приглашенія на аристократическій балъ—я считаюсь образцомъ «чистоты», такъ какъ я былъ чистъ въ эпоху, когда все было въ грязи». Самъ онъ, не считая себя человѣкомъ партіи, простодушно видѣлъ въ себѣ члена этого высокороднаго общества «вандейцевъ, шуановъ, бурбонистовъ», надъ крайностями которыхъ онъ посмѣивается легко и добродушно, какъ смѣются надъ чудачествомъ близкихъ людей. Безконечно далеко еще до тѣхъ бѣшеныхъ сарказмовъ, которые онъ бросалъ въ лицо этому обществу черезъ нѣсколько лѣтъ, но уже теперь замѣтно между ними одно разногласіе, съ виду незначительное, но, въ сущности, имѣющее чрезвычайную важность. Это—отношеніе къ простому народу. «Недавно—пишетъ онъ женѣ въ февралѣ 1816 года—я заѣхалъ къ г-ну Преконте де-ла-Ренардьеру; это одинъ изъ нашихъ должниковъ; застаю всю семью въ сборѣ. Но денегъ у него нѣтъ, говоритъ онъ,—крестьяне забрали все, и если такъ будетъ дальше, то дворянство умретъ съ голоду или будетъ вынуждено заняться какимъ нибудь дѣломъ... Мужики ѣдятъ мясо, пьютъ вино и носятъ сапоги—чѣмъ все это кончится? Я, въ отвѣтъ на это, разсказываю имъ *ужасную* исторію. Повѣрите ли вы—начинаю я—что Жанъ Кудрэ, винодѣлъ... Нѣтъ; вы послушайте. Пріѣзжаю къ Кудрэ, онъ былъ мнѣ долженъ кой что. Платитъ сейчасъ же, а жена его предлагаетъ мнѣ позавтракать. Какъ вы думаете, чѣмъ завтракаетъ эта женщина! Кофе со сливками! У всѣхъ волосы стали дыбомъ, и всѣ съ ужасомъ повторяютъ: кофе со сливками! Мы единогласно рѣшили, что долѣе такъ продолжаться не можетъ, и я оставилъ ихъ, моля Господа Бога о возвратѣ добраго стараго времени—ибо, кажется, я получу свои деньги только тогда, когда крестьяне будутъ опять умирать съ голода».

Къ этому, очевидно, шло дѣло. Государственный долгъ доходилъ вмѣстѣ съ контрибуціями союзниковъ до трехъ милліардовъ

восьми сотъ милліоновъ франковъ, изъ которыхъ семьсотъ пятьдесятъ милліоновъ надо было заплатить почти сейчасъ. Франція была унижена двоекратнымъ нашествіемъ непріятеля, истощена, ограблена. Новое правительство, не думая о положеніи обѣднѣвшаго народа, заботилось только о самосохраненіи, преслѣдуя самыя мирныя и наименѣе революціонныя провинціи за то, что онѣ не отказывали въ жилищѣ и хлѣбѣ несчастнымъ побѣжденнымъ при Ватерлоо. Ненависть къ военной тираніи и злоба противъ ея виновника необходимо должны были уступать въ спокойномъ наблюдателѣ мѣсто отвращенію къ новому порядку вещей. Любовь къ покою, къ тихой сельской жизни и мирной научной дѣятельности не могла имѣть рѣшающаго голоса въ душѣ человѣка, который никогда не молчалъ тамъ, гдѣ чувствовалъ обязанность говорить.

И онъ заговорилъ. Простымъ языкомъ здравомыслящаго крестьянина, безъ тѣни предвзятаго подчиненія какой-либо политической доктринѣ, безъ подозрительнаго паѳоса профессіональнаго политика, но съ искреннимъ увлеченіемъ онъ сталъ разсказывать Франціи, что дѣлаютъ съ ея мирными гражданами. О карьерѣ публициста онъ думалъ меньше всего на свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что всегда зналъ цѣну опредѣленности своихъ политическихъ убѣжденій. «Я не гожусь ни для какой партіи», «я не знаю, какой образъ правленія лучшій», «я неустойчивъ въ воззрѣніяхъ и легко подчиняюсь взглядамъ собесѣдника»—таковы его обычныя оговорки, разсыпанныя во множествѣ по его произведеніямъ. Но онъ понималъ, что никакой доктриной не могутъ быть защищены тѣ возмутительные факты, которые онъ ставитъ на видъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Онъ знаетъ одинъ родъ комментаріевъ: указанія, къ чему такой порядокъ вещей можетъ привести. Онъ чувствуетъ себя непобѣдимымъ, потому что знаетъ, на чьей сторонѣ въ этой борьбѣ логика жизни и здраваго смысла. Вотъ почему не производитъ непріятнаго, неестественнаго впечатлѣнія маска зауряднаго, необразованнаго крестьянина, которую надѣваетъ этотъ ученый филологъ и офицеръ. Къ тому же, не смотря на разстояніе, отдѣлявшее его отъ простонародья, Курье никогда не переставалъ считать себя человѣкомъ изъ народа. «Я родился въ средѣ народной и остался въ ней по собственному желанію», говоритъ онъ въ «Отвѣтѣ анонимамъ». Такъ и слѣдовало ожидать. Истый аристократизмъ, аристократизмъ человѣка мысли, равно чуждъ какъ барской надменности выродившагося «представителя рода», такъ и чванности гелертера, избѣгающаго простыхъ людей. Онъ относится съ понятной брезгливостью только къ черни—и чернь салоновъ возбуждаетъ въ немъ неизмѣримо большее презрѣніе, чѣмъ чернь улицы: кому больше дано, съ того больше спросится. Мы имѣли уже случай познакомиться съ взглядами Курье на итальянскую аристократію, на Наполеона, который въ глазахъ его бывшаго товарища оставался всегда лишь геніальнымъ parvenu и, пробиваясь въ ряды родовой

аристократіи, обнаружилъ лишь отсутствіе того такта, понятіе котораго неразрывно связано съ понятіемъ истиннаго аристократизма; ниже мы увидимъ, какъ Курье относился къ французской знати. Не таковы его отношенія къ простому народу, и повторяемъ—этого слѣдовало ожидать отъ одного изъ лучшихъ представителей той знати, которую нѣмцы называютъ Gehirnadel. Въ великолѣпной сценѣ съ народомъ въ «Фаустѣ» съ удивительной ясностью показано, какъ живы и крѣпки въ истинномъ мыслителѣ связи съ народомъ, котораго бѣжитъ и не понимаетъ «ничтожный червь сухой науки» Вагнеръ.

Искренній другъ народа и врагъ всякаго деспотизма, Курье въ самомъ дѣлѣ не думалъ въ это время выступать въ роли публициста. Но деревенская жизнь привлекла къ себѣ его вниманіе—и онъ вскорѣ замѣтилъ, что здѣсь не все ладно. Въ январѣ 1816 года онъ пишетъ женѣ изъ Тура: «Разскажу тебѣ новости изъ Люиня. Кюрэ провожалъ покойника; встрѣтивъ человѣка, онъ кричитъ ему, чтобы онъ остановился. Тотъ, не обращая на это вниманія, проѣзжаетъ мимо, не снимая шляпы. Священникъ пожаловался; шесть жандармовъ забираютъ крестьянина и уводятъ его связаннаго и въ кандалахъ въ тюрьму между двухъ воровъ. Вотъ ужъ три недѣли, какъ онъ сидитъ въ тюрьмѣ, а семья его голодаетъ». Въ слѣдующемъ письмѣ онъ прибавляетъ: «Въ Люинѣ, гдѣ всего 1.200 жителей, арестовано двѣнадцать человѣкъ по обвиненію или по подозрѣнію въ крамолѣ: все личные враги мэра и кюрэ. Одни сидѣли въ тюрьмѣ полъ года, другіе сидятъ до сихъ поръ. Одна молодая дѣвушка, видѣвшая, какъ забрали ея отца, заболѣла отъ ужаса и умерла».

Эта печальная исторія была послѣднимъ толчкомъ, преобразившимъ ученаго эллиниста въ политическаго писателя, и почти слово въ слово вошла въ первый памфлетъ Курье, появившійся въ томъ же 1816 году. Это «Петиція обѣимъ палатамъ».

Сентъ-Бевъ, вообще мало благосклонный къ Курье, съ нѣкоторымъ упрекомъ замѣчаетъ, что его критика была всегда частной, детальной. «Его увлекли въ политику мелочи, незначительныя мѣстныя злоупотребленія; онъ видитъ превышенія власти; здѣсь жестоко наказываютъ человѣка, не оказавшаго должнаго почтенія кюрэ, тамъ кюрэ запрещаетъ крестьянамъ веселиться по воскресеньямъ—и Курье становится въ оппозицію» *). Не трудно видѣть, что кажущаяся основательность этихъ замѣчаній скрываетъ значительную—самую важную—долю истины. Не надо забывать, что «петиціи въ палаты» на самомъ дѣлѣ имѣли только форму таковыхъ и вовсе не были простыми прошеніями о мѣстныхъ нуждахъ, а

*) На страницахъ «Русскаго Богатства» мы имѣли уже случай указать, что тѣ-же неосновательные упреки Курье повторяетъ и новѣйшій историкъ французской литературы Лансонъ.

произведеніями политической литературы, печатными памфлетами, разсчитанными на вниманіе всей Франціи. Въ томъ-то и состоитъ заслуга Курье, что онъ на характерныхъ неурядицахъ маленькой общины демонстрировалъ коренные пороки цѣлаго политическаго строя. На этомъ основана вся прелестная «Gazette du village»—простая хроника деревенской жизни, за каждымъ незначительнымъ фактомъ которой скрывается указаніе на его общія причины,—не смотря на юмористическое заявленіе составителя, что онъ попросту записываетъ деревенскіе толки и событія, не задаваясь никакими затаенными цѣлями. «Мы не привыкли къ такимъ уловкамъ и называемъ все по именамъ—и вещи, и людей. Когда мы говоримъ: капуста, тыква, огурецъ, то это вовсе не значитъ, что мы тутъ подразумѣваемъ французскій дворъ и знать». Но въ томъ то и дѣло, что въ обработкѣ Курье переходъ отъ капусты къ французскому двору вовсе не такъ труденъ и неожиданъ. «Коровъ никто не покупаетъ,—пишетъ деревенскій хроникеръ—работницы были дороги на ярмаркѣ въ Верезѣ, а къ молодымъ парнямъ и не приступиться... Всѣ женятся и выходятъ замужъ *по случаю конскрипціи*». Послѣ длиннаго наставленія, какъ вскопать и унавозить землю для виноградника, слѣдуетъ маленькое примѣчаніе: «удобренная этимъ способомъ десятина, при старательномъ уходѣ, прилежаніи, терпѣніи и трудѣ, приноситъ винодѣлу сто пятьдесятъ франковъ въ годъ и, кромѣ того, тысячу триста франковъ тунеядцамъ двора». Еще одинъ примѣръ изъ знаменитой «Петиціи за крестьянъ, которымъ запрещаютъ танцовать»,—произведенія, съ точки зрѣнія Сентъ-Бева совершенно мелочнаго и невыносимо придирчиваго. Не въ мѣру ревностный кюрэ деревни Азэ воспрещаетъ крестьянамъ танцовать по праздникамъ. Исчерпавъ всѣ доводы противъ этого нелѣпаго постановленія, авторъ петиціи обращается съ заключеніемъ къ палатѣ депутатовъ: «Итакъ, милостивые государи, вамъ предстоитъ рѣшить: не слѣдуетъ ли возвратить намъ право танцовать по прежнему на площади Азэ по воскресеньямъ и въ праздничные дни?» Это естественное заключеніе петиціи. Но онъ не останавливается на немъ и, сразу перенося вопросъ на общую почву, сообщаетъ незначительному неудобству какой-то деревеньки характеръ общественнаго бѣдствія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ар. Горнфельдъ.

Народно-хозяйственные наброски.

Къ переселенческому вопросу.

Неутомимый изслѣдователь западно-сибирскихъ хозяйственныхъ отношеній А. А. Кауфманъ издалъ недавно новую работу, освѣщающую одну изъ сторонъ переселенческаго вопроса и заслуживающую самаго серьезнаго вниманія. Ея заглавіе—«*Переселенцы-арендаторы Тургайской области*», Спб. 1897. Матеріаломъ для нея послужила, кромѣ документовъ и оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ, подворная опись, произведенная авторомъ въ 21 переселенческомъ поселкѣ и поселенный опросъ другихъ семи. Масса не только народно-хозяйственныхъ, но и бытовыхъ данныхъ, ярко характеризующихъ постановку вопроса о водвореніи переселенцевъ въ Тургайской области, знакомство съ мѣстными условіями, живой языкъ, интересное изложеніе—всѣ эти качества работы рѣзко выдѣляютъ новый трудъ А. А. Кауфмана изъ ряда оффиціальныхъ отчетовъ (описаніе произведено по порученію департамента государственныхъ имуществъ) и дѣлаютъ чтеніе его не только доступнымъ, но даже невреднымъ не спеціалистамъ только, а и такъ называемой «большой публикѣ».

Предполагая остановиться на бытѣ переселенцевъ-земледѣльцевъ, арендаторовъ киргизскихъ земель, мы не будемъ подробно излагать характерную первую главу, въ которой г. Кауфманъ разсказываетъ рѣдкій эпизодъ административнаго основанія новаго города. Въ нынѣшнемъ Кустанайскомъ уѣздѣ не было административнаго центра. Рѣшено было его создать. Дѣло тянулось съ 1868 до начала 80-хъ годовъ, но уже съ 1870 г. слухи о необыкновенныхъ льготахъ для жителей «новаго города» распространились по всему заволжью: говорили о чрезвычайномъ изобиліи угодій и плодородіи земли, о какихъ-то особыхъ ссудахъ переселенцамъ, о какихъ-то вольностяхъ. Словомъ, къ апрѣлю 1880 г. до 23 т. об. п. расположились по станицамъ и поселкамъ, въ Троицкѣ и Орскѣ въ ожиданіи допущенія въ «новый городъ».—Однако, назначенное для этого 12 л. назадъ мѣсто новому военному губернатору показалось неудовлетворительнымъ; найдено было новое, но на уступку здѣсь земель для города киргизы рѣшительно не соглашались и дали приговоръ лишь послѣ настойчивыхъ шаговъ администраціи. Тогда началось заселеніе Кустаная (лѣтомъ 1881 г.). Тѣмъ временемъ масса переселенцевъ разбрелась по селеніямъ, другихъ не допускали осѣдать въ «новомъ городѣ»; съ 1884 по 88 г. массами приходили новые переселенцы, изъ которыхъ одни оставались, другіе уходили назадъ,

третьи шли дальше на югъ и востокъ. При такомъ волнообразномъ движеніи не было возможности установить кадръ осѣдлаго городского населенія; крестьяне-пахари не хотѣли обращаться въ «мѣщанъ», «горожанъ»; для нихъ требовалась земля; ея не хватало на всѣхъ; населеніе разбѣгалось, а на смѣну ему являлись новыя партіи переселенцевъ и начиналась та-же исторія вновь. Получалось «полное неустройство во всѣхъ отношеніяхъ». Мысль о чрезвычайныхъ льготахъ продолжала жить, круто расправлялись кустанайцы съ киргизами, которые мстили за отобраніе и новые захваты у нихъ земли покражами скота; ихъ вѣшали и топили; въ 1883 г. одинъ лѣсничій, который не могъ показать въ удостовѣреніе своей личности «золотой царской грамоты», за назначеніе торговъ на самовольно срубленный лѣсъ былъ лишь случайно спасенъ отъ смерти, а жизнь одного уѣзднаго начальника спасена была только священникомъ съ иконой. А съ другой стороны, киргизы намѣревались напасть на Кустанай и сжечь его! Никакія мѣры не помогали покончить съ этой неурядицей—покончилъ съ ней трехлѣтній полный неурожай (1890—92); съ половины 1891 г. начался голодъ, частно парализованный ссудами, выдача которыхъ прекратилась въ началѣ 1892 г., и тогда населеніе «побрело врознь». Началось усиленное выселеніе, поддержанное въ слѣдующіе годы истощеніемъ запаса цѣлинныхъ земель, обмежеваніемъ около города огромнаго участка для заводской конюшни и другими причинами.

Внѣ-городская колонизація Кустанайскаго уѣзда и началась главнымъ образомъ въ связи съ этимъ бѣгствомъ населенія изъ города. Потерявъ надежду на «вольности» и «приволье» въ Кустанаѣ, переселенцы начали дѣлать натискъ на киргизовъ съ цѣлью сѣсть на ихъ земли. Администрація «дѣятельно поощряла пользованіе киргизскими землями на арендныхъ условіяхъ» и усиленно «склоняла» киргизовъ къ сдачѣ земель. Образовывались поселки, среди жителей которыхъ циркулировали самые разнообразные слухи о томъ, что арендные договоры заключены «только такъ», для вида, что платить арендныхъ взносовъ не слѣдуетъ, что имъ будетъ дано болѣе прочное земельное устройство. Уѣздная администрація въ свою очередь убѣждала поселенцевъ устраивать молитвенные дома для большей прочности поселковъ, часто «оказывала давленіе» на киргизъ, когда тѣ не хотѣли заключать арендныхъ договоровъ и т. д. Надо прибавить, что процедура заарендованія была всетаки не проста и требовала расходовъ; аульному сходу нужно было поставить «угощеніе», нерѣдко продолжавшееся «нѣсколько дней»; но и самый сходъ не могъ быть собранъ безъ нѣсколькихъ рублей или барана для старшины; тому же старшинѣ полагалась еще нѣкая мзда за «приложеніе печати» къ приговору схода, особая мзда волостному управителю или писарю. Если участокъ оказывался «спорнымъ», если за каждой изъ спорящихъ киргизскихъ сторонъ стояла русская артель арендаторовъ, то приходилось «устраивать

особо продолжительныя и прихотливыя угощенія». «Темные» расходы при этомъ измѣрялись уже не десятками, а сотнями рублей. Иногда сходы выдавали неправильныя удостовѣренія, удовлетворяющія обѣ спорящія стороны, а иногда аульные старшины выдавали и подложныя удостовѣренія безъ схода.

Тѣмъ не менѣе землю переселенцы все же получали при этихъ порядкахъ легче, чѣмъ послѣ введенія въ дѣйствіе «Положенія» 1891 г., по которому кочевникамъ разрѣшалось сдавать въ аренду землю на срокъ не свыше 30 лѣтъ, причемъ въ приговорахъ должны быть обозначены тѣ общественныя надобности, на которыя назначается арендная плата, а сдача утверждается не уѣзднымъ, а областнымъ правленіемъ. Процедура осѣданія переселенцевъ на киргизскихъ земляхъ осложнилась. «Въ результатѣ «темные» расходы поднялись по общему правилу съ немногихъ десятковъ на *нѣсколько сотъ* рублей на каждую аренду, заарендованіе становилось доступнымъ лишь для очень состоятельныхъ отдѣльныхъ лицъ или для очень значительныхъ артелей». Еще далѣе — указанное разрѣшеніе сдавать землю въ аренду касалось только зимовочныхъ земель, которыя, по фикціи закона, принадлежатъ цѣлому аульному обществу, въ дѣйствительности-же небольшимъ родовымъ группамъ, а нерѣдко и отдѣльнымъ кибитковладѣльцамъ. А такія земли, по разъясненію министерства, «не могутъ быть предметомъ арендныхъ договоровъ». По точному смыслу этого разъясненія устранялась всякая возможность сдачи въ аренду киргизскихъ земель и «едва ли могъ быть заключенъ хотя-бы одинъ арендный договоръ». Но это противорѣчило и установившемуся взгляду населенія, и всей предшествующей политикѣ мѣстной власти; строгое соблюденіе этого разъясненія было бы равносильно «невозможности дальнѣйшаго существованія не только многихъ десятковъ арендаторскихъ хуторовъ и заимокъ, но даже и тѣхъ поселковъ, которые уже получили административное устройство». Въ результатѣ—администрація «снисходительно относилась къ разнообразнымъ нарушеніямъ и обходамъ этого закона» (стр. 26—42). Согласно закону, заключено было только пять арендныхъ договоровъ, вся же «масса частныхъ арендъ заключена съ прямымъ нарушеніемъ и въ обходъ правилъ Положенія 1891 г.». Мелкія сдѣлки бѣдныхъ переселенцевъ стали заключаться «словесно», крестьяне живутъ «такъ», платятъ своимъ сдатчикамъ киргизамъ вторыя и третьи деньги, ублажаютъ ихъ подарками и угощеніями, а тѣ «исполняютъ свои обязательства, пока имъ заблагоразсудится» и, чувствуя удобства своего положенія, практикуютъ «самыя разнообразныя вымогательства». Однимъ изъ слѣдствій такого порядка было образованіе особаго рода «фиктивныхъ издольныхъ арендъ, какъ одного изъ способовъ обхода закона». Запрещеніе свидѣтельствовать денежные арендные договоры, по мѣстному толкованію, не распространяется на издольные, принимаемые, какъ сдѣлки найма крестьянъ на обработку киргизской

земли, за натуральную плату; а въ договоръ включаются разныя дополнительныя условія, фактически обращающія издольную сдачу въ денежную. — Въ сосѣднемъ Актюбинскомъ уѣздѣ начальство «отнеслось вполнѣ серьезно къ Положенію 1891 г.»; въ результатѣ случаи «частной» аренды въ нѣкоторыхъ волостяхъ «совершенно прекратились», нѣкоторые переселенческіе хутора прекратили свое существованіе, въ иныхъ случаяхъ заключеніе договора стало сопровождаться расходами въ 400—500 р. и т. п. (стр. 43—50).

Такимъ образомъ, дезорганизованное основаніе на киргизской землѣ «новаго города», неурядица въ его устройствѣ, стремленіе водворить разбѣжавшихся его жителей на киргизскихъ земляхъ, затѣмъ почти полное запрещеніе того, что раньше поощрялось — все это, въ концѣ концовъ, повело къ безправному, необезпеченному пользованію землей и зависимости поселенцевъ отъ киргизовъ. Такова канва. Переходимъ къ интересному описанію г. Кауфмана кустанайскихъ арендаторскихъ поселковъ, рисующаго по ней поучительные узоры.

Иниціатива образованія поселковъ принадлежала отдѣльнымъ лицамъ, которыя принимали мѣры къ привлеченію переселенцевъ, извлекая себѣ изъ того болѣе или менѣе значительныя выгоды. «Новенькіе» эксплоатируются ими на всѣ лады: съ нихъ они берутъ деньги якобы на «темные» расходы, имъ они даютъ земли изъ вторыхъ рукъ по весьма возвышенной цѣнѣ, съ нихъ они тянутъ деньги «за хлопоты» и т. п. Въ арендныхъ договорахъ иногда предоставляется право пахать, косить и пасти скотъ по всему пространству владѣній сдатчиковъ, черезполосно съ послѣдними; чаще договоры устанавливаютъ опредѣленныя границы, внутри которыхъ арендаторамъ предоставляется право на всѣ виды пользованія, а иногда разрѣшается пасти скотъ и за этими границами на землѣ сдатчиковъ. Плата полагается чаще съ десятины *дѣйствительно распаханной* земли въ размѣрѣ 1 р. 20 — 1 р. 25 к., иногда до 2 р. Въ первыхъ договорахъ существовали еще добавочные единовременные платежи, напр. за усадьбу 2—6 р. Срокъ арендного пользованія—3—8 лѣтъ, чаще всего 6 лѣтъ. Въ большинствѣ договоровъ ограничивалось число поселенцевъ, допускаемыхъ къ водворенію. Въ иныхъ-же поселкахъ «приселеніе совершается, повидимому, безъ всякаго спроса киргизъ и всякій приселяющійся сразу становится въ тѣ же отношенія къ киргизамъ, какъ и прежніе». Въ другихъ—пріемъ новыхъ членовъ опредѣляется исключительно усмотрѣніемъ поселковаго общества, въ пользу котораго шла и вся «вкупная плата» (3—15 руб.); однако, многимъ поселенцамъ «прощали» эту плату по бѣдности; наконецъ, иные новые пришельцы водворялись, не спрашивая даже общества, а просто покупая усадебныя мѣста у выселяющихся.

Договоры эти, однако, повидимому, исполняются очень плохо. Убѣжденные въ томъ, что аренда — лишь видимость, что земля

должна принадлежать имъ, поселенцы «всемѣрно уклоняются отъ исполненія арендныхъ условій», иногда не выплачиваютъ арендныхъ взносовъ, а иногда расплачиваются «натурой» — хлѣбомъ, чаемъ, лакомствами, которые забираются киргизами впередъ, и въ этихъ случаяхъ за пудъ хлѣба пишется росписка въ полученіи арендной платы за 1 десятину и т. д.; съ другой стороны—киргизы нерѣдко повинны въ двойныхъ сдачахъ, въ допускѣ постороннихъ лицъ пахать внутри участковъ, отданныхъ поселку и т. д. Причинами въ этомъ случаѣ служитъ «неупорядочность землевладѣнія самихъ киргизъ, дающая имъ возможность нарушать обязательства и недостаточно серьезное ихъ отношеніе къ послѣднимъ».

Въ тѣхъ поселкахъ, гдѣ земля арендуется за условленную напередъ сумму, вопросъ о формѣ пользованія землей рѣшенъ былъ въ смыслѣ душевого, для чего и произведенъ былъ передѣлъ. Вопросъ о передѣлѣ возникалъ и въ тѣхъ поселкахъ, гдѣ арендная плата условлена съ десятины дѣйствительной распашки, такъ какъ нерегулярное пользованіе землей ведетъ къ истощенію земли. Но дѣло не шло дальше разговоровъ, «такъ какъ передѣлять землю крестьяне считаютъ возможнымъ лишь по отводѣ ея въ постоянное надѣльное пользованіе». Въ одномъ поселкѣ большинству удалось три раза добиться приговора о передѣлѣ, но каждый разъ богатому меньшинству удавалось помѣшать осуществленію этихъ приговоровъ. Третій приговоръ уже былъ утвержденъ уѣзднымъ начальникомъ, но богачамъ удалось «смутить» киргизъ и передѣлъ былъ запрещенъ (гл. III).

Жители описанныхъ арендаторскихъ поселковъ составляютъ, однако, далеко не все русское населеніе той мѣстности. «Слѣдующую по многочисленности и, можетъ быть, первую по количеству арендуемой земли группу составляютъ обитатели *заимокъ* или *хуторовъ*. Это — пункты, не имѣющіе административнаго устройства и подчиненные киргизскимъ властямъ тѣхъ волостей и ауловъ, гдѣ они возникли». Число такихъ хуторовъ очень значительно, но точно опредѣлить его и тѣмъ болѣе площадь снимаемой ихъ владѣльцами земли, представляется невозможнымъ. Г. Кауфманъ предполагаетъ, что послѣдняя значительно превышаетъ сотню тысячъ десятинъ. Одну категорію ихъ составляютъ хутора и заимки, имѣющіе временный, промышленный характеръ; вторую тѣ, населеніе которыхъ думаетъ о постоянномъ водвореніи. Большинство принадлежитъ къ первымъ. Жители ихъ *не желаютъ* прикрѣпляться къ мѣсту. Это— «не переселенцы обычнаго типа, не крестьяне, которые ушли отъ земельнаго утѣсненія и стремятся къ прочному устройству на новомъ мѣстѣ, а предприниматели или спекулятны, сдѣлавшіе себѣ нѣчто въ родѣ промысла изъ эксплоатаціи цѣлинныхъ земель и сидящіе на каждомъ данномъ мѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока эта операція даетъ имъ достаточно значительные барыши». Вспахавши почву въ одномъ мѣстѣ, они перебираются въ другое, на свѣжую землю

и расхищають ее и т. д. Такъ основатель поселенія Давыденковскаго мѣщанинъ Давыденковъ, «не желая жить съ мужиками», ушелъ и осѣлъ пока въ другомъ мѣстѣ. Въ этихъ хуторахъ — плохая, примитивная, временная застройка, землянки вмѣсто избъ, ничего похожаго на общественное устройство. На многіе изъ нихъ хутоpяне наѣзжають только на лѣтнее полугодіе изъ городовъ, гдѣ они имѣють дома и полную осѣдлость. Возникають такія заимки по иниціативѣ одного, двухъ участниковъ, рѣдко больше; новые приседенцы принимаются ими на различныхъ условіяхъ: имъ дается ½ пая, ⅓ пая и меньше, они вносять иногда нѣкоторую плату первымъ поселенцамъ и т. д. Тѣ и другіе бывають крестьяне, мѣщане, но встрѣчаются между ними и купцы, и священники. Промышленные хутора отличаются и большей зажиточностью. Земля дѣлится между участниками, какъ въ товариществахъ, по хозяйственной силѣ артельщиковъ.

Значительно отличается отъ этихъ хуторянъ типъ арендатора-одиночки. Это—бѣдняки изъ мѣщанъ или жителей арендаторскихъ поселковъ, лишившіеся возможности вести самостоятельное хозяйство, вслѣдствіе неурожая, падежа, покражи у нихъ скота и т. п., и принужденные переходить въ аулъ, начать «пахать съ киргизами», пользуясь на извѣстныхъ условіяхъ ихъ землей и даже скотомъ. Сходны съ ними и многочисленные переселенцы, проживающіе по казачьимъ станицамъ оренбургской линіи и въ городахъ, также обрабатывающіе въ видѣ одиночекъ киргизскую землю. — По отзывамъ мѣстныхъ дѣятелей, положеніе поселенцевъ въ аулахъ рисуется «въ весьма мрачномъ свѣтѣ»: они являются «въ полномъ смыслѣ слова рабами, крѣпостными; они въ полной зависимости отъ своихъ «господъ» киргизъ, которые по своему усмотрѣнію могутъ дать имъ землю (въ погодный, подесятинный съемъ), или отказать въ ней, могутъ выгнать осенью или среди зимы со своей зимовки, отобрать оплаченный скотъ; киргизы стараются не дать своимъ испольщикамъ «подняться», встать на ноги; они для этого не даютъ имъ лошадей везти хлѣбъ на базаръ и получаютъ его за безцѣнокъ; удастся испольщику завести лошадь — ее сейчасъ-же украдутъ. Говорятъ, что большинство дѣвушекъ въ проживающихъ по ауламъ семьяхъ обезчещено киргизами, а жаловаться на это боятся изъ боязни мести киргизъ; что много дѣтей не умѣютъ говорить по русски, отлично владѣя въ то же время киргизскимъ языкомъ и т. д. Г. Кауфманъ не беретъ на себя отвѣтственности за эти отзывы, но самая возможность разсказовъ о томъ, что русскій крестьянинъ обратился въ буквальномъ смыслѣ въ положеніе бѣлаго раба у киргизовъ, что ихъ женщины подвергаются безчестію, что дѣти окиргизиваются—все это не вопіетъ-ли о томъ, чтобы дѣло было вполнѣ выяснено, чтобы немедленно, сейчасъ, для этихъ несчастныхъ наступило новое 19 февраля и чтобы землевладѣніе было регулировано. Неужто затѣмъ ихъ освободили въ

1861 году, неужто затѣмъ они прошли въ холодъ и голодъ сотни и тысячи верстъ, чтобы попасть въ настоящее рабство къ полудикарямъ и отдавать имъ своихъ женъ и дочерей? Въ силу понятнаго глубокаго возмущенія, котораго нельзя не испытывать при чтеніи этого мѣста доклада г. Кауфмана, нельзя же допустить мысли, чтобы оно осталось безъ рѣшительныхъ результатовъ.

Контра-пунктомъ сказанному служатъ тѣ хуторскія аренды, площадь которыхъ далеко превосходитъ рабочую силу арендаторовъ и потребительную норму, хозяйство которыхъ направляется на сбытъ хлѣба, который измѣряется «при мало-мальски сносномъ урожаѣ» тысячами пудовъ, и ведется наемными руками, на которыя тратятся многія сотни и тысячи рублей. Бываютъ и такіе хуторяне, которые не имѣютъ ни живого, ни мертваго инвентаря, кромѣ молотилки, жнеи и косилки, и обрабатываютъ землю инвентаремъ подесятинныхъ работниковъ.—Шагъ далѣе—передъ нами арендаторы, занимающіе нерѣдко многія сотни десятинъ (татары, богатые киргизы, купцы, мѣщане и т. п.). «*Масса* земли продолжаетъ сдаваться купцамъ и мѣщанамъ *негласно* и количество земли, сданной такимъ путемъ, далеко превышаетъ то количество, о которомъ имѣются оффиціальныя данныя» (Гл. IV).

Мы не будемъ слѣдовать за авторомъ въ подробномъ изложеніи условій разныхъ типовъ аренды. Они уже сообщены выше въ двухъ словахъ, развивать же здѣсь массу сообщаемыхъ г. Кауфманомъ бытовыхъ подробностей и деталей не представляется возможнымъ. Отмѣтимъ, что изъ тѣхъ указаній, которыя имѣются о съемочныхъ цѣнахъ значительныхъ участковъ, доступныхъ болѣе состоятельнымъ арендаторамъ, видно, что цѣна десятины колебалась отъ 7—8 коп. до 33 коп.; значительно дороже, конечно, погодная—1—2 руб. за «сороковую» десятину *). Общаго повышенія арендныхъ цѣнъ пока не замѣчается; происходитъ одно лишь измѣненіе, состоящее въ томъ, что 10 лѣтъ назадъ за цѣлины платили дешевле, чѣмъ за распаханныя земли, а теперь наоборотъ, такъ какъ у арендаторовъ скота стало больше, распахивать цѣлину—посильнѣе и киргизы научились «дорожить ковылемъ». Характерно, что «земли, прошедшія черезъ руки арендаторовъ, можно сказать, совершенно обезцѣниваются; за земли, давшія три хлѣба, даже послѣ отдыха даютъ уже не болѣе 50—60 к. за десятину» (стр. 144—152). Встрѣчаются и дѣйствительныя (а не фиктивныя) натуральныя аренды (изъ 3-й, 4-й, 5-й «борозды»). Бѣднота прибѣгаетъ (особенно для распашки цѣлинъ) къ сдѣлкамъ смѣшаннаго типа—поселенецъ получаетъ отъ сдатчика киргиза землю и скотъ, уступая большую долю вспаханной земли, что представляется, конечно, гораздо болѣе дорогой

---

*) Пусть проститъ мнѣ почтенный авторъ, если я замѣчу, что „сороковая" десятина равняется не 4000 кв. саж., какъ онъ думаетъ (стр. 145), а 3200 кв. с. (40×80) въ отличіе отъ казенной: 30×80—2400 кв. с.

формой аренды. Еще далѣе начинаются сдѣлки батраческаго характера—работа на киргиза въ теченіе всего лѣтняго періода изъза пользованья частью земли или иное вознагражденіе.—Эти послѣдніе виды сдѣлокъ варьируются еще иначе: малоскотные или арендуютъ за деньги, нанимая чужой скотъ за отработки или за деньги, или «получаютъ» готовыя, вспаханныя, а иногда и забороненныя земли (152—56).

Пытаясь опредѣлить хозяйственное положеніе переселенцевъ, г. Кауфманъ констатируетъ, что оффиціальныя данныя даютъ по этому предмету «лишь самое смутное представленіе». Его личныя наблюденія сводятся къ большой неравномѣрности имущественнаго благосостоянія населенія *поселковъ*. Въ каждомъ изъ нихъ (кромѣ одного) имѣется болѣе или менѣе значительное число *очень* зажиточныхъ домохозяйствъ съ десятками головъ рабочаго скота, пашущихъ въ два, три и болѣе плуговъ и засѣвающихъ по много десятковъ (иногда 200—300) десятинъ земли, работающихъ наемнымъ трудомъ (по десятку и болѣе постоянныхъ наемныхъ рабочихъ). Рядомъ съ этими въ каждомъ же поселкѣ имѣется «ощутительный» процентъ бѣдныхъ дворовъ, вовсе не имѣющихъ собственнаго инвентаря, или имѣющихъ неполный инвентарь. Они либо вовсе не имѣютъ запашки, либо пашутъ супрягою или инвентаремъ киргизъ и принуждаются прибѣгать въ значительной степени къ продажѣ рабочей силы на сторону. «О крайней неравномѣрности распредѣленія благосостоянія среди поселенцевъ свидѣтельствуетъ въ значительной мѣрѣ и самый внѣшній видъ большинства поселковъ, гдѣ рядомъ съ бревенчатыми домами поселенцевъ-сѣверянъ и аккуратными мазанками малороссовъ можно видѣть жалкія лачуги или землянки, и именно въ такихъ *лачугахъ или землянкахъ живетъ значительное большинство* населенія». Это—характеристика массы, живущей деревнями.

За то въ *заимкахъ и хуторахъ* «бѣдноты, можно сказать, нѣтъ вовсе». Въ тѣхъ 10-ти изъ нихъ, въ которыхъ автору удалось сдѣлать подворную опись, приходится въ среднемъ на хозяйство бобѣе 13 головъ рабочаго скота и почти 28 сороковыхъ десятинъ (около 37 дес. казенныхъ) подъ посѣвомъ. Совершенно ничтожное меньшинство хуторянъ (5 изъ 97) вовсе или почти вовсе не обзавелось рабочимъ скотомъ и не имѣетъ пахатныхъ орудій, а больше половины владѣетъ болѣе 10 гол. рабочаго скота на дворъ и почти половина (43%) имѣетъ не менѣе 2-хъ пахатныхъ орудій. Бѣднѣйшими являются на заимкахъ родственники или земляки живущихъ тамъ-же богатыхъ хозяевъ, имѣющіе у нихъ постоянный заработокъ и получающіе у нихъ обыкновенно, кромѣ денежной платы, присѣвокъ, болѣе или менѣе обезпечивающій ихъ продовольствіе. Большинство же населенія хуторовъ состоитъ изъ состоятельныхъ людей, (въ двухъ заимкахъ средній на дворъ размѣръ посѣвной площади=до 48 сороковыхъ десятинъ или до 64 казенныхъ).—Изъ зарегистрованныхъ

97 хозяйствъ продаютъ трудъ на сторону всего 6, а покупаютъ со стороны—70=72% всего ихъ числа и заплатили за него въ 1895—6 хоз. году 12,115 руб., т. е. по 173 рубля на домохозяйство. «Огромный спросъ на наемныхъ рабочихъ, предъявляемый хуторянами, удовлетворяется, главнымъ образомъ, предложеніемъ рукъ со стороны населенія поселковъ, на сѣнокосъ же нанимаются въ значительной мѣрѣ и киргизы». Это все относится къ Кустанайскому уѣзду; хутора Актюбинскаго уѣзда занимаютъ въ смыслѣ благосостоянія середину между поселками и хуторами въ первомъ (169—175).

Задаваясь, наконецъ, интереснымъ вопросомъ, что выиграли тургайскіе переселенцы отъ переселенія, г. Кауфманъ рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что «хозяйственные результаты переселенія складывались въ разныхъ случаяхъ очень разнообразно»: одни увеличили свое имущественное положеніе, другіе разорились. «Мнѣ лично, говоритъ онъ, довелось видѣть такихъ поселенцевъ, которые запахивали на родинѣ сотни десятинъ и имѣли по нѣсколько десятковъ головъ рабочаго скота, а «на новомъ мѣстѣ» опустились въ разрядъ совершенно или почти совершенно безхозяйныхъ». Подвести итогъ этимъ разнообразнымъ результатамъ переселенія, конечно, можно бы только при помощи массового подворнаго изслѣдованія. Автору, какъ упомянуто выше, удалось описать нѣкоторую часть поселенческихъ дворовъ (459), но для рѣшенія указанной задачи онъ не можетъ воспользоваться, по разнымъ причинамъ, даже этимъ числомъ карточекъ, а лишь гораздо меньшимъ—278. Очевидно, полученные этимъ путемъ выводы имѣютъ лишь условный характеръ, но во всякомъ случаѣ служатъ не безъинтересной иллюстраціей положенія дѣла, за отсутствіемъ другого, болѣе общаго матеріяла.

Упомянутое число домохозяевъ увеличило свое рабочее скотоводство послѣ переселенія (по сравненію съ тѣми его размѣрами, которые оно имѣло на родинѣ)—на 27,2% и размѣры своей посѣвной площади—на 30,9%. Эти среднія колеблются, однако, по отдѣльнымъ поселкамъ и хуторамъ весьма значительно: рабочее скотоводство уменьшилось въ 4-хъ (въ количествѣ отъ 60,6% до 1,2%) и увеличилось въ 6-ти (отъ 47,6% до 192,3%); посѣвная площадь сократилась въ трехъ (отъ 65,4% до 12,9%) и возросла въ семи (отъ 6,1% до 295,5%). Выиграли по преимуществу хуторяне—больше, чѣмъ рядовые жители поселковъ. При этомъ приростъ количества рабочаго скота былъ гораздо больше, нежели приростъ запашки; противоположный случай встрѣчается рѣже. Въ общей суммѣ—1) болѣе половины семействъ (144 изъ 278) «несомнѣнно выиграли отъ переселенія; изъ нихъ значительное число (85) увеличили на новыхъ мѣстахъ свои запашки по крайней мѣрѣ вдвое; 2) для 60 семействъ переселеніе не дало существеннаго измѣненія ихъ хозяйственнаго положенія; 3) наконецъ, только четверть ука-

заннаго числа дворовъ (74 = 26,6%) потерпѣли отъ переселенія чистый убытокъ: на родинѣ у нихъ было 458 головъ скота и 1,016 дес. посѣва, а на новыхъ мѣстахъ стало 202 головы и 405 десятинъ. Авторъ прибавляетъ, что онъ не придавалъ бы никакого значенія этимъ выводамъ, какъ основаннымъ на черезчуръ маломъ количествѣ данныхъ, если бы ихъ значеніе нѣсколько не усиливалось тѣмъ, что и сами переселенцы, и лица, знакомыя съ ихъ бытомъ, не подтверждали ихъ въ общихъ чертахъ своими отзывами о результатахъ переселенческаго хозяйства. Изъ такихъ отзывовъ г. Кауфманъ выводитъ, что болѣе или менѣе значительная часть поправляетъ свои дѣла на «новыхъ мѣстахъ»; на хуторахъ, какъ уже указано, зажиточность посѣвщиковъ-капиталистовъ достигаетъ даже большихъ размѣровъ; но рядомъ съ этимъ насчитываютъ «десятки и сотни дворовъ бѣдноты, существующей частью работой по найму, частью же на счетъ супряжныхъ и т. п. запашекъ». Г. Кауфманъ старается, далѣе, намѣтить главнѣйшія причины такой неравномѣрности распредѣленія благосостоянія между переселенцами и того, почему «такой значительный процентъ переселеній въ Тургайскую область даетъ неудачные результаты» при «отличныхъ» почвенныхъ условіяхъ, высокой заработной платѣ, дешевой арендѣ.— «Основной» причиной указаннаго явленія онъ считаетъ частые неурожаи—«результатъ рѣзко выраженнаго континентальнаго климата, и въ частности—сильныхъ засухъ и появляющейся при этихъ послѣднихъ кобылки»; второй—онъ называетъ покражи лошадей и рабочаго скота у поселенцевъ, какъ слѣдствіе «крайне обостренныхъ отношеній русскаго населенія поселковъ къ киргизамъ», такъ какъ конокрадство является «местью киргизъ за дѣйствительныя и мнимыя обиды, претерпѣваемыя ими отъ переселенцевъ»; третью причину авторъ видитъ въ низкомъ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ послѣднихъ годовъ въ то время, какъ издержки производства остаются сравнительно высокими, благодаря большому спросу на наемный трудъ, предъявляемому хуторянами и арендаторами-капиталистами и далеко не покрываемому мѣстнымъ предложеніемъ (стр. 176—185).

Едва-ли, однако, можно въ этомъ согласиться съ г. Кауфманомъ. Такіе факторы мѣстнаго переселенческаго хозяйства, какъ засухи, кобылка, конокрадство и прочія формы киргизской мести, дѣйствуютъ одинаково какъ на болѣе состоятельныхъ, такъ и на бѣдняковъ. Отъ нихъ терпятъ всѣ безъ различія состоянія. Бороться съ ними приходится обитателю поселка совершенно также, какъ и какому нибудь купцу, откупившему большія земельныя пространства. Третья причина—паденіе хлѣбныхъ цѣнъ—какъ извѣстно, служитъ даже, наоборотъ, нивеллирующимъ моментомъ въ народной экономіи, такъ какъ это явленіе бьетъ по карману хозяина тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тѣснѣе онъ связанъ съ рынкомъ, и тѣмъ слабѣе, чѣмъ болѣе его хозяйство носитъ потребительный характеръ. Слѣдовательно, не въ этихъ причинахъ надо искать основу той

дифференціаціи переселенцевъ на «новыхъ мѣстахъ», которая, если вѣрить автору, сдѣлала столь значительные успѣхи въ Тургайской степи. И сдается, что болѣе вѣроятное объясненіе напрашивается само собой всей этой книгой г. Кауфмана, имѣющей, какъ замѣчаетъ читатель, глубокій современный интересъ. Сводится оно къ простой дезорганизованности столь сложнаго и крупнаго народнохозяйственнаго явленія, какъ массовое передвиженіе въ другую часть свѣта. Вспомнимъ всю исторію тургайскихъ переселенцевъ, набросанную нашимъ авторомъ яркими характерными мазками. Сначала эти ни на чемъ неоснованные слухи о какихъ-то вольностяхъ въ «новомъ городѣ», десятки тысячъ заявленій о желаніи переселиться туда изъ отдаленныхъ губерній; заявленія эти принимаются, десятки тысячъ людей являются на мѣсто и ждутъ основанія города. Наконецъ, дождались, но не всѣ; многимъ уже не хватило средствъ ждать—они разбрелись по степи. Но и оставшимся не дается того земельнаго устройства, на какое они разсчитывали—земель не хватаетъ для нихъ, а въ это же время новые потоки переселенцевъ изъ-за Урала все прибываютъ. да прибываютъ. Происходитъ полная неурядица, затѣмъ голодъ; населенію ничего не остается, какъ разсѣяться по киргизскимъ кочевьямъ. Начинается захватъ киргизской земли, захватъ легализируемый, поощряемый—да и нельзя иначе, ибо создалось уже такое положеніе вещей, при которомъ массы въ противномъ случаѣ должны были бы чуть не умирать съ голоду. Захватъ находитъ себѣ, однако, естественный отпоръ у киргизъ, которымъ, какъ кочевникамъ, самимъ нужны большія пространства земель.

Въ чемъ могъ выразиться этотъ отпоръ? Конечно, только въ эксплоатаціи переселенцевъ на всѣ лады. Начинается безконечная волокита, «угощенія», «темные» расходы, конокрадство. Послѣднія крохи имущества переселенцевъ уходятъ лишь на то, чтобы добиться права посѣва, снять первую жатву, съѣсть первый кусокъ хлѣба, возобновить правильное питаніе. Послѣдній грошъ ставится ребромъ, чтобы ублаготворить какого нибудь аульнаго старшину, который безъ этого не соглашается приложить печать къ приговору схода... Дѣло сильно усложняется ограниченіями арендованія киргизскихъ земель, созданными положеніемъ 1891 г., которыя шли въ разрѣзъ съ процессами, совершавшимися въ степи, и которыя сама мѣстная администрація затруднялась примѣнять на практикѣ. Въ результатѣ—все осталось по прежнему, только «темные» расходы увеличились еще больше и киргизъ сталъ еще больше хозяиномъ положенія. Этимъ путемъ и создана была та почва, которая всегда и вездѣ ведетъ къ эксплоатаціи, дифференціаціи, къ обнищанію массы, къ обогащенію меньшинства. Имя ей—нужда. Съ чѣмъ-же, въ самомъ дѣлѣ, можно было приняться за хозяйство массѣ переселенцевъ, если тѣ средства, которыя удалось имъ припасти передъ выходомъ изъ родного села, ушли на то, чтобы дойти до мѣсче-

скаго города Кустаная, ждать этого Кустаная, брести изъ него въ степь, розыскивать мѣста для осѣданія, «угощать» сходъ (иногда по нѣсколько дней), «угощать» старшину, писаря... При такихъ условіяхъ, когда, наконецъ, переселенецъ видитъ передъ собой землю, которую онъ получилъ право пахать, у него въ большинствѣ случаевъ не должно остаться даже классическаго «куренка», а не только что лошади или плуга. Но «нужда пляшетъ, нужда скачетъ»... Строютъ землянки, устраиваютъ супряги, нанимаютъ въ счетъ будущаго урожая инвентарь, начинаютъ сѣять помаленьку. И нѣкоторымъ удается «встать на ноги»; они начинаютъ пускать корни на новой, дѣвственнной землѣ при «отличныхъ почвенныхъ условіяхъ». Но въ этой страшной борьбѣ за хлѣбъ, за существованіе, въ этой отчаянной погонѣ за землей, гдѣ, какъ мы видѣли, переселенческія средства идутъ лишь на то, чтобы «угостить» киргизъ получше и тѣмъ вырвать кусокъ земли у конкуррирующей артели русскихъ же переселенцевъ, всегда есть отсталые, побѣжденные, погибшіе. И такихъ, какъ оказывается, немалый процентъ. Эти не могутъ «встать на ноги» и кормятся отъ щедротъ болѣе богатыхъ русскихъ-же хуторянъ. Болѣе состоятельный, болѣе удачливый переселенецъ, городской мѣщанинъ—промышленникъ, купецъ, вообще разный человѣкъ «не сельскаго состоянія» почуялъ здѣсь наживу и потянулся въ степь. Ему выгодно «ублаготворить» старшину, получить отъ него раньше приговоръ (иногда, какъ мы видѣли, подложный), откупить большое пространство земель, затѣмъ улавливать сѣрую массу переселенцевъ, «шпанку». Онъ беретъ съ нея двойныя деньги на «темные» расходы, особо получаетъ плату за несуществующія «хлопоты», переарендовываетъ ей отдѣльные участки земли по возвышеннымъ цѣнамъ. Продѣлавъ всѣ эти выгодныя операціи, возвративъ себѣ съ лихвой всѣ свои затраты, онъ даже бросаетъ снятую землю «шпанкѣ», не желая «жить съ мужиками» и находя для себя болѣе удобнымъ начать въ другомъ мѣстѣ всю исторію сначала. Другіе задаются болѣе широкой задачей—къ эксплоатаціи бѣдняковъ они прибавляютъ еще и расхищеніе естественнаго плодородія земли. Благо есть киргизъ, у котораго можно каждые года два распахивать новыя и новыя цѣлины, и благо есть переселенецъ, котораго можно обратить въ батрака. Они наѣзжаютъ изъ города въ степь на земледѣльческій сезонъ выхватываютъ цѣлины, берутъ съ нихъ два—три урожая, послѣ которыхъ цѣнность земли уменьшается, какъ мы видѣли, вдвое, бросаютъ ее и перекочевываютъ собирать сливки въ другомъ мѣстѣ. Но и киргизы не чужды «прогрессу». Нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ рѣшительно быть на высотѣ положенія и извлекать изъ «шпанки» всю ту выгоду, которую она можетъ доставить. Не ограничиваясь «местью» въ формѣ конокрадства, они стали, на подобіе русскихъ, откупать большія пространства земель и обрабатывать ее поселенческимъ батраческимъ трудомъ. Пріемы ихъ, быть можетъ,

при этомъ и грубѣе, но, пожалуй, даже рѣшительнѣе. Эти наровятъ уже не только захватить переселенца въ хозяйственную кабалу, но взять человѣка совсѣмъ, безъ остатка, обратить его въ раба, его дѣтей въ киргизовъ, а его жену и дочь въ рабынь, на что даже и «жаловаться боятся»... Дальше, кажется, некуда...

И вотъ, если сопоставить всѣ эти факты—отъ комическихъ «вольностей» Кустаная до киргизскаго гарема включительно, то право же во всемъ этомъ мартирологъ десятковъ тысячъ людей (въ одной Тургайской степи), всѣ эти засухи, кобылки, низкія хлѣбныя цѣны играютъ столь второстепенную роль, что не о нихъ прежде всего надо говорить. Дѣло гораздо шире и глубже. Если такое громадное явленіе, какъ наши переселенія, имѣетъ свои корни въ извѣстныхъ сторонахъ хозяйственнаго строя населенія, если его нельзя, нежелательно, безцѣльно пытаться прекратить или остановить, то ему надо идти на встрѣчу и организовать его. Если такой организаціи нѣтъ, если отсутствуетъ система, подготовительныя мѣры и работы на мѣстахъ для того, чтобы человѣческій потокъ могъ по прибытіи на «новыя мѣста» немедленно осѣсть и приняться за производительный трудъ, если эти десятки, сотни тысячъ людей принуждаются дѣйствовать по системѣ «свободной конкурренціи» изъ-за куска хлѣба, то и возникаютъ явленія, столь тщательно и интересно описанныя г. Кауфманомъ. Разные барышники «сельскаго и не сельскаго состоянія» расхищаютъ производительную силу земли и эксплоатируютъ рабочую силу массы, увеличивая бѣдность и кабалу, русскіе дѣти становятся киргизами, а дѣвушки дѣлаются киргизскими наложницами...

Н. Карышевъ.

Новыя книги.

Д. Маминъ-Сибирякъ. *Сибирскіе разсказы*. Москва. 1898. 2-е изд.

Г. Маминъ-Сибирякъ пишетъ давно, репутація его установлена прочно, всѣ признаютъ за нимъ оригинальное дарованіе, книги его читаются и раскупаются охотно—и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ общепризнанный замѣчательный писатель не дождался еще настоящей оцѣнки своего дарованія, своихъ задушевныхъ идей, своего авторскаго темперамента. Что за причина? Конечно, если бы г. Маминъ былъ просто интереснымъ писателемъ, способнымъ удержать вниманіе читателя на пространствѣ своего повѣствованія—это было бы понятно.

Объ интересномъ писателѣ и сказать то особенно нечего. Но тутъ дѣло совсѣмъ другое,—тутъ за каждымъ даже маленькимъ очеркомъ чувствуется нѣчто большое, важное, прямо изъ глубины жизни выхваченное, — чувствуется вдумчивое, часто страдальческое отношеніе писателя къ своимъ темамъ. Однако критика никогда за г. Маминымъ не бѣгала, да и не бѣгаетъ, какъ напр. за г. Чеховымъ, и сказавши разъ: «будь ты причисленъ къ лику», на томъ успокоилась.

Прежде всего, положимъ, повинно тутъ то обстоятельство, что надъ г. Маминымъ очень долгое время тяготѣла репутанія писателя мѣстнаго, такъ сказать, этнографа-беллетриста, который исходилъ, изъѣздилъ, изучилъ свой горнозаводскій Уралъ вдоль и поперекъ, и далѣе этого если и заглядывалъ, то въ самой незначительной степени. Если г. Маминъ этнографъ-бытописатель, то чѣмъ, собственно, можетъ пробудить особый къ себѣ интересъ, чѣмъ взволновать, какъ и чему научить? Какъ «спеціалистъ», онъ и долженъ имѣть свою спеціальную репутацію, которой мы очень охотно и награждаемъ его. И эта спеціальная репутація—для многихъ, по крайней мѣрѣ,—осталась за г. Маминымъ, хотя онъ давно выросъ изъ нея и въ сущности всегда, съ самаго начала его дѣятельности, она была для него слишкомъ тѣснымъ костюмомъ. Принимая во вниманіе, что ко всякому спеціалисту мы относимся нѣсколько сухо и даже пренебрежительно, вышеуказанное странное обстоятельство нѣсколько разъясняется. Но—лишь нѣсколько. Есть причины болѣе важныя и между ними на первомъ планѣ надо поставить ту, что г. Маминъ—все равно по какимъ обстоятельствамъ—всегда избѣгалъ сенсаціонныхъ темъ. Въ этомъ отношеніи даже покойный Каронинъ—писатель очень симпатичный и въ тоже время очень второстепенный—былъ куда „привлекательнѣе". Г. Маминъ писалъ всегда на свои собственныя темы. Онъ не волновалъ ни разу читателей даннаго момента. Любопытно отмѣтить, что когда вошли въ особую моду психопаты и когда эти психопаты стали выставляться чуть ли не господами жизни и, во всякомъ случаѣ, самыми цѣнными ея представителями, г. Маминъ и къ этой полосѣ остался совершенно равнодушенъ. Правда, психопаты у него есть (напр. въ „Приваловскихъ милліонахъ"), но тѣ совсѣмъ другого сорта и не играютъ никакой доминирующей роли. Онъ шелъ, повторяемъ, всегда своею дорогой. Какъ прежде, онъ продолжаетъ брать свои темы преимущественно изъ сибирской жизни, постоянно расширяя ея психологію и доходя порою до поразительной глубины или, выйдя изъ ея сферы, даетъ такія оригинальныя и свѣжія вещи, какъ „Черты изъ жизни Пепко".

Его физіономія, какъ писателя, обрисовалась вполнѣ.

Прежде всего передъ нами отнюдь не этнографъ, засѣвшій въ своей мурьѣ и прямолинейной психологіи «медвѣжьихъ угловъ». Мѣстныя, «этнографическія» впечатлѣнія только почва, выростившая дарованіе г. Мамина,—это удивительное дарованіе, въ которомъ никогда не чувствуется ничего вымученнаго. Десятки лѣтъ работы не утомили, не истрепали его, не сдѣлали его невольнымъ рабомъ скучнаго шаблона, не пріучили его къ беллетристическому трафарету и—кто знаетъ, не виноватъ ли въ этомъ Уралъ съ его свѣжимъ воздухомъ?.. А между тѣмъ г. Маминъ пишетъ, или еще до самаго недавняго времени писалъ, очень много, но, повидимому, запасъ его наблюденій такъ и остался неистощеннымъ, а фантазія—этотъ главный элементъ творчества—свободной, какъ прежде. Подчасъ даже слишкомъ свободной. Если уже приходится говорить о его недостаткахъ, то, конечно, надо прежде всего остановиться на этомъ. Г. Маминъ не умѣетъ владѣть собою, невольно подчиняясь нѣкоторой необузданности своего творчества, онъ даетъ ему слишкомъ много простора. Картины, столкновенія, перипетіи страстей, комбинаціи сложнѣйшихъ психологическихъ моментовъ возникаютъ передъ нимъ съ такою быстротой и яркостью, что онъ и не думаетъ дорисовывать ихъ и часто бросаетъ начатое на полъ-дорогѣ. Съ этой точки зрѣнія любопытно было бы разсмотрѣть его лучшій романъ «Хлѣбъ». Всякому другому творческаго матеріала, заложеннаго въ этомъ романѣ, хватило бы на дюжину, а въ придачу къ этой дюжинѣ выкроилось бы безъ труда столько же повѣстей. Но г. Маминъ слишкомъ расщедрился и во многихъ главахъ получилось у него нѣкоторое столпотвореніе вавилонское, въ которое надо долго всматриваться, чтобы понять, что тутъ дѣйствительно падаетъ и разрушается вавилонская башня, а не пожарная каланча. Сколько намѣчено новыхъ типовъ и сколько любопытнѣйшихъ психологическихъ интригъ только начато!.. Ну, да что жалѣть объ этомъ, хотя все же не надо забывать, что высшее проявленіе творчества требуетъ преодолѣнія могучей страстности и фантазіи и въ сущности спокойно. Какъ, однако, при такомъ богатствѣ фантазіи г. Маминъ не теряетъ своей мѣткой наблюдательности, своего тонкаго гуманнаго юмора—надо удивляться. И лучше всего онъ достигаетъ этого въ своихъ сказкахъ, разсказахъ, мелкихъ повѣстяхъ. Остановимся поэтому не надолго на нихъ, благо тому представился удобный случай въ видѣ только что появившагося второго изданія «сибирскихъ разсказовъ».

Одинъ изъ этихъ очерковъ заканчивается фразой: «Людоѣды покажутся младенцами передъ такимъ полированнымъ человѣкомъ», другой — словами: «нѣтъ, жизнь положительно страшная вещь»... Оба изреченія въ достаточной

степени характеризують господствующій тонъ разсказовъ, по крайней мѣрѣ той ихъ части, которая занимается отношеніями сильнаго къ слабому, богатаго къ бѣдному, власть имущаго къ неимущему даже вида на жительство. Мы присутствуемъ, на самомъ дѣлѣ, при цѣломъ рядѣ сценъ всевозможныхъ истязаній надъ душой и тѣломъ человѣка,—истязаній, то простыхъ и грубыхъ, почти стихійныхъ, то сложныхъ, такъ сказать, квалифицированныхъ, гдѣ звѣрство, приправленное сладострастіемъ и мстительностью, является во всей своей мерзости. Особенно страшны картины семейной жизни, семейнаго самодурства... Но это, разумѣется, только часть „сибирскихъ разсказовъ" — прекрасная по проникающей ее гуманности. Гораздо большее впечатлѣніе производятъ разсказы, взятые въ цѣломъ, потому что, не смотря на очень незначительные ихъ размѣры, въ нихъ ясно отражаются основныя идеи авторскаго міровоззрѣнія. Одна изъ этихъ идей заслуживаетъ особеннаго вниманія и для г. Мамина мы бы назвали ее центральной. Эта идея, очевидно, выросшая на почвѣ перелома жизни подъ вліяніемъ новыхъ культурныхъ условій, иллюстрируется имъ постоянно и настойчиво. Живутъ себѣ люди мирно и тихо, среди извѣстныхъ сложившихся и окаменѣвшихъ устоевъ, которымъ, казалось бы, и на вѣка такими предназначено оставаться — и вдругъ налетаютъ на нихъ какія то грозныя силы въ видѣ чугунки, капитала, новыхъ вѣяній, и въ мгновеніе ока отъ прежняго не остается и слѣда. Наступаетъ моментъ шалости, тихіе начинаютъ буянить, другіе каменѣютъ, а изъ невообразимаго хаоса и путаницы начинаютъ дымить фабричныя трубы, возникаютъ винокуренные и иные заводы, пароходныя пристани, желѣзнодорожныя станціи, даже новые суды. Ничего не понимаютъ люди стараго порядка и лишь въ недоумѣніи повторяютъ: „да какъ же это такъ"? Моментъ въ самомъ дѣлѣ любопытный и этихъ ошалѣвшихъ людей сколько угодно въ произведеніяхъ г. Мамина. Тутъ и комическіе, и трагическіе, и трагикомическіе типы и картины. Передъ вами, напр., неисправимо изумленные исправники и засѣдатели („Крестникъ", „Удивленный человѣкъ"), изумленные тѣмъ, что всю жизнь воровали они по обычаю, а вдругъ ихъ отправили на каторгу по закону; или деревня Грязнуха, прямо изъ XVII вѣка своей жизни перешагнувшая въ девятнадцатый („Главный баринъ"), или казачья станица, гдѣ съ открытіемъ промысловъ „народъ совсѣмъ истварился и точно его кипяткомъ облили" („Поденьщикъ") и т. д. Все это, конечно, явленія разнаго порядка, но всѣ они подчинены той же шалой психологіи жизненнаго перелома. Изображаетъ ее г. Маминъ мастерски (ей, между прочимъ, посвященъ и романъ „Хлѣбъ").

З. Н. Гиппіусъ (Мережковская). Зеркала. Вторая книга разсказовъ. Спб. 1898.

Первый сборникъ разсказовъ г-жи Гиппіусъ („Новые люди") появился 1896 г.; второй „Зеркала" — въ 1898 г. Сравнивая оба эти сборника, нельзя не замѣтить, во первыхъ, того, что творчество молодой писательницы стало, если и не плодотворнѣе, то во всякомъ случаѣ плодовитѣе, во вторыхъ, что она не стоитъ на мѣстѣ, все еще развивается и движется, хотя въ высшей степени неправильно, дѣлая два шага впередъ и нѣсколько въ сторону, и, въ третьихъ, что г-жа Гиппіусъ роковымъ образомъ идетъ къ полной спеціализаціи въ области явленій патологическихъ, психіатрическихъ, экстраординарныхъ, въ высокой степени исключительныхъ и едва-ли въ высокой степени характерныхъ. Можемъ даже положительно и безъ колебаній утверждать, что она замѣтно подпала подъ вліяніе Достоевскаго и, подражая ему—между прочимъ, въ настойчивыхъ и тщетныхъ попыткахъ правдиво и ярко изобразить „мучительную" женщину—дѣлаетъ это не всегда умѣло и отчасти даже по рабски.

Тѣхъ, кто помнитъ „Новыхъ людей",—сборникъ „Зеркала" пріятно удивитъ нѣкоторымъ, хотя и недостаточно энергичнымъ стремленіемъ къ сравнительной простотѣ языка и къ отрѣшенію отъ вычурныхъ словъ—преимущественно эпитетовъ. Это особенно замѣтно въ послѣднемъ разсказѣ „Златоцвѣтъ" — вообще говоря блѣдномъ, худосочномъ и подражательномъ, но страницами хорошо написанномъ. Попадаются правда такія выраженія, какъ „скользящій голосъ", „злой запахъ" „властный лучъ *луны*" и „стальной лучъ *мѣсяца*", но это рѣдко и съ ними можно примириться. Еще пріятнѣе будетъ удивленъ читатель „Зеркалъ" тѣмъ, что г-жа Гиппіусъ даетъ хотя сравнительно-большій просторъ своему гуманному настроенію, заставляетъ насъ жалѣть, напр., несчастную гувернантку въ разсказѣ „Вѣдьма", или бѣдненькую бѣлобрысую бонну въ разсказѣ „Родина". Словомъ, она мѣстами становится проще, понятнѣе, человѣчнѣе и, повидимому, отказалась произвести литературное пронунціаменто, о которомъ такъ рѣшительно и высокомѣрно заявила въ предисловіи къ „Новымъ людямъ".

Но указаннымъ и исчерпываются два шага впередъ; идутъ далѣе шаги въ сторону, заранѣе намѣченные и, пожалуй, предопредѣленные. Мы видимъ настойчивое и обостренное исканіе вычурныхъ сюжетовъ (напр., „Среди мертвыхъ"), боязнь передъ обыденнымъ, пристрастіе къ болѣзненнымъ настроеніямъ, непонятымъ и мало понятнымъ натурамъ и вообще къ тому, чтобы „у меня было не такъ, какъ у всѣхъ прочихъ". Любимые герои и героини г-жи Гиппіусъ въ сущности перепѣваютъ четверостишіе ея собственной серенады: „я счастье не-

ненавижу,—я радость не терплю. О, пусть тебя не вижу, тѣмъ глубже я люблю", а ихъ единственная молитва къ Началу жизни какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ молитвѣ самого автора: „прежнее дай мнѣ безмолвіе, о, возврати меня вѣчности... дай погрузиться въ безмолвіе, дай отдохнуть въ безконечности". Оба настроенія довольно однообразны, узки, анемичны, и естественно, что г-жа Гиппіусъ постоянно повторяется и, истощившись въ повтореніяхъ, разнообразитъ свои унылыя темы заимствованіями у Достоевскаго. Фигура Ѳомушки („Луна"), до глубины души опустошеннаго циника, его языкъ, его привычка не говорить, а „взвизгивать", его наглость—очевидные сколки съ „карамазовщины"; сюжетъ Златоцвѣта взятъ изъ „Идіота" и нѣкоторыя страницы, особенно же развязка и послѣдняя сцена—убійство любимой женщины—какъ бы прямо списаны оттуда. Повторенія-же безчисленны. Возлюбивъ почему-то впавшихъ въ дѣтство стариковъ и старухъ и приписывая ихъ шамканью нѣкоторое какъ-бы даже мистическое значеніе и загробную интуицію, г-жа Гиппіусъ „украшаетъ" ими почти каждый свой разсказъ. Бабушка въ „Зеркалахъ", дѣдушка въ „Утрѣ дней", старикъ швейцаръ въ „Родинѣ", гувернантка въ „Вѣдьмѣ",—дряхлые, беззубые, живые покойники „говорятъ съ вѣчностью" и обладаютъ способностью проникать въ тайну сущаго. Ту же способность приписываетъ г-жа Гиппіусъ и сумасшедшимъ, напр. Вѣрѣ въ „Зеркалахъ", которая *все* поняла и даже самое важное — то именно, что человѣческая жизнь есть какъ въ зеркалѣ отраженный, единый, великій, безсмертный духъ.

За однообразными стариками и старухами слѣдуютъ непонятыя и непонятныя натуры. Ихъ много, но различаются они не столько по существу, сколько по внѣшности. „Существо" остается неизмѣннымъ, возьмете-ли вы Раису въ „Зеркалахъ", Валентину въ „Златоцвѣтѣ", Марфушу въ „Вѣдьмѣ", и сводится оно къ „скукѣ жизни", къ утомленію ея пошлостью, къ порыву „къ прежнему безмолвію", а значитъ къ экстраординарнымъ поступкамъ и ощущеніямъ. Раиса разсказываетъ про себя: «Я была еще совсѣмъ дѣвочка. И я хотѣла сдѣлать что нибудь великое, но такое... безпримѣрное. А потомъ вижу, что не могу—и думаю: дай что нибудь дурное сдѣлаю, но очень, очень дурное, до дна дурное. Вѣдь *все равно, лишь бы до дна?* У меня была сестренка маленькая, годовалая, любила меня... Я взяла ее на руки, пошла по лѣстницѣ—и она упала по ступенькамъ внизъ». Въ жестокомъ мучительствѣ другихъ Раиса находитъ «дно души своей», то же «дно» открывается милой и добродушной Марфушѣ въ «самоубійствѣ». Когда она столкнулась съ гувернанткой m-me Лико, которую искренно почитала за вѣдьму, она какъ то сразу утеряла вкусъ жизни,

затосковала и похудѣла. Ее не привлекаетъ больше ни любовь къ лакею Аркадію, ни перспектива зажить въ Питерѣ барыней, заведя собственныя меблированныя комнаты. Истолкователемъ ея новыхъ затаенныхъ думъ является «несообразный» кучеръ Ѳеогностъ, который, вполнѣ соглашаясь съ Марфушей, что радоваться въ жизни нечему, настойчиво повторяетъ все одинъ и тотъ-же пессимистическій монологъ: «Вѣрно ты, дочка, разсуждаешь. Вотъ какъ вѣрно. Скука, она матушка неизбытная. Экую скуку Господь сотворилъ! Сила! Тутъ не то что замужъ, тутъ вотъ соберись сейчасъ народъ, наряди меня въ золотую митру, начни кричать: условляемся мы, Ѳеогностъ, чтобы ты отъ вѣка былъ фонъ-пере-маршалъ-гофъ раванъ, его свѣтлѣйшее возвышеніе, и даемъ тебѣ надъ нами, человѣками, власть жизнеотъемную. И вотъ мнѣ на это рѣшительно наплевать. Скука то, Господи милостивый». Сила скуки заставляетъ Марфушу броситься въ озеро, чтобы стать вѣдьмой и носиться вокругъ мѣсяца.—На то-же жалуется аккуратненькая нѣмка Елена Германовна на самомъ «утрѣ своихъ дней»: «Ничего, ничего въ жизни нѣту! Когда я была маленькая, я все волшебниковъ и фей ждала... Ну, положимъ, фей нѣту... Отчего-же теперь *воры вмѣсто разбойниковъ, драка* Трофима кучера—*вмѣсто войны,* а *вмѣсто рыцаря*—нашъ *становой* Иванъ Даниловичъ? Тогда было страшнѣе, но лучше»... Въ чемъ найдетъ «дно души» Елена Германовна — мы не знаемъ, но вѣроятно то-же отправится летать куда нибудь къ мѣсяцу.

Но завѣтнѣйшее свое настроеніе и, пожалуй, даже жизнепониманіе г-жа Гиппіусъ воплотила въ большомъ разсказѣ «Златоцвѣтъ». Жаль, что разсказъ, почти романъ по размѣрамъ, такъ неудаченъ и въ немъ три четверти лишняго, а остальная четверть--малопонятнаго. Но разбираясь въ намекахъ, символахъ, а подъ часъ прямо психологическихъ ужимкахъ главнаго персонажа—Валентины, этого «Златоцвѣта», гибкаго, ломкаго, «слишкомъ невиннаго, чтобы благоухать», можно сказать, что г-жа Гиппіусъ особенно облюбовала въ своихъ героиняхъ именно отвращеніе къ пошлому и обыденному въ жизни, порывъ къ чистотѣ безусловной и исканіе ея, нѣсколько мстительное отношеніе къ мужчинѣ и полную неудовлетворенность, вызывающую жажду мучительства, которая въ свою очередь разрѣшается тоской и уныніемъ. Сложно все это вродѣ китайской грамоты, а въ сущности просто до элементарности, какъ просты и китайскіе іероглифы. Валентина—богатая вдова, не знавшая любви—диллетантка, вѣчно лежащая или полулежащая, гипнотизирующая и одуряющая себя безконечнымъ чтеніемъ, въ то-же время даровитая и талантливая, очень чувственная, но настолько гордая, что всегда «держитъ въ рукахъ своего звѣря», одинаково ищетъ человѣка или дѣла, которые

открыли-бы «дно ея души». Конечно, ни человѣка, ни дѣла не оказывается. Съ развинченнымъ литераторомъ Звягинымъ она сходится внутренно, но физически онъ ей противенъ; толстый фельетонистъ Двоекуровъ «невѣроятно» тянетъ ее къ себѣ физически, но она горделиво и презрительно подавляетъ въ себѣ это влеченіе; благоразумное счастье, которое предлагаетъ ей московскій профессоръ Кирилловъ, кажется ей отталкивающе пошлымъ и неразрывно связывается въ ея представленіи съ запахомъ «остывающей кулебяки», «слишкомъ сладкимъ чаемъ», «низкими комнатами», «котомъ Васькой», словомъ со всѣмъ, что она видѣла въ домѣ Кириллова на Остоженкѣ. Нѣтъ рыцаря Вольдемара — и все тутъ, хотя и рыцарь Вольдемаръ едва-ли помогъ бы горю именно вслѣдствіе странной смѣси бѣлоснѣжной чистоты и похотливой грязи въ душѣ Валентины, и она все время играетъ съ огнемъ, т. е. любовью и влюбленностью, пока Звягинъ не убиваетъ ее. Какъ завѣтнѣйшее созданіе г-жи Гиппіусъ, она глубже другихъ презираетъ счастье, не терпитъ радости и рвется къ мѣсяцу, безмолвію, чувствуя въ тоже время всю тяготу плоти и чувственности. Она и одѣвается по этой программѣ—въ бѣлое платье съ черными крылышками, что дѣлаетъ ее похожей на ангела и сатану.

Мораль разсказа тяжелая, пессимистическая, такъ какъ съ точки зрѣнія г-жи Гиппіусъ только смерть можетъ уничтожить томительное противорѣчіе плоти и духа, а наша земная жизнь, семья, общество, трудъ не могутъ дать ни малѣйшаго удовлетворенія талантливымъ, рвущимся къ полной свободѣ и метафизически настроеннымъ натурамъ.

Если кто нибудь скажетъ, что героинь г-жи Гиппіусъ, особенно Раису и Валентину, слѣдовало-бы выкупать въ холодной водѣ—мы ничего-бы не возразили. Но обѣ онѣ искренно страдаютъ, потому что въ жизни пошли «воръ вмѣсто разбойника» и «становой вмѣсто рыцаря». Незамѣтно и невольно подкупаетъ эта искренность муки и порою прямо трогателенъ этотъ порывъ улетѣть къ мѣсяцу, потому что — говоря словами Горбунова—«отъ хорошей жизни нешто полетишь?..» А что Раиса и Валентина имѣютъ полное право считать нашу жизнь «не совсѣмъ хорошей»—это несомнѣнно. Но и сумбурны въ то-же время всѣ эти настроенія и освѣщены они луннымъ капризнымъ лучомъ, а не солнечнымъ свѣтомъ и не мало тутъ придуманнаго только для того, чтобы было не какъ «у всѣхъ прочихъ».

Левъ-Побѣдитель. Первый въ русской литературѣ историческій романъ изъ абиссинской жизни. Соч. **Людмилы Шаховской.** Москва. 1898.

Какъ, откуда и почему это удивительное произведеніе русско-эфіопской исторической беллетристики? Изъ наивнаго примѣчанія къ стр. 11-й, которое приводимъ полностью, сохраняя въ неприкосновенности оригинальную орфографію и сокращеніе словъ,—узнаемъ: «Этотъ романъ составленъ по соч. Волгина «Въ странѣ черн. христіанъ (,) Долгонева «Страна эфіоповъ и мн. газетамъ так. обр., это мож. (етъ?) служить изображеніемъ Абиссиніи теперешней, которая отъ древней отличается вес. (ьма?) мало».

Очевидно, что нѣтъ ничего проще, какъ сочинять историческіе романы изъ эфіопской жизни по «мн. газетамъ», да еще «так. обр.», что онъ сразу изображаетъ Абиссинію и въ VI и XIX вѣкѣ — тѣмъ болѣе просто, что самъ чортъ не знаетъ, какой была Абиссинія 13 столѣтій тому назадъ.

За то и получился же «так. обр.» по «мн. газетамъ» составленный романъ! Просматривая его, невольно вспоминаешь анекдотъ про одного художника новатора, который вмѣсто картины выставилъ полотно, выпачканное сажей съ бѣлыми крапинками на ней, и на вопросъ «что это означаетъ?» отвѣчалъ: «тутъ негры сражаются съ неграми въ темную ночь, когда небо покрыто тучами». «А бѣлыя крапинки?» «Бѣлыя крапинки? Это бѣлки глазъ ожесточенныхъ эфіоповъ».

Именно такое же художество проявила г-жа Шаховская, вдохновившись «мн. газетами». И напрасно называетъ она свой романъ «первымъ историческимъ романомъ» изъ абиссинской жизни. Это просто на просто—тысяча первое произведеніе русской исторической макулатуры.

„Привѣтъ!“ Художественно-научный литературный сборникъ. Изданъ обществомъ вспомоществованія нуждающимся ученицамъ Василеостровской женской гимназіи. Спб. 1898.

Приступая къ изданію своего сборника, Общество преслѣдовало не только благотворительную цѣль, но и желало въявь показать учащейся молодежи сочувствіе къ ней со стороны лучшихъ представителей умственной жизни нашего времени. Желаніе это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: въ „Сборникѣ“ приняли участіе слишкомъ шестьдесятъ литераторовъ, ученыхъ и поэтовъ; въ немъ же мы находимъ 25 фототипическихъ снимковъ съ картинъ извѣстныхъ нашихъ художниковъ. Особенно богаты, конечно, отдѣлы беллетристики съ разсказами гг. Мамина-Сибиряка, Станюковича, Кота-Мурлыки, Потапенко, Баранцевича и т. д. и поэзіи. Научный отдѣлъ носитъ нѣсколько случайный характеръ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ

ему быть интереснымъ. Съ большимъ вниманіемъ прочтется небольшая выборка „изъ альбома Г. Л. и А. П. Кравцовыхъ“ гдѣ помѣщены неизданныя стихотворенія Гаршина (въ прозѣ), Ядринцева, Минаева, П. Якубовича, письма Лѣскова, Островскаго, Кони, Микѣшина и мн. др. Стихотвореніе въ прозѣ Вс. Гаршина довольно интересно и, не придавая ему никакого особеннаго значенія, мы приводимъ его полностью: „Юноша спросилъ у святого мудреца Джафара:—учитель, что такое жизнь? Хаджи молча отвернулъ грязный рукавъ своего рубища и показалъ ему отвратительную язву, разъѣдавшую его руку. А въ это время гремѣли соловьи, и вся Севилья была наполнена благоуханіемъ розъ“.

Фототипическіе снимки сборника сдѣланы безукоризненно.

Кузька Мордовскій богъ. (Повѣсть изъ исторіи (!) Мордовскаго народа). К... Нижній Новгородъ, типогр. губ. правленія. 1898.

Въ книгѣ покойнаго А. С. Гацискаго „Люди нижегородскаго Поволжья“, среди различнаго ранга военныхъ и штатскихъ персонъ, заслужившихъ право хотя-бы мѣстнаго безсмертія, значится странное имя „Кузьки бога“, съ скромнымъ прибавленіемъ „мордвинъ“. Покойный изслѣдователь не успѣлъ дать намъ біографію этого мордвина, а между тѣмъ это личность дѣйствительно чрезвычайно интересная, около которой на мѣстѣ создались цѣлыя легенды, которая, наконецъ, вызвала цѣлую, хотя и не обширную литературу.

Еще совсѣмъ недавно, когда въ печати обсуждалось извѣстное мултанское дѣло, „Новое Время“ въ приложеніи къ № 7160, подъ заглавіемъ „Терюханское идолище“ (!) напечатало въ извлеченіи исторію Кузьмы, въ томъ видѣ, какъ она появилась въ 1866 году въ „Отеч. Запискахъ“. Газета совершенно серьезно, въ качествѣ этнографическаго матеріала, сообщала изумительнѣйшія похожденія какого-то геніальнаго мордовскаго Рокамболя, цѣлой сѣтью адскихъ обмановъ увлекшаго мордву—терюханъ въ сѣти своего „лжеученія“, доходившаго до того, что самъ Кузьма былъ признанъ богомъ. Отсюда и названіе „Кузька-богъ“. Неизвѣстный авторъ, скрывшій свою фамилію подъ буквой К., разсказывалъ въ „Отеч. Запискахъ“ годъ за годомъ и день за днемъ біографію своего героя. Разсказъ этотъ ведется дубовымъ языкомъ, изложеніе сразу обличаетъ человѣка совершенно бездарнаго. Между тѣмъ вся исторія представляетъ цѣлую цѣпь фантастическихъ происшествій. Воспитанный подъ вліяніемъ какого-то коварнаго раскольника, („по всей вѣроятности изъ секты „душителей“,—прибавляетъ авторъ) молодой мордвинъ, способный и грамотный, быстро выработывается въ сознательнаго религіоз-

наго шарлатана. Послѣ неудачной любовной исторіи въ Нижнемъ, разсказанной опять съ необычайными подробностями, (какъ будто авторъ самъ присутствовалъ въ комнатѣ въ качествѣ невидимки)—Кузьма возвращается къ своему племени и начинаетъ адскую интригу: коварство его доходитъ до того, что онъ посредствомъ самодѣльнаго волшебнаго фонаря производитъ явленіе ангеловъ и т. д. Все племя вскорѣ обратилось въ его послѣдователей. Тогда Кузьма, по рецепту всѣхъ шаблонныхъ героевъ этого рода, окружаетъ себя богатствомъ, роскошью и, конечно, развратомъ. Слѣдуетъ совершенно невѣроятный и очень грубо сляпанный авторомъ романъ нѣкоего бѣднаго, но добродѣтельнаго мордвина Пахома съ красавицей Евфросиньей. Кузьма разлучаетъ любовниковъ и беретъ красавицу Евфросинью въ свой гаремъ. Добродѣтельный Пахомъ изъ мести доноситъ на него и указываетъ его притонъ въ лѣсныхъ трущобахъ. Но хитрый Кузьма отводитъ слѣды, планъ поимки не удается и доносчикъ приносится въ жертву разъяренному „Кузькѣ богу". Черезъ нѣкоторое время такая-же участь постигаетъ и исправника, рѣшившагося арестовать Кузьму. Это приключеніе по аляповатости и неуклюжести вымысла можетъ соперничать развѣ съ самыми грубыми произведеніями лубочной литературы. Исправникъ ѣдетъ во главѣ въ коляскѣ. На пути въ лѣсу встрѣчаются завалы. Внезапно, будто чудомъ, завалы устраняются съ дороги, исправникъ проѣзжаетъ, но за нимъ тотчасъ же воздвигается преграда, отдѣляющая его отъ его арміи. Затѣмъ— лошади несутся среди двухъ стѣнъ густого лѣса, трепещущій исправникъ слышитъ дикіе крики озвѣрѣлой мордвы и его, наконецъ, привязываютъ на полянѣ къ двумъ согнутымъ дубамъ. Мгновеніе, канаты перерубаются, деревья выпрямляются, кровь невиннаго исправника обагряетъ окрестности...

Не удивительно ли, что столь невѣроятная мазня могла найти мѣсто въ печати и притомъ въ серьезной газетѣ? И однако—нашла, и статья „Нов. Времени" пошла гулять подъ заманчивымъ заглавіемъ („Терюханское идолище") и ее перепечатывали десятки газетъ, въ доказательство свирѣпости язычниковъ-инородцевъ.

Нужно ли говорить, что все это смѣшной и весьма неискусный вымыселъ? Въ „Историческомъ Вѣстника" была помѣщена прекрасно составленная *на основаніи подлиннаго дѣла* замѣтка В. И. Снѣжневскаго, въ которой все это излагается гораздо проще и, конечно, гораздо интереснѣе. Кузьма — дѣйствительно существовавшее лицо, неграмотный крестьянинъ Нижегородской губ., крѣпостной графини Сенъ-При, изъ терюшевской мордвы. Г. Снѣжневскій разсказываетъ печальную исторію крещенія этого

племени, въ первой половинѣ прошлаго вѣка, когда Димитрій Сѣченовъ въ 2 года окрестилъ до 32 тыс. человѣкъ. При этомъ мордву, нерѣдко связанныхъ, опускали въ купель и тутъ насильно надѣвали кресты (Соловьевъ, Исторія. XII, стр. 28). Таковы были свѣжія еще воспоминанія, окружавшія дѣтство и юность Кузьмы. Однако время брало свое. Кроткіе образы христіанства,—говоритъ г. Снѣжневскій,—св. дѣва, Христосъ, ангелы, пророкъ Давидъ,—все это еще ранѣе понемногу проникало въ воображеніе народа, хотя мечтательно и смутно. Но, быть можетъ, именно потому, что эти образы были слишкомъ ужъ далеки отъ „сѣченовской" дѣйствительности,—темный мордвинъ слилъ ихъ со своими мечтами о сѣдой старинѣ. Получилась странная аберрація: христіанскіе и ветхозавѣтные образы стали для мордвина „старыми богами", къ которымъ онъ апеллировалъ противъ „новой вѣры" и въ честь которыхъ задумалъ возстановить старые обряды (моленія на полянахъ въ лѣсу, послѣ чего царь и начальники надѣнутъ бѣлыя мордовскія одежды—и наступитъ общее блаженство).

Мы не станемъ излагать здѣсь подробности этой наивной и трогательной исторіи, своего рода исторіи Іоанны д'Аркъ въ лицѣ неграмотнаго мечтателя мордвина, — отсылая интересующихся къ статьѣ г-на Снѣжневскаго. Разумѣется, Кузьму арестовали, допрашивали, били плетьми и сослали въ 1810 году. Изъ подлиннаго дѣла выясняется, однако, съ совершенной ясностью физіономія искренняго и кроткаго мечтателя, ни въ одной чертѣ не совпадающая съ свирѣпой мазней неизвѣстнаго автора „Повѣсти". Исправникъ не только не потерпѣлъ при этомъ никакихъ непріятностей, но взялъ Кузьму прямо съ одного изъ многолюдныхъ моленій, которыя, кстати сказать, происходили явно, въ присутствіи множества русскихъ сосѣдей, нерѣдко даже духовенства. Императоръ Александръ I, ознакомившись съ дѣломъ Кузьмы, отмѣнилъ наказаніе плетьми для участниковъ, но было уже поздно: приговоръ былъ уже приведенъ въ исполненіе.

Всякое суевѣріе имѣетъ двѣ стороны, и въ данномъ случаѣ это видно особенно ясно: «мы имѣли случай убѣдиться,—пишетъ въ своей замѣткѣ г. Снѣжневскій,—что разсказъ г. К. о «Кузькѣ-богѣ» (который, скажемъ кстати, никогда себя богомъ не называлъ) проникъ въ мѣстную крестьянскую среду, и теперь, если вы станете искать устныхъ преданій на мѣстѣ дѣйствія Кузьмы, мордовскаго пророка, то отъ русскихъ сосѣдей мордвы услышите о книжкѣ, «въ которой все это написано», и вамъ передадутъ всѣ невѣроятные эпизоды изъ разсказа «Кузька-богъ». Это одинъ изъ случаевъ, когда письменность, *вслѣдствіе предразсудка въ культурной средѣ*, не за-

крѣпила, не сохранила преданія, а только исказила его и опошлила». Теперь эти искаженія повторены распространенными газетами въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ. И вѣдь, вотъ, какъ живуча всякая пошлость: несмотря на то, что подлинная исторія Кузьмы еще такъ недавно изложена въ статьѣ г. Снѣжневскаго, что въ мѣстной газетѣ («Нижегор. Лист. № 56, 1896 г.) она опять возстановлена г. А. С. по поводу статьи «Нов. Вр.» о Терюханскомъ идолищѣ, — въ томъ же Нижнемъ-Новгородѣ нелѣпая лубочная «повѣсть» появляется въ новомъ отдѣльномъ изданіи. Правда, издатель не счелъ возможнымъ выставить свою фамилію на обычномъ мѣстѣ. На заглавномъ листкѣ мы читаемъ просто: «Нижній-Новгородъ, типографія губ. правленія». Но за то на задней оберткѣ стыдливо пріютилось слѣдующее надписаніе: «Съ требованіемъ книги слѣдуетъ обращаться въ Нижній-Новгородъ... къ надворному совѣтнику Мих. Як. Г.» (на книгѣ имя и фамилія проставлены полностью). Мы понимаемъ надворнаго совѣтника М. Я. Г. Онъ вознамѣрился получать за «повѣсть» неизвѣстнаго автора „по 1 р. съ пересылкою“ и для этого, подобно извѣстному герою Успенскаго, объявляетъ: „деньги сбъ это мѣсто“. Но, во 1-хъ, со времени появленія повѣсти въ „Отеч. Зап.“ прошло только 32 года, и значитъ самъ г. К... или его наслѣдники могутъ притянуть издателя за присвоеніе непринадлежащаго имущества. А во 2-хъ, хочется думать, что г-ну М. Я. Г. хоть немного стыдно за свою, теперь уже *завѣдомо* дрянную книжную аферу. Въ уваженіе этого предполагаемаго нами чувства, мы выставляемъ только инициалы почтеннаго надворнаго совѣтника, прикрывая фиговымъ листикомъ наготу его вожделѣній...

Викторъ Гюго. «Отверженные». Переводъ съ французскаго. Изд. второе (Суворина). Спб. 1897.

„Эти разсказы какъ будто принадлежатъ инымъ вѣкамъ. Нѣчто подобное являлось, вѣроятно, въ древнихъ миѳологическихъ эпопеяхъ, гдѣ разсказывалось о полу-людяхъ и полу-коняхъ, о титанахъ, которые вскачь взбирались на Олимпъ, страшные, неуязвимые, сверхъестественные“.

Такъ говоритъ Гюго въ „Отверженныхъ“ по поводу одного эпизода изъ битвы при Ватерлоо. И, въ сущности, это замѣчаніе удивительно подходитъ ко всему роману. Насквозь проникнутый лучшими идеями новаго времени, онъ такъ далеко отошелъ отъ насъ въ подробностяхъ выполненія, что подчасъ производитъ впечатлѣніе чего то совсѣмъ, совсѣмъ стараго. Изъ глубины сѣдой древности дошли до нашей эпохи громадныя книги, нѣкогда окруженныя ореоломъ полу-бо-

жественнаго происхожденія; онѣ создавались вѣками, и потому въ нихъ все нестройно, неожиданно, странно; великіе замыслы нашли въ нихъ подчасъ смѣшную форму; на ряду съ моментами высшаго напряженія творческаго генія народа мы встрѣчаемъ въ нихъ безжизненныя риторическія отступленія, скучныя схоластическія разсужденія. Въ нихъ много содержанія и мало системы. Но содержанія въ нихъ по истинѣ бездна: не даромъ ихъ творцомъ былъ весь народъ; и онѣ такъ глубоко, такъ полно воплотили самую суть его духа, такъ ярко выразили лучшія настроенія эпохи, что и современный человѣкъ, не смотря на богатства окружающей его литературы, не смотря на гигантское разстояніе, отдѣляющее его отъ старинныхъ священныхъ книгъ, какъ Веды, какъ Зендъ-Авеста, идетъ учиться и многому можетъ научиться у нихъ.

Эти книги напоминаетъ романъ Гюго, безформенный, причудливый, нестройный, иногда смѣшной и, въ концѣ концовъ, всетаки великій.

Онъ появился черезъ пять лѣтъ послѣ „Мадамъ Бовари", но романъ Флобера ничему не научилъ и ничего не заставилъ забыть автора „Отверженныхъ". Гюго было подъ шестьдесятъ, и онъ привыкъ вести за собой литературную жизнь Франціи. Его романъ былъ полонъ сценъ и образовъ поразительной правдивости, но въ немъ было еще больше элементовъ ужасающаго ирреализма. Съ этой точки зрѣнія легко уничтожить, высмѣять, пародировать романъ Гюго. Въ немъ много неправды и, что еще хуже, въ немъ много банальностей. Ядовитое дыханіе манерности чувствуется въ его лучшихъ мѣстахъ; онъ усѣянъ дѣланными антитезами, невѣроятными приключеніями, ненужными, нелѣпыми и скучными размышленіями обо всемъ, что не имѣетъ ровно никакого отношенія къ развитію дѣйствія: о битвѣ при Ватерлоо, о необходимости утилизировать „гуано Парижа", объ іюльской революціи, о монастырской жизни; книга VII части второй, трактующая о послѣднемъ предметѣ, до такой степени чужда движенію романа, что самъ авторъ назвалъ ее: „Въ скобкахъ". Фразы переполняютъ автора; онъ чувствуетъ неотразимую потребность сыпать ими не только за свой счетъ: является, какъ и въ другихъ его романахъ, рядъ ораторовъ, извергающихъ по всякому поводу бездну именъ, терминовъ, афоризмовъ. Въ началѣ это—Толоміесъ, въ концѣ Комбферръ. Девяносто-лѣтній буржуа, обломокъ стараго режима, и революціонеръ тридцатыхъ годовъ говорятъ однимъ языкомъ — и это языкъ самого автора. Дѣйствующія лица въ деталяхъ невѣроятны; дѣло не въ томъ, что они идеализованы: наоборотъ, только это и придаетъ имъ из-

вѣстную правдивость; но въ нихъ масса психологическихъ невозможностей, обличающихъ въ авторѣ чрезвычайную, иногда трогательную наивность.

И всетаки это великое произведеніе. Въ отвѣтъ на всѣ упреки въ отсутствіи реализма, о немъ должно сказать, какъ говорятъ нѣмцы: „Es braucht nicht wahr zu sein". Оно выше элементарной правдивости реальнаго романа, такъ какъ все проникнуто иной правдой. Оно возвышаетъ, оно охватываетъ читателя тѣмъ чувствомъ „очищенія", которое Аристотель приписывалъ греческой трагедіи; съ его высоты смотришь на міръ новымъ взглядомъ, болѣе широкимъ, гуманнымъ и понимающимъ; оно есть порожденіе настоящаго внутренняго идеализма—не того поверхностнаго, исключительно эстетическаго неоидеализма, который видитъ свою цѣль въ презрѣніи къ реальному міру и потому рисуетъ только то, чего не было и быть не можетъ: идеализмъ „Отверженныхъ" глубже. Онъ оперируетъ надъ мнимыми величинами, но приходитъ къ дѣйствительнымъ результатамъ. Пусть безконечно далеки отъ данныхъ реальной жизни такія созданія чисто головного, дедуктивнаго творчества, какъ епископъ Миріель съ его евангельской добротой, какъ Жанъ Вальжанъ съ его элементарной, дѣланной психологіей, какъ Жаверъ, какъ Анжолрасъ—эти великолѣпныя схемы въ роли живыхъ людей: правдиво въ „Отверженныхъ" иное—правдива общая концепція житейскихъ отношеній. Пусть эти образы, лишенные интимныхъ признаковъ индивидуальности, не внушаютъ довѣрія къ ихъ дѣйствительному существованію; пусть, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ на свѣтѣ ни моментальныхъ перерожденій каторжника въ святого, ни шпіоновъ съ возвышенными сердцами, ни неземныхъ дѣвъ, ни дьяволовъ въ образѣ человѣческомъ,—но есть на свѣтѣ „отверженные"—мы объ этомъ забыли; они занимаютъ въ мірѣ именно то страшное мѣсто, въ которомъ мы видимъ ихъ у Гюго, и міръ этотъ именно таковъ, какимъ мы узнали его изъ этого романа. Здѣсь „передъ лицомъ эгоистической и удовлетворенной буржуазіи выставленъ угнетенный, обманутый, страдающій, раздраженный, умирающій и вѣчно побѣжденный народъ; передъ лицомъ пороковъ приличныхъ и обезпеченныхъ людей выставляются добродѣтели несчастныхъ и безпріютныхъ, каторжника и публичной женщины". Мы настаиваемъ даже не столько на этическомъ характерѣ этого изображенія жизни, на его гуманности, сколько на его правдивости, на его глубокомъ, внутреннемъ реализмѣ. Мы считаемъ весьма мѣткимъ замѣчаніе одного изъ новыхъ историковъ французской литературы: „Истиннаго„ источника изъ котораго вышелъ Золя, слѣдуетъ искать не столько въ „Мадамъ Бовари", сколько въ „Отверженныхъ".

Русскимъ читателямъ не суждено познакомиться съ романомъ Гюго въ его настоящемъ видѣ—переводъ, появляющійся уже вторымъ изданіемъ, еле-еле можно назвать сноснымъ; выдающемуся литературному значенію подлинника онъ не соотвѣтствуетъ ни полнотой, ни точностью, ни изяществомъ. Къ купюрамъ, быть можетъ, не зависѣвшимъ отъ переводчика, онъ прибавилъ свои перлы вродѣ „саперовъ-пожарныхъ“ (sapeurs-pompiers) и т. п. Въ сущности, слѣдовало-бы сказать, что классиковъ такъ издавать стыдно, но лучшаго перевода, вѣдь, нѣтъ: хорошо хоть это.

Фаустъ, трагедія **Гете**. Перев. Н. Голованова. Изданіе второе исправленное (С. С. Мошкина). М. 1898.

Переводъ г. Голованова относится къ числу самыхъ не пріятныхъ; они хуже дурныхъ—они вредны, потому что вводятъ въ заблужденіе. Читая убійственный переводъ г. Мамонтова („ср. Русск. Бог.“, 1898, январь), мы чистосердечно думали, что хуже быть ничего не можетъ. Но Мамонтовская пародія на „Фауста“ имѣетъ хоть то преимущество, что ей никого обмануть не удастся: всякій съ первыхъ ея страницъ увидитъ, что имѣетъ дѣло съ литературнымъ курьезомъ, и броситъ ее. Не то переводъ г. Голованова: онъ гдѣ-то между дурнымъ и хорошимъ и ближе къ дурному, чѣмъ къ хорошему; но читателю, незнакомому съ подлинникомъ, онъ можетъ показаться сноснымъ. Въ сущности, онъ постоянно мѣшаетъ правду съ ложью и объ истинномъ „Фаустѣ“ даетъ самое извращенное представленіе. Найти какую либо опредѣленную тенденцію, ради которой систематически перевирается смыслъ подлинника, здѣсь невозможно: дѣло не въ извѣстномъ неправильномъ взглядѣ на „Фауста“, съ которымъ можно было-бы и стоило-бы считаться, а въ полномъ подчиненіи переводчика случайнымъ комбинаціямъ стихосложенія. У него нѣтъ никакихъ внутреннихъ точекъ соприкосновенія съ „Фаустомъ“ и потому нѣтъ никакого уваженія къ подлиннику, каждое слово котораго цитируется и комментируется съ настоящемъ благоговѣніемъ. Съ первыхъ строкъ его перевода въ читателѣ, знающемъ подлиннаго „Фауста“, складывается одно впечатлѣніе: „То, да не то“—и это впечатлѣніе неудержимо возростаетъ, и къ концу чтенія переходитъ въ негодованіе: къ чему безъ искры поэтическаго вдохновенія, безъ настоящаго пониманія оригинала, даже безъ внѣшняго таланта версификаціи „обогащать“ и такъ ужъ богатую переводами „Фауста“ русскую литературу новымъ переводомъ, гдѣ нѣтъ ни одного стиха, который не былъ-бы уже кѣмъ нибудь переведенъ удачнѣе, поэтичнѣе, точнѣе.

Самое непріятное и раздражающее въ пріемахъ г. Голованова—это его манера „распространять“ оригиналъ вставными словами. Беремъ для примѣра первый монологъ. Переводчику мало, что Фаустъ „умнѣе докторовъ, магистровъ, писцовъ и поповъ“, онъ нашелъ необходимымъ—вѣрнѣе, стихосложеніе заставило его—прибавить сюда еще „присяжныхъ (?) и судей“. „За то я лишенъ всѣхъ радостей“ говоритъ Фаустъ; „За то ихъ *мелочныхъ* отрадъ не суждено мнѣ *болѣ* знать“, переводитъ г. Головановъ. Фаустъ говоритъ „мѣсяцъ“, г. Головановъ прибавляетъ „одинокій“; Фаустъ говоритъ: „О, если бы я могъ съ твоимъ милымъ лучомъ подняться на вершины горъ, парить съ духами вокругъ пещеръ, рѣять по лугамъ въ твоей мглѣ“, въ переводѣ читаемъ:

О, еслибъ къ высямъ *дальнымъ*, горнымъ,
Съ лучомъ твоимъ я могъ летѣть,
Въ горахъ нестись *туманомъ чернымъ*
И милою надъ землей висѣть,
Съ тѣнями *рѣзвыми* носиться и т. д.

Извѣстный стихъ: „Das ist deine Welt! das heisst eine Welt“ показался переводчику недостаточно выразительнымъ; онъ перевелъ его: „Вотъ онъ, вотъ, Фаустъ,—міръ весь твой, *вселенной жалкая замѣна*!“ Еще болѣе извѣстный—„Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust“, г. Головановъ передаетъ: „Ахъ, двѣ души, *двѣ жизни, двѣ любви* живутъ во мнѣ“... Особенно любопытнымъ намъ показалось одно мѣсто. Гретхенъ въ тюрьмѣ говоритъ:

Sie singen Lieder auf mich! Es ist bös von den Leuten!
Ein altes Märchen endigt so,
Wer heisst sie's deuten?

Больше ничего. Въ переводѣ:

Въ народѣ про меня слагать
Ужъ пѣсни начали... За что же?
Зачѣмъ такъ люди злы, о Боже?
Хотя знавала въ старину
Я сказку древнюю одну,
Что такъ оканчивалась тоже,
Да кто мнѣ скажетъ, что она
О мнѣ нарочно сложена?

Въ результатѣ: восемь стиховъ вмѣсто трехъ, и въ уста Маргариты вмѣсто ея трагической, простой, сжатой жалобы вложена водянистая рацея, безконечно далекая отъ оригинала. Не мудрено, что весь новый русскій „Фаустъ“ вышелъ раза въ полтора *длиннѣе* нѣмецкаго; за то это и не „Фаустъ“, а, выражаясь словами переводчика, его „жалкая замѣна“...

Объясненіе великаго произведенія искусства должно вытекать изъ опредѣленнаго, единаго, самостоятельнаго воззрѣ-

нія на него. Съ этой точки зрѣнія надо смотрѣть на „обширные комментаріи" г. Голованова, „составленные по Юрьеву, Дюнцеру, Каро, Куно Фишеру, Карьеру, Бойезену и многимъ другимъ".

Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія. Томъ второй. Русская литература XVII и XVIII в. в. Томъ третій, часть первая. Русская литература XVIII и XIX в. в. Изд. Сабашниковыхъ. Москва, 1898 г.

О покойномъ Тихонравовѣ говорили, что онъ „создалъ школу". Вѣроятно, въ связи съ этимъ рѣдкимъ достоинствомъ на долю его трудовъ выпала рѣдкая для русскихъ научныхъ работъ удача: превосходное посмертное изданіе, какое могутъ исполнить только ученики. Здѣсь собраны его статьи, среди которыхъ лишь немногія извѣстны читателямъ: нѣкоторыя изъ нихъ впервые появляются въ печати, другія разсѣяны по разнымъ старымъ, мало доступнымъ изданіямъ. Лежащіе предъ нами два тома этого собранія прежде всего наводятъ на старую и вѣчно печальную мысль о пропасти между русскимъ читателемъ и русскимъ ученымъ: Тихонравовъ также принадлежалъ къ числу тѣхъ выдающихся ученыхъ, которые, не смотря на полную общедоступность и чрезвычайную содержательность своихъ сочиненій, считаются въ публикѣ сухими спеціалистами и извѣстны ей только по имени. Между тѣмъ достаточно слегка ознакомиться съ литературнымъ наслѣдіемъ покойнаго профессора московскаго университета, чтобы видѣть, что оно должно стать достояніемъ самаго обширнаго круга читателей. Тихонравовъ былъ однимъ изъ самыхъ убѣжденныхъ представителей того научнаго толка, для котораго жизнь литературы менѣе всего исчерпывается ея оффиціальной, показной стороной. Горячій противникъ „эстетической" точки зрѣнія въ исторіи литературы съ ея „аристократическимъ масштабомъ критики", онъ даже утрировалъ пренебреженіе къ ея „праздному удивленію литературнымъ корифеямъ"; онъ относился къ эпохѣ эстетическаго взгляда настолько отрицательно, что заставилъ встать на его защиту одного изъ своихъ некрологистовъ — г. Пыпина, котораго едва ли кто либо заподозритъ въ излишнемъ пристрастіи къ эстетическому критерію и который, однако, вынужденъ былъ напомнить, что для своего времени эстетическіе разборы являлись у насъ самой настоятельной необходимостью: они научили общество понимать художественные элементы въ литературѣ, они заключали въ себѣ оцѣнку Пушкина и защиту Гоголя, они—не становясь еще въ разрѣзъ съ своей сущностью, — выяснили впервые общественное значеніе литературы. Но для эпохи начала

дѣятельности Тихонравова, пятидесятыхъ годовъ, эстетика въ исторіи литературы была, дѣйствительно, анахронизмомъ. Было очевидно, что для полноты исторической картины необходимо занять ее не только торжественно введенными въ пантеонъ безсмертія „представителями", общепризнанными „звѣздами": необходимо изучить тѣ литературныя формы, которыя живутъ и „глухо волнуются подъ поверхностью оффиціальной литературы". Понявъ научное значеніе этой неизвѣстной области, связавъ съ ея изученіемъ рѣшеніе важнѣйшаго изъ интересовавшихъ его вопросовъ — вопроса о вліяніяхъ, подъ которыми развивалась наша литература — онъ очутился въ положеніи, совершенно неподходящемъ для человѣка столь широкой обобщающей мысли: частныя изслѣдованія еще не были произведены, и ему пришлось взять ихъ на себя. Результаты, добытые имъ здѣсь, были по истинѣ драгоцѣнны: общая структура исторіи русской литературы стала представляться въ совершенно иномъ видѣ; дѣлать эпоху Петра точкой ея дѣленія на періоды стало невозможнымъ, такъ какъ симптомы того раздвоенія, той борьбы стараго идеала съ новымъ, наиболѣе яркимъ выраженіемъ которыхъ была петровская реформа, оказывались уже въ XVI вѣкѣ настолько сильными, что здѣсь приходилось видѣть поворотный пунктъ въ движеніи русской литературы. Понятіе литературы представлялось ему чрезвычайно широкимъ—въ нее входила для него вся совокупность идейныхъ движеній, нашедшихъ словесное выраженіе; но онъ зналъ цѣну также формальнымъ ея элементамъ и иногда дѣлалъ въ высокой степени любопытныя и неожиданныя замѣчанія о связи формы съ содержаніемъ. Передъ нами, напримѣръ, два ряда памятниковъ, довольно схожихъ по содержанію: сатирическія произведенія XVI вѣка, во первыхъ прогрессивныя и во-вторыхъ раскольничьи; ихъ общая основа—протестъ противъ извѣстнаго порядка, предметы обличенія часто тождественны; но въ исходной точкѣ ихъ отрицательнаго отношенія къ дѣйствительности—глубокое различіе, и это различіе отражается на самой формѣ произведеній. „У этихъ людей несвободнаго сознанія, обрекшихъ себя добровольному китаизму въ сферѣ умственной и религіозной (раскольниковъ), сатира никогда не могла получить той художественной формы, той полноты содержанія, которыя бываютъ слѣдствіемъ свободнаго стремленія къ идеалу". И удачно выбранная цитата изъ раскольничьей сатиры ярко характеризуетъ ея грубость и безсодержательность.

Какой нибудь излюбленной, узкой области изслѣдованія не было у Тихонравова — онъ началъ съ древнѣйшихъ па-

мятниковъ и кончилъ Тургеневымъ. Предметы его монографій были чрезвычайно разнообразны и, такъ какъ основой ихъ всегда служили новооткрытые памятники, выборъ ихъ производилъ впечатлѣніе случайности; могло казаться, что изслѣдователемъ руководятъ только результаты его знакомства съ той или иной древней рукописью. Но руководящая нить, за которой онъ слѣдовалъ въ своихъ изысканіяхъ и которая связываетъ его разрозненные труды въ одно цѣлое, указана однимъ изъ его учениковъ и впослѣдствіи товарищемъ — В. О. Ключевскимъ. Предметомъ спеціальнаго вниманія его былъ одинъ вопросъ, вопросъ трудный и сложный и „выступающій изъ рамокъ исторіи литературы въ тѣсномъ смыслѣ"—„вопросъ о двухъ вліяніяхъ, византійскомъ и западномъ, которыя одно за другимъ особенно сильно подѣйствовали не только на нашу литературу, но и на весь складъ жизни нашего общества". Отсюда—его чрезвычайный интересъ къ отреченной литературѣ, къ изслѣдованію вопроса, что вносила она въ народную мысль, какія формы принимала въ народномъ сознаніи, на которое вліяла, конечно, гораздо сильнѣе литературы общепризнанной, казовой.

Народная жизнь, выдвинутая на первый планъ научными соображеніями, была полна для Тихонравова глубокаго интереса также въ связи съ его культурно общественными воззрѣніями; онъ выросъ въ той атмосферѣ сороковыхъ годовъ, о лучшемъ выразителѣ которой съ скорбнымъ благоговѣніемъ вспоминаетъ въ эти дни вся Россія. И, въ сущности, трудно сказать, что было первой причиной протеста Тихонравова противъ барскаго презрѣнія къ народной литературѣ—убѣжденіе въ ея научномъ значеніи или его чистый, демократическій идеалъ.

Вышедшіе томы собранія статей Тихонравова обработаны редакторами изданія весьма тщательно. Обращеніе къ его рукописямъ дало возможность не только дополнить и кой гдѣ исправить уже напечатанныя статьи, но также ознакомить читателей съ изслѣдованіями, доселѣ ненапечатанными. „Здѣсь прежде всего надо назвать статью о Жуковскомъ, которая представляетъ много новаго, какъ въ общей оцѣнкѣ поэта, такъ и въ отдѣльныхъ подробностяхъ". Найдены также біографія Кострова, статья „Гоголь и Пушкинъ", двѣ статьи о Гнѣдичѣ, а также студенческія работы Тихонравова (III т. ч. 2). Во второмъ томѣ исправлены и дополнены по рукописямъ статьи „Квиринъ Кульманъ" и „Московскіе вольнодумцы начала XVIII вѣка". Оригинальная фигура перваго, полупомѣшаннаго мистика, явившагося въ 1689 году въ Москву проповѣдовать свои фантастическія мечтанія, нашла въ русскомъ ученомъ блестящаго портретиста. Чистый обликъ

наивнаго въ своемъ фанатизмѣ энтузіаста ярко вырисовывается на мрачномъ фонѣ до-петровской Руси, которая жестоко расправилась съ нимъ, не смотря на то, что онъ искалъ прозелитовъ только среди своей братьи—протестантовъ: „А въ распросѣ и съ пытки въ тѣхъ во всѣхъ еретическихъ дѣлахъ винился и по его великаго государя указу за то воровство онъ, Квиринко, съ книгами и съ письмами богомерзкими сожженъ".

Изъ другихъ статей этого тома отмѣтимъ жизнеописаніе боярыни Морозовой, въ приложенія къ которому напечатаны извѣстныя письма протопопа Аввакума, и работы по исторіи русскаго театра. Второй томъ занятъ почти исключительно небольшими статьями біографическаго характера. Цѣльныя изслѣдованія жизни и дѣятельности посвящены здѣсь только дѣятелямъ второстепеннымъ, какъ Е. И. Костровъ, В. Г. Рубанъ, Ѳ. В. Ростопчинъ, нѣмецкіе профессора московскаго университета Баузе, Буле и др. Статьи о писателяхъ болѣе крупныхъ—Жуковскомъ, Пушкинѣ, Гоголѣ, Тургеневѣ —заняты отдѣльными частностями. Исключенія не составляетъ большая статья о Жуковскомъ, вся посвященная разбору книги Загарина. Особенно пріятной новостью является въ этомъ томѣ біографія Н. И. Новикова—первая по времени (1855) научная монографія о злополучномъ издателѣ „Трутня", остававшаяся до сихъ поръ неизвѣстной даже большинству спеціалистовъ.

У. Дж. Эшли. Экономическая исторія Англіи въ связи съ экономической теоріей. Переводъ Н. Муравьева подъ редакціей Д. М. Петрушевскаго. Изданіе М. И. Водовозовой. М. 1897.

Книга Эшли, на родинѣ автора вышедшая уже третьимъ изданіемъ, по справедливости пользуется почетною репутаціей въ исторической литературѣ и появленіе ея на русскомъ языкѣ нельзя не признать вполнѣ своевременнымъ, особенно въ виду интереса, обнаруживаемаго за послѣдніе годы нашимъ обществомъ къ вопросамъ экономической исторіи. Въ нашей литературѣ имѣется, правда, уже нѣсколько цѣнныхъ самостоятельныхъ и переводныхъ трудовъ по соціально-экономической исторіи Англіи, но всѣ они были посвящены лишь отдѣльнымъ эпизодамъ этой исторіи, не давая полнаго ея изображенія. Книга Эшли въ значительной мѣрѣ заполняетъ этотъ пробѣлъ. Въ ней читатель найдетъ ясное и обстоятельное изложеніе важнѣйшихъ явленій экономической жизни Англіи съ XI по XVI столѣтіе. Сравнительно менѣе подробно разработана авторомъ первая часть его книги, охватывающая XI—XIV вѣка. Авторъ изображаетъ здѣсь первоначальную ор-

ганизацію англійскаго помѣстья (мэнора) и сельской общины, равно какъ перемѣны, послѣдовавшія въ этой организаціи подъ вліяніемъ перехода сельскаго населенія отъ издѣльной повинности на оброкъ. Далѣе онъ прослѣживаетъ развитіе наряду съ сельскимъ хозяйствомъ хозяйства городского, организованнаго въ формѣ купеческихъ и ремесленныхъ гильдій, которыя, возникши въ XI—XIII вв., достигли своего апогея въ XIV столѣтіи, и указываетъ, какъ эта новая форма хозяйства, первоначально не имѣвшая еще капиталистическаго характера, способствовала расширенію рынка, тѣмъ самымъ подготовляя измѣненіе стараго экономическаго строя. Выясненіе экономическихъ теорій эпохи, идей, которыми руководились церковь и государство въ области экономическихъ отношеній, и тѣхъ способовъ, при помощи которыхъ эти идеи осуществлялись въ жизни, составляетъ содержаніе послѣдняго отдѣла этой части труда англійскаго изслѣдователя, богатой содержаніемъ при всей своей сравнительной краткости. Не мало важныхъ дополненій къ развитымъ здѣсь положеніямъ даетъ вторая часть книги, посвященная періоду съ XIV по XVI вѣкъ. Въ ней авторъ представляетъ обстоятельную характеристику средневѣкового городского строя Англіи съ его хозяйственными особенностями, рисуетъ его упадокъ въ XVI в. и изображаетъ развитіе въ этомъ періодѣ промышленности, совершавшееся первоначально въ рамкахъ системы гильдій, которую затѣмъ смѣнила система домашней промышленности. Ранѣе всего переходъ къ этой послѣдней системѣ подъ вліяніемъ развитія торговаго класса и капитала совершился, какъ извѣстно, въ шерстяной промышленности, на исторіи которой Эшли и останавливается въ виду этого съ особою подробностью. Съ меньшею уже тщательностью излагаетъ онъ далѣе исторію перемѣнъ за данный періодъ въ области сельскаго хозяйства, перемѣнъ, совершавшихся въ результатѣ перехода землевладѣльцевъ отъ пахатнаго хозяйства къ пастбищному и сложившихся въ цѣлую аграрную революцію, наиболѣе яркимъ выраженіемъ которой послужили огораживанія земель лордами. Впрочемъ, отдѣльныя частности этого процесса огораживаній, много разъ уже подвергавшагося изслѣдованію, находятъ себѣ у Эшли оригинальное освѣщеніе, расходящееся съ наиболѣе распространенными взглядами. Исторію собственно экономическихъ измѣненій авторъ заканчиваетъ изложеніемъ перемѣнъ, происшедшихъ въ системѣ общественной благотворительности и всецѣло вызванныхъ, по его мнѣнію, потрясеніемъ всего прежняго соціальнаго и экономическаго строя. Наконецъ, послѣдній отдѣлъ и этой части посвященъ разбору экономическихъ ученій изслѣдуемаго періода, причемъ авторъ съ большимъ искусствомъ и остроуміемъ слѣдитъ, какъ по-

степенно развивалось и осложнялось первоначально очень простое ученіе церкви объ экономическихъ отношеніяхъ, приспособляясь къ развитію этихъ послѣднихъ. Въ скромныхъ предѣлахъ настоящей замѣтки мы не можемъ, конечно, дать сколько-нибудь обстоятельный разборъ содержанія книги Эшли. Не можемъ не сказать лишь въ заключеніе, что особенный интересъ ей придаетъ стремленіе автора не отрывать экономическихъ явленій отъ ихъ соціальной почвы и, изображая англійскія отношенія, постоянно сравнивать ихъ съ аналогичными отношеніями западно-европейскаго материка. Русскій переводъ книги вообще хорошъ и лишь изрѣдка встрѣчаются въ немъ шероховатыя и неудобопонятыя фразы.

Д. С. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложеніе принциповъ доказательства въ связи съ методами научнаго изслѣдованія. Перев. съ англ. С. И. Ершова подъ редакціей В. П. Ивановскаго. Книга третья (1-я половина). М. 1898.

Положительная логика Дж. Ст. Милля. Ея основныя начала и научная постановка. Общедоступное изложеніе подъ редакц. А. П. Федорова. Спб. 1898. Ц. 75 к.

„Система логики“ Дж. Ст. Милля пользуется такою громкою извѣстностью, что рекомендовать ее публикѣ было-бы совершенно излишне. Прекрасный переводъ этой книги, сдѣланный Резенеромъ подъ редакціей П. Лаврова, сталъ уже давно библіографическою рѣдкостью. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленіе новаго изданія этой классической книги. При этомъ нужно замѣтить, что прежній переводъ (появившійся въ 1865—1867 гг.) былъ сдѣланъ съ 5-го англійскаго изданія, а новый съ 10-го; окончательный текстъ былъ установленъ Миллемъ въ восьмомъ изданіи (1872 г.) послѣднемъ при жизни автора. Намъ остается только замѣтить, что переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно.

Совсѣмъ иначе придется отозваться о „Положительной логикѣ“, якобы общедоступномъ изложеніи Милля, сдѣланномъ подъ редакціей какого-то А. П. Федорова. Это одна изъ тѣхъ псевдо-популярныхъ брошюрокъ, которыя въ послѣднее время, къ сожалѣнію, стали появляться довольно часто, преподнося людямъ, стремящимся къ самообразованію, пищу весьма сомнительнаго свойства. Прежде всего эти „популяризаторы“, будучи сами не слишкомъ свѣдущи въ излагаемомъ имъ предметѣ, относятся къ дѣлу чисто механически, т. е. выхватываютъ по нѣсколько строкъ изъ каждой страницы и, затѣмъ, съ бѣдой пополамъ связываютъ эти строки общими фразами. Какъ мало они заботятся о настоящей популяризаціи (а можетъ быть, и какъ мало они способны къ ней) лучше

всего видно изъ того, что они не пытаются даже писать понятнымъ языкомъ. Такъ, напр., на стр. 82 разсматриваемой брошюры читаемъ: „Воля... это антецедентъ... движеніе нашего тѣла—консеквентъ". Что это,—г. популяризаторъ не хотѣлъ или не умѣлъ перевести слова „антецедентъ" и „консеквентъ"? Между тѣмъ, если слово „антецедентъ" и употребляется въ *не популярныхъ* книгахъ, то слово „консеквентъ" даже и тамъ не употребляется. Изъ всей книги Милля вырванъ одинъ только отдѣлъ—индукція (т. е. книга третья), да и она изложена крайне неполно, сбивчиво и неточно. Остальныя пять книгъ („Система логики", какъ извѣстно, раздѣлена на шесть книгъ) выброшены за бортъ совершенно, если не считать 16-ти страничекъ, въ которыхъ „популяризаторъ" предлагаетъ читателямъ винигретъ изъ нѣкоторыхъ другихъ отдѣловъ книги Милля. За то „изложенію" предшествуетъ обширная (52 стр., т. е. треть брошюры) статья: „Логика, какъ наука". Эта статья принадлежитъ давно умершему П. А. Бибикову, извѣстному переводчику Адама Смита, Мальтуса, Кабаниса и другихъ классическихъ авторовъ, писателю, не имѣвшему никакого самостоятельнаго значенія. Зачѣмъ понадобилось выкапывать эту старую и совершенно ненужную статейку, это издательская тайна, которая была-бы намъ понятна только въ томъ случаѣ, если-бы со дня смерти Бибикова прошло болѣе 50 лѣтъ—срокъ, послѣ котораго каждое печатное произведеніе можетъ быть издано безъ вознагражденія наслѣдниковъ автора.

Ремке, I. Очеркъ исторіи философіи. Пособіе для самообразованія и для студентовъ. Перев. съ нѣмецк. Н. Лосскаго подъ редакц. Я. Колубовскаго. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к. Изданіе О. Н. Поповой.

Въ подлинникѣ книга Ремке появилась въ 1896 году. Ея появленіе было съ большимъ сочувствіемъ отмѣчено философскими журналами Европы и Америки. Библіографическія замѣтки, посвященныя этими журналами книгѣ Ремке, были вообще весьма кратки, потому что авторъ не пытается установить новые взгляды на излагаемыхъ имъ философовъ и не даетъ новыхъ матеріаловъ. Но за то журналы отмѣтили замѣчательную ясность изложенія и полную безпристрастность автора. Свой взглядъ на философію авторъ высказываетъ въ небольшомъ (одна страница) предисловіи, изъ котораго мы узнаемъ, что, по мнѣнію автора, „предметъ" философіи есть „міръ вообще", а „ея цѣль—истинное воззрѣніе на жизнь и на міръ. Задача философіи—установить общія опредѣленія всей дѣйствительности, вслѣдствіе чего философія называется всеобщею или основною наукою; она задается цѣлью отвѣ-

тить на общіе вопросы, касающіеся міра или дѣйствительности вообще". Установивши въ предисловіи свой взглядъ на философію, авторъ превращается затѣмъ въ хорошо освѣдомленнаго и безпристрастнаго повѣствователя, излагающаго отвѣты философовъ отъ Θалеса до Лотце. Періодъ съ 600 года до Р. Х. (т. е. отъ Θалеса, родившагося въ 620 году до Р. Х.) по 1600 годъ послѣ Р. Х. авторъ называетъ древнею философіей. Бекономъ (1561—1626), Гоббсомъ (1588—1679) и Декартомъ (1596—1650) начинается новая философія, которая излагается нашимъ авторомъ до Лотце включительно.

Книга Ремке можетъ считаться прекраснымъ пособіемъ для самообразованія; жаль только, что она отличается неполнотою. Исторія философіи, въ которой не удѣлено мѣста не только Дж. Ст. Миллю, но даже и Огюсту Конту,—не можемъ считаться полною. Если въ *изложеніи* ученій различныхъ философовъ Ремке и обнаружилъ то безпристрастіе, за которое его хвалятъ, то *умолчаніемъ* о Миллѣ и о Контѣ онъ совершилъ очевидное нарушеніе безпристрастія.

Книги, поступившія въ редакцію.

Собраніе сочиненій **К. Д. Кавелина**. Томъ второй. Публицистика. Съ портретомъ автора, вступительной статьей В. Д. Спасовича и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова. Спб. 98. Ц. 3 р. 50 к.

Сочиненія **Н. С. Тихонравова**. Томъ первый. Древняя русская литература. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 98.

Полное собраніе стихотвореній **А. В. Кольцова**. Съ портретомъ и рисунками въ текстѣ. Изданіе Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла. Одесса 98. Ц. 10 к.

Владиміръ Шуффъ. Свароговъ. Романъ въ стихахъ. Съ иллюстраціями. Спб. 98. Ц. 1 р.

Н. Д. Агриковъ. Сборникъ стихотвореній. М. 98. Ц. 40 к.

В. Быстренинъ. Сказки жизни. М. 98. Ц. 50 к.

В. Быстренинъ. Житейскія были. Очерки и разсказы. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. М. 98. Ц. 1 р. 25 к.

К. В. Назарьева. Дорогой цѣной. Романъ. Спб. 98. Ц. 1 р.

В. Лысакъ. Подорожникъ. Разсказы. М. 98. Ц. 80 к.

Θ. Э. Ромеръ. Сказки и правда. Изданіе О. К. Куманиной. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Генріетта Карргрэмъ. Въ крѣпости Небывалой. Разсказъ изъ военнаго быта. Спб. 98.

А. Волжскій. Семья Каплюшкиныхъ. (Сцены изъ московской жизни). М. 98. Ц. 1 р.

В. Сѣрошевскій. Въ сѣтяхъ. Повѣсть. Съ 19 иллюстраціями. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 80 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Въ глуши. Повѣсти и разсказы. Изданіе Д. П. Ефимова и М. В. Клюкина. М. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Въ дорогѣ. Очерки и разсказы. Изданіе Д. Ефимова и М. Клюкина. М. 98. Ц. 1 р.

А. Додэ. Опора семьи. Романъ. Переводъ съ франц. С. Леонтьевой. Спб. 98. Ц. 1 р.

Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи **А. Л. Соколовскаго**. 1894—1898. Восемь томовъ. Ц. 10 р. Каждый томъ отдѣльно 1 р. 25 к.

Поль Бурже. О возрастахъ любви. Переводъ съ франц. Спб. 98. Ц. 20 к.

Катуллъ Мендесъ. О поцѣлуяхъ. Переводъ съ франц. Спб. 98. Ц. 10 к.

Библіотека нашихъ дѣтей. Съ иллюстраціями. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб. 98. Волшебныя сказки **Перро** въ переводѣ Е. В. Лавровой: Спящая красавица. Ц. 4 к. Волшебница. Ц. 2 к. и 5 к. Мальчикъ съ пальчикъ. Ц. 5 к. и 10 к. Золушка. Ц. 4 к. и 10 к. Котъ въ сапогахъ. Ц. 4 к. и 10 к. Синяя борода. Ц. 3 к. и 5 к. **Эркманъ-Шатріанъ**. Сокровище стараго герцога. Ц. 15 к.—**Р. Домбръ**. Императоръ и разбойникъ. Ц. 3 к.—Ивонна. По разсказу **А. Байи**. Ц. 4 к.—Отецъ и сынъ. **А. Байи**. Ц. 3 к.—Чудесная прялка. Ц. 3 к.—Путешественникъ Н. М. Пржевальскій. Біографическій очеркъ **П. И. Мамаева**. Ц. 10 к.

Кіевское общество грамотности. Изданіе С. В. Кульженко. Кіевъ 98. № 1. Днѣпръ и приднѣпровье. **С. Р.** Ц. 10 к. № 2. Прычынна. Утоплена. Русалка. Марьяна. Поэмы **Шевченко**. Ц. 7 к. № 3. О вредѣ сифилиса и о мѣрахъ къ его предупрежденію. Врача **Доценко**. Ц. 3 к.

Бернардъ Тенъ Бринкъ. Лекціи о Шекспирѣ. Съ нѣмецкаго. И. Д. Городецкаго. Изданіе журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 98. Ц. 40 к.

Жанъ-Жакъ Руссо и его философія. Проф. **Г. Геффдинга**. Переводъ съ нѣм. Л. Давыдовой. Съ портретомъ Руссо. Изданіе журнала «Образованіе». Спб. 98. Ц. 50 к.

Гербертъ Спенсеръ. **Отто Гаупа**. Переводъ съ нѣм. подъ редакціей А. Острогорскаго. Съ портретомъ Спенсера. Изданіе журнала «Образованіе». Спб. 98. Ц. 50 к.

Германъ Тюркъ. Философія эгоизма. Ницше, Ибсенъ и Штирнеръ. Переводъ съ нѣм. съ предисловіемъ А. Ч. Спб. 98. Ц. 20 к.

Гаральдъ Гефдингъ. Этика или наука о нравственности. Переводъ подъ редакціей Л. Е. Оболенскаго. Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 98. Ц. 1 р. 75 к.

И. В. Поповъ. Самоубійство. Этико-психологическій очеркъ. Сергіевъ Посадъ 98. Ц. 25 к.

Элементарный курсъ психологіи. Руководство для воспитателей. (По Карре и Ликье). **Л. П. Никифорова**. Изданіе журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 98. Ц. 25 к.

Джемсъ Селли. Основы общедоступной психологіи и ея примѣненія къ воспитанію. Переводъ съ англ. М. Ш. подъ редакціей Л. Е. Оболенскаго. 2-е изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 97. Ц. 1 р. 35 к.

Гипнотизмъ, его теоретическія основы и практическое примѣненіе въ общедоступномъ изложеніи **Альберта Молля**. Переводъ д-ра Д. Г. Фридберга. Спб. 98. Ц. 2 р. 80 к.

Д-ръ Адольфъ Майеръ. Ученіе о питаніи земныхъ растеній, изложенное въ 25 лекціяхъ. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія студентовъ московскаго сельско-хозяйственнаго института подъ редакціей проф. С. И. Ростовцева. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 98. Ц. 3 р. 25 к.

Лекціи современныхъ нѣмецкихъ клиницистовъ, издаваемыя Ю. Гольденбахомъ. Современное лѣченіе чахоточныхъ больныхъ и государственное о нихъ попеченіе. Проф. **Е. фонъ Лейдена.** М. 98. Ц. 20 к.

Бани и ванны, ихъ устройство, гигіеническое значеніе и историческое развитіе. **В. И. Зуева.** Съ 65 рис. чертежами въ текстѣ. Одесса 98. Ц. 2 р.

Л. Г. Луговскій. Поѣздка на сѣверъ Тобольской губ. съ цѣлью врачебно-санитарнаго осмотра рыбопромышленныхъ заведеній въ 1896 г. Тобольскъ. 97.

Гигіена дѣтей. **А. Н. Филиппова,** приватъ доцента дѣтскихъ болѣзней въ московскомъ университетѣ. Съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Филатова. Съ 30 рис. М. 98. Ц. 2 р.

Деморъ, Массаръ и Фандерфельде. Регрессивная эволюція въ біологіи и соціологіи. Переводъ съ франц. подъ редакціей Д. Коропчевскаго и В. Фаусека. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Франческо С. Нитти. Народонаселеніе и общественный строй. Переводъ съ франц. подъ редакціей Д. Коропчевскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Зинченко. Женщина адвокатъ (По Луи Франкъ). Спб. 98. Ц. 80 к.

Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи. 25 очерковъ **П. Ганзена.** Спб. 98. Ц. 1 р.

Исторія первобытнаго человѣчества. **М. Гернеса.** Переводъ съ нѣм. съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Березина. Съ 45 рис. 2-е изд. журнала „Образованіе“. Спб. 98. Ц. 50 к.

Ж. Летурно. Эволюція рабства. Переводъ съ франц. З. Н. Журавской. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Отдѣлъ Н. А. Рубакина. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. **П. Кампфмейера.** Переводъ съ нѣм. А. М. Гердъ подъ редакціей П. Струве. Изданіе журнала «Образованіе». Спб. 98. Ц. 60 к.

М. Т. Моргулисъ. Историческіе этюды (Гилель, Акиба.) Изданіе Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Одесса. 98. Ц. 50 к.

Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ. По Г. Шлюмберже. **М. Н. Ремезова.** М. 98. Ц. 50 к.

I. Шерръ. Переселеніе народовъ. Переводъ съ нѣм. М. А—кой. Спб. 98. Ц. 20 к.

Сергѣй Шумаковъ. Матеріалы для исторіи Рязанскаго края. Вып. I. Обзоръ рязанскихъ актовъ 1356—1757 гг. Рязань. 98.

Е. С. Шумигорскій. Екатерина Ивановна Нелидова. Очеркъ изъ исторіи императора Павла. Спб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Николай Сперанскій. Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 98. Ц. 1 р.

Новая русская педагогія, ея главнѣйшіе идеи, направленія и дѣятели. **П. Каптерева.** Изданіе журнала «Русская Школа». Спб. 98. Ц. 80 к.

Педагогическіе курсы 1898 г. въ г. Полтавѣ. Составилъ руководитель курсовъ Д. И. Тихомировъ. Полтава. 98.

Жонво. Женское образованіе въ Америкѣ. Переводъ съ франц. Подъ редакціей Н. Зинченко. Спб. 98. Ц. 20 к.

Начальное народное образованіе въ Тульской губ. въ 1896—97 учебномъ году. Изданіе тульскаго губернскаго земства. Тула. 98.

Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчеты 1897 г. М. 98

Новый фазисъ въ дѣятельности земства по народному образованію. **И. П. Бѣлоконскій.** (Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія»). М. 98.

Народные учителя и учительницы въ Тульской губ. Историко-статистическій очеркъ гр. **П. С. Шереметева.** Тула. 98.

О нормальныхъ школьныхъ разстояніяхъ и о мѣрахъ, которыми населеніе старается облегчить дѣтямъ отдаленныхъ отъ школы мѣстностей пользованіе училищами. Составилъ **В. А. Переплетчиковъ.** Изданіе Московскаго Общества Грамотности подъ редакціей В. П. Вахтерова. М. 98. Ц. 10 к.

Отчетъ о дѣятельности Воронежской Коммиссіи народныхъ чтеній за 1896—97 годъ. Воронежъ. 98.

Отчетъ С.-Петербургскаго Общества содѣйствія физическому развитію за 1897 г. Спб. 98.

Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Отчетъ за 1896—97 г. Спб. 98.

Примѣрный каталогъ для учительскихъ библіотекъ. Изданіе Коммиссіи по народному образованію тульскаго губернскаго земства. Тула. 98.

Высочайше разрѣшенный 2-й съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. 1895—96. Секція IX общихъ вопросовъ. Части I и II. Издано подъ редакціей В. П. Вахтерова. Секція X. Школьная гигіена и физическія упражненія. Издано подъ редакціей А. Д. Соколова. М. 98.

Пятый и шестой годовые отчеты правленія общества для пособія учащимся въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. Нижняго Новгорода. Н. Новгородъ. 98.

Десятилѣтіе харьковской общественной библіотеки. Харьковъ. 98.

Докладъ и отчетъ по типографіи и книжному складу саратовскаго губернскаго земства. Саратовъ. 98.

Гр. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. Историческія справки. 7-е дополненное изданіе. Съ 12-ю портретами. М. 98. Ц. 2 р. 50 к.

Н. А. Бѣлоголовый. Воспоминанія и другія статьи. 3-е изданіе. Съ 9-ю портретами. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Б. А. Шпаковскій. На судъ общественный. Правда объ одесской психіатрической эпопеѣ. Одесса 98. Ц. 85 к.

Въ свою защиту. Проф. Казанскаго университета **Г. Ф. Шершеневича.** Казань. 98.

Проф. Н. А. Карышевъ. Матеріалы по русскому народному хозяйству. I. Наша фабрично-заводская промышленность въ половинѣ 90-хъ годовъ. Съ 5 картограммами. (Оттискъ изъ Извѣстій московскаго сельско-хозяйственнаго института) М. 98. Ц. 70 к.

Александръ Фроловъ. Деньги земледѣльческой страны. Спб. 98.

Вопросы сельскаго хозяйства. **И. Рева.** Кіевъ. 98.

А. Совѣтовъ и Н. Адамовъ. Матеріалы по изученію русскихъ почвъ. Вып. одиннадцатый. Спб. 98.

Князь Н. Волконскій. Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. Рязань. 98.

Опытъ изслѣдованія по оцѣнкѣ земель въ двухъ межевыхъ дачахъ Полтавской губ. Изданіе Полтавскаго губернскаго земства. Полтава. 97.

Опытъ выработки нормъ для оцѣнки неземельныхъ имуществъ. Вып. I. Изданіе самарскаго губернскаго земства. Самара. 98.

Сельско-хозяйственный обзоръ Самарской губ. за 1896—97. Вып. I. Изданіе губернской земской управы. Самара. 98.

Сельско-хозяйственный обзоръ Самарской губ. за 1897—98 г. Вып. I. Изданіе самарской губернской земской управы. Самара. 98.

Переселенцы и переселенческое дѣло въ Бирскомъ и Мензелинскомъ уѣздахъ Уфимской губ. (2-я половина). Уфа. 98.

Уставъ закавказскаго отдѣла общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. Тифлисъ. 98.

Московское общество сельскаго хозяйства. Петербургское отдѣленіе комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Отчетъ постоянной коммиссіи по дѣламъ потребительныхъ обществъ за 1897 годъ. Спб. 98. Ц. 50 к.

Объ устройствѣ въ Макарьевѣ (Костромской губ.) кустарно-ремесленнаго товарищества для закупки и сбыта сапожнаго товара. **Н. И. Александровъ.** Спб. 98.

Н. А. Кузнецовъ. Прошлое Ростова. Ростовъ-на-Дону 98. Ц. 25 к.

Annales de l'institut international de sociologie. Tome IV. P. 98. Prix. 10.

Dictionnaire phraséologique de la langue française à l'usage des français et des russes. Par A. Pachalery. Odessa. 97.

Изъ Франціи.

Вотъ и снова знакомыя сцены и обычныя картины выборной агитаціи. На стѣнахъ домовъ и заборахъ, фонтанахъ и другихъ монументахъ, порою даже на фонарныхъ столбахъ и деревьяхъ, словомъ вездѣ, гдѣ только могла пройтись проворная кисть изобрѣтательныхъ расклейщиковъ, пестрѣютъ желтыя, красныя, зеленыя, голубыя, трехцвѣтныя и иныхъ всевозможныхъ оттѣнковъ афиши съ именами кандидатовъ, которые, не смотря на латинскую этимологію своего названія (candidatus=candidus), какъ разъ не могутъ печатать свои заявленія на бѣлой бумагѣ: этотъ цвѣтъ невинности монополизированъ правительственными и административными актами, и типографщикъ, осмѣлившійся оттиснуть частную афишу на обыкновенной бумагѣ, подлежитъ штрафу въ 100 франковъ на основаніи закона 28-го іюля 1791 г. За то каково разнообразіе

цвѣтовъ кандидатской прозы! Какая роскошь этой своеобразной флоры, которая успѣваетъ разростись даже тамъ, гдѣ домовладѣлецъ оберегаетъ отъ нея свои стѣны крупной надписью «здѣсь воспрещается клеить афиши» (Défense d'afficher), надписью, подкрѣпляемой указаніемъ на административные громы, каковые заключаются въ полицейскомъ предписаніи отъ 4 августа 1836 г. Теперь время горячее, выборное, военное время, и ужъ, конечно, à la guerre comme à la guerre!..

Попробуйте въ самомъ дѣлѣ угоняться за расклейщиками борющихся кандидатовъ, которые (рѣчь, конечно, идетъ о расклейщикахъ, а не о самихъ кандидатахъ), ни свѣтъ ни заря, съ ведромъ клея въ одной рукѣ, кистью въ другой, тюкомъ афишъ въ холщевомъ мѣшкѣ, а порою и съ прихваченной на всякій случай лѣстницей, проворно обѣгаютъ кварталъ своихъ кандидатовъ и ухитряются налѣпить афиши въ самыхъ невозможныхъ мѣстахъ. И чѣмъ ближе подходитъ время выборовъ, тѣмъ горячѣе идетъ эта клейка. Вслѣдъ за афишами, просто-на-просто повторяющими гипнотизма ради безчисленное множество разъ имя кандидата, появляются подробныя кандидатскія программы, манифесты избирательныхъ комитетовъ, взаимныя обвиненія и опроверженія соперничающихъ кандидатовъ; и наконецъ, наканунѣ самыхъ выборовъ, лихорадочно расклеиваемыя предостереженія: «избиратели, остерегайтесь маневровъ послѣдняго часа» (méfiez vous des manoeuvres de la dernière heure!) Избирательные комитеты, вымывъ предварительно грязное' бѣлье по семейному, на частныхъ засѣданіяхъ единомышленниковъ, и остановившись на наиболѣе подходящемъ кандидатѣ, организуютъ собранія избирателей (куда обыкновенно допускаются лишь лица, имѣющія право вотировать) или же публичные митинги, если разсчитываютъ на популярность протежируемыхъ ими гражданъ. Различные кандидаты развиваютъ здѣсь свои программы, зачастую подъ перекрестнымъ огнемъ вопросовъ, которые ставятся имъ тутъ же избирателями, желающими позондировать политическое направленіе мѣтящаго въ депутаты, и словесный турниръ между соперничающими партіями порою заканчивается кулачными и палочными аргументами, единственнымъ средствомъ противъ которыхъ является обыкновенно завертываніе газовыхъ рожковъ и погруженіе залы собранія въ доисторическую ночь хаоса. Въ этомъ случаѣ аргументація со всѣми ея невещественными и вещественными орудіями переносится на улицу, и граждане договариваются и додираются подъ открытымъ небомъ, теряя свой послѣдній избирательный пылъ среди пинковъ блюдущихъ порядокъ полицейскихъ, которые авторитетно взываютъ: расходитесь, расходитесь! (circulez, circulez!)...

Справедливость заставляетъ, впрочемъ, меня замѣтить, что, вопреки мнѣнію благонамѣренной прессы, сваливающей избирательные безпорядки на политическую невоспитанность массъ, въ ны-

нѣшнемъ году по части драки отличаются до сихъ поръ (если не считать полу-дикой Алжиріи) представители имущихъ и правящихъ классовъ. Я упомяну лишь о свалкѣ между оппортунистами и радикалами на одномъ изъ избирательныхъ собраній, организованныхъ въ Шерскомъ департаментѣ княземъ д'Аранберъ (d'Arenberg); о звонкомъ обмѣнѣ пощечинъ между солиднѣйшимъ руководителемъ «Journal des Débats», Франсисомъ Шармомъ, и однимъ изъ сіятельныхъ пріятелей маркиза де-Кастелланъ, его политическаго противника въ Кантальскомъ департаментѣ; о безрезультатной дуэли на пистолетахъ между де-Рамелемъ и барономъ Буго (въ департаментѣ Гаръ), тоже двумя соперничающими кандидатами, сыгравшими словно въ воланъ эпитетами «лгунъ» и «клеветникъ».

Печать, само собою разумѣется, раздѣляетъ это общее волненіе и является даже однимъ изъ самыхъ могущественныхъ органовъ распространенія избирательной горячки. Всѣ газеты, выражаясь безсмертной фразой нашего Глѣба Успенскаго, участвуютъ «въ числѣ драки»; двѣ трети любой изъ нихъ заняты теперь прямо или косвенно выборами, восхваленіями дружественныхъ кандидатовъ и нападеніями на кандидатовъ враждебнаго лагеря. Рекомендую особенно читателю обратить вниманіе на избирательный отдѣлъ въ «Фигаро», гдѣ на третьей и четвертой страницахъ нѣкій г. Поль Боскъ надрывается ежедневно въ потугахъ дешевого остроумія, силясь превознести до небесъ кандидатовъ «прогрессивной» (т. е., по теперешней терминологіи, реакціонной) партіи и укусить ихъ противниковъ... Словомъ, «купите моего медвѣдя», какъ непочтительно выражаются скептики, присутствующіе при этомъ зазываніи въ лавочку каждой изъ различныхъ борющихся партій. А что скептиковъ, отрицательно относящихся къ современному французскому парламентаризму, теперь набралось немало, это кидается въ глаза каждому, мало мальски внимательному наблюдателю здѣшней жизни. Не надо лишь забывать, что въ этомъ обширномъ хорѣ отрицанія замѣчается цѣлая гамма различныхъ нотъ и оттѣнковъ критики, начиная съ ненависти къ представительному строю со стороны приверженцевъ реакціи, которымъ претитъ самая идея свободнаго обсужденія общественныхъ дѣлъ, и кончая презрѣніемъ къ парламентаризму со стороны анархистовъ, которые видятъ въ этой системѣ гигантскій фарсъ, какъ разъ, молъ, препятствующій истинному распоряженію народа своими судьбами...

Кризисъ парламентаризма и будетъ на сей разъ предметомъ моей статьи: я постараюсь въ ней, насколько могу, указать читателю на тѣ стороны представительнаго режима, которыя въ настоящее время всего болѣе подвергаются критикѣ и осужденію людьми, участвующими въ политической жизни страны, или, по крайней мѣрѣ, наблюдающими ее. Само собою разумѣется, что я ограничиваюсь при этомъ лишь разсмотрѣніемъ того, какъ функціонируетъ парламентаризмъ при наличныхъ условіяхъ третьей республики.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ переносить цѣликомъ выводы, полученные при изученіи какой-нибудь данной среды, въ другую среду и пользоваться ими для оцѣнки несходныхъ условій.

Я позволю себѣ разсказать по этому поводу читателямъ слѣдующій анекдотъ, за подлинность котораго я ручаюсь. Лѣтъ около пятнадцати тому назадъ, значительная часть республиканцевъ въ печати и палатѣ вела ожесточенную кампанію противъ несмѣняемости судей *), которые достались республикѣ по наслѣдству отъ прежняго режима и большинство которыхъ, пользуясь своимъ прочнымъ положеніемъ, стали открыто въ борьбѣ правительства противъ религіозныхъ корпорацій на сторону послѣднихъ. Какъ извѣстно, не успѣвъ устранить принципъ этой несмѣняемости, кабинетъ Ферри побудилъ палату вотировать временную пріостановку принципа, и министръ юстиціи, Мартэнъ-Фейлльe, законопроектъ котораго прошелъ въ парламентѣ 7-го августа 1883 г., немедленно же заставилъ подать въ отставку наиболѣе ярыхъ реакціонеровъ между судьями. Но передовые республиканцы остались недовольны этой полумѣрой и указывали на противорѣчіе между самымъ принципомъ несмѣняемости судей и общимъ характеромъ демократіи, гдѣ все подлежитъ выборамъ и перемѣнѣ въ соотвѣтствіи съ желаніями «верховнаго властелина—народа». Какъ разъ въ это самое горячее время во Францію пріѣхалъ одинъ русскій умѣренно-либеральный и умѣренно умный профессоръ. Начитавшись въ своихъ учебникахъ насчетъ «великаго начала несмѣняемости», онъ никакъ не могъ оріентироваться въ нахлынувшей на него массѣ впечатлѣній и вопросовъ, поднятой полемикой между республиканцами и монархистами, и обращался къ французамъ съ просьбой разъяснить ему, почему наиболѣе передовыя партіи осмѣливаются поднимать дерзновенную руку на вѣчные и незыблемые принципы несмѣняемости или, какъ выражался онъ, на «палладіумъ магистратуры». Тщетно его знакомые пытались объяснить ему, что несмѣняемость не можетъ считаться такимъ основнымъ началомъ, безъ котораго немыслимо цивилизованное общество; что при иныхъ условіяхъ эта несмѣняемость можетъ сослужить полезную службу, напр., въ случаѣ слабаго развитія чувства законности въ какой-нибудь отсталой странѣ, гдѣ царитъ произволъ; но что эта же несмѣняемость является полнѣйшимъ анахронизмомъ въ странѣ всеобщей подачи голосовъ и демократической организаціи власти; и т. д., и т. д.

Всѣ эти объясненія пропускались мимо ушей почтеннымъ защитникомъ вѣчныхъ и незыблемыхъ принциповъ умѣреннаго либе-

*) Во Франціи, за исключеніемъ мировыхъ судей, судебный персоналъ несмѣняемъ: судьи въ трибуналахъ первой инстанціи, въ аппеляціонныхъ судахъ (соотвѣтствующихъ нашимъ судебнымъ палатамъ) и въ кассаціонномъ судѣ могутъ быть устранены отъ должности лишь по рѣшенію кассаціоннаго суда, функціонирующаго въ этомъ случаѣ какъ верховный совѣтъ (Conseil supérieur) магистратуры.

рализма, и какъ онъ пріѣхалъ во Францію съ «палладіумомъ» въ головѣ, такъ съ «палладіумомъ» и уѣхалъ, отрясая пыль съ ногъ своихъ на эту удивительную страну, въ которой истинными либералами показались ему реакціонеры, а реакціонерами передовые демократы. Мораль этого сказанія о русскомъ профессорѣ и французской агитаціи противъ несмѣняемости, очевидно, та, что отнюдь не слѣдуетъ торопиться принимать за вѣчный принципъ временное историческое явленіе, какъ не слѣдуетъ разсматривать такое явленіе независимо отъ породившихъ его условій. Это значитъ въ примѣненіи къ предмету настоящей корреспонденціи, что моя критика французскаго парламентаризма нисколько не является критикой парламентаризма, функціонирующаго при другихъ историческихъ условіяхъ; это, значитъ, также, что, являясь громаднымъ шагомъ впередъ по сравненію съ прежними режимами, парламентаризмъ не можетъ считаться окончательной идеальной формой политическаго общежитія, и что уже въ рамкахъ его развиваются и зрѣютъ элементы болѣе живого и непосредственнаго участія людей въ коллективной жизни и дѣятельности. Я попробую вмѣстѣ съ читателемъ присмотрѣться къ этой интересной политической эволюціи, въ которой процессъ разрушенія зашелъ уже довольно далеко, тогда какъ процессъ созиданія пока лишь намѣчается.

Начну съ того, что представлю нѣсколько примѣровъ отрицательнаго или критическаго отношенія къ различнымъ сторонамъ французскаго парламентаризма, какъ это проявляется между политическими дѣятелями и простыми наблюдателями современной жизни. Вотъ, напр., какъ заканчиваетъ свою недавнюю книжку, изображающую послѣдніе «сто лѣтъ внутренней политики», Андрэ Лебонъ, министръ колоній въ теперешнемъ кабинетѣ и типъ средняго политическаго дѣятеля современной республики:

> Въ дѣйствительности, начиная съ событій весны 1885 г. (авторъ имѣетъ въ виду паденіе кабинета Ферри), не возникло ни одной сильно сърганизованной политической партіи и мало главъ правительства произвели глубокое и прочное вліяніе на страну; не видно даже, чтобы всеобщая подача голосовъ имѣла точное понятіе о томъ, чего она можетъ ждать отнынѣ отъ своихъ правителей, или чтобы она рѣшилась дать имъ энергичный толчокъ. Франція однако живетъ и мирно развивается въ сторонѣ и какъ бы внѣ политическихъ треволненій: удаляясь отъ глубокихъ потрясеній 1789 г. и великихъ доктринальныхъ споровъ половины этого вѣка, она, кажется, привыкаетъ мало-по-малу *искать въ общественной жизни лишь искусство преслѣдовать свои интересы подъ прикрытіемъ свободы* *).

Парламентарные радикалы въ родѣ Буржуа пришли въ большое негодованіе отъ этихъ цинично-откровенныхъ словъ. Мнѣ же это признаніе представляется драгоцѣннымъ документомъ для психологіи теперешнихъ, такъ называемыхъ, «прогрессистовъ», которые,

*) André Lebon, Cent ans d'Histoire intérieure 1789—1895; Парижъ, 1898, стр. 331—332.

очевидно, не даютъ себѣ даже отчета, до какой степени опасно для современнаго парламентаризма заявленіе его представителей относительно того, что современная политическая жизнь сама по себѣ, а вся прочая коллективная дѣятельность страны сама по себѣ; и что теперь дѣло идетъ для Франціи лишь о прикрытіи свободой различныхъ интересовъ.

Хотите знать, какъ другой представитель «прогрессивной» партіи, одна изъ знаменитостей ея, а именно Рэмонъ Пуанкарэ, оцѣниваетъ характеръ современной французской политики. Упомянувъ о томъ, что Гамбетта въ 1873 г. возлагалъ большія надежды на республиканскую политику, Пуанкарэ продолжаетъ:

Но и въ 1898 г., четверть вѣка спустя, политика, какъ видно, не сдѣлалась наукой нравственнаго распорядка, способной воздѣйствовать на умъ, а въ особенности достойной руководить совѣстью. Она не освободилась окончательно отъ интригъ и хитростей; она не одинъ разъ безъ всякаго стыда уступала духу подкупности, и, будучи вынуждена пресмыкаться среди безчестныхъ и вѣроломныхъ маневровъ, она не могла до сихъ поръ подняться до высоты общей доктрины. Позволительно думать, что нѣкоторыя плохо понятыя и перетолкованныя идеи Гамбетты были не совсѣмъ неповинны въ этой унизительной судьбѣ политики, и что оппортунизмъ, желая уберечься отъ иллюзій соціальной метафизики, черезчуръ часто грѣшилъ неопредѣленностью метода и посредственностью пріемовъ... Всѣ понимаютъ, или, вѣрнѣе, всѣ чувствуютъ, что это паденіе политики является началомъ національной опасности. Общее безпокойство выражается въ неясныхъ или банальныхъ формулахъ: «Надо покончить съ этимъ. Что-то сломалось. Такъ дѣло не можетъ идти далѣе»... Депутаты... намѣрены держать въ своихъ рукахъ правительство. Оно принадлежитъ имъ, потому что они не оставили его (въ минуту опасности въ палатѣ). Административныя власти, зависящія отъ правительства, являются, вполнѣ логично съ этой точки зрѣнія, добычей и вещью депутатовъ. Префекты, судьи, инженеры, профессора всякаго рода,—словомъ, въ любомъ округѣ Франціи нѣтъ ни одного чиновника, который не подслуживался бы къ депутату и не находился бы въ полнѣйшей зависимости отъ него. Революція провозгласила, что никакая часть народа и никакой человѣкъ не могутъ присвоить себѣ верховной власти. Но нѣсколько сотенъ человѣкъ присвоиваютъ ее себѣ безъ всякой ложной скромности, и каждый изъ нихъ, смотрясь на себя въ зеркало, полагаетъ, что видитъ въ немъ образъ всей націи *).

Тутъ, какъ видите, главный недостатокъ современной системы усматривается въ томъ, что депутаты представляютъ собою господъ всей націи. Но другіе наблюдатели, указывая на упомянутый недостатокъ, еще болѣе подчеркиваютъ противоположный и всетаки связанный съ первымъ недостатокъ системы, а именно, что господа

*) Raymond Poincaré, Vues politiques въ апрѣльскомъ № «La Revue de Paris», 1898, стр. 638—639 et 643. Цитируемый нами журналъ помѣстилъ на своихъ столбцахъ, въ виду предстоящихъ выборовъ, статьи о политическомъ положеніи дѣлъ, написанныя представителями четырехъ различныхъ группъ въ палатѣ: Пуанкарэ выражаетъ взгляды умѣренныхъ республиканцевъ, Буржуа радикаловъ, Кошэнъ монархистовъ и Жоресъ соціалистовъ.

націи являются вмѣстѣ съ тѣмъ прислужниками ея, готовыми исполнять малѣйшіе капризы своихъ избирателей. Пусть читатель развернетъ недавній романъ изъ политической жизни, написанный Жоржемъ Леконтомъ подъ заглавіемъ «Лакеи» и изображающій жалкую роль депутатовъ въ современномъ режимѣ: трудно представить что либо болѣе плачевное въ системѣ французскаго парламентаризма! Чисто художественные недостатки или, если хотите, довольно умѣренныя достоинства общей фабулы романа искупаются нѣсколькими яркими типами современныхъ политическихъ дѣятелей и живымъ изображеніемъ парламентарной среды. Въ особенности центральная фигура романа, добродушный провинціальный докторъ Денизо, попавшій въ депутаты, является свирѣпой, но въ общемъ правдивой каррикатурой на средняго «представителя народа» современной Франціи:

...Нашъ Денизо былъ такъ же чуждъ жизни идей, какъ былъ чуждъ и всей общественной жизни нашего времени. Онъ не былъ знакомъ ни съ кѣмъ и ничего не зналъ. Никакая общая идея не доходила до его мозга съ тѣмъ, чтобы оживить его. Въ сущности, это былъ жалкій приказчикъ, утомленный своей работой, мучимый заботами о томъ, какъ бы сохранить свое мѣсто, меланхоличный бюрократъ, который приводилъ въ порядокъ парламентарныя бумажонки, оффиціальныя газеты и отчеты о засѣданіяхъ, который переписывалъ письма и занимался лишь сплетнями своего бюро въ палатѣ и капризами депутатской фортуны. Вы могли бы спросить его, помимо парламентарной рутины, о комъ и о чемъ угодно: онъ не имѣлъ ровно никакого понятія ни о людяхъ, ни объ идеяхъ, ни о вещахъ. Замкнувшись въ своемъ молчаливомъ кварталѣ, не читая и не выходя, онъ былъ совершенно въ сторонѣ отъ жизни и мысли. И этотъ-то невѣжественный человѣкъ ограниченнаго ума, въ плѣну у своихъ собственныхъ предразсудковъ и у предразсудковъ своихъ избирателей, смущаемый обязательствами, шедшими въ разрѣзъ съ его принципами, мучимый упреками своей совѣсти честнаго человѣка, неспособный отнынѣ, вслѣдствіе своихъ избирательныхъ интересовъ, имѣть мужество своихъ мнѣній,—этотъ-то человѣкъ участвовалъ въ верховномъ управленіи Франціей! И такихъ, какъ онъ, было двѣсти или триста, съ тѣми же ужасами, тѣми же мученіями, тѣми же трусливыми грѣхами противъ совѣсти, — рабовъ своего невѣжества и рабовъ своихъ избирателей, по истинѣ лакеевъ! *)

Надо замѣтить, что тѣ невѣроятныя на первый взглядъ вещи, которыя авторъ разсказываетъ о подвигахъ Денизо, скопированы съ натуры: если въ романѣ Леконта этотъ депутатъ пріискиваетъ бойкую лавку для сына одного изъ своихъ вліятельныхъ избирателей, желающаго обосноваться торговцемъ въ Парижѣ, то въ дѣйствительности немало депутатовъ ради популярности исполняютъ самыя невозможныя порученія выбравшихъ ихъ земляковъ, напр., отыскиваютъ имъ кормилицъ, покупаютъ для нихъ столовые и чайные сервизы въ столичныхъ магазинахъ, справляются о лучшихъ

*) George Lecomte, «Les Valets. Roman contemporain»; Парижъ, 1897, стр. 106.

модисткахъ въ Парижѣ, и т. п. Въ послѣдней палатѣ такихъ властелиновъ-лакеевъ націи насчитывался не одинъ десятокъ, и иные между ними слыли за самыхъ распорядительныхъ, а главное даровыхъ коммиссіонеровъ своихъ избирателей.

Хотите, наконецъ, рядомъ съ комедіей индивидуальной психологіи депутата присмотрѣться къ трагизму стадной психологіи различныхъ борющихся въ парламентѣ партій, разверните послѣдній романъ Золя «Парижъ», въ которомъ грузный, но мощный талантъ автора рисуетъ намъ, между прочимъ, впечатлѣніе, производимое палатой на свѣжаго человѣка (неисправимаго идеалиста аббата Пьера Фромана):

Вся старинная зараженная рана выставляла здѣсь на показъ свой ядъ. Медленное гніеніе парламентаризма разрослось и захватывало общественный организмъ. Конечно, надъ міромъ этихъ низкихъ интригъ и свалки личныхъ честолюбій, шла высшая борьба принциповъ, двигалась исторія, расчищая съ дороги обломки прошлаго, стараясь приготовить для будущаго больше истины, больше справедливости и счастія. Но на практикѣ и если смотрѣть лишь на ужасную ежедневную стряпню, что за разнузданность эгоистическихъ аппетитовъ, что за исключительная потребность задушить сосѣда и восторжествовать самому! Тамъ, между нѣсколькими группами, велась лишь безпрестанная борьба за власть и удовлетворенія, доставляемыя ею. Лѣвая, правая, католики, республиканцы, соціалисты, двадцать различныхъ оттѣнковъ партій представляли собой только ярлыки, распредѣлявшіе по различнымъ классамъ ту же самую жгучую жажду управлять и господствовать. Всѣ вопросы умалялись и сводились только къ одному вопросу, кто, этотъ, другой или третій будетъ держать въ своихъ рукахъ Францію, чтобы извлекать изъ нея наслажденія, чтобы расточать свои щедроты кліентамъ своихъ креатуръ. И, что всего хуже, крупныя битвы, дни и недѣли, потерянные на то, чтобы замѣстить такого-то такимъ-то, а этого въ свою очередь тѣмъ-то, приводили къ самому нелѣпому топтанью на одномъ мѣстѣ, ибо и тотъ, и другой, и третій стоили другъ друга, и между ними были лишь смутныя различія, такъ что новый владыка занимался той же стряпней, какъ и старый, фатально забывая о программахъ и обѣщаніяхъ, лишь только начиналъ царствовать... Ахъ, что за дѣло старому бѣдняку, который околѣваетъ съ голода на тряпкахъ, что ему за дѣло до того, свалилъ-ли Мэжъ министерство Барру, или сталъ-ли у власти кабинетъ Виньона. Если такъ дѣло будетъ идти, то понадобится сто—двѣсти лѣтъ, чтобы нашелся хлѣбъ въ жалкихъ сараяхъ, гдѣ хрипятъ, умирая, инвалиды труда, старыя заѣзженныя вьючныя животныя. И вся голытьба, весь бѣдный и обездоленный людъ находился въ агоніи, вопіялъ о справедливости, въ то время, какъ палата на одномъ изъ крупныхъ засѣданій волновалась вопросомъ, кому будетъ принадлежать нація и кто пожретъ ее. Грязь переливалась черезъ края, омерзительная, кровавая и разъѣдающая язва безстыдно распласталась наружи, словно ракъ, пожирающій организмъ и захватывающій уже сердце. И что за тошнота при этомъ зрѣлищѣ, и каково желаніе мстительнаго ножа, который принесъ бы здоровье и радость *)!

Можно было бы умножить до безконечности цитаты, въ родѣ

*) Emile Zola «Paris»; Парижъ, 1898, стр. 69—70.

вышеприведенныхъ, въ которыхъ выражается отрицательное отношеніе французовъ къ современному парламентаризму. Но для нашей цѣли достаточно и предыдущихъ. Общественное мнѣніе третьей республики грѣшитъ скорѣе изобиліемъ, чѣмъ скудостью критикъ, направленныхъ противъ современнаго режима. Его критикуютъ умѣренные республиканцы, стараясь «упорядочить», канализировать парламентарную дѣятельность; и его же не щадятъ libertaire'ы въ родѣ изображенныхъ въ послѣднемъ романѣ Золя, уже цѣликомъ отбрасывая самый принципъ его, какъ не достаточно широкій, искренній и дѣйствительный. Я, конечно, не говорю о здѣшнихъ крайнихъ реакціонерахъ, которые отрицаютъ парламентаризмъ, но сами же чувствуютъ, что не въ силахъ вернуть страну къ такому режиму во всей его чистотѣ, и вздыхаютъ, и ропщутъ, и горько плачутся на невозможность осчастливить согражданъ этой идилліей всеобщаго спокойствія...

Повторяю, о такихъ утопистахъ прошлаго можно и не распространяться: они составляютъ небольшую и съ каждымъ днемъ тающую горсть людей. Гораздо опаснѣе для современаго строя тѣ чувства усталости и разочарованія, которыя, помимо представителей интеллигенціи, начинаютъ охватывать все болѣе и болѣе широкіе слои населенія. Возьмите, напримѣръ, процентъ воздерживающихся отъ голосованія: во время горячей борьбы республиканцевъ противъ монархистовъ въ 1877 г., эта пропорція равнялась 18,7% всѣхъ избирателей; въ 1889 г., не смотря на эпидемію буланжизма, она уже возрасла до 23,4%; на выборахъ 1893 г. дошла до 30%, и есть департаменты, въ которыхъ три пятыхъ избирателей упорно отказываются положить въ урну свой избирательный бюллетень, могущій съ успѣхомъ замѣнить, какъ говорятъ еще до сихъ поръ передовые республиканцы, пулю баррикадной революціи. Положимъ, большинство воздерживающихся принадлежитъ къ болѣе индифферентнымъ имущимъ группамъ населенія, и именно это обстоятельство озабочиваетъ вожаковъ «прогрессивной» партіи, которые опираются на эти консервативные элементы и боятся, какъ бы ихъ воздержаніе не дало частнаго торжества болѣе дѣятельнымъ и болѣе радикальнымъ слоямъ. Этимъ, замѣчу мимоходомъ, объясняется назрѣвающая теперь между «людьми порядка» мысль ввести обязательное голосованіе подъ опасеніемъ штрафа уклоняющихся (см., между прочимъ, рѣчь Поля Дешанэля, вице-президента палаты). Но и между рабочимъ населеніемъ крупныхъ центровъ, которое отличается гораздо большею отзывчивостью на политическія злобы дня, равнодушіе и апатія замѣтно усилились.

Возьмите хотя бы предстоящіе выборы. Несомнѣнно, что тѣ сцены и картины, съ которыхъ я началъ свою статью, свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ возбужденіи парижскаго населенія. Но, за исключеніемъ трехъ—четырехъ округовъ, во всемъ этомъ идейное увлеченіе, страсть, энтузіазмъ играютъ небольшую роль. Наруж-

нымъ образомъ избиратели (я говорю въ особенности о членахъ организованныхъ партій) какъ будто и заинтересованы результатомъ надвигающейся «консультаціи страны». Но станете вы говорить по душѣ съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, и послѣ обычныхъ банальныхъ фразъ насчетъ того, что «все идетъ хорошо» и что выборы дадутъ «рѣшительное торжество» такимъ-то и такимъ-то принципамъ, изъ устъ вашего собесѣдника вырвется скептическая фраза относительно постояннаго круженія страны на одномъ и томъ же мѣстѣ и даже почти съ тѣми же фигурами политическаго персонала,—словомъ, какъ поется въ популярной французской пѣсенкѣ для малыхъ дѣтей:

Les petites marionettes
Font, font, font
Trois petits tours
Et puis s'en vont!...

Нечего закрывать глаза на это пессимистическое настроеніе большинства населенія, которое какъ будто начинаетъ совершенно извѣриваться въ возможность рѣшенія общественныхъ задачъ путемъ парламентаризма; безполезно и негодовать на это политическое маловѣріе. Постараемся лучше разобраться въ причинахъ этого явленія. Чѣмъ болѣе я вдумываюсь въ данный вопросъ, тѣмъ болѣе я склоненъ отыскивать упомянутыя причины въ томъ, что большая публика смѣшиваетъ въ одно, по крайней мѣрѣ, три различныя функціи парламентаризма и, видя несостоятельность одной изъ нихъ, распространяетъ свое отрицаніе на парламентаризмъ вообще. Эти три функціи, по моему мнѣнію, таковы: служить показателемъ и выразителемъ господствующаго общественнаго сознанія въ данный моментъ; удовлетворять интересамъ, потребностямъ и неотложнымъ вопросамъ современности; являться школой будущихъ, болѣе совершенныхъ формъ коллективной человѣческой дѣятельности. Лишь вторая изъ этихъ функцій неудовлетворительно выполняется представительнымъ строемъ, и мы скоро увидимъ, что не по его винѣ; что же касается до первой и третьей, то въ этомъ отношеніи парламентаризмъ имѣетъ рѣшительное преимущество надъ политическими формами старой Франціи.

Итакъ, функція первая. Въ этомъ пунктѣ большинство возраженій сводятся главнымъ образомъ къ утвержденію, будто парламентаризмъ (я разумѣю здѣсь, конечно, французскій парламентаризмъ, основанный на выборѣ представителей всеобщей подачей голосовъ) есть крайне грубое и несовершенное орудіе для выраженія общественнаго мнѣнія. Посмотрите, молъ, отъ какого сравнительно незначительнаго большинства голосовъ зависитъ выборъ того, а не иного депутата; обратите вниманіе далѣе на то, какое сильное меньшинство можетъ при этомъ не быть представлено въ палатѣ; примите въ разсчетъ крупную пропорцію лицъ, которыя,

даже и при всеобщемъ голосованіи, не имѣютъ права участвовать въ выборахъ или же фактически воздерживаются отъ этого участія; не забудьте также, что, при суммировкѣ голосовъ, голосъ какого нибудь знаменитаго ученаго и голосъ невѣжественнаго поденщика, голосъ солиднаго и состоятельнаго человѣка и голосъ бѣдняка, которому нечего терять, совершенно равноцѣнны, вопреки здравому смыслу и справедливости и т. д., и т. д.

Въ отвѣтъ на такія возраженія я позволю себѣ начать какъ разъ съ обратнаго утвержденія, а именно, что въ общемъ парламентаризмъ является крайне точнымъ, можно, пожалуй, сказать, математическимъ инструментомъ для опредѣленія господствующаго настроенія въ странѣ. Я бы сравнилъ его съ очень чувствительнымъ манометромъ, показывающимъ напряженіе пара въ гигантскомъ котлѣ... общественной жизни. Колебанія ртути въ этомъ манометрѣ, ея, повидимому, причудливые скачки вверхъ и внизъ означаютъ именно тонкость этого инструмента, и страненъ показался бы намъ машинистъ, который, разгнѣвавшись на эти якобы капризы аппарата, разбилъ бы драгоцѣнный инструментъ подъ предлогомъ несовершенства и рѣшилъ бы на собственный глазомѣръ да постукиваніемъ въ стѣнки котла опредѣлить упругость движущей силы. Франція не разъ видала, какъ такіе любители глазомѣра взлетали на воздухъ вмѣстѣ съ машиной. Но оставимъ эти аллегоріи и присмотримся къ возраженіямъ противъ парламентаризма, какъ показателя мнѣнія страны.

Дѣйствительные недостатки его въ этомъ отношеніи легко устранимы и устранимы какъ разъ путемъ расширенія его, а не съуженія. Если всеобщая подача голосовъ, какъ она функціонируетъ во Франціи, даетъ часто перевѣсъ сравнительно незначительному большинству, если сильное меньшинство не представлено въ парламентѣ, кто мѣшаетъ странѣ гарантировать это представительство (какъ, напримѣръ, это существуетъ для коммунальныхъ выборовъ въ Бельгіи)? Если всеобщая подача голосовъ, не смотря на свое названіе, лишаетъ избирательныхъ правъ значительныя группы подвижного населенія и цѣлую половину взрослыхъ жителей, то какое препятствіе въ самомъ принципѣ парламентаризма Франція найдетъ, положимъ, для того, чтобы отмѣнить для избирателей условіе шестимѣсячнаго пребыванія въ данномъ городѣ или коммунѣ (вещь, направленную, очевидно, противъ наиболѣе текучихъ слоевъ рабочаго населенія), или дать право голоса женщинамъ? Замѣтьте, эта реформа даже и во Франціи не можетъ считаться крайне от-

право голоса должно быть распространено на женщинъ: того требуютъ новыя условія экономической жизни; работница, подобно рабочему, должна войти въ политическую сферу современнаго города, какъ она вошла въ его экономическую сферу *).

*) См. въ уже цитированномъ апрѣльскомъ номерѣ «Revue de Paris» статью Жореса, особенно на стр. 380—381.

даленной и утопической. Я не говорю о представителяхъ передовой мысли, которые, подобно Жоресу, прямо заявляютъ:

Но недавно одинъ консервативный органъ задался тѣмъ же вопросомъ о допущеніи женщинъ къ выборамъ, хотя мотивировалъ эту реформу желаніемъ «опереться въ XX-мъ вѣкѣ на охранительные инстинкты женщинъ въ борьбѣ противъ разрушительныхъ силъ демагогіи». Вотъ и прекрасно: будущее покажетъ, въ какую сторону пойдутъ женщины; но пока для большей точности всеобщей подачи голосовъ она должна быть расширена, какъ о томъ уже начинаютъ раздаваться отдѣльныя требованія въ передовомъ и въ консервативномъ лагеряхъ.

Что касается до людей, которые воздерживаются отъ участія въ выборахъ, то развѣ самый этотъ актъ воздержанія не является элементомъ общественнаго настроенія, и элементомъ, какъ разъ очень удачно отмѣчаемымъ при помощи манометра всеобщей подачи голосовъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается первая роль парламентаризма? Выразить преобладающія, имѣющія извѣстную живучесть стремленія въ обществѣ, не такъ-ли? Но изъ кого слагается громадное большинство воздерживающихся? Изъ общественныхъ индифферентистовъ, которымъ дѣла нѣтъ до того, какъ и кѣмъ управляется страна, и которые подъ предлогомъ, что отдѣльный голосъ мало значитъ, не хотятъ даже потратить какого нибудь часа на всю операцію вотировки, не хотятъ, не смотря на всевозможныя увѣщанія и упреки, расточаемые по адресу такихъ лѣнивыхъ гражданъ многочисленными «руководствами для избирателей», напримѣръ:

Воздержаніе недостойно гражданина. Тотъ, кто не вотируетъ, низводитъ себя до уровня людей, которыхъ законъ лишаетъ политическихъ правъ за преступленіе **).

Ясно, что если мнѣніе такихъ избирателей не находитъ себѣ выраженія въ представительномъ строѣ въ силу самаго ихъ воздержанія, то это какъ разъ говоритъ въ пользу точности региструющаго аппарата: тѣ желанія, стремленія и потребности, которыя не достаточно энергичны, чтобы заявить о своемъ существованіи, и не могутъ претендовать на включеніе ихъ въ число живыхъ общественныхъ силъ. Что касается до воздержанія идейнаго, въ родѣ, положимъ, того, которое пропагандируется анархистами, то его значеніе въ практическомъ смыслѣ равно до сихъ поръ нулю. По странной ироніи обстоятельствъ, именно въ нынѣшнемъ году, когда воздержаніе индифферентистовъ прокидывается особенно замѣтно, анархисты (можетъ быть, подъ вліяніемъ аналогичнаго движенія между итальянскими анархистами) выставили, наоборотъ, нѣсколько кандидатуръ протеста противъ современнаго режима и приглашаютъ товарищей «сосчитать на ихъ именахъ» число про-

---

*) «Livret d'électeur»; Парижъ, 1898, изд. Colin'a, стр. 4.

тивниковъ парламентаризма, т. е. пользуются для его принципіальнаго отрицанія его же пріемами.

Остается возраженіе относительно возмутительнаго якобы равенства во Франціи голоса поденщика и голоса ученаго, голоса бѣдняка и голоса имущаго при избирательной вотировкѣ. Но было бы возмутительно именно противоположное правило: давать большій, такъ сказать, удѣльный вѣсъ голосу человѣка, который по самому своему положенію въ современномъ обществѣ, по самой своей сплошь и рядомъ принадлежности къ привиллегированному классу, и безъ того повертываетъ равнодѣйствующую общественныхъ силъ черезчуръ въ сторону своихъ классовыхъ интересовъ. Его соціальное положеніе дѣлаетъ его враждебнымъ по отношенію къ большинству трудящихся массъ. Посмотрите, что говоритъ по этому поводу не только одинъ изъ крупнѣйшихъ, но одинъ изъ благороднѣйшихъ мыслителей Франціи, которому приходилось сталкиваться и съ высшими, и съ низшими слоями общества:

Я замѣтилъ, что занятія, которымъ предаются люди, безконечно сильно вліяютъ на нихъ въ смыслѣ принятія ими филантропической морали или же, наоборотъ, эгоистическихъ мнѣній, такъ что тѣ, которые сталкиваются ежедневно съ наибольшимъ числомъ лицъ, въ особенности же изъ простого народа (classe du peuple), и болѣе склонны къ филантропіи, тогда какъ тѣ, которые живутъ изолированно въ силу своихъ занятій, или находятся существеннымъ образомъ въ сношеніяхъ съ богатымъ классомъ, впадаютъ въ эгоизмъ, развѣ что они получили отъ природы необыкновенно счастливую организацію *).

Ясно, что чѣмъ точнѣе долженъ выражать парламентаризмъ преобладающія стремленія цѣлаго общества, тѣмъ болѣе мы должны стоять за полнѣйшую равноцѣнность голосовъ избирателей, принадлежатъ ли они къ привиллегированному классу, или къ трудящемуся большинству. Вонъ Бельгія завела у себя по конституціи 1893 г. различные разряды избирателей, располагающихъ каждый отъ одного до трехъ голосовъ сообразно семейному, имущественному, образовательному положенію; и уже въ странѣ все крѣпчаетъ и крѣпчаетъ возмущеніе противъ этого избирательнаго неравенства!...

Насколько парламентаризмъ хорошо выполняетъ функцію показателя общественнаго сознанія, настолько же онъ плохо справляется съ функціей орудія коллективной воли. Всѣ возраженія главнымъ образомъ и направлены на этотъ пунктъ; на этой почвѣ и выростаютъ чувства усталости и разочарованія въ представительномъ режимѣ. Но тутъ является вопросъ: виноватъ ли въ этомъ

*) Saint-Simon, «Du système industriel»; цитирую по трехтомному брюссельскому изданію 1859 г. (Oeuvres choisies, t. III, стр. 34).

парламентаризмъ? не несетъ ли наоборотъ само общество отвѣтственность за недостатки режима? Помните, какъ Гейне объяснялъ однажды внутреннія противорѣчія своей поэзіи: «разрывъ прошелъ черезъ весь міръ; какъ же не разорваться было сердцу поэта, этому центру міра». Такъ и утомительную борьбу партій въ парламентѣ, переминанье и верченье на одномъ мѣстѣ, незначительность той соціальной равнодѣйствующей, которая остается для общественнаго прогресса за взаимнымъ уничтоженіемъ враждующихъ силъ,—все это приходится объяснять состояніемъ самого современнаго общества. Манометръ вещь прекрасная и необходимая, но не на манометрѣ ѣдешь, а на работѣ пара, дѣйствующаго на систему поршней, рычаговъ и колесъ. А знаете, какого рода машину представляетъ вторая, такъ сказать, движущая функція парламентаризма, или вѣрнѣе какимъ образомъ общество обращается съ этой машиной? Представьте себѣ, что одни изъ насъ занялись бы усиленнымъ подбрасываніемъ топлива въ печку, а другіе старались бы заливать уголья, третьи повертывали бы рукоятку, чтобъ идти впередъ, а четвертые съ неменьшимъ усердіемъ пытались бы пустить машину заднимъ ходомъ, тогда какъ еще другіе налегали бы изо всей силы на тормазы, а иные заваливали бы путь всякимъ мусоромъ. Согласитесь, что при такихъ условіяхъ скудость добытыхъ результатовъ, незначительность передвиженія, ровно бы ничего не говорила противъ доброкачественности самого механизма. А между тѣмъ именно подобнаго рода рѣшительный приговоръ произносится надъ парламентаризмомъ зачастую самими же членами современнаго, разорваннаго на различные куски общества.

Я воспользуюсь уже упомянутыми мною выше четырьмя программами, данными для Revue de Paris представителями различныхъ партій, для того, чтобы представить наглядно читателю, при какихъ трудныхъ обстоятельствахъ парламентаризму приходится дѣйствовать въ настоящемъ обществѣ. Ясно, что осязательность результатовъ опредѣляется согласіемъ различныхъ видовъ общественнаго мнѣнія по отношенію къ существеннымъ задачамъ современности. Но посмотрите, что общаго между взглядами разныхъ партій на эти важные вопросы. Остановлюсь на двухъ-трехъ примѣрахъ. Возьмемъ такую серьезную реформу, какъ общій и прогрессивный подоходный налогъ. Каково отношеніе къ ней различныхъ партій? Бывшій первый министръ радикальнаго кабинета, Буржуа, защищая проектъ подоходнаго налога, видитъ въ немъ осуществленіе «общественной солидарности» и «идеи братства» (Revue de Paris, стр. 466). Наоборотъ для «прогрессиста» Пуанкарэ эта реформа является «тріумфомъ логомахіи» и, будучи проведена, повлекла бы за собой (о горе! о ужасъ!) необходимость со стороны плательщика сдѣлать «общее заявленіе о своемъ имуществѣ и средствахъ существованія» (ibid., стр. 653). Жоресъ въ свою очередь готовъ не только присоединиться къ финансовой реформѣ Буржуа, но пойти

гораздо дальше и сдѣлать изъ нея одно изъ орудій осуществленія проекта, представленнаго соціалистами относительно пенсіи для всѣхъ безъ исключенія старыхъ рабочихъ, этого, какъ выражается авторъ, «священнаго долга государства» (ibid., стр. 576). Но монархистъ Дени Кошэнъ такъ перепуганъ подоходнымъ налогомъ, что объясняетъ, между прочимъ, этимъ страхомъ политику правой, которая, не смотря на всѣ свои великолѣпные монархическіе принципы, встала на защиту республиканскаго кабинета Мелина, лишь бы снова не допустить торжества «радикально-соціалистической коалиціи» (idld., стр. 514). Теперь я попрошу самого читателя опредѣлить, какая положительная равнодѣйствующая вытекаетъ изъ борьбы различныхъ группъ интересовъ и мнѣній, затронутыхъ налоговой реформой.

Хотите другой примѣръ? Возьмемъ общую политику правительства и его отношеніе къ представителямъ старыхъ католическихъ и реакціонныхъ партій. Со времени пресловутаго «новаго духа», провозглашеннаго въ 1893 г. Спюллеромъ, оппортунистская республика ускорила свое движеніе направо, и министерство Мелина очень откровенно кокетничаетъ съ папой заграницей и монархистами внутри. Какъ относятся къ этой эволюціи различныя парламентарныя партіи? Правительственные республиканцы, конечно, руки потираютъ и лишь стараются меньше говорить объ этомъ щекотливомъ вопросѣ, но за то больше дѣйствовать въ такомъ направленіи: Пуанкарэ обронилъ, напр., мимоходомъ два-три слова объ «одинаковомъ уваженіи къ религіознымъ вѣрованіямъ (читай католической реакціи!) и прерогативамъ гражданскаго общества» (стр. 649) и быстро переходитъ къ другимъ вопросамъ, надѣясь, что сторонники кабинета, посвященные въ таинства «прогресса» задомъ напередъ, поймутъ изъ одной этой строки, гдѣ зимуютъ раки, почтенныя существа, изображеніе которыхъ можетъ съ успѣхомъ явиться символомъ, политическимъ тотемомъ клана «прогрессистовъ». А вотъ, напр., клерикалъ и монархистъ Кошэнъ торжествуетъ, отмѣчая «многочисленныя добрыя намѣренія, направленныя» правительствомъ въ сторону «умиротворенія и взаимной терпимости» (стр. 511); но торжествуетъ скромно и, какъ подобаетъ ловкому партнеру, въ минорномъ тонѣ, жалуясь, что за такими намѣреніями не послѣдовало еще достаточныхъ «результатовъ»: отмѣните, молъ, республиканскіе законы, пока еще мѣшающіе клерикаламъ прибрать къ своимъ рукамъ народную школу, и тогда между нами и вами исчезнутъ послѣднія «причины раздѣленія» (стр. 512). Послушайте, наоборотъ, Буржуа: онъ находитъ, что умѣренные республиканцы уже слишкомъ далеко пошли въ сторону уступокъ клерикализму, и разсматриваетъ «вмѣшательство главы католической церкви во внутреннюю политику республики», какъ «близкую опасность для верховной власти всей націи» (стр. 463). Жоресъ, нако-

нецъ, такъ резюмируетъ, по поводу школьнаго вопроса, взгляды соціалистовъ на усиливающіяся претензіи католиковъ:

Относительно школы, это является вопросомъ общей политики, политики республиканской: дѣло идетъ о томъ, чтобы знать, будетъ-ли живящій духъ разума и свободы продолжать проникать народное образованіе. Мнѣ едва ли нужно говорить, что наша партія энергично отразитъ всѣ явныя и тайныя попытки клерикальной партіи. И кромѣ того, мы потребуемъ для учителей, для всѣхъ учителей безъ исключенія, гарантіи интеллектуальной свободы. Они не должны быть жертвами произвола префектовъ и политическихъ агентовъ. Также и для пролетаріата мы потребуемъ болѣе широкаго доступа къ высшему образованію *).

И опять таки, дорогой читатель, попробуйте выдѣлить равнодѣйствующую изъ различныхъ цитированныхъ нами мнѣній о такомъ важномъ вопросѣ, какимъ является общее направленіе внутренней политики.

Наконецъ, я позволю себѣ остановиться еще на одной реформѣ, которая въ данномъ случаѣ представляетъ особый интересъ для насъ, потому что она касается какъ разъ второй разсматриваемой теперь нами функціи парламентаризма. «Со всѣхъ сторонъ», по словамъ Буржуа, «поднимаются критики противъ функціонированія парламентарной и законодательной машины. Самые умѣренные, какъ и самые передовые дѣятели согласны въ указаніи на это зло» (стр. 464). Но въ то время, какъ самъ Буржуа видитъ средство противъ упомянутаго зла въ легкой и сравнительно безобидной реформѣ сената, который былъ бы поставленъ въ большую зависимость отъ всеобщей подачи голосовъ и палаты, Пуанкарэ предлагаетъ, напротивъ, «реформировать» палату, давъ ей, путемъ измѣненія внутренняго регламента, «лучшій методъ работы», а въ особенности измѣнивъ ея составъ и полномочія такимъ образомъ, чтобы она могла бы лишь «обсуждать», а не «пыталась бы управлять» (стр. 646): то, молъ, дѣло правительства, дѣло министровъ, которымъ депутаты не должны ни надоѣдать излишними запросами, ни мѣшать инициативой предложенія различныхъ законовъ. На этой почвѣ недовѣрія къ парламенту и желанія усилить власть правительства монархистъ Кошэнъ близко подходитъ къ «прогрессисту» Пуанкарэ: ища короля, который бы упорядочилъ современный режимъ, орлеанистскій депутатъ замѣчаетъ, что «парламентъ есть наилучшее, единственное орудіе контроля, но очень дурное орудіе управленія» (стр. 520) и нѣсколькими строками ниже довольно наивно (какъ увидимъ ниже) добавляетъ: «зло парламентаризма состоитъ въ томъ, что вопросы разсматриваются не по своему внутреннему значенію (non pour ce qu'elles valent en elles mêmes), а какъ орудіе партіи». Но съ Жоресомъ мы перебрасываемся уже на другой полюсъ реформъ, и если представитель парламентарнаго соціализма отмѣчаетъ вскользь «произволъ делегатовъ» (т. е. депу-

*) l. c., стр. 580.

татовъ), то «противовѣса этому» онъ ищетъ не въ усиленіи министерской власти въ ущербъ палатѣ, а въ дальнѣшей демократизаціи всеобщей подачи голосовъ: въ уничтоженіи сената, въ распространеніи политическихъ правъ на женщинъ, въ установленіи права законодательной иниціативы для избирателей и введеніи referenduma'а (непосредственнаго голосованія по существу всѣмъ народомъ) во всѣхъ важныхъ вопросахъ. И опять таки прошу читателя найти практическую равнодѣйствующую между авторитарными замыслами Кошэна и Пуанкарэ, водянистыми предложеніями реформъ Буржуа и приглашеніемъ Жореса «расширить и углубить всеобщее голосованіе», такъ чтобы изъ него выросла «гармонія и великолѣпный общій порывъ, а тяжелая бюрократія не замѣняла бы живой и свободной игры индивидуальной воли личностей» (стр. 581)!..

Замѣтьте, мы при этомъ коснулись важныхъ, но все же не первостепенныхъ вопросовъ, волнующихъ современное общество. А попробуйте-ка поставить на очередь одну изъ грандіозныхъ проблемъ нашихъ дней, напр., вопросъ объ организаціи производства или о формахъ собственности, или объ отношеніи между трудомъ и капиталомъ! Какая бездна обнаружится между представителями различныхъ мнѣній, какіе всемогущіе и противорѣчивые интересы будутъ говорить языкомъ страсти и убѣжденія, какія великія и низкія стремленія вступятъ въ свирѣпую, неумолимую, неустанную борьбу на аренѣ парламентаризма! Гдѣ же искать равнодѣйствующую этихъ огромныхъ общественныхъ силъ, тянущихъ въ разныя стороны? И почему мы должны обвинять парламентаризмъ въ томъ, что онъ плохо справляется со своей функціей служить орудіемъ общественной воли и коллективной дѣятельности, когда въ самомъ обществѣ есть столько же различныхъ воль, сколько различныхъ интересовъ, и столько же направленій дѣятельности, сколько борющихся классовъ, группъ и личностей? Отыскать равнодѣйствующую этихъ сталкивающихся, усиливающихъ одно другое и взаимно уничтожающихся теченій такъ же трудно, какъ и найти квадратуру круга. И въ этомъ отношеніи, если хотите, парламентаризмъ отличается однимъ драгоцѣннымъ свойствомъ: онъ откровененъ! Онъ приводитъ общественное уравненіе въ простѣйшій видъ и прямо говоритъ вамъ: общее рѣшеніе вопроса при данной зависимости величинъ немыслимо; возможны лишь частные случаи рѣшенія, а для этого нужно такое-то или такое-то числовое значеніе, подставленное для данной величины!..

Послушать, напр., какого-нибудь Поля Кассаньяка, сильная и (фактически) безконтрольная центральная власть лучше удовлетворяетъ потребностямъ и задачамъ коллективной жизни, во первыхъ уже потому, что она такъ или иначе, но дѣйствуетъ, во вторыхъ потому, что эта дѣятельность совершается въ опредѣленномъ разъ принятомъ направленіи, въ третьихъ потому, что это опредѣленное

направленіе выражаетъ какъ разъ общіе интересы всего цѣлаго; и выражаетъ, молъ, именно въ силу того, что такая центральная власть паритъ, видите-ли, въ высшихъ сферахъ, далеко надъ низменными партійными стремленіями, воплощая въ себѣ абсолютное безпристрастіе и вѣчную истину. Не буду уже говорить о томъ, что столь любезная нашему бонапартисту центральная власть зачастую выкидывала такія антраша и кидалась въ столь противоположныя стороны, что никакому парламентаризму не сравняться съ нею въ этой непослѣдовательности. Совѣтую съ этою цѣлью читателю просмотрѣть хотя бы тѣ страницы, которыя Лебонъ посвящаетъ въ уже цитированной книгѣ итальянской политикѣ Наполеона и, рикошетомъ, его тактикѣ по отношенію къ клерикаламъ *). Но мысль о внѣ партійной, высшей политикѣ того режима, къ которому несутся мечты Кассаньяка и его единомышленниковъ, покоится уже прямо или на колоссальной иллюзіи или на чудовищной лжи. И этотъ режимъ, подобно всѣмъ прочимъ грѣшнымъ режимамъ, не можетъ висѣть въ голубомъ надзвѣздномъ эфирѣ, а принужденъ опираться на земные интересы, и, стало быть, принимать въ разсчетъ партійныя стремленія. Все дѣло лишь въ томъ, что онъ произвольно выбираетъ одну какую нибудь группу интересовъ и общественныхъ силъ и жертвуетъ ей жизненными потребностями всѣхъ прочихъ группъ, осуждая ихъ на молчаніе...

Но отвѣчая на возраженіе о безсиліи парламентаризма, какъ орудія коллективной дѣятельности, я отвѣтилъ косвенно и на другое возраженіе, а именно о неизбѣжной порчѣ депутатовъ и во время кандидатской погони за мѣстомъ, и во время самаго пребыванія въ парламентѣ. Дѣйствительно, людямъ приходится подлаживаться подъ вкусы избирателей и вносить въ свою програму взгляды, съ которыми они, можетъ быть, не согласны въ своей душѣ; а попали они въ палату, одни изъ нихъ продолжаютъ играть роль «лакеевъ», другіе же, наоборотъ, становятся въ позицію «господъ» и измѣняютъ своимъ избирателямъ, разрывая подписанную ими програму. Эта психологія избраннаго есть дѣло, конечно, вполнѣ житейское, и я для курьеза укажу читателю на очень древнюю критику такого превращенія заискивающаго кандидата въ гордаго избранника. Менелай у Эврипида такъ укоряетъ своего брата Агамемнона:

Ты помнишь, когда добивался попасть въ предводители Данаевъ, шедшихъ подъ Иліонъ, повидимому и не желая этого, а на самомъ дѣлѣ стремясь душой, какъ ты былъ скроменъ (въ подлинникѣ почти «низокъ»), пожимая всѣмъ руки, растворяя настежь двери всякому желавшему изъ гражданъ и давая аудіенцію всѣмъ по очереди, даже если кто и не хотѣлъ того, стараясь своимъ обращеніемъ купить предметъ честолюби-

---

*) С [illegible], стр. 238—240 и 246—248.

выхъ замысловъ? А потомъ, когда ты получилъ власть, измѣнивъ свое обращеніе, ты уже не былъ другомъ для твоихъ прежнихъ друзей, но сталъ недоступенъ и рѣдко показываешься за затворами. Не подобаетъ доброму мужу, сдѣлавшемуся могущественнымъ, перемѣнять свои нравы, но именно тогда надо быть надежнымъ другомъ для своихъ друзей, когда онъ въ особенности можетъ быть полезенъ, благодаря счастливой судьбѣ...

Да это совсѣмъ психологія иного изъ современныхъ кандидатовъ, а нѣкоторые маневры почтеннаго пастыря народовъ до комичности близко воспроизводятъ различныя сцены изъ «Лакеевъ» Леконта!.. Но, совершивъ эту краткую археологическую экскурсію, возвратимся къ нашимъ временамъ и спросимъ себя, что означаютъ только что отмѣченныя печальныя явленія. Что означаютъ? Въ первыхъ то, что въ современномъ обществѣ, гдѣ все подлежитъ куплѣ и продажѣ, гдѣ принципъ конкурренціи проникаетъ всѣ отношенія, и карьера депутата можетъ стать исключительно коммерческимъ предпріятіемъ; во вторыхъ то, что измѣна политическаго дѣятеля своимъ убѣжденіямъ или, по крайней мѣрѣ, своей первоначальной программѣ предполагаетъ существованіе другихъ программъ, отвѣчающихъ другимъ интересамъ, къ которымъ прилаживается шустрый депутатъ, и, стало быть, существованіе классовой, групповой и партійной розни въ обществѣ. Какъ вы думаете, всѣ эти Рувье, Жюли Роши, Ивы Гюйо, Думэры и прочіе ренегаты, начинавшіе съ радикализма и быстро свертывавшіе на дорогу оппортунизма и реакціи, могли-ли бы они такъ легко продѣлывать эту эволюцію, если бы не надѣялись, мало того, не были увѣрены въ томъ, что они найдутъ коалиціи лицъ и интересовъ, которые примутъ ихъ съ распростертыми объятіями и наградятъ ихъ за измѣну деньгами, почетомъ и положеніемъ? Знаменательно, что типичные представители имущихъ и правящихъ классовъ, которые любятъ обличать бѣдныхъ депутатовъ, дѣлающихъ, молъ, изъ политики карьеру, въ то же самое время съ необыкновеннымъ рвеніемъ нападаютъ на предлагавшуюся нѣсколько разъ передовыми республиканцами систему точныхъ инструкцій (mandat impératif), согласно которой депутатъ, вотировавшій въ палатѣ вопреки своей программѣ, долженъ немедленно же, въ случаѣ неодобренія избирателей, выйти въ отставку. Можно прямо подумать, что буржуазія нарочно желаетъ оставить ловушку для искушенія необезпеченныхъ, но талантливыхъ депутатовъ, которые, попавъ въ палату благодаря крайнимъ программамъ, пожелали бы однако перейти за хорошее вознагражденіе въ лагерь сытыхъ и довольныхъ.

Но теперь является вопросъ: ну, а развѣ эти же самыя печальныя явленія не встрѣчаются при томъ режимѣ, прелести котораго намъ такъ расписываютъ философы и поэты хотя бы второй имперіи? Встрѣчаются, да еще какъ! Встрѣчаются, да еще въ такихъ размѣрахъ, которые оставляютъ далеко за собою парламентарную

«порчу нравовъ»! Опять таки обратитесь къ исторіи Наполеона III-го. Люди въ эту пору довели процессъ политическаго «лакейства» до прямого безстыдства, хотя лакействовали не передъ избирателями, загнанными въ хомутъ оффиціальнаго плебисцита, а передъ шайкой безконтрольныхъ авантюристовъ. Люди клятвопреступничали (беря примѣръ съ самого Наполеона, поклявшагося въ вѣрности республиканской конституціи и разгромившаго ее), люди измѣняли своимъ убѣжденіямъ, люди продавались и сами превращались въ безконтрольныхъ исполнителей безотвѣтственнаго режима. Я въ одной изъ своихъ статей нарисовалъ эту картину чудовищнаго политическаго разврата, продажности и ренегатства... Короче сказать, всѣ возраженіи противъ парламентаризма являются въ сущности возраженіями противъ классового характера общества, основаннаго на борьбѣ интересовъ, и представительный строй даже и здѣсь, въ смыслѣ искренности итоговъ такой борьбы, имѣетъ рѣшительное преимущество передъ предшествовавшими ему режимами.

Но насъ ждетъ разсмотрѣніе третьей функціи парламентаризма, а именно его назначенія служить школою болѣе высшихъ и болѣе совершенныхъ формъ коллективной дѣятельности. Уже одно указаніе на такую роль парламентаризма достаточно говоритъ, что я не принадлежу къ безусловнымъ поклонникамъ этого режима, полагающимъ, что онъ представляетъ верхъ политическаго прогресса, и что дальше его человѣчеству идти некуда. Въ настоящее время все болѣе и болѣе становится очевиднымъ, что въ старыхъ рамкахъ западно-европейскаго парламентаризма вырабатываются новые пріемы политическаго общенія. Въ чемъ заключается основное несовершенство парламентариза? Въ томъ, что суммировка избирательныхъ голосовъ не можетъ всетаки въ точности выражать различные оттѣнки мнѣній, интересовъ и потребностей всего общества, равно какъ суммировка депутатскихъ голосовъ по данному вопросу точно также не можетъ дать рѣшенія, удовлетворяющаго всѣмъ отдѣльнымъ воззрѣніямъ, представленнымъ въ палатѣ. Конечно, устранить это основное несовершенство немыслимо, не устраняя классового характера самого общества, какъ читатель уже могъ видѣть отчасти на предыдущихъ страницахъ. Таковъ, по моему мнѣнію, смыслъ свирѣпой критики, направленной противъ парламентаризма Прудономъ, доводы котораго, къ слову сказать, необыкновенно усердно крадутся современными реакціонерами, черпающими по большей части свои аргументы изъ небольшой, но интересной книжки страстнаго аналитика—полемиста *).

---

*) P.-J. Proudhon, «Ideé générale de la révolution au XIX siècle; Парижъ, 1851, особенно стр. 109—191, составляющія четвертый этюдъ подъ заглавіемъ «Du principe de l'autorité».

Но если мы, не пытаясь найти абсолютный принципъ справедливости à la Proudhon, попробуемъ остановиться на относительно удовлетворительныхъ рѣшеніяхъ вопроса о коллективномъ управленіи, то первое мѣсто при современныхъ условіяхъ должно занять такъ называемое прямое законодательство народа, которое уже болѣе полвѣка тому назадъ старались популяризировать Риттингаузэнъ и Викторъ Консидэранъ. Мнѣ нечего вдаваться здѣсь въ историческія подробности, указывать, напр., на то, что эта форма коллективнаго управленія характеризуетъ первобытныя демократіи (гдѣ право голоса принадлежитъ не только мужчинамъ, но и женщинамъ и даже дѣтямъ) и что остатки ея сохранились, между прочимъ, въ наиболѣе старыхъ швейцарскихъ кантонахъ (Аппенцеллѣ, Гларусѣ, Унтервальденѣ и Ури), въ которыхъ, собственно говоря, всякій парламентарный механизмъ совершенно отсутствуетъ, такъ какъ все взрослое мужское населеніе, собираясь въ опредѣленные промежутки подъ открытымъ небомъ, издаетъ законы и избираетъ администраторовъ.

Мнѣ достаточно указать на болѣе современныя формы этого законодательства, какъ онѣ, напр., практикуются опять таки хотя бы той же Швейцаріей въ видѣ общаго народнаго вота или референдума (особенно распространеннаго въ Цюрихскомъ кантонѣ), равно какъ въ видѣ народной инидіативы, или права, даннаго извѣстному числу избирателей предлагать на утвержденіе населенія новые законы. Во Франціи, гдѣ царитъ жесточайшая централизація, завѣщанная Наполеономъ I-мъ, прямое законодательство входитъ мало-по-малу въ практику косвеннымъ и робкимъ путемъ, причемъ дряхлой шутницѣ исторіи угодно было довѣрить отчасти роль пропагандистовъ этой демократической реформы консервативнымъ политикамъ, старающимся упрочить и расширить это право для коммунальныхъ вопросовъ съ цѣлью проводить реакціонныя мѣры въ предѣлахъ попавшаго въ ихъ руки города или общины. Съ другой стороны, само правительство довольно часто прибѣгаетъ къ опросамъ всѣхъ жителей данной мѣстности относительно вреда или пользы такой или другой общественной работы, канала, желѣзной дороги, и пр. Наконецъ, въ послѣднее время между синдикатами рабочихъ все болѣе и болѣе устанавливается практика рѣшать важные корпоративные вопросы голосованіемъ всѣхъ членовъ союза. И слѣдуетъ надѣяться, что съ усложненіемъ людскихъ отношеній и возрастаніемъ связи между различными группами этотъ способъ рѣшать непосредственно различные общественные вопросы будетъ все болѣе и болѣе распространяться. Мало этого: если продолжить, такъ сказать, мысленно линіи этого процесса коллективнаго совѣщанія, то можно себѣ представить, что въ будущемъ громадное количество важныхъ, но мѣстныхъ потребностей будетъ удовлетворяться на мѣстѣ же, полюбовнымъ соглашеніемъ всѣхъ прямо заинтересованныхъ лицъ, безъ того, чтобы въ это дѣло вмѣшивалась центральная власть съ ея

элементомъ принудительности и подавленіемъ меньшинства большинствомъ (или, еще того хуже, большинства меньшинствомъ).

Въ этомъ направленіи и будетъ, по всей вѣроятности, совершаться тотъ процессъ общественной жизни, благодаря которому «управленіе людьми» замѣнится «администраціей вещей»,—фраза Конта, ставшая популярной въ послѣднее время, но заимствованная главой позитивизма у своего первоначальнаго учителя, Сэнъ-Симона *). Тутъ именно и должно разрѣшиться противорѣчіе между управляющими и управляемыми, которое въ парламентарномъ строѣ вырабатываетъ изъ депутатовъ то «лакеевъ», то «господъ» своихъ избирателей, т. е. большинства населенія. Идеалъ коллективной дѣятельности при этомъ, очевидно, такой, что если и предположить существованіе крупнаго центральнаго органа, то этотъ органъ будетъ управлять, крайне внимательно прислушиваясь къ голосу общественнаго мнѣнія и идя, такъ сказать, навстрѣчу къ только что намѣчающимся коллективнымъ теченіямъ, а отнюдь не дожидаясь того, чтобы они силою и угрозою будущаго забаллотированія направляли представителей центральной администраціи по данному пути. Что это требованіе далеко не утопично, а начинаетъ уже кой гдѣ осуществляться въ извѣстной степени, можно видѣть хотя бы изъ умнаго и интереснаго сочиненія Джемса Брайса о сѣверо-американской республикѣ, а именно изъ тѣхъ главъ, гдѣ авторъ говоритъ объ «общественномъ мнѣніи» и объ «управленіи, опирающемся на общественное мнѣніе» **).

Въ самомъ дѣлѣ, вещь знаменательная: авторъ рельефно подчеркиваетъ недостатки функціонированія современнаго политическаго механизма въ Америкѣ; онъ не боится сказать, что этотъ механизмъ обыкновенно попадаетъ въ руки беззастѣнчивыхъ профессіональныхъ политикановъ, и что выдающіяся въ умственномъ и нравственномъ отношеніи личности стараются подальше держаться отъ политики, развѣ безсовѣстное хозяйничаніе политическихъ котерій (ring) и ихъ предводителей (boss) заставляетъ ихъ временно вмѣшиваться въ борьбу партій, чтобы положить, опять таки временно, конецъ черезчуръ зазнавшимся политиканамъ. Но тотъ же самый авторъ мастерски выясняетъ тотъ процессъ, благодаря которому, вопреки плохому функціонированію политическаго механизма и несмотря на низкій уровень профессіональнаго персонала, лично заинтересованнаго въ политикѣ, американская республика все болѣе

*) См., между прочимъ, особенно яркую мысль о противоположности между «административной промышленной властью» и «военной феодальной властью» въ „Катехизисѣ промышленниковъ» (Catéchisme des industriels, стр. 97—98 третьяго тома уже цитированнаго мною выше изданія сочиненій Сэнъ-Симона). Ср. стр. 136—138 въ только что упомянутой книгѣ Прудона.

**) James Bryce, «The American Commonwealth»; стр. 239—364 второго тома 2-го изд. Нью-Іоркъ—Лондонъ, 1889 (часть IV, «Public Opinion).

и болѣе приближается къ идеальному строю коллективной дѣятельности и общественнаго управленія. Этотъ строй, говоритъ Брайсъ, будетъ вполнѣ

достигнутъ, когда воля большинства гражданъ станетъ выражаться во всякое время, даже и не проходя черезъ представительное собраніе и даже, можетъ быть, вовсе не нуждаясь для своего выраженія въ механизмѣ голосованія. При такомъ положеніи вещей господство общественнаго мнѣнія сдѣлается полнѣе, сдѣлавшись непрерывнѣе, чѣмъ это до сихъ поръ имѣетъ мѣсто въ тѣхъ европейскихъ странахъ, каковы, напр., Франція, Италія, Англія, которыя смотрятъ на парламентъ, какъ на выразителя чувствъ націи. Власть будетъ тогда все время пребывать въ массѣ гражданъ. Народное правленіе зайдетъ тогда такъ далеко, что сможетъ обойтись безъ тѣхъ легальныхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгаетъ большинство на выборахъ для выраженія своей воли,—совсѣмъ обойтись или, по крайней мѣрѣ, забѣжать впередъ. И этотъ лишенный формальностей, но прямой контроль массъ уменьшитъ,—если не совсѣмъ устранитъ,—важность упомянутыхъ формальныхъ, но пріуроченныхъ къ частнымъ обстоятельствамъ (occasional) проявленій мнѣнія, которыя выражаются при выборѣ представителей. Къ такому положенію дѣлъ подходила бы всего лучше фраза «господство общественнаго мнѣнія», ибо тогда общественное мнѣніе не только царствовало бы, но и управляло *).

Но пока Америка достигнетъ такого строя, въ ней и въ настоящее время всякая сильная волна народныхъ стремленій и потребностей имѣетъ значительный шансъ быть принятой во вниманіе органами общественнаго мнѣнія—печатью, клубами и различными ассоціаціями—и, стало быть, повліять, и помимо механизма голосованія, на направленіе общественной политики. Очень частое повтореніе всевозможныхъ выборовъ пріучило американцевъ къ коллективному и энергичному выраженію воли. Я нарочно остановился на нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ сочиненія Брайса, чтобы показать читателю, въ какую сторону пойдетъ дальнѣйшее развитіе парламентаризма...

Нечего удивляться сравнительно слабому развитію во французскомъ населеніи вкусовъ къ непрерывной и цѣлесообразной политической дѣятельности: чуткость, политическій аффектъ и общественный энтузіазмъ ставятъ французовъ на первое мѣсто въ ряду историческихъ народовъ, но не могутъ замѣнить настоящее политическое воспитаніе; французъ до сихъ поръ остается воиномъ идеи, героемъ исключительныхъ обстоятельствъ, а на мирномъ положеніи скучаетъ, опускаетъ руки или начинаетъ забавляться вещами, порою, право, недостойными взрослаго и серьезнаго человѣка!..

Только-что происшедшіе выборы заставляютъ меня сжать послѣднюю часть статьи, чтобы сказать нѣсколько словъ о смыслѣ избирательнаго движенія. Но тутъ я испытываю довольно значи-

*) L. c., II, стр. 250—251.

тельное затрудненіе: мнѣ какъ разъ приходится заканчивать свое письмо въ промежуткѣ между выборами 8-го мая (26-го апрѣля стараго стиля) и перебаллотировкой 22-го (10) мая. Изъ 581 депутатскихъ мѣстъ окончательно выяснились результаты лишь для 394; судьба остальныхъ 187 мѣстъ—какъ видите, почти цѣлой трети! будетъ рѣшена лишь черезъ двѣ недѣли. Какъ тутъ подводить общіе итоги, не обладая пророческимъ предвидѣніемъ почтенной M-lle Куэдонъ, этой современной парижской Пиѳіи, которая, по мнѣнію многихъ правнуковъ Вольтера и Дидро, читаетъ безъ запинки въ книгѣ будущаго? Но шутки въ сторону: я вынужденъ давать характеристику выборовъ лишь съ оговорками и ограниченіями, полагаясь на своего товарища по журналу, г. Южакова, который въ обозрѣніи иностранной жизни сообщитъ къ тому времени окончательные результаты французской избирательной кампаніи. Имѣя это въ виду, я воздержусь отъ подобныхъ комментаріевъ даже и по отношенію къ уже извѣстнымъ итогамъ. Я ограничусь лишь нѣкоторыми общими соображеніями, да указаніемъ на кой-какіе факты, которые виднѣе вблизи, на самомъ полѣ сраженія между различными политическими партіями. Какъ это бываетъ по большей части послѣ выборовъ, каждая изъ борющихся сторонъ приписываетъ себѣ побѣду, причемъ одна говоритъ объ абсолютной побѣдѣ, другая лишь объ относительной, третья хочетъ повернуть въ свою пользу число избранныхъ въ ея рядахъ депутатовъ, четвертая опирается преимущественно въ своихъ разсужденіяхъ на общую сумму поданныхъ за нее голосовъ, пятая толкуетъ о моральной побѣдѣ, выражающейся, молъ, въ опредѣленности и ясности политическаго знамени, развернутаго во время избирательной агитаціи, и т. д., и т. д. Все это вполнѣ въ порядкѣ вещей. Но читатель въ правѣ ожидать отъ меня по возможности объективной оцѣнки перваго акта выборовъ. Мое общее впечатлѣніе таково: реакціонная политика двухъ послѣднихъ лѣтъ торжествуетъ; но торжество это менѣе полно, чѣмъ я опасался два мѣсяца тому назадъ въ разгаръ шовинистскаго и клерикальнаго движенія, обострившагося подъ вліяніемъ письма и процесса Золя. Такъ называемая «прогрессивная» партія сохраняетъ свои позиціи и, по всей вѣроятности, составитъ большинство и въ будущемъ парламентѣ—подъ условіемъ поддержки со стороны реакціонеровъ. А что въ этой поддержкѣ представители отживающихъ партій не откажутъ «мудрымъ и умѣреннымъ республиканцамъ», въ томъ едва-ли можно сомнѣваться: дѣло теперь идетъ все болѣе и болѣе о характерѣ и тенденціяхъ республики, и все менѣе и менѣе о республиканскомъ ярлыкѣ. Откровенные монархисты слабѣютъ; за то потайные усиливаются, и, въ сущности, политическимъ дѣятелямъ этого пошиба рукой подать до консервативныхъ и даже умѣренныхъ республиканцевъ: названіе «прогрессистъ» тѣмъ и хорошо, что даетъ возможность врагамъ истиннаго прогресса (такова иронія современной клички) группироваться вокругъ защиты старыхъ экономиче-

скихъ и политическихъ учрежденій подъ знаменемъ «республики» (другого, мало-обязывающаго къ чему слова!) и даже вливать въ эту республиканскую форму все болѣе и болѣе консервативное содержаніе. Вина въ этомъ усиленіи общественной реакціи лежитъ, между прочимъ, на половинчатой политикѣ радикальнаго кабинета Буржуа, который, стоя у власти, напугалъ имущіе классы проектомъ прогрессивнаго налога, и въ то же время не довелъ реформы до конца, уйдя съ поля сраженія передъ угрозами почтенныхъ старцевъ сената: камень, который радикальная партія не съумѣла докатить до верху, покатился внизъ и придавилъ робкихъ смѣльчаковъ. Умѣренные республиканцы (и ихъ союзники консерваторы), сбитые было съ толку временной энергіей радикаловъ, успѣли оправиться и въ послѣдніе полтора года укрѣпились и съорганизовались такъ удачно, какъ никогда. Ихъ два большіе политическіе союза, сформированные за это время и носящіе названія одинъ «Національной республиканской ассоціаціи», другой «Національнаго республиканскаго комитета торговли и промышленности», оказали больше вліяніе на подъемъ духа и пробужденіе боевой энергіи среди имущихъ классовъ, которые въ цѣломъ составѣ не отличаются обыкновенно страстью къ активной политической борьбѣ. Присматриваясь къ уже опубликованнымъ цифрамъ почти четырехсотъ избраній, я принужденъ даже указать на фактъ, котораго нельзя было замѣтить чисто внѣшнимъ образомъ и который идетъ нѣсколько въ разрѣзъ съ моими непосредственными впечатлѣніями, отмѣченными въ началѣ этой статьи: процентъ воздержавшихся отъ голованія вообще меньше въ нынѣшнемъ году, чѣмъ на предшествовавшихъ выборахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поражаетъ даже своей сравнительною незначительностію. Очевидно, было меньше внѣшняго возбужденія и больше внутренней готовности, и анализируя нѣкоторые частные случаи, въ подробности которыхъ я не могу входить здѣсь, я прихожу къ тому заключенію, что на сей разъ наибольшій прогрессъ въ смыслѣ политическаго оживленія проявили имущіе классы, до сихъ поръ смотрѣвшіе на подачу голосовъ спустя рукава. Страхъ передъ реформой налога, а также уже упомянутая дѣятельность «прогрессивныхъ» организацій расшевелили, очевидно, слабое общественное чувство состоятельныхъ слоевъ и заставили ихъ отказаться на время отъ политическаго индифферентизма: чего не смогла совершить идея, то сдѣлалъ угрожаемый кошелекъ!

Радикальная оппозиція численно будетъ, вѣроятно, не уступать своей предшественницѣ въ покойной палатѣ; даже почти всѣ видные представители ея, а особенно бывшіе члены радикальнаго кабинета, снова возвращаются въ парламентъ. Но ея идейное значеніе должно потерпѣть, какъ мнѣ кажется, ущербъ: если сохраненіе прежнихъ позицій правительствомъ есть относительная побѣда для послѣдняго, то простое сохраненіе прежняго положенія оппозиціей равносильно ея ослабленію. Партія, которая, подобно радикальной, взволновала

страну два года тому назадъ проектомъ важной реформы, но съ тѣхъ поръ не успѣла расширить на этой почвѣ ряды своихъ сторонниковъ, врядъ-ли можетъ разсчитывать на серьезный успѣхъ въ будущемъ. Я уже не говорю о томъ, что и сохраненіемъ прежнихъ позицій радикалы обязаны своему позорно-двусмысленному поведенію во время недавней шовинистской и клерикальной оргіи. Въ продолженіе всей выборной агитаціи радикальная партія или малодушно вторила пропагандѣ милитаристовъ и антисемитовъ, или же въ лучшемъ случаѣ отмалчивалась въ отвѣтъ на завыванья новой «національной партіи», боясь старыхъ зубовъ Рошфора, который остался буланжистомъ и по смерти браваго генерала.

А что на послѣднихъ выборахъ снова прокатилась волна крикливаго и балаганнаго «патріотизма», — волна, къ счастію, менѣе сильная, чѣмъ можно было опасаться нѣсколько недѣль тому назадъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ явленій, не особенно крупныхъ каждое въ отдѣльности, но вмѣстѣ представляющихъ довольно недвусмысленный симптомъ шовинистской реакціи. Уже первые выборы послали въ палату четырехъ «націоналистовъ — ревизіонистовъ» (таково было какъ разъ и названіе старыхъ партизановъ Буланже), въ томъ числѣ пресловутаго Дерулэда, который и спитъ и видитъ, какъ бы поколотить нѣмца...

Н. К.

Изъ Англіи.

I.

Живущему теперь въ Лондонѣ и встрѣчающемуся съ англичанами, принадлежащими къ среднему кругу, непремѣнно приходится познакомиться съ произведеніями Велса. Изъ десяти знакомыхъ восемь навѣрное спросятъ васъ, читали ли вы романы новаго свѣтила. Въ апрѣльскомъ нумерѣ «Review of Reviews» Стэдъ назвалъ даже ихъ апокалипсисомъ XIX вѣка. Дѣйствительно, познакомиться съ этими фантастическими произведеніями не безъинтересно. Во первыхъ, они характеризуютъ цѣлый классъ и настроеніе его; во вторыхъ, по прочтеніи ихъ напрашиваются кое какіе выводы. Велсъ пишетъ, если не ошибаюсь, года четыре; но огромную сенсацію произвелъ лишь его послѣдній романъ «The War of the Worlds'» (Война міровъ), о которомъ съ самаго начала года не перестаютъ трубить англійскіе и американскіе критики. Говорятъ, что извѣстная издательская фирма въ Нью-Іоркѣ, какъ только романъ вы-

шелъ въ Лондонѣ, прислала Велсу лаконическую телеграмму: «20,000», т. е. двадцать тысячъ долларовъ за право переизданія; на что авторъ, будто бы, столь же лаконически отвѣтилъ: «Подожду».

Съ легкой руки Дю-Мурье планета Марсъ пошла въ ходъ у англійскихъ романистовъ. Въ произведеніи Велса она тоже играетъ первую роль. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе романа. Марсъ гораздо старше земли. Холодъ сковываетъ планету все болѣе и болѣе. Жители его находятся въ такихъ же условіяхъ, въ какихъ будутъ находиться нѣсколько тысячъ вѣковъ спустя люди. Неминуемая смерть планеты изощрила до крайности способности марсіановъ. Опасность развила ихъ умственныя способности, ожесточила ихъ сердца, увеличила силу. Марсіаны дѣлаютъ набѣгъ на нашу планету, находящуюся всего въ 35 милліонахъ миль отъ нихъ. Тотъ фактъ, что земля уже принадлежитъ нѣсколькимъ сотнямъ милліоновъ человѣческихъ существъ, нисколько не интересуетъ марсіановъ. «Вѣдь культурные народы, рѣшаясь захватить новыя владѣнія въ Центральной Африкѣ, не принимаютъ во вниманіе интересовъ дикихъ животныхъ, которыя водятся тамъ». Люди кажутся марсіанамъ низшими существами. Истребленіе ихъ такъ же мало смущаетъ марсіановъ, какъ смущаетъ рыбака смерть рыбъ, которыхъ онъ захватилъ въ свой неводъ. Марсіаны прибываютъ на землю въ огромныхъ снарядахъ, которые падаютъ близь Лондона. Крышки снарядовъ отвинчиваются и оттуда показываются странныя существа. Все тѣло марсіановъ состоитъ лишь изъ одной огромной головы, около четырехъ футовъ въ діаметрѣ. На лицѣ видны лишь большіе черные, блестящіе, выпуклые, необыкновенно проницательные глаза, да ротъ въ видѣ латинской цифры V. Ни носа, ни подбородка, ни ушной раковины у марсіановъ нѣтъ. Вмѣсто уха—одна лишь барабанная перепонка. За то вокругъ рта расположены шестнадцать длинныхъ, гибкихъ, змѣеподобныхъ щупальцевъ. Внутри, въ тѣлѣ марсіановъ, исключительное мѣсто занимаетъ мозгъ, отъ котораго идутъ многочисленные нервы къ глазамъ, уху и щупальцамъ. Ротъ соединенъ прямо съ легкими, возлѣ которыхъ лежитъ сердце. Другихъ внутренностей у марсіановъ нѣтъ. Ноги и желудокъ атрофировались. Питаніе на нашъ ладъ давнымъ давно стало излишнимъ на Марсѣ. Когда марсіанъ желаетъ возобновить затраченныя силы, онъ просто схватываетъ человѣческое существо и переливаетъ его живую кровь особымъ снарядомъ, въ свои вены. На родинѣ марсіаны держатъ для пищи стада двуногихъ животныхъ, повидимому, выродившихся людей. Прибывъ на землю, марсіаны, прежде всего, стали ловить людей, чтобы утолить голодъ. «Одна даже мысль отъ этомъ можетъ показаться намъ ужасной,—говоритъ Велсъ;—но развѣ подобный же ужасъ не внушали бы наши привычки ѣсть убоину кроликамъ, если бы тѣ могли разсуждать? Физіологическія выгоды непосредственнаго переливанія

крови неисчислимы, если мы примемъ только во вниманіе то громадное количество времени и энергіи, которыя затрачиваются ежедневно человѣкомъ на ѣду и на пищевареніе. Нашъ организмъ состоитъ изъ каналовъ, железъ и органовъ, превращающихъ разнородную пищу въ кровь. Пищеварительные процессы и разстройство ихъ подрываютъ наши силы и обезцвѣчиваютъ дѣятельность нашего мозга. Счастье и несчастье людей зависятъ отъ здоровой или же больной печени, да отъ того, хорошо ли или же плохо варитъ желудокъ. Марсіаны стоятъ выше всего этого. Ихъ организмъ разнится еще отъ нашего въ слѣдующемъ. Онъ не нуждается въ снѣ, какъ не нуженъ послѣдній вѣчно работающему сердцу. Такъ какъ у марсіановъ нѣтъ внѣшнихъ органовъ, то они не знаютъ утомленія. Марсіаны дѣятельны всѣ двадцать четыре часа въ сутки. Въ этомъ они подобны, вѣроятно, по мнѣнію Велса, муравьямъ. Марсіаны безполы и размножаются, подобно гидрамъ, почкованіемъ. Въ силу этого, тѣ страданія, которыя довели до самоубійства бѣдную Офелію, сдѣлали Отелло убійцей, а Клавдіо—убійцей и кровосмѣсителемъ—имъ совершенно неизвѣстны. Марсіаны—великіе механики. Они замѣнили ноги и руки рядомъ остроумныхъ механизмовъ, приводимыхъ въ движеніе щупальцами. Механизмы эти послушны, какъ мускулы, и имѣютъ то преимущество, что не знаютъ усталости.

Волей фантазіи автора, марсіаны попадаютъ на землю въ началѣ двадцатаго столѣтія. Вначалѣ снаряды принимаются за аэролиты; но дѣйствительность скоро становится извѣстной. Противъ марсіанъ снаряжаются баттареи; но завоеватели вооружены страшнымъ оружіемъ, предъ которымъ максимовскія пушки кажутся тѣмъ же, чѣмъ эти пушки предъ стрѣлами съ каменными наконечниками. Во первыхъ, марсіаны имѣютъ «огненный лучъ», превращающій въ пепелъ все то, на что онъ наведенъ. Пушки отъ него таютъ, какъ воскъ. Затѣмъ, съ высоты своихъ машинъ марсіаны бросаютъ бомбы, которыя, разрываясь, наполняютъ воздухъ черными, какъ тушь, удушливыми парами, убивающими все живое. Когда люди убѣждаются, что бой съ марсіанами безплоденъ, начинается дикое бѣгство огромной столицы. Лондонъ пустѣетъ. Это одно изъ наиболѣе сильныхъ мѣстъ романа. Разсказъ ведется отъ имени очевидца. Съ точностью д-ра Лимуэля Гулливера отмѣчаетъ онъ всякій шагъ побѣдителей. Паника охватываетъ весь островъ. Пароходы, барки, рыбачьи лодки набиты бѣгущими; но и море не можетъ остановить побѣдителей. Казалось, человѣческому роду пришелъ конецъ. Другъ разсказчика излагаетъ свою теорію. По его мнѣнію, господству человѣка на землѣ теперь пришелъ конецъ. Люди отнынѣ будутъ сведены на степень муравьевъ, которые «строили свои города, жили, воевали, дѣлали революціи, пока не явился человѣкъ и не потребовалъ, чтобы ему уступили дорогу. И муравьи уступили. Тоже самое повторяется и съ нами теперь.

Въ глазахъ марсіанъ—мы лишь съѣдобные муравьи. Когда побѣдители разрушатъ все, они начнутъ ловить насъ и сажать наиболѣе здоровыхъ въ клѣтки». По мнѣнію оратора, населеніе Лондона отнынѣ имѣетъ лишь одно мѣсто, гдѣ жить: городскіе коллекторы Разъ городъ опустѣлъ, воздухъ въ подземныхъ каналахъ сдѣлается относительно, сноснымъ.

Мысль о человѣчествѣ, или же о части его, которое выродится и будетъ загнано подъ землю побѣдителями, занимаетъ Велса и мы встрѣтимся еще съ нею. Спасителями Лондона и всего человѣчества являются... микробы. Видите ли: нашъ организмъ въ теченіе десятковъ тысячелѣтій привыкъ къ нимъ; тогда какъ на Марсѣ микроорганизмовъ совсѣмъ нѣтъ. Воздухъ очищенъ отъ нихъ еще много тысячелѣтій тому назадъ. Всѣ марсіаны, попавшіе на землю, заболѣваютъ и умираютъ въ своей крѣпости, которую они построили на Примрозъ-Хиллѣ, близъ Лондона.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе романа, который, какъ я сказалъ, имѣлъ поразительный успѣхъ. Дѣйствительно, романъ въ литературномъ отношеніи очень недуренъ. У автора богатая фантазія, а способъ детальнаго описанія вымысла напоминаетъ манеру Дефо. Журналы и газеты за одно расхвалили и другія произведенія Велса, хотя въ нихъ онъ явно старается пѣть въ тонъ той странной пѣсни, которая, повидимому, такъ полюбилась въ послѣднее время одному классу англійскаго общества. Дѣло въ томъ, что въ средѣ извѣстной части англійской буржуазіи мы наблюдаемъ теперь пробужденіе вновь грубаго суевѣрія. Предъ нами классъ культурныхъ дикарей, которые восприняли весь внѣшній лоскъ конца вѣка, но мысль которыхъ находится почти на такомъ же уровнѣ развитія, какъ мысль якута или бурята. Изъ кого состоитъ этотъ классъ? Это тотъ соціальный прослоекъ, который лежитъ между высшей буржуазіей и массой; прослоекъ, тяготѣющій всѣми симпатіями своей души къ верху, а не къ низу, презирающій отъ всей души народъ. Этотъ прослоекъ очень плотенъ. Онъ создалъ свою изящную литературу, свой театръ, свою прессу. Литература эта теперь вся пропитана самымъ грубымъ и дикимъ суевѣріемъ. Вновь на сценѣ парадируютъ выходцы съ того свѣта, привидѣнія и вампиры. Въ одномъ изъ лучшихъ журналовъ сенсацію производитъ теперь рядъ «истинныхъ происшествій», серія разсказовъ «The Real ghost stories» (*Правдивые* разсказы о привидѣніяхъ). Изъ нихъ мы узнаемъ, напримѣръ, «истинную исторію» про то, какъ хранившаяся въ 1895 г. въ частномъ музеѣ мумія какого то египетскаго джентельмэна, умершаго три тысячи лѣтъ тому назадъ,—каждую ночь вылѣзала изъ шкафа, подкарауливала въ корридорахъ обывателей дома и высасывала у нихъ кровь. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока мумію вампира не подстрѣлилъ д-ръ Лоу, великій знатокъ чертовщины. Вампира сожгли. Читателю остается только удивляться, почему *вампиръ*, героически перенесшій такую операцію, какъ вытаскиваніе внутрен-

ностей при бальзамированіи, и не только оставшійся послѣ этого въ живыхъ, но даже сохранившій такую душевную бодрость, что черезъ тридцать вѣковъ можетъ еще странствовать въ потьмахъ по корридорамъ; почему маленькая непріятность въ видѣ револьверной пули заставляетъ его отправиться на свиданіе съ друзьями, жившими, полагаю, при XVIII или XIX династіи фараоновъ? Доклады покойной госпожи Блаватской о мірѣ, существующемъ въ четвертомъ измѣреніи, были откровеніемъ для англійскихъ культурныхъ якутовъ, щеголяющихъ не въ колпакѣ изъ лисьихъ лапокъ, а въ лоснящемся цилиндрѣ. Велсъ вначалѣ нерѣшительно ступилъ на почву повѣствователей истинныхъ разсказовъ о привидѣніяхъ произведеніемъ «The Flowering of the Strange Orchid». Собиратель различныхъ видовъ орхидей покупаетъ новую, странную разновидность. Растеніе найдено въ болотѣ, заросшемъ манговыми деревьями. Впослѣдствіи въ этомъ самомъ болотѣ нашли того, кто открылъ растеніе. Онъ лежалъ бездыханный, безъ крови въ венахъ, на сломанномъ стеблѣ орхидеи. Любитель помѣщаетъ растеніе у себя. Оно растетъ, выбрасываетъ массу воздушныхъ гибкихъ, тонкихъ корешковъ, покрывается великолѣпными цвѣтами, издающими сильный опьяняющій ароматъ, отъ котораго любитель падаетъ безъ чувствъ возлѣ орхидеи. Корешки растенія впиваются ему въ шею и руки и начинаютъ высасывать кровь. Сестра любителя прибываетъ какъ разъ во время, чтобы спасти жизнь брата. Начинается бой между жаждущимъ крови растеніемъ-вампиромъ и дѣвушкой. Въ концѣ концовъ орхидею уничтожаютъ. За первымъ опытомъ послѣдовалъ второй, болѣе рѣшительный «In the Avu Observatory». Это—разсказъ о ночи, проведенной на обсерваторіи, выстроенной въ глухомъ мѣстѣ, и о борьбѣ съ вампиромъ, имѣющимъ видъ летучей мыши и величиной съ бульдога. Слѣдующій разсказъ «The Plattner Story» уже вполнѣ происходитъ въ «четвертомъ измѣреніи». Учителю школы въ Сусексвилѣ Платнеру ученики принесли какую то банку со страннымъ зеленоватымъ порошкомъ, найденную въ заброшенной каменоломнѣ. Учитель желаетъ опредѣлить сущность порошка. Вдругъ раздается оглушительный взрывъ, и Платнеръ исчезаетъ изъ глазъ учениковъ. Его тщетно ищутъ. На девятый день пропавшій учитель стремительно сваливается, повидимому, прямо изъ облаковъ. Когда Платнеръ приходитъ въ себя, онъ разсказываетъ свою Одиссею. Послѣ взрыва онъ очутился во мракѣ и вначалѣ полагалъ, что это дѣйствіе дыма, произведеннаго взрывомъ; но вскорѣ убѣдился, что мракъ совсѣмъ особой субстанціи. Когда къ нему привыкъ глазъ, мракъ оказался свѣтомъ. Платнеръ очутился въ мірѣ, лежащемъ въ четвертомъ измѣреніи. Учитель видѣлъ своихъ учениковъ; но тѣ не могли замѣтить его. Тѣло стало прозрачнымъ, такъ что сквозь него можно было пройти. Затѣмъ день кончился; наступила ночь, надъ горизонтомъ взошло невидимое для обыкновеннаго глаза зеленое солнце, свѣтящее въ мірѣ «четвертаго измѣренія». Плат-

неръ замѣтилъ вокругъ рядъ черныхъ построекъ, похожихъ на могильные мавзолеи. Изъ самаго большого мавзолея показалась толпа странныхъ существъ. Они состояли изъ человѣческой головы, ниже которой болталось тѣло головастика. Широко раскрытые глаза странныхъ существъ выражали скорбь и тоску. Головы неслись за Платнеромъ, «какъ мыльные пузыри, которыхъ мчитъ порывъ вѣтра». И между ними учитель узналъ лица умершихъ враговъ и друзей, затѣмъ—матери и отца. Порой, тѣ, которые помогали или же вредили Платнеру при жизни, поднимали на него свои глаза. И каждый разъ учитель испытывалъ странное чувство какой то отвѣтственности. Онъ попробовалъ заговорить съ матерью; но та не отвѣтила ему. И Платнеръ замѣтилъ, что за каждымъ нашимъ поступкомъ изъ міра четвертаго измѣренія слѣдятъ съ тоскою любви или же ненависти глаза нашихъ умершихъ друзей и враговъ... Платнеръ поскользнулся вдругъ и упалъ. Онъ все держалъ въ рукахъ банку съ остаткомъ зеленоватаго порошка. Вновь раздался взрывъ, и учитель изъ міра, освѣщеннаго зеленымъ солнцемъ и населеннаго человѣческими головами съ туловищами головастиковъ, вновь очутился въ дальнемъ мірѣ, для котораго повѣсти пишутся, среди своихъ учениковъ.

Теперь обратимся къ фантастической повѣсти Велса «The Time Machine». Содержаніе таково. Великій изобрѣтатель придумалъ машину, для которой ни время, ни пространство не существуютъ. При помощи ея, переставивъ лишь рычагъ, изобрѣтатель можетъ перенестись за милліоны лѣтъ назадъ или же впередъ. Предъ нами странная картина будущности человѣчества. Борьба между классами росла съ каждымъ вѣкомъ. Положеніе однихъ становилось все лучше да лучше, положеніе другихъ—все хуже да хуже. Наконецъ человѣчество раздѣлено на двѣ расы. Одна это—оптиматы. Они довели прогрессъ техники до высшей степени совершенства и могли бы насладиться всѣми плодами культуры, если бы ихъ наслажденіе не было бы отравлено вѣчнымъ страхомъ. Далеко внизу, подъ землей, въ пещерахъ, въ заброшенныхъ каменоломняхъ живутъ дикія, человѣкоподобныя существа,—выродившіеся потомки пролетаріата. Имъ разрѣшаютъ выходить на поверхность земли только по ночамъ, чтобы убрать тѣла умершихъ оптиматовъ. Этими трупами питаются подземные жители. Съ каждой главой разсказа «Time Machine»—картина становится все мрачнѣе да мрачнѣе. Авторъ разсуждаетъ такъ: если гигантскіе ихтіозавры и птеродактили могли выродиться въ маленькихъ ящерицъ и лягушекъ, почему же судьбѣ людей быть другой? И Велсъ рисуетъ картину одряхлѣвшаго міра. Послѣдніе остатки людей выродились въ покрытыя шерстью кэнгурообразныя существа; а волна эволюціи вынесла на упраздненное мѣсто «царей природы»... сколопендръ.

Но Господь съ ними, съ предсказаніями. «Наука» культурныхъ дикарей, въ концѣ концовъ, вѣдь своя собственная. Мнѣ хочется

обратить вниманіе на отмѣченную уже выше главу, гдѣ говорится о блестящихъ оптиматахъ на землѣ и о выродившихся массахъ, питающихся трупами, въ подземныхъ пещерахъ. Мнѣ кажется, что для Англіи предсказанія эти не вѣрны. Всего скорѣе можно думать, что изобрѣтатель какъ нибудь ошибся при перестановкѣ рычага и, вмѣсто будущаго, очутился въ прошломъ. Дѣйствительно, въ XVIII вѣкѣ, одинъ изъ наиболѣе популярныхъ ученыхъ авторовъ Англіи обличалъ «мануфактурную чернь, забравшую себѣ въ голову мысль, что, какъ англичане, она имѣетъ природное право на обладаніе особенной привилегіей: быть свободнѣе и независимѣе работниковъ какой бы то ни было другой страны Европы». Онъ рекомендовалъ «черни» «никогда не считать себя независимой отъ тѣхъ, которые стоятъ выше ея». Для смиренія же строптивой черни онъ находилъ самымъ лучшимъ средствомъ—кормленіе ея впроголодь. Авторъ былъ настолько заботливъ, что приложилъ даже рецептъ самаго подходящаго корма для массы: 5 фунт. ячменя, 5 ф. маиса, на три пенса селедокъ, на пени соли, на пени уксусу, на два пени перцу и зелени,—всего на сумму $20^3/_4$ пенса; изъ этого готовятъ супъ на 64 человѣка. Такимъ образомъ содержаніе человѣка можно сократить до ¼ пенса. Какъ видите, по питательности, рецептъ почти приближается къ той діэтѣ, на которую въ повѣсти Велса посадили оптиматы подземныхъ обывателей. Изъ автобіографіи Джозефа Арча, о которой я говорилъ уже, можно видѣть, что мурья англійскаго мужика въ началѣ нынѣшняго вѣка не многимъ отличалась отъ пещеры. Какой рѣзкій контрастъ между описаніемъ жилищъ ткачей или нортумберлэндскихъ рудокоповъ въ началѣ и концѣ столѣтія! Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ постель считалась тамъ роскошью; теперь и въ гостиной ткача, машиниста или рудокопа можно найти мягкую мебель, картины, піанино или же гармоніумъ. («The Industrial North»). Это относительно внѣшней культуры. Что касается умственнаго развитія, то тутъ прогрессъ еще большій. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ англійская масса могла бы отстаивать печальную прерогативу считаться наиболѣе темной въ Европѣ. Тогда не трудно было найти индивидуумовъ, въ умственномъ отношеніи стоявшихъ не многимъ выше, чѣмъ дегенераты Велса. Съ тѣхъ поръ утекло много воды *). Надъ горизонтомъ жизни англійскихъ массъ взошло новое солнце; не прозрачное свѣтило «четвертаго измѣренія», освѣщающее лицо съ выраженіемъ скорби и отчаянія, а яркое, ласкающее, лучезарное...

---

*) Вотъ, напр., маленькая таблица, показывающая прогрессивное уменьшеніе процента неграмотныхъ, подписавшихъ брачный контрактъ крестомъ.

Годы.	Мужч.	Женщ.	Годы.	Мужч.	Женщ.
1843	32,7	49	1883	12,6	15,5
1853	30,4	43,9	1893	5,0	5,7
1863	23,8	33,1	1894	4,6	5,4
1873	13,8	25,4	1895	4,0	4,8

Мнѣ кажется, было бы интересно отмѣтить нѣкоторые изъ тѣхъ факторовъ, которые содѣйствовали пріобщенію англійскихъ массъ къ культурѣ съ того времени, какъ внѣшнія соціальныя условія измѣнились на столько, что пріобщеніе это стало возможнымъ. Въ этомъ письмѣ я скажу про то, какъ распространяется высшее и среднее образованіе среди массъ. Начну съ «university extension».

II.

«The University Extension's object is to bring the Universities to the people who cannot themselves come to the Universities». (Движеніе *университета для всѣхъ* имѣетъ цѣлью приблизить университеты къ народу, если народъ самъ не можетъ придти къ нимъ). Таковъ девизъ, выставленный лекторами оксфордскаго университета, который теперь стоитъ во главѣ движенія. University Extension movement зародилось въ Кембриджѣ въ 1873 г., когда профессора устроили рядъ систематическихъ лекцій въ Дерби, Лейстерѣ и Ноттингамѣ. Гораздо раньше этого, за два вѣка, деканъ колегіи Каюса (въ Кембриджѣ), Вильямъ Деллъ составилъ проектъ вольнаго университета. Въ 1876 г. въ Лондонѣ возникаетъ London Society for the Extension of University Teaching (лондонское общество для распространенія университетскаго образованія), а черезъ два года къ движенію примыкаетъ оксфордскій университетъ. Въ 1892 г. къ кембриджскому университету присоединился даргамскій, а черезъ пять лѣтъ университетъ Викторіи становится главнымъ пунктомъ распространенія образованія въ промышленныхъ графствахъ. Лекторы, примыкающіе къ одному изъ этихъ четырехъ университетовъ, устраиваютъ въ такъ называемыхъ *центрахъ* или систематическіе курсы по извѣстному предмету или же начальныя лекціи (pioneers lectures). *Центръ*, т. е. аудиторія вольнаго университета, организуемая какимъ нибудь городкомъ, возникаетъ обыкновенно такъ. Иниціаторомъ является одно лицо, большею частью, женщина, видѣвшая, какъ устраиваются подобные центры гдѣ нибудь въ сосѣднемъ городкѣ. Дама заинтересовываетъ своихъ друзей. Составляется маленькій кружокъ. На иниціатора возлагаются обязанности секретаря. Прежде всего привлекаютъ мэра, затѣмъ сзывается митингъ, на которомъ присутствуетъ представитель одного изъ университетовъ. Митингъ принимаетъ предложенную резолюцію объ организаціи *центра*, назначаетъ исполнительный комитетъ, утверждаетъ секретаря и гарантируетъ смѣту расходовъ (среднимъ числомъ 5 ф. за лекцію). Комитетъ рѣшаетъ, какой курсъ будетъ прочитанъ, и приглашаетъ лектора. Когда лекторъ пріѣзжаетъ, онъ останавливается въ домѣ одного изъ членовъ комитета, отъ котораго узнаетъ, какой родъ слушателей соберется, затѣмъ вообще объ уровнѣ развитія городка, о томъ, какія требованія здѣсь предъявляются къ лектору и т. п. Такимъ образомъ, странствующій про-

фессоръ знаетъ заранѣе, что онъ можетъ сказать, не рискуя быть не понятымъ. На первой лекціи профессоръ намѣчаетъ свой курсъ, состоящій обыкновенно изъ 6, 12 или 24 лекцій, прочитываемыхъ разъ въ недѣлю. Послѣ каждой лекціи профессоръ раздаетъ своимъ слушателямъ печатные конспекты (syllabus), маленькія брошюры, содержащія основные пункты лекціи, списокъ руководствъ и тѣ цитаты, которыя лекторъ считаетъ особенно важными.

Мы съ вами въ Иденбриджѣ, въ маленькомъ городкѣ, лежащемъ при юго-восточной желѣзной дорогѣ. До возникновенія *центра*, здѣсь существовали уже такъ называемыя «reading parties», система чтеній, введенная вначалѣ носителями просвѣщенія изъ Тойнби-Холла въ Уайтчепелѣ. Система состоитъ въ слѣдующемъ. Организаторъ подбираетъ кружокъ изъ 12 человѣкъ, умѣющихъ только читать да писать, и раздаетъ имъ такіе популярно написанные учебники, какъ «Краткій курсъ политической экономіи» Уокера, «Физіографія» Гексли или какъ «Краткая исторія англійскаго народа» Грина. Вначалѣ каждый прочитываетъ главу у себя дома, затѣмъ кружокъ собирается, и одинъ изъ участвующихъ читаетъ ту же главу вслухъ, а остальные обсуждаютъ прочитанное. Когда глава усвоена вполнѣ, участвующіе дѣлаютъ письменныя работы по поводу ея. Такимъ образомъ, читатели основательно знакомятся съ хорошо составленнымъ учебникомъ и мало-по-малу подготовляются къ слушанью систематическаго курса.

Такія Reading Parties давно уже существовали въ Иденбриджѣ. Назрѣла потребность сдѣлать дальнѣйшій шагъ. Населеніе пригласило профессора оксфордскаго университета Гобсона, не безъизвѣстнаго и у насъ, прочесть курсъ изъ 12 лекцій подъ названіемъ «Современные промышленные вопросы». Публика собралась въ городскомъ залѣ, въ единственномъ большомъ мѣстномъ помѣщеніи. Она состоитъ изъ начальныхъ учителей, изъ мелкихъ лавочниковъ и клерковъ да изъ рабочихъ. На эстрадѣ сидятъ члены мѣстнаго комитета, съ мэромъ во главѣ. Въ сторонѣ отъ нихъ—огромный бѣлый экранъ. Вотъ въ залѣ потушили свѣтъ, и на экранѣ появились при помощи волшебнаго фонаря слова популярной пѣсни: «Рука объ руку товарищи!»

Working men throughout the nation,
Join us in Co-operation,
For our social elevation,
Haste ye to our call.

Поетъ хоръ мѣстныхъ любителей; но вотъ всѣ въ залѣ подхватываютъ припѣвъ:

«The present is time for action;
Let not selfish class or faction
E'er amongst you spread distraction
Come now, one and all».

Музыка нѣсколько монотонна: всѣ англійскія хоровыя пѣсни поются на церковные гимны; но выходитъ хорошо и торжественно. Въ залѣ опять свѣтло. Послѣ традиціоннаго представленія предсѣдателемъ лектора, Гобсонъ начинаетъ свою лекцію. Онъ характеризуетъ Англію, какъ «націю горожанъ». Онъ говоритъ о стремленіи изъ деревни въ городъ, о причинахъ явленія, объ иммиграціи, увеличивающей еще болѣе число горожанъ; лекторъ разсматриваетъ затѣмъ возникшее движеніе «обратно на землю», и обсуждаетъ возможность прогресса агрикультуры. Послѣ лекціи слѣдуютъ вопросы. Одинъ изъ слушателей задаетъ вопросъ, какое вліяніе на крупную промышленность будетъ имѣть прогрессъ электротехники, когда явится возможность передавать энергію, напр. Ніагары, всюду, такъ что кустарь сможетъ держать у себя дома электродвигатель. Другой слушатель желаетъ выяснить себѣ причины иммиграціи. Лекторъ даетъ подробныя объясненія, затѣмъ рекомендуетъ списокъ источниковъ. Тутъ многотомный трудъ Чарльза Бузса «Жизнь и трудъ народа», книги Смита «Migrations of Labour», Граама «Исходъ изъ деревни», трудъ самого Гобсона «Problems of Poverty» и пр. Большинство этихъ книгъ слушатели могутъ достать въ безплатной общественной библіотекѣ, которая имѣется въ каждомъ англійскомъ городѣ. Источники можно имѣть на льготныхъ условіяхъ изъ университета. Эти же книги лекторъ привозитъ съ собой. Онѣ составляютъ, такъ называемую, travelling library, т. е. странствующую библіотеку.

Предсѣдатель приноситъ отъ имени слушателей благодарность лектору, затѣмъ вновь гаснетъ свѣтъ, и на экранѣ появляются слова другой популярной пѣсни: «Всѣ за одного!»

Опять, какъ прежде, всѣ присутствующіе разомъ подхватываютъ припѣвъ: «Всѣ за одного!—таковъ нашъ лозунгъ. Будьте настойчивы и упорны. Будьте готовы работать, бороться и отстаивать ваши права».

Это—первая лекція. Въ слѣдующихъ Гобсонъ разбираетъ важный вопросъ о поштучной системѣ работы, которая въ Англіи носитъ характерное названіе «системы потѣнія» (sweating system) и объясняетъ существованіе системы двумя факторами: отсутствіемъ отвѣтственности предпринимателей и плохой организаціей рабочихъ. Темами для дальнѣйшихъ лекцій служатъ: положеніе женщинъ на фабрикахъ, восьми-часовой день, кооперативное движеніе и промышленные итоги. Въ заключительной лекціи профессоръ анализируетъ двѣ силы: концентрированный капиталъ и организованный трудъ и выясняетъ будущность каждой изъ нихъ. Такимъ образомъ, заканчивается цѣлый систематическій курсъ. За это время слушатели успѣли хорошо познакомиться съ такимъ капитальнымъ трудомъ, какъ «History of Trade Unionism» Сиднея-Вебба; они порядочно знаютъ книги: «Отношенія государства къ труду» Джевонса и «Эволюцію современнаго капитализма» Гобсона. Послѣ каждой лекціи

профессоръ задаетъ своимъ слушателямъ на домъ письменныя работы, которымъ придаетъ огромное значенiе. Онъ знакомится лично съ каждымъ студентомъ. Отвѣты посылаются профессору почтой. Онъ ихъ возвращаетъ со своими примѣчанiями.

Курсъ конченъ. Въ городокъ прiѣзжаетъ командированный университетомъ экзаменаторъ, который, выслушавъ студентовъ, раздѣляетъ ихъ на два разряда: «отличившихся» и «удовлетворившихъ экзаменатора». Окончившiй первымъ получаетъ призъ. Но вѣдь курсъ можно забыть? Какъ поддерживать въ бывшихъ слушателяхъ безпрерывный интересъ къ тѣмъ вопросамъ, съ которыми они уже познакомились? Съ этой цѣлью, немедленно послѣ отъѣзда лектора, въ городкѣ возникаетъ, такъ называемая, студенческая ассоцiацiя (students' Association), т. е. кружокъ лицъ, желающихъ продолжать изученiе экономическихъ, литературныхъ или философскихъ вопросовъ. «Ассоцiацiя» выбираетъ предсѣдателя, секретаря, казначея и нанимаетъ помѣщенiе, гдѣ собирается каждую недѣлю. На учредительномъ митингѣ ассоцiацiя намѣчаетъ рядъ вопросовъ, интересующихъ ее. Желающiе подготовляютъ по этимъ вопросамъ доклады, которые прочитываются и обсуждаются на одномъ изъ засѣданiй. Обыкновенно одинъ изъ сочленовъ составляетъ краткiй письменный отчетъ: записываетъ обсуждавшiйся вопросъ, доводы, выставленные докладчиками, и тѣ возраженiя, которыя дѣлались присутствующими по поводу этихъ доводовъ. Отчетъ посылается на просмотръ профессору, который возвращаетъ его со своими примѣчанiями. Иногда кто либо изъ присутствующихъ составляетъ полный стенографическiй отчетъ. Знанiе скорописи очень теперь распространено въ Англiи, такъ какъ преподается почти во всѣхъ начальныхъ школахъ. Знанiе стенографiи обязательно для каждаго англiйскаго конторщика. Стенографическiй отчетъ тоже просматривается профессоромъ. Между нимъ и «центромъ» устанавливается безпрерывная, теплая и сердечная связь. «Студенческая ассоцiацiя» часто соединяется съ book clubs, т. е. съ кружками лицъ, объединившихся для того, чтобы сообща выгоднѣе прiобрѣтать книги, необходимыя для саморазвитiя. Book clubs существуютъ теперь въ каждой деревушкѣ. Предъ «ассоцiацiей» широко раскрываются двери всѣхъ мѣстныхъ музеевъ, библiотекъ и частныхъ коллекцiй. Ученые и литераторы, живущiе въ данномъ городѣ, съ удовольствiемъ предлагаютъ ассоцiацiи свои услуги. Раза два въ годъ устраиваются большiе, открытые митинги—social gatherings. Читаются отчеты, приглашенный извѣстный лекторъ дѣлаетъ какой-нибудь интересный докладъ, свой собственный хоръ поетъ гимнъ «Пробудись Англiя» Карпентера или «Всѣ за одного». Такимъ образомъ, въ маленькомъ городкѣ образуется крѣпко сплоченный союзъ лицъ, интересующихся общественными вопросами. Къ такому ядру безпрерывно присоединяются все новыя и новыя лица. Мысль студентовъ работаетъ безпрерывно. Доклады, чтенiе и митинги вырабатываютъ способность логически

мыслить и логически говорить, не уклоняясь въ сторону отъ вопроса, не растекаясь мыслью по древу и шизымъ орломъ подъ облака. Время отъ времени ассоціація приглашаетъ профессора прочесть имъ докладъ по тому вопросу, который она сама не можетъ разрѣшить.

Помимо членскаго взноса въ одинъ шиллингъ, участники ассоціаціи вносятъ ежемѣсячно казначею по три шиллинга въ travelling fond, въ фондъ для путешествій. На эти деньги ежегодно организуются поѣздки на summer meetings, о которыхъ далѣе, или же въ Лондонъ, чтобы осмотрѣть музеи, картинныя галлереи и библіотеки столицы. Въ такомъ случаѣ экскурсанты посѣтятъ школу экономическихъ и политическихъ наукъ, послушаютъ тамъ лекціи Сиднея Вебба, познакомятся со студентами другихъ ассоціацій и узнаютъ, какіе вопросы интересуютъ ихъ. Нѣсколько десятковъ такихъ ассоціацій устроятъ одно засѣданіе, social gathering и пр. Если ассоціація состоитъ изъ лицъ, сравнительно хорошо зарабатывающихъ, напр. ткачей, клерковъ, механиковъ, то во время лѣтнихъ праздниковъ она соберется на кооперативныхъ началахъ на континентъ: въ Парижъ, въ Брюсель или въ Швейцарію *).

Я передалъ въ общихъ чертахъ исторію типичнаго *центра*. Могутъ быть, однако, различныя отклоненія отъ основного типа. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лекціи организуются какимъ-нибудь уже существующимъ обществомъ: механическимъ институтомъ, мѣстной школой или же общественной библіотекой. На сѣверѣ Англіи въ промышленныхъ кругахъ университетскіе центры основываются кооперативными обществами. Иногда послѣднія берутъ на себя всѣ расходы, затѣмъ открываютъ свободный для всѣхъ доступъ на лекціи. Въ послѣднее время замѣчаются признаки предстоящихъ перемѣнъ въ организаціи системы. Перемѣны эти являются логическимъ результатомъ развитія системы «университетъ для всѣхъ». Она стала теперь вполнѣ національнымъ учрежденіемъ не только признаннымъ, но и поддерживаемымъ государствомъ. Перемѣны въ организаціи системы состоятъ въ слѣдующемъ: *центры* различныхъ графствъ соединяются теперь въ федераціи; нѣкоторые центры «муниципализируются»; возникаютъ группы сельскихъ *центровъ* (country centres) для изученія техническихъ наукъ. Эти послѣднія группы находятся въ связи съ мѣстными муниципалитетами.

Въ федерацію входятъ обыкновенно *центры* трехъ, четырехъ графствъ; такъ, напримѣръ, Кентъ, Саррей, Сусексъ и Гамширъ

---

*) Такія кооперативныя поѣздки стоятъ здѣсь очень дешево; напр., обратный билетъ второго класса изъ Лондона въ Люцернъ стоитъ 5 ф. «Политехникумъ», организующій кооперативныя поѣздки, предлагаетъ билетъ второго класса и семь дней полнаго пансіона въ дорогѣ, въ Парижѣ и въ Люцернѣ за тѣ же пять фунтовъ. Онъ организуетъ кооперативныя поѣздки за ту же сумму въ Норвегію или на о. Мадейру.

образуютъ юго-восточную федерацію. Корнвалисъ, Девонъ и Сомерсетъ соединились въ юго-западную и т. д. *Федерація* сообща приглашаетъ лекторовъ, на кооперативныхъ началахъ организуетъ библіотеки и пр. «Муниципализація» состоитъ въ томъ, что *центръ* возникаетъ не по иниціативѣ одного лица или же кружка, а представителей всего города. Типичнымъ примѣромъ можетъ служить городъ Exeter, гдѣ въ организаціонномъ комитетѣ мы видимъ мэра, затѣмъ членовъ муниципалитета, мѣстнаго музея, библіотеки, школьнаго совѣта, литературнаго, рабочаго и кооперативнаго обществъ.

Въ 1890 г. въ парламентѣ прошелъ Local Taxation Act, уполномочившій муниципалитеты поддерживать техническія школы. Парламентскій актъ очень широко опредѣлялъ, что такое *техническое* образованіе. Муниципалитеты истолковали актъ еще шире, рѣшивъ, что «технической» школой будетъ такая, въ которой преподается все, кромѣ исторіи и литературы. Впрочемъ, нѣкоторые комментаторы пошли еще дальше, рѣшивъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ исторія и литература тоже могутъ быть предметами «техническими». Въ силу парламентскаго акта муниципалитеты многихъ городовъ поддерживаютъ *центры*, разъ тамъ читаются лекціи по политической экономіи, соціологіи и др. «техническимъ» предметамъ. Лѣтъ шесть тому назадъ университеты, руководящіе движеніемъ University Extension, предложили муниципалитетамъ устроить систематическія чтенія по химіи и механикѣ въ связи этихъ предметовъ съ агрикультурой. Такіе курсы читаются теперь въ 37 городкахъ и деревняхъ. Ихъ посѣщаютъ 1,450 слушателей-крестьянъ. Въ графствѣ Норфолькъ организаторы попробовали другой способъ распространенія техническихъ знаній среди народа. Въ трехъ пунктахъ: въ Норвичѣ, въ Кингсъ-Линѣ и въ Элмгамѣ устроили школы для народныхъ учителей, которые съѣзжаются по субботамъ. Слушателямъ читаютъ лекціи по химіи и объясняютъ, какъ примѣнять эту науку въ земледѣліи. Каждая лекція сопровождается практическими работами, причемъ всякій слушатель продѣлываетъ самъ наиболѣе важные опыты. Учителя, выслушавшіе полный курсъ, читаютъ сами потомъ лекціи въ деревняхъ. Муниципалитеты снабжаютъ лекторовъ всѣми необходимыми для опытовъ приборами. Наиболѣе цѣнные аппараты учителя берутъ изъ центральнаго для всего графства музея. Кромѣ химіи, крестьянамъ читаютъ теперь агрикультурную геологію и ботанику, гигіену домашнихъ животныхъ и пр. Послѣ окончанія курса пріѣзжаетъ экзаменаторъ, задающій письменныя работы *).

*) Вотъ нѣкоторые вопросы, на которые въ деревняхъ крестьяне давали письменные отвѣты: 1) Какія условія дѣлаютъ воздухъ негоднымъ для дыханія. Какъ устроить самому вентиляторы. Какъ испробовать воздухъ въ колодцѣ и какъ удалить оттуда вредные газы. 2) Что дѣлаетъ воду жесткой и какъ жесткую воду сдѣлать мягкой. 3) Назовите нѣсколько

Въ глухихъ углахъ, куда лекторы не заглядываютъ вслѣдствіе плохого сообщенія, возникаютъ Reading Circles. Члены ихъ это—учащіеся, занимающіеся отдѣльно, но подъ руководствомъ (письменнымъ) преподавателя. Каждый, принадлежащій къ Reading Circle, вноситъ въ годъ 10 шиллинговъ. За это онъ получаетъ на льготныхъ условіяхъ книги; его письменныя работы просматриваются профессоромъ; ему доставляютъ конспекты лекцій и пр. Раза три въ годъ члены reading circles извѣстнаго района собираются на митингъ, чтобы сообща обсудить нѣкоторые вопросы, возникшіе при изученіи какого нибудь предмета.

Ежегодно въ маѣ происходитъ общій съѣздъ всѣхъ учащихся Англіи и Валлиса. Это, такъ называемые, Summer-Meetings. До сихъ поръ сборнымъ мѣстомъ служилъ Оксфордъ. Въ этомъ году въ первый разъ съѣздъ состоится въ Лондонѣ. Конгрессъ продолжается отъ 10—14 дней. По утрамъ читается собравшимся систематическій курсъ по какому нибудь предмету. Въ этомъ году, какъ сообщаетъ одинъ изъ оффиціальныхъ журналовъ движенія «университетъ для всѣхъ»—«The University Extension Journal», Граамъ-Уолесъ прочтетъ рядъ лекцій о самоуправленіи Лондона, а Бербомъ-Три—объ идеальномъ театрѣ. Среди состава профессоровъ, читавшихъ на лѣтнихъ съѣздахъ, находимъ имена Макса Мюллера, Торольда Роджерса, Генри Морлея, Артура Сиджвика и пр. По вечерамъ устраиваются митинги, читаются отчеты и доклады, разсматриваются вопросы, возникшіе въ томъ или другомъ центрѣ. Затѣмъ, въ свободное время, конгрессисты осматриваютъ музеи, картинныя галлереи и библіотеки. Чтобы дать возможность самымъ бѣднымъ студентамъ посѣтить эти лѣтніе съѣзды,—существуютъ многочисленныя стипендіи. Въ этомъ году, во время съѣзда, лондонская школа экономическихъ наукъ *) устраиваетъ конкурсный экзаменъ. Пятнадцать изъ выдержавшихъ студентовъ получатъ стипендію для окончанія школы.

Теперь—нѣсколько цифръ. Изъ отчета кембриджскаго университета, къ которому примыкаетъ даргамскій, видно, что въ 1896—1897 гг. полные курсы были прочитаны въ 47 *центрахъ*. Лекціи посѣщали 4,708 слушателей, изъ которыхъ 1,908 человѣкъ остава-

---

сортовъ удобренія. Зачѣмъ оно нужно растенію. Какъ лучше класть его. 4) Какъ дренировать самому глинистую почву и какое вліяніе имѣетъ дренажъ. 5) Опишите лампу Дэви и скажите, почему нѣкоторыя масла взрываютъ и т. д.

*) «The London School of Economics and Political Science»—высшее учебное заведеніе, основанное въ октябрѣ 1895 г. для желающихъ изучать политическія науки. Въ настоящее время въ школѣ 395 студентовъ. Организаторомъ ея является Сидней Веббъ, а содержится на счетъ лондонскаго муниципалитета. При школѣ теперь находится прекрасно организованная библіотека по спеціальнымъ предметамъ (The Britich Library of Political Science), открытая не только для всѣхъ студентовъ, но и вообще для изучающихъ политическую экономію.

лись послѣ лекцій для систематическихъ работъ. Экзаменовалось 743 человѣка. Почти столько же слушателей (4,208) привлекали начальныя лекціи (pioneer courses). Въ общемъ, въ отчетномъ году у лекторовъ кембриджскаго университета было 8,916 слушателей, изъ которыхъ 2,592 занимались систематически. Больше всего прочитано было курсовъ по вопросамъ экономическимъ, затѣмъ слѣдуетъ исторія англійской конституціи и исторія англійскихъ религіозныхъ войнъ *). Тема начальныхъ лекцій нѣсколько пестра: исторія франко-прусской войны, революція 1879 г., освободительное движеніе въ Италіи, Данте, Шекспиръ и писатели эпохи Елизаветы, объ инстинктѣ, Флорентинская республика, о вулканахъ и пр.

Къ оксфордскому университету тяготѣетъ гораздо большее число центровъ, именно—104. Въ нихъ прочитано было въ отчетномъ году 127 систематическихъ курсовъ, посѣщавшихся 18,387 слушателями. Курсы, устраиваемые университетомъ Викторіи, имѣли 2,730 постоянныхъ слушателей. Мы здѣсь въ центрѣ промышленной Англіи. Публику интересуютъ. по премуществу, соціальные вопросы: исторія трэдъ-юніонизма, коопераціи, заработная плата и пр., хотя, на ряду съ этимъ, мы встрѣчаемъ курсы по вопросамъ этическимъ и литературнымъ. «Лондонское общество для распространенія университетскаго образованія» очень молодо; но курсы, устраиваемые имъ, привлекли въ прошломъ году 12,925 слушателей. University Extension теперь только становится крѣпко на ноги, сливаясь мало по малу съ двумя потоками англійской народной жизни: съ кооперативнымъ движеніемъ и съ трэдъ-юніонизмомъ.

III.

Перехожу теперь къ другимъ организаціямъ, преслѣдующимъ аналогичныя цѣли съ University Extension. Онѣ, главнымъ образомъ, сосредочены въ Лондонѣ. Прежде всего, конечно, слѣдуетъ упомянуть объ *университетскихъ поселеніяхъ*. Въ центрахъ нищеты,

*) Взглядъ лектора на послѣднія опредѣляется слѣдующимъ мѣстомъ: «Дѣды наши, дѣйствительно, боролись ошибочно. Они пошли по тропѣ, которая ведетъ не къ мудрости и справедливости, а къ безумію и несправедливости; но мудрость и справедливость была та цѣль, ради которой наши предки начали борьбу. И никакой человѣкъ, борющійся даже за ложный идеалъ, не можетъ пасть такъ низко, какъ человѣкъ, который совсѣмъ не имѣетъ идеала. Если Англія добилась свободы слова и мысли, если впослѣдствіи она, порой, поднималась, чтобы сбить оковы съ рабовъ и заступиться за угнетеннаго, забывъ о матеріальныхъ благахъ; если она горда не только сознаніемъ, что она свободна сама, но и тѣмъ, что Англія является матерью свободы для континента;—то это все потому, что въ критическій моментъ своей исторіи она предпочла лучше ополчиться на бой за то, что считала истиной, чѣмъ успокоиться на томъ, что матеріальныя блага обезпечены».

въ кварталахъ, одно названіе которыхъ еще недавно считалось зазорнымъ, теперь всюду возникли и возникаютъ своего рода маяки культуры и гуманности. Населеніе ихъ состоитъ изъ молодыхъ людей обоего пола, окончившихъ университетъ, желающихъ изучить нужды голытьбы и принести ей посильную пользу. Это кружки лицъ, желающихъ отдать народу часть огромнаго долга, не поддающагося даже исчисленію. «Цѣль университетскихъ поселеній состоитъ въ томъ, чтобы свести вмѣстѣ огромную массу поденщиковъ съ наблюдателями, изучающими общественные вопросы, дабы это могло содѣйствовать національному прогрессу»,—читаемъ мы въ уставѣ перваго «маяка культуры», возникшаго въ память благороднаго Арнольда Тойнби. Я писалъ уже какъ-то въ *Русскомъ Богатствѣ* объ университетскихъ поселеніяхъ въ Уайтчепелѣ. Теперь я дополню лишь сказанное уже. Поселенія можно раздѣлить на три типа: смѣшанныя, въ которыхъ живутъ молодые люди обоего пола, исключительно мужскія и исключительно женскія. Каждый изъ этихъ типовъ имѣетъ своеобразную физіономію. Мужскія поселенія, главнымъ образомъ, занимаются научной работой, женскія—очень много удѣляютъ филантропіи, смѣшанныя же—являются своеобразнымъ синтезомъ двухъ крайнихъ типовъ. Къ смѣшанному типу относится старѣйшее поселеніе на Комершанъ-стритъ Тойнби-Холлъ, затѣмъ, возникшее лишь въ концѣ прошлаго года «Passmore Edwards settlement». Изъ всѣхъ поселеній они главнымъ образомъ являются дѣятельными помощниками движенія «Университета для всѣхъ». Населеніе Тойнби-Холла дѣятельно устраиваетъ систематическіе курсы, вечерніе классы, reading parties, о которыхъ я уже говорилъ выше, и начальныя лекціи. Обитатели Тойнби-Холла называютъ послѣдній родъ дѣятельности своей амбулаторной работой. Среднимъ числомъ, постоянные курсы Тойнби-Холла посѣщаютъ 1,000 слушателей, изъ которыхъ 75% живутъ въ Уайтчепелѣ и въ сѣверо-восточной части Лондона. Въ отчетномъ году въ Тойнби-Холлѣ прочитанъ былъ систематическій курсъ по политической экономіи, состоявшій изъ 24 лекцій, затѣмъ курсы біологіи (8 лекцій), физіологіи обыденной жизни (6 лекцій), геологіи (15 лекцій), прикладной механики и пр. Въ прошломъ и въ текущемъ годахъ, по воскресеньямъ для случайныхъ слушателей читались лекціи о «великихъ людяхъ», — біографіи и оцѣнка дѣятельности Джона Брайта, Карлейля, Мазини, Дарвина, Джона Дальтона, Гексли, Чарльза Лайеля. Каждыя двѣ недѣли устраиваются, такъ называемые, Smoking Debates. Собираются всѣ студенты, записавшіеся на цѣлый курсъ, одинъ читаетъ докладъ, а потомъ всѣ дебатируютъ. Дебатами руководитъ одинъ изъ живущихъ въ поселеніи. Я былъ какъ то на одной изъ такихъ конференцій. Обсуждался вопросъ о свободной торговлѣ. Нужно было слышать, какія остроумныя и мѣткія замѣчанія на докладъ дѣлались слушателями—столярами, сапожниками, каменщиками и пр.

Меня, какъ русскаго человѣка, признаться, поразило другое: умѣнье идти въ дебатахъ прямо къ цѣли, безъ малѣйшей девіаціи въ сторону, безъ увлеченія потокомъ собственнаго краснорѣчія въ дремучія дебри, гдѣ и слушатели, и ораторъ застрѣваютъ и начинаютъ вертѣться на одномъ мѣстѣ, пока часы не покажутъ, что пора по домамъ. На другихъ Smoking debates въ Тойнби-Холлѣ обсуждались темы: «либерализмъ и соціальныя реформы», «международная промышленная кооперація», «раздѣленіе труда» и т. д. Раза два въ годъ бываютъ «Спеціальныя конференціи по общественнымъ и экономическимъ вопросамъ», собирающія болѣе тысячи слушателей. Такъ было, когда въ іюнѣ прошлаго года Ривсъ дѣлалъ докладъ о соціальныхъ опытахъ молодой колоніи въ Новой Зеландіи. Постоянные «колонисты» Тойнби-Холла организовали много кружковъ, члены которыхъ—постоянные слушатели лекцій. Таково Toynbee Shakespeare Society, собирающееся по четвергамъ; таковы кружокъ любителей естественной исторіи, экономическій клубъ, на засѣданіяхъ котораго въ этомъ году прочитано не мало интересныхъ докладовъ, какъ напримѣръ: «нѣкоторыя ошибки въ теоріи ренты», «новыя теченія въ рабочемъ движеніи» и т. д. Студенты составляютъ также Toynbee Travellers Club (клубъ путешественниковъ) для кооперативныхъ поѣздокъ.

Passmore Edwards Settlement основано лишь въ октябрѣ прошлаго года, въ центрѣ Вестъ-Энда. Здѣсь, недалеко отъ наиболѣе богатыхъ улицъ, находится одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ и забитыхъ кварталовъ Лондона. Голытьба собралась сюда, разсчитывая или же на работу, которую можетъ дать богатый Вестъ-Эндъ, или же на пороки его. Туристъ, попадающій въ Лондонъ, прежде всего, конечно, осматриваетъ Британскій музей, этотъ колоссальный складъ, если можно такъ выразиться, кристаллизованной мысли всѣхъ вѣковъ и народовъ. Туристъ выходитъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ всѣми этими сокровищами. Пусть онъ повернетъ налѣво отъ входа, на Теобальдову улицу, а оттуда свернетъ въ сторону. Туристъ сразу очутится въ кварталѣ, повидимому, отдѣленномъ промежуткомъ въ два вѣка отъ культурнаго міра. Улицы здѣсь извилисты, узки и грязны. Среди капустныхъ листьевъ и пр. сора на тротуарахъ гомозятся оборванныя, блѣдныя дѣти, глаза которыхъ обведены громадными синими кругами. По понедѣльникамъ у всѣхъ женщинъ подбиты глаза, а у мужчинъ разбиты носы; по субботамъ изъ многочисленныхъ кабаковъ слышится пьяный вой. Женщины, въ стоптанныхъ башмакахъ, въ изломанныхъ шляпкахъ, робко стоятъ у входа и тоскливо заглядываютъ въ зеркальныя окна кабаковъ, не удастся ли вызвать мужей, не удастся ли спасти хоть часть недѣльнаго заработка. Въ будни, до глубокой ночи, въ окнахъ домовъ виденъ свѣтъ. Если вы заглянете въ такую мурью, вы увидите слѣдующую картину: мать, дочери, маленькія дѣти—всѣ возятся возлѣ груды новой ме-

бели. Это—полировщики «потѣльщики». Отецъ, оборванный, распухшій, зачастую валяется безъ чувствъ тутъ же на грязномъ полу. Чтобы забыться, онъ напился дешевымъ метиловымъ спиртомъ, употребляемымъ для полировки мебели... По вечерамъ изъ этого квартала на тротуары богатыхъ улицъ отправляются пестро разодѣтыя, нарумяненныя женщины. Таковъ тотъ кварталъ, въ которомъ возникло въ прошломъ году новое университетское поселеніе. На учрежденіе его Пасморъ Эдуардсъ пожертвовалъ 15 тыс. фунтовъ стерлинговъ да 1,500 фунтовъ дало другое лицо, оставшееся неизвѣстнымъ. Пасморъ Эдуардсъ основалъ уже около 35 богатыхъ народныхъ библіотекъ и музеевъ въ наиболѣе бѣдныхъ кварталахъ, какъ Лондона, такъ и другихъ городовъ Англіи. Одной изъ учредительницъ новаго поселенія является довольно извѣстная у насъ, въ Россіи, романистка Гемфри Уордъ (авторъ «Марчеллы» и «Давида Грива»). Пока въ поселеніи пятнадцать колонистовъ. Они уже открыли систематическіе курсы. Среди лекторовъ мы находимъ Сиджвика, Граама-Уоллэса и Сиднея Вебба.

Ко второму типу университетскихъ поселеній относятся тѣ, въ которыхъ живутъ одни только мужчины. Таковъ «Броунинговскій залъ», учрежденный поклонниками поэта Роберта Броунинга въ одномъ изъ наиболѣе глухихъ и бѣдныхъ кварталовъ восточнаго Лондона. Поселеніе носитъ отчасти религіозный характеръ, такъ какъ во главѣ стоитъ раціоналистическая секта.

Перехожу теперь въ университетскимъ поселеніямъ, основаннымъ исключительно женщинами. Такихъ поселеній, вѣроятно, очень много. Дѣло въ томъ, что они дѣйствуютъ тихо и безшумно и становятся извѣстными тогда, когда становятся очень сильными. Извѣстны теперь въ Лондонѣ четыре поселенія: «Bermondsey settlement», основанное Маріей Симонсъ, «Mansfield House,—наиболѣе типичное женское поселеніе, затѣмъ Mayfield House, основанный въ 1889 г. миссъ Карбетъ въ сѣверномъ Лондонѣ, но теперь перенесенный въ Уайтчепель, затѣмъ St. Margaret's House. Основательницей его была миссъ Гарингтонъ. Поселеніе помѣщалось вначалѣ въ сѣверномъ Лондонѣ. Когда колонистокъ набралось много, онѣ раздѣлились на двѣ партіи: одна, подъ предводительствомъ миссъ Гарингтонъ, поселилась въ той части доковъ, которая носитъ неблагозвучное названіе «Собачій Островъ»; другая, подъ предводительствомъ г-жи Кpослей, поселилась въ восточномъ Лондонѣ, въ Стратфордѣ. Какъ и всѣ университетскія поселенія, только что названныя тоже устраиваютъ систематическіе курсы и отдѣльныя лекціи; но женщины внесли въ дѣло огромный запасъ жалости. И она проявляется въ рядѣ филантропическихъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью хоть сколько нибудь пріютить и приласкать всѣхъ дѣтей пасынковъ цивилизаціи, да сдѣлать ихъ жизнь хоть немного краше. Познакомимся ближе съ Mansfield House.

Благотворительныя учрежденія, основанныя женскимъ поселе-

ніемъ, сильно разнятся отъ таковыхъ обычнаго типа. Зачастую филантропическія учрежденія превращаются въ своего рода арестантскія роты, въ которыхъ личность и самолюбіе бѣдняка не ставятся ни въ грошъ. Бѣдняка заставляютъ подчиняться уставу большею частью крайне суровому и обидному для самолюбія. «Облагодѣтельствованные» превращаются въ стадо, отъ котораго, прежде всего, требуется одно: дисциплина. «Колонистки»—не скучающія барыни, занимающіяся отъ нечего дѣлать благотворительностью. У нихъ даже другой взглядъ на филантропію: онѣ заботятся прежде всего о томъ, чтобы пригрѣтые чувствовали себя хозяевами. «Колонистки» устраиваютъ клубы для дѣвушекъ фабричныхъ, собранія для матерей, куда бы работницы могли приходить, какъ домой, съ шитьемъ. Вначалѣ въ клубъ являются прямо изъ любопытства или же для того, чтобы отогрѣться у топящагося камина. Дѣвушки фабричныя въ этой части Лондона рѣзки и грубоваты. Вначалѣ онѣ поднимаютъ на смѣхъ колонистокъ; но мало по малу ласковое обращеніе начинаетъ дѣйствовать. Фабричныя привязываются къ «колонисткамъ», которыя тогда начинаютъ устраивать чтенія. Черезъ годъ результаты оказываются огромными. То же самое и съ мальчиками. Они приходятъ сперва потому, что въ комнатѣ въ колоніи горитъ огонь, а мальчики такъ оборваны, а на дворѣ такъ холодно! Все это—забитые ребятишки, не знавшіе, большею частью, ласки, дикіе, какъ звѣрьки. Съ теченіемъ времени мальчики ручнѣютъ и начинаютъ чувствовать себя, какъ дома. Ихъ учатъ тогда, устраиваютъ имъ изрѣдка праздники, посылаютъ разъ въ годъ наиболѣе слабыхъ для отдыха въ деревню и т. д. Нищета тѣсно связана съ физическимъ уродствомъ. Обыкновенно иностранцу въ Англіи бросается прежде всего въ глаза цвѣтущій видъ населенія. Мужчины и женщины рослы, крѣпки, краснощеки; лица у дѣтей живыя, осмысленныя. Въ особенности, здоровье расы поражаетъ иностранца, только что пріѣхавшаго въ Лондонъ изъ Парижа. Но стоитъ только ему заглянуть въ бѣдные кварталы, какъ онъ увидитъ нѣсколько иную картину. Мужчины малорослы, слабы; дѣти—изнеможенныя, а калѣки среди нихъ составляютъ огромный процентъ. Горбатые, колченогіе, слѣпые попадаются на каждомъ шагу. Если въ бѣдныхъ кварталахъ здоровыя дѣти растутъ безъ всякаго призора и ласки, то можно себѣ представить, каково положеніе калѣкъ. Они напоминаютъ тѣхъ жалкихъ котятъ, которыхъ швырнули въ канаву, въ грязь. Котенокъ жалобно пищитъ, но настолько безсиленъ и настолько робокъ, что не въ силахъ даже выбраться изъ канавы на берегъ. «Колонистки» подобрали этихъ жалкихъ маленькихъ калѣкъ, обогрѣли ихъ, обмыли, одѣли, накормили и приласкали. Онѣ достали денегъ, на которыя выстроили лѣчебницу и школу для калѣкъ. При вознѣ съ ними колонистки показали, какая масса жалости кроется въ женскомъ сердцѣ. И если обиліе маленькихъ калѣкъ подтверждаетъ отчасти мрачное предсказаніе Велса о выродившихся людяхъ, загнанныхъ

оптиматами въ подземныя пещеры,—то дѣятельность университетскихъ поселеній наводитъ на болѣе отрадныя мысли.

Но я уклонился нѣсколько, такъ какъ въ этомъ письмѣ хотѣлъ говорить только о просвѣтительныхъ центрахъ. «Народный дворецъ» въ восточномъ Лондонѣ, Working men's college—западномъ, «Политехникумъ»—въ центральномъ группируютъ вокругъ себя не меньшее количество слушателей, чѣмъ Тойнби-Холлъ. Здѣсь тоже мы видимъ группировку студентовъ по ассоціаціямъ, затѣмъ—соціальныя конференціи, съѣзды, экономическіе и литературные, клубы и проч. Частью, я писалъ уже объ этомъ. Въ остальномъ все напоминаетъ организаціи при Тойнби-Холлѣ. Какъ и тамъ, слушатели, большею частью, въ возрастѣ отъ 20—25 лѣтъ; но есть гораздо старше. На лекціяхъ въ Working men's college можно встрѣтить студентовъ, которымъ подъ 60 *). Крайне интересны также «братства», возникшія въ послѣднія 10—15 л. Это—группы лекторовъ, желающихъ поднять умственный уровень массъ и дать имъ опредѣленное міровоззрѣніе. Наиболѣе интереснымъ изъ этихъ «братствъ» является «Ancoats Brotherhood», основанное пятнадцать лѣтъ тому назадъ, поэтомъ Вилліамомъ Моррисомъ. Къ «братству» принадлежатъ теперь наиболѣе популярные среди демократіи и талантливые ораторы, какъ Томъ Мэнъ, Бенъ Тиллетъ, Акландъ, мистрисъ Фаусетъ и др. «Братство» устраиваетъ безплатные курсы или же приглашаетъ другихъ популярныхъ лекторовъ прочесть ихъ.

Діонео.

Изъ Германіи

Бѣлая зала дворца въ Берлинѣ. Предъ трономъ съ малиновымъ балдахиномъ стоятъ полукругомъ около 200 депутатовъ рейхстага, въ мундирахъ, фракахъ, нѣкоторые въ мантіяхъ рыцарскихъ орденовъ, у многихъ на груди цѣлый букетъ изъ звѣздъ и крестовъ. Съ правой стороны заняли мѣсто находящіеся въ Берлинѣ генералы, съ лѣвой стали члены союзнаго совѣта съ канцлеромъ во главѣ. Взводъ гвардейскихъ солдатъ съ развернутыми знаменами входитъ въ залу парадныхъ маршемъ, отъ котораго стекла дрожатъ. Черезъ минуту раздается троекратный ударъ маршальскаго жезла

*) Въ отчетномъ году слушатели моложе 20 лѣтъ составляли въ W. M. College 32,8%, отъ 20—25 лѣтъ—37,7%; старше 30—11,4%. Что же касается родовъ занятій, то 37,4% составляли клерки, 7,4%—приказчики; 34,3% — рабочіе; музыканты, репортеры и актеры — составляли 2,2%, а солдаты—6,9%.

возвѣщающій приближеніе императора. Президентъ рейхстага идетъ ему на встрѣчу, и, когда императоръ вступаетъ въ залу, приглашаетъ присутствующихъ провозгласить Hoch! Въ троекратномъ возгласѣ рѣзко выдаются голоса баварскихъ актеровъ-крестьянъ, играющихъ въ одномъ изъ берлинскихъ театровъ въ народной пьесѣ и такъ понравившихся императору, что онъ ихъ пригласилъ присутствовать при этомъ торжественномъ зрѣлищѣ.

Съ каской на головѣ, Вильгельмъ II громко и отчетливо, голосомъ, привыкшимъ къ военной командѣ, читаетъ тронную рѣчь, тщательно обдуманную и подписанную канцлеромъ. Geehrte Herren, обращается императоръ къ депутатамъ: первый законодательный періодъ рейхстага, охватывающій полныхъ 5 лѣтъ, лежитъ уже за вами, и вы можете быть увѣрены, что труды ваши будутъ плодотворны. Съ вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ и благодаря вашей упорной, направленной всегда ко благу всей страны дѣятельности, удалось создать рядъ законовъ, которые несомнѣнно послужатъ къ усиленію благополучія и славы Германіи. Перечисливъ тѣ труды рейхстага, которые, по его мнѣнію, ведутъ къ благу страны, и упомянувъ о томъ, что его собственной постоянной заботой всегда будетъ—увеличить внутреннюю силу нѣмецкаго народа, императоръ кончаетъ «глубокой и искренней благодарностью народнымъ представителямъ, за себя и своихъ германскихъ союзниковъ, сознающихъ, какъ много для нихъ значитъ содѣйствіе націи».

Съ тѣхъ поръ, какъ Вильгельмъ II носитъ корону императора, съ высоты его престола еще не раздавалось такихъ сочувственныхъ парламенту словъ и тонъ его рѣчей не былъ такъ полонъ уваженія къ чужому праву и чужимъ заслугамъ. Не менѣе тепло и культурно звучали его слова на банкетѣ, данномъ имъ въ тотъ же вечеръ и въ той же залѣ въ честь депутатовъ. Многіе ожидали, что въ нецеремонномъ застольномъ спичѣ будетъ призывъ къ борьбѣ съ лжеученіемъ, представленнымъ въ соціалъ-демократіи, единственной партіи, не явившейся днемъ къ чтенію тронной рѣчи и не получившей приглашенія къ обѣденному столу: другія партіи были или in corpore, или послали своихъ представителей. Евгеній Рихтеръ, напр., хотя лично всегда воздерживался отъ такихъ торжествъ, но у него это дѣло вкуса, а не партійныхъ убѣжденій, и вождь свободомыслящихъ всегда считаетъ нужнымъ посылать кого нибудь изъ своихъ адъютантовъ вмѣсто себя. Однако императоръ и за банкетомъ сохранилъ то спокойное, чуждое всякихъ личныхъ замѣчаній, отношеніе къ чужимъ мнѣніямъ, которое характеризуетъ его тронную рѣчь. Онъ говорилъ о своей благодарности рейхстагу, давшему ему, постановленіемъ о сооруженіи памятника покойному Фридриху, «возможность исполнить сыновній долгъ», о своемъ дѣдѣ, служившемъ ему всегда примѣромъ добросовѣстнаго исполненія обязанностей и сознанія лежащей на немъ отвѣтственности. Приглашая представителей націи помнить въ предсто-

ящей избирательной борьбѣ объ ея послѣдствіяхъ для отечества, объ ея значеніи для сохраненія существующаго, высокій ораторъ воздерживался отъ всякихъ совѣтовъ, въ которыхъ замѣчался бы намекъ на сочувствіе какой либо политической партіи: каждый отвѣтственъ предъ Богомъ и своей совѣстью. Только въ одной фразѣ встрѣчается еще напоминаніе объ отвѣтственности «предъ старымъ императоромъ», непредусмотрѣнной общественнымъ правомъ Германіи, но свидѣтельствующей только о преклоненіи внука предъ дѣдомъ. Рѣчь закончилась тостомъ «за нашъ прекрасный нѣмецкій народъ». На другое утро газеты самыхъ противоположныхъ направленій, сообщая о прощаніи императора съ рейхстагомъ, не могли удержаться отъ параллели между прежнимъ взглядомъ главы государства на этотъ рейхстагъ и его нынѣшнимъ отзывомъ о немъ. Особенно памятна телеграмма императора Бисмарку, котораго парламентъ въ 1895 г. отказался привѣтствовать съ исполнившимся 80-лѣтіемъ. Вильгельмъ II тогда открыто выражалъ негодованіе поступку, доказывавшему, по его мнѣнію, отсутствіе патріотизма. Консервативный президентъ и національ-либеральный вице-президентъ поспѣшили отказаться отъ своихъ званій и вмѣсто нихъ во главѣ рейхстага стали клерикалъ и свободомыслящій. Нужно ли, спрашивали всѣ патентованные патріоты, еще другихъ доказательствъ для характеристики анти-національнаго направленія, нашедшаго себѣ выраженіе въ партіяхъ, никогда не считавшихся оплотомъ нѣмецкой славы? И развѣ этотъ рейхстагъ, проявившій столько неблагодарности къ кумиру патріотовъ, не отвергъ также Umsturzproject, не отказалъ правительству въ полномочіяхъ для подавленія рабочаго движенія, не настаивалъ на сохраненіи права собраній и союзовъ? Все это, очевидно, или забыто или вообще не играло роли: въ памяти монарха осталось лишь, что, при господствѣ клерикаловъ и радикаловъ, въ рейхстагѣ еще нашлось большинство для его излюбленныхъ плановъ увеличенія арміи и флота. Опытъ, впрочемъ, доказалъ и императору, и его правительству, что безъ механическихъ мѣръ противъ внутреннихъ враговъ безопасность страны, спокойствіе и порядокъ нисколько не были нарушены. Зачѣмъ же настаивать на чрезвычайныхъ полномочіяхъ, когда и при общемъ правѣ странѣ не грозятъ потрясенія? Умный, много видавшій на своемъ вѣку старикъ, кн. Гогенлоэ не могъ дать своему монарху лучшаго совѣта, какъ воздержаться отъ всякаго давленія на общественное мнѣніе. Платформа, которую за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ выставилъ Микель: объединеніе землевладѣльческихъ и предпринимательскихъ интересовъ на почвѣ протекціонизма (въ Германіи ее хорошо называютъ Sammungspolitik), потерпѣла фіаско; вопросы національной защиты на дѣлѣ устранены изъ круга общественныхъ конфликтовъ,—что же осталось правительству въ качествѣ лозунга, съ которымъ оно вмѣшалось бы въ выборы? Консервативно-національ-либеральное боль-

шинство ему, конечно, было бы больше по душѣ, чѣмъ всякое другое, но понятія такъ смѣшались,—«правая рука перепуталась съ лѣвой», какъ говорятъ въ парламентѣ,—что осторожные государственные люди не могутъ съ увѣренностью сказать, окажутся ли сегодняшніе друзья такими же и завтра. Кто не помнитъ бурной оппозиціи юнкерства канцлеру Каприви! Правда, нынѣшнее правительство дѣлаетъ гораздо больше уступокъ консервативно-аграрнымъ требованіямъ, но всѣ его подачки въ глазахъ настоящаго аграрія только маленькія средства. Легко можетъ наступить моментъ, когда консервативная оппозиція окажется опаснѣе либеральной и радикальной. Несомнѣнно консервативные и патріотическіе политики, какъ напр. проф. Дельбрюкъ, графъ Генсброхъ и мн. другіе, откровенно заявляютъ, что при выборѣ между кандидатомъ нынѣшнихъ консерваторовъ и соц.-демократомъ они затруднялись бы рѣшить, кто менѣе опасенъ съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ?

Переворотъ, совершившійся въ послѣдніе годы въ германскомъ консерватизмѣ, составляетъ одно изъ любопытнѣйшихъ явленій новѣйшей исторіи, стоящее выше вопросовъ дня, отъ которыхъ часто зависитъ исходъ парламентскихъ кампаній. Бисмаркъ какъ то замѣтилъ, что въ старое время у консерваторовъ были опредѣленныя идеи, тогда какъ теперь они карьеристы и непотисты, заботящіеся лишь о томъ, чтобы сынъ получилъ повышеніе, а жену пригласили на придворный балъ. Эта характеристика стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью: никогда еще юнкеры, которыхъ имѣетъ въ виду экс-канцлеръ, такъ рѣшительно не выступали противъ политики правительства, какъ послѣ отставки Бисмарка, никогда такъ рѣзко не опредѣлялась межа между придворными кружками и помѣстнымъ дворянствомъ Пруссіи. Въ одномъ только отношеніи Бисмаркъ правъ: той основной идеи консерватизма, которую Сталь формулировалъ въ словахъ «не майоритетъ, но авторитетъ», больше не существуетъ. Въ практической дѣятельности понятіе философа-юриста переводилось, однако, юнкерами въ болѣе простую фразу: Und der König absolut, wenn er unseren Willen thut. До тѣхъ поръ, пока общественныя условія допускали вліяніе юнкерства при помощи одного авторитета власти, консерваторы оставались строгими послѣдователями доктрины, выработанной замѣчательнѣйшимъ ихъ теоретикомъ, который—замѣтимъ мимоходомъ, самъ былъ не юнкеромъ, а евреемъ-профессоромъ. Съ измѣненіями же въ общественномъ строѣ, противъ которыхъ феодальное дворянство тщетно пыталось бороться, съ наступившимъ въ 70-хъ годахъ преобразованіемъ Германіи изъ земледѣльческой въ фабричную страну, которое притомъ совпало съ кризисомъ въ сельскомъ хозяйствѣ, консервативная партія теряетъ изъ рукъ старыя привилегіи и старые устои. Вспомнимъ, какъ радикально самъ Бисмаркъ подкопался подъ основанія традиціоннаго строя,

сколько старыхъ легитимитетовъ было уничтожено при основаніи Германіи! Не даромъ убѣжденные сторонники формулы Сталя видѣли въ сліяніи Пруссіи съ Германіей роковую ошибку и Вильгельмъ, какъ представитель этой старой Пруссіи, долго не рѣшался возложить на себя императорскую корону, которую ему подносили не только князья, но и народъ. На почвѣ новыхъ государственныхъ условій Германіи и при переворотѣ въ экономической структурѣ, ускоренномъ общественными условіями, консерваторы не могли сохраниться въ старомъ видѣ: имъ предстоялъ выборъ—или превратиться въ незначительную касту придворныхъ и чиновниковъ, или искать опоры въ связи съ другими регрессивными элементами націи: цеховыми ремесленниками, мечтающими объ уничтоженіи фабрики, мелкимъ мѣщанствомъ, вытѣсняемымъ большими магазинами,—связи, предполагающей возможность вліянія на законодательство при помощи давленія широкаго круга народа, лозунгъ котораго, въ хорошемъ-ли, или дурномъ смыслѣ, но совершенно тотъ, который усвоенъ и рабочими массами — это уже майоритетъ, а не авторитетъ. Яркимъ выраженіемъ нео-консерватизма въ парламентѣ была борьба консервативной партіи противъ Каприви, своими пріемами шокировавшая даже соціалъ-демократовъ, а сближеніе юнкеровъ съ антисемитами одно время доводило ее до того, что на конгрессѣ въ Тиволи раздались клики: да здравствуетъ Альвардтъ! Съ удаленіемъ Каприви, благодаря искусству Микеля, отношенія между правительствомъ и юнкерствомъ улучшились, не слышно больше такихъ угрозъ, какъ Ohne Kanitz keine Kähne! Но кто изо дня въ день присматривается къ общественнымъ условіямъ Германіи, едва ли можетъ вѣрить въ прочность этихъ отношеній, да и теперь уже, въ выборной кампаніи, многіе консерваторы заявляютъ, что между политикой Каприви и системой Микеля только та разница, что первый былъ прямой солдатъ, у котораго что на умѣ, то и на языкѣ, тогда какъ Микель — лисица, водящая юнкеровъ за носъ обѣщаніями. О настроеніи среди руководителей консервативной партіи, не совсѣмъ еще порвавшихъ со старыми взглядами, можно судить по тому, что баронъ Мантейфель, Левецовъ и многіе другіе столпы правой категорически отказываются выставлять свои кандидатуры на новыхъ выборахъ.

Симптомомъ разложенія старыхъ партій можетъ служить и удаленіе на покой одного изъ виднѣйшихъ представителей рейхстага, Рудольфа Беннигсена. Въ продолженіе почти 40 лѣтъ онъ былъ типичнѣйшей фигурой интеллигентнаго умѣреннаго бюргерства, дорожившаго и національнымъ величіемъ, и культурными пріобрѣтеніями. Всю свою жизнь Беннигсенъ смягчалъ антагонизмы и примирялъ противорѣчія, пока, наконецъ, и его долготерпѣнію не наступилъ конецъ. Антагонизмъ матеріальныхъ интересовъ превратилъ его собственную націоналъ-либеральную партію въ сбродъ политикановъ, готовыхъ служить одновременно и аграріямъ, и заводчикамъ,

а на это бывшій президентъ національнаго ферейна не способенъ. Едва-ли онъ уноситъ съ собою сознаніе полезно прожитой жизни, хотя партія и проводила его восторженными оваціями, увѣряя, что видитъ въ немъ, послѣ Бисмарка, величайшаго нѣмецкаго политика.

«Не руководствуйтесь мнѣніями или насмѣшками противниковъ, утѣшалъ Беннигсенъ на прощаніе своихъ политическихъ друзей: каждая партія сама должна знать, что хорошо и что дурно въ вопросахъ государственной политики и политической тактики. Въ 70-хъ годахъ радикалы не переставали повторять: націоналъ-либералы— лакеи Бисмарка и дѣлаютъ все, что имъ приказываютъ. Меня это не огорчало, потому что въ то же самое время я читалъ въ консервативныхъ газетахъ, что націоналъ-либералы успѣли внушить Бисмарку свои вредныя идеи». Въ этихъ словахъ есть доля правды, или, вѣрнѣе, правы были и радикалы, которые называли нац.-либераловъ прислужниками Бисмарка, и юнкеры, на взглядъ которыхъ идеи гражданскаго либерализма одно время испортили ихъ Бисмарка. Когда нужно было создавать внутреннее объединеніе Германіи, Бисмаркъ опирался на образованное и либеральное бюргерство. Во первыхъ, оно иногда составляло большинство рейхстага: въ сессіи 1874 г., напримѣръ, на 155 націоналъ-либераловъ было только 22 консерватора и 35 вольныхъ консерваторовъ, еще не слившихся съ юнкерами, такъ что угроза Бисмарка, что онъ постарается, чтобъ и консерваторовъ всѣхъ можно было доставлять въ рейхстагъ на одномъ извозчикѣ, очень близко была къ осуществленію. Во вторыхъ, и это наиболѣе содѣйствовало отравленію канцлера либеральными идеями,—то, что либерализмъ признавалъ современнымъ, гуманнымъ и человѣчнымъ, для Бисмарка оказывалось полезнымъ съ точки зрѣнія нивелированія Германіи подъ прусской каской. Либералы требовали ради справедливости и интересовъ стоявшихъ за ними фабрикантовъ, чтобы были отмѣнены всѣ стѣсненія свободы передвиженія, потому что онѣ унизительны для бѣдняковъ и стѣснительны для промышленности, нуждающейся въ рабочихъ рукахъ; Бисмарку свобода передвиженія оказалась крайне желательной для того, чтобы исчезало различіе между правами пруссака въ Баваріи и баварца въ Саксоніи, чтобы каждый былъ по лицу всей нѣмецкой земли прежде всего нѣмцемъ. Точно такія же соображенія — интересы бюргерства и требованія культуры на одной сторонѣ, raison d'Etat и прусская гегемонія на другой, — создавали гармонію взглядовъ между Бисмаркомъ и либерализмомъ въ отношеніи къ гражданскому браку, свободѣ печати и цѣлой серіи другихъ основныхъ вопросовъ общественнаго строя. Тряпичность націоналъ-либераловъ выразилась, однако, въ томъ, что они не съумѣли воспользоваться своимъ выдающимся положеніемъ для того, чтобы, тѣ требованія, которыя они считали справедливыми и необходимыми, были осуществлены дальше тѣхъ предѣловъ, до которыхъ геніальный юнкеръ шелъ по своимъ со-

образеніямъ; для того, чтобы съумѣть отстаивать свои требованія и въ тѣхъ случаяхъ, когда они не нужны были прусскому правительству. Несчастіе націоналъ-либераловъ состояло въ томъ, что они въ лучшую свою пору были плохими дипломатами и сантиментальными людьми, въ то время какъ сила Бисмарка всегда заключалась въ полнѣйшемъ отсутствіи всякаго подобія сантиментовъ. Я никогда не забуду, какъ еще въ Киссингенѣ, послѣ одной изъ восторженныхъ овацій, устроенныхъ павшему канцлеру тысячами поклонниковъ, съѣхавшихся въ этотъ день изъ разныхъ концовъ Германіи, кто то изъ присутствовавшихъ тутъ депутатовъ сказалъ князю: васъ оваціи не только утомили, но и черезчуръ взволновали. Дѣйствительно, когда процессія проходила мимо его дома, у Бисмарка, стоявшаго въ окнѣ, слезы катились по щекамъ. Нѣтъ, спокойно отвѣтилъ экс-канцлеръ, не отъ волненія, а отъ слабости глазъ при всякомъ напряженіи зрѣнія у меня появляются слезы. Это было сказано такъ спокойно и увѣренно, что всякому стало ясно, что тутъ не стыдъ мужчины, краснѣющаго за слабость, а дѣйствительно только—воспаленіе глазъ. Націоналъ-либералы же всегда любили всплакнуть и посантиментальничать при всякомъ удобномъ поводѣ: и при воспоминаніяхъ о великой славѣ отечества, и при столкновеніи ихъ идеаловъ съ трезвыми наслѣдственными инстинктами великаго хищника, ставшаго ихъ кумиромъ. Рядомъ съ сантиментальными интеллигентами среди націоналъ-либераловъ все больше намѣчалась, правда, и группа болѣе реальныхъ политиковъ, которые изъ любви къ отечеству и восхищенія національной славой дѣлали довольно успѣшное употребленіе въ своихъ частныхъ интересахъ: честолюбцы, пытавшіеся проникнуть въ правительство, прядильщики и горнозаводчики, утилизировавшіе свою политическую роль для установленія пошлинъ, предприниматели другихъ отраслей промышленности, требовавшіе защиты отъ неумѣренныхъ притязаній труда.

Къ чести Беннигсена нужно сказать, что онъ лично всегда оставался добросовѣстнымъ идеалистомъ, ставившимъ интересы отечества выше корыстныхъ цѣлей правящаго сословія. Когда Бисмаркъ исключительнымъ закономъ 1878 г. и первыми подарками аграріямъ и протекціонистамъ въ 1879 г. круто порвалъ съ идеями либерализма, у Беннигсена было достаточно порядочности, чтобы не принять предложеннаго ему министерскаго портфеля, но вмѣсто того, чтобы бороться вмѣстѣ съ рѣшительными товарищами, оставшимися вѣрными прежней программѣ, онъ ушелъ въ сторону. Націоналъ-либеральная партія, вслѣдствіе отпаденія «сецесіонистовъ» (нынѣшнихъ свободо-мыслящихъ т. наз. женской линіи, во главѣ которыхъ стоятъ Рикертъ и Бамбергеръ), уменьшилась вдвое и все больше подпадала давленію правительства, но это не помѣшало однако, 3 года спустя, Беннигсену снова взять управленіе ею въ свои руки и принять затѣмъ отъ правительства Вильгельма II постъ президента (губернатора) въ Ганноверѣ, на которомъ онъ оста-

вался до нынѣшняго года. Въ рейхстагѣ онъ появлялся все рѣже, выступая временно только въ торжественныя минуты, когда нужно было съ паѳосомъ отстаивать единство и патріотизмъ нѣмцевъ. Одинъ только разъ за все это время, въ 1892 г., когда прусскій министръ народн. просвѣщенія Цедлицъ внесъ проектъ о передачѣ народной школы клерикаламъ и піэтистамъ, Беннигсенъ доказалъ, что не всѣ старые идеалы президента «націоналъ-ферейна» похоронены въ груди ганноверскаго губернатора: не смотря на свое оффиціальное положеніе, онъ выступилъ въ рейхстагѣ съ пламенной рѣчью, проникнутой убѣжденіемъ въ необходимости соединенія всѣхъ нѣмцевъ, которые дорожатъ пріобрѣтеніями культуры. Это произвело сильное впечатлѣніе на правительство, и хотя въ ландтагѣ для проекта Цедлица было обезпеченное большинство изъ консерваторовъ и клерикаловъ, предложеніе взято было назадъ, а министръ подалъ въ отставку. За такой моментъ Беннигсену прощаютъ множество его грѣховъ, тѣмъ болѣе, что на него и правительство не смотритъ какъ на «своего». Беннигсена не преслѣдовали за его смѣлую рѣчь, но на верху ему никогда не простили. Какая противоположность между отношеніемъ вліятельныхъ сферъ къ Беннигсену и къ Микелю: первый всю свою жизнь былъ только умѣреннымъ либераломъ, тогда какъ нынѣшній министръ финансовъ началъ съ поклоненія Марксу и мечтаній о новомъ изданіи крестьянскихъ войнъ, перешелъ къ гражданскимъ демократамъ, отъ нихъ къ націоналъ-либераламъ, превосходно чувствовалъ себя въ качествѣ оберъ-бургомистра Франкфурта среди тамошнихъ республиканцевъ и пользуется теперь репутаціей наиболѣе вліятельнаго члена правительства. При этомъ Микель, въ качествѣ министра, съумѣлъ осуществить одну изъ радикальнѣйшихъ реформъ въ области подоходнаго и имущественнаго налоговъ, такъ что, при всей антипатіи къ нему, какъ къ другу аграріевъ, самые радикальные нѣмцы не откажутъ ему, когда онъ уйдетъ на покой, въ выраженіи уваженія за его умъ и финансовыя способности.

Когда сравниваешь, однако, этихъ стариковъ съ ихъ преемниками, старики во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ нравственномъ, выростаютъ: во главѣ нынѣшнихъ націоналъ-либераловъ стоятъ профессора Фридбергъ и Пааше, люди не безъ знаній, особенно послѣдній, но безъ всякихъ твердыхъ принциповъ, готовые въ Мекленбургѣ завѣрять, что устарѣвшій общественный строй этого угла Германій для нихъ неприкосновененъ, а въ Помераніи подписать всѣ требованія юнкеровъ, лишь бы при помощи ихъ проникнуть въ рейхстагъ. На дняхъ мнѣ попалась недурная каррикатура на политиковъ этого типа, мѣтко воспроизводящая ихъ внутреннее содержаніе. Въ собраніи націоналъ-либералъ произноситъ предъ избирателями рѣчь, начинающуюся словами: отечество, а не партія— вотъ нашъ лозунгъ! Какъ представители классическаго образованія, мы всегда, однако, держались изреченія: principiis absta, не

увлекайся принципами! Вслѣдствіе этого, мы были и фритредерами, и протекціонистами, культуркемпферами и сторонниками исключительныхъ законовъ, друзьями промышленности и аграріями. Вѣрьте, милостивые государи, что мы за васъ, въ особенности же за отечество, не пожалѣемъ собственной жизни. Изъ рядовъ слушателей раздается одобреніе, но находится скептикъ, спрашивающій, чѣмъ же нац.-либералъ докажетъ, что онъ готовъ умереть за отечество? Очень просто, отвѣчаетъ ораторъ: 16-го іюня (день выборовъ) мы блистательно исполнимъ свой долгъ и всѣ мы, національ-либералы, сразу исчезнемъ съ лица земли. Это преувеличеніе, но много нац.-либераловъ въ будущемъ рейхстагѣ не будетъ.

«Наше время требуетъ твердыхъ, послѣдовательныхъ людей, умѣющихъ настаивать на томъ, что они считаютъ справедливымъ»: эту фразу вы теперь одинаково услышите и на рабочемъ собраніи, и на съѣздѣ крестьянъ, и въ бесѣдѣ съ аграріемъ-помѣщикомъ. Не спорю, что съ уходомъ старыхъ представителей juste milieu на нѣкоторое время понижается уровень парламентской системы, пожалуй, и образованія. Новые люди, идущіе на смѣну, проникнуты къ своимъ предшественникамъ тѣмъ насмѣшливымъ отношеніемъ, которое когда то выразилось въ извѣстной эпиграммѣ на франкфуртскій парламентъ: Achtzig Aristokraten—Vaterland, du bist verrathen; 117 Professoren—Vaterland, du bist verloren! Но въ недовѣріи къ политикамъ, не умѣвшимъ находить народнаго пульса и всегда уклонявшимся отъ прямой линіи, не надо видѣть неуваженія къ культурѣ; наоборотъ, нигдѣ нѣтъ такой искренней, дѣтски-наивной вѣры въ знаніе и страсти къ участію въ просвѣщеніи, какъ въ нынѣшнихъ народныхъ массахъ. Одна изъ главныхъ причинъ вліянія католицизма и соціализма на современный рабочій классъ заключаются въ умѣніи отличать движенія народной души и идти на встрѣчу интересу, обнаруживаемому народомъ къ вопросамъ общественной и духовной жизни. Каждый, конечно, удовлетворяетъ духовную жажду своими особыми средствами,—между изданіями Дитца и литературой кельнскаго и фрейбургскаго католическихъ складовъ почти нѣтъ ничего общаго, но и тотъ и другой понимаютъ настроеніе народа, необходимость пріобщить его къ пріобрѣтеніямъ культуры, ранѣе бывшимъ достояніемъ немногихъ. Всеобщая школа уменьшила уже пропасть между народомъ и интеллигенціей, теперь надъ дальнѣйшимъ сближеніемъ ихъ работаютъ политическія партіи и масса обще-образовательныхъ учрежденій, созданныхъ общественнымъ самоуправленіемъ и иниціативой филантроповъ.

Сегодня, напр., мнѣ попался отчетъ о дѣятельности «общества распространенія народнаго образованія», собравшагося на годичный съѣздъ въ Данцигъ. Оно въ истекшемъ году обладало капиталомъ въ 365 тысячъ марокъ, годовые взносы членовъ составляютъ около 70,000 въ годъ, на счетъ общества основано въ де-

ревняхъ болѣе 200 библіотекъ; состоящіе у него на службѣ Wanderredner, бродячіе референты, въ 130 городахъ и селахъ читали лекціи. Что, однако, несравненно важнѣе и что одно даетъ ясное понятіе о дѣятельности такого союза, это заявленіе отчета, что онъ въ сущности только дополнялъ и объединялъ самостоятельную работу въ дѣлѣ просвѣщенія *тысячи трехсотъ* другихъ обществъ или ферейновъ, имѣющихъ каждый свой самостоятельный бюджетъ, свои библіотеки, своихъ мѣстныхъ и бродячихъ ораторовъ, прочитавшихъ въ общей сложности *двѣнадцать тысячъ* рефератовъ, и т. п. Вы получаете, наконецъ, ясное представленіе о размѣрахъ этой культурной работы, когда слышите отъ секретаря центральнаго союза, что «задачей нашей должно быть— достигнуть въ слѣдующее десятилѣтіе, чтобы въ Германіи не было ни одной деревни безъ библіотеки: для этого понадобится еще около $5^1/_2$ милліоновъ, но это насъ не страшитъ, и мы твердо надѣемся, что въ началѣ 20-го столѣтія у насъ будетъ отъ 70 до 80 тысячъ библіотекъ». Президентъ общества могъ сообщить, что и правительство относится чрезвычайно сочувственно къ его дѣятельности: императоръ прислалъ 3000 марокъ, министръ народнаго просвѣщенія при содѣйствіи общества началъ основывать библіотеки въ селахъ съ смѣшаннымъ нѣмецко-польскимъ населеніемъ, для усиленія германизаціи. Принципіально общество, при основаніи библіотекъ и назначеніи лекцій и народныхъ развлеченій, воздерживается отъ политической агитаціи, но удѣляетъ мѣсто всѣмъ направленіямъ, освѣдомляясь лишь о научныхъ и литературныхъ достоинствахъ книгъ или лектора. При такой широтѣ просвѣщенія нашествіе народныхъ элементовъ въ парламентъ,—справа и слѣва,—не можетъ внушать страха: это не варвары, идущіе разрушать цивилизацію, а прежніе ея пасынки, стремящіеся къ своей долѣ въ матеріальныхъ и духовныхъ благахъ.

Пока происходятъ подготовленія къ новымъ выборамъ въ рейхстагъ, прусская палата заканчиваетъ свою законодательную дѣятельность обсужденіемъ проекта о приватъ-доцентахъ, выработаннаго министерствомъ народнаго просвѣщенія по настоянію Штумма и нѣкоторыхъ другихъ вліятельныхъ членовъ парламента. Поводомъ къ законопроекту было рѣшеніе философскаго факультета берлинскаго университета, отказавшагося подвергнуть какому либо наказанію прив.-доцента физики Аронса, прежняго ассистента Гельмгольца. Мы бы не касались этихъ преній, если бы они не дали повода одному изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей науки выступить передъ націей, вѣроятно въ послѣдній разъ, такъ какъ и онъ покидаетъ политическое попорище.

Съ трибуны палаты Рудольфъ Вирховъ произнесъ благородную рѣчь за университетскую свободу. Для пониманія послѣдующаго скажу лишь, что ст. 10-я проекта гласитъ: приватъ-доцентъ подлежитъ дисциплинарному суду сначала факультета, затѣмъ совѣта

министровъ, за нарушеніе на службѣ и внѣ ея требованій чести и приличія, предъявляемыхъ къ его званію. Клерикалъ Киршъ проситъ исправить: на службѣ *или* внѣ ея.

Я былъ бы очень счастливъ, началъ Вирховъ, если бы въ этомъ проектѣ моя совѣсть могла успокоиться измѣненіемъ одного только слова, подобно тому, какъ измѣненія «и» на «или» удовлетворило нашего коллегу Кирша. Я не хочу этимъ выразить какой либо упрекъ депутату центра: при тѣхъ условіяхъ, которыя существуютъ въ палатѣ, очень многіе, можетъ быть, почувствовали облегченіе, когда проектъ изъ коммиссіи вышелъ въ нѣсколько смягченной формѣ. При первомъ чтеніи я уже подробно коснулся историческаго происхожденія института приватъ-доцентовъ и его значенія въ германскихъ университетахъ; вы, поэтому, поймете, почему я не могу найти утѣшенія въ томъ, что приватъ-доценты теперь, въ сущности, подчинены лишь тому же режиму, который издавна существуетъ для профессоровъ. Немножко больше законныхъ гарантій, внесенныхъ въ правительственный проектъ, тоже не могутъ измѣнить моихъ взглядовъ: законъ будетъ не такъ дуренъ, какъ этого желало бы правительство, но онъ, всетаки, останется печальнымъ явленіемъ въ нашей общественной и университетской жизни. Не будемъ спорить съ тѣми, которые увѣряютъ, что подчиненіе приватъ-доцентовъ новому дисциплинарному закону не означаетъ еще само по себѣ покушенія на независимость и свободу университетской науки. Неужели каждому спокойно и справедливо мыслящему человѣку не ясно, что новыя постановленія могутъ дать оружіе противъ академической свободы? Неужели самое происхожденіе этого проекта не оправдываетъ нашего недовѣрія къ нему? Кто, подобно мнѣ, почти всю свою жизнь провелъ на службѣ университету, пойметъ какія чувства вызываетъ попытка подкопаться подъ основы учрежденія, составляющаго гордость и надежду нѣмецкой науки (*очень хорошо! и живѣйшее одобреніе слѣва*).

Я сказалъ бы, продолжаетъ Вирховъ, что мнѣ непонятно, какимъ образомъ правительство, сознающее значеніе университетовъ въ созданіи современнаго государства и въ успѣхахъ народа на всѣхъ поприщахъ умственной и матеріальной жизни, могло представить парламенту подобный проектъ. Министръ народнаго просвѣщенія, однако, съ совершенной откровенностью изложилъ намъ свои мотивы и если они мнѣ представляются и теперь крайне недостаточными, то я всетаки могу, по крайней мѣрѣ, представить себѣ генезисъ той мѣры: это то, что мы обозначаемъ выраженіемъ Verlegenheitsgesetz, попытка создать законъ, чтобы выйти изъ затруднительнаго единичнаго случая. Въ народѣ не даромъ, поэтому, окрестили нынѣшній законопроектъ названіемъ lex Arons. Я не стану снова разбирать всѣ детали единичнаго случая, но спрошу только, въ чемъ состоитъ преступленіе приватъ-доцента физики, позволяющаго себѣ выступать на нѣкоторыхъ собраніяхъ и агитировать на выборахъ?

Осужденъ ли онъ за то закономъ своей страны? Нѣтъ, наши законы не признаютъ принадлежности къ какой бы то ни было политической партіи преступленіемъ или проступкомъ. Что о нарушеніи прив.-доцентомъ Аронсомъ академическихъ правилъ и приличій въ стѣнахъ университета нѣтъ рѣчи,—это подтвердилъ и министръ. Почему же коммиссія, разсматривавшая проектъ, не потрудилась попросить правительство опредѣлить сущность преступленія, за которое оно собирается наказывать? Вѣдь, согласитесь, что, если вы хотите, чтобы учителя физики подвергали карѣ за поступки, которые онъ совершилъ не какъ физикъ и не какъ учитель, и не въ стѣнахъ аудиторіи, а какъ гражданинъ и человѣкъ, то нужно, по крайней мѣрѣ, имѣть какой нибудь критерій для наказанія, иначе вы создаете совершенный произволъ. Дурной самъ по себѣ законъ уже становится по истинѣ возмутительнымъ, когда его можно примѣнять въ случаяхъ, которыхъ законодатель вовсе не имѣлъ въ виду. Какъ можно удовлетвориться такими растяжимыми понятіями, какъ требованіе «поведенія внѣ профессіональной дѣятельности, соотвѣтствующаго уваженію и довѣрію, которыя связаны съ званіемъ приватъ-доцента». Министръ знаетъ, что факультеты всегда оберегали свое достоинство и зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы члены ихъ корпораціи не давали повода къ нареканіямъ, но факультетамъ не нужно было устанавливать признаковъ, на основаніи которыхъ поступокъ ихъ сочлена долженъ быть признанъ заслуживающимъ порицанія; другое дѣло—судъ товарищей, судъ чести у людей одной и той же профессіи,—и административный судъ, стоящій внѣ корпораціи. Вы забываете, что въ настоящемъ проектѣ мы имѣемъ дѣло съ закономъ, а не съ правилами приличія, что порицаніе и наказаніе—двѣ различныя вещи и что правовое сознаніе народа не допускаетъ, чтобы человѣка подвергали наказанію за преступленіе, которое самъ законъ не въ состояніи даже опредѣлить. Мнѣ кажется, восклицаетъ Вирховъ, что ничто такъ хорошо не иллюстрируетъ шаткости понятій, господствующихъ у защитниковъ этого проекта, какъ стремленіе связать вопросъ объ уваженіи съ исповѣданіемъ политическихъ мнѣній, которыя на нашихъ собственныхъ глазахъ и сами подвергались измѣненіямъ, и, въ особенности, встрѣтили различное отношеніе со стороны остального общества. Я еще самъ хорошо помню, какую сенсацію вызывало появленіе въ какой либо общественной дѣятельности или въ корпораціи человѣка, признававшаго себя соціалъ-демократомъ. Мирный гражданинъ крестился отъ страха и старался держаться подальше отъ опаснаго человѣка. Теперь никто больше не удивляется, встрѣчая соціалъ-демократовъ въ ферейнахъ, въ комитетахъ, въ обществахъ, задающихся филантропическими цѣлями, въ городскихъ коммиссіяхъ, въ учрежденіяхъ педагогическаго или иного свойства. Въ рейхстагѣ, въ думѣ мы ихъ имѣемъ своими товарищами, есть даже города и общины, въ которыхъ они составляютъ

большинство. Пора же наконецъ отказаться отъ представленій, относящихся къ дѣтскому періоду общественной жизни, и понять, что, симпатичны ли намъ ихъ идеи, или нѣтъ, но это наши сограждане и сотрудники во многихъ сферахъ жизни, люди извѣстной партіи, на которыхъ нельзя же смотрѣть, какъ на преступниковъ. Самый крайній реакціонеръ, желающій уничтожить рабочую партію, пересталъ уже относиться къ ней, какъ къ шайкѣ злодѣевъ. Вамъ всѣмъ извѣстно, что я въ политическихъ и соціальныхъ своихъ убѣжденіяхъ противникъ соціалъ-демократіи, но мнѣ никогда въ голову не придетъ считать своихъ товарищей въ думѣ, принадлежащихъ къ рабочей партіи, менѣе заслуживающими уваженія, чѣмъ своихъ единомышленниковъ. Никто не заставляетъ меня заключать съ ними дружбу, но когда я встрѣчался въ рейхстагѣ или въ ратушѣ съ депутатомъ или гласнымъ, я видѣлъ въ немъ коллегу, имѣющаго право на то, чтобы къ нему относились, какъ къ равному. Я очень требователенъ относительно морали и приличій, но увѣряю васъ, что мое нравственное чувство и сознаніе своего собственнаго достоинства отъ этого нисколько не страдали. Почему же вы хотите, чтобы, какъ депутатъ и гласный, я съ чистой совѣстью пожималъ руку радикальнаго коллеги, а какъ профессоръ университета чувствовалъ, что коллега Аронсъ или Шульце унижаетъ нашу корпорацію тѣмъ, что выступаетъ на рабочемъ собраніи? Наоборотъ, мнѣ кажется, что въ университетѣ меньше, чѣмъ гдѣ либо, умѣстно такое китайское отношеніе къ чужому мнѣнію. Какое мнѣ дѣло до того, что молодой доцентъ физики, читающій въ сосѣдней аудиторіи, участвуетъ въ народномъ собраніи или агитируютъ на выборахъ. Я вправѣ только требовать, чтобы и въ своей частной и внѣ-университетской дѣятельности онъ не нарушалъ законовъ и требованій личной морали, но за то, что его воззрѣнія на нашъ взглядъ ложны, никто изъ насъ не можетъ выталкивать его изъ университетской среды. Въ самыхъ крайнихъ общественныхъ мнѣніяхъ всегда возможна искренность убѣжденія, а затѣмъ вспомнимъ, какъ произвольны и субъективны въ этомъ отношеніи взгляды, какъ они измѣняются подъ вліяніемъ времени и общественной среды! То, что однимъ кажется опаснымъ и преступнымъ, въ глазахъ другихъ—признакъ патріотизма или величайшаго идеализма.

«Если вы хотите стать на точку зрѣнія salus reipublicae, продолжаетъ Вирховъ, обращаясь къ министру и правой,—то воля ваша: я не могу понять, почему для государства и общества особеннно вредно, если идеи, которыхъ наше законодательство не запрещаетъ, будутъ выражены внѣ университета привать-доцентомъ? При существованіи исключительныхъ законовъ ваше требованіе имѣло бы смыслъ: хорошъ или дуренъ законъ, ему нужно подчиняться; но вѣдь у насъ особаго закона, который признавалъ бы соціалъ-демократовъ стоящими внѣ общества, больше нѣтъ, почему

же мы создадимъ исключеніе для университетовъ? Министръ намъ на это отвѣтилъ, что съ университетомъ связано величіе государства и монархіи. Прекрасныя слова, но въ такомъ случаѣ не принимайте проектовъ, разсчитанныхъ на то, чтобы подорвать основы процвѣтанія университетовъ *(громкое одобреніе)*. Мы всѣ, впрочемъ, знаемъ, что предложеніе объ ограниченіи свободы приватъ-доцентовъ не оригинальная мысль нашего министра, который, наоборотъ, пытался отклонить давленіе извнѣ, со стороны вліятельныхъ членовъ консервативной партіи и ихъ органовъ печати. Только послѣ того, какъ давленіе съ этой стороны стало все сильнѣе и требованія все настойчивѣе, сердце министра смягчилось, и предъ нимъ предсталъ ужасный вопросъ: что станетъ съ нашимъ прусскимъ государствомъ, съ нашимъ общественнымъ порядкомъ и всѣми пріобрѣтеніями прошлаго, если такіе приватъ-доценты, какъ Аронсъ, будутъ безпрепятственно читать физику *(смѣхъ)*. Въ дѣйствительности же министру разсказали только одну изъ тѣхъ страшныхъ сказокъ, какими въ ночное время пугаютъ дѣтей и слабыхъ людей, но я никогда не думалъ, чтобы такимъ вздоромъ можно было днемъ пугать министровъ до того, что они потребуютъ особаго закона, который избавилъ бы ихъ отъ этого ужаснаго приватъ-доцента!» При полномъ вниманіи палаты старый ученый, составляющій гордость своей родины и своей науки, закончилъ слѣдующими словами: «То, что правительство теперь хочетъ создать, стоитъ въ противорѣчіи съ гарантированной въ конституціи свободой ученія и представляетъ не что иное, какъ легализацію произвола по отношенію къ группѣ нашихъ согражданъ. Вся наша исторія служитъ доказательствомъ, что такія попытки ведутъ не только къ паденію нравственнаго достоинства представителей науки, но и къ пониженію умственнаго уровня націи и ея значенія среди другихъ народовъ. Отклоните этотъ законъ, совершенно излишній и создающій напрасныя затрудненія; берегитесь нарушить свободу и справедливость. Nunc tu, Romane, caveto! *(оживленное одобреніе слѣва)*.

Я не стану входить въ обсужденіе и изложеніе дальнѣйшихъ дебатовъ, скажу только, что министръ Боссе и его помомощникъ старались представить весь споръ продуктомъ недоразумѣнія: министерство будто только исполнило желаніе многихъ факультетовъ, да и самъ берлинскій университетъ 20 лѣтъ тому назадъ, во время знаменитаго инцидента съ Дюрингомъ, высказывался за подчиненіе приватъ-доцентовъ дисциплинарному суду. Я не понимаю страха проф. Вирхова, увѣрялъ г. Боссе: почти 50 лѣтъ профессора университетовъ подлежатъ тому же дисциплинарному суду, которому мы теперь хотимъ подчинить приватъ-доцентовъ, и, кажется, до сихъ поръ министерство доказало, что оно умѣло цѣнить свободу науки. Но въ печати уже возразили министру: въ послѣднее время случаевъ рѣзкаго нарушенія свободы не было, но

вспомните эпоху реакціи 40-хъ годовъ, вспомните дѣло бреславльскаго профессора Меллера, относящееся уже къ болѣе позднему времени...

Измѣнить рѣшеніе палаты Вирховъ не могъ, такъ какъ націоналъ-либералы и центръ удовлетворились поправками, дающими приватъ-доцентамъ гарантію отъ произвола ближайшаго вѣдомства, которому они подчинены. Рѣчь престарѣлаго профессора произвела, однако, глубокое впечатлѣніе даже на его политическихъ противниковъ, и тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что она составляетъ, вѣроятно, его лебединую пѣснь въ парламентѣ. Кто имѣетъ нѣкоторое представленіе о прусской верхней палатѣ, носящей въ Берлинѣ прозвище кабинета прусскихъ древностей, тотъ не будетъ удивленъ, что она значительнымъ большинствомъ одобрила рѣшеніе нижней палаты. Графъ Гутенъ-Чапскій, докладчикъ коммиссіи, разсмотрѣвшей проектъ, заявляетъ, однако, что мнѣніе, «высказанное противъ новыхъ дисциплинарныхъ требованій однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ профессоровъ Германіи» (Вирховымъ) заставили его, референта, и его товарищей въ коммиссіи самымъ тщательнымъ образомъ отнестись къ этому вопросу. Если бы они пришли къ выводу, что предлагаемыя мѣры составляютъ покушеніе на свободу преподаванія и автономію университетовъ, то, не задумываясь, отвергли бы правительственное предложеніе. Однако, коммиссія не нашла въ послѣднемъ признаковъ неуваженія къ университетскому самоуправленію, и если въ нѣкоторыхъ кругахъ общества говорятъ о «намордникѣ, который будто бы собираются надѣть на науку», то это «очевидное преувеличеніе». Смыслъ проекта состоитъ въ однообразномъ подчиненіи приватъ-доцентовъ и профессоровъ требованіямъ закона и предоставленіи имъ гарантій дисциплинарнаго суда, вмѣсто нынѣшняго порядка, по которому приватъ-доцентъ зависитъ отъ факультета и министра. Въ сущности приватъ-доценты отнынѣ будутъ подчинены тому же дисциплинарному суду, который съ 1852 г. установленъ для профессоровъ, съ той лишь разницей, что первой инстанціей для нихъ остается факультетъ. Я не отрицаю, прибавляетъ докладчикъ, что теоретически могутъ возникнуть сомнѣнія въ безпристрастіи членовъ административнаго суда, но опытъ 46 лѣтъ свидѣтельствуетъ, что никогда наши прусскіе дисциплинарные суды не обнаруживали недостатка въ независимости и справедливости.

Представителемъ берлинскаго университета въ палатѣ господъ теперь состоитъ извѣстный юристъ Дернбургъ. Въ противоположность прогрессисту Вирхову, это убѣжденный консерваторъ. Тѣмъ не менѣе, Дернбургъ убѣдительно доказываетъ министру и палатѣ, что измѣненіе существующаго теперь порядка назначенія и удаленія приватъ-доцентовъ «не нужно, не полезно и не соотвѣтствуетъ духу университетскихъ учрежденій». «Я питаю глубочайшее уваженіе къ мудрости министра народн. просвѣщенія и его товарищей въ

кабинетѣ—заявилъ онъ, но мнѣніе факультета, состоящаго изъ людей, ближайшимъ образомъ освѣдомленныхъ о достоинствахъ и недостаткахъ приватъ-доцента, на мой взглядъ еще компетентнѣе». Правительство исходитъ изъ ложнаго предположенія, что оно въ правѣ удалять приватъ-доцента изъ университета, тогда какъ въ дѣйствительности, по статутамъ только отъ факультета зависитъ допущеніе молодыхъ ученыхъ къ чтенію лекцій, отнятіе же у нихъ пріобрѣтеннаго права можетъ произойти съ согласія факультета и министерства: послѣднее Дернбургъ считаетъ справедливымъ въ интересахъ приватъ-доцентовъ, потому что можно допустить (хотя это и не вѣроятно), что факультетъ по личнымъ мотивамъ будетъ несправедливъ къ тому или другому изъ доцентовъ, и въ такомъ случаѣ у доцента есть еще защита министра. Собственной властью, противъ мнѣнія факультета, министерство однако не можетъ отнять у доцента venia legendi. Нынѣшній порядокъ, такимъ образомъ, настолько гарантируетъ приватъ-доцента отъ произвола, что создавать новыя законныя гарантіи—совершенно излишне. «Какъ я самъ, такъ и большинство профессоровъ берлинскаго университета, въ томъ числѣ и коллеги строго-консервативнаго направленія, считаемъ нынѣшній проектъ не только лишнимъ, но и вреднымъ», продолжаетъ Дернбургъ, потому что подведеніе молодого ученаго подъ бюрократическій масштабъ легко можетъ повести къ тому, что мы въ нѣмецкихъ университетахъ потеряемъ идеальную молодежь, которая съ отдѣльными недостатками соединяетъ множество прекрасныхъ и благородныхъ особенностей. А кто же изъ насъ, стариковъ, станетъ отрицать, что увлеченія въ такой же мѣрѣ содѣйствуютъ росту умственнаго, какъ и нравственнаго богатства націи? Молодое вино бродитъ и, перебродивъ, даетъ прекрасный напитокъ; умѣренность же и посредственность не ведутъ насъ впередъ. Вы мнѣ можете повѣрить, что соціалъ-демократическій приватъ-доцентъ не мой идеалъ, но создавать ради отдѣльнаго случая законы, тяжело отражающіеся на всей университетской наукѣ, на нашъ взглядъ еще большее зло. Что касается гарантій, которыя новый законъ будто создаетъ для молодыхъ ученыхъ, то Дернбургъ напоминаетъ, что 40 лѣтъ тому назадъ, при подобныхъ же «гарантіяхъ», приватъ-доцентъ Куно Фишеръ былъ лишенъ права читать лекціи въ Гейдельбергѣ. Хорошо, что, при федеративномъ строѣ Германіи, онъ могъ найти сейчасъ же каѳедру въ Іенѣ, откуда тотъ же гейдельбергскій университетъ и тотъ же баденскій министръ, которые изгнали Фишера, пригласили его нѣсколько лѣтъ спустя на каѳедру ординарнаго профессора. Теперь Куно Фишеръ дѣйствительный тайный совѣтникъ, другъ коронованныхъ особъ и великое свѣтило Гейдельберга. Я напомню вамъ еще, заканчиваетъ Дернбургъ, слова въ Бозѣ почивающаго нашего короля Фридриха-Вильгельма III, сказанныя при основаніи берлинскаго университета, послѣ жестокаго униженія Пруссіи Наполеономъ: Preussen müsse durch geistige Güter ersetzen

was es an materieller Macht verloren hat. Эти духовныя блага — независимость науки и широта культуры, повели къ возрожденію націи и ея политическому могуществу. Не будемъ же подкапываться подъ основы нашего собственнаго величія!

Въ связи съ упомянутымъ выше преобладаніемъ матеріальныхъ вопросовъ въ общественной жизни, стоитъ рѣчь 3-го выдающагося берлинскаго профессора, тоже обратившая на себя много вниманія. При открытіи клуба берлинской печати, нынѣшній ректоръ берл. университета Густавъ Шмоллеръ выступилъ съ призывомъ къ союзу науки и печати. Остановимся на главныхъ положеніяхъ этой рѣчи.

Въ политикѣ теперь много говорятъ о соединеніи, понимая подъ этимъ объединеніе матеріальныхъ интересовъ. Отчего бы намъ, представителямъ духовныхъ интересовъ, руководителямъ вольныхъ профессій, не основанныхъ на базисѣ денежнаго разсчета, тоже не попытаться соединиться? Зачѣмъ мы станемъ пассивно созерцать, когда насъ, въ сущности, отодвигаютъ въ сторону? Наука, литература и пресса, по мнѣнію Шмоллера, должны сознавать, что онѣ— дѣти одного духа: мы принадлежимъ другъ другу, у насъ одно и то же перо, одни и тѣ же идеальныя стремленія; университетское образованіе на насъ наложило одинаковую печать. Журналистъ и ученый—оба желаютъ вліять на общество и проводить свои мысли, они люди съ очень сходными добродѣтелями и почти одинаковыми пороками. Сходства, во всякомъ случаѣ, больше, чѣмъ различій. Я не игнорирую, конечно, метода и способовъ работы у того и другого, прибавляетъ Шмоллеръ: ученый сидитъ въ своемъ тихомъ кабинетѣ и мѣсяцами, иногда годами отдаетъ свое вниманіе одному вопросу, тогда какъ журналистъ больше художникъ, обязанный не терять ни на минуту связи съ біеніемъ пульса дня, обращающійся не къ ученикамъ и товарищамъ, а ко всему народу и потому вынужденный,—и въ этомъ нѣтъ ничего дурного, наоборотъ, это его сила,—вынужденный, говорю, вліять эстетическими средствами, обращаться не только къ уму, но и къ чувству и фантазіи. За то онъ руководитъ общественнымъ мнѣніемъ и вліяетъ на своихъ современниковъ, тогда какъ вліяніе ученаго косвенное, позднѣе наступающее, нерѣдко только послѣ его смерти. Но что значатъ эти различія въ сравненіи со сходствомъ, тожествомъ основной цѣли и самаго смысла нашего существованія? Различными средствами, но развѣ мы, ученые, не точно также, какъ публицисты, въ конечномъ итогѣ служимъ потребностямъ жизни и людей? Улучшеніе человѣка и общества—наша общая задача, истина и добро—наши боги, которымъ мы обязаны служить. Каждый изъ насъ тѣмъ лучше исполнитъ свое назначеніе, чѣмъ тѣснѣе будетъ наша связь, чѣмъ больше мы станемъ уважать другъ друга и опираться другъ на друга: вы— на результаты нашихъ кабинетныхъ изслѣдованій, а мы—на потребности общества, на запросы, которые оно предъявляетъ черезъ печать.

Не отрицаю, продолжаетъ Шмоллеръ, что была пора, когда матеріальные интересы находили у насъ въ Германіи слишкомъ мало вниманія со стороны законодательства и администраціи; въ парламентахъ было слишкомъ много профессоровъ и въ правительствѣ слишкомъ много бюрократовъ, — и тѣ, и другіе мало знали практическую жизнь. Въ цѣломъ, однако, умственная и матеріальная культура Германіи создалась подъ руководствомъ homines litterati, и слава Богу, что это такъ, что учитель, пасторъ, профессоръ, интеллигентный чиновникъ и писатель, т. е. люди, стоящіе *надъ* матеріальными интересами отдѣльныхъ классовъ, дали свой умственный и нравственный отпечатокъ развитію націи. Горе тому народу, горе тому времени, которые устраняютъ эти элементы и подчиняютъ ихъ служенію эгоистическимъ интересамъ класса, имѣющаго господство или преимущество надъ остальными. Заблужденіе нашей эпохи состоитъ въ преувеличеніи вліянія практическихъ людей, горизонтъ которыхъ рѣдко подымается надъ уровнемъ ближайшихъ требованій одной части націи. Es ist der Geist, der sich den Körper baut, а господство мысли духа находитъ свое выраженіе въ той степени вліянія, которымъ въ каждой странѣ пользуются наука и печать. Позаботимся же о томъ, закончилъ ораторъ, чтобы ученые и журналисты все больше проникались сознаніемъ общности своего долга, величія стоящей предъ ними задачи, необходимости ихъ труда для государства и народа!

Мнѣ нечего прибавлять, что призывъ Шмоллера встрѣтилъ горячій откликъ у присутствовавшихъ на банкетѣ. Нѣмецкая печать не такъ еще избалована, чтобы не оцѣнить комплиментовъ выдающагося ученаго и ректора перваго по рангу нѣмецкаго университета. Правда, среди хозяевъ обѣда были выдающіеся писатели и журналисты, имена которыхъ извѣстны за предѣлами Германіи, тогда какъ среди коллегъ Шмоллера не мало ограниченныхъ педантовъ, наполняющихъ книжный рынокъ совершенно второстепенными продуктами; въ общемъ, однако, пресса была польщена тѣмъ, что наука ей протянула руку, какъ равная равной. Боюсь только, что на другое утро, когда участники обѣда раздумывали о смыслѣ вчерашней рѣчи, настроеніе ихъ было менѣе приподнятое, и найдутся даже скептики, которые скажутъ: красивыя слова, но въ нихъ нѣтъ реальнаго содержанія. Между представителями «духа», въ сущности, не меньше антагонизма, чѣмъ между бойцами за матеріальные интересы: одни проводятъ идеи авторитета и аристократическаго подбора, другіе ставятъ своимъ идеаломъ самодѣятельность народа и равенство. Какъ вы хотите, чтобы писатель, защищающій тезисъ: глупый рабочій—самый послушный, или, тишина—первая гражданская добродѣтель, могъ сойтись для общаго служенія «духу» съ публицистомъ и ученымъ, для которыхъ высшій законъ—благо и культура всѣхъ? При этомъ я имѣю еще въ виду лучшій случай, когда тотъ и другой дѣйствительно служатъ идеѣ, тому, что каждый считаетъ

справедливымъ. Какъ даже въ такомъ случаѣ людямъ разныхъ направленій трудно сойтись, этому въ послѣдней книжкѣ Deutsche Rundschau можно найти любопытное подтвержденіе въ воспоминаніяхъ Роденбурга о Фрейлигратѣ. Въ 60-хъ годахъ не безъизвѣстный въ Берлинѣ поэтъ Георгъ Іезекіель, состоявшій редакторомъ Kreuzzeitung, обратился черезъ Роденбурга къ Фрейлиграту, жившему тогда изгнанникомъ въ Лондонѣ, съ просьбой позволить ему посвятить обожаемому коллегѣ томикъ своихъ стихотвореній. Я хотя и консерваторъ, просилъ Іезекіэль передать Фрейлиграту, но ношу *знамя* консерватизма, а не его *ливрею*. Передайте вашему пріятелю, отвѣтилъ на это Фрейлигратъ, что благодарю его за добрыя чувства, но принять его посвященіе мнѣ не позволяютъ элементарныя нравственныя побужденія. Между изгнанникомъ и людьми, которые пишутъ въ Kreuzzeitung, не должно быть ничего общаго въ общественной дѣятельности и литературѣ. Заявленіе г. Іезекіеля, что онъ носитъ знамя, а не ливрею, моего рѣшенія не можетъ измѣнить: на спинѣ ли, или въ рукахъ, но это тѣ же внѣшніе признаки и цвѣта, одинъ видъ которыхъ напоминаетъ мнѣ о врагахъ честной мысли и просвѣщенія. Роденбургъ прибавляетъ, что когда Іезекіель услышалъ объ отвѣтѣ изъ Лондона, то съ грустью замѣтилъ: «я конечно уважаю мотивы Фрейлиграта, но долженъ сказать то, что говорилъ нашъ добрый покойный король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, когда ему сообщили, что Уландъ отказался принять пожалованный ему прусскій орденъ. Видите теперь, мой другъ,— обратился король къ Гумбольдту, кто изъ насъ нетерпимѣе къ чужимъ мнѣніямъ, я или демократы? Повторяю, что это примѣръ, заимствованный изъ отношеній людей противоположныхъ убѣжденій, но не потерявшихъ личнаго уваженія къ порядочности противника. Сколько еще и въ печати, и въ университетахъ беззастѣнчивыхъ карьеристовъ, флюгеровъ, чернильныхъ кули, служащихъ всегда господствующему направленію и предпочитающихъ не имѣть собственнаго мнѣнія или продавать свое перо и свои знанія представителямъ тѣхъ матеріальныхъ интересовъ, господство которыхъ Шмоллеръ признаетъ несчастіемъ для страны? Отъ ученаго, такъ подчеркивающаго всегда необходимость точнаго изслѣдованія и изученія актовъ и фактовъ, трудно было ожидать столь утопическаго предложенія, какъ объединеніе науки и печати для борьбы съ господствомъ матеріализма. Профессору Шмоллеру, конечно, не безъизвѣстно, что даже наиболѣе беззастѣнчивое проявленіе матеріализма въ аграрной партіи находитъ поддержку со стороны нѣкоторыхъ изъ представителей «духа» его родины, не говоря уже о многочисленныхъ чиновникахъ, агитирующихъ за союзъ сельскихъ хозяевъ. Какъ же ихъ всѣхъ объединять съ другими представителями вольныхъ профессій противъ преобладанія «матеріи»? Даже въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ только сближенія науки съ печатью, какъ оно само по себѣ ни симпатично, трудно будетъ достигнуть

соглашенія. Вспомнимъ, напр., что Шмоллеръ въ своей ректорской рѣчи отказывалъ въ научности, какъ послѣдователямъ Ад. Смита, такъ и ученикамъ Маркса; но можно ли думать, что публицисты манчестерской партіи станутъ черпать свои аргументы у Листа или соціалъ-демократы — у Шмоллера? А, вѣдь, теперь и тѣ, и другіе думаютъ, что фактически осуществляютъ связь жизни съ наукой.

Нѣкоторые находятъ даже, что призывъ Шмоллера благодарная тема для Кладдерадача, какъ разъ только что отпраздновавшаго свое 50-лѣтіе при чрезвычайно оригинальныхъ обстоятельствахъ. Бисмаркъ, котораго 3 волоса на макушкѣ благодаря юмористическому журналу стали извѣстны всему міру, поздравилъ редакцію въ очень любезныхъ выраженіяхъ, и въ то же время отъ лица правительства явился прокуроръ, чтобы пригласить главнаго редактора Трояна— на 3 мѣсяца въ крѣпость за оскорбленіе Вильгельма II. И тутъ, какъ видите habent sua fata... Правда, не всѣ юмористическія изданія занимаютъ такое выдающееся положеніе въ политической литературѣ, какое занималъ Кладдерадачъ, особенно въ первые годы своего существованія. Въ зимнемъ семестрѣ 1849—50 г. знаменитый Бекъ, читая въ берлинскомъ университетѣ лекціи о греческой литературѣ, провелъ параллель между Кладдерадачемъ и Аристофаномъ и замѣтилъ, что по силѣ юмора, мѣткости выраженій и глубокому пониманію добра и зла, новые политическіе сатирики Кладдерадача не уступаютъ своему греческому прототипу, имъ недостаетъ только драматической формы. Десятки поговорокъ, вошедшихъ въ народный языкъ; фигуры Шульце и Миллера, Плимике и Бонгаммель («не демократы на широкихъ основаніяхъ, а только сѣдельщики»), барона Штрудельвица, не знающаго, чѣмъ было бы прусское государство безъ юнкера, и сколько еще другихъ типовъ, созданныхъ карикатуристами Кладдерадача, знакомы каждому интеллигентному нѣмцу! Какъ хохотали современники отъ пародій на приказы Врангеля, чтобы, напримѣръ «цензурѣ отнынѣ не смѣли представлять ничего письменнаго, а только устное», или когда Луде, газетный разносчикъ, спрашивалъ своего коллегу Фреде: «чѣмъ намъ теперь жить, когда все запрещено?—Очень просто отвѣчаетъ тотъ, ты выкрикиваешь Кладдерадачъ и я доношу на тебя, за это я получаю 2 талера, а ты подвергаешься ограниченію личной свободы на 1 день; потомъ я буду выкрикивать Кладдерадачъ и ты получишь 2 талера». Многія изъ шутокъ кажутся уже устарѣлыми, но не надо забывать, что изъ Кладдерадача онѣ успѣли обойти всю Европу. Юмористы его иногда умѣли быть и очень серьезными, не останавливаясь ни предъ какими щекотливыми темами. Александръ Майеръ, одинъ изъ остроумнѣйшихъ нѣмцевъ, вспоминаетъ, какое впечатлѣніе въ его юности произвело появленіе Кладдерадача, изобразившаго себя послѣ нарушенія данныхъ Пруссіи обѣщаній въ видѣ шута, ломающаго свои цѣпи; подъ картинкой была

подпись: это одно, что мы разрушили, слова своего мы никогда не нарушимъ... Въ эпоху конфликта политическіе сатирики журнала мужественно боролись противъ произвола Бисмарка и осыпали его самыми безпощадными насмѣшками. Позднѣе, когда наступила эпоха національной славы, сарказмъ Кладдерадача превратился въ шутку, все болѣе и болѣе добродушную и Бисмаркъ сталъ его героемъ, а противники канцлера, въ особенности Виндгорстъ и Рихтеръ, спокойно могли переносить насмѣшки, потому что онѣ становились менѣе остроумными: Кладдерадачъ перешелъ къ національ-либераламъ и патріотамъ, а для политической сатиры, какъ извѣстно, ничего не можетъ быть болѣе притупляющаго, какъ довольство существующимъ. Къ тому же и «старая гвардія» редакціи, Домъ, Левенштейнъ и Шольцъ, сошла со сцены, молодое же поколѣніе и въ этой области, какъ во многихъ другихъ, оказалось менѣе остроумнымъ, чѣмъ отцы. Только въ послѣдніе годы, послѣ отставки Бисмарка, когда Кладдерадачъ сталъ въ оппозицію къ новѣйшему курсу, его рисунки и остроты снова обращаютъ на себя вниманіе общества.

Бор—въ.

Политика.

1. Гладстонъ, его личность, жизнь и дѣятельность.—Историческая роль.—Кончина.—2. Парламентскіе выборы во Франціи.—Голосованіе 8 мая.—Партіи и ихъ распредѣленіе въ странѣ по даннымъ голосованія.—Отдѣльные эпизоды.—Перебаллотировка 22 мая.—Окончательный составъ палаты.—3. Революціонное движеніе въ Италіи.—Хлѣбныя волненія.—Возстаніе въ Ломбардіи.—Мѣры подавленія и современное положеніе.—Текущія европейскія дѣла.

I.

Гладстонъ умеръ, «послѣдній великій государственный человѣкъ XIX вѣка», великій геніемъ и дѣлами столько же, сколько высотою нравственнаго склада и рѣдкимъ благородствомъ характера... Когда умираютъ такіе великіе люди, какъ Вольтеръ или Дарвинъ, великіе мыслители и писатели, ученые, художники и артисты, ихъ смерть естественно является утратою для всего цивилизованнаго человѣчества. Когда же умираютъ крупные и знаменитые государственные дѣятели, Наполеоны, Меттернихи, Веллингтоны, Бисмарки, Кавуры, даже менѣе грозные Тьеры, Гамбетты, Штейны, Каннинги, Пили, ихъ смерть можетъ быть тяжкою утратою для отечества и родного народа, но ничего или очень мало для остального человѣ-

чества, которое провожаетъ ихъ останки въ могилу съ почтительнымъ салютомъ, но не можетъ чувствовать глубокой скорби невознаградимой потери. Именно такая скорбь соединяетъ всѣ народы вокругъ могилы Гладстона, много потрудившагося и много сдѣлавшаго для родной Британіи, но отдавшаго не мало своего труда и своей заботы и всему остальному человѣчеству, гдѣ только оно нуждалось въ благородной и могущественной защитѣ. Всегда на стражѣ чести и правды во всѣхъ пяти частяхъ свѣта; смотрѣвшій дальше преходящихъ злобъ текущаго дня; умѣвшій совмѣщать широкіе горизонты истинно просвѣщеннаго ума и требованія совѣсти, не знавшей компромиссовъ,—таковъ былъ этотъ политическій колоссъ, только что простившійся съ этимъ міромъ, такъ много обязаннымъ его генію, его свѣтлому уму, его благородной дѣятельности.

Какой свѣтильникъ разума угасъ,
Какое сердце биться перестало!..

Вильямъ-Эвартъ Гладстонъ родился въ Ливерпулѣ 29 (17) декабря 1809 года. Родители его были шотландцы, переселившіеся въ Англію по коммерческимъ дѣламъ, которыми успѣшно занимался отецъ Вильяма Джонъ Гладстонъ, хотя это ему не мѣшало гордиться своимъ происхожденіемъ отъ королей и могущественныхъ феодаловъ Шотландіи. Впавшіе въ бѣдность на родинѣ, Гладстоны, въ лицѣ Джона Гладстона, блистательно поправили свои дѣла въ Ливерпулѣ и ко времени рожденія Вильяма уже считались въ числѣ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ коммерсантовъ Ливерпуля. Джонъ Гладстонъ не чуждался и политики, но здѣсь сказалось его феодальное происхожденіе и, въ противоположность большинству тогдашняго англійскаго купечества, онъ держался не виговъ, а торіевъ. Хорошій ораторъ и популярный человѣкъ въ Липерпулѣ, Джонъ Гладстонъ былъ выбранъ въ палату общинъ, гдѣ и засѣдалъ неизмѣнно на скамьяхъ торійской партіи, въ то время безъ перерыва управлявшей дѣлами Британіи. Участіе въ парламентѣ доставило Джону Гладстону возможность познакомиться и сблизиться съ многими видными представителями торійской партіи. Между прочимъ, онъ очень сблизился со знаменитымъ Каннингомъ, который его посѣщалъ въ Ливерпулѣ и котораго избранію въ этомъ городѣ онъ много посодѣйствовалъ.

Отмѣчаемъ это знакомство подростающаго Вильяма съ самымъ блестящимъ и краснорѣчивымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ самымъ благороднымъ и просвѣщеннымъ представителемъ торизма, потому что оно имѣло очень серьезное вліяніе на развитіе Гладстона. Для него Каннингъ долго оставался образцомъ и примѣромъ, а это обаяніе благородной и гуманной личности сначала и привлекло молодого человѣка къ торизму.

Вильямъ среднее образованіе получилъ въ Итонѣ и здѣсь, на извѣстныхъ ораторскихъ состязаніяхъ, устраиваемыхъ въ стѣнахъ

этого знаменитаго учрежденія, пятнадцатилѣтній мальчикъ уже не могъ остаться незамѣченнымъ блестящимъ обществомъ, посѣщавшимъ эти пренія выпускныхъ гимназистовъ. Въ Итонѣ же онъ редактировалъ рукописный журналъ, въ которомъ рядомъ съ философіей и литературой отдавалось немало мѣста и политикѣ. Это не мѣшало ему быть въ числѣ первыхъ учениковъ заведенія и особенно выдѣлиться въ качествѣ эллиниста, прямо выдающагося для своего возраста. Изъ Итона онъ перешелъ въ оксфордскій университетъ. Родные предназначали его, какъ и Дарвина, къ духовной карьерѣ, гдѣ его увлекательное краснорѣчіе вѣроятно скоро его выдвинуло бы, какъ одного изъ знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ вѣка. Глубоко религіозный, искренно преданный ученію англиканской церкви, онъ охотно шелъ на эту дорогу, но судьба судила ему другое и слушатель богословскаго факультета прямо со студенческой скамьи поступилъ въ парламентъ. И въ Оксфордѣ онъ редижировалъ студенческій журналъ; и здѣсь онъ отличался на ораторскихъ состязаніяхъ; и среди теологическихъ диспутовъ онъ не забывалъ политическихъ вопросовъ дня, и сюда внося искренность убѣжденія, пламенное краснорѣчіе, обаяніе всей своей благородной личности... На одномъ изъ этихъ студенческихъ политическихъ диспутовъ присутствовалъ лордъ Линкольнъ герцогъ Ньюкэстльскій, видный и вліятельный представитель торизма. Гладстонъ же, какъ уже упомянуто, слѣдовалъ въ это время направленію своей семьи и ея друзей, особенно Каннинга, т. е. держался торизма. Лордъ Линкольнъ, увлеченный краснорѣчіемъ Гладстона, взялъ на себя трудъ склонить молодого человѣка и его отца выбрать политическую карьеру. Это ему удалось. Съ его же помощью двадцатитрехлѣтній Вильямъ Гладстонъ былъ избранъ въ 1833 году депутатомъ отъ Неварка, ультра-торійскаго избирательнаго округа.

Парламентъ, въ которомъ Гладстону суждено было начать свою карьеру, былъ изъ самыхъ выдающихся и бурныхъ, первый послѣ избирательной реформы и билля объ эмансипаціи католиковъ. Какъ послѣдовательный тори, Гладстонъ не одобрялъ послѣдняго и первыя его рѣчи въ парламентѣ были направлены противъ всякихъ дальнѣйшихъ уступокъ иновѣрцамъ. Вѣрный сынъ англиканской церкви, которой служителемъ онъ только что готовился быть; вѣрный всѣмъ традиціямъ ортодоксальнаго торизма, молодой депутатъ Неварка являлся убѣжденнымъ сторонникомъ единства государства и церкви, сліянія свѣтской и духовной власти, а слѣдовательно и такого же господства государственной церкви, какимъ пользуется въ своей сферѣ само государство. Не довольствуясь парламентской защитой своихъ церковно-политическихъ идей, Гладстонъ издалъ цѣлую книгу для ихъ поддержки, которую счелъ необходимымъ опровергать Маколей, въ то время уже знаменитый и вліятельный писатель. Оглядываясь на этотъ эпизодъ политической жизни Гладстона, невольно съ интересомъ и любопытствомъ останавливаешься на этомъ фактѣ,

на этой защитѣ молодымъ Гладстономъ тѣхъ принциповъ, которымъ впослѣдствіи, въ зрѣломъ возрастѣ, онъ самъ нанесъ непоправимые удары! Съ свѣтлымъ умомъ и благороднымъ сердцемъ, съ громаднымъ талантомъ и поразительною силою труда, Гладстонъ выступилъ на политическое поприще совершенно неподготовленнымъ политически. Ни исторія, ни политическая экономія, ни правовѣдѣніе, ни политическіе трактаты великихъ его предшественниковъ не были до того времени предметомъ его изученія. Теологія и греческій языкъ изощрили его умъ, но не могли дать основъ для политическаго образованія. Воспитанный въ торійской семьѣ, восторженный поклонникъ недавно умершаго Каннинга, студентъ ультра-торійскаго Оксфорда, изучавшій вдобавокъ англиканскую, насквозь пропитанную торизмомъ, теологію, Гладстонъ не могъ сперва быть чѣмъ-либо, кромѣ тори, а искренность чувства и послѣдовательность мысли должны были сдѣлать и сдѣлали его крайнимъ тори. Такимъ мы и видимъ его въ парламентѣ 1833 года. Дальнѣйшая исторія его, по крайней мѣрѣ въ теченіе первой половины его дѣятельности, представляется исторіей его политическаго образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ его постепеннаго отреченія отъ принциповъ торизма, съ которыми онъ выступилъ на политическое поприще.

Въ 1834 году пало либеральное министерство и Робертъ Пиль образовалъ свое первое министерство, еще чисто торійское. Молодой Гладстонъ получилъ при этомъ мѣсто младшаго лорда по финансовому вѣдомству. Онъ не засѣдалъ еще въ кабинетѣ, но все-таки уже составлялъ часть министерства. Случайность указала ему финансы, на которыхъ онъ потомъ пріобрѣлъ всемірную славу. Финансы не первые поколебали его правовѣрный торизмъ. Дѣло въ томъ, что торійская финансовая и экономическая программа отличались въ то время совершенно беззастѣнчивою защитою интересовъ феодальныхъ классовъ противъ интересовъ всего остального народа. Хлѣбные законы, выгодные лендлордамъ, но разорительные и для потребителей и для промышленности; неуравнительные налоги; протекціонныя пошлины, разсчитанныя такъ же исключительно въ интересахъ высшихъ классовъ, вся эта система обиранія громаднаго большинства въ пользу ограниченнаго аристократическаго меньшинства не могла прикрываться тѣми принципами божественнаго закона и наслѣдственнаго права, на которыхъ тори опиралъ свои политическія и церковныя привилегіи и преимущества. Высшіе принципы тутъ были явно не причемъ; корысть и эксплоатація не прикрывали своего стыда никакими виноградными листьями. Не посвященный раньше въ эти вопросы финансовой и экономической политики, Гладстонъ могъ просто не замѣтить ихъ, но теперь прямыя обязанности его должности поставили его съ ними лицомъ къ лицу. Онъ долженъ былъ съ ними ознакомиться, а этого было вполнѣ достаточно, чтобы въ скоромъ времени его увидѣли отдѣлившимся отъ торіевъ по финансовымъ и экономическимъ

вопросамъ. Здѣсь ложь торизма была очевидна, отсюда и началась та знаменательная эволюція, которая сдѣлала изъ Гладстона историческую силу, нанесшую самые сильные и непоправимые удары ортодоксальному торизму.

Первое министерство Роберта Пиля продержалось у власти недолго. Его замѣнило министерство Мельбурна.

Гладстонъ вмѣстѣ съ своими товарищами пересѣлъ на скамьи оппозиціи. Онъ уже не оставлялъ, однако, финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ и принялъ самое дѣятельное участіе въ осуществленіи замысловъ Роберта Пиля по вопросу объ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ. Слишкомъ явная несправедливость этихъ пошлинъ, узко корыстная защита ихъ торіями побудили Пиля, этого талантливого вождя торійской партіи, отдѣлиться по этому вопросу отъ большинства партіи и, когда въ 1843 году Робертъ Пиль вернулся къ власти, онъ поднялъ вопросъ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ. Гладстонъ былъ, конечно, въ числѣ тѣхъ торіевъ, которые послѣдовали за Робертомъ Пилемъ. Во второмъ министерствѣ Пиля Гладстонъ получилъ мѣсто вице-президента совѣта торговли и промышленности. Лицо, замѣщающее эту должность, еще не членъ кабинета, но находится у самаго преддверія этого политическаго центра британской исторіи, потому что президентъ совѣта торговли и промышленности уже входитъ въ составъ кабинета. На долю Гладстона въ его новой должности выпала задача выработать проектъ переходныхъ мѣръ для постепеннаго отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ. Эту блистательно выполненную задачу самому Гладстону пришлось защищать въ палатѣ общинъ, такъ какъ президентъ совѣта торговли, лордъ Рипонъ, засѣдалъ въ верхней палатѣ. Въ этой генеральной битвѣ, данной отдѣлившимися торіями въ союзѣ съ вигами торіямъ правовѣрнымъ, Гладстонъ впервые выказалъ то парламентское искусство и ту по истинѣ сверхчеловѣческую неутомимость, которыя впослѣдствіи сдѣлали ему славу парламентскаго дѣятеля. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, которые длились пренія, Гладстонъ вынужденъ былъ говорить 129 разъ. Тщательная, все предусмотрѣвшая разработка проекта, ясность рѣчи, увлекательное краснорѣчіе даровали ему и Пилю побѣду, предрѣшавшую участь всего плана. Эта же побѣда дала Гладстону и мѣсто въ кабинетѣ, гдѣ онъ замѣнилъ лорда Рипона, вскорѣ умершаго.

Такимъ образомъ, Гладстонъ былъ главнымъ сотрудникомъ Роберта Пиля въ разработкѣ и подготовленіи великой экономической реформы, нанесшей такой сильный ударъ торійскому феодализму. Участвовать, однако, въ проведеніи самой реформы Гладстону не удалось. Его финансовая и экономическая программа слишкомъ рѣзко разошлась съ правовѣрнымъ торизмомъ и торійскіе избиратели Неварка отказали ему въ полномочіяхъ. Это слѣдовало предвидѣть и озаботиться кандидатурой въ округѣ не столь крайняго торизма. Гладстонъ, еще недостаточно опытный, своевременно не по-

думалъ объ этомъ, не былъ избранъ въ Неваркѣ и шесть лѣтъ оставался въ дали отъ политической жизни. На слѣдующихъ выборахъ его снова призвалъ къ политикѣ родной оксфордскій университетъ, пославшій своего знаменитаго ученика своимъ представителемъ въ палату, все еще, однако, въ качествѣ тори, хотя и разошедшагося съ партіей по вопросамъ экономическимъ. Теологическій и философскій Оксфордъ не придавалъ первоклассного значенія этимъ вопросамъ, а по остальнымъ Гладстонъ еще не разорвалъ съ традиціями своего университета. Во время своего временнаго удаленія отъ государственныхъ дѣлъ Гладстонъ женился на дочери шотландскаго землевладѣльца сэра Ричарда Глинна. За нею онъ получилъ замокъ Гаварденъ, въ которомъ затѣмъ проводилъ свои досуги и гдѣ онъ простился съ міромъ, которымъ такъ много волновался и который такъ долго волновалъ своими дѣлами и идеями.

Возвратился къ политической жизни Гладстонъ около начала пятидесятыхъ годовъ въ очень трудное время очень кратковременной, но тѣмъ болѣе тяжкой всеобщей реакціи въ Европѣ. Въ этомъ безмолвномъ мракѣ царилъ ужасъ торжествующаго безправія, но въ томъ же зловѣщемъ мракѣ незримо готовились событія, вскорѣ измѣнившія физіономію европейскаго міра. Это была не ночь, это было только затменіе. Не приходилось ждать разсвѣта, надо было только не прерывать дневного труда, и Англія лучше всѣхъ другихъ націй это поняла. Именно въ это роковое время повальнаго отчаянія и еще болѣе невольнаго недоразумѣнія, она устроила въ 1852 году первое всемірное празднество мира, первую всемірную выставку, впервые намекнувшую народамъ на ихъ экономическую солидарность. Дома она продолжала свою эволюцію отъ феодализма и англиканской церковности. Гладстону пришлось принять въ этой созидательной работѣ дѣятельное участіе въ качествѣ отвѣтственнаго члена кабинета сначала въ коалиціонномъ министерствѣ Абердина и затѣмъ въ чисто-либеральномъ министерствѣ Пальмерстона. Такимъ образомъ, въ теченіе пятидесятыхъ годовъ Гладстонъ окончательно распростился съ торійскими традиціями, привитыми семьей и школой, окончательно сталъ защитникомъ правъ и интересовъ большинства. Сближеніе съ Кобденомъ должно было значительно ускорить эту эволюцію, начатую знакомствомъ съ своекорыстною экономическою программою торіевъ. На экономической почвѣ Гладстонъ разошелся сперва не только со всею торійскою партіей, но и съ пилитами, т. е. торійскими диссидентами, отдѣлявшимися въ сороковыхъ годахъ по вопросу о хлѣбныхъ пошлинахъ. Гладстонъ пошелъ дальше и, въ качествѣ министра финансовъ въ двухъ упомянутыхъ кабинетахъ, поколебалъ всю систему протекціонизма. Онъ же впервые началъ заключать международныя торговыя и тарифныя конвенціи, чѣмъ свою дѣятельность уже вывелъ далеко за предѣлы британской имперіи.

Именно въ эти же переходные годы своей политической карь-

еры Гладстонъ сталъ международнымъ дѣятелемъ и съ другой стороны, уже съ чисто политической, и притомъ, именно съ той, которая впослѣдствіи привязала къ нему сердца столькихъ угнетенныхъ и обездоленныхъ народовъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ ему пришлось съѣздить въ Грецію въ виду поднятаго тогда вопроса объ уступкѣ Англіей грекамъ такъ называемой Іонической республики, находившейся подъ оффиціальнымъ протекторатомъ, проще говоря, во владѣніи англичанъ. Эта великодушная уступка находила въ немъ энергическаго сторонника и цѣлью поѣздки и было ее подготовить. Проѣздомъ Гладстонъ посѣтилъ Италію, въ то время находившуюся въ самомъ бѣдственномъ состояніи. На сѣверѣ распоряжались наглые и жестокіе пришлецы, австрійцы; на югѣ свирѣпствовалъ изъ Неаполя въ своемъ родѣ знаменитый «король—бомба», такъ прозванный, потому что бомбордировалъ въ наказаніе города собственнаго королевства. Невѣжественное столько же, сколько жадное и жестокое правительство Неаполя въ полномъ смыслѣ слова истязало страну, которую по ошибкѣ называло своимъ отечествомъ. Все сколько нибудь образованное и мыслящее, патріотическое и честное наполняло тюрьмы, если не успѣвало спастись бѣгствомъ заграницу. Народъ, разоренный до послѣдней степени, уходилъ въ разбойники. Ни личной или имущественной безопасности, ни школъ, ни путей сообщенія, ни правосудія, но за то безпощадные поборы и неслыханный произволъ—таково было печальное положеніе прекрасной страны. Это обычное положеніе въ частности еще усиливалось отдѣльными картинами насилія, истязанія и жестокости, не различавшихъ ни пола, ни возраста, не знавшихъ ни чести, ни совѣсти и вершившихъ свое постыдное дѣло на почвѣ цивилизованной Европы. Цивилизованная Европа не знала, однако, объ этомъ и великая заслуга Гладстона, что онъ изучилъ печальное, отчаянное положеніе посѣщенной имъ страны и явился передъ европейскимъ міромъ ея краснорѣчивымъ защитникомъ. Подобно именамъ Гарибальди, Мадзини, Кавура, и имя Гладстона должно найти свое почетное и не послѣднее мѣсто въ исторіи итальянскаго освобожденія. Поднятая имъ агитація, рѣчи, митинги, брошюры, парламентскіе дебаты возбудили общественное мнѣніе не одной только Англія, но всего цивилизованнаго міра. Въ мелкихъ деспотахъ Италіи перестали видѣть законыхъ правителей истязуемыхъ ими провинцій. На нихъ начали смотрѣть, какъ на палачей и грабителей, и защищавшая ихъ Австрія осталась совершенно одинокой, когда въ 1859 году изъ за ея хозяйничанія въ Италіи на нее ополчилась Франція. Походу же Гарибальди противъ Неаполя въ слѣдующемъ 1860 году апплодировала вся Европа. Англія, издавна дружившая съ Австріей и недовѣрчиво смотрѣвшая на успѣхи Франціи, едва ли бы отнеслась такъ равнодушно и даже сочувственно къ этому перевороту въ соотношеніи силъ на Средиземномъ Морѣ, если бы благородная агитація не открыла ей глаза

и не пробудила ея совѣсти. Въ 1861 году Англія первая признала соединенное итальянское королевство, опередивъ даже Францію, которая была второй, Россія—третьей, Пруссія—четвертой.

Съ 1859 года, со дня вступленія Гладстона въ чисто-либеральное министерство Пальмерстона, онъ уже окончательно разрываетъ съ торіями. Поѣздка въ Италію и агитація въ ея защиту отчасти поспособствовали ускоренію этой уже назрѣвшей эволюціи его идей. Въ Италіи, въ устахъ угнетаталей и истязателей онъ слышалъ тѣже клерикально-феодальные принципы, которыми прикрывалось своекорыстіе и властолюбіе и англійскихъ тори. А во время агитаціи онъ увидѣлъ ихъ же противъ себя. Хлѣбныя пошлины и неправые налоги ему открыли глаза на экономическую программу торизма и сдѣлали первую брешь въ его приверженности къ этой партіи. Итальянскіе ужасы, близость принциповъ ихъ авторовъ съ принципами торизма, отношенія торіевъ къ этому безправію отшатнули его и отъ церковной и политической программы торизма. Съ этого времени Гладстонъ становится однимъ изъ вождей либераловъ, а скоро и лидеромъ всей партіи *).

Такъ окончился первый періодъ политической дѣятельности Гладстона, но не здѣсь надо искать начало его второго періода, его творческой эпохи и широкой реформаторской дѣятельности. Принявъ основные принципы либерализма, Гладстонъ, какъ искренній и послѣдовательный человѣкъ, съумѣлъ обнять все ихъ значеніе и сдѣлать всѣ логическіе выводы. Передъ его взоромъ открылась цѣлая обширная программа необходимыхъ реформъ. Время для ихъ проведенія, однако, еще не наступило и Гладстону пришлось обождать. Дѣло въ томъ, что въ это время, въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, во главѣ либеральной партіи стоялъ лордъ Пальмерстонъ, старый вождь, пользовавшійся всеобщимъ глубокимъ уваженіемъ, но уже слишкомъ старый, чтобы отвѣчать на новые назрѣвающіе запросы. Либеральная партія терпѣливо ожидала, когда престарѣлый лидеръ сойдетъ со сцены. Ждалъ и Гладстонъ, занимая все время отвѣтственный постъ министра финансовъ и все болѣе утверждая за собой славу перваго финансиста своего вѣка. Въ это то время ожиданія Гладстонъ успѣлъ провести свою фритредерскую программу, а международными конвенціями распространить ея примѣненіе на значительную часть цивилизованнаго міра. Въ это же время, и въ министерствѣ Пальмерстона, онъ являлся проводникомъ и защитникомъ международной справедливости. Объ Италіи говорено выше. Она признана Англіей въ 1861 году. Іоническіе острова уступлены грекамъ въ 1862 году. Около этого же

*) Съ этимъ вмѣстѣ Гладстонъ видитъ себя вынужденнымъ проститься съ представительствомъ родного университета. Сначала Южный Ланкастеръ, а потомъ Мидлосіанъ въ Шотландіи становятся его избирательными округами.

времени Молдавія и Валахія объединились въ Румынію, Австрія протестовала, но Англія и Франція взяли дѣло румыновъ подъ свою защиту. Гладстонъ и тутъ явился краснорѣчивымъ и убѣжденнымъ защитникомъ румынскаго народа. Его рѣчи въ парламентѣ вызвали тогда сильное неудовольствіе въ Вѣнѣ, гдѣ уже въ то время не могли не прочесть въ рѣчахъ англійскаго министра знаменитыхъ въ будущемъ «Hand off». Когда умеръ Пальмерстонъ, на Гладстонѣ остановился выборъ либеральной партіи. Съ этого времени, съ 1865 года начинается второй реформаторскій и творческій періодъ жизни и дѣятельности Гладстона. Ему тогда было уже пятьдесятъ шесть лѣтъ, но духомъ онъ былъ бодръ и молодъ; крѣпокъ и силенъ былъ и тѣломъ. Передъ нимъ еще развертывалось цѣлое тридцатилѣтіе кипучей трудовой жизни, полное борьбы и тревоги.

Это министерство виговъ просуществовало недолго. Палата была еще пальмерстоновская, министры большею частью тоже. Внесенный Гладстономъ билль объ избирательной реформѣ не соединилъ большинства. Умѣренные виги голосовали съ торіями и либеральное министерство передало власть торіямъ. Образовалось тогда первое министерство Дизраэли. Назначенные имъ выборы дали торійское большинство. На нѣсколько лѣтъ направленіе государственныхъ дѣлъ перешло въ руки Дизраэли и реформированной имъ торійской партіи. Однако, поднятый Гладстономъ вопросъ о расширеніи избирательнаго права уже нельзя было снять съ очереди. Дизраэли понималъ, что его выгоднѣе провести при торійскомъ, нежели при либеральномъ большинствѣ палаты. На эту точку зрѣнія легко стали и другіе вожди торіевъ и консервативное министерство само предложило умѣренное расширеніе избирательнаго права. Давая это неполное удовлетвореніе назрѣвшей потребности, формулированной Гладстономъ, торіи думали вырвать у него это оружіе и удержать за собою избирательный корпусъ. Во всякомъ случаѣ и въ такомъ видѣ избирательная реформа была серьезнымъ шагомъ по пути постепенной демократизаціи учрежденій еще недавно безнадежно аристократической Англіи. Провелъ ее Дизраэли, но вынудилъ Гладстонъ и исторія запишетъ ее на приходъ послѣднему.

Если, однако, либеральный парламентъ 1866 года оставилъ въ меньшинствѣ либеральное министерство, то черезъ четыре года та же участь постигла и консервативное министерство, которое было оставлено въ меньшинствѣ торійскимъ парламентомъ. Въ это время Гладстонъ внесъ въ парламентъ свою знаменитую резолюцію объ упраздненіи государственной церкви въ Ирландіи. Постоянныя смуты въ Ирландіи и чувство исторической вины передъ этою многострадальною страною дали Гладстону отличную почву для того, чтобы выказать и всю увлекательность благородной мысли, и всю силу несравненнаго краснорѣчія. Часть консерваторовъ съ Робертомъ Сесилемъ во главѣ голосовали за резолюцію Гладстона и министерство было низвергнуто. Робертъ Сесиль, только что упомянутый, по смерти отца

принялъ наслѣдственный титулъ маркиза Салисбюри и нынѣ состоитъ премьеромъ консервативнаго кабинета. Тогда, увлеченный Гладстономъ, онъ содѣйствовалъ паденію перваго министерства Дизраэли, послѣ чего образовалось первое собственно гладстоновское министерство. Назначенные выборы дали солидное либеральное большинство и Гладстонъ могъ, наконецъ, приступить къ задуманнымъ реформамъ.

Первое министерство Гладстона продержалось около 5 лѣтъ и пало на ирландскомъ вопросѣ, на которомъ вначалѣ и получило власть. Извѣстно, что на этомъ же вопросѣ пало и второе министерство Гладстона (1886 г.), и третье (1894 г.). Вышеупомянутая резолюція объ отдѣленіи церкви отъ государства и была первою реформою, проведенною Гладстономъ для удовлетворенія справедливости по отношенію къ ирландскому народу. Эта реформа уравнивала католическую церковь, къ которой принадлежитъ большинство ирландцевъ, съ англиканскою и являлась поэтому удовлетвореніемъ изъ религіозныхъ правъ и потребностей. Гладстонъ понималъ, что этого одного недостаточно. Матеріальное положеніе ирландскаго народа было по истинѣ ужасно. Вся земля острова составляла собственность небольшого числа англійскихъ лендлордовъ, потомковъ завоевателей, раздѣлившихъ между собою страну по ея покореніи. Аристократы, протестанты и англичане, они, эти господа острова и его населенія, презирали это населеніе мужиковъ, католиковъ и кельтовъ. Большая часть земли, на которой издревле жили эти кельты, была обращена въ роскошные луга, на которыхъ выкармливались быки и бараны для вывоза мяса въ Англію. Меньшая часть земли, наименѣе удобная и плодородная, была подѣлена на мелкіе земледѣльческіе участки, сдававшіеся въ аренду ирландскимъ мужикамъ. Участки были такъ малы, что при посѣвѣ пшеницы или ржи не могли бы прокормить семью *коттэра*, какъ называются въ Ирландіи эти мужики-арендаторы. Только многоплодный картофель могъ дать такое скудное прокормленіе. Скотоводческое хозяйство на земляхъ, непосредственно эксплоатируемыхъ землевладѣльцами, не давало заработка. Обрабатывающая промышленность Ирландіи была уничтожена въ началѣ XIX вѣка прямо законодательными актами англійскаго парламента. Скудное нищенское существованіе отъ обработки картофеля на своихъ нищенскихъ надѣлахъ—это все, что англичане соглашались оставить ирландцамъ, но и это плачевное существованіе не было ничѣмъ обезпечено отъ каприза и произвола лендлорда и его повѣренныхъ. Коттэръ могъ быть во всякое время согнанъ со своего участка, на арендованіе котораго не было ни установленныхъ сроковъ, ни опредѣленной цѣны. Уплачивая лендлорду все, что въ состояніи въ годъ заработать, и кормясь однимъ картофелемъ, этотъ несчастный коттэръ не могъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ и этого голоднаго и угнетеннаго состоянія. Единственною уздою произвола землевладѣльцевъ являлись не-

прекращавшіяся аграрныя преступленія. Согнанный арендаторъ убивалъ своего угнетателя, поджигалъ его усадьбу, убивалъ его скотину. Англичане отвѣчали репрессаліями, казнями, военными экзекуціями, массовыми изгнаніями. За двадцать лѣтъ до трехъ милліоновъ ирландцевъ эмигрировали въ Америку. Оставалось, однако, всетаки еще пять милліоновъ съ лишкомъ. Надлежало подумать объ ихъ участи и объ умиротвореніи глубоко потрясенной страны. Уничтоживъ disestablishment—act'омъ неправое господство англиканскаго вѣроисповѣданія надъ католическимъ, Гладстонъ рѣшился затронуть аграрный вопросъ, эту столь деликатную задачу, имѣющую не въ одной Англіи бороться съ массою предубѣжденій, съ цѣлою системою установившагося порядка и признанныхъ правъ. Гладстонъ рѣшился нарушить этотъ установившійся порядокъ и не стѣсняться этими признанными правами и провелъ 1872 году свой первый ирландскій лендбилль. Это былъ еще очень умѣренный актъ. Главное нововведеніе заключалось въ признаніи за арендаторомъ правъ на вознагражденіе за вложенные въ землю труды, правъ на уплату ему при отказѣ цѣны такъ называемаго Tenant Right'a. Особыя оцѣночныя коммиссіи были образованы для опредѣленія этой цѣны. Тѣ же коммиссіи должны были опредѣлять справедливый размѣръ ренты и, если находили его чрезмѣрнымъ, то коронные суды отказывали во взысканіи недоимки. Лендлордъ могъ согнать коттэра, но лишиться недоики и уплатить Tenant Right. Право отказа отъ аренды и право назначенія за нее цѣны остались неприкосновенными, но злоупотребленія этими правами должны были умѣряться указанными постановленіями. При обостренномъ положеніи дѣла въ Ирландіи, при взаимной ненависти ирландцевъ и ирландскихъ англичанъ, цѣль Гладстона не была достигнута. Обозленные лендлорды соглашались скорѣе терпѣть убытки, чѣмъ уступить презрѣннымъ коттэрамъ и спѣшили воспользоваться правомъ изгнанія, справедливо предвидя его отмѣну. Эти безпощадныя массовыя изгнанія вызвали цѣлую эпидемію аграрныхъ преступленій. Появился на сцену и феніанизмъ. Графъ Кавендишъ—новый намѣстникъ Ирландіи, и Боркъ, товарищъ министра Ирландіи, были убиты феніями въ Дублинѣ. Пришлось прибѣгнуть къ репрессаліямъ, отмѣнѣ habeas corpus, военной оккупаціи... Допустивъ эти репрессіи, Гладстонъ считалъ всетаки необходимымъ продолжать справедливыя реформы для Ирландіи и внесъ билль объ основаніи національнаго ирландскаго университета въ Дублинѣ съ католическимъ богословскимъ факультетомъ въ его составѣ. Значительная часть либеральной партіи, возбужденная феніанизмомъ и аграрными преступленіями, оставила своего вождя и билль былъ отвергнутъ. Это случилось въ 1874 г. и министерство Гладстона вышло въ отставку. Такъ эта настоятельная, но бѣдственно запутанная и сложная задача найти справедливое рѣшеніе ирландскаго вопроса и даровать внутренній миръ этой глубоко измученной странѣ и не могла быть рѣшена пер-

вымъ министерствомъ Гладстона. Оно поставило ее, однако, на вѣрную дорогу, потому что рядомъ съ британскимъ государственнымъ интересомъ выдвинуло вопросы справедливости. Disestablishment' act 1870 года и лендбилль 1872 года представляютъ и прекрасные памятники этихъ благородныхъ усилій выйти на новый путь права и справедливости, и значительные серьезные шаги по этому пути.

Первое министерство Гладстона (1870—1874 гг.) богато дѣятельностью не по одному ирландскому вопросу. Ближайшую связь съ этимъ вопросомъ имѣютъ вопросы колоніальные. Англія имѣетъ довольно много обширныхъ колоній съ преобладающимъ въ нихъ европейскимъ населеніемъ. Такова—Канада со всѣми прилегающими сѣверо-американскими британскими владѣніями, цѣлый материкъ Австраліи, рядъ другихъ австралійскихъ и океанійскихъ острововъ, обширныя территоріи въ Южной Африкѣ и другія. Всѣ они и въ XIX вѣкѣ управлялись такъ, какъ ранѣе того управлялись Виргинія, Пенсильванія, Массачузетсъ и другія колоніи Сѣверной Америки, нашедшія для себя этотъ порядокъ управленія невыгоднымъ и несправедливымъ и вслѣдствіе этого отложившіяся отъ Англіи. Настроеніе Канады, Австраліи и Южной Африки въ началѣ второй половины XIX вѣка было не лучше, нежели настроеніе Виргиніи и Массачузетса въ началѣ второй половины XVIII вѣка. То обстоятельство, что въ Канадѣ преобладающее населеніе—французы, а въ южной Африкѣ—голландцы, конечно, не служило къ улучшенію положенія дѣлъ, и въ Англіи справедливо опасались, что колоніи только ждутъ благопріятнаго случая (напр. войны со Штатами или съ Франціей), чтобы провозгласить независимость. На это настроеніе колоній Англія отвѣчала назначеніемъ энергическихъ губернаторовъ, расширеніемъ ихъ власти, содержаніемъ значительныхъ гарнизоновъ, всяческими стѣсненіями мѣстнаго самоуправленія, значительными затратами на поддержаніе «англійскихъ» партій. И однако все было напрасно. Партіи эти были комически малы и господство Альбіона опиралось только на матерьяльную силу. Гладстонъ ясно сознавалъ всю ненормальность такого порядка вещей. Независимыя колоніи, Канада, Капландія, Австралія были бы слабыми государствами, которымъ съ трудомъ пришлось бы ограждать свою неприкосновенность и свои интересы. Это огражденіе въ единеніи съ Англіей легко и удобно. Терять это благо безопасности существованія и гарантіи интересовъ никто добровольно не пожелаетъ, если за него не требуется слишкомъ дорогая цѣна. Недовольство колоній сводилось къ политическому гнету и экономической эксплоатаціи въ пользу метрополіи. Изслѣдовавъ вопросъ, Гладстонъ нашелъ эти жалобы справедливыми. Уже въ министерствѣ Пальмерстона ему удалось сдѣлать серьезные шаги въ направленіи удовлетворенія этихъ жалобъ; закончилъ онъ эту важную реформу во второе министерство свое (1880—1886 гг.), но главное дѣло было сдѣлано именно въ первое министерство. Это была ломка прежней системы. Колоніи

получили вполнѣ суверенные парламенты, въ рукахъ которыхъ сосредоточено все законодательство, а управленіе въ рукахъ министерствъ, отвѣтственныхъ передъ парламентами. Экономическія отношенія къ метрополіи такъ же переданы этимъ парламентамъ, какъ и отношенія къ иностраннымъ государствамъ. Никакихъ экономическихъ преимуществъ для Англіи, никакой власти надъ внутреннимъ управленіемъ колоній, никакихъ поддержекъ «англійскимъ» партіямъ—эта новая система, введенная Гладстономъ, дѣйствуетъ понынѣ. Результаты на лицо: «англійскія» партіи исчезли, потому что нѣтъ больше неанглійскихъ. Общая имперская связь укрѣпилась и автономныя колоніи даже съ неанглійскимъ населеніемъ отличаются обще-британскимъ патріотизмомъ. Сами же колоніи достигли замѣчательнаго внутренняго процвѣтанія. Такими автономными колоніями являются въ настоящее время слѣдующія: Канада (куда, кромѣ собственно Канады, входятъ Новая Шотландія, Новый Брауншвейгъ, территорія Гудзонъ-Бая и западныя территоріи Монитобы, Колумбіи, Викторіи и др.), Нью-Фаундлендъ (не пожелавшій войти въ канадскую федерацію), Капландія, Наталь (тоже не пожелавшія слиться въ одну), Викторія (австралійская), Новый Южный Уэльсъ (тамъ же), Южная Австралія, Западная Австралія (австралійскія колоніи тоже сохраняютъ отдѣльное существованіе, но уже поднятъ вопросъ объ образованіи австралійской федераціи), Тасманія, Новая Зеландія. Все это отдѣльныя внутренно самостоятельныя государства, связанныя однако съ Англіей въ одну федеративную имперію. Всѣ стороны только выиграли и преимущественно Гладстону онѣ обязаны этимъ.

Англійскія дѣла тоже не мало занимали вниманіе Гладстона въ его первое министерство. Законъ о всеобщемъ даровомъ обученіи, развитіе фабричнаго законодательства, билль о введеніи закрытой баллотировки на парламентскихъ выборахъ, отмѣна покупки чиновъ арміи и флота отмѣчаютъ собою первое министерство Гладстона и характеризуютъ обширную и плодотворную реформаторскую дѣятельность шестидесяти пяти лѣтняго премьера.

Мы уже выше разсказали, какъ пало министерство Гладстона. Почувствовавъ себя преданнымъ значительною частью своей партіи, онъ не только подалъ въ отставку, но и сложилъ съ себя званіе лидера либеральной партіи. Его замѣнилъ въ качествѣ лидера либераловъ маркизъ Гартингтонъ; на постѣ премьера—его знаменитый противникъ Дизраэли, отнынѣ уже гр. Биконсфильдъ. Дизраэли распустилъ палату и избиратели ему прислали компактное торійское большинство, съ которымъ онъ спокойно управлялъ страною въ теченіе шести лѣтъ. Періодъ реформъ кончился, начался періодъ активной внѣшней политики. Это второе министерство Дизраэли (1874—1880 гг.) было въ этомъ отношеніи самымъ блестящимъ въ XIX вѣкѣ. Берлинскій конгрессъ съ его сокращеніемъ на половину достигнутыхъ Россіей результатовъ (около 5 милліоновъ христіанъ, освобожденныхъ по Санъ-Стефанскому миру, были возвращены подъ

власть султана по Берлинскому трактату); кипрская конвенція съ протекторатомъ надъ азіатскою Турціею и пріобрѣтеніемъ Кипра; пріобрѣтеніе суэцкихъ акцій; разгромъ трехъ афганскихъ эмировъ, недостаточно покорныхъ Англіи; провозглашеніе на общеиндусскомъ дурбарѣ (конгрессъ князей и раджей) англійской королевы императрицей Индіи; тѣсное сближеніе съ Германіей и Австріей, заключившихъ въ 1879 году союзъ; привлеченіе къ нему Италіи; цѣлый грандіозный планъ, выработанный сообща съ этими державами для раздѣла господства надъ міромъ; отъ успѣха къ успѣху; отъ торжества къ торжеству; отъ пріобрѣтенія къ пріобрѣтенію; полная гарантія дальнѣйшихъ успѣховъ, торжествъ и пріобрѣтеній,—такова исторія этого второго министерства гр. Биконсфильда. Безсильная либеральная оппозиція влачилась въ хвостѣ тріумфальнаго шествія торійскаго кабинета, совершенно раздавленная его успѣхами и славою его «геніальнаго» премьера, какъ уже при жизни окрестили его благодарные соотечественники. Раздавлена была либеральная парламентская оппозиція, но не ея старый лидеръ, котораго она предала и который оставилъ было ее собственнымъ ея силамъ. Теперь Гладстонъ снова выступаетъ на историческую авансцену и совершаетъ одно изъ самыхъ изумительныхъ дѣяній, которыя знаетъ исторія. Онъ заставляетъ націю осудить свои успѣхи, устыдиться своего торжества, удалить отъ власти тѣхъ, кто своими трудами и талантами даровалъ ей эти блестящіе успѣхи и торжество. Живущему поколѣнію еще должна быть памятна эта удивительная внѣпарламентская кампанія, предпринятая Гладстономъ противъ внѣшней политики гр. Биконсфильда. Его разоблаченія болгарскихъ звѣрствъ потрясли совѣсть англійскаго народа; его обличенія министерства, защищавшаго эту орду истязателей и вернувшаго 5 милліоновъ европейскаго и христіанскаго населенія подъ иго этой орды, возбуждали стыдъ и гнѣвъ. Въ результатѣ на общихъ выборахъ 1880 года торійская партія потерпѣла полный разгромъ. Либеральная партія снова сгруппировалась вокругъ своего неутомимаго, уже семидесятилѣтняго вождя и было образовано второе министерство Гладстона. Вмѣстѣ съ тѣмъ открылся опять періодъ реформъ. И опять стояли на очереди тѣ же двѣ задачи Гладстоновской программы: умиротворить Ирландію и демократизировать Англію (третья задача, колоніальная, была уже въ существеннѣйшемъ рѣшена).

Второе министерство Гладстона еще богаче преобразовательною дѣятельностью, чѣмъ первое. Цѣлый рядъ биллей о народномъ и общественномъ образованіи, о мѣстномъ управленіи, о фабричномъ и рабочемъ законодательствѣ, о колоніальныхъ отношеніяхъ, о реформахъ въ Индіи и другихъ не-автономныхъ колоніяхъ и т. д., и т. д. проходятъ безпрерывною вереницею передъ историкомъ эпохи. Мы остановимся только на самыхъ выдающихся, отмѣчающихъ собою поворотные пункты въ исторіи. Второй ирландскій лендбилль (1881 г.) былъ первымъ по времени такимъ закоконодатель-

нымъ актомъ. Арендуемые крестьянами Ирландіи участки были признаны неотчуждаемыми и лендлорды лишились права отказывать арендаторамъ. Высота ренты тоже больше не зависѣла отъ лендлорда; она опредѣлялясь посредническою коммиссіей. Это былъ смѣлый шагъ и сами ирландскіе націоналисты, въ то время непримиримо враждебные всему англійскому, принуждены были одобрить гладстоновскій билль. Онъ значительно умѣрилъ пестроту и натянутость положенія на островѣ и далъ возможность Гладстону, подготовляя новые шаги по ирландскому вопросу, обратиться и къ настоятельнымъ нуждамъ всего Соединеннаго Королевства. Окончательная демократизація британскаго политическаго строя была всегда основною задачею гладстоновской реформаторской дѣятельности; сами колоніальныя и ирландскія реформы являлись лишь естественными логическими выводами этого главнаго догмата гладстоновскаго политическаго исповѣданія. Между тѣмъ англійское избирательное право все еще оставалось аристократически-буржуазнымъ. И притомъ въ то время, когда не только Соединенные Штаты, Франція и Швейцаря, но и Германія и Италія уже перешли къ системѣ всеобщаго избирательнаго права. Именно въ этомъ направленіи и внесенъ былъ Гладстономъ новый билль о парламентской реформѣ. Палата общинъ его одобрила, но прежде нежели онъ сталъ закономъ, пришлось выдержать упорную и продолжительную борьбу съ лордами. Только въ 1885 году Гладстону, наконецъ, удалось добиться, чтобы всеобщее избирательное право стало составною частью англійской конституціи. Гладстонъ немедленно распустилъ палату, чтобы спросить мнѣніе избирательнаго корпуса въ его новомъ составѣ. Широкая программа реформъ была возвѣщена въ избирательномъ манифестѣ Гладстона: лендбилль для Шотландіи, отдѣленіе церкви отъ государства (disestablishment) въ Шотландіи и Валлисѣ, реформа мѣстнаго самоуправленія, распространеніе рабочаго законодательства на сельскихъ рабочихъ и многое другое, въ томъ числѣ умиротвореніе Ирландіи справедливыми реформами. Выборы кончились побѣдою либераловъ и Гладстонъ съ новымъ рвеніемъ приступилъ къ осуществленію намѣченныхъ либерально-демократическихъ реформъ. Лендбилль для Шотландіи (на началахъ второго ирландскаго лендбилля) былъ проведенъ первымъ. Затѣмъ наступила опять очередь Ирландіи и опять стараго вождя предала значительная часть либеральной партіи.

До введенія всеобщаго избирательнаго права Ирландія посылала въ парламентъ наполовину либераловъ и консерваторовъ, наполовину націоналистовъ-гомрулеровъ. Выходило, что половина ирландскаго населенія не желаетъ автономіи. Первые же выборы при всеобщемъ избирательномъ правѣ радикально измѣнили это соотношеніе. Изъ девяносто одного всѣхъ депутатскихъ мѣстъ отъ Ирландіи, націоналисты получили восемьдесятъ восемь мѣстъ. Ясно, что вся страна желаетъ гомруля. Для такого искренняго либерала

и демократа, какъ Гладстонъ, этого было достаточно, чтобы стать сторонникомъ автономіи. Примѣръ же колоніальныхъ автономій, имъ уже раньше проведенныхъ, показывалъ, что автономія не опасна для общеимперскаго единства и могущества. Въ лѣтнюю сессію 1886 года внесъ Гладстонъ свой первый гом-руль-билль. Онъ былъ отвергнутъ, потому что значительная часть либераловъ ужаснулась распаденія имперіи. Маркизъ Гартингтонъ, Чемберленъ, Тревильэнъ, Гошенъ, Леббокъ, самъ Джонъ Брайтъ, всѣ вожди виговъ и радикаловъ отшатнулись отъ Гладстона. Палата была распущена и назначены новые выборы. Теперь уже не тори, виги или радикалы представлялись избирателямъ, а гладстоніанцы и антигладстоніанцы. Имя одного человѣка замѣнило вѣками освященныя имена партій, которыя всѣ смѣшались и всѣ голосовали въ обоихъ лагеряхъ. Антигладстоніанцы получили нѣкоторый перевѣсъ и Гладстонъ вышелъ въ отставку, уступивъ мѣсто коалиціонному министерству, въ которое вошли и чистокровные тори (Салисбюри, Идеслей, Карнарвонъ), и ново-тори (Черчилль), и виги (Гартингтонъ, Гошенъ), и радикалы (Чемберленъ). Довольно безцвѣтно и безрезультатно оно просуществовало весь законный срокъ его создавшей палаты, одинаково немощное въ консервативную и либеральную сторону.

Выборы 1892 года была послѣднею избирательною кампаніей Гладстона. Они застали восьмидесятитрехлѣтняго вождя на своемъ посту во всеоружіи. Изумительная энергія, неизсякаемое краснорѣчіе, все обаяніе долгой и самоотверженной карьеры великаго старца даровали ему въ послѣдній разъ побѣду. Страна прислала въ парламентъ гладстоніанское большинство и Гладстонъ образовалъ свое министерство. На этотъ разъ палата общинъ приняла билль объ ирландской автономіи, но лорды рѣшительно отвергли. Принудить ихъ оказалось невозможнымъ. Дѣло въ томъ, что сломить оппозицію лордовъ возможно, или опираясь на сочувствіе короны (которая по усмотрѣнію можетъ назначить любое число новыхъ лордовъ), или подъ единодушнымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Королева Викторія не сочувствовала ирландской автономіи; не сочувствовало ей и большинство англичанъ (парламентское большинство дали Ирландія, Шотландія и Валлисъ). Видя себя безсильнымъ сломить оппозицію лордовъ и чувствуя на плечахъ восемдесять пять лѣтъ, Гладстонъ вышелъ въ отставку и удалился въ частную жизнь (1894 г.). Съ тѣхъ поръ онъ только однажды вышелъ изъ этого политическаго уединенія, именно когда понадобилось возвысить голосъ за угнетенныхъ армянъ...

Гладстонъ не былъ великимъ или даже крупнымъ оригинальнымъ мыслителемъ. Онъ не внесъ новыхъ идей въ обиходъ человѣческой мысли, но идеи вѣка онъ съумѣлъ ввести въ обиходъ человѣческой исторіи. Заставъ Англію узко-клерикальною, феодально-аристократическою, эгоистически-господствующей надъ подчи-

неннымъ населеніямъ, онъ ее оставляетъ теперь свободо-мыслящею, демократическою, исправившею многіе прежніе грѣхи передъ подвластными населеніями, стоящею на вѣрномъ пути исправленія и другихъ такихъ же грѣховъ... Не все тутъ сдѣлалъ одинъ Гладстонъ, но ко всему этому онъ приложилъ свою честную и сильную руку и не только народы британской имперіи, но и многіе другіе толпятся въ искреннемъ горѣ вокругъ великаго старца...

Природа мать! Когда-бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала міру,
Заглохла-бъ нива жизни...

Гладстонъ тихо скончался 19 (7) мая въ 5 часовъ утра послѣ продолжительной болѣзни. Въ прошломъ декабрѣ ему исполнилось восемьдесятъ восемь лѣтъ. Англія вся одѣлась въ трауръ, отмѣнены всѣ празднества, обѣ палаты единогласно вотировали адресъ королевѣ о погребеніи въ Вестминстерскомъ аббатствѣ и о постановкѣ памятника. Телеграммы соболѣзнованія присланы отъ императоровъ Россіи и Германіи, отъ президентовъ Соединенныхъ Штатовъ, Франціи и Швейцаріи, отъ предсѣдателей парламентовъ Италіи и Норвегіи и многія другія, безчисленныя, со всѣхъ концовъ свѣта... Многопотрудившійся великій Вильямъ мирно успокоится подъ древнимъ сводомъ Вестминстера, гдѣ Британія собираетъ останки своихъ великихъ вождей.

II.

8 и 22 мая (26 апрѣля и 10 мая) происходили во Франціи общіе парламентскіе выборы, самое важное событіе отчетнаго мѣсяца. Остановимся на немъ, насколько то позволятъ рамки нашей хроники. Хотя настоящіе выборы и не внесли никакой радикальной ломки въ соотношеніе парламентскихъ группъ и направленій, тѣмъ не менѣе во многихъ смыслахъ они представляютъ очень интересную и поучительную картину.

Извѣстно, какъ произошла четверть вѣка тому назадъ та республиканская партія, которая создала и утвердила нынѣшнюю республику. Послѣ паденія имперіи и заключенія перемирія съ нѣмцами, произведены были выборы въ національное собраніе, которое должно было заключить миръ и дать новыя учрежденія Франціи. Выборы кончились не въ пользу старой демократической республиканской партіи. Она явилась въ національное собраніе въ значительномъ меньшинствѣ. Большинство получилъ такъ называемый либеральный союзъ, проще говоря, союзъ легитимистовъ и орлеанистовъ. Отдѣльно, однако, не имѣли большинства ни тѣ, ни другіе и такъ какъ при такомъ порядкѣ вещей учрежденіе монархіи не могло имѣть мѣста, а тяжелое положеніе страны требовало не затягивать этой неизвѣстности, то часть орлеанистовъ, Тьеръ, Дюфоръ, Ремюза и другіе перешли на сторону республики, но, ко-

нечно, республики столь же консервативной, какъ и ихъ орлеанская монархія. Значительная часть коренныхъ республиканцевъ пошли на это соглашеніе и такимъ путемъ, послѣ продолжительной и упорной борьбы, удалось утвердить республику. Теперь, когда борьбу за образъ правленія можно считать уже устраненною, былой союзъ всѣхъ сторонниковъ республиканскаго образа правленія естественно началъ разлагаться и сами республиканцы начали все яснѣе распадаться на консерваторовъ и прогрессистовъ.

Принимая во вниманіе вышеизложенное и соображая съ программами, объявленными въ избирательныхъ воззваніяхъ разныхъ партій, всѣ онѣ могутъ быть сгруппированы въ слѣдующія рубрики:

I. *Реакціонныя партіи*:

Монархисты, преимущественно бывшіе легитимисты, остатки клерикально-феодальныхъ временъ; партія очень ослаблена отложеніемъ отъ нея такъ называемыхъ ralliés (о нихъ ниже); въ прошлой палатѣ (1894—1898 гг.) располагала всего четырьмя десятками представителей; настоящему министерству Мелина всегда дѣлала оппозицію.

Патріоты, такъ называютъ себя люди вродѣ Мильвуа и Деруледа, готовые на бонапартизмъ и на буланжизмъ; хотя и безпринципные, но готовые всегда искать «сильной власти».

Антисемиты, всходы самого послѣдняго времени, очень сродни предыдущей группѣ.

Патріотовъ (иначе, націоналистовъ) и антисемитовъ не было въ прошломъ парламентѣ.

II. *Консервативныя партіи:*

Умѣренные республиканцы, нынѣшняя министерская партія, держащаяся традицій Тьера и Дюфора: la république sera conservatrice ou elle ne sera pas (слова Тьера). То, что называется le gros corps партіи—чистые консерваторы, которые на подоходный налогъ, напримѣръ, смотрятъ, какъ на революціонный проектъ (десятки лѣтъ назадъ осуществленный въ Англіи и Пруссіи). Вмѣстѣ съ ralliés эти консервативные республиканцы составляли большинство въ прошлой палатѣ. Ихъ слабою стороною всегда было присутствіе въ ихъ средѣ нѣкотораго числа такъ называемыхъ *прогрессистовъ* и *либераловъ*, которые не чужды нѣкоторыхъ симпатій къ радикаламъ. Непостоянство этой то переходной группы и производило нерѣдкіе министерскіе кризисы.

Ralliés, это недавніе убѣжденные монархисты, которые, однако, видя неосуществимость монархической реставраціи и поощряемые изъ Рима самимъ святѣйшимъ отцомъ, отреклись отъ монархіи и примкнули къ республикѣ. Изъ трехъ пунктовъ своей прежней программы: реставрація монархіи, клерикальная реакція и защита феодальныхъ интересовъ, они вычеркнули только первый пунктъ, сохранивъ въ остальномъ неприкосновенною свою клерикально-фео-

дальную программу. Союзъ между ralliés и министерскими республиканцами лучше всякихъ словъ и заявленій объясняетъ тяготѣнія министерской партіи. Она не пойдетъ такъ далеко, какъ ralliés, но часть ихъ пути она, очевидно, склонна одобрить, лишь бы не мѣшали разные «прогрессисты».

III. Лѣвые:

Радикалы, это старинная республиканская партія, ведущая свое лѣтосчисленіе отъ республиканцевъ конституанты и конвента черезъ вторую республику къ нашему времени. Ея программа—это старая программа свободы, равенства и братства, свѣтскаго просвѣщенія, подоходнаго налога, борьбы съ клерикализмомъ и феодализмомъ. Послѣ министерской партіи радикальная была самая сильная. Въ прошлой палатѣ Бриссонъ, Леонъ Буржуа, Кавеньякъ—ея прежніе вожди.

Радикалы-соціалисты, таже программа, что и у радикаловъ, дополненная нѣкоторыми позаимствованіями у соціалистовъ, рабочее законодательство, восьми часовой день, рабочіе синдикаты, правительственное покровительство рабочему движенію. Лидеромъ этой партіи въ прошлой палатѣ былъ Гобле.

Соціалисты, обширная соціалистическая программа въ духѣ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, дополненная программою аграрнаго соціализма; политическая программа, кромѣ общерадикальной, вводитъ проспектъ широкой децентрализаціи. Существуетъ нѣсколько фракцій.

Таковы восемь группъ, которыя выступили на борьбу въ этомъ маѣ. Выступая на первое голосованіе, всѣ группы ставили своихъ кандидатовъ отдѣльно, съ тѣмъ, чтобы заключить союзы и компромиссы лишь для второго голосованія. Поэтому если для опредѣленія состава палаты имѣютъ одинаковой интересъ оба голосованія, то для ознакомленія съ составомъ избирательнаго корпуса и его тяготѣніями имѣетъ главное значеніе изученіе результатовъ перваго голосованія (8 мая н. ст.).

Результаты этого голосованія опредѣлились въ слѣдующихъ существенныхъ чертахъ:

Избирателей во Франціи	8.200,000
Изъ нихъ голосовало	6.605,000
Воздержалось отъ голосованія	1.595,000
Потерянныхъ голосовъ *) около	60,000
Подано за опредѣленныхъ кандидатовъ	6.533,235

Эти послѣдніе и подлежатъ теперь распредѣленію между вышеисчисленными восмью группами:

*) Сюда подсчитываются—бѣлые бюллетени (пропущена надпись), неразборчиво написанные, поданные за неизвѣстныхъ или не существующихъ именъ.

I. Министерскія партіи:

Умѣренные республиканцы	2.621,208
Ralliés	385,030
За министерство	3.006,238

II. Оппозиція:

Радикалы	1.568,082
Радикалы-соціалисты	591,438
Соціалисты	741,271
Оппозиція слѣва	2.900,791
Монархисты	571,018
Патріоты	30,005
Антисемиты	25,183
Оппозиція справа	626,206
Противъ министерства	3.526,997

Всего 6.533,235 голосовъ.

Избиратели высказались, такимъ образомъ, противъ министерства, оставивъ его въ меньшинствѣ (3 мильона голосовъ противъ $3^1/_2$ мильона), но не давъ большинства ни лѣвой, ни правой оппозиціи въ отдѣльности. Въ процентныхъ отношеніяхъ голоса распредѣлены между разными партіями такъ:

За министерство	45,9%
Оппозиція: слѣва—44,7	
„ „ справа— 9,4	54,1—
	S=100,0—

По партіямъ, въ убывающемъ порядкѣ и считая обѣ соціалистическія партіи (1,332,709 голосовъ) вмѣстѣ, имѣемъ слѣдующія данныя:

Умѣренныхъ республиканцевъ	40,1
Радикаловъ	24,0
Соціалистовъ всѣхъ фракцій	20,7
Монархистовъ	8,9
Ralliés	5,7
Патріотовъ	0,4
Антисемитовъ	0,3
	S=100 0

Такимъ образомъ $^2/_5$ французовъ принадлежатъ къ консервативнымъ республиканцамъ болѣе или менѣе умѣреннаго оттѣнка; ¼ избирателей предана старинной демократической республикѣ; $^1/_5$ населенія пристала къ соціализму; остальная же $^1/_6$ (приблизительно) состоитъ изъ всяческихъ реакціонеровъ, включая въ ихъ число и ralliés. Если вспомнимъ, что на выборахъ 1885 года реакціонеры могли еще серьезно угрожать республикѣ (на первомъ голосованіи монархистовъ было избрано больше, нежели республиканцевъ, и только перебаллотировка поправила дѣло республиканцевъ); что затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ буланжизмъ одерживаетъ успѣхъ за успѣхомъ; что на выборахъ 1889 года еще вовсе не выступала

соціалистическая партія и что она впервые появилась лишь на выборахъ 1894 года (выборы были перенесены съ осени на весну и потому кажется лишній годъ между выборами), то приведенныя соотношенія не могутъ не показаться въ высшей степени поучительными и во многихъ отношеніяхъ знаменательными. Нельзя не отмѣтить такъ же полнаго краха антисемитизма, выступившаго съ такимъ шумомъ и гамомъ. Нѣмцы, прислушиваясь къ этому гаму и припоминая успѣхи антисемитизма у себя, пророчили, что этотъ вопросъ будетъ нервомъ выборовъ 1898 года. Франція оказалась культурнѣе, нежели о ней думали ея зарейнскіе сосѣди и нежели ожидали сами антисемиты. Въ самой Франціи антисемиты соединили 9½ тыс. голосовъ, да въ Алжирѣ (гдѣ и выбранъ Дрюмонъ, единственный антисемитъ въ палатѣ) 15½ тыс., всего 25,183 голоса. Не больше имѣли успѣха и патріоты своего отечества, соединившіе 8 мая едва 30 тыс. голосовъ.

По своему вліянію на ходъ дѣлъ и особенно на движеніе идей, Парижъ имѣетъ свой особый интересъ. Поэтому предлагаемъ теперь данныя о голосованіи Парижа отдѣльно (послѣ того, какъ показали данныя для всей Франціи, включая и Парижъ). Парижъ раздѣленъ на 37 избирательныхъ округовъ, къ которымъ приписано 536,520 избирателей. Изъ нихъ приняли участіе въ голосованіи 414,549, причемъ потерянныхъ голосовъ оказалось 15,774. За опредѣленныхъ кандидатовъ подано — 398,775 голосовъ. Распредѣляются они по партіямъ слѣдующимъ образомъ:

Умѣр. республиканцевъ	64,919
Ralliés	1,213
Министерскихъ	66,132
Радикалы	28,011
Радикалы-соціалисты	89,013
Соціалисты	178,825
Оппозиція слѣва	295,849
Монархисты	22,017
Патріоты	13,986
Антисемиты	791
Оппозиція справа	36,794
Всего антиминистерскихъ	332,643
S. =	398,775

Парижъ былъ прежде радикально-демократическимъ, теперь онъ сталъ соціалистическимъ. Обѣ соціалистическія партіи вмѣстѣ соединили въ Парижѣ 267,838 голосовъ, т. е. 67,1%, болѣе ⅔ всего населенія. Съ другой стороны обѣ министерскія партіи соединили всего 66,132 голоса, или только 16,5%, тогда какъ 83,5% парижскихъ избирателей осудили министерскую партію и ея дѣятельность.

Эти успѣхи соціалистической партіи омрачились для нея нѣсколькими частными, но очень чувствительными пораженіями. Жоресъ потерпѣлъ пораженіе въ горномъ округѣ Кармо, гдѣ его побѣдилъ rallié. Въ Рубэ не избранъ другой вождь соціалистической партіи Геддъ. Въ Парижѣ потерпѣли пораженіе Жеро-Ришаръ и Гобле, лидеръ соціалъ-радикальной партіи. Жоресу было немедленно предложено два округа на выборъ для баллотировки, но онъ отклонилъ предложенія, выразивъ желаніе отдохнуть нѣкоторое время. Изъ другихъ эпизодовъ слѣдуетъ отмѣтить пораженіе министра колоній Лебона и выборъ Поль-де-Кассаньяка, одно время удалившагося отъ дѣлъ.

Голосованіе 8 мая дало неполные результаты. Было избрано всего 402 депутата изъ числа 581, подлежавшихъ выбору, такъ что для голосованія 22 (10) мая оставались еще 179 избраній. Окончательные результаты выборовъ группируются въ слѣдующія цифры:

	Избрано:		
	8 мая:	22 мая:	Итого:
Умѣр. республ.	181	60	241
Ralliés	32	6	38
Министерскихъ . .	213	66	279
Радикаловъ	95	37	132
Рад.-соціалистовъ	26	29	55
Соціалистовъ	27	34	61
Оппозиція слѣва . .	148	100	248
Монархистовъ	38	12	50
Патріотовъ	2	1	3
Антисемитовъ	1	0	1
Оппозиція справа .	41	13	54
Вся оппозиція . . .	189	113	302
Ss. = ...	402	179	581

Въ прошлой палатѣ умѣренные республиканцы и ralliés составляли, вмѣстѣ взятые, большинство и, если лѣвое крыло умѣренныхъ республиканцевъ, такъ называемые республиканцы-прогрессисты и республиканцы-либералы оставались вѣрны консервативно-республиканскому министерству, оно стояло твердо. Ахиллесовой пятой политическаго положенія была неустойчивость этихъ своего рода ralliés, пришедшихъ только слѣва. Ихъ старыя личныя связи съ радикалами, ихъ демократическія традиціи иногда ихъ увлекали на лѣво и тогда умѣренному министерству приходилось уходить. Являлись министерства коалиціонныя или даже чисто радикальныя. Отъ необходимости союза съ прогрессистами министерскіе республиканцы очень желали избавиться. На настоящихъ выборахъ во всѣхъ округахъ, которые въ прошлой палатѣ были представлены прогрессистами, министерскіе выставили противъ нихъ свои кандидатуры.

Это очень и очень сократило ихъ число. На первомъ голосованіи ихъ прошло всего пять, на перебаллотировкѣ прибавилось еще шесть, всего стало быть одиннадцать. Группа низведена до безсилія и ей остается слиться или съ консервативными республиканцами, или примкнуть къ радикаламъ. Вѣроятно, одни выберутъ одинъ путь, другіе—другой. Мы ихъ всѣхъ считали въ числѣ министерскихъ, но вѣроятно нѣсколько придется перечислить въ оппозицію. Поведеніе министерскихъ на выборахъ тоже не можетъ не повліять на поведеніе прогрессистовъ въ парламентѣ. Однако, и съ прогрессистами, и съ ralliés министерскіе составляютъ меньшинство и, если не пожелаютъ окончательно кинуться въ реакцію и войти въ коалицію съ монархистами, то министерство такъ называемаго concentration républicaine (т. е. коалиціонное изъ умѣренныхъ и радикаловъ) явится единственнымъ и самымъ вѣроятнымъ исходомъ *).

Быть можетъ не будетъ неинтереснымъ отмѣтить, что распредѣленіе партій въ палатѣ не вполнѣ совпадаетъ съ ихъ распредѣленіемъ въ странѣ. Министерскихъ голосовъ въ странѣ было—45,9%, въ парламентѣ же—48,0%, на 2,1% больше. При точномъ воспроизведеніи въ парламентѣ соотношенія между избирателями, число министерскихъ депутатовъ уменьшилось бы человѣкъ на двѣнадцать. Радикалы въ странѣ составляютъ ¼ избирателей, а въ парламентѣ только 22%. Воспроизводя соотношенія въ избирательномъ корпусѣ, радикаламъ пришлось бы отвести не 132, а 144 мѣста въ парламентѣ. Впрочемъ, въ этомъ году эти избирательныя противорѣчія еще не столь рѣзки. Помнится, на выборахъ 1889 года (или 1894 г.) въ парламентѣ несомнительное большинство принадлежало коалиціи группъ, за которыми въ странѣ стояло столь же несомнительное меньшинство. Эти аномаліи и побудили Милля, чуть не полвѣка тому назадъ, предложить такъ называемое пропорціональное избирательное право (или представительство меньшинства, какъ его не совсѣмъ справедливо иногда называютъ). Европейскіе парламенты, однако, не торопятся воспользоваться идеей Милля. Она не выгодна именно среднимъ партіямъ, которыя большею частью и находятся при власти.

III.

Отчетный мѣсяцъ омрачился тяжелымъ и кровопролитнымъ междоусобіемъ въ Италіи. Употреблено было оружіе противъ народа во Флоренціи, Пизѣ, Неаполѣ, Равенѣ, Римини, Бриндизи, Мессинѣ,

*) Необходимо, однако, оговорить слѣдующее. Изъ числа 581 депутата палаты 305 не входили въ составъ прошлой, а безъ малаго 250 не связаны никакимъ политическимъ обязывающимъ прошлымъ, кромѣ тѣхъ этикетокъ, которыя на себя наклеили при настоящихъ выборахъ. Поэтому, въ концѣ концовъ, не невозможны всяческіе сюрпризы.

Павія, Луино, Тревизо, Монцѣ и сотняхъ менѣе значительныхъ городскихъ общинахъ, въ тысячахъ селахъ. Въ Миланѣ же сражались четыре дня, тысячи убитыхъ и раненыхъ, въ дѣло была употреблена артиллерія. Маркизъ ди-Рудини, президентъ итальянскаго министерства, въ оффиціальномъ циркулярѣ префектамъ, перечисляетъ не тѣ мѣстности, въ которыхъ происходили волненія и столкновенія (это была почти вся Италія), а тѣ немногія, которыя остались спокойными и не приняли участія въ этомъ всенародномъ приговорѣ надъ политикою итальянскаго правительства. Этихъ мѣстностей, которыя, по заявленію Ди-Рудини, остались спокойными зрителями трагическихъ событій, обагрившихъ кровью классическую почву Италіи отъ Мессины и Бриндизи до подножія Альпъ, этихъ мѣстностей было очень немного: два острова (Сицилія и Сардинія) и столица, гдѣ сосредоточены очень солидныя военныя силы. Римъ самъ не сражался, но въ римской провинціи войска усмиряли населеніе въ нѣсколькихъ пунктахъ (Генцано, Альбани и др.) Не было извѣстій и о волненіяхъ въ Піемонтѣ и Генуѣ, но президенту министровъ лучше это знать (если только подъ Сардиніей онъ не разумѣлъ всего бывшаго Сардинскаго королевства, гдѣ, однако, въ Спеціи были серьезныя волненія и объявлено осадное положеніе). Таково нынѣ печальное положеніе Италіи. Со всѣхъ сторонъ досужіе политики не у дѣлъ стараются дать свое объясненіе этому общему мятежу итальянскихъ народныхъ массъ и предложить свои средства исцѣленія и предупрежденія. Изложимъ прежде факты.

Уже около года въ разныхъ мѣстахъ Италіи происходятъ волненія, вынуждаемыя крайнею нуждою, удручающею громадное большинство населенія городского и сельскаго. Этою зимою значительное повышеніе цѣны хлѣба еще болѣе обострило эту нужду, обостривъ и волненія населенія. Къ веснѣ эти хлѣбные безпорядки начали принимать все болѣе угрожающій характеръ и войска постоянно были употребляемы въ дѣло для успокоенія голодной толпы. Опасности отъ этихъ безпорядковъ уже мѣсяцъ тому назадъ казались правительству настолько серьезными, что оно произвело частичную мобилизацію арміи, призвавъ подъ знамена контингенты резервистовъ двухъ послѣднихъ возрастовъ, подлежащихъ призыву въ дѣйствующую армію (теперь призваны еще два возраста). Характеръ этихъ волненій вездѣ былъ приблизительно одинъ и тотъ же. Чтобы съ этимъ характеромъ ознакомиться, опишемъ одно изъ послѣднихъ, именно Мессинское (кстати сказать, Мессина лежитъ въ Сициліи, которая, по мнѣнію Ди-Рудини, осталась спокойною).

«10 мая (28 апрѣля) толпа въ нѣсколько тысячъ женщинъ и дѣтей съ утра собралась передъ зданіемъ мэріи, требуя помощи. Позже начали присоединяться къ ней мужчины, преимущественно рабочихъ классовъ. Были вызваны войска. Передъ угрозою употребить оружіе толпа уступила и, раздѣлившись на группы, двинулась по разнымъ улицамъ, требуя хлѣба и помощи. Въ нѣкото-

рыхъ домахъ и магазинахъ выбиты каменьями окна. Для защиты собственниковъ пришлось прибѣгнуть къ оружію. Четверо ранено, манифестанты разсѣяны. Городъ занятъ войсками. Произведено много арестовъ». Это оффиціальная версія. Приблизительно тоже сообщалось и изъ другихъ городовъ и мѣстностей Италіи.

Я уже упомянулъ, что начавшіяся зимою хлѣбныя волненія обострились весною. Правительство понизило желѣзнодорожные тарифы на перевозку хлѣба, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нѣсколько понизило рыночную цѣну хлѣба, достигнувъ въ наиболѣе благопріятныхъ случаяхъ цѣны 35 сантимовъ за килограммъ печенаго хлѣба, или около 15 сантимовъ (5—6 копѣекъ) за фунтъ печенаго хлѣба! Въ этихъ счастливыхъ мѣстностяхъ (гдѣ цѣна хлѣба была все таки втрое дороже, нежели въ Петербургѣ) удалось предупредить волненія и народъ понемногу успокаивался. Счастливцевъ, однако, всегда мало и громадное большинство итальянцевъ не могли воспользоваться этою рѣдкою возможностью пріобрѣсти пудъ хлѣба за два съ половиною рубля *). Обыкновенно платили гораздо больше, а такъ какъ платить было нечѣмъ, то голодали и шли подъ пули. 2 мая (20 апрѣля) произошли серьезные безпорядки въ Равеннѣ. Между голодною толпою и войсками произошло формальное сраженіе. Убито изъ толпы четверо (одна женщина въ томъ числѣ) и десятка два болѣе или менѣе тяжело ранены (легко раненые разсѣялись вмѣстѣ со всею толпою). Того же 2 мая тоже самое произошло и въ Піаченцѣ. Оффиціальное сообщеніе лаконически выражается: «войска принуждены были стрѣлять. Много убитыхъ и раненныхъ». 3 мая подобные же безпорядки происходили въ Бари. Около десяти манифестантовъ убитыхъ, много ранено. Толпа, вооруженная только камнями, палками и черепицею съ крышъ, сопротивлялась отчаянно; два солдата убиты, не мало контуженныхъ. Эти печальныя событія побудили министерство еще понизить тарифъ на перевозку хлѣбныхъ грузовъ. Это, конечно, не могло ни сразу понизить хлѣбныхъ цѣнъ, ни вообще на нихъ значительно повліять, ни остановить волненіе голодающаго населенія. Въ ближайшіе дни произошли подобныя же серьезныя волненія во Флоренціи, Пизѣ, Павіи, Легорно, Ливорно, Комо, Монцѣ и другихъ многочисленныхъ городахъ и городкахъ Италіи. Ихъ заслонили собой, отодвинули на задній планъ и дали имъ новое освѣщеніе и значеніе кровавыя событія въ Миланѣ, въ этомъ самомъ многолюдномъ, самомъ промышленномъ и самомъ просвѣщенномъ городѣ Италіи.

Ломбардія издревле житница Италіи; отсюда везутъ хлѣбъ въ

*) Въ нашихъ источникахъ мы не нашли указанія, о *какомъ* хлѣбѣ идетъ рѣчь. Вѣроятнѣе всего о томъ, которымъ питается весь итальянскій народъ, за исключеніемъ высшихъ классовъ. А это не только не пшеница, но даже не рожь. Это кукуруза. Въ Одессѣ, по послѣднимъ депешамъ, ей цѣна—50 коп. пудъ. И э[illegible] очень много.

другія провинціи; здѣсь хлѣбъ поэтому всего дешевле. Съ другой стороны, Миланъ—большой индустріальный центръ и заработки здѣсь наиболѣе обезпечены. Хлѣбъ, конечно, и здѣсь вздорожалъ; нужда и здѣсь велика; голодающихъ и тутъ нашлось-бы. Тѣмъ не менѣе на этомъ одномъ мотивѣ не поднялось бы все населеніе Милана и не ражалось бы съ ожесточеніемъ въ теченіе четырехъ дней съ цѣлою арміею короля Гумберта. Сражались не голодающіе. Насколько можно судить, по наиболѣе достовѣрнымъ даннымъ, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Волненія начались 6 мая (24 апрѣля) въ пятницу на фабрикѣ Пирелли. Фабричнымъ надзоромъ былъ замѣченъ одинъ субъектъ, распространявшій между рабочими какіе-то листы. Оказалось, что это прокламаціи, призывающія народъ свергнуть неспособное и деспотическое правительство. Было дано знать полиціи и явились полисмены съ цѣлью арестовать распространителя воззваній. Рабочіе, однако, арестованія не допустили и прогнали полицію. Явившійся вслѣдъ затѣмъ отрядъ полицейскихъ былъ встрѣченъ градомъ камней. Онъ отступилъ, но захватилъ трехъ рабочихъ. Толпа бросилась освобождать схваченныхъ товарищей. Полицейскіе вынули было револьверы, но подоспѣвшій отрядъ карабинеровъ избавилъ ихъ отъ необходимости стрѣлять; толпа отступила передъ вооруженною силою. Арестованныхъ повели въ полицію, масса фабричныхъ рабочихъ слѣдовала за ними. По дорогѣ она умножалась горожанами, рабочими, крестьянами, студентами. Зданіе полиціи было окружено многочисленною толпою, засыпавшею зданіе камнями. Освобожденіе двухъ изъ арестованныхъ не успокоило народъ, который требовалъ освобожденія третьяго. Между тѣмъ извѣстіе объ этомъ столкновеніи съ быстротою молніи облетѣло городъ и проникло на другія фабрики, всюду возбуждая рабочихъ. Миланскіе депутаты (соціалисты) Турати и Рондани старались успокоить взволнованное рабочее населеніе Милана. Они добились отъ прокурора приказа объ освобожденіи третьяго арестованнаго, а отъ мэра города — распоряженія о временной отмѣнѣ взиманія ввозной въ городъ пошлины на съѣстные припасы. Къ вечеру они могли объявить рабочимъ фабрики Пирелли о достигнутыхъ результатахъ и, думалось, все должно было успокоиться. Оказалось, что опоздали. Движеніе уже приняло то стихійное направленіе, при которомъ оно уже имѣетъ въ виду не столько ясно поставленную цѣль, сколько ясно сознаваемую причину въ давно накопившемся и теперь прорвавшемся чувствѣ. Такъ случилось и теперь. На фабрикѣ Пирелли все, казалось, успокоилось подъ вліяніемъ рѣчей Турати и Рондани; отрядъ карабинеровъ, ее занимавшій съ утра, получилъ приказъ удалиться въ свои казармы, но по дорогѣ былъ аттакованъ возбужденной толпою. Это было близко казармъ и карабинеры успѣли скрыться въ казармы, которыя были осаждены озлобленною и все забывшею, безоружною, но многотысячною толпою. Пришлось вызвать подкрѣпленія; нѣ-

сколько батальоновъ было въ дѣлѣ; дано нѣсколько залповъ, наконецъ разсѣявшихъ возбужденную толпу. Четырнадцать убитыхъ и смертельно раненыхъ осталось на мѣстѣ столкновенія. Изъ солдатъ одинъ убитъ и многіе контужены. Камни были единственнымъ оружіемъ нападавшихъ. Такъ кончился день 6 мая.

Событія этого злополучнаго дня; погибшія жертвы столкновенія, еще болѣе многочисленные раненные, разсѣявшіеся вмѣстѣ съ разогнанною толпой; преувеличенные слухи, сопровождающіе всегда подобныя событія; все это соединилось съ духомъ общаго остраго недовольства существующимъ порядкомъ и съ все растущею нуждою, чтобы на утро 7 мая вызвать на улицы Милана чуть не все населеніе громаднаго города, столь же безоружное, какъ толпа, осаждавшая 6 мая казармы карабинеровъ, но столь же готовое съ голыми руками противостоять магазинкамъ и картечи. Началось съ общей стачки фабричныхъ рабочихъ, двинувшихся густыми колоннами обоего пола съ разныхъ сторонъ къ центру города. Зачѣмъ они шли, вѣроятно, и сами они не знали, какъ не знали, зачѣмъ объявили стачку, ничего отъ хозяевъ не требуя. Возбужденные и озлобленные, они повиновались какой то стихійной силѣ, у которой напрасно было бы спрашивать о ея задачахъ и цѣляхъ. Колонны двигались безоружныя и молчаливыя... Войска поспѣшно оставляли казармы и съ заряженнымъ оружіемъ выходили на встрѣчу, чтобы преградить путь человѣческимъ лавинамъ, катившимся по направленію къ центру тяжести городского тѣла. Первая встрѣча была, повидимому (извѣстія все еще неполны), на Corso Venezia. Войска заградили путь и потребовали вернуться и разойтись. Колонна остановилась на минуту, а затѣмъ прежде, чѣмъ растерявшійся офицеръ, командовавшій отрядомъ стрѣлковъ, сообразилъ измѣнившееся положеніе дѣлъ, онъ увидѣлъ передъ собою баррикаду, образованную изъ опрокинутыхъ конножелѣзнодорожныхъ вагоновъ, омнибусовъ, экипажей и мебели сосѣднихъ домовъ. Мятежники овладѣли сосѣднимъ дворцомъ синьора Сапороти и, занявъ его многочисленныя окна и крыши, приготовлялись фланговою аттакою (все тѣми-же каменьями, черепицею и мебелью) поддержать защитниковъ баррикады (располагавшихъ только тѣмъ же оружіемъ). Войска двинулись на баррикаду, но были отбиты, потерпѣвъ значительный уронъ контуженными. Съ новыми подошедшими подкрѣпленіями возновбилась аттака, и эта битва регулярной арміи, вооруженной скорострѣльными магазинными ружьями и штыками, съ безоружною, но озлобленною толпою продолжалась четыре часа прежде, нежели войскамъ удалось, наконецъ, взять и разрушить баррикаду и очистить Corso Venezia и сосѣдніе дома отъ мятежниковъ. Множество труповъ остались на этомъ мѣстѣ. Совершенно такое же столкновеніе произошло на Via Torino. Такая-же безоружная толпа, такое же упорство, тѣже нѣсколько часовъ кровопролитнаго сраженія, тѣже многочисленныя человѣческія жертвы... Еще упорнѣе и

кровопролитнѣе была битва на Porta Ticinesa. Пѣхота и кавалерія были безсильны передъ разстрѣливаемою, но упорно стоящею озлобленною толпою. Восемь часовъ продолжалось это отчаянное сопротивленіе, покамѣсть дѣло не было рѣшено артиллерій. Только передъ картечью уступили мятежники, оставившіе сотни труповъ на мѣстѣ этого столько же безумнаго, сколько геройскаго сраженія... Если бы у этихъ людей было оружіе, едва-ли не пришлось бы войскамъ и властямъ короля Гумберта спасаться изъ Милана, если не изъ всей Ломбардіи. Тѣже сцены происходили въ разныхъ мѣстахъ Милана, гдѣ въ этотъ день съ утра и до вечера гремѣли выстрѣлы и лилась кровь. На Внѣшнемъ Бульварѣ мятежники сдѣлали вылазку изъ баррикады и съ одними палками и каменьями въ рукахъ съ такою отчаянною отвагою и стремительностью аттаковали дѣйствовавшій противъ нихъ отрядъ берсальеровъ, что обратили его въ бѣгство и значительное число солдатъ сбросили въ рѣку. Потребовались сильныя подкрѣпленія и продолжительный бой, чтобы очистить Внѣшній Бульваръ и разрушить воздвигнутыя здѣсь баррикады.

Ночью продолжались битвы въ разныхъ частяхъ города. Никто не знаетъ, что собственно происходило; только перестрѣлка и крики не умолкали; произошло нѣсколько пожаровъ. Этою же ночью съ 7 на 8 мая изъ Павіи въ Миланъ прибылъ отрядъ студентовъ, уже вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Батальонъ берсальеровъ заградилъ имъ путь; убитые и раненые съ обѣихъ сторонъ. Студенты отступили, но ворвались въ городъ съ другой стороны и овладѣли монастыремъ капуциновъ, откуда открыли огонь по войскамъ. Первыя атаки были отбиты; тогда пущена была въ дѣло артиллерія, которая разрушила стѣны древняго монастыря и войска вошли въ монастырь, но студентовъ уже не застали. Они нашли выходъ и отступили. Взамѣнъ студентовъ арестовали двѣсти монаховъ и подъ конвоемъ отослали въ тюрьму. Это было уже утромъ 8 мая. Между тѣмъ, окрестные крестьяне, вооруженные топорами, вилами и косами, тысячами стекались въ столицу Ломбардіи, чтобы принять участіе въ битвѣ противъ правительства, очевидно глубоко ненавистнаго массѣ населенія. Что происходило въ этотъ воскресный день 8 мая и въ слѣдующій день 9 мая, установить покамѣсть совершенно невозможно. Правительство объявило осадное положеніе, прекратило всякое телеграфное и даже почтовое сообщеніе съ Миланомъ, остановило движеніе поѣздовъ (по слухамъ, потому что два дня миланскій вокзалъ былъ во власти мятежниковъ), запретило большинство ломбардскихъ газетъ, установило цензуру для остальныхъ и публиковало только краткіе бюллетени генерала Бава, главнокомандующаго войсками въ Ломбардіи и временнаго военнаго губернатора этой провинціи. Бюллетени эти были успокоительнаго характера. Извѣстно, однако, что битвы продолжались все воскресенье 8 мая и хорошо, если

были окончательно войсками выиграны къ вечеру 9 мая (27 апр.). Несомнѣнно такъ же и то, что въ эти дни, когда въ Миланъ поспѣшили со всѣхъ сторонъ всякіе революціонные элементы, инсуррекція приняла ярко анти-династическій характеръ. Будущій историкъ разскажетъ подробности этихъ достопамятныхъ дней, но и теперь можно уже составить себѣ довольно отчетливое представленіе объ ихъ смыслѣ и характерѣ. Докончимъ сначала изложеніе фактовъ.

Извѣстіе о возстаніи Милана глубоко потрясло всю Италію, особенно сѣверную. Въ Ломбардіи же оно вызвало всеобщее движеніе. Я уже упомянулъ о студентахъ Павіи, прибывшихъ на помощь миланцамъ, какъ и объ ломбардскихъ крестьянахъ, стекавшихся туда со всѣхъ сторонъ. Тоже продолжалось и въ послѣдующіе дни миланской кровавой драмы. Поѣзда были остановлены правительствомъ, всѣ дороги оккупированы и всюду на этихъ путяхъ, сходящихся къ древнему городу, происходила борьба, гремѣли выстрѣлы, лилась кровь. Инсургенты пользовались, между прочимъ, велосипедами. Генералъ Бава запретилъ велосипедную ѣзду и создалось новое преступленіе, караемое чуть-ли не смертною казнью. Но не всѣ ломбардцы стремились въ Миланъ; нѣкоторые предпочитали сражаться дома. Такъ населеніе Луино, фабричнаго города Верхней Ломбардіи, подняло знамя возстанія и два дня сражалось съ королевскими войсками. Остальная Италія шла за Ломбардіей. 9 мая произошли волненія въ Неаполѣ и войскамъ пришлось сражаться нѣсколько часовъ, чтобы очистить столицу южной Италіи отъ манифестантовъ. Кровавыя сцены того же 9 мая произошли и во Флоренціи. Кромѣ этихъ трехъ самыхъ крупныхъ центровъ итальянской жизни (я говорю о Миланѣ, Неаполѣ и Флоренція, потому что Римъ и по культурности, и по многолюдству слѣдуетъ за ними), въ эти дни 9—10 мая кровавыя столкновенія, частью хлѣбныя, частью политическія, произошли (по далеко неполнымъ отчетамъ) въ Бари, Мольфеттѣ, Фоджіи, Чіэти, Асколи-Пиценo, Пезаро, Римини, Равеннѣ, Феррарѣ, Кремонѣ, Піаченцѣ, Павіи, Специи, Ливорно, Легорно, Генуано, Альбани, Мессинѣ... Въ Швейцаріи десятки тысячъ проживающихъ тамъ итальянскихъ рабочихъ оставили работу и двинулись въ Италію на помощь возставшей Ломбардіи. Подавленіе маленькаго возстанія и энергическія мѣры швейцарскаго правительства, даже мобилизовавшаго нѣсколько отрядовъ войска для занятія проходовъ въ Италію, остановили это вторженіе. Теперь все успокоилось и правительство, объявивъ, за исключеніемъ Пьемонта, Генуи, Венеціи, Рима и острововъ, всю остальную Италію въ осадномъ положеніи, готовится къ возмездію. Къ тысячамъ уже арестованнымъ прибавляются новыя тысячи. Къ десяткамъ уже закрытыхъ газетъ прибавляются новые десятки. Публичныя собранія не допускаются. Созывъ парламента отсроченъ королевскимъ

указомъ. Войска пополняются призывомъ новыхъ контингентовъ резервистовъ. Желѣзныя дороги, какъ въ военное время, переданы военному вѣдомству и желѣзнодорожный персоналъ, оставаясь при своихъ обязанностяхъ, почитается призваннымъ подъ знамена, подчиняясь военной дисциплинѣ и командѣ офицеровъ ближайшихъ частей. Всѣ ожидаютъ обширныхъ распоряженій; множество людей изъ оппозиціи выѣзжаютъ заграницу; поговариваютъ о стѣсненіи свободы печати, союзовъ и собраній и объ ограниченіи правъ парламента въ пользу короны.

Таковы факты. Объясненій имъ предлагается множество. Итальянская оффиціозная пресса, выдавая намѣренія правительства, желаетъ выставить дѣло такъ, будто въ сущности никакихъ хлѣбныхъ волненій и не было, а былъ заговоръ республиканцевъ, соціалистовъ и клерикаловъ, которые только воспользовались вздорожаніемъ хлѣба, чтобы вызвать волненія и произвесть революцію. Цѣлью этой революціи было будто бы возстановить свѣтскую власть папы надъ римскою республикою и расщепить Италію на радъ независимыхъ республикъ, миланскую, венеціанскую, пизанскую, флорентійскую и т. д. Патріоты поэтому призываются соединиться вокругъ правительства для защиты итальянскаго единства и для отпора клерикальнымъ замысламъ... Въ такомъ видѣ и формѣ все это, конечно, стихотворенія въ прозѣ, не болѣе того. Шесть копѣекъ за фунтъ *сильно удешевленнаго* маисоваго хлѣба, вѣдь это фактъ, котораго ничѣмъ изъ исторіи этого движенія не устранишь! Но почему, однако, пекли этотъ драгоцѣнный хлѣбъ изъ ломбардскаго и тосканскаго маиса, а не изъ бессарабскаго и молдавскаго, когда послѣдній (принимая во вниманіе припекъ) обошелся бы около копейки за фунтъ? А просто потому (и потому, только), что маркизъ Ди-Рудини и его кабинетъ благоволятъ крупному землевладѣнію Италіи и обложили хлѣбные продукты крупною пошлиною... Еще тому назадъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ маркизъ Ди-Рудини отвѣтилъ въ палатѣ, что не представляется надобности понизить хлѣбныя пошлины! Онъ понизилъ, правда, желѣзнодорожные тарифы даже на 50% для хлѣбныхъ грузовъ, но отъ этого всетаки хлѣбъ не будетъ дешевле, чѣмъ его продаютъ аграріи Ломбардіи, Пьемонта и Тосканы. Вѣдь и на мѣстѣ производства его цѣны для мѣстнаго населенія невыносимы. Эти факты такъ краснорѣчивы и такъ несомнѣнны, что напрасно кивать на Петра (хотя бы даже на самого св. Петра и его намѣстника). Жестокая дороговизна вызвала волненіе и кризисъ. Это надо признать и отсюда надо и выходить для пониманія всѣхъ послѣдующихъ событій.

Дороговизна хлѣба—острое явленіе, вскрывшее давнее, понемногу накоплявшееся недовольство народныхъ массъ. Чрезмѣрные налоги, вызванные погонею за велико-державною политикою; безумная, внушенная тѣмъ же миражемъ велико-державности Эритрей-

ская экспедиція, стоившая и столько людей, и столько расходовъ, и принесшая столько униженія и разочарованія; но болѣе всего нарушенное экономическое равновѣсіе страны и неумѣлая, не всегда чистая администрація, все это накопляло недовольство въ народной массѣ.

Само собою, да иначе и быть не могло, республиканцы, соціалисты и клерикалы своею постоянною критикою правительственной политики (увы, очень легко поддающейся критикѣ) еще болѣе питали и раздували недовольство, создавая на его почвѣ опредѣленныя антиправительственныя и антидинастическія теченія. И вотъ, когда волна хлѣбныхъ волненій докатилась до болѣе просвѣщенныхъ и сознательно думающихъ центровъ, эти теченія и прорвались наружу. Нельзя сомнѣваться, что миланское возстаніе имѣло даже съ самаго начала политическій характеръ. Миланцы бились съ ненавистнымъ ему правительствомъ. Ихъ упорный бой привлекъ къ нимъ уже подлинныхъ революціонеровъ, у которыхъ въ карманахъ и найдены разныя республиканскія, соціалистическія и клерикальныя прокламаціи. Мы, конечно, не можемъ знать, были ли въ Италіи устроены заговоры, возвѣщаемые королевскимъ правительствомъ. Быть можетъ, и были... Но миланское возстаніе не было дѣломъ этихъ заговорщиковъ. Иначе возставшіе имѣли бы и оружіе, и бомбы, и мины, и вождей. Да и ходъ дѣла объясняется, какъ выше указано, очень легко и безъ заговора. Но если заговорщики существовали, они могли потомъ пристать; однако, взятые врасплохъ, были не готовы... Впрочемъ, едва ли скоро узнаемъ истину. Королевское правительство слишкомъ заинтересовано ее скрывать.

Намъ бы слѣдовало еще отдать отчетъ о ходѣ испано-американской войны, но наша бесѣда слишкомъ затянулась сегодня. Кончина Гладстона, французскіе выборы, итальянское возстаніе— все это для насъ, европейцевъ, ближе и важнѣе тяжелой драмы, медленно развивающейся на островахъ Атлантическаго и Тихаго Океановъ. Къ тому же особенно яркихъ и рѣшительныхъ событій не произошло и мы можемъ соединить отчетъ объ этомъ первомъ мѣсяцѣ войны съ послѣдующимъ.

Въ остальномъ мірѣ ничего не произошло особенно важнаго (кромѣ уже изложеннаго). Дальній Востокъ продолжаетъ привлекать общее вниманіе. Японцы, получивъ послѣдній взносъ китайской контрибуціи, очистили Вей-Ха-Вей. Китайцы его заняли и нынѣ передаютъ англичанамъ. Принцъ Генрихъ былъ пышно принятъ китайскимъ императоромъ, который для этого нарушилъ тысячелѣтіями освященный этикетъ. Это очень комментируется прессой, которая занималась и новымъ русско-японскимъ договоромъ, и нѣсколькими новыми концессіями, дарованными Китаемъ предпринимателямъ разныхъ націй.

На ближнемъ Востокѣ турки очищаютъ, наконецъ, Ѳессалію.

Критское дѣло безъ движенія. Князь Черногорскій зачѣмъ то ѣздилъ въ Лондонъ, князь Болгарскій—въ Константинополь. Вопросы о реформѣ, объ участи армянъ и македонцевъ, повидимому, отложены въ долгій ящикъ.

Австрія никакъ не можетъ справиться съ новымъ Ausgleich'омъ и, повидимому, финансово-экономическое раздѣленіе имперіи становится неизбѣжнымъ. Это настолько важно не для одной Австріи, что мы возвратимся къ этому вопросу, если его движеніе выяснится именно въ этомъ направленіи.

Въ Бельгіи происходили 22 (10) мая парламентскіе выборы. Палата въ Бельгіи обновляется каждыми выборами на половину. Такое частичное обновленіе происходило и въ воскресенье 22 мая. Въ Бельгіи за власть долго боролись всего двѣ партіи, клерикалы и либералы, но въ послѣднее время начала пріобрѣтать силу третья партія, соціалистическая. Большинство въ палатѣ, часть котораго поразбѣжалась теперь, было клерикальное. Хотя предстоитъ много перебаллотировокъ, но и теперь можно уже видѣть, что клерикальное большинство сохранится въ палатѣ, хотя, вѣроятно, и ослабленное. Либералы, однако, только удержали свои мѣста. Отвоевали кое-что у клерикаловъ соціалисты. Въ Шарльруа и Монсѣ они одержали полную побѣду; въ Гентѣ побѣдили клерикалы; въ Люттихѣ, Вервье, Туэнѣ и многихъ другихъ мѣстахъ предстоятъ перебаллотировки между клерикалами и соціалистами. Отъ поведенія либераловъ будетъ зависѣть исходъ перебаллотировки. Съ другой стороны въ Турнэ и А предстоитъ перебаллотировка между клерикалами и либералами. Въ Уи либералы были поддержаны соціалистами и одержали верхъ. Это заставляетъ думать, что на перебаллотировкѣ либералы и соціалисты будутъ дѣйствовать сообща противъ клерикаловъ. Перебаллотировка будетъ происходитъ 5 іюня (24 мая). Вѣроятно, мы еще къ ней вернемся въ будущей нашей бесѣдѣ.

С. Южаковъ.

Бѣлинскій драматургъ *).

Бѣлинскій драматургъ... Такая тема многимъ покажется странною, въ особенности въ день чествованія памяти великаго критика. Двѣ драмы Бѣлинскаго—«Дмитрій Калининъ» и «Пятидесятилѣтній дядюшка или странная болѣзнь»—представляютъ собою нѣчто очень слабое. Онѣ могутъ служить лишнимъ подтвержденіемъ той истины,

*) Читано въ публичномъ засѣданіи Союза писателей 10 мая.

что человѣкъ, обладающій тонкимъ пониманіемъ художественной правды и красоты, прямо жадный на ощущеніе этой правды и красоты, можетъ оказаться совершенно безсильнымъ самъ воплотить ихъ въ образы и картины.

Въ ранней молодости, собственно въ дѣтствѣ, въ гимназіи, Бѣлинскій писалъ стихи и, какъ онъ потомъ иронически выражался, «почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго». Но уже вскорѣ по поступленіи въ университетъ онъ такъ отвѣчалъ на предложеніе дать стихотвореніе для готовившагося къ печати альманаха: «Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія необыкновенныя, душа часто полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ душѣ рождаются мысли высокія, благородныя,—хочу ихъ выразить стихами и не могу! Тщетно трудясь, бросаю перо. Имѣю пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу пылкую и при всемъ томъ не имѣю таланта выражать свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Риѳма мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями; выраженія не уламываются въ стопы, и я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу». Такимъ образомъ въ это время Бѣлинскій отказывался только отъ стихотворства и лишь лѣтъ, примѣрно, черезъ десять убѣдился, что ему «не дается» художественное творчество вообще. Плодомъ его иллюзій въ этомъ направленіи и были двѣ упомянутыя драмы, составляющія, не считая дѣтскихъ стиховъ, все его художественное наслѣдство.

Скудное наслѣдство!—скажутъ многіе. Да такъ сказалъ бы и самъ Бѣлинскій. Въ предисловіи къ «Дмитрію Калинину» онъ называетъ это произведеніе «первымъ несвязнымъ лепетаніемъ младенца, первымъ, незрѣлымъ произведеніемъ пера неопытнаго, несмѣлаго». А когда въ 1839 г. вторая его драма, «Пятидесятилѣтній дядюшка», была поставлена на московской сценѣ, въ «Московскомъ Наблюдателѣ», конечно, съ вѣдома и согласія самого Бѣлинскаго, было сказано, между прочимъ, слѣдующее: «Пьеса имѣла большой успѣхъ и могла бы имѣть еще большій, если бы неопытность автора въ знаніи сцены и убійственная растянутость пьесы не повредили дѣлу. Содержаніе пьесы такъ просто, что и разсказать нечего; взято оно изъ помѣщичьяго быта; эффектовъ, по крайней мѣрѣ кровавыхъ, нѣтъ; конецъ самый «благополучный»—двѣ свадьбы вдругъ. Многія положенія очень интересны и изложены съ одушевленіемъ и увлекательностью; но тѣмъ не менѣе пьеса ни съ которой стороны не относится къ сферѣ искусства, какъ творчества».

Тѣмъ не менѣе, когда Союзъ писателей сдѣлалъ мнѣ честь предложеніемъ принять участіе въ чествованіи памяти Бѣлинскаго, я, послѣ недолгаго колебанія, остановился именно на его драмахъ. Художественной критикѣ нечего съ ними дѣлать, но въ нихъ ярче и сконцентрированнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, сказались нѣкоторыя коренныя черты «неистоваго Виссаріона». Слишкомъ извѣстны ко-

лебанія Бѣлинскаго во взглядахъ на явленія литературы и жизни. Но было въ немъ нѣчто и непоколебимое, пронесенное имъ отъ колыбели (литературной колыбели) до могилы. И это нѣчто вполнѣ отражается въ двухъ его драмахъ.

Приведенный отзывъ «Московскаго Наблюдателя» о «Пятидесятилѣтнемъ дядюшкѣ» не совсѣмъ вѣренъ въ томъ смыслѣ, что драма эта отнюдь не столь «проста» по содержанію и лишена эффектовъ. Правда, эффектовъ кровавыхъ, которыми изобилуетъ «Дмитрій Калининъ», въ ней дѣйствительно нѣтъ. Во всякомъ случаѣ обѣ драмы, при всемъ своемъ различіи, имѣютъ нѣчто общее прежде всего въ характерѣ центральныхъ фигуръ. И молодой Дмитрій Калининъ, и пятидесятилѣтній Николай Матвѣевичъ Горскій—пылкія натуры, стремительно реагирующія на всѣ впечатлѣнія, быстро мѣняющія свое настроеніе и ярко выражающія его громоносными рѣчами, рѣзкими жестами, безумными поступками. Оба они то и дѣло разражаются бурными монологами, то и дѣло «съ бѣшенствомъ вскакиваютъ», «рвутъ на себѣ волосы» и т. п., а Калининъ еще, кромѣ того, совершаетъ нѣсколько убійствъ. Эпиграфъ къ третьей картинѣ «Дмитрія Калинина» взятъ изъ Озерова и гласитъ:

Ахъ! не вини меня: вини мои ты чувства,
Которыхъ укрощать не знаю я искусства.
Вини сей огнь въ моей пылающей крови:
Чрезмѣренъ я во всемъ—и въ злобѣ и въ любви.

Словомъ, герои обѣихъ драмъ суть своего рода «неистовые Виссаріоны» по натурѣ, поставленные въ разныя условія и, благодаря отсутствію художественнаго дарованія въ авторѣ, преувеличенные и подчеркнутые, мѣстами даже до карикатурности. И хотя Калининъ есть убійца и кровосмѣситель (невольный), а Николай Матвѣевичъ Горскій безъ малаго вдвое старше своего автора, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что обоихъ ихъ Бѣлинскій писалъ съ самого себя.

Не только надѣлилъ онъ ихъ своею «неистовою» натурою, но и въ волнующія ихъ мысли и чувства вложилъ нѣчто свое коренное—задушевное. Дѣло, разумѣется, не въ тѣхъ или другихъ частностяхъ и подробностяхъ, а въ немногихъ основныхъ нотахъ.

Мы не коснемся біографическаго значенія обѣихъ драмъ,—ни того, какъ отразился на судьбѣ автора «Дмитрій Калининъ», ни того, что въ жизни Бѣлинскаго послужило толчкомъ для созданія «Пятидесятилѣтняго дядюшки». Не будемъ припоминать и весь сложный и запутанный ходъ развитія фабулъ обѣихъ драмъ. Для нашей цѣли достаточно нѣсколькихъ моментовъ.

У богатаго помѣщика Лѣсинскаго есть жена, двое сыновей, дочь, Софья, и пріемышъ, Дмитрій Калининъ. Оффиціально этотъ пріемышъ есть сынъ умершаго крѣпостного лакея Лѣсинскаго, но на самомъ дѣлѣ онъ незаконный сынъ самого помѣщика, что, однако, открывается только въ самомъ концѣ драмы, послѣ смерти Лѣсин-

скаго. И для злобы и для любви Дмитрій находитъ обильную пищу въ домѣ Лѣсинскихъ. Онъ любитъ своего «благодѣтеля», который, частію въ виду исключительнаго положенія Дмитрія, а частію въ виду его высокихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, относится къ нему съ особенною нѣжностью; любитъ Софью, не подозрѣвая, что она его сестра и видя въ ней лишь блещущую красотой, умомъ и благородствомъ души дѣвушку; ненавидитъ жену и сыновей Лѣсинскаго. Эти грубые, пошлые, невѣжественные, жестокіе люди тиранятъ своихъ крѣпостныхъ и на каждомъ шагу, въ отсутствіи старика Лѣсинскаго, оскорбляютъ Дмитрія. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ своему пріятелю Сурскому: «Нерѣдко я втайнѣ плакалъ, но при нихъ всегда казался спокойнымъ, хотя сердце мое стѣснялось, хотя душа страдала. Я не хотѣлъ показать имъ, что ихъ обиды для меня чувствительны. Видя сіе, они еще болѣе раздражались и, наконецъ, изобрѣли новый способъ мученія: стали называть меня... рабомъ!.. (Стремительно схватываетъ стаканъ, наполненный виномъ, разомъ осушаетъ оный и со злобою опрокидываетъ на столъ). О, какое убійственное, какое ужасное дѣйствіе производило на мою душу это слово! Оно было для меня остріемъ кинжала, гибельнымъ жаломъ змѣи, которое, уязвляя мое сердце, пожирало его ядовитымъ огнемъ!» И т. д., и т. д.

Мы можемъ не идти дальше. Мы дошли, если не до фактическаго, то до духовнаго центра драмы, до того магическаго слова, которое, неоднократно повторяясь въ драмѣ, всякій разъ дѣйствуетъ на Дмитрія, какъ ударъ хлыста, и смыслъ котораго составляетъ источникъ всѣхъ его злоключеній. Слово это—рабъ.

«Дмитрій Калининъ» представляетъ собою рѣзкій протестъ противъ крѣпостного права. Не удивительно, что драма не могла появиться въ свое время, на рубежѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, въ печати,—но, нельзя не удивляться, нельзя не любоваться двадцатилѣтнимъ юношей авторомъ, который за тридцать лѣтъ до освобожденія крестьянъ кипѣлъ такимъ бурнымъ негодованіемъ противъ вѣковой неправды.

Дѣло не въ личной трагической судьбѣ Дмитрія Калинина, не въ ней одной, по крайней мѣрѣ. Юный авторъ проводитъ передъ нами рядъ картинъ возмутительнаго насилія и жестокости, и влагаетъ въ уста Дмитрія такой, напримѣръ, монологъ:

«Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право—однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его, какъ скота; вымѣнить на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ,

что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердый Боже, отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?»

Иной скажетъ, что это напыщенная риторика, навѣянная Шиллеровскими «Разбойниками». Но не забудемъ, что это писано двадцатилѣтнимъ юношей и притомъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И если форма выраженія здѣсь навѣяна, то не навѣяны мысли и чувства, вложенныя въ эту форму. Ихъ Бѣлинскій сохранилъ до конца дней своихъ. Въ знаменитомъ, можно сказать, уже предсмертномъ письмѣ къ Гоголю онъ писалъ:

«Вмѣсто того, чтобы учить во имя Христа и церкви варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, ругая ихъ «неумытыми рылами», вы написали бы ему, что его крестьяне—его братья о Христѣ, и какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать ему свободу, или хотя по крайней мѣрѣ пользоваться трудами крестьянъ какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ ложномъ отношеніи къ ихъ положенію. А выраженіе: «ахъ ты, неумытое рыло!» Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому и не умываются, что, повѣривъ своимъ барамъ, себя не считаютъ за людей!... Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ, что вы дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною!»

Мы, здѣсь присутствующіе, собравшіеся почтить память Бѣлинскаго, такъ далеко ушли отъ крѣпостныхъ временъ и нравовъ, что склонны, можетъ быть, умалять значеніе терзаній и протестовъ благороднѣйшихъ изъ нашихъ духовныхъ предковъ. Что-жъ, дескать,—было и быльемъ поросло!... Не думаю, чтобы поросло быльемъ все, на что обрушивался Бѣлинскій хотя бы въ томъ же письмѣ къ Гоголю. Достаточно привести хоть слѣдующія строки: «Самые живые современные національные вопросы Россіи теперь уничтоженіе крѣпостного права и отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть»...

Но я долженъ быть кратокъ и не буду останавливаться дольше на взглядахъ Бѣлинскаго ни рабство въ смыслѣ крѣпостного права. Для него слово «рабъ» имѣло гораздо болѣе широкое значеніе.

Извѣстна трогательная переписка Бѣлинскаго съ его невѣстой, впослѣдствіи женой, Марьей Васильевной Орловой. Здѣсь онъ все тотъ же «неистовый Виссаріонъ» «и въ злобѣ и въ любви». Между прочимъ, онъ звалъ невѣсту изъ Москвы въ Петербургъ, чтобы тамъ и обвѣнчаться, а она уклонялась отъ этого, ссылаясь на обычаи, приличія, родственныя отношенія и настаивала на томъ, чтобы

свадьба состоялась въ Москвѣ. За это онъ ее назвалъ «esclave», полагая, очевидно, смягчить французскимъ словомъ мысль объ ея «рабствѣ». Это не мѣшаетъ ему тутъ же «неистовствовать»: «Всего хуже, всего ужаснѣе,—это покориться обычаямъ шутовскимъ и подлымъ, профанирующимъ святость отношеній, въ какія мы готовы вступить съ вами, обычаямъ, которые я презираю и ненавижу по принципу и по натурѣ моей. У дядюшки обѣдъ! Будь прокляты всѣ обѣды, всѣ дядюшки и всѣ тетушки и всѣ чиновники съ ихъ гнусными обычаями». А когда она упорствуетъ и даже соглашается принять титулъ esclave, онъ пишетъ: «Причина этому votre esclavage ваша московская боязнь того, что скажутъ о васъ люди, которыхъ вы въ душѣ презираете и не любите, но передъ мнѣніемъ которыхъ вы ползаете. Это стыдно и грѣхъ. Это преступленіе передъ Богомъ и совѣстью. Скажу болѣе: это низко и недостойно васъ». Среди трогательно нѣжныхъ изліяній въ любви, этотъ взрывъ негодованія производитъ особенно сильное впечатлѣніе.

Такими же взрывами негодованія по адресу именно этого рода esclavage переполнена драма «Дмитрій Калининъ». Тутъ, совершенно независимо отъ крѣпостныхъ, юридически рабскихъ отношеній, мы имѣемъ еще рядъ бурныхъ протестовъ противъ рабства мысли и чувства. И здѣсь лежитъ ключъ къ пониманію всего Бѣлинскаго. Вся его литературная дѣятельность, вся его обширная переписка, вся, наконецъ, жизнь его проникнуты этой борьбой съ рабствомъ во имя достоинства человѣческой личности.

Какъ далеко за предѣлы юридическаго рабства раздвигалъ онъ это ненавистное ему явленіе, видно изъ слѣдующаго.

Въ одномъ изъ писемъ къ Станкевичу онъ кается въ двухъ своихъ недостаткахъ,—въ самолюбіи и чувственности. Послѣдней онъ не придаетъ большого значенія, за то очень огорчается своимъ самолюбіемъ, собственно потому, что—пишетъ онъ—«оно овладѣло мною совершенно, сдѣлало меня своимъ рабомъ».—Великій покойникъ оклеветалъ себя. Но не въ этомъ дѣло. Съ его точки зрѣнія рабомъ является всякій, кто допустилъ овладѣть собою какой нибудь одной сторонѣ своего существа, одной умственной складкѣ или одной страсти въ ущербъ полнотѣ жизни. Это не отрицаніе страсти,—слишкомъ было бы это не къ лицу неистовому Виссаріону,—это отрицаніе узости, ограниченности, односторонности, односторонняго подавленія личности ея же собственными элементами. На борьбѣ личности съ ея собственными элементами и построена вторая драма Бѣлинскаго.

Съ 50-лѣтнимъ Горскимъ случилось несчастіе: онъ влюбился въ свою 20-лѣтнюю воспитанницу, которая преисполнена къ нему наилучшихъ почтительнѣйшихъ чувствъ, но любитъ его молодого племянника. Дѣло запутывается разными плохо мотивированными недоразумѣніями. «Неистовый», не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, Горскій бурно переходитъ отъ стыда запоздалой страсти къ неуто-

лимой жаждѣ счастія, отъ мученій ревности и отчанія къ надеждѣ. Авторъ видимо сочувствуетъ «дядюшкѣ», и если вы всмотритесь въ особенности въ тѣ сцены, въ которыхъ дядюшка гнѣвается на самого себя, то увидите, что причина этого гнѣва есть дѣйствительная или кажущаяся готовность стать рабомъ то слѣпой страсти, то условнаго, не признаваемаго имъ самимъ нравственнаго долга.

Если Бѣлинскій такъ чутко относился къ рабству, такъ сказать, внутреннему, то тѣмъ паче ненавистно ему рабство, хотя бы и не юридическое, передъ внѣшними силами,—передъ обычаями, преданіями, предразсудками, передъ тѣмъ, «что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна», передъ общественнымъ мнѣніемъ. Мы уже это видѣли въ «Дмитріи Калининѣ» и въ перепискѣ съ невѣстой. Таковы же его отношенія къ авторитетамъ въ области мысли. Говоря объ одномъ петербургскомъ кружкѣ, онъ выразился такъ: «это не подданные, а холопы». Онъ никогда не отказывался воздать должную дань уваженія тому или другому авторитету и даже часто, по пылкости своей, пересаливалъ въ этомъ отношеніи, но никогда не былъ холопомъ, рабомъ. Повелительное значеніе изреченія «magister dixit» для него не существовало, его критическая мысль была всегда на сторожѣ и не разъ жестоко расправлялась съ недавними кумирами.

Въ жизни Бѣлинскаго былъ, какъ извѣстно, періодъ «примиренія съ дѣйствительностью», «съ гнусною россійскою дѣйствительностью», какъ онъ потомъ выражался. И тогда онъ писалъ, между прочимъ: «Правда, мы еще не имѣемъ правъ, мы еще рабы, если угодно, но это оттого, что мы еще должны быть рабами». Но до какой степени онъ и въ это время былъ не рабъ, видно хотя бы изъ его страстной реплики Панаеву по поводу одной изъ «примирительныхъ» статей: «Я знаю, меня назовутъ льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь передъ властями. Пусть ихъ. Я не боюсь открыто и прямо высказывать мои убѣжденія, что бы обо мнѣ ни думали... Да, это мои убѣжденія. Я не стыжусь, а горжусь ими... Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... Клянусь вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ! Мнѣ легче умереть съ голоду,—я и безъ того рискую этакъ умереть каждый день,—чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унизить себя передъ кѣмъ бы то ни было или продать себя».

Дѣло не въ деньгахъ, разумѣется,—объ этомъ смѣшно и говорить; и не въ «кувырканьи передъ властями»,—и это слишкомъ элементарно. Но есть двѣ силы, передъ которыми часто пасуютъ люди, не способные ни продаваться, ни «кувыркаться». Это, во первыхъ, сила авторитета, это, во вторыхъ, сила общественнаго мнѣнія. Бѣлинскій признавалъ обѣ эти силы, но никогда не раболѣпствовалъ передъ ними—не бѣжалъ отъ труда и страданія оригинальной мысли и не заискивалъ передъ общественнымъ мнѣніемъ. Когда онъ выстрадалъ—именно выстрадалъ свое примиреніе съ дѣйствительностью

онъ не убоялся того, что его назовутъ «льстецомъ, подлецомъ» и т. д. «Что мнѣ дорожить мнѣніемъ и толками чортъ знаетъ кого?» говорилъ онъ Панаеву, хотя совсѣмъ не «чортъ знаетъ кто» были люди, возмущенные «Бородинской годовщиной». А когда спала съ глазъ Бѣлинскаго завѣса и авторитетъ, способствовавшій «примиренію», Гегель, не выдержалъ новаго напора критики,—Бѣлинскій объявилъ: «Судьба субъекта, индивидуума, личности важнѣе судебъ всего міра и здравія китайскаго императора (то есть гегелевской Allgemeinheit)... Благодарю покорно, Егоръ Θедорычъ (Гегель), кланяюсь вашему философскому колпаку»... И въ другомъ письмѣ: «Проклинаю мое стремленіе къ примиренію съ гнусной дѣйствительностью! Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эмансипаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества».

Въ этихъ страстныхъ словахъ Бѣлинскій нашелъ самого себя. Эта личность, не желающая быть рабомъ исторіи, общества, человѣчества, и есть самъ Бѣлинскій отъ перваго проблеска сознанія до послѣдняго дыханія, отъ «Дмитрія Калинина» до послѣдней написанной имъ строчки. Это его основной фонъ, на которомъ его нетерпѣливый умъ и безпокойное сердце рисовали, подъ вліяніемъ разныхъ условій, разные, подчасъ затемняющіе его узоры...

Боюсь, что, по краткости отведеннаго мнѣ времени, я не могъ достаточно характеризовать всю яркость этого основного фона всей жизни и дѣятельности Бѣлинскаго. Приведу еще одно мѣсто изъ его переписки: «Кто на вопль и судорожное сжатіе личности смотритъ свысока, какъ на отпаденіе отъ общаго, тотъ или мальчикъ, или эгоистъ, или дуракъ,—а мнѣ тотъ и другой и третій равно несносны»...

Послѣднимъ шагомъ въ развитіи Бѣлинскаго была идея выработки соціальныхъ условій, способствующихъ не порабощенію личности, а ея разцвѣту.

Насколько я могу прозрѣвать въ даль грядущаго,—это идея вѣчная. И потому—вѣчное вѣчному—вѣчная память неистовому Виссаріону!

Ник. Михайловскій.

Памяти Бѣлинскаго.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ истекаетъ ровно 50 лѣтъ со дня смерти Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. Прошло полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ перестало биться одно изъ самыхъ чуткихъ сердецъ и угасъ самый подвижной, безпокойный, пламенный умъ, страстно, мучительно и искренно искавшій истины, никогда не боявшійся разстаться съ тѣмъ, что онъ признавалъ заблужденіемъ, и пуститься въ новый путь, для новыхъ исканій. Полвѣка! Это, какъ извѣстно, болѣе, чѣмъ средняя продолжительность жизни. Какъ мало осталось людей, которые жили и думали одновременно съ Бѣлинскимъ! Какъ много родившихся въ годъ его смерти, тоже сошли уже со сцены! Цѣлая человѣческая жизнь, цѣлое поколѣніе, масса жизней, своего рода біологическій пластъ залегъ между послѣднимъ вздохомъ Бѣлинскаго и настоящей минутой, когда, благодаря этому юбилею, его образъ оживаетъ въ нашемъ воспоминаніи. И однако, оживаетъ свѣтлый и ясный, какъ будто ничто не отдѣляло насъ отъ него, какъ будто онъ жилъ съ нами все время, не переставая стремиться и пламенѣть, спорить и отрекаться, какъ во время своей недолгой жизни.

Да, 50 лѣтъ много времени. Мы давно уже не читаемъ большинства изъ тѣхъ книгъ, которыя разбиралъ Бѣлинскій, о многихъ только и знаемъ потому, что ихъ Бѣлинскій разбиралъ. Нужно сказать правду: часть его собственныхъ писаній отошла уже въ область исторіи литературы, многія страницы его сочиненій читаются все рѣже той массой публики, для которой главнымъ образомъ и назначены книги, и тревожатся чаще рукой спеціалистовъ историковъ. Но эти же 50 лѣтъ показали ясно, что для сочиненій Бѣлинскаго въ цѣломъ уже не будетъ смерти въ обычномъ значеніи этого слова. Нѣкоторыя изъ нихъ останутся всегда живыми, какъ и тѣ творенія, которымъ они были посвящены, которыя они объяснили и освѣтили разъ навсегда. «Нѣтъ, весь я не умру»,— могъ бы сказать Бѣлинскій вмѣстѣ съ великимъ поэтомъ, и пока будетъ звучать русская рѣчь, до тѣхъ поръ, наряду съ именами Пушкина, Лермонтова и Гоголя, каждое новое поколѣніе будетъ вновь и вновь слышать имя Виссаріона Бѣлинскаго и перечитывать его пророческія страницы.

Но и помимо этой формы посмертной жизни писателя въ умахъ послѣдующихъ поколѣній, помимо существованія его книгъ, возобновляемаго въ цѣломъ или частью на печатномъ станкѣ,—есть еще другія формы этой жизни. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ каждомъ новомъ твореніи литературы, въ каждой живой статьѣ,

стихотвореніи, разсказѣ и философскомъ трактатѣ, во всемъ этомъ многоголосомъ хорѣ, который мы называемъ своей литературой, — возобновляются и звучатъ давно смолкшіе голоса и оживаютъ давно угасшія мысли людей, думавшихъ и писавшихъ ранѣе, «ихъ же имена Ты, Господи, вѣси!» Это всетаки мы называемъ смертью. Вѣдь и надъ каждою могилой зарождается новая жизнь: — въ аромате цвѣтка, въ колыханіи травы, въ шопотѣ буйной листвы намогильнаго дерева мы слышимъ вѣяніе жизни, истлѣвшей подъ могильнымъ дерномъ, растворившейся безлично, но не безслѣдно въ общемъ никогда не останавливающемся жизненномъ потокѣ.

Бѣлинскій живетъ для насъ, будетъ жить всегда не только этой безличной жизнью. Кромѣ той массы идей, которыя онъ въ теченіе своей недолгой карьеры пустилъ въ обращеніе, которыми мы и за нами наши дѣти будутъ пользоваться, не всегда даже связывая ихъ съ первоисточникомъ,—кромѣ стольких то печатныхъ томовъ и страницъ, Бѣлинскій завѣщалъ намъ еще цѣльный, живой образъ, который останется навсегда, наряду съ лучшими созданіями геніальнѣйшихъ поэтовъ.

Этотъ образъ—онъ самъ, съ его страстною жаждой истины, съ его исканіями и искренностью.

Искренность была главная черта Бѣлинскаго, и притомъ искренность въ лучшемъ, самомъ глубокомъ значеніи этого слова. Знаете ли вы, что такое искренность,—спрашивалъ, помнится, Помяловскій. Это то свойство человѣка, когда онъ не способенъ къ тѣни обмана, не только передъ другими, но и передъ самимъ собою. Мы такъ склонны держать истину, всю истину, въ собственномъ обладаніи, мы такъ рады этому обладанію, что готовы пожертвовать многимъ для того, чтобы не разстаться со своей увѣренностію, порой даже съ ея иллюзіею. Какъ часто случается, что человѣкъ увѣряетъ себя и другихъ, что онъ обладаетъ истиной, когда она давно уже подточена въ его душѣ темными сомнѣніями, какъ часто мы продолжаемъ курить фиміамы передъ алтарями, которые давно уже покинуты божествомъ, или начинаемъ курить ихъ передъ такими, гдѣ божества никогда не было. Нѣтъ,—чутко прислушиваться къ голосу, хотя-бы самому тихому, самому робкому голосу сомнѣнія, не заглушать его въ темныхъ углахъ души, а вызвать изъ этой глубины на свѣтъ сознанія, прислушаться къ нему, какъ къ тихому лепету ребенка, устами котораго быть можетъ скоро заговоритъ твердый голосъ новой истины,—и не успокоиться, не примириться съ собой до тѣхъ поръ, пока въ умѣ останется хоть тѣнь неувѣренности, пока она не смолкнетъ, побѣжденная, или не дастъ новой истины на мѣсто старой—вотъ что такое искренность мыслителя и писателя.

«Неистовый Виссаріонъ», какъ его называли друзья, останется для насъ навсегда лучшимъ воплощеніемъ такой искренности. Всю жизнь онъ горѣлъ этой жаждой, вся его жизнь—это неустанное стремленіе къ такой чистой истинѣ, не омраченное ни тѣнью сдѣ-

локъ съ собой, ни тѣнью компромисса съ ложью. Онъ пламенѣлъ восторгами увѣренности болѣе, чѣмъ кто либо другой, когда считалъ, что нашелъ ее, онъ страдалъ, когда являлось сомнѣніе, глубже всѣхъ своихъ сверстниковъ, и однако онъ скорѣе всѣхъ готовъ былъ отречься отъ того, что перестало быть истиной въ его глазахъ. Кто знаетъ, быть можетъ онъ именно оттого сгорѣлъ такъ быстро. Къ нему болѣе, чѣмъ къ кому бы то ни было, приложимо скорбное восклицаніе поэта:

Братья писатели, въ вашей судьбѣ
Что то лежитъ роковое...

Жизнь Пушкина и Лермонтова прекращена случайностью выстрѣла, Писаревъ утонулъ, Помяловскій, Левитовъ и многое множество другихъ писателей сами сокращали свою жизнь недугомъ, который еще Гоголь назвалъ «недугомъ талантливыхъ людей»... Цѣлая масса причинъ усложняла явленіе, въ среднемъ выводѣ называемое «роковой судьбой» русскаго писателя. Только въ жизни Бѣлинскаго оно является въ чистомъ видѣ, въ видѣ ничѣмъ не затемненной и не усложненной борьбы духа, того пламеннаго сгоранія нервовъ среди окружающей тьмы, котораго и одного достаточно для объясненія «почему онъ такъ скоро сгорѣлъ». Это былъ истинный рыцарь духа, безъ страха и упрека, и русская литература всегда съ гордостью будетъ обращать на него взгляды, какъ на своего подвижника и святого!

И это—быть можетъ самая безсмертная доля того, что намъ осталось отъ Бѣлинскаго. Поэзія дала намъ идеальные образы,—но мы не можемъ забыть, что настоящій донъ Карлосъ былъ только хилый и слабый волею отпрыскъ вырождающагося дома, что маркизъ Поза жилъ только въ воображеніи Шиллера, что дѣйствительная Марія Стюартъ и жила, и умерла совсѣмъ не такъ, какъ въ безсмертной драмѣ. Между тѣмъ, кристально-чистый образъ Бѣлинскаго не разрушитъ уже никакая самая придирчивая историческая критика. Онъ былъ именно таковъ, и его жизнь, скристаллизовавшаяся въ его твореніяхъ, письмахъ, поступкахъ, выдерживаетъ сравненіе съ самыми идеальными твореніями фантазіи съ несомнѣннымъ преимуществомъ полной реальности.

Около четверти вѣка назадъ Некрасовъ вздыхалъ о томъ времени, когда народъ

«Не генерала строгаго
И не милорда глупаго,
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ».

Съ тѣхъ поръ прошло почти 3 десятилѣтія, въ которыя россійскій прогрессъ двигался своимъ неторопливымъ и неровнымъ ходомъ, а мы все еще далеки отъ этого времени. Правда, газеты приносятъ то и дѣло извѣстія, что въ томъ или другомъ городѣ думы или просвѣтительныя общества собираются чествовать память великаго рус-

скаго критика. Въ Саратовѣ иниціатива принадлежитъ литературно-артистическому обществу, въ Самарѣ вопросъ внесенъ въ думу; въ то время, когда читатель будетъ пробѣгать эти строки, родина Бѣлинскаго, Пенза, соберетъ у себя много интеллигентныхъ людей въ память Бѣлинскаго. Но народъ еще не знаетъ его имени, къ нему оно достигаетъ развѣ отдаленными смутными отголосками. Вскорѣ послѣ смерти Бѣлинскаго многомилліонная масса русскаго народа получила свободу и (теоретическое, правда) равенство передъ закономъ. Предстоитъ еще длинный путь до того историческаго пункта, въ которомъ исчезнетъ великое неравенство предъ образованіемъ. Бѣлинскій вѣрилъ, что оно наконецъ исчезнетъ; для насъ это уже не только вѣра, а убѣжденіе, оправдываемое хотя бы и тихимъ, но несомнѣннымъ направленіемъ общественнаго движенія.

А если такъ, то несомнѣнно, что и мечта Некрасова сбудется, потому что, сколько бы ни понадобилось для этого времени,—образъ Бѣлинскаго уже не померкнетъ. Онъ пережилъ свой періодъ испытанія и остался нетлѣннымъ, въ ожиданіи, когда къ нему проложится и уже

...не заростетъ народная тропа!

В. К.

Бюрократизмъ въ области общественно-просвѣтительныхъ начинаній.

(*Письма изъ Тамбова*).

Народныя чтенія начали свое существованіе въ Тамбовѣ довольно давно, еще въ 1890 г. Подобно тому, какъ это до сихъ поръ ведется въ большинствѣ губернскихъ городовъ Россіи, чтенія эти первое время происходили при одномъ изъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, причемъ непосредственное участіе въ завѣдываніи ими принимали лишь лица оффиціальнаго педагогическаго міра.

Въ 1893 г. принялъ подъ свое покровительство народныя чтенія извѣстный своими пожертвованіями на дѣла благотворительности въ г. Тамбовѣ Э. Д. Нарышкинъ, уроженецъ Тамбовской губерніи, лицо очень вліятельное. Благодаря ему, былъ выработанъ и утвержденъ уставъ особаго «общества народныхъ чтеній», въ завѣдываніе котораго поступило грандіозное зданіе народной аудиторіи, построенное Э. Д. Нарышкинымъ на свои личныя средства; дальнѣйшая судьба учрежденія была обезпечена неприкосновеннымъ капиталомъ въ 200 тыс. руб., % съ котораго идутъ на достиженіе задачъ,

опредѣленныхъ уставомъ «общества». Къ капитальному пожертвованію Э. Д. Нарышкина прибавились еще новыя, такъ что въ настоящее время однихъ только % съ неприкосновеннаго капитала ежегодно поступаетъ въ распоряженіе общества около десяти тысячъ рублей; приблизительно столько же поступаетъ въ кассу общества пособій отъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ, городскихъ думъ, пожертвованій частныхъ лицъ и ассигновокъ сельскихъ обществъ, такъ что общій приходный бюджетъ превышаетъ 20.000 р.

Такимъ образомъ условія возникновенія молодого общества были необычайно благопріятны. Обезпеченность денежными средствами, единственная въ своемъ родѣ для того времени аудиторія *), могущественная протекція оберъ-каммергера двора Э. Д. Нарышкина—все сулило новосозданному обществу блестящую будущность, и литература уже привѣтствовала нарожденіе въ Тамбовѣ «народнаго университета» (А. С. Пругавинъ. «Запросы народа и обязанности интеллигенціи»). Тамбовское общество народныхъ чтеній вступило въ ряды просвѣтительныхъ обществъ сразу въ качествѣ аристократа, находящагося на совершенно исключительномъ, привилегированномъ положеніи.

Кому много дано — съ того много и взыщется. Съ большими ожиданіями встрѣчены были первые шаги новосозданнаго общества, и тѣмъ большимъ разочарованіемъ сопровождался переходъ отъ розовыхъ надеждъ къ сѣренькой и неприглядной дѣйствительности. Во внутреннемъ складѣ общества сразу сказались нѣкоторыя неудобныя стороны. Если мы взглянемъ на списокъ лицъ, зачисленныхъ въ «учредители», то увидимъ исключительно лицъ или духовнаго званія, или принадлежащихъ къ оффиціальному педагогическому міру, и, кромѣ самого Э. Д. Нарышкина, *ни одного* человѣка изъ какихъ либо свободныхъ общественныхъ профессій. Трудно повѣрить, чтобы такихъ лицъ, принимавшихъ близко къ сердцу интересы просвѣтильнаго дѣла, въ это время въ Тамбовѣ не было совсѣмъ, и въ голову невольно приходитъ мысль о преднамѣренномъ исключеніи ихъ изъ числа учредителей.

Въ томъ же родѣ были и нѣкоторые дальнѣйшіе шаги молодого общества. Правленіе его было избрано согласно съ мудрымъ правиломъ «чинъ чина почитай». Первое мѣсто—предсѣдателя—досталось директору реальнаго училища **), В. Б. Егоровскому; второе, товарища предсѣдателя — инспектору того же училища, не безъ-

*) По отзыву Пругавина, это «грандіозное зданіе, почти до послѣдней вещи сложенное изъ кирпича, желѣза, асфальта и т. п. несгораемыхъ матеріаловъ», соединяющее «простоту, прочность, красоту и внушительность, которыя невольно бросаются въ глаза. Въ верхнемъ этажѣ помѣщается собственно аудиторія, которая поражаетъ своимъ величіемъ»; въ нижнемъ нашлось мѣсто для народной читальни, историко-этнографическаго музея и «особой библіотеки» для интеллигенціи.

**) Директоръ гимназіи, нынѣ по дряхлости вышедшій въ отставку, не принималъ въ дѣлѣ никакого участія.

извѣстному въ Тамбовѣ И. А. Батманову; инспекторъ гимназія В. В. Соловскій попалъ въ члены правленія. Такимъ образомъ личный составъ общества стоитъ къ личному составу правленія въ отношеніи подчиненныхъ къ начальникамъ. Далѣе, дѣйствительнымъ членомъ общества народныхъ чтеній состоитъ нѣкто Д. В. Ильченко, и онъ же является наблюдателемъ за обществомъ отъ учебнаго вѣдомства: отъ него зависитъ утвержденіе или неутвержденіе членовъ.

Но и этого мало. Въ первомъ же отчетѣ о дѣятельности общества мы читаемъ: «порядокъ избранія дѣйствительныхъ членовъ не предусмотрѣнъ уставомъ, поэтому общее собраніе 16-го сентября 1893 г. постановило предоставить правленію право избирать въ дѣйствительные члены лицъ, заявившихъ на то свое желаніе или могущихъ, по мнѣнію правленія, быть полезными обществу». Такимъ образомъ, всемогущество правленія было окончательно закрѣплено, казалось даже, что на вѣчныя времена. Оно получило право фильтровать притокъ новыхъ силъ, по своему произволу допускать или не допускать въ составъ общества свѣжіе элементы.

Во всемъ этомъ уже явно сказались чисто-бюрократическія тенденціи учредителей тамбовскаго просвѣтительнаго общества. Было очевидно, что въ широкое и живое дѣло внѣшкольнаго образованія народа будутъ внесены всѣ тѣ понятія и пріемы, которые выработались въ атмосферѣ оффиціально-служебныхъ, чиновничьихъ отношеній.

Впрочемъ, на первыхъ порахъ въ дѣятельности «общества» замѣчалось еще что-то вродѣ живого и свободнаго отношенія къ просвѣтительнымъ цѣлямъ и задачамъ. Общество народныхъ чтеній переживало, такъ сказать, весну своей жизни. Недолго продолжалась эта весна, но все же отмѣтимъ оставленные ею слѣды.

Первоначальный уставъ об—ва, составленіе котораго приписываютъ учителю гимназіи, нынѣ товарищу предсѣдателя М. Т. Попову, былъ чрезвычайно узокъ: онъ разрѣшалъ лишь устройство публичныхъ народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и содѣйствіе ихъ устройству въ предѣлахъ губерніи. И однако самъ учредитель общества Э. Д. Нарышкинъ первый вышелъ изъ тѣсныхъ рамокъ устава, пожертвовавши обществу, еще до открытія его дѣйствій, около 600 названій книгъ, какъ основу и начало будущей читальни. Затѣмъ, по свидѣтельству мѣстныхъ губ. вѣдомостей, «на первыхъ же порахъ въ наше общество народныхъ чтеній стали поступать требованія, выходящія за предѣлы его компетенціи, какъ, напр., о присылкѣ книгъ для чтенія и т. п.; отказывать же желающимъ въ удовлетвореніи ихъ потребностей было бы жестоко» *). Въ отчетѣ за 1893—4 г. правленіе въ первый и послѣдній разъ провозгласило, что «естественный ходъ событій требуетъ расширенія дѣятельности общества, имѣющаго для такого расширенія всѣ средства» (стр. 8).

*) «Тамб. Губ. Вѣдомости», передовая статья отъ 4-го ноября 1894 года.

Общество рѣшило ходатайствовать объ измѣненія своего устава. Ходатайство это, поддержанное Э. Д. Нарышкинымъ, было удовлетворено министерствомъ. § 2 устава съ тѣхъ поръ гласитъ: «об—во имѣетъ цѣлью а) устройство нар. чтеній въ г. Тамбовѣ и содѣйствіе къ устройству таковыхъ чтеній въ уѣздныхъ городахъ Тамбовской губ.; б) устройство народной читальни въ г. Тамбовѣ и содѣйствіе къ устройству таковыхъ читаленъ въ уѣздныхъ городахъ Тамбовской губ.; в) содѣйствіе къ устройству народныхъ публичныхъ библіотекъ при сельскихъ школахъ» (въ первоначальной редакціи устава пунктовъ *б* и *в* совсѣмъ не было). Пользуясь расширеніемъ устава, общество учредило книжный складъ, избрало для завѣдыванія имъ особую редакціонную коммиссію и занялось разсылкой библіотекъ. Къ сожалѣнію, это былъ единственный моментъ въ эпоху господства «педагогическаго большинства», когда общее теченіе дѣлъ выступило изъ береговъ и прорыло себѣ новое, болѣе широкое и просторное русло.

Всѣ остальныя начинанія перваго года не выходили изъ области хорошихъ словъ и благихъ намѣреній, которыми, по пословицѣ, вымощенъ адъ. Такъ, напр., отчетъ перваго года содержитъ не мало фразъ о громадномъ значеніи самодѣятельности, энергіи и настойчивости, прежде всего въ привлеченіи къ дѣлу новыхъ и новыхъ денежныхъ средствъ. Правленіе полагаетъ, что «народныя чтенія въ уѣздныхъ городахъ не должны устраиваться вполнѣ на средства Общества и сразу поступать подъ его опеку, такъ какъ это немедленно повлекло бы за собой ослабленіе энергіи мѣстныхъ дѣятелей; народныя чтенія въ уѣздныхъ городахъ должны развиваться самостоятельно и черпать свои средства изъ мѣстныхъ источниковъ, особенно на первыхъ порахъ, когда дѣло имѣетъ прелесть новизны, возбуждаетъ сочувствіе и готовность на матеріальныя жертвы» (ст. 24). Все это справедливо, но, къ сожалѣнію, ни готовности на матеріальныя жертвы, ни энергіи въ привлеченіи средствъ со стороны само правленіе не обнаружило. Тамбовское общество народныхъ чтеній до сихъ поръ является, по всей вѣроятности, *единстеннымъ* свободнымъ общественнымъ учрежденіемъ, преслѣдующимъ просвѣтительныя и вообще филантропическія цѣли, и въ то же время не обязывающее своихъ членовъ ни на какіе денежные взносы въ кассу общества,—а также *единственнымъ*, не извлекающимъ доходовъ изъ источниковъ, обычныхъ для всѣхъ подобныхъ учрежденій, т. е. изъ благотворительныхъ вечеровъ, концертовъ, спектаклей, публичныхъ лекцій, подписокъ и т. п. А между тѣмъ «недостатокъ денежныхъ средствъ» вскорѣ сталъ любимымъ аргументомъ противъ всякаго дальнѣйшаго расширенія круга дѣятельности общества.

Въ этомъ же году выработаны были правила для выдачи на домъ книгъ изъ народной читальни, представлены, куда слѣдуетъ, и получено законное утвержденіе. Правила напечатаны въ прило-

женіи къ годичному отчету, и этимъ дѣло ограничилось. Въ дѣйствіе эти правила приведены не были.

Далѣе, въ завѣдываніе общества былъ переданъ губернскій «историко-этнографическій музей», возникшій въ 1879 г., когда праздновалось столѣтіе учрежденія Тамбовской губ., и съ 1884 до 1893 г. находившійся въ завѣдываніи тамбовской архивной коммиссіи. Въ отчетѣ за 1893 — 4 г. мы читаемъ: «принявъ музей въ свое завѣдываніе, правленіе рѣшило составить *научное описаніе* предметовъ музея, которое могло бы служить путеводителемъ по музею, чтобы обозрѣніе выставленныхъ предметовъ не было только пустымъ препровожденіемъ времени и развлеченіемъ для глазъ, но давало бы пищу уму посѣтителя, вводя его въ бытъ (!) тѣхъ существъ, остатки которыхъ или плоды дѣятельности которыхъ хранятся въ музеѣ». Для того, чтобы «поставить музей на должную высоту», правленіе посулило публикѣ даже «столичнаго археолога» (стр. 34). Но всѣ эти громкія фразы остались лишь мѣдью звенящею и кимваломъ брацающимъ.

Самыя народныя чтенія шли довольно безпорядочно. «О началѣ христіанства на Руси» читалось послѣ «жизни Александра Невскаго», о «сыновьяхъ Св. Владиміра» послѣ «нашествія татаръ», о «величинѣ и видѣ земли» послѣ чтенія «о теплѣ и воздухѣ» и т. п. Уже и тутъ обращалъ на себя вниманіе слишкомъ уже однообразный подборъ брошюръ для чтенія (изъ 71 лишь 2, напр., по естествознанію). Правленіе, однако, и для оправданія этой безпорядочности находило «хорошія слова». На стр. 20 перваго годичнаго отчета мы читаемъ: «Правленіе въ назначеніи чтеній не руководствовалось строгой системой, хотя самый вопросъ о введеніи извѣстной системы не разъ подвергался имъ обсужденію. По мнѣнію правленія, народныя чтенія при ихъ перемѣнной аудиторіи имѣютъ цѣлью только заинтересовать народъ книгой, воспитать въ немъ охоту къ чтенію, а не сообщать ему систематическій курсъ какихъ либо наукъ. Это дѣло школы, наконецъ, это дѣло народной читальни, гдѣ есть полный подборъ книгъ по разнымъ страслямъ знанія, начиная съ самыхъ популярныхъ и кончая научными».

Въ основѣ этого разсужденія было положено совершенно ошибочное предположеніе, что составъ народной аудиторіи долженъ быть текучимъ, тогда какъ опытъ всѣхъ обществъ показываетъ, что она съ теченіемъ времени всегда пріобрѣтаетъ относительно постоянный контингентъ посѣтителей *). Дѣло представлялось такимъ образомъ: народныя чтенія являются какъ бы чистилищемъ, вратами, сквозь которые проходятъ толпы людей, направляясь въ

*). Такъ, напр., проф. Кирпичниковъ въ рефератѣ, читанномъ на засѣданіи Моск. Ком. Грам. приблизительно въ это самое время, указывалъ на тотъ же фактъ, ссылаясь на примѣръ Одессы — города, гораздо болѣе крупнаго и многолюднаго, чѣмъ какой нибудь Тамбовъ.

элизіумъ — народную читальню и уже не возвращаясь обратно. Отсюда выводъ: слѣдуетъ читать безъ всякой связи лишь самыя занимательныя брошюры, группируя ихъ въ самомъ пестромъ и живописномъ безпорядкѣ, подобно картинамъ въ калейдоскопѣ, чтобы плѣнить воображеніе и мысль, возбудить интересъ, который уже затѣмъ естественно направилъ бы человѣка въ народную читальню; а послѣ этого продѣлывать ту же исторію надъ другимъ, третьимъ, четвертымъ и такъ далѣе, до безконечности. Какъ бы то ни было однако, и эту безсистемность и односторонность въ подборѣ брошюръ можно было оправдать въ началѣ: новизна и неустановленность дѣла все извиняли, и ко всѣмъ недостаткамъ «нашего молодого, еще неокрѣпшаго учрежденія» относились всѣ очень снисходительно, въ чаяніи будущихъ благъ. Кромѣ привѣтствій, со стороны печати и мѣстной интеллигенціи обществу не приходилось слышать ничего.

Наступилъ второй годъ, но онъ не принесъ съ собою ничего новаго. Все съ большей и большею опредѣленностью во внутреней организаціи общества народныхъ чтеній выяснялись черты чисто-бюрократическаго режима: рѣдкій созывъ общихъ собраній лишь для того, чтобы заднимъ числомъ санкціонировать дѣятельность правленія и выразить благодарность его членамъ; фиктивный контроль ревизіонной коммиссіи, доклады которой сводились къ обычной канцелярской формулѣ «все обстоитъ благополучно»; полное отсутствіе всякой критики со стороны остальныхъ членовъ, представлявшихъ собою толпу актеровъ безъ рѣчей, собираемыхъ на засѣданія лишь для декораціи.

Въ этомъ 1894 — 95 академическомъ году, для завѣдыванія книжнымъ складомъ была организована особая редакціонная коммиссія. Цѣль она поставила себѣ очень широкую: предпринять критическій обзоръ народной литературы для руководства книжнымъ складомъ. Далѣе она провозгласила, что «на чужое мнѣніе, какъ бы оно ни было компетентно, положиться нельзя» *), и потому рѣшила не пользоваться такими трудами, какъ обзоръ, напр., литературы СПБ. Ком. Грам., ежегодники Московскаго Ком. Грам. и книга «Что читать народу», а самимъ продѣлать всю эту работу. Одинъ изъ новоизбранныхъ членовъ, земскій дѣятель кн. Н. Н. Чолокаевъ предложилъ было сохранить надъ редакціонной коммиссіей верховный контроль общаго собранія, выражающійся, между прочимъ, въ томъ, что «окончательное утвержденіе списковъ выбранныхъ книгъ должно принадлежать каждый разъ общему собранію членовъ» **). Предложеніе это было поддержано мѣстнымъ органомъ печати, въ самой деликатной формѣ, со всевозможными оговорками: «мы не желаемъ сказать, что настоящая редакціонная

*) Отчетъ Общества за 1894—95 г., стр. 34.
**) «Тамбовскія Губернскія Вѣдомости» отъ 4-го окт. 1894 г.

коммиссія не въ состояніи выполнить возложенную на нее обязанность, но вѣдь отъ ошибокъ никто не гарантированъ» *). Но все оказалось напраснымъ: слово «контроль» было для большинства общества чуть ли не неприличнымъ и ужъ во всякомъ случаѣ совершенно чуждымъ и не симпатичнымъ. Предложеніе провалилось.

Въ новоучрежденную коммиссію сданъ былъ и вопросъ о систематизаціи народныхъ чтеній, вновь поставленный на очередь однимъ изъ независимыхъ членовъ, тогдашнимъ городскимъ головою, прис. пов. Д. И. Тимофеевымъ. Но большинство коммиссіи самимъ ревностнымъ образомъ держалось мнѣнія, которое раньше было высказано правленіемъ: народныя чтенія не являются чѣмъ-то самостоятельнымъ, это лишь преддверіе народной читальни; система излишня, ибо все равно составъ аудиторіи постоянно мѣняется; цѣль публичныхъ чтеній «дать здоровое, разумное развлеченіе отдыхающему народу», и только. — Забывалось, что есть цѣлый разрядъ *безграмотныхъ* слушателей, которымъ не откуда почерпать знанія, кромѣ этихъ чтеній; что во многихъ сельскихъ пунктахъ, гдѣ ведутся чтенія, нѣтъ народныхъ читаленъ; что въ селахъ аудиторія всегда одна и таже, а въ городѣ она имѣетъ постоянное ядро; что, наконецъ, общество ведетъ и въ городѣ, между прочимъ, чтенія для спеціальныхъ разрядовъ слушателей: для учащихся въ городскихъ школахъ и для низшихъ чиновъ мѣстнаго гарнизона; въ обоихъ этихъ случаяхъ аудиторія носитъ вполнѣ постоянный характеръ. Забывалось далѣе, что многіе представители рабочаго люда могутъ урвать еженедѣльно нѣсколько часовъ для того, чтобы послушать чтенія, но не имѣютъ времени, чтобы систематически заниматься въ народной читальнѣ, тѣмъ болѣе, что сами они читаютъ обыкновенно очень медленно.—Защитники «живописнаго безпорядка» въ расположеніи народныхъ чтеній утверждали, что если придерживаться системы, то придется изъ году въ годъ повторять одни и тѣ же чтенія,—какъ будто повторяться или разнообразить чтенія можно не въ зависимости отъ *количества* разрѣшенныхъ чтеній, а отъ *порядка ихъ расположенія!* Всего интереснѣе, что такая аргументація исходила изъ устъ предсѣдателя коммиссіи, записного математика, учителя гимназіи М. Т. Попова...

Кромѣ того, забывалось, что число разрѣшенныхъ чтеній нельзя принимать за неподвижную величину. Хотя и медленно, оно постепенно возрастаетъ, а около года тому назадъ сразу было разрѣшено къ прочтенію довольно много новыхъ брошюръ, а именно всѣ, до тѣхъ поръ допущенныя въ библіотеки народныхъ училищъ. Уже и теперь одну и ту же программу свободно можно провести на совершенно различныхъ брошюрахъ, не говоря уже о томъ, что ее можно проводить и въ болѣе элементарномъ, и въ болѣе подробномъ видѣ.

---

*) Тамъ же.

Мы остановились на этомъ вопросѣ, быть можетъ, слишкомъ долго. Но дѣло въ томъ, что безсистемность и вообще плохой подборъ чтеній составляетъ больное мѣсто тамбовскаго общества народныхъ чтеній. Уже около трехъ лѣтъ служилъ этотъ вопросъ яблокомъ раздора между членами, и до сихъ поръ не утратилъ интереса современности. По всей вѣроятности, онъ всплыветъ въ самомъ непродолжительномъ времени на очередь вновь, и желательно, конечно, чтобы онъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ, болѣе благопріятномъ для дѣла.

Къ внутренней безсистемности чтеній во второй годъ существованія общества присоединилась еще внѣшняя безпорядочность. Рвеніе къ дѣлу, появившееся на первыхъ порахъ, видимо стало смѣняться охлажденіемъ: устройство чтеній временами начинаетъ поражать своей халатностью; въ мѣстной газетѣ раздаются жалобы на то, что нерѣдко въ объявленіяхъ значатся одни лекторы, читаютъ же другіе; иные входятъ на каѳедру, очевидно, безъ всякой подготовки и читаютъ плохо. Указывается далѣе на плохой подборъ чтеній и на недоброкачественность картинъ, которыя, однако, обходились обществу очень дорого: въ среднемъ болѣе 2 р. за штуку.

И въ этомъ году напрасно ожидала публика приведенія въ дѣйствіе правилъ о выдачѣ книгъ на домъ изъ народной читальни. Очевидно было, что правленіе почило на лаврахъ, и во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ, положило «правила» на самую заднюю полочку шкафа со словами: «покойся, милый прахъ, до радостнаго утра»...

Библіотеки продолжали разсылаться въ разныя мѣста губерніи, но программа ихъ такъ и не была представлена на утвержденіе общаго собранія — ее утвердило собственною властью правленіе. Мѣстная газета требовала отпечатанія списка книгъ, разсылаемыхъ въ народныя библіотеки, но напрасно. Никакихъ ручательствъ въ цѣлесообразности подбора книгъ въ нихъ не было. Правда, de jure завѣдывала дѣломъ редакціонная коммиссія, но ея труды продолжались всего безъ году недѣлю; результатами трудовъ другихъ коммиссій она заранѣе отказалась пользоваться, ибо «на чужое мнѣніе, какъ бы оно ни было компетентно, положиться нельзя», и въ концѣ концовъ наполненіе библіотекъ тѣми или другими брошюрами зависѣло исключительно отъ «единоличнаго усмотрѣнія» завѣдывавшаго книжнымъ складомъ М. Т. Попова.

Точно также и учрежденіе, носившее громкое названіе «историко-этнографическаго музея» тщетно ожидало обѣщаннаго упорядоченія и превращенія въ своего рода просвѣтительное учрежденіе. Былъ ли выписанъ «столичный археологъ»,—неизвѣстно, но вскорѣ вышелъ въ свѣтъ «каталогъ» музея, обѣщанное «научное описаніе», которое, согласно обѣщанію правленія, должно было посѣтителей даже «ввести въ бытъ тѣхъ существъ, останки и плоды дѣятельности которыхъ покоятся въ музеѣ».

Описаніе это, за которое, мимоходомъ сказать, правленіе запла-

тило автору 125 р., оказалось какимъ то юмористическимъ произведеніемъ досужаго шутника. Достаточно замѣтить, что «научное описаніе» музея зачисляетъ въ рубрику «каменнаго вѣка» чуть ли не все «каменное»: во первыхъ, «камень для метанія изъ пращи», а во вторыхъ, «каменное ядро, найденное въ Тамбовѣ П. И. Дискаревымъ на огородѣ усадьбы»; въ отдѣлъ «древнихъ желѣзныхъ орудій и металлическихъ украшеній»—«сердоликовую печать», куски грубой шерстяной ткани» и «два куска чортова пальца (!)» (белемнитъ—ископаемое) вмѣстѣ съ «брускомъ изъ мелкозернистаго гранита»; въ отдѣлъ «окаменѣлостей и минераловъ» попалъ «кусокъ цинка», а въ рубрику «модели судовъ» «три дубовыя доски отъ карниза старинной колымаги»... Но всего лучше отдѣлъ «кости большихъ животныхъ». Въ этомъ отдѣлѣ предметы обозначаются такимъ образомъ: №№ 508 — 509. Черепа *большихъ* животныхъ», № 510. Спинной позвонокъ *громаднаго* животнаго», «№№ 513—521. Части бивней *крупныхъ* животныхъ», «№№ 547 — 554. Зубы *разныхъ* *) животныхъ», «№№ 511—512. Части тазовой кости» (чьей? неизвѣстно).

Уже отсюда можно видѣть, что за сумбуръ царилъ въ учрежденіи, носившемъ громкое имя «историко-этнографическаго музея». Какъ видно изъ ст. г. Хабарова въ губ. Вѣдомостяхъ—«По мѣстамъ просвѣщенія», въ нумизматическомъ отдѣлѣ попадались даже такіе курьезы, какъ нѣсколько совершенно новыхъ ключей, два конверта съ какими то надписями, кусокъ обыкновеннѣйшей желтаго цвѣта замши и крышка отъ коробки асмоловскихъ папиросъ съ надписью «посольскія маисовыя» (!!). Словомъ, музей походилъ на кабинетъ Плюшкина, тащившаго къ себѣ всякую дрянь, какая попадалась подъ руку...

Это, пожалуй, мелочи, но прекрасно характеризующія ту халатность, которую проявляло постоянно правленіе, смѣло взявшее въ свои руки все дѣло и не оставившее ничего на долю общихъ собраній...

Эта наклонность правленія управлять дѣломъ помимо общихъ собраній выразилась очень рельефно въ слѣдующемъ фактѣ. Между послѣднимъ засѣданіемъ 1894—95 года и первымъ засѣданіемъ слѣдующаго 1895—96 оказался длиннѣйшій промежутокъ, болѣе года (22 ноября 1894 г.—4 декабря 1895). Правда, прямого нарушенія устава здѣсь не было; уставъ говоритъ лишь, что засѣданія обязательно происходятъ разъ въ годъ. Но это дѣла не измѣняло. Постепенно удлинняя промежутокъ между собраніями, правленіе могло бы, не выходя изъ рамокъ устава, неограниченно управлять всѣми дѣлами общества даже два года безъ двухъ дней (перваго дня перваго года, когда устраивается одно собраніе, и послѣдняго дня второго года—слѣдующее собраніе). Выставляя на видъ многочисленные промахи правленія, мѣстныя губернскія вѣдомости по-

*) Курсивы наши.

степенно начинають все болѣе и болѣе критически относиться къ дѣятельности послѣдняго и, между прочимъ, требують болѣе частаго созыва общихъ собраній, болѣе активнаго отношенія къ дѣлу со стороны отдѣльныхъ членовъ общества, большей гласности, болѣе точной отчетности и т. п. Газетныя статьи все чаще и чаще стали нарушать безмятежный покой правленія и инертнаго большинства. Вполнѣ естественно, что критика печати вызывала со стороны критикуемыхъ только неудовольствіе противъ людей, не умѣющихъ оцѣнить ихъ обширную и плодотворную дѣятельность. И дѣйствительно, съ количественной стороны дѣло все развивалось, росло и крѣпло; только заслуги правленія были во всемъ этомъ ростѣ совершенно не при чемъ: работали Нарышкинскія деньги, а не правленіе. Качественная же сторона дѣла, въ которой только и могла сказаться умѣлость и опытность его руководителей, продолжала сильнѣйшимъ образомъ хромать.

Два обстоятельства особенно способствовали обостренію отношеній между обществомъ народныхъ чтеній и печатью. Первымъ обстоятельствомъ была попытка правленія реформировать находившуюся въ его завѣдываніи, такъ назыв., «особую библіотеку», вторымъ—судьба новаго предложенія Д. И. Тимофеева объ организаціи систематическихъ общеобразовательныхъ лекцій.

Съ самаго открытія Общества нар. чтеній въ его вѣдѣніе поступило учрежденіе, носящее теперь названіе «особой нарышкинской библіотеки». Составилась она изъ двухъ старинныхъ фамильныхъ библіотекъ Д. В. Полѣнова и Л. А. Воейкова, а затѣмъ увеличилась благодаря еще двумъ крупнымъ пожертвованіямъ—Ѳ. Д. Хвощинскаго и А. и Л. Вышеславцевыхъ. На содержаніе ея лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, былъ внесенъ капиталъ въ 10 тыс. руб. Для этой библіотеки созданы были особыя правила, утвержденныя г. министромъ нар. просв. въ декабрѣ 1893 г. Правила эти отличають ее отъ обыкновенныхъ публичныхъ библіотекъ, ибо въ Особой библіотекѣ могутъ быть не только книги, изъятыя изъ библіотекъ, но даже книги, формально неразрѣшенныя цензурою. Только такія книги не выдаются всѣмъ посѣтителямъ, а лишь особо благонадежнымъ лицамъ для научныхъ занятій и подъ личною отвѣтственностью библіотекаря *).

Въ особую библіотеку выписывалось на средства Общества 5 газетъ и 21 журналъ. Кромѣ того, завѣдующій библіотекою И. В. Знаменскій выписывалъ туда новыя книги, руководствуясь при выборѣ ихъ извѣстными «программами домашняго чтенія». Уже въ первый годъ существованія библіотеки, какъ гласитъ отчетъ—«сдѣлалось замѣтно образованіе кружка лицъ, для которыхъ библіотека сдѣлалась потребностью, которыя посѣщаютъ ее чуть не ежедневно». И если библіотека такъ быстро съумѣла завоевать общественныя

*) Отчетъ за 189$^{2}/_{3}$ г., стр. 28.

симпатіи, то этимъ общество народныхъ чтеній прежде всего обязано библіотекарю, выборъ котораго былъ сдѣланъ чрезвычайно удачно. И. В. Знаменскій былъ идеальнымъ библіотекаремъ, положительно влюбленнымъ въ свою библіотеку и заботливымъ о посѣтителяхъ до нельзя.—Само собою разумѣется, что главною притягательною силою библіотеки была новая, текущая литература, а не тотъ матеріалъ, который заключался въ старинныхъ фамильныхъ библіотекахъ. Ихъ содержаніе очень цѣнно, но исключительно для научныхъ цѣлей, а не для общеобразовательныхъ. Между тѣмъ Тамбовъ прежде всего нуждается въ общеобразовательной публичной библіотекѣ, такъ какъ, хотя почти напротивъ Нарышкинской аудиторіи и стоитъ зданіе, на которомъ красуется вывѣска «Публичная библіотека», но это не болѣе какъ миѳъ. Это учрежденіе основано было какимъ то акціонернымъ обществомъ и по распаденіи его оказалось выморочнымъ. Оно перешло въ завѣдываніе администраціи и въ настоящее время существуетъ лишь на бумагѣ.

Конечно, создать изъ «особой библіотеки» учрежденіе, вполнѣ способное замѣнить собою недостающую для Тамбова публичную библіотеку, было дѣломъ нелегкимъ. Но былъ хорошій выходъ изъ этого затруднительнаго положенія: просить городскую думу возбудить ходатайство о передачѣ публичной библіотеки въ собственность города и въ завѣдываніе Общества народныхъ чтеній, — подобно тому, какъ состоитъ въ собственности города и въ завѣдываніи Общества Нарышкинская аудиторія. Вмѣсто этого правленіе остановилось на мысли превратить и особую библіотеку въ простое *книгохранилище*, по выраженію предсѣдателя правленія В. П. Егоровскаго.

Протестъ противъ попытки наложить руки на столь симпатичное учрежденіе появился на столбцахъ мѣстной газеты еще заранѣе, когда о намѣреніяхъ правленія появились только слухи. Тѣмъ не менѣе уже упоминавшійся нами ранѣе М. Т. Поповъ (членъ правленія и казначей, онъ же завѣдующій книжнымъ складомъ) внесъ въ общее собраніе предложеніе прекратить выписку въ особую библіотеку газетъ и журналовъ въ виду чисто-научнаго назначенія библіотеки «и *несерьезности періодической печати*»...

Такое заявленіе было чрезвычайно характерно...

Только съ большими трудами оппозиціи удалось отстоять особую библіотеку отъ покушенія правленія. Менѣе удачно было для оппозиціи столкновеніе съ правленіемъ въ другомъ пунктѣ. Потерпѣвъ неудачу въ вопросѣ о систематизаціи народныхъ чтеній, Д. И. Тимофеевъ попробовалъ пойти на компромиссъ. — Пускай существующія народныя чтенія идутъ по прежнему, соглашался онъ. Но вѣдь при существующей ихъ организаціи читаютъ только одинъ разъ въ недѣлю, все же остальное время аудиторія пустуетъ; отчего бы не утилизировать ее и въ другіе дни съ пользой для населенія, учредивъ систематическія популярныя лекціи по какимъ

либо отраслямъ полезныхъ знаній—исторіи, географіи, гигіенѣ, напримѣръ, въ родѣ того, какъ это дѣлаетъ г. Мечъ въ Москвѣ. Одинъ изъ главныхъ ораторовъ большинства, г. Протасовъ возражалъ, что общество не имѣетъ на это никакого права; а во вторыхъ, задачи Нарышкинскихъ учрежденій—служить *народу*, тогда какъ здѣсь подымаются рѣчи о лекціяхъ, интересныхъ собственно для интеллигенціи,—а это измѣна основнымъ принципамъ общества народныхъ чтеній. На это возражали, что вовсе не такъ трудно на основаніи существующихъ узаконеній добиться разрѣшенія устраивать эти лекціи; а назначеніе ихъ—поднимать умственный уровень именно народа, а не интеллигенціи, которая переросла такія чтенія. Но самое большее, чего могла добиться оппозиція — это, чтобы правленіе согласилось «собрать справки» о подобныхъ чтеніяхъ въ Москвѣ и другихъ городахъ. Соотвѣтственное было сдѣлано, но врядъ ли кто нибудь смотрѣлъ на него серьезно. Участь его заранѣе была рѣшена. Больше года о немъ не было ни слуху, ни духу. Прошло то время, когда само правленіе полагало, что естественный ходъ событій требовалъ расширенія дѣятельности общества, имѣющаго для такого расширенія всѣ средства; вмѣсто этого теперь стали раздаваться рѣчи о святости и неприкосновенности устава, о томъ, что не слѣдуетъ «разбрасываться». Это послѣднее новоизобрѣтенное словечко съ тѣхъ поръ превращается въ настоящее магическое заклинаніе противъ страшнаго призрака какихъ бы то ни было «новшествъ»...

Параллельно этому повышается и тонъ критическихъ статей, посвящаемыхъ обществу на страницахъ мѣстной газеты. Спокойныя, дружескія, подчеркнуто-вѣжливыя замѣчанія смѣняются все болѣе и болѣе рѣзкими приговорами. Чтобы дать понятіе о томъ, до чего дошло взаимное неудовольствіе, приведемъ типичный примѣръ. Одна изъ статей, появившихся послѣ лѣтнихъ каникулъ 1895 г. начинается словами: «Намъ не разъ уже приходилось указывать на недостатокъ иниціативы и отсутствіе интереса къ дѣлу со стороны тамбовскаго Общества народныхъ чтеній...», а заканчивается рѣзкимъ вызовомъ: «вообще нужно замѣтить, что правленіе общества находитъ болѣе для себя удобнымъ не созывать общихъ собраній слишкомъ часто, а дѣлаетъ это только одинъ разъ въ годъ. Да и къ чему? Такъ спокойнѣе, и никто лишній разъ не упрекнетъ въ ничего недѣланіи... Спокойной ночи, господа члены правленія!».

Какъ отвѣтило правленіе на эти вопросы и нападки, я разскажу въ слѣдующемъ письмѣ.

В. Черновъ.

Хроника внутренней жизни.

Инородческое разореніе. Взысканіе недоимокъ. Сельское общественное домостроительство. Хищенія. Дворянскій банкъ о положеніи дворянскаго землевладѣнія. Бытовые матеріалы изъ всеобщей переписи.

Намъ уже приходилось упоминать ранѣе, что минувшая зима и начало текущаго года тяжело отразились на хозяйственномъ благосостояніи населенія не однихъ центральныхъ и земледѣльческихъ губерній. Бѣдствовали и бѣдствуютъ инородцы: башкиры, калмыки, киргизы, жители Закавказья. То состояніе, въ которомъ мы ихъ находимъ, нельзя назвать иначе, какъ полнымъ разореніемъ. И разореніе это, по общимъ отзывамъ, дѣло не самаго послѣдняго года: оно имѣетъ корни въ прошломъ и лишь обострено временнымъ бѣдствіемъ, тамъ недорода, тамъ падежа скота. Скотоводческое хозяйство столь же оказывается подорванннымъ, какъ и земледѣльческое, столь же чувствительнымъ къ вліянію случайностей. Киргизовъ въ Каркалинской степи Семипалатинской обл. въ теченіе суровой и продолжительной зимы настоящаго года постигъ жестокій падежъ скота—главнаго источника ихъ существованія. Положеніе, въ которомъ очутились они, оказалось безвыходнымъ. «Запасы мяса, заготовляемаго до половины марта, пишутъ оттуда, истощились, молока уцѣлѣвшія голодныя животныя не даютъ; уцѣлѣвшихъ животныхъ,—единственную надежду на будущее,—прирѣзывать на мясо невозможно, запасовъ хлѣба нѣтъ, продать нечего, — до населенныхъ пунктовъ за хлѣбомъ пробраться трудно, потому что надо ѣхать за сотни верстъ, а ѣхать не на чемъ, подвезти же, вслѣдствіе отсутствія дорогъ и истощенія скота, больше чѣмъ трудно; денежная помощь непосредственно въ степи мало значенія имѣетъ, но всетаки можетъ помочь горю—да денегъ нѣтъ... Да, голодъ и экономическое разореніе безъ надежды на помощь!

«Киргизы мужественно боролись, защищая свое добро: дѣлились остатками муки, раскапывали снѣгъ, постоянно подымали обезсилѣвшій скотъ, такъ называемый «кутереме», перегоняли табуны въ болѣе благопріятныя мѣста, но вся эта ничтожная борьба за существованіе дала лишь, кромѣ экономической потери, еще физическое истощеніе полуголоднымъ киргизамъ отъ непосильной работы».

Тѣ публицисты, которые склонны вездѣ видѣть проявленіе народной лѣности и тунеядства, развитыхъ общественной и частной благотворительностью, на этотъ разъ не найдутъ никакой почвы для своихъ подозрѣній. Кочевникъ на случай голода ничѣмъ не обезпеченъ: нѣтъ ни продовольственныхъ магазиновъ, ни продовольственнаго капитала, о доброхотныхъ пожертвованіяхъ и комитетахъ

для помощи голодающимъ ничего не слышно, — если же появятся, то поздновато.

Что же получается? Тотъ же корреспондентъ пишетъ:

«Киргизъ на постороннюю помощь не научился еще разсчитывать, даже не соображаетъ, можно-ли къ начальству обратиться за таковой. Было убійство человѣка, который хотѣлъ съ голоду украсть у сосѣда барана; былъ случай, когда киргизы въ городѣ обратились къ властямъ съ просьбою понизить цѣны на съѣстные припасы, въ противномъ же случаѣ заявили, что будутъ грабить, потому что не хотятъ умирать съ голоду... Дѣло доходитъ и до того: къ одному голодающему киргизу заѣхалъ на двухъ сытыхъ лошадяхъ проѣзжающій; во время чаепитія хозяинъ приказалъ зарѣзать лошадей гостя, предлагая за зарѣзанныхъ взять нѣсколько своихъ скелетовъ-лошадей! Есть слухи, что бѣдняки помаленьку начинаютъ питаться падалью». («Спб—скія Вѣд.», «Бессарабецъ» № 77).

Неужели лучше оказаться передъ такимъ положеніемъ, чѣмъ даже рисковать надѣлить ссудою или накормить сотню другую недостаточно можетъ быть нуждающихся людей?

О томъ печальномъ положеніи, въ которомъ очутились уже въ концѣ прошлаго года калмыки Астраханскаго края, мы писали еще въ декабрѣ мѣсяцѣ. По отношенію къ нимъ тогда уже были приняты рѣшительныя мѣры помощи—съ какими результатами, намъ неизвѣстно, но, если даже крайняя продовольственная нужда этихъ инородцевъ и удовлетворена своевременно, несомнѣнно, что хозяйство ихъ стоитъ на краю полнаго разоренія.

Не въ лучшихъ условіяхъ оказываются башкиры Оренбургской губерніи, гдѣ на долю ихъ землевладѣнья приходится свыше 25%— около 15 милліоновъ десятинъ. Посѣвами хлѣба они мало занимаются, главными занятіями для нихъ служатъ скотоводство и пчеловодство, лѣсные промыслы, охота, отчасти мелкая торговля. Но какъ во всѣхъ этихъ занятіяхъ, такъ и въ земледѣліи они находятся подъ жесточайшимъ гнетомъ эксплоатаціи мѣстнымъ русскимъ и татарскимъ населеніемъ, эксплоатаціи, въ корнѣ подрывающей ихъ благосостояніе. «Русскій поселенецъ эксплоатируетъ трудъ башкира, а оборотливый и юркій ростовщикъ татаринъ, прикрываясь торговой дѣятельностью,—все, что только можно, и болѣе всего земельныя и лѣсныя богатства» («Рус. Вѣд.» № 2. «Къ башкирскому вопросу въ Оренбургской губерніи»). Задолженность, въ которую такимъ образомъ попадаютъ башкиры и изъ которой они никогда не выходятъ, приводитъ къ тому, что въ каждую зиму они вступаютъ безъ всякихъ хлѣбныхъ запасовъ и денежныхъ средствъ, а живутъ, перебиваясь и голодая, долгами и получками отъ ростовщиковъ, запутываясь все болѣе и болѣе. Естественно послѣ этого, что недородъ хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ Приуралья и Зауралья въ минувшемъ году, къ веснѣ 1898 года поставилъ населеніе въ крайне печальное экономическое положеніе.

«Сильную нужду въ хлѣбѣ, пишетъ кор—тъ изъ Екатеринбурга, терпятъ особенно деревни и села съ башкирскимъ населеніемъ, у которыхъ весь запасъ хлѣба истощился, и въ перспективѣ—долгая голодовка и связанныя съ нею заболѣванія. Башкирское населеніе южно-уральскаго района, по сообщенію мѣстной прессы, испытываетъ крайнюю продовольственную нужду. Они разбрелись по селамъ, деревнямъ, заводамъ, всѣ или ищутъ какой нибудь поденной работы, или выпрашиваютъ подаянія. Оборванные, исхудалые отъ голодовки башкиры производятъ тяжелое впечатлѣніе. Къ голодовкѣ присоединилась цынга, заболѣванія которой къ веснѣ особенно участились» («Рус. Вѣд.» № 86).

Но съ особенной яркостью выяснилось то положеніе, что переживаемый нынѣ многими мѣстностями Россіи кризисъ зависитъ столько же отъ вліянія неурожая, какъ и отъ причинъ болѣе постояннаго характера, на засѣданіи императорскаго кавказскаго общества сельскаго хозяйства, происходившемъ 30 апрѣля с. г. Въ засѣданіи обсуждался вопросъ объ оказаніи помощи населенію мѣстностей Закавказья, пострадавшему отъ неурожая прошлаго года. По документамъ, полученнымъ отъ уѣзднаго начальника, было констатировано существованіе сильнаго недорода и продовольственной нужды въ цѣломъ рядѣ селеній. Было прочитано коллективное прошеніе жителей сел. Верхне-Агданъ о помощи, адресованное къ чл. управы кн. А. М. Аргутинскому-Долгорукову. Въ прошеніи этомъ говорится, что 67 домовъ совершенно голодаютъ и настолько, что кр. Галабековъ, семья котораго состоитъ изъ 10 душъ, умеръ отъ голода. («Нов. Обозр.» № 4921).

Но когда члены общества приступили къ выясненію всѣхъ обстоятельствъ дѣла, то было указано, что причины бѣдственнаго положенія, испытываемаго населеніемъ, не въ одномъ недородѣ, а гораздо сложнѣе, разнообразнѣе и глубже. Такъ г. Бажбеукъ-Меликовъ заявилъ, что «въ Телавскомъ и Сигнахскомъ уѣздахъ существуетъ безусловный голодъ, и это не исключительное тамъ явленіе, а повторяющееся изъ года въ годъ. Причина этого заключается въ слишкомъ большой затратѣ времени въ рабочую пору (около 50—60 дней) на натуральныя повинности».

Другой членъ г. И. С. Терегуловъ обратилъ вниманіе на то, что «въ Закатальскомъ окр., не смотря на прекрасные урожаи, населеніе всегда голодаетъ, потому что находится въ лапахъ кулаковъ, которые только за одни проценты отбираютъ у него болѣе половины урожая по низкимъ цѣнамъ, а потомъ зимою его же хлѣбъ даютъ ему опять въ долгъ, цѣня его въ три-дорога. Прежде всего необходимо обратить вниманіе на это зло и проконтролировать амбары скупщиковъ—не ими ли искусственно вызванъ такой голодъ».

Въ заключеніе общее собраніе постановило возбудить ходатайство: о выдачѣ ссудъ изъ сельско-хозяйственнаго капитала на обсѣ-

менение полей, пріобрѣтеніе рабочаго скота и т. п., о сложеніи недоимокъ государственнаго подымнаго сбора, о сложеніи штрафовъ за самовольныя порубки въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ въ голодающихъ районахъ, о пониженіи тарифа на хлѣбный грузъ и о преимуществахъ въ перевозкѣ его по желѣзной дорогѣ передъ другими грузами, о предоставленіи права полученія безплатно лѣса изъ казенныхъ дачъ, объ освобожденіи на текущій годъ населенія голодающихъ районовъ отъ дорожной натуральной повинности, объ отложеніи въ этомъ году постройки дорогъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, о разрѣшеніи устроить при обществѣ центральный комитетъ для организаціи помощи голодающимъ.

Безъ сомнѣнія, если мы обратимся къ пострадавшимъ нынѣ мѣстностямъ центральной Россіи, то также найдемъ, что бѣдствіе, переживаемое ими, въ значительной степени обусловливается хроническимъ упадкомъ экономическаго строя подъ давленіемъ причинъ болѣе общаго характера. Не маловажную роль среди нихъ играетъ, конечно, податное обложеніе, которое падаетъ на крестьянское надѣльное землевладѣніе значительнѣйшей своей тяжестью. Земледѣліе обложено прямыми налогами втрое сильнѣе, чѣмъ промышленность. Кромѣ прямыхъ налоговъ, крестьяне несутъ еще и спеціальные, выкупные платежи, мірскіе сборы, что доводитъ обложеніе валовой доходности крестьянской земли почти до 15%. Что косвенные налоги и значительная часть таможенныхъ падаютъ на массы, слѣдовательно сельское населеніе, въ этомъ тоже нѣтъ сомнѣнія. Насколько неуравнительно распредѣлена тягость налоговаго обложенія показываютъ цифры сравнительнаго обложенія крестьянской надѣльной и частной земельной собственности въ Рязанской и Вятской губерніяхъ: въ первой оно въ 8 разъ выше на надѣльной, чѣмъ на частновладѣльческой, во второй въ 12.

При этомъ надо имѣть въ виду не одни абсолютныя цифры обложенія, а помнить обычные пріемы взиманія всякаго рода сборовъ, какъ они примѣняются къ плательщикамъ крестьянамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ. Недавно еще одесскія газеты сообщали случай, какъ одинъ ананьевскій (Херсонской губерніи) землевладѣлецъ, получивъ повѣстку пристава, напоминавшую объ уплатѣ государственнаго поземельнаго налога, отвѣтилъ отзывомъ, въ которомъ предупреждаетъ пристава, что, если послѣдній позволитъ себѣ еще разъ прислать подобную «дерзкую» повѣстку, то упомянутый землевладѣлецъ будетъ лично просить губернатора объ увольненіи пристава отъ должности.

А въ нижегородской газетѣ «Волгарь», корреспондентъ изъ Балахны сообщаетъ по поводу порядковъ взысканія недоимокъ земскихъ сборовъ слѣдующее:

«На дняхъ балахнинская земская управа выпустила цѣлую серію бумагъ на имя уѣзднаго исправника о взысканіи недоимокъ земскихъ сборовъ, которыхъ числится за владѣльцами имуществъ

свыше 70 тыс. руб.», причемъ болѣе крупныя недоимки числятся за владѣльцами торгово-промышленныхъ предпріятій. Такъ, по словамъ корреспондента, «владѣлецъ техно-химическаго завода въ с. Варѣ нѣсколько лѣтъ состоитъ недоимщикомъ, выплачивая сборы лишь небольшими частями. За нимъ числится около 5,000 р. земскихъ сборовъ. Управленіе московско-курской, нижегородской и муромской жел. дорогъ имѣетъ при с. Гордѣевкѣ 4 цистерны, и со времени пріобрѣтенія ихъ не уплачиваетъ сборовъ земству; съ этимъ учрежденіемъ начата переписка. Недоимокъ за управленіемъ насчитывается болѣе 5½ тыс. руб.».

«Недоимщиками состоятъ еще нѣсколько крупныхъ промышленниковъ, за которыми на первомъ мѣстѣ стоятъ помѣщики; объ ихъ имуществахъ управа ведетъ особыя дѣла, наполняя ихъ всевозможными отзывами». Любопытныя данныя о земской недоимочности по Сызранскому уѣзду Симбирской губ. были приведены въ «Недѣлѣ» (№ 13 с. г.): въ 1894 г. недоимокъ считалось 65 тысячъ рублей, въ 1895 уже 70 тысячъ, а въ слѣдующемъ 96 тысячъ, изъ которыхъ на крестьянъ приходилось 12 тысячъ, за землевладѣльцами 32 тысячи, а прочее за промышленниками и горожанами. За нѣкоторыми богачами недоимка составляла пять или шесть годовыхъ окладовъ. Въ числѣ льготныхъ недоимщиковъ оказался и самъ предсѣдатель управы. Самъ онъ отозвался, что различіе между недоимщиками дѣлаетъ полиція, строго взыскивая съ крестьянства и деликатно относясь къ другимъ.

Дѣйствительно по отношенію къ недоимщикамъ крестьянамъ очень рѣдко можно встрѣтить подобную деликатность. Даже тамъ, гдѣ въ настоящее время населеніе нуждается въ продовольственной ссудѣ и пособіи на обсѣмененіе, и послѣ всего, что объ этомъ говорилось и писалось въ печати, нерѣдко встрѣтить понудительное и огульное взысканіе недоимокъ. Такъ, изъ ростовскаго округа, который принадлежитъ къ числу нуждающихся, пишутъ въ мѣстную газету: «Въ видахъ предупрежденія дальнѣйшаго роста недоимокъ и принимая во вниманіе, что обильные уловы рыбы текущаго года достаточно подняли благосостояніе крестьянъ придонскихъ селеній, податной инспекторъ ростовскаго округа, г. Лавровъ обратился къ начальнику ростовскаго округа съ просьбой сдѣлать распоряженіе о понужденіи, чрезъ чиновъ окружной полиціи, крестьянъ Глафировской, Маргаритовской и Кагальницкой волостей къ уплатѣ начисленныхъ на нихъ выкупныхъ платежей за первую половину текущаго года». («Приаз. Кр.» № 106).

Корреспондентъ «Спб—скихъ Вѣдомостей» писалъ изъ Вятки на основаніи данныхъ, взятыхъ имъ изъ переписки податныхъ инспекторовъ Вятской губерніи, что поступленіе окладныхъ сборовъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго года съ населенія этой, также неурожайной губерніи уступаетъ только одному году за десятилѣтіе. Послѣ этого сообщенія въ телеграммѣ «Россійскаго телеграфнаго

агентства» появилось заявленіе, что въ Вяткѣ «удивляются» приведенной корреспонденціи, такъ какъ «въ послѣдніе годы не принималось никакихъ принудительныхъ мѣръ, а въ прошедшемъ году, по распоряженію губернской администраціи, окладные платежи взыскивались даже безъ всякаго вмѣшательства полиціи и поступали подъ наблюденіемъ земскихъ начальниковъ». Что «Сѣверное телеграфное агенство» оказалось на этотъ разъ недостаточно освѣдомленнымъ въ вопросѣ, явствуетъ хотя бы изъ факта существованія того циркуляра вятскаго губернатора отъ 27 августа, который былъ приведенъ въ нашемъ журналѣ въ октябрѣ прошлаго года. Въ циркулярѣ этомъ г. губернаторъ, отмѣчая слабое поступленіе окладныхъ платежей преимущественно въ южныхъ, пострадавшихъ отъ недорода, уѣздахъ, Яранскомъ, Елабужскомъ, Сарапульскомъ и др., предписываетъ, «на основаніи циркуляра его гг. земскимъ начальникамъ отъ 19 декабря 1896 г. за № 15541 уѣзднымъ исправникамъ, приступить къ взысканіямъ мѣрами полиціи и уполномочиваетъ ихъ налагать въ предѣлахъ предоставленной имъ власти наказанія на должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія, виновныхъ въ небрежномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ по наблюденію за своевременнымъ поступленіемъ съ крестьянъ окладныхъ платежей» («Рус. Бог.» 1897, № 11, стр. 196).

Нѣсколько болѣе осторожно поступила въ дѣлѣ взысканія платежей съ населенія мѣстная администрація Пермской губерніи. Пермское губернское земское собраніе ходатайствовало передъ правительствомъ объ отсрочкѣ взысканія казенныхъ сборовъ съ населенія пострадавшихъ отъ неурожая 1897 года волостей нѣкоторыхъ уѣздовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ, нашелъ неудобнымъ и нежелательнымъ дѣлать общее послабленіе во взысканіи означенныхъ сборовъ и предложилъ начальнику губерніи предоставлять льготы только дѣйствительно нуждающимся въ уѣздахъ Екатеринбургскомъ, Соликамскомъ, Осинскомъ и Шадринскомъ, не распространяя ихъ на лицъ, способныхъ выполнить свои обязательства передъ казною.

Губернская администрація навела справку о платежеспособности населенія волостей, пострадавшихъ отъ неурожая, причемъ, по сообщенію «Перм. Губ. Вѣд.», оказалось, что на огромномъ большинствѣ обществъ числятся къ 1 января 1898 года весьма значительныя недоимки выкупныхъ платежей, продовольственныхъ долговъ, накопленныхъ въ періодъ неурожая 1891—1892 гг., продовольственныхъ недоимокъ, оставшихся отъ времени до 1891 г., и недоимки земскихъ сборовъ. Такъ какъ эти общества вслѣдствіе новаго неурожая находятся въ такомъ положеніи, что получаютъ въ настоящее время продовольственную помощь и распродаютъ послѣднее имущество и инвентарь для покупки хлѣба, то, само собою разумѣется, о взысканіи недоимокъ прежнихъ лѣтъ не могло быть и рѣчи. Что же касается взысканія годового оклада текущаго года, то о мѣрахъ къ

тому мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, по соглашенію съ управляющимъ казенною палатою, была выработана особая инструкція.

Согласно требованія этой инструкціи, въ заботахъ о взысканіи податей въ упомянутыхъ мѣстностяхъ принимаютъ совмѣстное участіе мѣстные земскіе начальники, податные инспектора и уѣздные исправники. Совѣщанія изъ этихъ должностныхъ лицъ должны немедленно же распредѣлить между собою пострадавшія отъ неурожая мѣстности для непрерывнаго надзора за ходомъ поступленія оклада текущаго года какъ казенныхъ, такъ и земскихъ сборовъ. Передъ наступленіемъ установленныхъ частныхъ сроковъ для взноса выкупныхъ платежей, вышеуказанныя должностныя лица объѣзжаютъ каждый свой районъ для выясненія, при участіи мѣстныхъ должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія, кто изъ домохозяевъ и въ какомъ количествѣ можетъ внести къ данному сроку подати безъ разоренія и потрясенія хозяйства. Главнымъ матеріаломъ для сужденія о платежныхъ силахъ отдѣльныхъ домохозяевъ должны служить подворныя вѣдомости, составляемыя для примѣненія закона 7 февраля 1894 г. къ недоимочнымъ селеніямъ. По соглашенію съ г. управляющимъ казенною палатою, признано также необходимымъ предложить пермскому губернскому присутствію распорядиться о немедленномъ производствѣ изслѣдованія экономическаго положенія пострадавшихъ селеній внѣ очереди, для примѣненія къ нимъ закона 7 февраля 1894 г.; кромѣ того, предложено тому же присутствію, не ожидая полученія этихъ изслѣдованій, немедленно сдѣлать распоряженіе о пріостановленіи принудительныхъ мѣръ взысканія недоимокъ выкупныхъ платежей со всѣхъ пострадавшихъ селеній, такъ какъ наличность новаго неурожая является достаточнымъ основаніемъ полагать, что пострадавшія общества нуждаются въ льготахъ по упомянутому выше закону. Что касается недоимокъ по продовольственнымъ долгамъ, то признано необходимымъ возбудить немедленно же отъ имени губернскаго присутствія ходатайство о пріостановленіи по крайней мѣрѣ на два года, т. е. до 1900 г., взысканія продовольственныхъ долговъ, съ тѣмъ, чтобы къ концу этого срока, когда выяснятся платежныя силы подлежащихъ обществъ, можно было выяснить сроки и размѣры необходимыхъ для каждаго общества разсрочекъ.

Такъ сообщаетъ о ходѣ податного дѣла въ Пермской губерніи мѣстная газета «Уралъ» (№ 378). Всѣхъ этихъ предположеній и мѣръ предосторожности, чтобы не обременять особо нуждающіеся дворы усиленнымъ взысканіемъ платежей, можетъ быть, было бы и достаточно, если бы не та обычная тенденція къ переложенію налоговой тяжести съ болѣе состоятельныхъ на менѣе состоятельныхъ, которая замѣчается въ практикѣ непосредственнаго взысканія чинами низшей полиціи и сельской администраціи. Къ тому же понятіе о хозяйствѣ, способномъ выполнять свои обязательства передъ казною, есть понятіе весьма относительное. На дѣлѣ подобная

система выборки въ мѣстности, очевидно, постигнутой неурожаемъ, наиболѣе нуждающихся и разоренныхъ хозяйствъ для помощи исключительно имъ, съ примѣненіемъ всѣхъ мѣръ налоговаго взысканія ко всѣмъ остальнымъ, мало-мальски зажиточнымъ и хозяйственнымъ дворамъ, ведетъ лишь къ тому, что въ моменты хозяйственныхъ кризисовъ, подобныхъ переживаемому нынѣ и пережитому въ 1891—92 гг., еще сохранившія нѣкоторое матеріальное равновѣсіе хозяйства подстригаются до уровня общаго обѣднѣнія. Мы не защищаемъ огульнаго и безразличнаго примѣненія льготъ по взысканію текущихъ платежей и недоимокъ, но полагаемъ, что въ мѣстностяхъ, захваченныхъ неурожаемъ, гораздо цѣлесообразнѣе примѣнять общее послабленіе во взысканіи, съ исключеніемъ для наиболѣе зажиточныхъ дворовъ и хозяйствъ, на которые и должно быть направлено преимущественное вниманіе податной инспекціи, а не на то, чтобы отъ взысканія не ускользнулъ какой-нибудь Антонъ Горемыка, черезъ силу сохранившій на своемъ дворѣ пѣгаго мерина.

Къ тому же въ вопросѣ о томъ, что доступно и что недоступно экономически подорванному сельскому населенію, существуютъ иногда довольно странныя понятія, именно у тѣхъ начальствующихъ лицъ, которыя призваны слѣдить за экономіей народныхъ средствъ. Вотъ что писали по этому поводу въ «Ниж. Лист.» изъ сѣверо-восточной части Арзамасскаго уѣзда:

«Недоимочность здѣшнихъ обывателей достигаетъ, не смотря на взысканія, очень и очень внушительныхъ размѣровъ. Къ числу недоимочныхъ волостей съ внушительнымъ размѣромъ принадлежитъ и Ивашкинская волость,—говорятъ, до 100 тысячъ на двѣ съ половиною тысячи душъ. Но, не смотря на все сказанное и на нынѣшній тяжелый годъ, въ этой волости придумали построить новое зданіе волостного правленія. Кому принадлежитъ иниціатива этой постройки, сіе покрыто мракомъ неизвѣстности, и можно лишь догадываться, что у крестьянъ этой иниціативы не было. Для зданія волостного правленія купили въ 30 верстахъ отъ мѣста постройки старое зданіе барскаго хутора г-жи Горстынской за 750 рублей. 600 волостныхъ клячъ въ бездорожицу и темныя ноябрьскія ночи подвезли это зданіе на мѣсто постройки съ безчисленнымъ множествомъ ударовъ по тощимъ бокамъ, съ крѣпкою бранью, аханьемъ, оханьемъ и уханьемъ погонщиковъ. Безлошадные при этомъ отдѣлывались деньгами отъ 1 р. 25 до 1 р. 50 к. за подводу. Самая постройка производилась при завываніи бури, при снѣжныхъ мятеляхъ и при декабрьскихъ морозахъ. Но за то зданіе вышло на славу: крыто желѣзомъ, на что пошло 75 пудовъ, 14 оконъ, просторный залъ для присутствія волостного правленія и волостныхъ судей имѣетъ совѣщательную (она-же и дворянская, по словамъ старшины), квартиру старшины и квартиру писаря. Зданіе волостного правленія представляется палатами въ селеніи

съ утлыми и покривившимися хатами крестьянъ. Говорятъ, зданіе правленія обойдется въ 3 тысячи рублей, а то и болѣе». («Ниж. Лист». № 13).

Явленіе это оказывается далеко не исключительнымъ. «Вятскій Край» сообщалъ о новомъ «дворцѣ правленія», который строится въ Пальничной волости, Вятскаго уѣзда. Подъ волостное правленіе возводится каменное зданіе, занимающее площадь въ 12 саж., стоимостью свыше 7 тыс. руб. Этотъ расходъ приходится нести волости, гдѣ, по словамъ мѣстной газеты, всего 1,224 крестьянскихъ двора, изъ которыхъ 236 безлошадныхъ и 686 однолошадныхъ. Свое сообщеніе «Вятскій Край» сопровождаетъ указаніемъ на то, что за послѣднія 5—6 лѣтъ во всѣхъ уѣздахъ Вятской губерніи «общественно-волостное и сельское строительство обратилось въ какую-то манію и эпидемію»: «перестраиваютъ и вновь возводятъ волостныя правленія, пожарные сараи, хлѣбозапасные магазины, строятъ и ремонтируютъ караульныя избы, вновь заводятъ—и не по одной на волость, а въ каждомъ сельскомъ обществѣ—усыпальницы и пр.».

Газета замѣчаетъ, что, быть можетъ, многое изъ вновь построеннаго и перестроеннаго требовалось настоятельною и неотложною необходимостью. Но—спрашиваетъ она—

«нужно ли, да и по силамъ ли населенію, еще такъ недавно перенесшему страшный недородъ хлѣбовъ и травъ 1891 г. и эпидемію холеры 1892 г., возведеніе такихъ каменныхъ дворцовъ-правленій, какъ въ Куменахъ, Вязовѣ, Пальничномъ и многихъ другихъ селахъ; представляется ли неотложная необходимость въ постройкѣ по каждому сельскому обществу, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ участкахъ земскихъ начальниковъ Орловскаго уѣзда, погребовъ-усыпальницъ; является ли по силамъ крестьянамъ и оправдывается ли мѣстно-экономическими условіями постройка желѣзныхъ крышъ на хлѣбозапасныхъ магазинахъ и пр.»?

Это безразсчетное расходованіе народно-хозяйственныхъ средствъ на показную сторону сельскаго управленія мало вяжется съ тою заботливостью о народныхъ деньгахъ, которую обычно проявляютъ на земскихъ собраніяхъ тѣ самые общественные дѣятели, по чьей инціативѣ строятся «дворцы-правленія» и «погреба-усыпальницы», разъ только рѣчь заходитъ о значительныхъ ассигновкахъ на народное образованіе, земскую агрономію, мѣры къ поднятію кустарныхъ промысловъ и проч. А между тѣмъ разумный разсчетъ и долженъ былъ бы подсказать, что послѣднія средства, собираемыя съ экономически-упавшаго населенія, если на что и должны идти, такъ именно на мѣры къ поднятію хозяйства, благосостоянія и просвѣщенія массъ.

До самаго послѣдняго времени не переводились и не переводятся у насъ въ извѣстной части печати проекты объ упорядоченіи дво-

рянскаго землевладѣнія. И чего только тутъ нѣтъ: и проектъ возстановленія стародавнихъ русскихъ земельныхъ формъ владѣнія: вотчиннаго и помѣстнаго, и установленіе неотчуждаемости дворянскихъ имѣній, и учрежденіе майоратовъ и тому подобныя мѣры, или уже испытанныя въ своей непригодности, или явно невыполнимыя при условіяхъ современной дѣйствительности. Но самъ по себѣ тревожный тонъ, который принимаетъ съ теченіемъ времени вопросъ о дворянскомъ землевладѣніи, становится вполнѣ понятнымъ, если обратиться къ разсмотрѣнію цифровыхъ данныхъ, которыя врядъ ли самый убѣжденный защитникъ дворянскаго землевладѣнія найдетъ возможнымъ упрекнуть въ тенденціозности. Въ №№ 11 и 12 «Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли» настоящаго года помѣщенъ отчетъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка за 1896 годъ. Новостью въ немъ является особое «Приложеніе» чисто-статистическаго характера, заключающее въ себѣ свѣдѣнія о движеніи землевладѣнія потомственныхъ дворянъ съ 1861 по 1897 годъ. Свѣдѣнія эти собраны по иниціативѣ бывшаго управляющаго банкомъ, нынѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, кн. А. Д. Оболенскаго, отъ губернскихъ представителей дворянства и составляютъ извлеченіе изъ разсчетовъ по обложенію дворянскихъ земель въ каждое очередное трехлѣтіе. Въ губерніяхъ и областяхъ, гдѣ данныя о землевладѣніи дворянъ сосредоточены въ общеадминистративныхъ учрежденіяхъ, управляющій банкомъ обращался къ лицамъ, состоящимъ во главѣ этихъ учрежденій,—къ начальникамъ губерній и областей. Собранный матеріалъ охватываетъ всю Европейскую Россію и Кавказъ, за исключеніемъ губерній прибалтійскихъ и привислянскихъ, на которыя дѣйствія дворянскаго банка не распространяются и куда запросовъ со стороны банка посылаемо не было. Матеріалы не отличаются полнотою, но все же, обнимая собою почти всю Россію, даютъ возможность судить о движеніи землевладѣнія нашего дворянства за рядъ лѣтъ—съ 1861 по 1897 г. Оказывается, что изъ 48 губерній, о движеніи дворянскаго землевладѣнія въ которыхъ имѣются данныя за болѣе или менѣе продолжительные сроки, землевладѣніе дворянъ возрасло въ 6 губерніяхъ: Тифлисской губ., Терской обл., Астраханской, Уфимской, Пермской и Волынской губерніяхъ; въ двухъ губерніяхъ, Бакинской и Кутаисской, оставалось безъ измѣненія, по всѣмъ же остальнымъ 40 губерніямъ замѣтно болѣе или менѣе сильное сокращеніе дворянскаго землевладѣнія. Самое сильное сокращеніе (отъ 2% до 4,2%) имѣло мѣсто въ губерніяхъ: Тверской, Ярославской, Костромской, Херсонской, Нижегородской, Псковской, Вологодской, Калужской и Олонецкой — все губерніи, исключая Херсонской, нечерноземной полосы Россіи. По отношенію къ 39 губерніямъ путемъ особаго рода вычисленій, тамъ, гдѣ существовали нѣкоторые пробѣлы, вычислено, что за 12 лѣтъ (1883—1895 г.) землевладѣніе дворянъ сократилось съ 52,413,000

дес. до 44,354,000 дес., т. е. на 8,059 тыс. дес. или по 1,2% въ годъ.

Но, если сокращеніе дворянскаго землевладѣнія въ черноземной полосѣ Россіи совершалось медленнѣе, чѣмъ въ нечерноземной, за то наиболѣе задолженными банку являются именно губерніи черноземной полосы: районъ центрально земледѣльческій, Малороссія, Новороссія и нижнее Поволожье. Самыми задолженными являются губерніи Казанская—77%, Орловская 51%, Екатеринославская 44%, Саратовская 43%, Бессарабская 44%, Полтавская 43%, Тамбовская 42%, Самарская 40½% и Тульская 40%. Отчетъ банка дѣлаетъ вычисленіе, что по 43 губерніямъ Европейской Россіи въ послѣдніе годы земли во владѣніи дворянъ числилось около 55 милліоновъ десятинъ, изъ которыхъ почти 12 мил. или 21,7% состояли заложенными. Но на самомъ дѣлѣ процентъ этотъ долженъ быть значительно повышенъ. Если исключить изъ 55 мил. дес. 7 мил., приходящихся на долю Пермской губ. съ ея ничтожною задолженностью, такъ какъ губернія эта, будучи горнозаводческой, а не земледѣльческой, почти не пользуется кредитомъ; если исключить губерніи Виленскую, гдѣ значительная часть земель принадлежитъ дворянамъ нерусскаго происхожденія, и Вологодскую, большая часть земель которой состоитъ изъ обширныхъ и малоцѣнныхъ лѣсныхъ дачъ, то, вѣроятно, на территоріи остальныхъ 40 губерній заложенными окажется свыше половины дворянскихъ земель. И надо замѣтить, что дворянская задолженность идетъ crescendo. Если въ 1895—1897 г. изъ 55 мил. дес. дворянскихъ земель было заложено въ банкѣ 21,7%, въ тѣхъ же губерніяхъ еще въ 1893 г. заложено было ихъ лишь 15%: въ 4 года задолженность возросла на 6,7%. Касательно отчетнаго 1896-го года составители отчета отмѣчаютъ во введеніи, что онъ «является годомъ весьма оживленной дѣятельности банка». Это скромное заявленіе скрываетъ за собою не болѣе, не менѣе, какъ то, что и по числу заявленій и по суммѣ испрашиваемой ссуды и по количеству предлагаемой къ залогу земли 1896 годъ занимаетъ первое мѣсто за послѣднее пятилѣтіе и въ этомъ отношеніи уступаетъ только первому году дѣятельности банка—1886-му. Превосходитъ также всѣ годы послѣдняго пятилѣтія 1896 годъ и по числу (2,412), и по суммѣ выданныхъ ссудъ (98 мил. р.), а также по количеству принятой въ залогъ земли (2.882,498 дес.), занимая при этомъ по количеству заложенной земли и по суммѣ выданныхъ ссудъ первое мѣсто среди всѣхъ 11 лѣтъ дѣятельности (только по числу выданныхъ ссудъ его превышалъ 1887 годъ). Землевладѣльцы точно торопятся и закладывать, и перезакладывать свои земли въ послѣдніе годы: по суммѣ, выданной по перезалогамъ, 1896 годъ превысилъ всѣ предшествовавшіе годы и достигъ 50 мил. руб., что составляетъ около половины всей суммы выданныхъ въ этомъ году ссудъ. По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ

увеличенiе въ испрашиваемыхъ подъ залогъ земель суммахъ замѣчалось большею частiю въ губернiяхъ черноземной полосы, причемъ къ перезалогу поступали болѣе цѣнныя имѣнiя—болѣе цѣнныя, но и болѣе задолженныя. Вообще замѣчается, что въ залогъ банка поступаютъ все болѣе и болѣе задолженныя уже прежде имѣнiя. 84% земли, принятой въ залогъ въ 1896 году, до поступленiя въ залогъ дворянскаго банка были уже обременены долгами, и изъ тѣхъ почти 100 миллiоновъ рублей, которые были выданы подъ нихъ въ ссуду, лишь около 30% попало заемщикамъ на руки, 70% удержано банкомъ на покрытiе ипотечныхъ долговъ и другихъ обязательствъ. Естественно, что въ желанiи своемъ получить какъ можно большую сумму на руки, заемщики дворянскаго банка добиваются ссуды не по нормальной оцѣнкѣ, а по повышенной, спецiальной. Изъ общаго числа ссудъ въ разсматриваемомъ году ссуды по спецiальнымъ оцѣнкамъ составляли 75%. Въ теченiе всего послѣдняго пятилѣтiя выдача ссудъ по спецiальной оцѣнкѣ все возростаетъ. Тѣмъ безнадежнѣе, конечно, является погашенiе ссуды. Принятыя въ 1896 году въ залогъ земли были оцѣнены банкомъ въ среднемъ 63 рубля за 1 десятину, въ ссуду же было выдано 34 руб. на одну десятину—по условiямъ теперешняго земельнаго хозяйства сумма, непропорцiональная доходности многихъ земель. Но, впрочемъ, заемщики, очевидно, и не очень заботились, закладывая свои земли, о скорѣйшемъ ихъ выкупѣ: 93% всѣхъ ссудъ и 94% ихъ суммы выдано на самый длинный срокъ, какой только предоставляется уставомъ банка,—на 66 лѣтъ 6 мѣсяцевъ. Очевидно, помѣщики наши не особенно озабочены судьбою своихъ потомковъ, которымъ они передадутъ прочно заложенныя имѣнiя. На 1 января 1897 года за всѣми заемщиками банкъ имѣлъ капитальнаго долга 450.435,049 руб.

Не обнаруживая особой торопливости въ вопросѣ о выкупѣ имѣнiй, заемщики банка не торопятся и съ платежами. Особенно неисправными оказываются заемщики въ дворянскихъ губернiяхъ черноземной полосы Россiи: Симбирской, Пензенской, Казанской, Курской, Орловской, Тульской, въ которыхъ процентное отношенiе опубликованныхъ за невзносъ платежей по третьей публикацiи имѣнiй къ общему числу залоговъ равняется отъ 28 до 23 проц. Это вполнѣ совпадаетъ съ содержанiемъ одной корреспонденцiи изъ Елецкаго уѣзда по поводу аукцiонной продажи помѣщичьихъ имѣнiй дворянскимъ банкомъ. «Просто удивительно, пишетъ кор-тъ, какъ равнодушно-небрежно собственники этихъ имѣнiй относятся къ своевременному платежу того незначительнаго процента погашенiя за взятую ссуду, который впослѣдствiи роковымъ образомъ является причиною продажи имѣнiя. Попадаются, напримѣръ, имѣнiя въ четыреста-пятьсотъ десятинъ, обреченныя аукцiонному торгу за неплатежъ недоимки въ какихъ-нибудь жалкихъ пятьсотъ рублей,—и это при цѣнѣ здѣсь на землю въ двѣсти и болѣе рублей за де-

сятину, когда, конечно, любое кредитное учрежденіе, не смотря на обремененіе имѣнія долгомъ, не затруднится ссудить должнику-недоимщику такую ничтожную сумму. У насъ здѣсь обратилось въ какой-то особаго рода спортъ выхватывать имѣнія изъ-подъ полуопущеннаго аукціоннаго молотка, почти наканунѣ продажи». («Приаз. Кр». 105).

Впрочемъ, для подобной беззаботности есть и свои основанія. Читая въ отчетѣ дворянскаго банка данныя о числѣ отчуждаемыхъ имѣній путемъ продажи съ торговъ и оставленія имѣній за банкомъ, положительно удивляешься сѣтованіямъ и жалобамъ помѣщиковъ на постановку дѣла въ дворянскомъ банкѣ. Относительное количество отчуждаемыхъ этимъ путемъ имѣній изъ году въ годъ уменьшается: %-ное отношеніе числа этихъ имѣній къ общему числу залоговъ въ 1891 г. было около 6% и, постепенно падая, въ 1896 г. составляло $^1/_2$—1%. Освобожденіе отъ торговъ происходило по разнымъ причинамъ; такъ, по ноябрьскому платежу въ 1896 году послѣ всѣхъ трехъ публикацій 74,3% имѣній были освобождены за уплатою недоимокъ, отсрочкою и разсрочкою ихъ, остальныя же—или по льготнымъ статьямъ устава и правилъ 26 іюня 1889 года, или по распоряженію министра финансовъ. И изъ числа подвергшихся публикаціямъ имѣній продано было съ торговъ лишь 15 имѣній.

Въ началѣ настоящаго года въ нижегородскомъ очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи обсуждался вопросъ о произведенной бухгалтеромъ губернской управы растратѣ въ 22 тысячи рублей, почти сполна возвращенныхъ. Собраніе постановило предать виновника растраты уголовному преслѣдованію, составу же управы выразило большинствомъ свое довѣріе. «Московскія Вѣдомости» не замедлили обратить свое вниманіе на этотъ случай въ цѣляхъ дискредитировать земство и его органы. Они бросили земству упрекъ въ господствѣ произвола, безпорядочности дѣлопроизводства, безотчетности въ расходованіи общественныхъ суммъ. Дѣло, обнаруженное въ нижегородскомъ земствѣ, обыкновенное уголовное дѣло,—растрата ввѣренныхъ суммъ, прикрытая рядомъ подлоговъ. Безъ сомнѣнія, здѣсь были допущены нѣкоторая небрежность и излишняя довѣрчивость со стороны лицъ, непосредственно надзирающихъ, но растрата эта, какъ выяснилось ея обстоятельства на собраніи, съ такимъ же вѣроятіемъ могла бы быть произведена едва ли не во всякомъ иномъ учрежденіи. Другое дѣло, такъ ли легко и скоро она раскрылась бы, какъ въ земствѣ. «Московскія Вѣдомости» при имени Нижняго-Новгорода могли бы припомнить не столь ужъ давнюю эпопею расхищенія тамъ суммъ Александровскаго дворянскаго банка, и не какимъ-нибудь бухгалтеромъ, а директорами, избранными мѣстнымъ дворянствомъ,

суммъ въ сотни тысячъ, растраченныхъ безвозвратно. Дѣло это, повлекшее впослѣдствіе къ передачѣ банка въ руки правительства, обнаружило въ дѣлопроизводствѣ и отчетности его столько безпорядочности и злоупотребленій, что понадобились годы, чтобы раскрыть истину. А какихъ усилій стоило прессѣ добиться вниманія общества и слѣдственной части къ очевиднымъ уже и совершавшимся у всѣхъ на глазахъ злоупотребленіямъ со стороны правленія банка. Губернская земская управа при первой же раскрытой неправильности въ отчетности, сама поспѣшила разслѣдовать дѣло и вынести его на всеобщее обсужденіе. Публичность и гласность всего совершающагося въ органахъ самоуправленія, помимо личныхъ качествъ людей, принимающихъ въ нихъ участіе, даютъ прочную гарантію, что иначе и быть не можетъ.

Впрочемъ, московской газетѣ, прежде чѣмъ обрушиваться со своими нападками на земство, стоило только оглянуться кругомъ. Велика и разнообразна у насъ хроника растратъ и хищеній. Не далѣе, какъ 14 марта, въ чрезвычайномъ собраніи дворянъ с.-петербургскаго уѣзда докладывался и обсуждался вопросъ о похищеніи около 150,000 руб. изъ кассы спб. дворянской опеки бывшимъ казначеемъ опеки Пржилецкимъ. Давая дѣлу ходъ въ установленномъ порядкѣ, начальникъ губерніи обратилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вниманіе дворянства на допущенныя опекою неправильности по охраненію ввѣреннаго ей имущества, давшія возможность Пржилецкому совершить преступленіе. Въ казанской судебной палатѣ разбиралось дѣло о растратахъ, на сумму до 24 тысячъ, произведенныхъ въ камышловскомъ казначействѣ, по суммамъ сберегательной кассы казначеемъ Ванцевичемъ и бухгалтеромъ Бобылевымъ. Въ Симферополѣ обнаружены, по сообщеніямъ газетъ, не только растрата 10,000 кассиромъ въ мѣстной консисторіи, но и на мѣстномъ епархіальномъ свѣчномъ заводѣ, о чемъ было опубликовано преосвященнымъ Михаиломъ въ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» съ указаніемъ на то, что самая возможность обнаруженныхъ растратъ вызывалась полнымъ отсутствіемъ контроля правленія надъ счетоводствомъ и складомъ, а главное, настойчивымъ нежеланіемъ ревизіи и полнаго свѣта. Въ Одессѣ недавно судили за растрату сидѣлицу казенной винной лавки, дворянку и мать пятерыхъ дѣтей, и оправдали ее, признавъ виновной лишь въ небрежности и неумѣломъ храненіи денегъ. Въ московскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло о безпорядкахъ, растратахъ и хищеніяхъ въ Сѣверномъ страховомъ обществѣ, произведенныхъ главнымъ бухгалтеромъ общества Д. Я. Арбатскимъ, кассиромъ г. Журавлевымъ и нѣкоторыми другими служащими на сумму до 100 тысячъ. А ужъ про мелкія растраты по истинѣ можно сказать словами Минаева: «жуликовъ, мазуриковъ въ эту пору грозную, словно въ небѣ звѣздочекъ въ ноченьку морозную».

Но особеннаго вниманія съ общественной и бытовой точки

зрѣнія заслуживаетъ закончившееся въ концѣ марта въ варшавской судебной палатѣ и длившееся болѣе мѣсяца огромное дѣло по обвиненію начальника Опоченскаго уѣзда Радомской губерніи, надв. сов. Германа и другихъ должностныхъ лицъ въ рядѣ преступленій по службѣ. Не успѣли еще замолкнуть въ газетахъ отголоски другого характернаго дѣла, разбиравшагося военно морскимъ судомъ во Владивостокѣ, — о расхищеніи котиковъ на Тюленьемъ островѣ флотскимъ экипажемъ, которому было поручено слѣдить, чтобы никто, кромѣ «русской компаніи котиковаго промысла», не промышлялъ этихъ морскихъ животныхъ на островѣ, какъ въ газетахъ стали появляться отчеты объ опоченскомъ дѣлѣ. И тамъ, и здѣсь вы видите самую беззастѣнчивую эксплоатацію казенныхъ и общественныхъ средствъ, которая связываетъ обширную группу лицъ разнаго положенія, дѣйствующихъ почти открыто на глазахъ знающаго, но молчаливаго общества. На почвѣ безгласности и приниженности эксплоатація общественныхъ средствъ такъ прочно вошла въ плоть и кровь нашей жизни, что поводъ, по которому возникло дѣло Германа, представляется исключительнымъ. Въ 1894 году въ мартѣ мѣсяцѣ въ Опоченскомъ уѣздѣ, Радомской губерніи, обнаружилась бывшая тогда въ предѣлахъ Россіи холерная эпидемія. Съ незначительными промежутками она продолжалась около 6 мѣсяцевъ, охвативъ районъ въ 21 гмину уѣзда и городъ Опочню. Расходъ, произведенный на борьбу съ эпидеміей, по всему уѣзду былъ исчисленъ въ общей суммѣ 29,849 руб., изъ которыхъ лишь небольшая часть была отнесена на счетъ казны, остальная же сумма (22,649 руб.) опредѣлена была ко взысканію съ населенія уѣзда, въ возмѣщеніе взятыхъ тогда, въ виду неотложности расходовъ, заимообразно страховыхъ, гминныхъ и другихъ имѣвшихся въ наличности денежныхъ средствъ. По прекращеніи эпидеміи составлены были отдѣльно по каждой гминѣ и утверждены уже радомскимъ губернскимъ правленіемъ счета расходовъ. Но, когда они были объявлены во всеобщее свѣдѣніе для раскладки причитавшагося по нимъ взысканія между плательщиками, то уполномоченныя отъ населенія города и 8 гминъ лица категорически объявили, что «населеніе платить по счетамъ не будетъ, такъ какъ признаетъ ихъ чрезмѣрно преувеличенными и совершенно несогласными съ дѣйствительными расходами по борьбѣ съ эпидеміей, и, не обращая затѣмъ никакого вниманія на разъясненія мѣстной администраціи о несвоевременности и безполезности такихъ заявленій, обратились къ радомскому губернатору съ жалобами на злоупотребленія при расходованіи холерныхъ суммъ и на подложность составленныхъ счетовъ». Въ результатѣ этихъ жалобъ было произведено сначала административное дознаніе, а затѣмъ предварительное слѣдствіе, которыми была установлена несомнѣнная подложность цѣлаго ряда документовъ, невѣрныхъ либо по значительно преувеличенной въ нихъ цифрѣ расходовъ, или же просто фиктивно выданныхъ лицами,

совершенно непричастными къ дѣлу борьбы съ эпидеміей и вовсе не получившими никакихъ денегъ. И вотъ, начальникъ Опоченскаго уѣзда надворный совѣтникъ Германъ и другія лица опоченской уѣздной и городской администраціи очутились на скамьѣ подсудимыхъ. На предварительномъ слѣдствіи было допрошено свыше 3000 человѣкъ, къ судебному слѣдствію вызвано 405 свидѣтелей. Сколько же народу знало или имѣло какое либо соприкосновеніе съ тѣмъ, что творилось въ уѣздѣ Германомъ и его ближайшими подчиненными и безропотно все это переносило? Нѣтъ сомнѣнія, что непосредственность денежнаго интереса плательщиковъ города Опочки сыграла въ дѣлѣ раскрытія преступленій главную роль: имъ приходилось раскошеливаться на суммы, явно не оправдываемыя расходами, совершавшимися у нихъ на глазахъ. Будь это деньги казенныя, кто знаетъ, можетъ быть, надворный совѣтникъ Германъ и до сихъ поръ продолжалъ бы свою практику хищеній въ Опоченскомъ уѣздѣ: вѣдь, «съ кого же и брать, какъ не съ казны», говоритъ обывательское мнѣніе, не замѣчая, что это тоже, можетъ быть, опоченскія деньги, лишь прошедшія рядъ распредѣляющихъ инстанцій.

Германъ обвинялся ни мало, ни много, въ 171 преступленіи по службѣ. Тутъ и взяточничество, и вымогательство, и подлоги, и растрата. Самъ по себѣ это человѣкъ, по отзыву прокурора, не заурядный: умный, опытный и энергичный администраторъ, но уже на первой своей службѣ въ Туркестанскомъ краѣ прошедшій школу «ташкентскаго» воспитанія. По вѣрному опредѣленію Василевскаго-Буквы, «Германъ—характернѣйшій типъ скитающагося по окраинамъ хищника». Въ Туркестанскомъ краѣ онъ кончилъ свою службу не безъ столкновенія съ правосудіемъ, но въ 1890 г. занялъ, благодаря покровительству бывшаго радомскаго губернатора Майлевскаго, въ довѣріе котораго вкрался, положеніе начальника Опоченскаго уѣзда. Положеніе его было прочно, вліяніе безгранично, и пользовался онъ имъ, не стѣсняясь ничѣмъ. Постепенно вокругъ него организовалась цѣлая банда болѣе мелкихъ хищниковъ и началась систематическая и беззастѣнчивая эксплоатація населенія. И къ какимъ только пріемамъ не прибѣгалъ въ своемъ стремленіи къ наживѣ Германъ, чѣмъ только не пользовался? «Холерный пирогъ» былъ только послѣднимъ актомъ его изобрѣтательности. Тутъ онъ наживался и давалъ наживаться своимъ приближеннымъ, бургомистру Сойдѣ и другимъ, и на изоляціи подозрительныхъ больныхъ, и на отпускѣ медикаментовъ и продуктовъ на дѣйствительно больныхъ. Еще хорошо, что въ Опочнѣ болѣзнь не имѣла значительнаго развитія, иначе продѣлки Германа были бы покрыты крупными расходами. А тутъ бросилось въ глаза слишкомъ ужъ большое несоотвѣтствіе между затратами и потребностью. Такъ, на двухъ случайныхъ больныхъ, пробывшихъ три дня въ лазаретѣ отряда, Германъ отпустилъ три фунта чаю, 53 фунта мяса съ 10-ю курами, 65 фунтовъ масла и 45 пудовъ соломы, а кстати еще: 125 фун. очищен-

ной карболки, 2 пуда сѣрной кислоты, 3 пуда хлорной извести, по 20-ти паръ всякаго бѣлья для несуществующихъ больныхъ, и цѣлую коллекцію бутылокъ спирта, рома и вина! Въ 1893 г., когда холеры въ г. Опочнѣ не было, но ее ожидали, Германъ поживился около подготовки санитарнаго персонала, около проектировавшагося, по предложенію радомскаго губернатора, открытія чайныхъ для неимущихъ классовъ населенія. Былъ устроенъ въ городѣ съ цѣлью собрать средства на эту чайную танцовальный вечеръ, давшій 222 рубля чистаго сбора; изъ нихъ 212 было присвоено Германомъ. Поживился Германъ и въ памятный 1891 годъ. Когда былъ объявленъ повсемѣстный сборъ пожертвованій въ пользу голодавшихъ отъ неурожая во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, въ уѣздѣ путемъ устройства спектаклей и частными пожертвованіями были собраны суммы, изъ которыхъ Германъ утаилъ 185 руб. Въ 1892 г., когда высочайше было повелѣно производить ремонтъ шоссейныхъ дорогъ не обычнымъ подряднымъ способомъ, а хозяйственнымъ, съ цѣлью предоставить заработокъ населенію, пострадавшему отъ неудовлетворительнаго урожая, Германъ, какъ предсѣдатель особаго назначеннаго съ этою цѣлью комитета, и на этотъ разъ не забылъ себя. Въ числѣ представленныхъ имъ расходовъ было выведено 442 руб. вознагражденія «десятникамъ», которыхъ, какъ оказалось впослѣдствіи, на работахъ не было и счета которыхъ были фиктивными. Мы не будемъ уже говорить о вымогательствахъ, къ которымъ прибѣгалъ Германъ, у домовладѣльцевъ при сломкѣ домовъ по предписанію строительной коммиссіи, у торговцевъ и владѣльцевъ магазиновъ и проч. Это все вещи обычныя, не отличающіяся достоинствомъ оригинальности. Разсмотрѣвъ всѣ эти 171 преступленіе по службѣ, варшавская судебная палата признала подсудимаго Георгія Германа виновнымъ въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 417 и 343 ст. Ул. о нак., и постановила подвергнуть его удаленію отъ должности, но, за силою всемилостивѣйшаго манифеста 14 мая 1896, освободила его отъ этого наказанія. Остальные обвиняемые были подвергнуты болѣе или менѣе тяжелымъ наказаніямъ по степени доказанной ихъ виновности.

Въ рядѣ номеровъ «Правительственнаго Вѣстника» за апрѣль мѣсяцъ (№№ 80, 81, 82, 83, 84, 86) печаталась обширная и интересная статья: «Матеріалы для исторіи однодневной переписи 27 января 1897 года». Статья эта составляетъ извлеченіе изъ отчета о переписи въ губерніяхъ: Тверской, Ярославской и Костромской, составленнаго командированнымъ въ эти губерніи для объединенія дѣйствій мѣстныхъ переписныхъ органовъ т. с. Плющевскимъ-Плющикомъ. Матеріалами для отчета послужили затребованные отъ завѣдывавшихъ переписными участками и счетчиковъ названныхъ губерній отзывы на рядъ вопросовъ, относящихся къ произведен-

ной ими переписи. Въ громадной массѣ отвѣтовъ, полученныхъ почти отъ всѣхъ завѣдывавшихъ переписными участками, а ихъ было по указаннымъ губерніямъ 195, и отъ 800 счетчиковъ, оказалось много данныхъ, характеризующихъ отношеніе населенія верхне-волжскихъ губерній къ переписи, тѣ слухи, которые о ней ходили, и надежды, которыя возлагались на ея результаты въ разныхъ слояхъ населенія—преимущественно среди крестьянства.

Сплошная перепись всего населенія, его занятій, племенного и вѣроисповѣднаго состава и прочаго естественно должна была произвести на народъ сильное впечатлѣніе. Если подворныя и хозяйственныя переписи, производившіяся въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земскими статистиками, какъ незаурядное явленіе на сѣромъ фонѣ деревенской дѣйствительности, вызывали къ себѣ замѣтный интересъ и не мало толковъ въ населеніи, то перепись, идущая по (обычному) заявленію счетчиковъ отъ Царя, производившаяся въ глухую зиму, повсемѣстно, съ чрезвычайной спѣшностью, должна была особенно возбудить умы всѣхъ. Появившіеся въ результатѣ толки и объясненія, будучи фактами не единичными, но наблюдаемыми одновременно въ разныхъ мѣстахъ обширной территоріи трехъ губерній, занимающихъ площадь въ 162 тыс. кв. верстъ при 3.315.000 населенія, представляютъ тѣмъ большій интересъ, что въ нихъ выразились, хотя бы и не сполна, какъ характерныя черты народнаго самосознанія, такъ и существеннѣйшія потребности народной жизни. Первыя извѣстія о переписи и ея производство возбудили разныя ожиданія въ народѣ—всѣ и вездѣ чего-то ждали, были увѣрены, что наступятъ какія-либо послѣдствія общаго характера, что перепись дѣлается не даромъ. По общимъ отзывамъ, толкованіямъ и разъясненіямъ, цѣли переписи народъ вѣрилъ мало. «Такъ, зря, по пустякамъ заводить такое дѣло не будутъ; если бы только число жителей хотѣли опредѣлить,—съумѣли бы и волостныя правленія это сдѣлать», говорили крестьяне Весьегонскаго уѣзда. Разъясненія — свидѣтельствуетъ одинъ изъ счетчиковъ Мышкинскаго уѣзда, — взятыя, конечно, изъ разъясненій правительственныхъ, на толпу не дѣйствовали. Хотя она и соглашалась внѣшне, т. е. замолкала, но видно было, что не вполнѣ вѣрила. «Что ни говори, возражали мужики, подумавъ, а изъ за такихъ пустяковъ (количество населенія, полъ и пр.) столько тревоги не сдѣлаютъ». Въ тѣхъ рѣдкихъ случахъ, когда крестьянамъ удавалось выяснить истинное значеніе переписи, они спокойно подчинялись ей, но начинали относиться къ ней безразлично и безучастно. «Разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ, говоритъ одинъ счетчикъ, они (крестьяне) равнодушно отнеслись къ дѣлу переписи, которое для нихъ съ этого момента имѣло значеніе государственной затѣи». Такой взглядъ на перепись охарактеризованъ старостой, сопровождавшимъ счетчика. На вопросъ любопытнаго: «Къ чему же все таки этакая ломка, ежели не будетъ прибавки земли?» староста

отвѣчалъ: «Чего тебѣ еще—вишь, царю-батюшкѣ охота знать, сколько у него въ Россіи народу всякаго проживаетъ, вотъ и пошла суета на всю Имперію».

Собственно отношеніе народа къ переписи именно и зависѣло отъ того, какъ народъ понималъ ея задачи. Въ разныхъ уголкахъ Костромской, Ярославской и Тверской губерній разно толковали и объясняли перепись. Одно какое либо объясненіе господствовало рѣдко, обыкновенно существовали два преобладающія, т. е. толки о передѣлѣ земли и налогахъ, къ нимъ уже присоединялись часто и другіе. Въ другомъ мѣстѣ составитель статьи говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«Изучая тотъ обширный и обильный матеріалъ, который дали 161 завѣдывавшій и 795 счетчиковъ въ своихъ отвѣтахъ по вопросу о толкахъ, ходившихъ въ народѣ, и объ отношеніи населенія къ переписи, приходишь къ выводу о томъ, что безусловно господствующими повсемѣстно во всѣхъ уголкахъ трехъ губерній были толки, относящіеся *къ владѣнію землею*, въ связи съ вопросомъ о *переселеніи*, и о *налогахъ*. Толки о землѣ охватывали все крестьянское населеніе, толки о налогахъ—городское и сельское промышленное, на сколько послѣднее занимается какими-либо промыслами. Затѣмъ большое распространеніе имѣли толки, слухи и объясненія характера религіознаго, зависѣвшіе, главнымъ образомъ, отъ вѣроисповѣднаго состава населенія Костромской, Ярославской и Тверской губерній, въ которыхъ имѣется громадное количество сектантовъ явныхъ и тайныхъ».

Собственно вопросъ о переселеніи въ народномъ пониманіи стоитъ въ такой непосредственной связи съ вопросомъ о размѣрахъ землевладѣнія, что толки, имѣвшіе отношеніе къ тому и другому изъ нихъ, имѣли и общій источникъ. Такимъ образомъ, если мы оставимъ въ сторонѣ объясненія переписи съ религіозной точки зрѣнія и остановимся лишь на объясненіяхъ, связывавшихъ перепись съ земельнымъ вопросомъ и вопросомъ о налогахъ, то должны будемъ въ ихъ отношеніяхъ къ переписи различать: сельское населеніе, т. е. крестьянство и населеніе городское. На характеристикѣ отношеній къ переписи этихъ двухъ слоевъ мы и остановимся нѣсколько подробнѣе.

Почти всѣ толки среди крестьянства, сводились въ громадномъ большинствѣ случаевъ къ упованіямъ на улучшеніе его быта, причемъ улучшеніе это должно состоять въ прибавленіи земли тѣмъ, которые нуждаются въ ней. Вѣра въ то, что чрезвычайная государственная мѣра переписи принята въ видахъ этого улучшенія, была общая въ народѣ и коренилась въ глубокомъ убѣжденіи его въ томъ, что въ ней выразилось участіе государя. Поэтому отношеніе крестьянства къ переписи въ общемъ было оптимистическое. И это не въ данномъ только случаѣ. Тоже отмѣчаетъ по поводу отношенія крестьянъ къ земско-статистическимъ переписямъ, произ-

водившимся въ Воронежской губерніи, извѣстный статистикъ Ф. А. Щербина въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, вышедшемъ въ прошломъ году, подъ заглавіемъ «Сводный сборникъ по 12 уѣздамъ Воронежской губерніи». «Въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ крестьяне ожидали отъ переписей благопріятныхъ послѣдствій. Чаянія на этотъ счетъ, казавшіяся очень часто безпочвенными и дѣтски наивными, въ сущности вытекали изъ вѣскихъ соображеній. Дѣло въ томъ, что свѣдѣнія, собираемыя путемъ переписей, рельефно и всесторонне характеризовали какъ положительныя, такъ еще болѣе отрицательныя стороны крестьянскаго хозяйства. Крестьяне это хорошо понимали и дѣлали свои выводы. Разъ велись обширныя и серьезныя работы и разъ основная задача этихъ работъ заключалась въ выясненіи положенія крестьянскаго хозяйства, то сама собою напрашивалась мысль о томъ, что долженъ же обратить кто либо вниманіе на тѣ неблагопріятныя условія, въ какихъ въ дѣйствительности находилось хозяйство. Записанное должно же было быть прочитаннымъ. Стало быть, уже сами по себѣ отобранныя отъ крестьянъ свѣдѣнія могли и должны были наводить ихъ на предположенія о возможности для нихъ, какъ плательщиковъ, скорѣе благопріятныхъ, чѣмъ неблагопріятныхъ послѣдствій. И всѣ такія предположенія имѣли очень условный и скромный, такъ сказать, характеръ» (133 стр.).

Конечно, земско-статистическія переписи глубже входили въ хозяйственные интересы сельскаго населенія, чѣмъ всеобщая перепись 1897 года, но и послѣдняя отмѣчала не только то, сколько народу, но и то, чѣмъ онъ кормится. И населеніе, которое кормится землею и страдаетъ отъ недостатка ея, естественно возлагало на перепись надежды, что въ результатѣ ея земли прибавится. «Внимательное ознакомленіе съ отзывами, поступившими изъ 33 уѣздовъ, говорится въ статьѣ «Правит. Вѣстника», приводитъ къ убѣжденію въ томъ, что наиболѣе вѣрнымъ выразителемъ настроенія крестьянскаго населенія слѣдуетъ признать отзывъ завѣдывавшаго переписнымъ участкомъ Буйскаго уѣзда, который заявилъ, что толковъ въ народѣ по поводу переписи было много, но что «они сводились къ тому, что земли мало, а вотъ теперь всѣхъ перепишутъ, и прибавятъ земли по числу ѣдоковъ». Народъ прибываетъ, земля все та же, прирѣзки ни откуда нѣтъ, надѣлы оказываются недостаточными для наслѣдственнаго пользованія — таково часто попадающееся соображеніе.

«Считая, что крестьянамъ необходимо прибавить земли, отнявъ ее отъ тѣхъ, кому она пользы не приноситъ, въ чьихъ рукахъ она не производительна, кто ею не дорожитъ (Угличскій и Любимскій уѣзды), народные толки, однако, даже не намекаютъ на то, чтобы это было сдѣлано иначе, какъ по почину Государя или правительства. Земли отберутъ въ казну, и казна уже будетъ надѣлять крестьянъ (Варнавинскій уѣздъ). Земли будутъ взяты у по-

мѣщиковъ, купцовъ, духовенства, фабрикантовъ; мѣстами указывали, что взяты будутъ и «купчія земли», т. е. пріобрѣтенныя крестьянами въ собственность внѣ надѣла (Буйскій уѣздъ) и отъ тѣхъ крестьянъ, которые, уходя въ отхожіе промыслы, забрасываютъ свои надѣлы (Ростовскій уѣздъ).

«Надѣясь, что казна найдетъ для крестьянъ земли у другихъ сословій, народъ понималъ, что тѣ, у кого земля будетъ взята, должны быть вознаграждены; отсюда явились слухи (въ Бѣжецкомъ уѣздѣ) о томъ, что «помѣщиковъ и кутейниковъ» возьмутъ на жалованье.

«Были, однако, и болѣе разумныя предположенія,—говорили о томъ, что прирѣзка земель будутъ сдѣлана, какъ при освобожденіи крестьянъ; за отобранную у помѣщиковъ землю, которая будетъ отдана крестьянскимъ обществамъ,—казна заплатитъ выкупъ.

«Самыя скромныя надежды, высказанныя одному счетчику Угличскаго уѣзда, сводились къ тому, «что, хотя и въ отдаленномъ будущемъ, высшее правительство не найдетъ ли возможнымъ какимъ-либо образомъ увеличить количество земельнаго надѣла, такъ какъ малоземеліе въ данной мѣстности, скудость почвы, окружающія болота и отсутствіе лѣсовъ лишаютъ населеніе возможности безбѣднаго существованія, и только неусыпный трудъ и стараніе, развитіе ремеслъ бочарнаго, гребеннаго и грабельнаго, а главное, выпаиваніе телятъ съ отказомъ для себя въ молочныхъ продуктахъ и не совсѣмъ желательный, въ нравственномъ отношеніи, но неизбѣжный отхожій промыселъ, спасаютъ домохозяевъ отъ положительной бѣдности».

И сколько бы счетчикъ по поводу всѣхъ этихъ упованій и предположеній ни старался растолковать и разъяснить дѣйствительную цѣль переписи, народъ вѣрилъ мало и надежда на дополнительный надѣлъ осталась въ немъ и послѣ переписи. О безрезультатности въ такихъ случаяхъ разъясненій говоритъ, между прочимъ, и Ф. А. Щербина въ упомянутой выше работѣ. «Статистическая практика, говоритъ онъ, показала, что излишнія, усердныя заботы регистраторовъ о просвѣщеніи крестьянъ на счетъ переписи вели какъ разъ къ обратнымъ результатамъ. Главное, всякое непонятное слово, всякая мало усвоенная мысль перетолковывались потомъ вкривь и вкось толпой по своему, съ разными варіяціями, прикрасами и прибавленіями. Черезъ день или два регистратору приписывались такія мнѣнія и указанія, о какихъ самъ регистраторъ и не думалъ, да и не имѣлъ представленій. Разсказы переходили въ народную молву, а молва буквально таки въ сплетни». Въ виду этого, въ громадномъ большинствѣ случаевъ на вопросъ крестьянъ о томъ: «зачѣмъ нужны начальству отобранныя отъ нихъ показанія?» статистики коротко отвѣчали: «для свѣдѣніевъ» великороссамъ, или «для справокъ» малороссамъ. «И, пишетъ Ф. Щербина, эти короткіе отвѣты дѣйствовали замѣчательно успокои-

тельнымъ образомъ на толпу. Спрашивавшіе крестьяне медленно уходили отъ стола, почесывая затылки и повторяя про себя: «для свѣдѣніевъ», или «для справокъ». Отвѣты дышали самою обыденною прозою, граничившею съ писарскимъ дѣломъ; таинственныя ожиданія насчетъ чего то особеннаго, необычнаго не оправдывались, регистраторъ изъ какого то особаго чиновника, присланнаго чуть ли не изъ Петербурга, превращался въ писаря, мелкую сошку, а главное въ самихъ отвѣтахъ не было ничего такого, къ чему бы могла привязаться фантазія и разукрасить затѣмъ въ самыхъ причудливыхъ очертаніяхъ. Короткіе отвѣты о «свѣдѣніяхъ» или «справкахъ» какъ эхо разносились въ населеніи, и всѣ почему то успокаивались, мирились съ обыденнымъ характеромъ переписей».

Но за то въ такихъ случаяхъ нерѣдко выступало не только индифферентое, а прямо насмѣшливо-скептическое настроеніе, которое во время всеобщей переписи вызывало со стороны переписываемыхъ замѣчанія вродѣ слѣдующихъ:

«Эка, гляди, бумаги то измараютъ». «Ну-къ чтожъ, за то въ календарѣ ужо пропишутъ, сколько народу какого живетъ». «Ну, да и то сказать, надо, вѣдь, людямъ хлѣбъ давать: во, гляди, попишетъ, попишетъ, ну и заработаетъ на хлѣбъ, да на воду. А въ Питерѣ-то, ужо-тка сколько шантрапы куль (около) этого дѣла кормиться будутъ». «Ничего, мы отвѣтимъ, все вѣдь, гляди, съ насъ же сойдетъ: наложатъ куда лишнюю копѣечку, вотъ и бумага окупится и членамъ заплатятъ». Въ Юрьевецкомъ уѣздѣ крестьяне говорили, что «перепись для господъ подспорье». «Насъ,—говорятъ крестьяне,—отобрали у господъ, они обѣднѣли и добыть имъ негдѣ, да и не могутъ,—слабосильны, нѣжны. Вотъ, батюшка царь ихъ жалѣетъ, и даетъ имъ кусокъ хлѣба. Вѣдь шутка ли, переписать, да пересчитать всю Россію, имъ на-долго хватитъ, чай, сто милліоновъ изведетъ».

Возвращаясь къ надеждамъ крестьянства на улучшеніе земельныхъ условій ихъ жизни, цитируемая нами статья отмѣчаетъ слухи о переселеніи. Слухи эти находились въ связи съ толками о прибавкѣ земли, ходили, такъ сказать, рядомъ съ ними. «Перепись дѣлается для разселенія, гдѣ посвободнѣе, на просторъ не имѣющихъ достатка въ землѣ—уповаютъ крестьяне Рыбинскаго, Любимскаго, Мышкинскаго, Угличскаго, Бѣжецкаго и Новоторжскаго уѣздовъ. Это переселеніе направится въ мѣста, гдѣ мало народу (Новоторжскій уѣздъ), или вообще куда нибудь (Ярославскій, Рыбинскій и Мышкинскій уѣзды)». Другіе указывали опредѣленнѣе мѣста переселеній: Сибирь, въ частности по великому сибирскому пути, Амуръ съ «необитаемымъ» Сахалиномъ, и даже Китай. По поводу разселенія ходило всего болѣе самыхъ фантастическихъ легендъ, изъ которыхъ мы приведемъ двѣ, характерныя во многихъ отношеніяхъ. «Въ Ветлужскомъ уѣздѣ значеніе переписи объяснялось такимъ обра-

зомъ: «государь императоръ, пріобрѣтая въ Китайской имперіи земли, повелѣлъ произвести перепись, для того, чтобы узнать, сколько потребно земли для его государства и, если у кого окажется по переписи большая семья, а земли мало, то такимъ предложатъ, но безъ всякаго принужденія, переселиться на китайскія земли». Нѣкоторые были, однако, того мнѣнія, что, при обнаруженіи переписью недостатка земли, будетъ обязательно переселеніе въ Сибирь. Въ Зубцовскомъ уѣздѣ вопросъ о переселеніи создалъ слѣдующую легенду: «У царя Китая два сына. Онъ, при живности, раздѣлилъ свое царство между ними. Младшій сынъ пожелалъ въ нашу вѣру перейти и нашего царя отцомъ крестнымъ позвалъ. Царь нашъ окрестилъ его, а онъ за это ему 20,000 квадратныхъ верстъ земли подарилъ. Вотъ государь нашъ съ Дона казаковъ туда перегнать хочетъ, а на Донъ будетъ отсюда переселять, будетъ добровольно приглашать. Ну, а значитъ, коли не пойдутъ добровольно, то, вотъ, по этой переписи разсмотрѣніе выйдетъ, и кого усмотрятъ, того и угонятъ». Мужики разсказывали эту басню и обращались съ вопросами: такъ это или не такъ,—что де мы, вѣдь, и сами не очень этому вѣримъ. А бабы, тѣ окончательно были взволнованы и нѣсколько разъ переспрашивали, правда-ли это».

Если среди крестьянской массы толки о передѣлѣ, прирѣзкѣ, разверсткѣ земель и т. д., отличаясь въ общемъ оптимистическимъ характеромъ, отзывались, въ сущности, благопріятно на производствѣ переписи, то толки о налогахъ, циркулировавшіе главнымъ образомъ среди городского населенія и отчасти промышленнаго сельскаго, имѣли обратное вліяніе на успѣшный ходъ переписи. Въ особенности имѣлъ здѣсь значеніе включенный въ переписные листы вопросъ о побочныхъ занятіяхъ, свѣдѣнія о которыхъ, по мнѣнію населенія, собирались не иначе, какъ затѣмъ, чтобы установить новые налоги и увеличить существующіе. Въ виду этого у населенія существовало стремленіе не отвѣчать на вопросы о побочныхъ занятіяхъ и даже скрывать ихъ. Домовладѣльцы боялись увеличенія квартирнаго налога, чиновники опасались установленія налога личнаго подоходнаго, ремесленники предполагали, что перепись приведетъ къ новымъ съ нихъ сборамъ. Купцы смотрѣли на счетчиковъ косо, отвѣчали на вопросы неохотно, видимо скрывались, иногда даже прямо удивлялись, зачѣмъ ихъ тревожатъ, и отсылали за требуемыми свѣдѣніями въ городскую управу: «Тамъ насъ хорошо знаютъ и все о насъ показать могутъ». Очевидно, они видѣли въ переписи не болѣе, какъ новое фискальное средство. По общимъ отзывамъ счетчиковъ, невѣжественная масса городского населенія меньше знала и занималась переписью, чѣмъ населеніе сельское. Среди нея счетчики чаще всего встрѣчали и пренебрежительное къ себѣ отношеніе.

Таково было отношеніе къ переписи двухъ главныхъ категорій населенія, сельскаго и городского, и таковы главнѣйшіе интересы

съ которыми въ своемъ представленіи связывали они производство переписи. Но помимо этого было не мало существенныхъ въ глазахъ народа причинъ, вызвавшихъ собою необходимость произвести общую народную перепись. Одною изъ наиболѣе распространенныхъ категорій слуховъ были слухи о предстоящей войнѣ и солдатчинѣ. «Сравнительно часто встрѣчавшіеся до переписи, въ (особенности въ Тверской губерніи и относительно мало въ Ярославской), они уменьшились по мѣрѣ ея производства, въ виду того, что въ перепись заносили женщинъ и дѣтей, но мѣстами держались до конца, въ томъ убѣжденіи, что и женщинамъ въ войскахъ найдется дѣло во время войны по уходу за ранеными».

Говорили о томъ, что будетъ поголовный наборъ, что перепись предпринята для производства реформы въ отбываніи воинской повинности, ждали уменьшенія срока военной службы и новаго о ней положенія.

Далѣе идетъ цѣлая серія самыхъ разнообразныхъ и подчасъ очень наивныхъ, но въ же время очень характерныхъ для оцѣнки народныхъ понятій и условій русской жизни, слуховъ. Тутъ и предположеніе о томъ, что народъ переписываютъ, чтобы знать, сколько надо поставить кабаковъ и гдѣ именно; надежда на милость бѣднымъ и вспомоществованіе отъ правительства всѣмъ неимущимъ, старымъ, больнымъ и увѣчнымъ. Въ этомъ послѣднемъ ожиданіи, очевидно, сказывается общее сознаніе крайней неудовлетворительности существующей у насъ системы призрѣнія. Въ Ростовскомъ уѣздѣ, который отличается значительно развитой грамотностью, мѣстами перепись объясняли тѣмъ, что правительству надо знать число населенія, въ интересахъ увеличенія числа школъ. Далѣе между различными единичными объясненіями переписи, отмѣченъ «говоръ народа о томъ, что розыскиваютъ какихъ то лицъ, что гдѣ-то арестанты сбѣжали, что ихъ ищутъ, какъ перепишутъ, такъ ихъ и обнаружатъ. Въ Осташковскомъ уѣздѣ, какъ на послѣдствіе переписи, указывали на то, что переписные листы замѣнятъ существующіе документы о личности, т. е. метрики, паспорты и т. д. Среди населенія города Рыбинска ходилъ слухъ, что послѣ переписи будутъ собирать штрафы за непрописку. Угличане видѣли цѣль переписи въ розысканіи всѣхъ безпаспортныхъ. Весьегонцы прибавляли къ безпаспортнымъ бродягъ и злоумышленниковъ противъ существующаго строя; въ Мышкинскомъ уѣздѣ говорили, что дѣлается перепись для того, чтобы «жида-ростовщика, татарина, цыгана-конокрада, всю эту дрянь изъ Россіи вонъ». Городское населеніе Калязина предполагало, что цѣль переписи высылка худыхъ людей».

«Въ Бѣжецкомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ толковали, что ревизія дѣлается съ цѣлью опредѣлить, сколько пашковцевъ, старовѣровъ, евреевъ и другихъ религій, и затѣмъ разселить ихъ порознь на разныхъ земляхъ».

Само собою разумѣется, что опредѣленныя группы населенія оцѣнивали значеніе переписи съ точки зрѣнія ихъ племенныхъ или религіозныхъ интересовъ. Среди евреевъ было распространено мнѣніе, что перепись имѣетъ отношеніе къ вопросу о выселеніи евреевъ изъ предѣловъ Россіи. Среди раскольничьяго населенія шли толки о томъ, что перепись знаменуетъ возобновленіе гоненій противъ ихъ ученій и назначена для ихъ искорененія, что всѣ старовѣры будутъ послѣ переписи наказаны. Посредствомъ ея приведены будутъ въ извѣстность всѣ сектанты для обращенія ихъ въ православіе и ссылки въ Сибирь. Въ одной мѣстности широко распространился слухъ о томъ, что перепись производится затѣмъ, чтобы найти антихриста, который народился въ этомъ именно году, но неизвѣстно гдѣ находится. Вообще же всѣ раскольничьи легенды, страхи и опасенія въ губерніяхъ Тверской, Ярославской и Костромской не имѣли во время теченія переписи какого либо серьезнаго значенія и не вызвали такихъ печальныхъ происшествій, какихъ было не мало въ губерніи Казанской. Странники, бѣгуны, которыхъ не мало въ Кинешемскомъ уѣздѣ, по всей вѣроятности ускользнули отъ переписи, скрываясь по подпольямъ и чердакамъ, но по крайней мѣрѣ не прибѣгли къ такой жестокой мѣрѣ сопротивленія, какъ тираспольскіе самопогребатели.

Отчетъ г. Плющика-Плющевскаго устанавливаетъ по отношенію къ раскольничьему населенію слѣдующій фактъ, заслуживающій серьезнаго вниманія. «Относительно принадлежности къ той или другой сектѣ, говорится въ отчетѣ, къ тому или другому толку или согласію, среди сектантовъ существуетъ добросовѣстное незнаніе, свидѣтельствующее о громадномъ количествѣ оттѣнковъ въ раскольничьихъ ученіяхъ Костромской, Ярославской и Тверской губерній. Завѣдывавшіе участками и счетчики, лица всѣ безъ исключенія мѣстныя, знающія весьма близко населеніе, единогласно свидѣтельствуютъ, что особое затрудненіе представляло получить отвѣтъ, къ какому раскольничему толку или согласію принадлежитъ тотъ или другой старовѣръ, установить, къ какой сектѣ онъ долженъ быть причисленъ. Отзывъ одного изъ счетчиковъ Даниловскаго уѣзда о томъ, что у раскольниковъ—что ни домъ, то толкъ или вѣра, нельзя не признать основаннымъ на дѣйствительности. Многіе счетчики указываютъ, что раскольники опредѣляютъ свой толкъ или согласіе именемъ той деревни, въ которой находится ихъ молельня, или именемъ своего вожака, принадлежность котораго къ тому или другому толку остается обыкновенно весьма трудно выяснимою. Этотъ фактъ наблюдался въ весьма яркой формѣ даже въ такомъ значительномъ городѣ, какъ Ржевъ, гдѣ мѣстные старообрядцы большею частью тоже не знаютъ, къ какому толку они принадлежатъ». Только при помощи близкаго знакомства съ ученіями старообрядцевъ и сектантовъ возможно было допытаться наводящими вопросами, какого они толка или согласія. Это безспорно вѣрное

наблюденіе приводитъ къ тому выводу, что законъ и практика возлагающіе на далеко неосвѣдомленныхъ въ этихъ вопросахъ урядниковъ и становыхъ обязанность привлекать къ уголовнымъ карамъ сектантовъ того или иного толка, ставятъ имъ задачу не только непосильную, но и такую, выполненіе которой при данныхъ условіяхъ должно сопровождаться рядомъ прискорбныхъ ошибокъ.

Заканчивая наши извлеченія изъ интереснаго отчета г. Плющика-Плющевскаго, мы не можемъ не обратить вниманія на одно обстоятельство. Изъ многихъ мѣстъ разсматриваемой статьи явствуетъ, что въ процессѣ переписи,—хотя и предполагалось производить ее не иначе, какъ непосредственнымъ обходомъ отдѣльныхъ дворовъ, — на дѣлѣ пришлось прибѣгать и не однократно къ помощи схода. Такъ счетчикъ Новоторжскаго уѣзда Б. Преображенскій пишетъ, что, именно благодаря сходамъ всѣхъ домохозяевъ, ему удалось 28 января въ одинъ день объѣхать восемь деревень и перекликать поименно около 2300 человѣкъ обоего пола. Впрочемъ, такъ и надо было ожидать, зная условія и привычки деревни. Всякое незаурядное событіе въ ея жизни неизбѣжно происходитъ на глазахъ или при участіи схода. По отношенію къ переписямъ это имѣетъ существенное значеніе, составляя главное условіе доброкачественности самихъ данныхъ переписи. «Сходъ, привыкшій регулировать всякія отношенія между своими членами, нивеллируетъ до извѣстной степени и отвѣты крестьянъ во время переписи, требуя отъ нихъ точности и обстоятельности: «говори какъ всѣ»— таково основное требованіе, которое молчаливо, но понятно для всѣхъ предъявляетъ сходъ каждому своему члену, дающему показанія на переписи». (Ф. А. Щербина).

Первый опытъ всеобщей переписи, прошедшей, по утвержденію составителя отчета, «безпрепятственно и въ общемъ удачно, не смотря на поднятые ею отнюдь не безопасные толки» (Пр. В. № 82), наглядно убѣждаетъ, что то неодобрительное отношеніе, которое въ послѣднее время сказывается у мѣстной администраціи по отношенію къ земско-статистическимъ переписямъ, не имѣетъ за собою никакихъ основаній. Всѣ эти легенды и сказанія, которыя обильно распространялись въ умахъ по поводу цѣлей всеобщей переписи, являясь продуктомъ невѣжества массы, не имѣли для дѣла существеннаго значенія и не влекли за собою, исключая нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, имѣвшихъ связь съ религіозными понятіями народа, никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Тѣмъ менѣе могутъ сопровождаться ими производимыя земствами подворныя хозяйственныя переписи. За то эти послѣднія имѣютъ для крестьянства несомнѣнное просвѣтительное значеніе. По этому поводу мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести одно мѣсто изъ «Своднаго сборника» г. Щербины. «При веденіи переписи, всюду по губерніи крестьяне выказывали къ нимъ самый живѣйшій интересъ. На перепись почти всегда приходили глазѣть. Посторонніе посѣтители

зачастую по цѣлымъ часамъ слушали, какъ статистики опрашивали крестьянъ и какъ послѣдніе отвѣчали. Переписи привлекали вниманіе толпы не только, какъ сборъ народа, зрѣлище, но главнымъ образомъ постановкою и разрѣшеніемъ разнаго рода вопросовъ, касавшихся семьи, хозяйства, имущественныхъ отношеній между односельчанами и т. п. Простыя обыденныя явленія, частью интересныя сами по себѣ, а частью успѣвшія намозолить вниманіе крестьянъ своею будничною прозаичностью, вдругъ получали въ сопоставленіи опытнаго статистика особое освѣщеніе, выражая собою нѣчто цѣльное, законченное и глубоко интересное въ такомъ видѣ. Личный составъ семьи, рабочія силы, рабочій скотъ, размѣры запашки и арендъ, промысловыя занятія, побочные рессурсы отъ разныхъ хозяйственныхъ статей, общіе денежные приходы и расходы по хозяйству, размѣры кредита и величина недоимки—все это, будучи сопоставлено и взаимно взвѣшено, выражало въ конечномъ итогѣ кратко и сжато экономическую силу и производительныя средства хозяйства. Въ нѣсколько минутъ хозяину приходилось оцѣнивать и суммировать цѣлый рядъ такихъ экономическихъ признаковъ, которые большинству никогда не приходили въ голову въ полной и законченной картинѣ. Сами хозяева часто открыто дивились тому, что имъ раньше на умъ не приходило производить столь просто внезапную ревизію собственнымъ источникамъ и средствамъ для существованія и веденія хозяйства. «Ну, спасибо, нерѣдко раздавался голосъ малоросса, что научили, какъ слѣдуетъ все считать въ хозяйствѣ». (Ф. А. Щербина. Стр. 149).

Да и нельзя иначе, какъ съ благодарностью, отнестись къ развитію народнаго самосознанія, какимъ бы путемъ оно ни приходило.

М. Плотниковъ.

I.

Письмо въ редакцію.

Свящ. Сергія Бѣльскаго.

По поводу письма изъ Тамбова «Церковно-Приходская школа въ Тамбовскомъ уѣздѣ» *)—протоіерей Сергій Бѣльскій, завѣдывавшій школами, о которыхъ шла рѣчь, и авторъ цитированной г-мъ Черновымъ брошюры—прислалъ намъ нижеслѣдующее письмо.

*) „Русское Богатство", мартъ, 1898.

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ!

«Въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства» Вы дали мѣсто замѣткѣ г. Чернова, подъ заглавіемъ: «Изъ Тамбова. Церковно-приходская школа въ Тамбовскомъ уѣздѣ». Не откажите напечатать и мое настоящее письмо по поводу этой замѣтки. Прежде всего считаю долгомъ оговориться, что я писалъ его вовсе не съ тѣмъ, чтобы вступать въ полемику съ г. Черновымъ. Единственная моя цѣль—устранить тѣ недоразумѣнія, какія способна вызвать въ читателяхъ замѣтка его. По прочтеніи этой замѣтки у читавшаго остается такое впечатлѣніе: церковныя школы Тамбовскаго уѣзда, по сознанію самого епархіальнаго наблюдателя, изъ рукъ вонъ плохи, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что тамбовское уѣздное земство не нашло «никакихъ основаній включать ихъ въ проектъ нормальной сѣти школъ». Судя по заглавію замѣтки, читатель въ полной увѣренности, что авторъ говоритъ о *современномъ* состояніи названныхъ школъ. Эту увѣренность ни мало не колеблетъ въ немъ и авторъ. Послѣдній ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, что его замѣтка нѣсколько несвоевременна, — что онъ имѣетъ въ виду постановленіе тамб. уѣзднаго земскаго собранія, состоявшееся еще въ 1896 году. Равнымъ образомъ ничего не говоритъ г. Черновъ и о томъ, удобно ли «объяснять себѣ мотивы (этого) постановленія» «отзывами и данными (нашей) брошюры». Не задается, конечно, этимъ вопросомъ и читатель и вѣритъ, что этими отзывами и данными характеризуются современныя церковныя школы Тамбовскаго уѣзда. Между тѣмъ моя брошюра написана на основаніи наблюденій (личныхъ) 1894 и 1895 гг. и написана съ нарочитою цѣлію. То было время, когда правильный контроль и надлежащее руководство церковно-школьнаго дѣла въ епархіи только что начинались, и недочеты въ немъ были вполнѣ естественны, какъ и во всякомъ новомъ дѣлѣ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ недочетовъ, съ цѣлію скорѣйшаго ихъ устраненія и предупрежденія, и написана была мною брошюра, подъ заглавіемъ: «Оо. завѣдующимъ и законоучителямъ, учителямъ и учительницамъ церковныхъ школъ Тамбовской епархіи» (разъясненіе). Согласно цѣли написанія, требовалось говорить *только* о недостаткахъ церковныхъ школъ, и говорить ни мало не извиняя, а часто и преувеличивая ихъ. Для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли брошюры, въ послѣднюю включено было все, что не желательно видѣть въ церковной школѣ, причемъ школы, повинныя въ двухъ-трехъ недостаткахъ, также не исключались изъ числа не отвѣчающихъ своему назначенію. Въ брошюрѣ намѣренно умалчивалось о томъ, что указанные ею недостатки церковно-школьнаго преподаванія въ громадномъ большинствѣ своемъ взяты изъ отвѣтовъ худшихъ учениковъ. Не упоминалось также и о томъ, что ошибки, допущенныя во время ревизіи плохими учениками, легко исправлялись хорошими и удовлетворительными, а иногда даже и

слабыми, послѣ наводящихъ вопросовъ (это особенно нужно сказать относительно правописанія и объяснительнаго чтенія). При этомъ намъ и на умъ не приходило, чтобы кто сталъ усматривать въ нашей брошюрѣ *полную* характеристику церковныхъ школъ епархіи, или уѣзда *). Въ этомъ мы ошиблись, но мы не обманулись въ надеждѣ на то, что брошюра послужитъ улучшенію церковно-школьнаго дѣла. По наблюденіямъ 1896 и 1897 гг. осмотрѣнныя нами церковныя школы Тамбовскаго и другихъ уѣздовъ оказались свободны отъ большей части отмѣченныхъ брошюрою недостатковъ, а въ настоящее время для большинства школъ она имѣетъ лишь предупредительное значеніе. Вотъ почему мы ни мало не погрѣшили противъ истины, когда въ ноябрѣ 1896 г. выступили на защиту церковныхъ школъ Тамб. у., столь несправедливо игнорированныхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Помѣщенная тогда въ мѣстныхъ Губ. Вѣдомостяхъ наша защитительная статья («По поводу одного постановленія тамбовскаго уѣзднаго земскаго собранія») нисколько не противорѣчила нашей же, помянутой, брошюрѣ, ибо въ 1896 г. церковныя школы тамбовской епархіи (и уѣзда) были уже не таковы, какими онѣ представлялись намъ въ 1894 — 95 гг. Каковы же онѣ теперь, объ этомъ говоритъ намъ послѣдній отчетъ, печатаемый въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Что касается въ частности церковныхъ школъ Тамбовскаго уѣзда, то о Мало-Талинской, Казыванской, Пахатно-Угловской, Паново-Кустовской, Разсказовской, Грязнушинской, Петровской и нѣкоторыхъ другихъ, лично намъ извѣстныхъ, не обинуясь можно сказать, что онѣ сдѣлали бы честь любому вѣдомству.

Намъ остается сдѣлать два-три замѣчанія частнаго характера. Г. Черновъ, между прочимъ, пишетъ: «вмѣсто хотя бы указанія на развивательное (?) значеніе математики, какъ *науки*, а не только практическаго искусства, въ брошюрѣ г. Бѣльскаго находимъ лишь прекрасное, но едва ли практичное пожеланіе, чтобы «и счисленіе назидало, воспитывало бы въ дѣтяхъ добрыя чувства» (наши слова). Самый идеальный педагогъ врядъ ли съумѣетъ достигнуть этой благой цѣли посредствомъ счисленія» (Р. Б. мартъ, стр. 217). А намъ думается, что даже и не идеальный съумѣетъ, если будетъ поступать по сказанному въ нашей брошюрѣ: «церковная школа готовитъ дѣтей для жизни практической, гдѣ они будутъ имѣть дѣло не съ милліонами и десятками тысячъ, а съ пятачками, гривенниками, пудами, фунтами, аршинами и под.; и все это придется имъ высчитывать весьма рѣдко при помощи такого приспособленія, какъ торговые счеты, большею же частію безъ оныхъ, и ужъ конечно безъ мѣла и карандаша. Пусть же школа разовьетъ въ дѣтяхъ сообра-

*) Если принимать во вниманіе одни недостатки, то по Дѣяніямъ и посланіямъ Апостольскимъ можно нарисовать весьма мрачную картину первохристіанской жизни.

зительность настолько, чтобы потомъ, въ житейскихъ отношеніяхъ, они не потерялись и помянули бы добрымъ словомъ и Церковь, и школу, и учителей своихъ; чтобы, такимъ образомъ, и счисленіе назидало, воспитывало бы въ дѣтяхъ добрыя чувства» (стр. 14 нашей брошюры).

Выписывая наши слова: «Молитва предъ ученіемъ читается и поется школьниками всего чаще безъ молитвеннаго настроенія, чего такъ не желаетъ объяснительная записка»,—г. Черновъ послѣ слова—«чего» замѣчаетъ отъ себя въ скобкахъ: «т. е. молитвеннаго настроенія?!» Поясненіе совсѣмъ, кажется, уже излишнее, потому что всякій читающій самъ понимаетъ, чего въ данномъ случаѣ не желаетъ объяснительная записка; не желаетъ она того, что бы молитва читалась безъ молитвеннаго настроенія.

Покончивши съ данными нашей брошюры, г. Черновъ говоритъ: «Вотъ каково компетентное мнѣніе ревностнаго сторонника церковной школы, духовнаго лица, стоявшаго въ непосредственной близости къ дѣлу,—въ теченіе *цѣлаго ряда лѣтъ* (курсивъ нашъ) по должности наблюдавшаго за церковными школами тамбовской епархіи» (Р. Б. мартъ, стр. 217—18). Долгомъ считаемъ разъяснить, что мы не *цѣлый рядъ лѣтъ* наблюдали за церковными школами названной епархіи, а всего четыре года,—два года по Кирсановскому уѣзду (въ должности предсѣдателя отдѣленія Еп. Уч. Совѣта) и два года по всей (тамбовской) епархіи. Но и за это сравнительно очень короткое время мы не могли не видѣть, что церковно-школьное дѣло съ каждымъ годомъ развивается и крѣпнетъ. Въ настоящее время мы уже не занимаемъ должности наблюдателя тамбовскихъ церковныхъ школъ, состоимъ на службѣ въ учебномъ заведеніи вѣдомства министерства нар. просвѣщенія, но по прежнему твердо увѣрены, что церковныя школы далеко не такъ плохи, какъ часто кажется многимъ, знающимъ ихъ только по слухамъ.

Мы кончили и смѣемъ надѣяться, что сказанное нами будетъ напечатано. Audiatur et altera pars»!

Охотно давая на своихъ страницахъ мѣсто этому возраженію, редакція не можетъ, однако, не замѣтить съ своей стороны, слѣдующее. Передъ нами лежитъ самая брошюра, о которой шла рѣчь въ замѣткѣ г-на Чернова и на которую ссылается теперь о. С. Бѣльскій, и мы не можемъ согласиться съ послѣднимъ, будто г. Черновъ произвольно обобщилъ недостатки нѣкоторыхъ школъ—на всѣ школы. «При входѣ въ церковную школу, читаемъ мы на первой же страницѣ,—обращаетъ вниманіе то обстоятельство, что церковные школьники *въ большинствѣ случаевъ* крестное знаменіе полагаютъ на себя не истово...» «Молитва передъ ученіемъ читается *всего чаще* безъ молитвеннаго настроенія» (стр. 1). «Отвѣты по Зак. Божію недостаточно осмыслены. Дѣти, *за рѣдкими исключеніями*, почти дословно передаютъ свѣ-

дѣнія... но пользы для души мало получаютъ» (стр. 2)... При прохожденіи съ дѣтьми Новозавѣтной исторіи оо. законоучители *весьма рѣдко* обращаются къ ихъ душѣ» (стр. 41). Говоря о цѣли изученія молитвъ, авторъ брошюры отмѣчаетъ (на стр. 5), что «*всего чаще*» дѣло обстоитъ не такъ, какъ слѣдуетъ. На вопросъ объ идолахъ (во второй заповѣди) удовлетворительный отвѣтъ получается *весьма рѣдко* (стр. 6). Такимъ образомъ мы прочли 5 страницъ и на каждой изъ нихъ находимъ выраженія, которыхъ обобщающій характеръ не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ. Мы могли бы продолжить цитаты: «весьма рѣдко», «въ большинствѣ случаевъ», «весьма обычно», «по большей части»,—эти весьма категорическія выраженія попадаются на каждомъ шагу. Все это на стр. 7 подчеркивается печальнымъ сообщеніемъ, что въ дѣйствительности (церковная школа) едва-ли преимуществуетъ передъ школами другихъ наименованій» по отношенію къ «истовому церковному чтенію», а стр. 11 даетъ не менѣе печальное заключеніе о преподаваніи русскаго языка, въ которомъ объяснительный элементъ въ чтеніяхъ «*почти отсутствуетъ*» (!) Ученики *лучшихъ* одноклассныхъ и даже *двухклассныхъ* школъ *часто* не могутъ объяснить» самыхъ простыхъ и часто встрѣчающихся словъ. «Правописаніе-же *въ общемъ* ниже удовлетворительнаго».

И т. д., и т. д. Надѣемся, эти цитаты совершенно снимаютъ съ нашего сотрудника обвиненіе въ томъ, что онъ слишкомъ обобщилъ указаніе на частные недостатки отдѣльныхъ школъ. «Ошибки, допущенныя во время ревизіи плохими учениками, легко исправлялись хорошими, удовлетворительными, а иногда даже и слабыми»—пишетъ теперь о. Бѣльскій и прибавляетъ: «въ особенности это нужно сказать *относит. правописанія* и *объяснительнаго чтенія*». Это очень утѣшительно, но не можетъ не вызвать сильнаго удивленія, такъ какъ въ печатной брошюрѣ отца Бѣльскаго заявлялось какъ разъ *относительно обоихъ этихъ предметовъ*, что «ученики *лучшихъ* одноклассныхъ, а иногда и двухклассныхъ школъ» повинны въ весьма существенныхъ недочетахъ, объяснительный элементъ въ чтеніяхъ *почти отсутствуетъ,* а «правописаніе *въ общемъ* ниже удовлетворительнаго» (стр. 12). Не очевидно-ли, что нашъ корреспондентъ имѣлъ полное право понимать эти слова въ ихъ обычномъ и прямомъ значеніи: «Въ общемъ»—и значитъ вообще, а не въ отдѣльныхъ только случаяхъ. Въ тайныя же помышленія о. Бѣльскаго, руководившія имъ при составленіи печатной брошюры, проникнуть, конечно, было трудно, тѣмъ болѣе, что печатныя сообщенія его совпадали и съ другими источниками.

Что касается замѣчаній хронологическаго характера, то, охотно давая мѣсто этой поправкѣ, мы, однако, не можемъ и за ними считать существеннаго значенія. Брошюра о-ца Бѣльскаго вышла въ 1896 году (въ концѣ ея значится: печатать дозволяется 26 авг. 1896 г.). Земское собраніе, о которомъ идетъ рѣчь, происходило

черезъ два мѣсяца. Совершенно очевидно, что заявленія о недостаткахъ ц.-приходскихъ школъ, раздававшіяся въ собраніи, а также постановленіе собранія, о коемъ идетъ рѣчь,—«совершенно удобно» ставить въ ближайшую связь съ цитируемой брошюрой, вышедшей почти одновременно и подтверждавшей эти заявленія. Мы очень рады слышать, что теперь всѣ эти недостатки исправлены, хотя... зная нѣсколько школьное дѣло, мы поневолѣ пессимистичны. Два-три года—не такой срокъ, въ который такъ легко исправить существенные недостатки, даже и при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ. А если судить по офиціальнымъ отчетамъ, къ которымъ о. С. Бѣльскій отсылаетъ г. Чернова,—то вѣдь автору извѣстно, что они рисовали довольно отрадную картину и въ тѣ годы, о которыхъ говоритъ цитированная выше брошюра.

Ред.

ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ

о пожертвованіяхъ, поступившихъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая:

Отъ	С. Д. Голубцова	7 р.
»	Н. А. Познякова	1 »
»	Б. М. Вольфа	2 »
»	разныхъ лицъ черезъ г. Хавскаго	25 »
»	тоже	25 »
»	П. Шуравина	3 »
»	Н. К. Галахова	2 »
»	учащихся черезъ В. Г. Короленко	82 »
	Итого	147 р.

Деньги эти переданы въ Комитетъ Императорскаго Вольно-Экономич. Общества.

Издатели: Вл. Короленко. Н. К. Михайловскій.

Редакторы: П. Быковъ. С. Поповъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

СБОРНИКЪ, ПОСВЯЩЕННЫЙ памяти В. Г. БѢЛИНСКАГО.

Изданіе Лермонтовской Библіотеки въ г. Пензѣ. Будетъ печататься въ Москвѣ подъ наблюденіемъ П. А. Ефремова. Чистый доходъ отъ этого изданія поступитъ въ фондъ имени В. Г. Бѣлинскаго при Лермонтовской Библіотекѣ.

Въ сборникѣ принимаютъ участіе: Л. А. Авилова, К. К. Арсеньевъ, пр. А. С. Архангельскій, пр.-доц. Н. Н. Баженовъ, К. С. Баранцевичъ, пр. Ѳ. Д. Батюшковъ, Ю. Безродная, пр. В. А. Бильбасовъ, И. А. Бунинъ, пр.-доц. С. А. Венгеровъ, пр. А. Н. Веселовскій, В. А. Гольцевъ, Г. А. Джаншіевъ, К. Ельцова, С. Я. Елпатьевскій, А. М. Жемчужниковъ, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, И. И. Ивановъ, К. Р., гр. П. Капнистъ, пр. Н. И. Карѣевъ, пр. М. М. Ковалевскій, А. Ѳ. Кони, В. Г. Короленко, В. Н. Ладыженскій, В. В. Лесевичъ, М. А. Лохвицкая, А. А. Луговой, Г. А. Мачтетъ, Мельшинъ, пр. П. Н. Милюковъ, Н. К. Михайловскій, Д. Л. Мордовцевъ, Е. С. Некрасова, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, Л. Е. Оболенскій, пр. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. П. Острогорскій, Я. П. Полонскій, И. Н. Потапенко, М. А. Протопоповъ, Л. З. Слонимскій, П. А. Соколовскій, Вл. С. Соловьевъ, пр. Н. И. Стороженко кн. А. И. Сумбатовъ, В. Л. Сѣрошевскій, Н. И. Тимковскій, пр.-доц. А. А. Токарскій, гр. Л. Н. Толстой, М. М. Филипповъ, А. П. Чеховъ, О. Чумина, пр. А. И. Чупровъ, А. С. Шабельская, О. Шапиръ, Д. Д. Языковъ, В. Е. Якушкинъ, А. И. Эртель.

Сборникъ выйдетъ осенью. Цѣна по подпискѣ три рубля. Пересылка наложеннымъ платежомъ. По выходѣ сборника цѣна будетъ повышена. Подписка принимается въ Лермонтовской Библіотекѣ въ г. Пензѣ и, кромѣ того, въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова: въ Москвѣ, Моховая д. бывш. Кохъ, въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ и Вильнѣ.

Правленіе Лермонтовской Библіотеки покорнѣйше проситъ редакціи другихъ газетъ перепечатать это объявленіе.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Изданія, вышедшія за послѣднее время.

Біографіи: Лассаля, Сократа.

Сочиненія Диккенса. Томъ 10-й и послѣдній, заключающій въ себѣ романъ: Лавка древностей. Записки путешественника не по торговымъ дѣламъ. Станція Мегби. Медфогскія записки. Рецепты д-ра Меригольда. Безъ выхода. Съ біографіей и портретомъ автора. Ц. 1 р. 50 к.

Научныя забавы. *Федо.* Съ 128 рис. въ текстѣ. Ц. 60 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.

Живописная астрономія. *Фламмаріона.* Съ 382 политипажами въ текстѣ и раскрашен. рисунками. Перев. *Е. Предтеченскаго.* Ц. 3 руб.

Общественный организмъ. *Рене Вормса.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора *А. С. Трачевскаго.* Цѣна 75 коп.

Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціон. натурализма. Публичныя лекціи *А. Сабатье.* Перев. съ франц. *В. И. Обреимова.* 2 изд. Ц. 60 к.

Исторія новѣйшей рус. литературы. (1848—1894). *А. М. Скабичевскаго.* 3-е изданіе, иллюстрированное 52 портретами. Ц. 2 р.

Мозговая работа и переутомленіе. *Блекка.* Переводъ съ англійскаго. Цѣна 30 коп.

Повѣсти и разсказы *И. Н. Потапенко.* Томъ XI-й. Цѣна 1 руб.

Соціальное развитіе. *Кидда.* Съ предисловіемъ профес. *Вейсмана.* Переводъ съ англ. Ц. 75 к.

Философія Герберта Спенсера, въ сокращенномъ изложеніи *Коллинза.* Съ предислов. *Г. Спенсера.* Перев. съ англ. *П. Мокіевскаго.* 2-е русское изд., дополн. по 3 англ. изд., съ прибавл. сокращ. изложенія всѣхъ вновь вышедшихъ частей «Синтетической философіи». Ц. 2 р.

О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки. *Жюля Пейо.* Ц. 50 к.

Исторія семьи. *Ю. Липперта.* Ц. 60 к.

Химикъ-любитель. *Фэдо.* Практическое знакомство съ химіей посредствомъ простыхъ опытовъ. Съ 152 рис. Переводъ съ франц. Ц. 1 р.

Сочиненія Д. И. Писарева. 6 томовъ. 2-е изд. Цѣна каждаго тома 1 р.

Сочиненія Пушкина. Полное собраніе въ одномъ томѣ. 4-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Характеръ и нравственное воспитаніе. Соч. *Кейра.* Переводъ съ французс. подъ редакціей *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 40 к.

Этика (Ученіе о нравственности). Проф. *Маккензи.* Перев. съ англійскаго. Ц. 1 р.

Общедоступная анатомія и физіологія человѣка и животныхъ. *Э. Ретерера,* проф. Париж. универс. Перев. со 2-го франц. изд. д-ръ *Г. А. Напереа.* Съ 380 рис. и 6 раскраш. табл. Ц. 2 р.

Психологія чувствъ. Сост. *Рибо.* Съ франц. Ц. 80 к.

Путь къ счастью. Составилъ *Кирхнеръ.* Ц. 60 к.

Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и за границей. *В. Д. Смирнова.* 160 стр. Ц. 1 р.

Правители и мыслители. Біограф. очерки *Е. Ф. Литвиновой.* Съ многими портретами. Ц. 1 р.

Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. *Я. В. Абрамова.* (№ 3 «Попул.-юрид библіотеки»). Ц. 25 к.

Аренда и наемъ имуществъ. *Я. В. Абрамова.* (№ 4 «Попул.-юрид. библіотеки»). Ц. 25 к.

Заемъ, Закладъ и Залогъ. *Я. В. Абрамова.* (№ 5 Попул. юрид. библіотеки), Ц 25 к.

Организація свободы и общественный долгъ. Профес. *Прэнса.* Переводъ подъ редакціей *Р. И. Сементковскаго.* Цѣна 80 коп.

Черные богатыри. Жизнь рудокоповъ подъ землей. Состав. *Е. Конради.* Съ множествомъ рис. 2-е изданіе. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 75 к.

Популярная біологія. *В. Лункевича.* Большой томъ съ 208 политипажами и таблицей раскрашенныхъ рисунковъ. Цѣна 2 руб.

Автобіографія земли. *Гетчинсона.* Популярная картина геологическаго образованія земли. Съ 63 рис. Перев. съ англійскаго, съ многими дополненіями. *М. А. Энгельгардта.* Ц. 80 к.

Новѣйшія химическія теоріи. *Этара.* Переводъ съ французскаго *Б. Билита.* Съ 58 рис. Ц. 75 к.

Ботаникъ-любитель. *Федо.* Переводъ съ французскаго подъ редакціей профес. *В. Доброславскаго.* 200 рисунковъ. Ц. 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА (30 книжекъ).

1) **Демонъ.** Цѣна 6 коп.—2) **Ангелъ смерти.** Ц. 3 к.—3) **Измаилъ-Бей.** Ц. 10 к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Ц. 3 к.—5) **Бояринъ Орша.** Ц. 4 к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Ц. 3 к.—7) **Мцыри.** Ц. 4 к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Ц. 3 к.—9) **Литвинка.** Ц. 3 к.—10) **Каллы.** Ц. 2 к.—11) **Кавказскій плѣнникъ.** Ц. 3 к.—12) **Корсаръ.** Ц. 2 к.—13) **Черкесы.** Ц. 2 к.—14) **Джуліо.** Ц. 3 к.—15) **Измаилъ-чейща.** Ц. 4 к.—16) **Герой нашего времени.** Ц. 25 к.—17) **Бэла.** Ц. 8 к.—18) **Тамань.** Ц. 3 к.—19) **Княжна Мери.** Ц. 12 к.—20) **Фаталистъ.** Ц. 2 к.—21) **Призракъ.** Ц. 3 к.—22) **Маскарадъ.** Ц. 10 к. — 23) **Испанцы.** Ц. 10 к. — 24) **Ашикъ-Керибъ.** Ц. 2 к. — 25) **Княгиня Лиговская.** Ц. 8 к.—26) **Люди и страсти.** Ц. 8 к.—27) **Странный человѣкъ.** Ц. 8 к.—28) **Два брата.** Ц. 5 к.—29) **Всѣ баллады и легенды.** Ц. 5 к.—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Ц. 7 к.

Цѣна всѣхъ 30 №№ «Библіотеки»—1 р. 71 к.

Литература, исторія и законовѣдѣніе.

Организація свободы и общественный долгъ. *А. Прэнса.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 80 к.

Соціальное развитіе. *В. Кидда.* Съ предисл. проф. *Вейсмана.* Перев. *М. Чепинской.* Ц. 75 к.

Общественный организмъ. *Р. Ворма.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора *А. Трачевскаго.* Ц. 75 к.

Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Лекціи *А. Сабатье.* Перев. *В. Обреимова.* 2-е изд. Ц. 60 к.

Общественный прогрессъ и регрессъ. *Греефа.* Перев. *Г. Паперна.* Ц. 1 р. 50 к.

Современная женщина.—Ея положенія въ Европѣ и Америкѣ. *Б. Ф. Брандта.* Ц. 60 к.

Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. Полное собр. въ 4 больш. томахъ. Съ портретомъ, факсимиле и снимкомъ съ картины *Наумова* «Бѣлинскій передъ смертью». Цѣна каждаго тома—1 р. 25 к.

Духовныя завѣщанія. Какъ ихъ составлять, измѣнять, отмѣнять и т. п. Сост. *Я. В. Абрамовъ.* Ц. 25 к. (№ 1 «Попул.-Юрид. библіотеки»).

Наслѣдство и раздѣлъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 2 той-же библіотеки).

Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 3 той-же библіотеки).

Аренда и наемъ имуществъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 4 той-же библіотеки).

Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. *Г. Брандеса.* Съ 13 портр. Ц. 2 р.

Исторія цивилизаціи въ Англіи. *Бокля.* Переводъ *А. Н. Буйницкаго.* Съ портр. автора. Съ примѣчаніями Ц. 2. и безъ нихъ—1 р. 50 к.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6-ти томахъ. 2-е изд. Цѣна каждаго тома—1 руб.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собранія въ 10 томахъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Холодный домъ. Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Доррить и Большія ожиданія, 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ, 6) Записки Пиквикскаго клуба и Тяжелыя времена, 7) Николай Никльби и три «Святочныхъ» разсказа, 8) Мартинъ Чезльвитъ. Гимнъ Рождеству. Затравленъ. 9) Барнеби Реджъ. Тайна Эдвина Друда и Колокола. 10) Лавка древностей. Записки путешественника не по торговымъ дѣламъ. Станція Мегби. Мёдфогскія записки. Рецепты д-ра Мериголъда. Безъ выхода. Портретъ и біографія автора.

Сочиненія Виктора Гюго. Съ портрет. автора и статьей *А. Скабичевскаго.* Два тома. Ц. 2 р. 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды *Том. Карлейля.* Ц. 1 р. 50 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. Ц. 50 к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos'a.* Съ 16-ю порт. Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ. *Э. Белами.* Съ приложеніемъ очерка *Рише*: «Куда мы идемъ?» 3-е изд. Ц. 1 р.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ *М. К. Малышева.* Ц. въ папкѣ 50 к.

Альбомъ къ «Сочиненіямъ Пушкина»: 44 иллюстраціи. Цѣна въ переплетѣ—1 р. 25 к.

Капитанская дочка. Повѣсть *Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ перепл. 1 р.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 16 рис. Ц. 5[illegible] к.

Исторія французской революціи. *И. Карно.* Переводъ съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Исторія религіи. Проф. *Мензиса.* Съ англійскаго. Ц. 1 р.

Исторія культуры. *Липперта.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 83 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 60 к.

Исторія семьи. *Липперта* (автора «Исторія культуры»). Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 75 к.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собр. въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. 4-е изд. Ц. 1-томнаго и 10-томнаго изд. одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 карт.—2 р. 50 к. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р.; для 10-томн. (въ 5 перепл. товъ) 1 р. и 2 р.

Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ одномъ и въ четырехъ томахъ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1-томное изданіе—1 р. 40 к. и 2 р. 4-хъ томное въ двухъ перепл.—1 р. 50 к. и 2 р.

Представительное правленіе. *Дж. Стюарта Милля.* Ц. 60 к.

Забота. Романъ *Г. Зудермана.* Ц. 60 к.

Долой оружіе! Антивоен. ром. *Б. Зутнеръ.* Ц. 80 к.

Голодъ. Романъ. *Гамсуна.* Ц. 60 к.

Счастье и трудъ. *Мантегацца.* 3-е изд. Ц. 60 к.

Путь къ счастью. Сост. *Фрид. Кирхнеръ.* Ц. 60 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія для старшихъ клас. гимназій и книга для домаш. чтенія. *А. Цвѣткова.* Ц. 3 р., въ пер. 3 р. 75 к.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Одиннадцать томовъ. Цѣна каждаго—1 р.

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусства. *Макса Нордау.* 585 стр. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи папъ). Истор. романъ. *Постери.* Ц. 1 р.

Конецъ міра. Астроном. романъ. *К. Фламмаріона.* Съ 80 рисунками. Ц. 60 к.

Въ небесахъ (Uranie). Астроном. ром. *К. Фламмаріона.* Съ 89 рисунками. 3-е изд. Ц. 75 к.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1892 гг.). *А. М. Скабичевскаго.* 3-е изд. Съ 52 портретами. Ц. 2 р.

Исторія рус. цензуры. *А. М. Скабичевскаго.* Ц. 2 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 3-е изд. Ц. за два тома—3 р. Перепл. въ 1 р. и 50 к. Томъ 3-й ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ двухъ большихъ томахъ. Цѣна 2 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. 2 тома. Съ порт. автора. 2-е изд. Ц. 3 р.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ И. С. Тургенева. Ц. 15 к.

Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ *Н. К. Михайловскаго.* Ц. 1 р.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Переводъ съ нѣм. *Э. Зауэръ.* 4-е изд. Ц. 1 р.

Больная любовь. Гигіенич. романъ *П. Мантегацца.* 2-е изд. Ц. 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Проф. *Гольцендорфа*. Ц. 75 к.
Въ трущобахъ Англіи. *Бутса*. Ц. 1 р.
Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно изложенные и объясненные. Состав. *В. Фармаковскій*. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.
Очерки самоуправленія (земскаго, городского и сельского). *С. Приклонскаго*. Ц. 2 р.
Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки. *И. Тимощенкова*. Ц. 1 р.
Брюхо Петербурга. Общественно-физiологическiе очерки. *А. Бахтiарова*. Ц. 1 р. 50 к.
Исторiя книги на руси. *А. Бахтiарова*. Съ многими рисунками. Ц. 1 р. 50 к.
Русскiе фланеры въ Парижѣ. *Н. А. Попова*. 2-е изд. Ц. 1 р.
По градамъ и весямъ. Романъ *Вологдина* (П. Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.

Популярно-научныя книги.

Мозговая работа и переутомленіе. *Блекка*. Переводъ съ англійскаго. Ц. 30 к.
Ботаникъ-любитель. *Фэдо*. Перев. съ франц. подъ редакціей и со многими дополненіями профессора *В. Я. Добровлянскаго*. Около 200 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.
Популярная біологія. *В. Лункевича*. Бол. томъ съ 208 полит. и табл. раскраш. рис. Ц. 2 р.
Химикъ-любитель. *Фэдо*. Практическое знакомство съ химіей посредствомъ простыхъ опытовъ. Съ франц. Ц. 1 р.
Новѣйшія химическія теоріи. *Этара*. Переводъ съ французскаго *Б. Билита*. Съ 58 рис. Ц. 75 к.
Живописная астрономія. *Фламмаріона*. Съ 382 политипажами въ текстѣ и раскрашенными рисунками. Переводъ *Е. Предтеченскаго*. Ц. 3 р.
Автобіографія земли. *Гетчинсона*. Популяр. картина геологич. образованія земли. 63 рис. Перев. съ англ., съ дополн. *М. А. Энгельгардта*. Ц. 80 к.
Очеркъ психологіи. *Вундта*. Перев. съ нѣмецк. *Г. Паперна*. Ц. 75 к.
Женщина передъ судомъ современной науки. *Жака Лурбе*. Перев. съ франц. *Е. Предтеченскаго*. Ц. 30 к.
Кометы и падучія звѣзды. Популярныя бесѣды. *Е. Предтеченскаго*. Съ 26 рис. Ц. 40 к.
Экономическая система Карла Маркса. Проф. Вѣнскаго универс. *Гросса*. Попул. очеркъ. Ц. 20 к.
Представительное правленіе. *Д. Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *Р. И. Сементковскаго*. Ц. 60 к.
Психическіе факторы цивилизаціи. *Л. Уорда*. Пер. съ англійск. *Л. Давыдова*. Ц. 80 к.
Соціологія. *Шарля Летурно*. Перев. подъ ред. и съ предисл. проф. *А. С. Трачевскаго*. Ц. 1 р. 50 к.
Антропологія. *Кржживицкаго*. Перев. подъ ред. *Р. И. Сементковскаго*. Съ рисун. Ц. 1 р. 50 к.
Физіологія страстей. *Ш. Летурно*. Переводъ Д-ра *В. В. Святловскаго*. Ц. 1 р.
Семь новѣйшихъ чудесъ свѣта. *Ч. Кента*. Перев. съ англійскаго. *Д. Головъ*. 109 рис. Ц. 1 р.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима*. Перевелъ баронъ Корфъ. Ц. 75 к.
Наука о жизни. Популярная физіологія человѣка. *В. Лункевича*. Съ 91 рис. Ц. 1 р.
Духовный прогрессъ и счастье. Психологическое изслѣдованіе. *Лоскутова*. Ц. 1 р.
Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. *С. Сигеле*. 116 стр. 2-е изд. Ц. 30 к.
Пессимизмъ. Сочиненія *Джемса Сёлли*. Популяр. обзоръ всѣхъ пессимистич. ученій. Съ англ. подъ ред. *В. Яковенко*. Ц. 1 р. 50 к.
Который часъ? *Вавилова*. Популярн. руков. для повѣрки всякихъ, обыкновенныхъ, и устройства солнечн. часовъ. 2-е изд. 13 рис. Ц. 30 к.
Философія Герберта Спенсера, въ сокращен. изложеніи *Коллинза*. Съ предисл. *Г. Спенсера*. Переводъ съ англ. *П. Мокіевскаго*. 2-е русское изданіе, дополненное по 3 англ. изд., съ прибавленіемъ сокращ. изложенія всѣхъ вновь вышедш. частей «Синтетической философіи». Ц. 2 р.
О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки, *Пейо*. Пер. съ фр. *М. Энгельгардта*. Ц. 50 к.
Характеръ и нравст. воспитаніе. *Кейра*. Перев. съ фр. подъ ред. *Р. И. Сементковскаго*. Ц. 40 к.
Этика (Ученіе о нравственности). Профессора *Маккензи*. Переводъ съ англійскаго. Ц. 1 р.
Общедоступная анатомія и физіологія человѣка и животныхъ, *Э. Ретерера*, проф. Париж. универ. Перев. со 2-го франц. изд. д-ръ *Г. А. Паперна*, съ 380 рис. и 6-ю раскраш. таблиц. Ц. 2 р.
Психологія чувствъ. Сост. *Рибо*. Ц. 80 к.
Законы подражанія. Пер. съ фр. *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к.
Домаш. опредѣл. поддѣлокъ. *Альмедингена*. Ц. 60 к.
На всякій случай! Научно-практич. совѣты сельскимъ хоз. *А. Альмедингена*. Ч. 1-я, 2-е изд. Ц. 50 к.
На всякій случай! *Его-же*. Ч. 2-я. Ц. 50 к.
Гигіена семьи. *Гебера*. Перев. съ нѣм. Ц. 50 к.
Берегите легкія. Гигіеническія бесѣды. Д-ра *Нимейера*. Съ 30 рисунками. 2-е изд. Ц. 75 к.
Уходъ за больными дѣтьми. *Э. Перье*. Ц. 50 к.
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ прим. къ обыденной жизни. Д-ра *Эйдама*. 7 рис. Ц. 40 к.
Дѣтскій докторъ. Попул. руков. для матерей и воспит. *Д-ра Варіо*. Съ франц. подъ ред. проф. *Пономарева*. Съ рис. Ц. 1 р.
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Д-ра *Мигулы*. Перев. съ нѣмец. Съ 35 рис. Ц. 1 р.
Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Переводъ съ французск. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора.). *А. Брема*. Дополненіе къ его соч. «Жизнь животныхъ». Съ многими рисунками. Ц. 2 р.
Настоящее и прошлое земли. Популярная геологія. *В. К. Агафонова*. Съ 237 рис. Ц. 2 р.
Первобытные люди. *Дебьера*. Перев. съ франц. и дополнилъ *М. Энгельгардтъ*. Съ 84 рис. Ц. 1 р.
Фабричная гигіена. Д-ра *Святловскаго*. (Одобрена М. Н. Пр. для учительскихъ библіотекъ средн. и низш. училищъ и ремесл. училищъ нормальнаго типа. 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.
Усталость. Попул.-науч. бесѣды проф. *А. Моссо*. Пер. *М. Манасеиной*. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящ. и будущ. *А. Ланге*. Перев. съ нѣмец. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.
Основы политической экономіи. *Шарля Жида*. Профес. политич. экономіи на юридич. факул. въ Монпелье. Перев. съ французск. Ц. 1 р. 25 к.

Физiологическая психологiя. *Цигена.* Перев. подъ редакцiей проф. *В. Чижа.* Съ 21 рис. Ц. 75 к.
Психологiя народовъ и массъ. *Густава Лебона.* Перев. съ франц. Ц. 1 руб.
Психологiя характера *Ф. Полана.* Пер. съ франц. подъ ред. *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 75 к.
Звѣздный мiръ. Популярно-астрономич. бесѣды. *Е. Предтеченскаго.* Съ рис. Ц. 30 к.
Разсказы о небѣ. *К. Фламмарiона.* Перев. *Е. Предтеченскаго.* Съ 64 рис. Ц. 50 к.
Гигiена женщины. Д-ра *Тило* 2-е изд. Ц. 40 к.
Уходъ за больными въ семьѣ. *Энцлера.* Ц. 50 к.
Гигiена дѣтства. Д-ра *Перье.* Ц. 50 к.
Записки желудка. Съ англiйскаго. Ц. 50 к.
Электричество въ природѣ. *Жоржа Дари.* Перев. съ франц. *Д. Голова.* Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Мiръ грёзъ. Д-ра *Симона.* Сновидѣнiя, галлюцинацiи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ. Съ фр. Ц. 1 р.
Физiологiя души. *А. Гериена,* профес. Лованскаго универс. Пер. съ французк. 2-е изд. Ц. 75 к.
Эйфелева башня. *Г. Тисандье.* Съ 34 рис. Ц. 50 к.
Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Пер. съ 5-го итал. изд. *д-ра Лейненберга* Ц. 1 р. 50 к.
Душевныя движенiя. Популярно-научный очеркъ. Д-ра *Ланге.* Пер. съ франц. и нѣмецк. Ц. 40 к.
Свѣтъ Божiй. Популярные очерки мiровѣдѣнiя. 7-е изд. съ 65 рис. Ц. 30 к.
Общедоступная астрономiя. *К. Фламмарiона.* Пер. съ фр. *В. Черкасова.* 100 рис. 4-е изд. Ц. 70 к.
Телефонъ и его практич. примѣненiя. *Майера* и *Присса.* Пер. *Д. Головъ.* Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Электрическiе элементы. Соч. *Нiоде.* Перев. и дополнилъ *Д. Головъ.* Съ 102 рис. Ц. 2 р.
Электрическiе аккумуляторы. *Э. Ренье.* Перев. и дополнилъ *Д. Головъ.* Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Электрическое освѣщенiе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Домашнее электрич. освѣщенiе и уходъ за аккумулятор. *Сэломесна.* Съ англ. 18 рис. Ц. 1 р. 25 к.
О безопасности электрическаго освѣщенiя. *В. Чиколева.* Ц. 25 к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье.* Переводъ *Ф. Павленкова, В. Черкасова* и *С. Степанова.* 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Главнѣйшiя приложенiя электричества. *Э. Госпиталье.* Съ 143 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Электрическая передача энергiи. (Передача силы на разстоянiе). *Каппа.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 60 к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Съ 157 рис. Ц. 2 р.
Электрическiе звонки. *Боттона.* Съ свѣд. о воздуш звонкахъ. 121 рис. 2-е дополнен. изд. Пер. съ англiйскаго. *Головъ.* Ц. 1 р.
Воспитанiе воли. *Ж. Пейо.* Переводъ съ франц. *М. А. Шишмаревой.* Ц. 75 к.
Соцiальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философiи. *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Психологiя вниманiя. *Рибо.* Съ фр. 2 изд. Ц. 30 к.
Психологiя великихъ людей. *Жоли.* Съ франц. 3-е изд. Ц. 60 к.
Современные психопаты. *Кюллера.* Съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
Гениальность и помѣшательство. *Ц. Ламброзо.* Съ портр. автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р.
Вред полев. насѣкомыя. *Иверсена.* 43 рис. Ц. 80 к.
Хлѣбный жукъ. Съ 3 рис. *Барона Н. Корфа* Ц. 10 к.
Огородничество. Практич. наставл. для народн. учителей. *Ф. Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.
Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго.* Съ 73 рис. 2-е изд. Ц. 60 к.

Для дѣтей и юношества.

Ручной трудъ. *Графиньи.* Руководство къ домашн. занятiямъ ремеслами. Пер. съ фр. Съ 375 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пап.—1 р. 75 к., въ пер. 2 р.
Правители и мыслители. Бiографическiе очерки *Е. Ѳ. Литвиновой.* Съ портретами. Ц. 1 р.
Научныя забавы. *Федо.* Съ 128 рис. въ текстѣ. Ц. 60 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.
Ботаникъ-любитель. *Федо.* Переводъ съ фр. подъ ред. Профес. *В. Доброволянскаго.* 200 рис. Ц. 1 р.
Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.
Иллюстрированныя сказки Андерсена. Полное собранiе въ 6 томахъ. Съ 530 рисунк. Перев. *Б. Порозовской.* Цѣна каждаго тома 60 коп., въ папкѣ 75 коп., въ переплетѣ по 3 тома—2 р. 50 к.
Русскiя народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловiемъ И. С. Тургенева. Множ. рис. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.
На землѣ и подъ землей. Изъ воспом. всемiрнаго путешественника. *В. Галузнева.* Съ рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Блуждающiе огоньки. Сборникъ дѣтск. разсказовъ. *Бажиной.* Со мног. рис. Ц. 1 руб., въ папкѣ — 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.
Два проказника. Шуточн. разск. въ стихахъ. *В. Буша* Съ нѣмецк. 100 рис. 2-е изд. Ц. 50 к.
Черные богатыри. *Е. Конради.* Съ 55 рисунками. Цѣна 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к.
Иллюстрированные романы Диккенса, въ сокращ. перев. *Л. Шелгуновой:* 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большiя надежды, 5) Нашъ общiй другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Цѣна каждаго ром. 40 к. Въ пап. 50 к. въ перепл. по 6 ром.—3 р. 25 к.
Къ свѣту. Разсказы *В. Огаркова.* Съ 27 рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 60 к.
Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова.* Съ 46 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 50 к., пер. 2 р.
Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта, въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой:* 1) Веверлей, 2) Антикварiй, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ, 11) Певериль Пикъ, 12) Пресвитерiане, 13) Пертская красавица, 14) Аббатъ, 15) Монастырь, 16) Пиратъ, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Ричардъ Львиное Сердце, 19) Обрученные, 20) Черный Карликъ, 21) Приключенiя Нигеля, 22) Редгантлетъ; 23) Робертъ, Графъ Парижскiй, 24) Сенъ-Ронанскiя воды, 25) Опасный замокъ и Два пастуха. Ц. каж. том. 40 к., въ пап. 50 к., въ перепл. по 5-ти ром. Ц. 2 р. 80 к.
Дѣтскiй маскарадъ *Азбелева.* 16 рис. Ц. 20 к.

Подружка. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. *Бостромъ*. Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ—1 р., въ перепл.—1 р. 30 к.

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* 135 рис. Ц. 1 р. 25 к. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рис. 3-е изд. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключ. *Гейбнера.* Съ 107 рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.

Математ. софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5 и т. п. *Обреимова.* Ц. 40 к.

Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* 3-е изд. Съ 52 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ пер 1 р. 30 к.

Наглядныя несообразности (Дѣтскія задачи въ карт.). *Ф. Павленкова.* 10 лист. (на кажд. по 20 рис.). Ц. 1 руб.—«Объясненія», къ нимъ: на франц., нѣмецк. и англ. языкахъ», каждое—Ц. 5 к.

Научныя забавы. *Федо.* Перев. съ фр. *Е. Предтеченскаго.* 128 рис. Ц. 60 к. въ пер. 1 р. 10 к.

Донъ-Кихотъ. *Сервантеса.* Сокращен. перев. для юношества. Съ 43 рис. Ц. 50 к., въ папкѣ—60 к., въ перепл.—90 к.

Математ. развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ фр. Съ 55 фиг. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 75 к.

Тройная головоломка. *Обреимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. Ц. 1 р.

Чрезъ дебри и пустыни. *Ворисгофера.* Съ иллюстр. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

Сказочная страна. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. 2-е изд. Ц 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

Приключеніе контрабандиста. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к. въ перепл. 2 р. 25 к.

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Пер. подъ ред. *Ф. Павленкова.* 55 рис. 4 изд. Ц. 1 р. 25 к., въ пер. 2 р.

Вечерніе досуги. *Круглова.* Съ 70 рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Перев. подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 353 рис. 4-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.

Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. *П. Засодимскаго.* Ц. кажд. кн. 35 коп.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 13 рисунками. Ц. 50 к.

Живыя картинки. *А. Смирнова.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

Янки Вологодскаго уѣзда. *Круглова.* Ц. 25 к.

Незабудки. *А. Круглова.* Сборн. разск. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

Несчастливцы. *Э. Кандеза.* Съ 56 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

20 біографій образцовыхъ русск. писателей. *В. Острогорскаго.* Съ 20 портрет. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р.

Приключенія сверчка. *Э. Кандеза.* Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 50 к.

Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Перев. подъ ред. проф. *И. Мечникова.* 345 рис. 3 изд., съ порт. авт. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к., въ перепл. 1 р. 50 к.

Учебныя руководства и пособія.

Руководство къ рисованію акварелью. *Лакассаня.* 120 политип. и 6 акварелей, 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.

Алгебра. *Тодгентера.* Ц. 2 р. 50 к.

Практич. геометрія. *Заблоцкаго.* Съ 300 черт. Ц. 60 к.

Основы химической технологіи. *Селезнева.* Съ 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Полный курсъ физики. *А. Гано.* Перев. *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. 1363 рис., 170 задачъ, 2 таб. спектровъ, метеорологія и краткая химія. Ц. 4 р.

Учебникъ химіи. *Альмедингена.* 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.

Самостоятельныя работы въ начальной школѣ *Т. Лубенца.* 3-е дополненное изд. Ц. 15 к.

Сборникъ самостоят. упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для ученик. *Житкова.* 5-е изд. Ц. 25 к.

Общепонятная геометрія. *Потоцкаго.* 143 фиг. Ц. 40 к.

Методика ариѳметики. *Житкова.* 5-е изд. Ц. 75 к.

Сборникъ ариѳметич. задачъ съ учителемъ. Прилож. къ «Методикѣ ариѳметики». *Житкова.* Ц. 40 к.

Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е изданіе, съ 10-ю раскрашенными картами и 82 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *Кузнецова.* Ц. 1 р.

Родная азбука. *Ф. Павленкова.* 10-е изд. съ 200 рис. Ц. 5 к.

Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* 800 рис. 16-е изд. Ц. 20 к.

Объясненіе къ «Наглядной азбукѣ». *Ф. Павленкова.* 7-е изданіе. Ц. 15 к.

Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова.* 10-е изд. 100 рис. Ц. 1 к.

Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія. Съ прил. церк.-славянской грамоты и многими рис. *Т. Лубенца.* 1-й годъ. Ц. 30 к., 2-й годъ Ц. 40 к. 3-й годъ—40 к.

Руководство къ «Зернышку». *Т. Лубенца.* Ц. 50 к.

Элемент. грамматика русск. языка. *Чудинова.* Ц. 50 к.

Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к.

Руководитель для воскресныхъ школъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 50 к.

Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 60 к.

Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Сост. бар. *Н. А. Корфъ.* 17-е изд., съ 200 рис. и портретами. Ц. 75 к.

Наглядно звуковыя прописи. *Ф. Павленкова:* 1) къ «Родному слову» Ушинскаго (400 рис.); 2) къ азбукѣ Бунакова (400 рис.); 3) къ «Первой учебной книжкѣ» Паульсона (430 рис.); 4) Общія наглядно-звуковыя прописи (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.

Курсъ нач. механики *Рыкачева.* 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 274 рис. въ текстѣ. 2-е изд. Ц. 75 к.

Иллюстрированная хрестоматія. *А. Тарнавскаго.* Для низш. учебныхъ заведеній и млад. классовъ гимназій. Съ 80 рис. и портр. 1-е изд. Ц. 60 к.

Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. 20 к. «Замѣтки для учителя», обучающаго по этой книжкѣ—10 к.

Церковно-славян. букварь. *Лубенца.* 2-е изд. Ц. 5 к.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ съ доставкой—въ Московскомъ отдѣленіи конторы «Русскаго Богатства» или черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи **не позже**, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ** бандероли или сообщать его №.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—**50** к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.

2) Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью.

3) Непринятыя рукописи хранятся въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока рукописи уничтожаются.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

[15]

RUSSKOE BOGATSTVO.
May, 1898

AP
50
.R94

Russkoe bogatstvo.
May, 1898

